

**ВЕСТНИК
Томского государственного университета
2020. № 459. Октябрь**

• ФИЛОЛОГИЯ
• ФИЛОСОФИЯ
• СОЦИОЛОГИЯ
И ПОЛИТОЛОГИЯ
• ИСТОРИЯ
• ПЕДАГОГИКА
• ПРАВО

• PHILOLOGY
• PHILOSOPHY
• SOCIOLOGY
AND POLITICAL SCIENCE
• HISTORY
• PEDAGOGICS
• LAW

**TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL
2020. № 459. October**

*Свидетельство о регистрации СМИ № 018694
выдано Госкомпечати РФ 14 апреля 1999 г.*

Подписной индекс в объединённом каталоге «Пресса России» 46740

Учредитель – Томский государственный университет

НАУЧНО-РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Э.В. Галажинский, д-р психол. наук, проф. (председатель);
И.В. Ивонин, д-р физ.-мат. наук, проф. (зам. председателя);
В.В. Демин, канд. физ.-мат. наук, доц. (зам. председателя);
Н.А. Глущенко, канд. ист. наук, доц. (отв. секретарь);
В.Н. Берцун, канд. физ.-мат. наук, доц.; **Е.В. Борисов**, д-р филос. наук, проф.; **Д.С. Воробьев**, канд. биол. наук, доц.;
С.Н. Воробьев, канд. биол. наук, ст. науч. сотр.; **А.А. Глазунов**, д-р техн. наук, проф.; **А.М. Горцев**, д-р техн. наук, проф.;
С.К. Гураль, д-р пед. наук, проф.; **Т.А. Демешкина**, д-р филол. наук, проф.; **Ю.М. Ершов**, д-р филол. наук; **В.П. Зиновьев**, д-р ист. наук, проф.; **Д.А. Катунин**, канд. филол. наук, доц.;
А.Г. Коротаев, канд. физ.-мат. наук, ст. науч. сотр.; **И.Ю. Малкова**, д-р пед. наук, проф.; **В.П. Пarnачев**, д-р геол.-минерал. наук, проф.; **О.В. Петрин**, директор Издательского Дома Томского государственного университета; **Т.С. Портнова**, канд. физ.-мат. наук, доц., директор Издательства НТИ;
А.И. Потекаев, д-р физ.-мат. наук, проф.; **Л.М. Прозументов**, д-р юрид. наук, проф.; **З.Е. Сахарова**, канд. экон. наук, доц.;
Ю.Г. Сликов, канд. хим. наук, доц.; **В.С. Сумарокова**, директор Издательства ТГУ; **С.П. Сущенко**, д-р техн. наук, проф.;
П.Ф. Тарасенко, канд. физ.-мат. наук, доц.; **Г.М. Татьянин**, канд. геол.-минерал. наук, доц.; **В.А. Уткин**, д-р юрид. наук, проф.; **О.Н. Чайковская**, д-р физ.-мат. наук, проф.;
Э.И. Черняк, д-р ист. наук, проф.; **В.Г. Шилько**, д-р пед. наук, проф.; **Э.Р. Шрагер**, д-р техн. наук, проф.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор –

В.П. Зиновьев,
д-р ист. наук, профессор

Заместители главного редактора:

Е.В. Борисов,
д-р филос. наук, профессор
Т.А. Демешкина,
д-р филол. наук, профессор
В.А. Уткин,
д-р юрид. наук, профессор

Ответственный секретарь –
Н.А. Глущенко,
канд. ист. наук, доцент

И.А. Айзикова,
д-р филол. наук, профессор
Р.Л. Ахмедшин,
д-р юрид. наук, профессор
Д.А. Катунин,
канд. филол. наук, доцент
Л.М. Прозументов,
д-р юрид. наук, профессор
П.П. Румянцев,
канд. ист. наук, доцент
А.Ю. Рыкун,
д-р социол. наук, профессор
В.А. Суровцев,
д-р филос. наук, профессор
В.Г. Шилько,
д-р пед. наук, профессор

Журнал индексируется в базе данных Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index.
Журнал индексируется в базе данных Russian Science Citation Index on Web of Science.

The Journal is indexed in the Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index.
The Journal is indexed in the Russian Science Citation Index on Web of Science.

Журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, входящих в международные реферативные базы данных и системы цитирования, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук», Высшей аттестационной комиссии.

Founder – Tomsk State University

EDITORIAL COUNCIL OF TOMSK STATE UNIVERSITY

E. Galazhinsky, Dr. of Psychology, Professor (Chairman);
I. Ivonin, Dr. of Physics and Mathematics, Professor (Vice Chairman); **V. Demin**, PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor (Vice Chairman); **N. Glushchenko**, PhD in History, Associate Professor (Executive Editor); **V. Bertsun**, PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor; **Ye. Borisov**, Dr. of Philosophy, Professor; **D. Vorobyov**, PhD in Biology, Associate Professor; **S. Vorobyov**, PhD in Biology, Senior Researcher; **A. Glazunov**, Dr. of Engineering, Professor; **A. Gortsev**, Dr. of Engineering, Professor; **S. Gural**, Dr. of Education, Professor; **T. Demeshkina**, Dr. of Philology, Professor; **Yu. Yershov**, Dr. of Philology; **V. Zinoviev**, Dr. of History, Professor; **D. Katunin**, PhD in Philology, Associate Professor; **A. Korotaev**, PhD in Physics and Mathematics, Senior Researcher; **I. Malkova**, Dr. of Pedagogy, Professor; **V. Parnachev**, Dr. of Geology and Mineralogy, Professor; **O. Petrin**, Head of Tomsk State University Publishing House; **T. Portnova**, PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor, Director of Scientific and Technical Literature Publishing House; **A. Potekaev**, Dr. of Physics and Mathematics, Professor; **L. Prozumentov**, Dr. of Law, Professor; **Z. Sakharova**, PhD in Economics, Associate Professor; **Yu. Slizhov**, PhD in Chemistry, Associate Professor; **V. Sumarokova**, Director of TSU Publishing House; **S. Sushchenko**, Dr. of Engineering, Professor; **P. Tarasenko**, PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor; **G. Tatianin**, PhD in Geology and Mineralogy, Associate Professor; **V. Utkin**, Dr. of Law, Professor; **O. Chaikovskaya**, Dr. of Physics and Mathematics, Professor; **E. Chernyak**, Dr. of History, Professor; **V. Shilko**, Dr. of Education, Professor; **E. Shrager**, Dr. of Engineering, Professor

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief

Vasiliy P. Zinoviev,
Doctor of History, Professor

Deputy Editors-in-Chief

Evgeny V. Borisov,
Doctor of Philosophy, Professor
Tatiana A. Demeshkina,
Doctor of Philology, Professor
Vladimir A. Utkin,
Doctor of Law, Professor

Executive Editor

Nikita A. Glushchenko,
PhD in History, Associate Professor

Irina A. Aizikova,
Doctor of Philology, Professor

Ramil L. Akhmedshin,
Doctor of Law, Professor
Dmitry A. Katunin,
PhD in Philology, Associate Professor

Lev M. Prozumentov,
Doctor of Law, Professor

Petr P. Rumyantsev,
PhD in History, Associate Professor

Artem Yu. Rykun,
Doctor of Sociology, Professor

Valery A. Surovtsev,
Doctor of Philosophy, Professor

Victor G. Shilko,
Dr. of Education, Professor

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОЛОГИЯ

Белов В.А. Семантическая деривация имен существительных	5
Борисов С.А., Пилипенко Г.П. Чешско-сербско-румынские языковые контакты в румынском банате на материале полевого исследования	15
Зурабова Л.Р. Корпусное исследование субдиалекта шиак провинции Нью-Брансуик (Канада): характеристики лексико-грамматической системы при переключении языковых кодов	27
Каюмова А.Р., Коноплева Н.В. Особенности употребления фразеологических единиц в онлайн-комментариях к англоязычным электронным газетным статьям	39
Козлов А.Е. «Сибирские литературные воспоминания» Н.М. Ядринцева: память жанра и конструирование идентичности	46
Фолимонов С.С. Функции анафоры в композиционной структуре стихов И.В. Северянина	52

ФИЛОСОФИЯ

Балаклец Н.А., Фаритов В.Т. Феномен границы в контексте европейской постметафизической философии: К. Хаусхофер и Ф. Ницше	61
Бильченко Е.В. Философия как модель диалога: концепт «смерти Отца» в коннотациях современной гуманитаристики	68
Иванов А.Г. Мифологизация времени: теоретические основания и современная специфика	80
Кокаревич М.Н. Основные модели развития архитектурно-художественного проектирования	88
Селиванова С.Г. Антропологические аспекты имени собственного в логике ранних стоиков	94

СОЦИОЛОГИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ

Бюраева Ю.Г., Пискунов Е.Ю. Миграционные установки студенческой молодежи дальневосточного региона (на материалах Республики Бурятия)	98
Голофаст А.В. Синергетика политических процессов	107
Кондратенко К.С. Элементы теории рационально-смысловых систем	113
Подшибякина Т.А. Когнитивная коммуникация памяти и идеологии в аттитюдах студентов: возможен ли количественный нарративный анализ?	119

ИСТОРИЯ

Кирьянов В.П. Сравнительные характеристики оптических прицелов Красной армии и вермахта времен Второй мировой войны	127
Колесникова С.Ю., Девякович А.А. Рыболовецкая и календарная лексика селькупов. Методология исследования	132
Пискунов М.О. «Большая» история Академгородка: историографическое поле и перспективы культуральной истории советских городов науки	140
Расколец В.В., Сорокин А.Н. Некоторые проблемы развития науки в Томском государственном университете в 1991–1999 гг. (по материалам газеты «Alma Mater»)	148
Шаров К.С. Византийская политическая и религиозная ортодоксия в цивилизационной теории Исаака Ньютона	161
Шульц Э.Э. К вопросу о методах и подходах в изучении Русской революции	171

CONTENTS

PHILOLOGY

Belov V.A. Semantic Derivation of Nouns	5
Borisov S.A., Pilipenko G.P. Czech-Serbian-Romanian Language Contacts in Romanian Banat Based on a Field Research	15
Zurabova L.R. A Corpus-Based Study of Grammatical and Lexical Features of Chiac (New Brunswick, Canada) as a Contact Variety with Code-Switching	27
Kayumova A.R., Konopleva N.V. The Peculiarities of the Use of Idioms in Comments to English-Language Online Newspaper Articles	39
Kozlov A.E. “Siberian Literary Memories” of Nikolai Yadrintsev: Genre Memory and Identity Construction	46
Folimonov S.S. Functions of Anaphoras in the Compositional Structure of Igor Severyanin’s Poems	52

PHILOSOPHY

Balakleets N.A., Faritov V.T. The Phenomenon of the Border in the Context of European Post-Metaphysical Philosophy: Karl Haushofer and Friedrich Nietzsche	61
Bilchenko Ye.V. Philosophy as a Model of Dialogue: The Concept “Death of Father” in the Connotations of the Contemporary Humanities	68
Ivanov A.G. Time Mythologization: Theoretical Foundations and Contemporary Specifics	80
Kokarevich M.N. Architectural and Artistic Design: Basic Models of Development	88
Selivanova S.G. Anthropological Aspects of the Proper Name in the Logic of the Early Stoics	94

SOCIOLOGY AND POLITICAL SCIENCE

Byuraeva Yu.G., Piskunov E.Yu. The Migrational Intentions of Student Youth of the Far Eastern Region (On the Materials of the Republic of Buryatia)	98
Golofast A.V. Synergetics of Political Processes	107
Kondratenko K.S. Elements of the Theory of Rational-Sensible Systems	113
Podshibyakina T.A. Cognitive Communication of Memory and Ideology in Student Attitudes: Is Quantitative Narrative Analysis Possible?	119

HISTORY

Kirianov V.P. Comparative Characteristics of the Optical Sights of the Red Army and the Wehrmacht During the Second World War	127
Kolesnikova S.Yu., Deviakovich A.A. Fishing and Calendar Vocabulary of the Selkup Language. Methodology of Research	132
Piskunov M.O. Akademgorodok’s “Big” History: Soviet Science Cities Historiography and Perspectives for Cultural History	140
Raskolets V.V., Sorokin A.N. Some Problems of the Scientific Development of Tomsk State University in the Period from 1991 to 1999 (Based on Alma Mater)	148
Sharov K.S. Byzantine Political and Religious Orthodoxy as a Constituent of Isaac Newton’s Civilisation Theory	161
Shultz E.E. On Methods and Approaches in Russian Revolution Studies	171

Якуб А.В. Становление советского филателистического движения в 1917–1941 гг.: идентификация «свои» и «чужие» глазами современников	178
---	-----

ПЕДАГОГИКА

Аксютина З.А., Озерова О.А. Риски социального воспитания детей, обусловленные политическими репрессиями 30-х гг. XX в.	187
Богданова Е.Л., Богданова О.Е., Киселев С.Ю. Современные тенденции развития практик оценивания в дошкольном образовании: функциональные возможности педагогической диагностики	195
Буримская Д.В. Педагогические подходы к обучению профессионально-ориентированному иностранному языку на базе ИКТ	205
Пашченко Л.Г. Оценка вовлеченности в деятельность по выполнению нормативов испытаний комплекса ГТО студентов вуза	213

ПРАВО

Антонов О.Ю. Получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами в России: сущность, этапы и пути совершенствования тактического обеспечения	221
Болтанова Е.С. Понятие эколого-правового механизма и его элементы	230
Казарина М.И. Отвод и самоотвод судьи как гарантия независимости судей	235
Кравец И.А. «Человек достойный» («homo dignus») в современном конституционализме и в правовом регулировании статуса личности (отечественный, сравнительный и международный аспекты)	242
Рукавишникова А.А. Основания изменения и отмены итоговых судебных решений по уголовным делам в кассационных судах общей юрисдикции	256

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	263
--	-----

Yakub A.V. Formation of the Soviet Philatelic Movement in 1917–1941: Identification of “Friends” and “Foes” Through the Eyes of Contemporaries	178
---	-----

PEDAGOGICS

Aksyutina Z.A., Ozerova O.A. Risks of Children’s Social Upbringing Caused by the Political Repression of the 1930s	187
Bogdanova E.L., Bogdanova O.Ye., Kiselev S.Yu. Current Developmental Tendencies of Assessment Practices in Preschool Education: Functions of Pedagogical Assessment	195
Burimskaya D.V. Pedagogical Approaches of Teaching ESP Based on ICT	205
Pashchenko L.G. Assessment of University Students’ Engagement in the Implementation of Test Standards of the GTO Complex	213

LAW

Antonov O.Yu. Acquiring Information on Connections Between Subscribers and/or Subscriber Devices in Russia: Essence, Stages and Ways to Improve Tactical Support	221
Boltanova E.S. The Environmental Law Mechanism: Concept and Elements	230
Kazarina M.I. Recusal and Self-Recusal of Judges as Guarantees of Their Independence	235
Kravets I.A. A “Worthy Man” (“Homo Dignus”) in Modern Constitutionalism and in the Legal Regulation of the Status of a Person (Domestic, Comparative and International Aspects)	242
Rukavishnikova A.A. Grounds for Changing and Cancelling Final Judgments on Criminal Cases in Cassation Courts of General Jurisdiction	256

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS IN RUSSIAN	263
---	-----

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 81'373

B.A. Белов

СЕМАНТИЧЕСКАЯ ДЕРИВАЦИЯ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

Обсуждается семантическая деривация имен существительных, которая недостаточно полно изучена в современной лингвистике. Для исследования использованы данные Национального корпуса русского языка, результаты эксперимента на толкование новых слов, статистика запросов поисковой системы «Яндекс» и сведения словарей русского языка. Исследование показало, что в основе семантической деривации лежит изменение обозначаемой словом ситуации в контексте высказывания.

Ключевые слова: семантическая деривация; лексическое значение; лексические изменения; имя существительное; ситуативная семантика.

Введение

Целью настоящей работы является изучение процессов семантической деривации в сфере имен существительных. Под семантической деривацией (понятие введено Д.Н. Шмелевым) понимаются отношения производности между разными значениями одного многозначного слова¹. Сущность и механизмы семантической деривации активно обсуждаются в современной лингвистике [1–9]. В рамках антропоцентрического подхода к языку механизмы семантической деривации связываются с описанием когнитивных моделей и схем. В основе языковых изменений лежат когнитивные процессы познания и использования языка [8–10]. Важную роль в семантической деривации играет выражение той или иной ситуации: «Основой семантического развития слова служит не только исходное, базовое значение, но и соответствующая прототипическая ситуация» [3. С. 108]. Вместе с тем часто акцент в исследовании семантической деривации сделан на изучении глагольной лексики, которая по категориальным и ситуативным свойствам значительно отличается от других частей речи. В вербоцентрическом подходе к языку глагольные лексемы представляют основу, семантический прообраз всего высказывания: «Предикат является главным определяющим элементом в структуре пропозиции постольку, поскольку ситуация определяется не объектами, в которой в ней участвуют, а теми отношениями, в которых они находятся» [11. С. 220]. Таким образом, связь глагольной семантики с ситуативным аспектом языка более очевидна. Так, в работах [3, 4] показано, что при семантической деривации глаголов изменяются семантические характеристики предиката и связанных с ним актантов (участников ситуации), которые представляют важные аспекты описываемой ситуации.

Разные семантические классы (особенно части речи) обладают различной способностью к изменениям: наиболее подвержена семантическим изменениям глагольная лексика [12], однако даже в пределах одной части речи возможны различия с этой точки зрения в зависимости от развития синонимических связей, принадлежности прототипической или периферийной части семантической категории [8].

Методология исследования

В настоящей работе применяется ситуативно-контекстуальный подход для объяснения процесса семантической деривации в сфере имен существительных, ситуативная семантика которых менее очевидна по сравнению с глаголом. Гипотеза исследования – семантическая деривация имени существительного обусловлена изменением обозначаемой словом прототипической ситуации под влиянием контекстуальной ситуации, представленной в высказывании. Прототипической ситуацией называется ситуация, «с которой связано исходное значение слова» и которая является «источником (поставщиком) материала для производных значений» [13. С. 39]. В отличие от предшествующих исследований акцент сделан не на моделях или типах семантических изменений (которые достаточно полно описаны в лингвистике), а на самом процессе изменения.

Следует сделать несколько замечаний о понятии *ситуация*, которое является многозначным в лингвистике. Выделяют денотативную (или реальную), сигнификативную (или языковую) и прагматическую (ситуацию общения) ситуации [14, 15]. Денотативная ситуация характеризуется принадлежностью к реальному миру и обозначает «куски» (кадры, фрагменты) действительности. Сигнификативная ситуация является языковым представлением денотативной ситуации (см.: [15]) и показывает «в языковом сознании некоторое типизированное событие» [14. С. 121]. Многократное повторение одних и тех же событий приводит к их типизации в сигнификативной ситуации [16]. В настоящей работе предметом анализа становится сигнификативная ситуация.

В исследовании используется материал современной речи, потому что он позволяет проследить хронологию языковых изменений с учетом экстралингвистических факторов, выявляя, «как происходило движение от одного значения к другому (или другим) внутри структуры слова» [17. С. 98].

Основным источником являются тексты из Национального корпуса русского языка (НКРЯ) и средств массовой информации. Также используются статистические данные поисковой системы «Яндекс» и сведения словарей русского языка, для анализа нескольких примеров применяются результаты экспе-

римента на толкование слов. В эксперименте приняли участие 45 человек, в основном студенты университета в возрасте от 19 до 35 лет, в том числе 24 женщины, 13 мужчин, еще 8 участников эксперимента не указали пол. Испытуемым предлагалось дать толкования 12 имен существительных, которые появились или изменили значение в последние пять лет. Отобранные слова касаются современных политических событий (*силовики, ополченцы, бандеровцы, Крым-наши*); данные слова активно употребляются в современной речи и, как представляется, могли изменить свое значение под влиянием нового контекстуального окружения. Все стимулы являются именами существительными, большая часть которых относится к конкретным именам, обозначающим людей по различным признакам (*ополченцы, бандеровцы*).

Результаты исследования

Наше исследование показывает, что в основе лексических изменений лежит процесс семантической актуализации нового значения слова в общей ситуации высказывания: новая ситуация, представленная в высказывании, постепенно закрепляется в значении самого слова. Этот процесс возможен при условии частотной реализации такой ситуации. Рассмотрим его на нескольких примерах.

Слово *бандеровец* активно используется в современном политическом дискурсе и СМИ. При этом оно низкочастотно (всего 160 употреблений лексемы в основном подкорпусе НКРЯ), поэтому не зафиксировано в толковых словарях русского языка. Однако в последнее время, под влиянием политических событий, частотность лексемы резко возрастает, о чем свидетельствует статистика ключевых слов в Яндексе. Например, в 2015 г. среднемесячное количество запросов составило 53 тысячи.

Как показывает статистика газетного подкорпуса НКРЯ, частотность употребления слова с 2013 г. резко возрастает, поэтому можно сделать вывод, что семантическая деривация сопровождается увеличением частотности употребления слова.

В текстах до 2013 г. слово употребляется преимущественно для описания событий Великой Отечественной войны (см. высказывание (1) из НКРЯ). Здесь реализуется значение, которое можно представить следующим образом: *участник националистической организации, главарем которой являлся Степан Бандера*.

(1) *Запившиеся до лютости бандеровцы схватили нестроевиков, истыкали их ножами, привязали веревками к буферу машины, выпустили из бака бензин, согнали селян «дывиться» и, выбрав самого здоровенного и мирного парняга, под оружием принудили его бросить спичку* (В. Астафьев. 1974).

Однако подавляющая часть современных употреблений реализует иное значение, связанное с обозначением украинских военных, радикально настроенных украинцев и даже в целом украинцев. В высказываниях (2–4) мы видим толкования испытуемых, которые они представили в ходе эксперимента, в примерах (5–7) – высказывания из газетного подкорпуса НКРЯ.

(2) *Бандеровцы – фашисты, укры, хохлы* (Исп. 23)².

(3) *Бандеровцы – борцы за освобождение украинского народа* (Исп. 11).

(4) *Бандеровцы – радикально настроенные сторонники новой власти Украины глазами властных органов РФ* (Исп. 2).

(5) *Бандеровцы разрушают памятники Ленина, а повстанцы Левобережья проводят свои митинги у подножия ленинских памятников* (А. Проханов. «Известия». 2014).

(6) *Политологи тут же раскинули свои крапленые карты, и выходило – коль русские нынче воюют с бандеровцами и фашистами, то, значит, пора появиться и Сталинграду* (В. Ворсобин. «Комсомольская правда». 2014).

(7) *На западе Украины есть попытки свержения местных властей, не устраивающих неонацистов и бандеровцев* (К. Волков. «Известия». 2014).

В формировании нового значения слова определяющую роль играют общий смысл высказывания, описываемая им ситуация, которая обуславливает соответствующую интерпретацию входящих в высказывание слов.

Отдельно отметим синонимические связи со словами *фашист, националист*, которые проявляются, в частности, в высказываниях (6–7). Подобные примеры позволяют проанализировать процесс семантической деривации, который приводит к расширению значения слова. Это слово в современных текстах СМИ употребляется в высказываниях, описывающих украинские события. Частотная реализация такой ситуации приводит к тому, что актуализированная в контексте ситуации становится характерной для самого слова. В дальнейшем, после завершения данного семантического процесса, возможна реализация новой ситуации изолированно, без контекстуального подкрепления: так, в эксперименте на толкование слов предъявление стимула без контекста реализует уже новое значение с соответствующей ситуацией.

Такой же процесс характерен для сужения значения, которое отмечается в примере слова *силовики*. Однако семантическая деривация этого слова характеризуется незавершенностью. Изменение значения этого слова фиксируется в 2014 г., в период российско-украинского политического кризиса. Данный пример удобен тем, что позволяет проследить процесс семантической деривации в развитии.

Слово *силовики* в русском языке появилось в 1990-х гг. для гипонимического обозначения представителей силовых ведомств (полиции, армии и спецслужб), однако, как показывает статистика запросов системы «Яндекс», рост его популярности приходится на период с 2014 г. При этом значительная часть употреблений слова в современных текстах касается описания российско-украинских политических событий, что приводит к изменению его значения. Статистика газетного подкорпуса НКРЯ демонстрирует, что частотность лексемы постепенно возрастает, а пик употреблений приходится на 2014 г., т.е. на период российско-украинского политического кризиса. Хотя увеличение частотности слова не такое резкое, как для лексемы *бандеровец*, что свидетельствует о

том, что семантическая деривация этого слова менее выраженная и незавершенная.

Сейчас слово стало активно употребляться в значении *украинские военные*, на что указывают результаты эксперимента и современные тексты: см. ответы участников эксперимента на толкование слов (8–9) и высказывания (10–11) из средств массовой информации, где реализуется новое значение.

(8) *Силовики – представители ВСУ – вооруженных сил Украины* (Исп. 1).

(9) *Силовик – украинские военные глазами властных органов РФ* (Исп. 18).

(10) *Украинские власти обвинили ополченцев в обстрелах городов и гибели шести силовиков за последние сутки. Самопровозглашенные ДНР и ЛНР обвиняют Киев в стрельбе по жилым районам* («РБК». 2015).

(11) *Со стороны силовиков погибли четверо военнослужащих внутренних войск, четверо «беркутовцев» и двое дорожных инспекторов* (И. Петров. «РБК Дейли». 2014).

Особая роль в создании новой ситуации отводится употреблению конкретизаторов ситуации, которые способствуют созданию общего смысла высказывания. В данном случае их функции выполняют словоопределение *украинский* и контекстуальные синонимические замены (*военные, бойцы*). Подобные контексты называются связывающими, употребление которых является важным, переходным этапом изменения: «A word cannot become polysemous overnight either. <...> ‘bridging contexts’ mask the transition from online pragmatic implication to genuine polysemy [18. P. 28–29]. Семантическая деривация имеет три стадии развития: этап базового значения (до изменения), этап связывающих контекстов (предполагающий употребление контекстуальных конкретизаторов ситуации), этап завершения семантических изменений (предусматривающий употребление слова без контекстуального подкрепления). Как отмечается в работе [10], изменения происходят не скачками, а постепенно, под сильным влиянием контекста.

По мере завершения семантического сдвига необходимость в употреблении определений и использования синонимов отпадает. Так, в приведенных высказываниях (10–11) слово употребляется без определения *украинский*. Вместе с тем в газетном подкорпусе НКРЯ представлено большое количество контекстов употребления слова с определением, что свидетельствует о том, что процесс семантической деривации еще не завершен в полной мере. О незавершенности семантических изменений также говорят данные о частотности слова: в 2014 г. не наблюдается резкого увеличения частотности лексемы. Можно сказать, что семантическая деривация слова *силовик* находится на втором этапе, предполагающем употребление контекстуальных конкретизаторов. По всей видимости, на скорость семантической деривации влияют экстралингвистические причины – общественная значимость обозначаемых событий и ситуаций. В этом случае политические события на Украине потеряли актуальность для российских СМИ раньше, чем завершился процесс семантической деривации. Так, в тек-

сте 2019 г. (12) представлено широкое значение слова, которое не испытalo влияния описываемой семантической деривации.

(12) *При этом на несогласованных акциях 27 июля и 3 августа силовики задержали более 1,6 тыс. человек. Следственный комитет возбудил уголовное дело о массовых беспорядках и ряд дел о насилии в отношении представителей власти* (Неизвестный автор. «РБК». 2019).

Таким образом, данные примеры показывают историю изменения значения слова, что позволяет проанализировать не результат изменений, а постепенный процесс семантического развития слова. Как представляется, сложность и противоречивость семантической деривации слова *силовик* напрямую коррелирует с частотностью реализации той или иной ситуации в контексте: в данном случае не наблюдается резкого скачка количества употреблений слова в новом, более узком значении.

Описываемый процесс свойствен не только политической лексике. Рассмотрим это на примере слова *стоянка*, семантическое развитие которого можно проследить при сравнении словарных толкований, представленных в МАС и современном словаре Т.Ф. Ефремовой.

Стоянка. 1. Остановка, временное пребывание где-л. на пути следования, в походе и т.п. 2. Стояние транспорта в перерывах между работой [19. С. 278].

Стоянка. 1) Остановка во время движения, похода и т.п. Временное пребывание на одном месте. 2) Место остановки, временного пребывания. Место, где стоит транспорт в ожидании пассажиров. разг. Место, где останавливается транспорт во время рейса для посадки и высадки пассажиров; остановка. 3) Место поселения людей каменного века [20].

Современное употребление слова, как показывает НКРЯ, реализует ситуации, связанные остановкой во время движения и местом временного пребывания транспорта (преимущественно автомобильного; см. пример (13)), несмотря на то что в толковых словарях базовым оказывается иное значение слова. Доминирование «транспортной» ситуации в семантике слова особенно очевидно при анализе высказываний из газетного подкорпуса НКРЯ (см. высказывание (14)). Изменение употребления прежде всего связано с экстралингвистическими причинами, возросшей ролью автомобильного транспорта в социальной жизни, что приводит к формированию многозначности слова: «Потребность в обозначении новых объектов и ситуаций обеспечивается главным образом за счет использования уже существующих языковых единиц в новых значениях, то есть за счет полисемии» [13. С. 22].

Увеличение частотности как важный фактор семантического изменения также отмечается в этом примере. Данные основного подкорпуса НКРЯ показывают, что с 1989 г. частотность слова постепенно возрастает. Отметим еще один пик частотности слова с 1974 по 1981 г.: в этом времени оно употребляется в широком значении («Остановка, временное пребывание на пути следования, в походе» [19. С. 278]) и обозначает остановку различных объектов. Скорее всего, данный пик свидетельствует о прошедшей в тот пери-

од семантической деривации, которая привела к расширению значения (связанному с увеличением количества обозначаемых объектов).

(13) Для того чтобы повзрывать все эти автомобили, никого не убив и не ранив, нужно было иметь самые точные сведения о графике перемещения их хозяев, не говоря уже о прочих сложностях, типа охраняемых гаражей и **стоянок** (В. Белоусова. 2000).

(14) Взамен ему обещали 25-летнюю аренду участка на площади под **стоянку** (Д. Рункевич, Е. Малай. «Известия». 2014).

Семантическая деривация слова сочетается с изменением модели управления слова. Если в высказываниях, датированных 1977 г., в ситуациях, связанных с транспортом, слово используется с зависимыми словами (*стоянка автомобиля, такси*; см. высказывания (15–16)), то изолированное употребление слова реализует другую ситуацию (которая представлена в первом значении; см. высказывание (17)). В настоящее время изолированное употребление может реализовать ситуацию, связанную с транспортом (см. (13–14, 19)). В то же время в современном употреблении зависимые слова необходимы для реализации ситуации, не связанной с автомобилями: например, в высказывании (18) для конкретизации ситуации требуется пояснение.

(15) Тексье вскочил и чуть ли не бегом направился к ближайшей **стоянке такси** (Г. Максимович. «Техника – молодежи». 1977).

(16) Харчевня возле дороги. Столбики для **стоянки автомобиля** (В. Песков, Б. Стрельников. 1977).

(17) Он пил водку и ласкал непонятно как случившуюся на струге смуглую, раскосую девицу, а на **стоянках** гулял с нею по берегу (Ю.М. Нагибин. 1977).

(18) В ближайшие два дня они проведут тренировки по противодиверсионной обороне на незащищенных рейдах и пунктах **стоянки кораблей** (В. Баранец. «Комсомольская правда». 2013).

(19) И за прогрев мотора зимой – а это и есть **стоянка** с включенным двигателем – могут «нагреть» аж на несколько тысяч (А. Гречанник. «Комсомольская правда». 2013).

Процесс семантического развития происходил в несколько стадий за счет постепенной трансформации семантики слова. В настоящее время семантическую организацию слова можно представить с помощью следующих значений:

1. Базовое и наиболее широкое значение: «Остановка, временное пребывание на пути следования, в походе» [19. С. 278] (реализация значения представлена в (16)).

2. Значение, которое появилось в результате сужения базового и которое можно представить следующим образом: «Остановка во время движения транспорта» (см. предложение (18)).

3. Значение, полученное путем метонимического переноса второго значения (ср. тип регулярной многозначности ‘действие’ – ‘место действия’ [1. С. 199]): «Место временного пребывания транспорта (преимущественно автомобильного» (см. (12–13)).

Новые значения слова появились из-за того, что подавляющее большинство высказываний в языке

(соответственно, и ситуаций) связаны с транспортом. Первоначально реализация требовала специальных пояснений (например, употребление с определением *стоянка автомобиля*; см. (16)), но позднее необходимость в таких уточнениях отпала, потому что слово стало ассоциироваться с новой ситуацией.

Разберем еще несколько примеров из современной речи. Заимствованное слово *барбекю* также изменило значение под влиянием контекстной реализации ситуации. Сейчас можно выделить два значения слова, которые представлены в словаре С.А. Кузнецова:

Барбекю, неизм.; 1. Жаркое, приготовленное на решетке, расположенной над углем. 2. Отдых вне дома, увеселительная прогулка, когда приготовляют такое жаркое [21].

Представленные значения организованы по модели 'предмет' (т.е. продукт, приготовленный определенным образом; см. (20)) – ‘действие’ (процесс приготовления данного продукта; см. (21)).

В словаре Е.Н. Шагаловой добавлены инструментальное значение (называющее орудие (оборудование), с помощью которого готовят данный продукт), которое в издании представлено как исходное значение в семантической структуре слова, а также значение, связанное с обозначением соуса с соответствующим вкусом:

Барбекю, барбекью, неизм. 1. Переносная печка для приготовления еды, нагреваемая углем 2. Мясо, курица, рыба, овощи и т.п., приготовленные на барбекю (см. I-е знач.). 3. Пряный острый соус для жаркого. 4. Пикник, вечеринка, на которой подаются блюда, приготовленные на барбекю (см. I-е знач.) [22. С. 40–41].

Однако инструментальное значение низкочастотно в речи, поэтому его, скорее всего, нельзя считать исходным (см. текст рекламного характера (22), где оно представлено). В современной речи более частотным оказывается значение, обозначающее действие (*Отдых вне дома, увеселительная прогулка, когда приготовляют такое жаркое*), а в текстах 2000-х гг. более распространенным оказывается первое, предметное значение (*Жаркое, приготовленное на решетке, расположенной над углем*).

По всей видимости, формирование значения, связанного с действием, стало результатом частотной реализации ситуации, которая представлена в высказывании (23). Здесь субъект выполняет определенные действия для приготовления барбекю; с одной стороны, в высказывании реализовано ‘предметное’ значение (например, допустима замена на слово *шашлык*), с другой стороны, высказывание содержит определенный метонимический перенос, так как ситуация интерпретируется как *позвозиться с [приготовлением] барбекю*. Однако из контекста очевидно, что субъект занимался именно приготовлением продукта (поэтому такое речевое уточнение не требуется); регулярность подобных контекстуальных интерпретаций приводит к закреплению нового значения.

(20) Ведь *шашлык* или *барбекю*, без которых ни один поход не обходится, готовятся не три раза в день (И. Кобылкина. «Труд-7». 2005).

(21) Здесь заменят бортовой камень и ограждение вдоль реки, обновят газон, устроят площадку для *барбекю* и поставят детский городок (Н. Корчмарек. «Известия». 2012).

(22) Семена, удобрения, грунты, газонокосилки, водонагреватели, лестницы, мангалы, грили, *барбекю*, насосы, обогреватели, садовый инвентарь, бытовая химия. Адрес: пр. Андропова, д. (Неизвестный автор. «Комсомольская правда». 2007).

(23) Иногда вечером приходится повозиться с *барбекю*. Хотя бифштекс на открытом огне – это уже не работа, а развлечение (С. Ломан. «Формула». 2001).

Семантическую деривацию слова *рассылка* можно представить как сужение, спецификацию значения. Первое значение, представленное в несовременных текстах, является обозначением действия по соответствующему глаголу (см. толкование словаря Т.Ф. Ефремовой): *Действие по значению глаг.: рассылать* [20].

Слово при реализации этого значения сочетается с разными объектами: *рассылка оттисков, книг, приказчиков* (см. (24–26)). Однако современное значение слова предполагает более узкое действие – массовую отправку сообщений. Семантическая деривация прежде всего вызвана социальными причинами (а именно возросшей ролью информационных технологий), что привело к большому количеству высказываний, где реализуется новая ситуация (см. (27)). В результате слово *рассылка* практически не используется в первом значении в настоящее время. Слова во втором значении оно может сочетаться с объектами, которые конкретизируют тип сообщения: *рассылка писем, SMS, вирусов, опросов* и пр. (см. (28)). В этом случае требование к выбору субъекта является представлением конкретного вида сообщения; напротив, реализация первого значения допускает разные типы объектов.

Более того, можно говорить еще об одном типе семантической деривации по модели регулярной полисемии 'действие' – 'объект действия' [1] (см. пример (29)). Последнее значение, которое можно представить как сообщение, отправленное / полученное в ходе рассылки, пока низкочастотно в публицистической речи.

Таким образом, можно выделить три значения слова:

1. Действия от глагола *рассылать*, предполагающие согласование с разными объектами (*рассылка оттисков*); представлены в несовременных текстах, а в настоящее время реализуется редко.

2. Массовая отправка сообщений, писем (сочетается с определенным типом объектов); высокочастотно в современной речи.

3. Сообщение, отправленное / полученное в ходе рассылки; семантическая деривация в данном случае не завершена.

(24) Надписав последний из назначенных к *рассылке оттисков*, палеонтолог вздохнул. Давно уже не было ему так легко и радостно. Теперь по его дороже пойдут многие, более молодые, может быть, более талантливые (И.А. Ефремов. 1944).

(25) Самый большой центр по *рассылке покупок почтой*. Самый людный угол в мире. Самый проходи-

мый мост на земном шаре *Bush street bridge* (В.Б. Маяковский. 1925–1926).

(26) Сверх того, квитанции еще не готовы и хлопот с три пропасти: *рассылка приказчиков* для торговли по Амуру (М.А. Бестужев. Путевые письма родным (1857)).

(27) Возможностью защитить себя от платных *рассылок* с помощью специального счета для оплаты контента пока воспользовались не более сотни абонентов по всей стране (А. Богданов, В. Зыков. «Известия». 2014).

(28) В МВД «Известия» подтвердили *рассылку письма* замминистра и участившиеся случаи нарушения ведомственного дресс-кода (А. Лялякина. «Известия». 2014).

(29) На электронную почту пришла *рассылка* из отдела кадров с письмом, где указаны страны, которые отныне под запретом, а в которых можно отдохнуть (И. Петров. «РБК Дейли». 2014).

Похожие процессы семантической деривации можно обнаружить у других слов, употребляющихся в современной речи: *триллер* как жанр фильма или как драматические события в жизни; *тионинг* как результат, объект или как действие; *ланч* как обед или как обеденное время; *клип* как фильм-исполнение песни или небольшой фильм, сюжет на разные темы; *бонус* как премия, дополнительная выплата, или как дополнительная скидка, или как подарок покупателю. См., например, разбор современных лексических изменений в работах [23, 24].

Обсуждение результатов

Анализ современных семантических изменений показывает особую роль контекстуальной реализации ситуации в изменении значения слова. В основе семантической деривации лежит механизм закрепления новой ситуации, реализованной в высказывании и тексте, в семантике самого слова: «Meaning B often comes into existence because a regularly occurring context supports an inference-driven contextual enrichment of A to B. Subsequently this contextual sense may become lexicalized to the point where it need no longer be supported by a given context» [25. Р. 550]. Подобные контекстуальные сближения возможны благодаря тому, что значение слова формируется в рамках конкретного высказывания [26, 27]. Особое значение имеет частотность высказываний с реализацией новой ситуации. В целом частотность слов и частотность реализации той или иной ситуации рассматривается как ключевой фактор изменчивости, хотя прямой зависимости от частотности и степени изменчивости можно не наблюдать, так как на частотность влияют и другие факторы; см. последние публикации по этой проблеме [28–30].

В работах по семантической деривации, выполненных на материале глагольной лексики [3, 4, 6, 12], показано, что семантические изменения связаны с трансформацией прототипической ситуации. Однако данный процесс необходимо рассматривать как универсальный, характерный для разных частей речи. Глагольная семантика в большей степени связана с

ситуативным содержанием предложения, поэтому их изменения были описаны в первую очередь.

Причиной неустойчивости прототипической ситуации является то, что в основе понимания лежит сложный процесс смыслового взаимодействия ситуативной информации разных уровней. Текст включает большое количество высказываний, каждое из которых способно выражать ситуацию. В связи с этим в тексте развертывается процесс обобщения ситуаций разного уровня. Подобные механизмы разобраны на примере разных типов текста в работах [31–34]: в тексте создается сложная иерархия ситуаций. Причем ситуации высказываний, текстовых фрагментов и целостного текста могут не суммироваться механически, а взаимодействовать сложным, нелинейным образом. Перечисленные аспекты демонстрируют теоретическую сложность подхода к описанию ситуативной семантики отдельных имен существительных. Подробное изучение механизмов взаимодействия ситуативного содержания при порождении и восприятии речи требует отдельного, обстоятельного исследования, проведение которого не входит в задачи данной работы.

Имена существительные, которые являются объектом нашего исследования, согласно традиционной точке зрения, выражают не ситуацию в целом, а лишь часть, некоторые субъекты, объекты (аргументы ситуации): «Сам по себе объект не задает ситуацию, так как этот объект может вступать с другими в самые разнообразные отношения, участвовать в самых разных процессах, менять свои свойства» [11. С. 220]. Однако представленная характеристика свойственна лишь конкретным именам существительным. При этом отмечается, что объект может задавать определенный тип действия: «Некоторые типы объектов (в первую очередь – артефакты) имеют специальные свойства и функции, которым соответствуют предикаты, обозначающие их способ функционирования или использования человеком: если нож функционирует, то он режет... Такие существительные в толковании имеют семантический предикат» [13. С. 8]. Подобные семантические связи между субъектом, объектом и действием отражаются при интегральном описании языка, так как носители языка «владеют этой информацией – она составляет часть их языковой компетенции» [35. С. 105].

Называя определенный предмет, имя существительное задает информацию о ситуации, в частности о способе использования этого предмета, определенном типе действий, наличии сопутствующих участников ситуации с определенными характеристиками. Так, в работе [36] выделяются типы имен существительных, которые отличаются способностью выражать ситуацию: наибольшей способностью обладают отвлеченные имена существительные, а наименьшей – конкретные имена существительные. Рассмотрим для примера слово *стоянка*, относимое к отглагольным именам (отвлеченным, абстрактным именам существительным, обозначающим имена действий, состояний), которые «семантически наиболее близкие глаголам» [36. С. 36] и описывают ситуацию так же, как и глагол [37]. Оно задает ситуацию, связанную с тем,

что субъект или объект временно прекращает движение; данная ситуация определяет выбор других актантов в высказывании. При реализации базового значения («Остановка, временное пребывание на пути следования, в походе») предполагается использование в роли агента одушевленного субъекта (см. высказывание (17)), второе значение («Остановка во время движения транспорта») предусматривает употребление определенных актантов, связанных с транспортом: *стоянка автомобиля, стоянка транспорта* (см. (16)). Как было отмечено выше, в современном употреблении этот актант может быть не выражен на поверхностном уровне (см. высказывание (19)). В большей степени отглагольные свойства теряются в третьем значении слова («Место временного пребывания транспорта»), однако при детальном анализе также можно установить, что даже такое употребление задает ситуацию, хотя достаточно скрытую. Так, в предложении (30) речь идет о том, что в одном месте находилось определенное количество автомобилей, однако этому описываемому моменту предшествовала другая ситуация, предполагающая, что автомобили временно оставили на определенном месте. Как видим, в таком предложении происходит сложное обобщение всех возможных ситуаций, заданных словами³.

(30) *Только на стоянке было 100 тыс. автомобилей* (Э. Сержан, С. Злобин. «Известия». 2014).

Ситуативная семантика может быть выражена менее четко, чем в примере со словом *стоянка*. Например, слово *силовик*, на первый взгляд, лишено ситуативного компонента, а только называет лицо по профессиональному признаку. Однако при семантической деривации, которая описана нами выше, изменяются семантические ограничения, предъявляемые к другим участникам ситуации. Слово *силовик* в первом, широком значении может сочетаться с разными типами действий, которые реализованы в различных условиях (временных и пространственных) (см. пример (12)). Второе значение предполагает употребление глаголов, связанных с военными действиями, а также ограничение по временным и пространственным условиям, связанным с российско-украинским конфликтом. Так, в примере (31) реализовано второе значение слова *силовик*, что подкреплено описанием военных событий: *наступательная операция, передать под контроль, прекращение огня*.

(31) *Украинские силовики и их противники не предпринимали значительных наступательных операций, но постоянно находились в огневом контакте с противником. Также украинским силовикам должен быть передан контроль над остающимися в руках восставших трех пограничных КПП, считают в Евросоюзе* (А. Артемьев. «РБК Дели». 2014).

Информация о ситуации, ее участниках и обстоятельствах имплицитно присутствует в семантике имени существительного, и она оказывается важна для создания общей ситуации высказывания и ситуаций более высокого уровня. Ситуативная семантика для этого слова выражена в представлении

некоторых требований и ограничений к общей ситуации. Семантическая деривация в данном случае сопровождается изменением указанных требований и ограничений к действию и другим участникам ситуации, при этом такие изменения являются не причиной, а следствием семантических изменений.

Наименее четко ситуативное начало выражено в конкретных именах существительных, которые представляют физические предметы мира. Такие имена в меньшей степени «привязаны» к обозначению той или иной ситуации [36, 38, 39]. Однако и эти имена могут при некоторых условиях выражать ситуацию: например, слово *барбекю* в первом значении обозначает предмет действительности с определенными свойствами, однако оно предполагает также характеристики процесса приготовления (получения) продукта, что в дальнейшем приводит к семантической деривации. Семантическое развитие слова является результатом усиления его ситуативной семантики: второе значение предполагает *барбекю* как действие (ситуацию) по приготовлению продукта (см. высказывание (21)).

Таким образом, семантическая деривация является следствием изменения обозначаемой в контексте ситуации и требований к действию и актантам. В работе [13] следующим образом описан процесс семантической деривации глагола, который применим для анализируемых нами имен существительных: «Одновременно происходят два противопоставленных семантических процесса: с одной стороны, круг актантов расширяется и глагол “вбирает” все большее количество новых объектов – в этом смысле исходное значение и прототипическая ситуация выступают как источник некой “абстрактной схемы”, под которую “подводятся” разные объекты; но с другой стороны, происходит “приспособление” глагола к новым типам объектов» [13. С. 26]. Можно сказать, что имя существительное также расширяет значение за счет сочетания с различными типами действий и актантов, одновременно изменения свое значение и выражаемую ситуацию (см. примеры *силовик*, *бандеровец*).

Способность имен существительных выражать ситуацию, скорее всего, имеет континуальный характер, поэтому можно построить шкалу ситуативности имен существительных: на одном ее полюсе находятся отглагольные имена (способные самостоятельно выражать ситуацию), на противоположном – конкретные существительные, представляющие физические предметы материального мира.

Заключение

Семантическая деривация рассматривается как реализация языковой категоризации (классификации) предметов мира [13, 40, 41], т.е. как стремление человека описывать новые объекты с помощью известных и простых понятий: «Главная причина полисемии – когнитивная: человек понимает новое, неосвоенное через данное, освоенное и известное, моделирует новые объекты и ситуации с помощью уже имеющихся у него семантических структур, «подводя» под освоенные модели новые элементы опыта» [13. С. 23].

На современном этапе развития лингвистической науки ситуативный подход позволяет объяснить особенности семантической деривации: ее источником становится не столько исходное значение, сколько связанная с ним ситуация. В ней сконцентрировано значительно больше информации, чем в значении слова (которое, в частности, представлено в словарях) [13, 41, 42], что и делает возможным семантическое развитие слова.

По результатам исследования можно заключить, что гипотеза исследования, согласно которой семантическая деривация имени существительного обусловлена изменением обозначаемой словом прототипической ситуации под влиянием контекста, подтвердилась. Однако требует дальнейшего изучения вопрос о характере выражения именем существительным ситуации и его участии в формировании общей ситуации высказывания. При этом очевидно, что имена существительные обладают большим семантическим потенциалом, связанным с ситуативным компонентом, который недостаточно полно описан в лингвистике.

Как представляется, способность слова выражать ситуацию определяет характер его изменчивости: в исследованиях [12, 42, 43] показано, что глагольные лексемы, отличающиеся высокой способностью представлять ситуацию и более «адаптированные» к контексту, в большей степени подвержены семантическим изменениям.

Как отмечает И.А. Стернин, возможность семантической деривации зависит также и от типа текста [44]: семантические переносы встречаются чаще всего в художественной, публицистической и устно-разговорной речи. Особенno нужно выделить роль языковой частотности, которая является «двигателем» языковых изменений: изменения возможны при активном использовании в речи. Резкое увеличение употреблений слова, как правило, свидетельствует о переосмыслинии слова и перестройке его семантических связей.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В отечественной лингвистике иногда используется термин *оттенок значения* для описания полисемии. Так, Р.А. Будагов, анализируя употребление многозначного слова *идти*, считает, что этот глагол «сохраняет свое основное значение, лишь приобретая в том или ином случае дополнительные оттенки, подсказанные контекстом» (цит. по: [1. С. 243]). Однако Ю.Д. Апресян, комментируя это положение, отмечает, что употребления слова различаются существенными признаками, которые связаны с денотативным и сигнификативным содержанием, поэтому представленные различия в современных словарях трактуются как отдельные значения [1. С. 243].

² Здесь и далее в скобках указан порядковый номер испытуемого.
³ Также выраженной ситуативной семантикой обладает слово *автомобиль*, который предполагает определенный способ действия и актантов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Апресян Ю.Д. Избранные труды. Т. 1: Лексическая семантика. М.: Языки русской культуры, 1995. 768 с.
2. Зализняк А.А. Семантическая деривация в синхронии и диахронии: проект «Каталога семантических переходов» // Вопросы языкознания. 2001. № 2. С. 13–25.

3. Кустова Г.И. Когнитивные модели в семантической деривации и система производных значений // Вопросы языкоznания. 2000. № 4. С. 85–109.
4. Падучева Е.В. Парадигма регулярной многозначности глаголов звука // Вопросы языкоznания. 1998. № 5. С. 3–23.
5. Пономарева О.Б. Семантическая деривация и многозначность: неоднозначность и слияние смыслов в поэтическом тексте // Вестник Тюменского государственного университета. 2006. № 4. С. 212–217.
6. Розина Р.И. Категориальный сдвиг актантов в семантической деривации // Вопросы языкоznания. 2002. № 2. С. 3–15.
7. Урысон Е.В. «Несостоявшаяся полисемия» и некоторые ее типы // Семиотика и информатика. 1998. Вып. 36. С. 226–261.
8. Geeraerts D. Diachronic prototype semantics: A contribution on Historical Lexicology. Oxford : Clarendon, 1997.
9. Traugott E., Dasher R. Regularity in Semantic Change. Cambridge : Cambridge University Press, 2002.
10. Traugott E. Pragmatics and language change // The Cambridge Handbook of Pragmatics / eds. by A. Keith, K. Jaszczołt. Cambridge : Cambridge University Press, 2011. P. 549–566.
11. Кобозева И.М. Лингвистическая семантика. М. : УРСС, 2004. 352 с.
12. Dubossarsky H., Weinshall D., Grossman E. Verbs change more than nouns: A bottom-up computational approach to semantic change // Lingue e Linguaggio. 2016. Vol. XV. P. 5–25.
13. Кустова Г.И. Типы производных значений и механизмы языкового расширения. М. : Языки славянской культуры, 2004. 472 с.
14. Всеволодова М.В. Теория функционально-коммуникативного синтаксиса. М. : Изд-во Моск. гос. ун-та, 2000. 502 с.
15. Касевич В.Б. Труды по языкоznанию : в 2 т. СПб. : Изд-во СПб. гос. ун-та, 2006. Т. 1. 664 с.
16. Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл (логико-семантические проблемы). М. : УРСС, 2003. 384 с.
17. Бабаева Е.Э. Кто живет в вертепе, или опыт построения семантической истории слова // Вопросы языкоznания. 1998. № 3. С. 94–106.
18. Enfield N. Linguistic Epidemiology: Semantics and Grammar of Language Contact in Mainland Southeast Asia. London : Routledge Curzon, 2003.
19. Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. М. : Русский язык, 1985–1988. Т. 4.
20. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М. : Русский язык, 2000. URL: <https://www.efremova.info>
21. Кузнецов С.А. Большой толковый словарь русского языка. СПб. : Норинт, 2000. 1536 с. URL: <https://gufo.me/dict/kuznetsov>
22. Шагалова Е.Н. Самый новейший толковый словарь русского языка XXI века: около 1500 слов. М. : ACT; Астрель, 2011. 413 с.
23. Ермакова О. Семантические процессы в русском языке на рубеже веков // Acta Neophilologica. 2006. № 8. С. 23–32.
24. Язикова Ю.С. Семантические процессы в лексике русского литературного языка // Вестник Нижегородского госуниверситета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Филология. 2000. № 1. С. 174–182.
25. Evans N., Wilkins D. In the mind's ear: The semantic extensions of perception verbs in Australian languages // Language. 2000. № 76. P. 546–592. DOI: 10.2307/417135
26. Evans V. Lexical Concepts, Cognitive Models and Meaning-Construction // Cognitive Linguistics. 2006. № 17 (4). P. 491–534. DOI: 10.1515/COG.2006.016
27. Fauconnier G. Pragmatics and Cognitive Linguistics // The Handbook of pragmatics / eds. by L. Horn, G. Ward. Oxford : Oxford University Press, 2004. P. 657–374.
28. Aitchison J. Language change: progress or decay? Cambridge : Cambridge University Press, 2013.
29. Karjus A., Blythe R., Kirby S., Smith K. Quantifying the dynamics of topical fluctuations in language // Language Dynamics and Change. 2018. URL: <https://arxiv.org/pdf/1806.00699.pdf> (дата обращения: 06.10.2019).
30. Hamilton W., Leskovec J., Jurafsky D. Diachronic Word Embeddings Reveal Statistical Laws of Semantic Change // Proceedings of the 54th Annual Meeting of the Association for Computational Linguistics, ACL 2016, August 7–12. Vol. 1: Long Papers. Berlin, 2016. P. 1489–1501. DOI: 10.18653/v1/P16-1141
31. Зимняя И.А. Лингвосихология речевой деятельности. Москва; Воронеж : Моск. психол.-социал. ин-т; НПО «МОДЭК», 2001. 432 с.
32. Жинкин Н.И. Речь как проводник информации. М. : Наука, 1982. 159 с.
33. Ballmer T. Macrostructure // Pragmatics of Language and Literature. Amsterdam; Oxford; New York, 1976. P. 1–22.
34. Dijk van T. Semantic Discourse Analysis // Handbook of Discourse Analysis. Vol. 2: Dimensions of Discourse. London; Orlando; San Diego; New York; Toronto; Montreal; Sydney; Tokyo, 1985. P. 1–8.
35. Апресян Ю.Д. Исследования по семантике и лексикографии: Т. 1: Парадигматика. М. : Языки славянских культур, 2009. 568 с.
36. Рахилина Е.В. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. М. : Русские словари, 2008. 416 с.
37. Gurevich O., Crouch R., King T., Paiva de V. Deverbal Nouns in Knowledge Representation // Journal of Logic and Computation. 2008. № 18 (3). P. 385–404. DOI: 10.1093/logcom/exm070
38. Givón T. Syntax: A functional-typological introduction. Amsterdam : John Benjamins, 1984. Vol. I.
39. Кубрякова Е.С. Язык и знание. На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М. : Языки славянской культуры, 2004. 560 с.
40. Lakoff G., Johnson M. Metaphors we live by. L. : The University of Chicago press, 2003.
41. Croft W., Cruse A. Cognitive Linguistics. Cambridge : Cambridge University Press, 2004.
42. Fillmore C. Frames and the semantics of understanding // Quaderni di semántica. 1985. № 6 (2). P. 222–254.
43. Gentner D., France I. The verb mutability effect: Studies of the combinatorial semantics of nouns and verbs // Lexical ambiguity resolution: Perspectives from psycholinguistics, neuropsychology, and artificial intelligence / eds. by S. Small, G. Cottrell, M. Tanenhaus. San Mateo, CA : Kaufmann, 1988. P. 343–382.
44. Стернин И.А. Лексическое значение слова в речи. Воронеж : Воронеж. гос. ун-т, 1985. 137 с.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 20 июня 2020 г.

Semantic Derivation of Nouns

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 459, 5–14.

DOI: 10.17223/15617793/459/1

Vadim A. Belov, Cherepovets State University (Cherepovets, Russian Federation). E-mail: belov.vadim.a@gmail.com

Keywords: semantic derivation; lexical meaning; lexical change; noun; situational semantics.

The aim of this article is to describe the processes of semantic derivation of Russian nouns. The relevance of the research is that semantic derivation is the most important property of language and it takes place in the modern speech. The mechanisms of semantic derivation are actively discussed in modern Russian and foreign linguistics. In anthropocentric linguistics semantic derivation is associated with the functioning of cognitive models and schemes. However, most studies on this problem are based on the material of verbs. The research hypothesis is that the semantic derivation of nouns is caused by the contextual realization of situation. The novelty of the research is that semantic derivation of nouns is considered within cognitive linguistic framework. A situational approach is used for explaining the semantic development of nouns. The research analyzes the processes of modern speech based on data from the Russian National Corpus, the results of the experiment on the interpretation of new words, Yandex statistics, and Russian diction-

aries. The research has shown that lexical changes are connected with the semantic transfer from the situation of the utterance to the situation of the word. The situation activated in the utterance is gradually fixed in the meaning of the word itself. The research has also revealed that semantic derivation is accompanied by an increase of word frequency, and word frequency is an important factor of semantic change. ‘Bridge contexts’ play a significant role in semantic derivation: they specify the situation and create new meanings by using synonyms, adjectives and other contextual explanations. Semantic derivation has three stages: the stage of basic meaning, the stage of bridge contexts (involving the use of contextual specifics of the situation), the final stage of semantic changes. The situation indicated by the word changes because, firstly, the word meaning is created in the context of an utterance denoting a specific situation; secondly, a text has a complex situational organization. In texts, situations described by words, sentences, fragments interact in a complex way. In texts, nouns not only denote an object, but also participate in creating a situation: they provide information about the way the object is used, the action and participants of the situation. Nouns differ in their ability to describe situations: verbal nouns may present situations best, concrete nouns worst.

REFERENCES

1. Apresyan, Yu.D. (1995) *Izbrannye trudy* [Selected Works]. Vol. 1. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury.
2. Zaliznyak, A.A. (2001) Semanticeskaya derivatsiya v sinkhronii i diakhronii: proekt “Kataloga semanticheskikh perekhodov” [Semantic derivation in synchronicity and diachrony: The project “Catalog of semantic transitions”]. *Voprosy jazykoznaniya*. 2. pp. 13–25.
3. Kustova, G.I. (2000) Kognitivnye modeli v semanticeskoy derivatsii i sisteme proizvodnykh znacheniy [Cognitive models in semantic derivation and the system of derived meanings]. *Voprosy jazykoznaniya*. 4. pp. 85–109.
4. Paducheva, E.V. (1998) Paradigma reguljarnoy mnogoznachnosti glagolov zvuka [Paradigm of regular polysemy of sound verbs]. *Voprosy jazykoznaniya*. 5. pp. 3–23.
5. Ponomareva, O.B. (2006) Semanticeskaya derivatsiya i mnogoznachnost': neodnoznachnost' i sliyanie smyslov v poeticheskem tekste [Semantic derivation and polysemy: Ambiguity and merge of meanings in a poetic text]. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta – Tyumen State University Herald*. 4. pp. 212–217.
6. Rozina, R.I. (2002) Kategorial'nyy sdvig aktantov v semanticeskoy derivatsii [Categorical shift of actants in semantic derivation]. *Voprosy jazykoznaniya*. 2. pp. 3–15.
7. Uryson, E.V. (1998) “Nesostoyavshaysya polisemiya” i nekotorye ee tipy [“Failed polysemy” and some of its types]. *Semiotika i informatika*. 36. pp. 226–261.
8. Geeraerts, D. (1997) *Diachronic prototype semantics: A contribution on Historical Lexicology*. Oxford: Clarendon.
9. Traugott, E. & Dasher, R. (2002) *Regularity in Semantic Change*. Cambridge: Cambridge University Press.
10. Traugott, E. (2011) Pragmatics and language change. In: Keith, A. & Jaszczołt, K. (eds) *The Cambridge Handbook of Pragmatics*. Cambridge: Cambridge University Press. pp. 549–566.
11. Kobozeva, I.M. (2004) *Lingvisticheskaya semantika* [Linguistic semantics]. Moscow: URSS.
12. Dubossarsky, H., Weinshall, D., & Grossman, E. (2016) Verbs change more than nouns: A bottom-up computational approach to semantic change. *Lingue e Linguaggio*. XV. pp. 5–25.
13. Kustova, G.I. (2004) *Tipy proizvodnykh znacheniy i mekhanizmy yazykovogo rasshireniya* [Derived meaning types and language extension mechanisms]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
14. Vsevolodova, M.V. (2000) *Teoriya funktsional'no-kommunikativnogo sintaksisa* [The theory of functional and communicative syntax]. Moscow: Moscow State University.
15. Kasevich, V.B. (2006) *Trudy po jazykoznaniju: v 2 t.* [Works on linguistics: In 2 volumes]. Vol. 1. St. Petersburg: St. Petersburg State University.
16. Arutyunova, N.D. (2003) *Predlozenie i ego smysl (logiko-semanticheskie problemy)* [Sentence and its meaning (logical-semantic problems)]. Moscow: URSS.
17. Babaeva, E.E. (1998) Kto zhivet v vertepe, ili opyt postroeniya semanticeskoy istorii slova [Who lives in the den, or the experience of constructing the semantic history of the word]. *Voprosy jazykoznaniya*. 3. pp. 94–106.
18. Enfield, N. (2003) *Linguistic Epidemiology: Semantics and Grammar of Language Contact in Mainland Southeast Asia*. London: Routledge Curzon.
19. Evgen'eva, A.P. (ed.) (1985–1988) *Slovar' russkogo yazyka: v 4 t.* [Dictionary of the Russian language: In 4 volumes]. Vol. 4. Moscow: Russkiy yazyk.
20. Efremova, T.F. (2000) *Novyy slovar' russkogo yazyka. Tolkovo-slovoobrazovatel'nyy* [New dictionary of the Russian language. Explanatory and derivational]. Moscow: Russkiy yazyk, [Online] Available from: <https://www.efremova.info>.
21. Kuznetsov, S.A. (2000) *Bol'shoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Large Dictionary of Russian Language]. St. Petersburg: Norint. [Online] Available from: <https://gufo.me/dict/kuznetsov>.
22. Shagalova, E.N. (2011) *Samyy noveyshiy tolkovyy slovar' russkogo yazyka XXI veka: okolo 1500 slov* [The most up-to-date explanatory dictionary of the Russian language of the 21st century: About 1500 words]. Moscow: AST; Astrel'.
23. Ermakova, O. (2006) The semantic processes in the Russian language on the turn of the 20th century. *Acta Neophilologica*. 8. pp. 23–32. (In Russian).
24. Yazikova, Yu.S. (2000) Semanticeskie protsessy v leksike russkogo literaturnogo yazyka [Semantic processes in the vocabulary of the Russian standard language]. *Vestnik Nizhegorodskogo gosuniversiteta im. N.I. Lobachevskogo. Seriya: Filologiya – Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod. Series: Philology*. 1. pp. 174–182.
25. Evans, N. & Wilkins, D. (2000) In the mind's ear: The semantic extensions of perception verbs in Australian languages. *Language*. 76. pp. 546–592. DOI: 10.2307/417135
26. Evans, V. (2006) Lexical Concepts, Cognitive Models and Meaning-Construction. *Cognitive Linguistics*. 17 (4). pp. 491–534. DOI: 10.1515/COG.2006.016
27. Fauconnier, G. (2004) Pragmatics and Cognitive Linguistics. In: Horn, L. & Ward, G. (eds) *The Handbook of Pragmatics*. Oxford: Oxford University Press. pp. 657–374.
28. Aitchison, J. (2013) *Language change: Progress or decay?* Cambridge: Cambridge University Press.
29. Karjus, A., Blythe, R., Kirby, S. & Smith, K. (2018) *Quantifying the dynamics of topical fluctuations in language*. [Online] Available from: <https://arxiv.org/pdf/1806.00699.pdf> (Accessed: 06.10.2019).
30. Hamilton, W., Leskovec, J. & Jurafsky, D. (2016) Diachronic Word Embeddings Reveal Statistical Laws of Semantic Change. *Proceedings of the 54th Annual Meeting of the Association for Computational Linguistics, ACL 2016*. 7–12 August. Vol. 1. Berlin: Long Papers. pp. 1489–1501. DOI: 10.18653/v1/P16-1141
31. Zimnyaya, I.A. (2001) *Lingvopsikhologiya rechevoy deyatel'nosti* [Linguopsychology of speech activity]. Moscow; Voronezh: Mosk. psichol.-sotsial. in-t; NPO “MODEK”.
32. Zhinkin, N.I. (1982) *Rech' kak provodnik informatsii* [Speech as a conductor of information]. Moscow: Nauka.
33. Ballmer, T. (1976) Macrostructure. In: *Pragmatics of Language and Literature*. Amsterdam; Oxford; New York: North Holland. pp. 1–22.

34. van Dijk, T. (1985) *Handbook of Discourse Analysis*. Vol. 2. London; Orlando; San Diego; New York; Toronto; Montreal; Sydney; Tokyo: Academic Press. pp. 1–8.
35. Apresyan, Yu.D. (2009) *Issledovaniya po semantike i leksikografii* [Research on semantics and lexicography]. Vol. 1. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur.
36. Rakhilina, E.V. (2008) *Kognitivnyy analiz predmetnykh imen: semantika i sochetaemost'* [Cognitive Analysis of Subject Names: Semantics and Compatibility]. Moscow: Russkie slovari.
37. Gurevich, O., Crouch, R., King, T. & Paiva de V. (2008) Deverbal Nouns in Knowledge Representation. *Journal of Logic and Computation*. 18 (3). pp. 385–404. DOI: 10.1093/logcom/exm070
38. Givon, T. (1984) *Syntax: A functional-typological introduction*. Vol. I. Amsterdam: John Benjamins.
39. Kubryakova, E.S. (2004) *Yazyk i znanie. Na puti polucheniya znaniy o yazyke: chasti rechi s kognitivnoy tochki zreniya. Rol' yazyka v poznanii mira* [Language and knowledge. On the path of acquiring knowledge of language: parts of speech from a cognitive point of view. The role of language in the knowledge of the world]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
40. Lakoff, G. & Johnson, M. (2003) *Metaphors we live by*. London: The University of Chicago Press.
41. Croft, W. & Cruse, A. (2004) *Cognitive Linguistics*. Cambridge: Cambridge University Press.
42. Fillmore, C. (1985) Frames and the semantics of understanding. *Quaderni di semántica*. 6 (2). pp. 222–254.
43. Gentner, D. & France, I. (1988) The verb mutability effect: Studies of the combinatorial semantics of nouns and verbs. In: Small, S., Cottrell, G. & Tanenhaus, M. (eds) *Lexical ambiguity resolution: Perspectives from psycholinguistics, neuropsychology, and artificial intelligence*. San Mateo, CA: Kaufmann. pp. 343–382.
44. Sternin, I.A. (1985) *Leksicheskoe znachenie slova v rechi* [Lexical meaning of a word in speech]. Voronezh: Voronezh State University.

Received: 20 June 2020

ЧЕШСКО-СЕРБСКО-РУМЫНСКИЕ ЯЗЫКОВЫЕ КОНТАКТЫ В РУМЫНСКОМ БАНАТЕ НА МАТЕРИАЛЕ ПОЛЕВОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Статья подготовлена в рамках проекта РНФ 20-78-10030 «Языковые и культурные контакты в условиях социальных трансформаций у национальных меньшинств альпийско-паннонского региона».

Рассматривается влияние сербского языка на язык чешской диаспоры в Румынии. Целью исследования является установление степени и характера этого влияния. Материалом для анализа послужили собственные полевые записи авторов; обсуждаются фонетические и морфологические особенности речи чехов на сербском и румынском языках, перцепция сербского языка. Сербские контактные элементы, выявленные при помощи сопоставительного метода, уступают по частотности румынским за исключением языка чехов в селе Златица, где представители чешского сообщества активно используют местный сербский диалект.

Ключевые слова: чешский язык; румынский язык; сербский язык; многоязычие; Румыния; Банат; переключение кода; заимствование; полевое исследование; нарратив.

Чехи являются одним из признанных миноритарных этнических сообществ в Румынии. По данным последней переписи населения (2011 г.), в стране насчитывалось 2 477 представителей чешского этноса. Они проживают в юго-западной части страны в жудецах Караш-Северин (1 230 чел., 49,7% от всех румынских чехов) и Мехидинци (321 чел., 13% от всех румынских чехов) [1]. Для большинства из них (2 174 чел., или 87,8%) чешский язык является родным [2]. Если сравнить последние цифры с результатами переписей в предыдущие годы (5 800 чел. в 1992 г., 3 938 чел. в 2002 г.), то становится очевидной тенденция к уменьшению численности чешской диаспоры в Румынии¹. Основные населенные пункты с чешским большинством расположены в горной части исторической области Банат: Сфынта-Елена (рум. Sfânta Elena, чеш. Svatá Helena), Гырник (рум. Gârnic, чеш. Gerník), Бигэр (рум. Bigăr, чеш. Bígr), Равенска (рум. Ravensca, чеш. Rovensko), Эйбенталь (рум. Eibenthal, чеш. Tisové údolí), Шумица (рум. Șumica, чеш. Šumice), чехи также проживают в пограничном с Сербией селе Златица (рум. Zlatița, чеш. Zlatice), а также в городах, где их сообщества образовались уже в результате вторичной миграции: Молдова-Ноэ (рум. Moldova Nouă, чеш. Nová Moldova), Бэйле-Херкулане (рум. Băile Herculane, чеш. Herkulovy lázně), Карансебеш (рум. Caransebeș). Села горного Баната в прошлом были труднодоступны, и лишь в последние десятилетия происходит их «открытие» для внешнего мира: они становятся популярным местом для познавательного и экологического туризма (в основном для туристов из Чехии), чему способствует близость ущелья Дуная, природных красот края и достопримечательностей. Осуществляется ремонт дорог, благоустраиваются села, организуются многочисленные фольклорные и кулинарные фестивали² (см.: [3. Р. 13]). В чешских селах начальное образование в школах осуществляется на чешском языке, в программе 5–8-х классов предусмотрены предметы чешский язык и история и традиции чешского меньшинства в Румынии, далее обучение продолжается на румынском [4. S. 444–449].

1. Переселение чехов на земли Баната происходит начиная с первой половины XIX в.: первые колони-

сты, преимущественно католики и евангелисты из центральной и юго-западной Чехии, прибывали в окрестности г. Молдова-Ноэ в 1823–1825 гг. Это были, в основном, ремесленники, приглашенные местным лесопромышленником для вырубки лесов. Следующая волна переселений относится к 1826–1828 гг. и связана с инициативой австрийского двора, проводившего политику реколонизации территорий, отвоеванных у Османской империи. Новые колонисты приезжали из западной, юго-западной и центральной Чехии. Тяжелые условия жизни в горных районах спровоцировали миграции чехов внутри самого Баната. В 1830-х гг. они начинают селиться по другую сторону реки Нера – в населенных пунктах Велико-Средиште (серб. Veliko Središte), Крушница (серб. Krušnica), а также основывают село Аблиан, или Фабиан (чеш. Ablián / Fabián, совр. серб. Češko Selo), на территории современной Сербии [4. S. 33–42]. После Первой мировой войны по реке Нера была проведена граница, которая сегодня разделяет Сербию и Румынию. Чешская диаспора и чешский язык в Румынии неоднократно становились объектом изучения историков [4–8], лингвистов [9–14], этнографов [3, 15–18]. Однако следует констатировать, что работ по изучению контактных феноменов в чешском языке до сих пор мало, а такие явления, как переключения кода и метаязыковые комментарии, не изучены вовсе.

Если говорить об исследовании других славянских диаспор в Румынии (обзор всех славянских говоров на территории Румынии см. в [19]), то следует упомянуть, например, работы по украинскому языку в Марамуреше, Банате, Добрудже и на Буковине [20], польскому языку на Буковине [21], языку карашевцев в Банате [22, 23], сербскому (см. обзорную работу [24]), а также словацкому [25] и болгарскому языкам [26].

2. Изучение языка чешской диаспоры было начато группой исследователей из Института славяноведения РАН с целью фиксации состояния диалектов чешского языка, функционирующих в условиях многоязычия, в сентябре 2019 г. (подробнее см. [27]). Полевое исследование в румынском Банате проходило с использованием метода полуструктурированного интервью, беседа с информантами направлялась при помо-

щи вопросов, при этом собеседников не прерывали. Часто разговоры проходили при участии двух-трех информантов одновременно, что позволило наблюдать живое взаимодействие между ними с минимальным вниманием к исследователю. Темами для бесед были материальная и духовная культура чехов и соседних народов, положение чешской общины, история переселений, языковая ситуация. Были обследованы следующие населенные пункты, где проживают чехи: Сфынта-Елена, Эйбенталь, Молдова-Ноуэ, Шумица, Бэйле-Херкулане, Златица. Всего опрошено 23 информанта, получены записи общей продолжительностью 45,5 часов. Информанты принадлежат в основном к среднему и старшему поколениям, они являются наиболее компетентными носителями знания о жизни общины, традиционной материальной и духовной культуры, среди них также лучше всего сохраняется исходный диалект. Исследователи всегда работали в команде, само интервью по большей части проходило на чешском языке (С.Б.), частично – на румынском (Г.П.), в Златице также на сербском языке (С.Б., Г.П.)³.

В основе языка румынских чехов лежат говоры собственно чешской диалектной зоны. Отметим наиболее частотные фонетические явления, характерные для данных диалектов: 1) употребление *-ej* на месте *ý* (*na takvej, inej*); 2) наличие протетического *v* перед *o* в начале слова (*von, vostali*); 3) упрощение *tř* (*tš*) < *stř* в начале слова (*pot třexu*), характерное для центральной подгруппы; 4) отсутствие *j* перед *i* в начале слова (*i < ji*) (*inej, idlo*), характерное для западной и северо-восточной подгрупп; 5) произношение *u*, возникшего в результате закрытого произношения *o* (*z dumava*), характерное для западной подгруппы. Среди собственно чешских словоизменительных черт выделим: 1) употребление окончаний на *-ch* (в транскрипции *-x*), совпадающих с окончаниями местного падежа, в формах родительного падежа множественного числа существительных (*s Čexax, bes krawax*); 2) образование сравнительной степени при помощи суффикса *-ejší* в случаях типа *leh(x)kejší* (ср. чеш. станд. *lehčí*); 3) характерное для центральной и северо-восточной групп использование в 3 л. мн. ч. глаголов окончаний *-ou, -ejí (-ej), -ají (-aj)* (*kirijou, sed'ej, tišej, ut'ikaji*) [10. S. 203–205; 11. S. 27–28; 28. S. 217–235].

Особенность проведенной полевой работы заключается в том, что впервые были обследованы чехи в Златице (община Сокол) (серб. *Zlatica*, венг. *Néraaganyos*⁴), селе со значительным сербским населением, расположенном на пограничной реке Нера⁵, образующей в этом месте границу между Сербией и Румынией. На протяжении XX в. чехи здесь были третьей (после сербов и румын) по численности этнической группой и остаются таковой до сегодняшнего дня. Современный этнический состав Златицы: румыны (340 чел.), сербы (253 чел.) и чехи (103 чел.)⁶. В Златицу чешские семьи начинают прибывать из горных сел первичного расселения колонистов, судя по всему, после 1832 г., когда им было разрешено переселяться в другие населенные пункты в рамках того же граничарского полка [18. Р. 56], также отмечается

волна переселений из Гырника, в том числе в Златицу, в начале XX в. [4. S. 42].

О принадлежности сербских говоров в Румынии какой-то определенной группе диалектов сербского языка не существует единого мнения. М. Томич делит сербские говоры в Румынии, относящиеся к косово-ресавским диалектам, на говоры Полядии (*poljadijski govor*) и настоящие говоры ущелья Дунайя (*pravi klisurski govor* [30. С. 311]). Говоры сел Базиаш, Златица, Ланговет, Лесковица, Соколовац по этой классификации относятся к говорам региона Полядии (серб. *Poljadija*), который называется так из-за плодородных полей и равнин вдоль реки Неры. Кроме того, отдельно выделяется говор села Свиница, принадлежащий к тимокско-лужницкому типу [30. С. 311]. М. Окука также относит рассматриваемые говоры к косово-ресавскому диалекту [31. S. 199]. П. Ивич полагает, что эти говоры относятся к смедеревско-вршацкому диалекту [32. С. 102]. Регион Полядия (входит в так называемую область Банатские Геры (*Banatske Here*)) и сербская община активно обследовались учеными, в том числе и в последнее время. Изучались пограничные нарративы [33], обряды календарного и семейного цикла [34–36], фонетические и просодические особенности местного сербского говора [37, 38].

В настоящей статье будут рассмотрены случаи языковых контактов чешской миноритарной группы, когда речь идет не о двуязычии общины – чешско-румынском (на чем в основном концентрируют свое внимание исследователи, когда говорят о языковых контактах чехов в Румынии), а о многоязычии – чешско-сербско-румынском. Языковая ситуация в этом случае оказывается многокомпонентной: к румынскому языку в двух его вариантах (литературному языку и местному банатскому диалекту) добавляется местный сербский диалект. Контактное влияние сербского языка на чешский язык в Румынии до сих пор не было подробно изучено, лишь отдельные лексемы были рассмотрены в группе так называемых банатизмов в работах [14. S. 88–89; 39]. Чешская община и ее язык в селе Златице также остались за пределами внимания ученых. Следует сказать, что во многих работах Златица даже не упоминается как населенный пункт с чешским населением. В работах, посвященных сербской общине Златицы, о чехах тоже практически не говорится. Редким исключением можно назвать спорадическое упоминание чехов в [34] в контексте смешанных браков сербов с чехами и румынами. Важным свидетельством о жизни в Златице в начале XX в. является автобиография Д. Адама, написанная по-сербски [40]⁷. Таким образом, чешская община Златицы, для которой характерно активное владение как минимум тремя языками (чешский, сербский, румынский), является уникальным лингвокультурным феноменом в этноязыковом ландшафте румынского Баната, до сих пор неизученным и малознакомым для исследователей.

Авторы постараются в статье ответить на вопрос: происходит ли влияние сербского языка на переселенческий идиом чехов в Банате. Чешские говоры на территории Румынии находятся в контакте с языками

окружения чуть менее двухсот лет. Румынский и сербский языки входят в балканский языковой союз, при этом они не родственные. Чешский язык, как и сербский, относится к славянской группе, тогда как румынский – к балкано-романской подгруппе романских языков.

Цель настоящей статьи – выяснение роли, степени влияния, характера функционирования и места сербского языка в языковом репертуаре чешской общины Румынии, а также сербских контактных элементов на фоне повсеместно распространенного чешско-румынского билингвизма. Поскольку в научной литературе подробных сведений нет либо они отрывочны и совершенно недостаточны для ответа на поставленный вопрос, было решено собрать материал для анализа в результате полевого исследования среди представителей чешского миноритарного сообщества и частично – среди сербов и румын, в окружении которых проживают чехи. Предметом исследования являются сербские и румынские контактные явления, выявленные при помощи сопоставительного метода в нарративах, записанных от информантов, в том числе их языковая рефлексия. Из собранного исследователями корпуса текстов были отобраны фрагменты, в которых проявляется чешско-сербское-румынское контактное взаимодействие на уровне лингвистических и коммуникативных структур, а также нарративы, в которых речь идет о языковой ситуации. Анализ организован следующим образом: в разделе 3 представлена языковая ситуация и роль сербского языка в языковом репертуаре информантов. Затем обсуждаются некоторые румынизмы в чешской речи (раздел 4). Далее дается обзор общих для румынского и чешского языков частиц (раздел 5). В разделе 6 анализируются сербизмы в языке чехов Баната. О стратегии дублирования, которая распространяется в равной степени на румынский и сербский языки, говорится в разделе 7. В разделе 8 представлены случаи переключения кода на сербский и румынский язык. В разделе 9 эта стратегия рассмотрена на примере метаязыковых историй-анекдотов. В разделе 10 отмечаются диалектные явления сербской речи чехов, а также румынские заимствования, когда чехи говорят по-сербски.

3. Регион, где проживают чехи, отличается сложным этническим и конфессиональным составом. В Банате помимо румын проживают представители многих национальностей: венгры, немцы, украинцы, сербы, болгары (об этническом составе Баната см. [41]). Лучше всего эту мозаичную ситуацию характеризует наличие этнических прозвищ. Так, румыны называют чехов *rem*, *remoaică*, среди сербов распространено название *remac*, *remkinja* (зафиксировано также в говоре сербского села Свиница (*Svinīța*) в Румынии [42. С. 191], в чешском языке также распространено самоназвание *remich*, *remka* (производные от нем. Böhm – житель Богемии) [43. S. 237]. Чехи называют румын чаще всего *valach* (ср. [44]), *valaši* (мн. ч.), *valaška* (ж. р.), *mluvit valas(š)ki*, используются также *rumun*, *rumunka*, *mluvit rumunski*, сербов называют *srbak*, *srbin* (м. р., ед. ч.), *srbaci*, *srbini* (м. р., мн. ч.). Сербы живут в селах, расположенных на берегу

Дуная (например, Дивич (*Divici*), Берзаска (*Berzasca*), Свиница) (рум. *Clisura Dunării*, серб. *Banatska klisura*, *Dunavska klisura*, чеш. *Dunajská soutěška*), а также вдоль реки Нера, тогда как чехи преимущественно селились в горной местности. Румынские села расположены в горной местности и на берегу Дуная. Вот как информанты говорят об этническом составе сел региона, как в их представлении выглядит этническая карта региона:

(3.1) *L'upkova to je srpska | vesnica || Moldava tak je taki srpska-a || vesnice | a Sikovi-ic Gorn'e to jsou e | ru'munski | ortodoxki || to je ru'munski⁸* (Сфишта-Елена, жен., 55),

Любкова – это сербское село. Молдава – та тоже серское село. А Сиквица, Горня – это румынские, православные. Это румынские.

Собеседники признаются, что румынский язык они знают и активно его используют за пределами чешской общины, семьи, поскольку это официальный язык, который необходим для взаимодействия с государственными органами, для получения профессионального и высшего образования, на работе и т.д.⁹

(3.2) *Jo || mušime | mi | pracujeme v Ru'munsku žijeme v Ru'munsku* (Златица, жен., 50).

Да, мы должны, мы работаем в Румынии, живем в Румынии.

В селе Златица, представляющем особый языковой феномен среди чешских сел Румынии, чехи, как правило, владеют еще и сербским языком. Златица расположена вдали от основного массива чешских сел в окружении сел с сербским населением (например, *Pârgeaura*, *Socol*, *Lescovića*) и является, таким образом, чешским языковым островом. В селе также есть *pemski sokak* (серб. «чешская улица»), чешская часть села, сербская православная церковь и католическая церковь, кладбище на все село одно. Жители следующим образом характеризуют использование языков в своем сообществе (в семье, в церкви, с соседями, в школе), говорят об этническом составе (высказывания записаны от чехов на чешском и сербском языках):

(3.3) *Toto dživ bila česka ve- srpska vesnice tadi bila ve Zlatici | mislim von'i | jak ti bili d'et'i sem par'xant'i jak se povida to | mislim hodn'e mluvi srpski || i se mluvilo srpski po vesnici požad || jenom doma sme učeli jako bi učeli | mi vid'eli česki nebo diž deme do 'kostela nebo | kad je meni lepšiš mluvit srpski neš co česki* (Златица, муж., 55).

Это раньше было чешское се-, сербское село здесь было в Златице, я имею в виду, они, дети, здесь [были], сорванцы, как говорят, я имею в виду, что много говорили по-сербски. И говорили по-сербски в селе все время, только дома мы учили, мы знали чешский или когда идем в церковь или... Но мне легче говорить по-сербски, чем по-чешски.

(3.4) *Uglavnom | srpski || sas komšjama ovo sve srpski | oní sada i pa kažem sad više i ne ne baš se pravi ta razlika || mnogo se i govori i rumúnjski || zato šta ima mmono rumuna || to su ti šta kažemo mi e-e || cigani | je došljaci šta došli množe sa strane koji se udali se ženili kod nas | i ondak se više godina mnogo se govori rumúnjski || a sve manje česki* (Златица, муж., 55).

По большей части по-сербски, с соседями, это все по-сербски. Они сейчас, да я и говорю, сейчас уже и не делают различия. Много говорят и по-румынски, потому что много румын. Эти, как мы говорим, э-э, цыгане, пришлые, что пришли многие со стороны, которые вышли замуж, женились у нас и вот много лет много говорят по-румынски, и все меньше по-чешски.

(3.5) *Mi mluvíme česki ano a vite že | a pudam i rumunski mi to školu rumunsku mi d'ali školu rumunsku | tak mi umime lepši rumunski | i d'et'i jiš mluvíme se pot'kame tak vic srpski mluvíme* (Златица, муж., 55).

Мы говорим по-чешски, да, а вы знаете, что... Я говорю, [что] и по-румынски, мы в школе румынской, учились в школе румынской, так что мы лучше знаем румынский. И с детьми уже говорим, когда встречаемся, так больше на сербском разговариваем.

(3.6) *Ja sam čeh | mluvíme česki al doma | ve vesnici malo [...] tuto je srpska | tuto | to je srpska vesnice tak mluvíme srpski vic* (Златица, муж., 55).

Я чех, мы говорим по-чешски, но дома, в селе мало... это сербское, это сербское село, поэтому мы больше говорим по-сербски.

(3.7) *Pa mi-i | ovde smo u selo srpsko | mi smo bili pemci | majka bila pemkinja | otac mi bio pemac | i takó smo se naučili || a smo radili u-u Moldávu i takó naučili i rumunjski | šta da radiš | moraš da se naučiš kad si tu | živiš u tu Rumuniju* (Златица, жен., 80).

А мы, здесь мы в сербском селе, мы были чехи, мать была чешка, отец мой был чех, и так мы выучили. А работали мы в Молдова-Ноуэ и так мы выучили и румынский, что делать, ты должен выучить, раз ты здесь, живешь в Румынии.

Что касается обратной ситуации, то во время экспедиции не удалось встретить сербов, активно владеющих чешским языком, однако пассивное знание было зафиксировано. Ср. записанный от собеседницы сербки нарратив:

(3.8) *Razumím i česki jel moja svekra | mojga čověka majka bila | čehinja || ja kad sam došla u pemské taj prvi sokák, tu ima mlogo pemaca i ja sad s njima* (Златица, жен., 75).

Я и чешский понимаю, потому что моя свекровь, мать моего мужа, была чешка. Я когда пришла в чешскую, эту первую, улицу, здесь много чехов, и я теперь с ними (серб.).

4. Использование румынских лексических элементов в чешской речи информантов распространено достаточно широко. Г. Чипля отмечает, что большинство заимствований из румынского языка в чешский происходило в XX в. [45. S. 212]. Естественно, этот процесс характерен для всех славянских идиомов в Румынии; так, в языке карашевцев слова румынского происхождения, а также калькированные лексемы составляют одну пятую всего лексического фонда карашевского языка [24. С. 145, 150].

Лексические румынизмы активно заимствуются и адаптируются в принимающем языке. Приведем примеры функционирования существительных и глаголов из нашего корпуса спонтанной речи румынских чехов:

(4.1) *Von bil e-e ten e- mad'ar || a vona bila n'em'cojka* (рум. *nemțoaică* – немка) (Сфынта-Елена, жен., 83).

Он был, э-э, этот, венгр. А она была немка.

(4.2) *Pši(s)jeli pro n'ej takle večer jednu v devit'i hodinax s- | ta sal'yarka* (рум. *salvare* – скорая помощь) (Шумица, жен., 76).

Приехали за ним вечером, где-то часов в девять, скорая помощь.

(4.3) *Takle sme vázali ti snopki | a pak sme tajdle davali na takvej vál | a tule ten motor | už ho nefalosime že uš nemlátime ja mam ta(m)le inej i toho žezat dživi* (рум. *a folosi* – использовать) (Шумица, жен., 78).

Так мы вязали снопы, а потом мы вот это подсоединяли к такому валу, а здесь этот мотор, мы его уже не используем, у меня там есть другой и чтобы пилить дерево.

Речь идет не только о румынских реалиях, чешские наименования которых информантам могут быть незнакомы (4.2, скорая помощь), но и о словах из повседневного лексикона (4.1, 4.3), которые существовали в языке чехов до переселения в Банат. Румынский глагол *a folosi* (использовать, употреблять) адаптируется к системе спряжения чешских глаголов (ср. также способы адаптации, описанные в [14. S. 95]). При помощи словаобразовательного форманта *-k*- образуется лексема *salvarka* от румынского *salvare* (скорая помощь, машина скорой помощи)¹⁰. Степень адаптации некоторых лексем определить сложно, поскольку контексты употребления не позволяют установить, как лексема ведет себя в косвенных падежах, однако на синтаксическом уровне мы видим, что это слово воспринимается как существительное женского рода, чему способствует фонетически сходное с чешским аналогом окончание: *nemțoaică* (рум. немка). Отсутствие дифтонга в корне, а также палатализацию *n* перед *e* в этом слове можно рассматривать либо как фонетическую адаптацию, либо как результат заимствования лексемы непосредственно из банатского диалекта румынского языка, в котором в этой позиции дифтонгические сочетания не реализуются, а перед *e* и *i* происходит палатализация согласных *l, n, r*¹¹.

5. Среди заимствованных неполнозначных и служебных слов выделяются так называемые «банатизмы» (*baš, barem, makar, bar*). Термин «банатизмы» Добрицю-Александру определяет как «сербизмы, мадьяризмы и германизмы, которые проникли в чешские говоры через посредничество румынского языка» [39. S. 376]. Исследователь также отмечает, что через сербскохорватский язык в Банат проникали слова из турецкого и болгарского языков [Ibid.]. Оставляя в стороне происхождение этих слов, а также правомерность использования термина «банатизмы» в данном случае, мы лишь отметим, что указанные частицы присутствуют как в сербском языке (серб. *baš, barem, makar, bar*), так и в румынском (часто в словарях указана помета «регионализм», «банатизм») (рум. *baş, barem (baremi, barim), tăcar, bar*), и широко используются не только чехами в Златице, где есть непосредственный контакт с сербами, но и в чешских поселениях, значительно удаленных от сербских сел (например, в Шумице). А. Фрнохова говорит только о

трех частицах, тогда как в нашем корпусе выделяется еще частица *bar* [14. S. 88–89]. Что касается частицы *baš*, то фиксируется ее использование с глаголами отрицания [10. S. 205]; такое употребление характерно и для нашего корпуса.

(5.1) *Neumim baš || neumit jenom česki* (рум. *baş* – особо, как раз, именно) (Шумица, жен., 78).

Не умею особо [петь румынские песни], не умею, только чешские.

(5.2) *Mam tadi dva... [неразборчиво] nedod'elani a ješt'e barem dva bi ja uš ničko budu mit gdi | tak todle zas budu skládat takle | abi to bilo v zimn'e pot -tšexu (střechu) viš abi to ne bilo na dešt'i* (рум. *barem* – хотя бы) (Шумица, жен., 78).

У меня здесь два ряда [древ] незаполненные, и еще хотя бы два, у меня теперь будет, где [их хранить], и это я буду складывать вот так, чтобы оно зимой было под крышей, понимаешь, чтобы оно не было под дождем.

(5.3) *To sou potom švagrove makar cizi bili* (рум. *tăcar* – хоть, хотя бы, по крайней мере) (Сфынта Елена, жен., 83).

Они потом [становятся] шуринаами, хоть и чужие были.

(5.4) *U rutinuw, tam sed'ej a hlidaju | bar to | dit' von nepude n'ikam* (рум. *bar* – хотя бы, хоть) (Сфынта Елена, жен., 83).

У румын, там сидят и следят, хотя бы так, но он же не пойдет никуда.

6. Отдельно следует сказать про заимствования из сербского языка. Некоторые из них функционируют на гораздо большей территории (например, в гомогенном чешском селе Эйбенталь), а не только в Златице, где наблюдается непосредственный контакт между чешским и сербским языками. Причины подобного явления еще предстоит выяснить. Ниже приведем пример употребления заимствованных из сербского существительных (6.1, 6.2) и глагола (6.3).

(6.1) *A tuto přide (tuften ten || ka'pije | mi pame ka'pije to* (серб. *kapija* – ворота) (Златица, муж., 55).

А это будут эти вот, ворота. Мы говорим, ворота.

(6.2) *Ru'sali paj ru'muni ru'sali || sad mi povem dove* (серб. *Duhovi*, рег. *Dove* – Троица) (Златица, муж., 55).

Русалии, румыны [говорят] Русалии, мы сейчас говорим Троица.

(6.3) *A von'i pri se tolík up'lašili | že se misleli že | budou xtít n'ejaki | z dumuva n'ejaki po'dili vite | keri ti d'edovi babički kedi vodešli* (серб. *uplašiti* se – испугаться) (Эйбенталь, муж., 81)

А они, говорят, так испугались из-за того, что думали, что они захотят от дома какую-нибудь долю, понимаете, их дедушки, бабушки когда эмигрировали [в XIX в.].

Примечательно, что сербские слова заимствуются в чешский язык в той форме, в которой они функционируют в сербских говорах румынского Баната. В конкретном случае (6.1) речь идет о форме без переноса ударения к началу слова, характерного для литературного языка и новоштокавских говоров (*ka'pije* vs. *'kapije*). В Златице сербизмы проникают и в терминологию духовной культуры. Так, местные чехи используют сербское слово *Dovi / Dove* (серб. лит.

Duhovi), распространенное в сербских банатских говорах [46. С. 338] для наименования праздника Троицы. Интересно, что на этом примере можно видеть и проницаемость конфессиональных границ: происходит перенос лексемы, обозначающей праздник у православных сербов (и румын – информант приводит румынский аналог *Rusalii*), на католический праздник у чехов (чеш. *Trojice* [47. С. 234]).

7. Широко распространенной дискурсивной практикой во многих контактных ситуациях в мире является дублирование, или стратегия, перевода [48. Р. 78; 49. S. 169]. Информанты повторяют часть высказывания на другом языке, по сути, делают перевод. В славянских сообществах Румынии эта практика используется повсеместно¹², в речи их представителей славянские лексемы следуют в соседстве с румынскими. Если славянский эквивалент используется после румынского, можно говорить об автокоррекции. В нашем корпусе, помимо собственно использования чешского и румынского языков, что вполне ожидаемо в данном языковом сообществе (ср. пример 7.1), встречается одновременное употребление чешского и сербского (7.2), отмечены также случаи, когда задействованы три языка: чешский, румынский и сербский (7.3). Однако данная стратегия нами фиксировалась только в Златице, где сосуществуют три общины.

(7.1) *Von'i (g)diš skapou | skape teti mladi | u't'ikaji* (Шумица, жен., 85).

Они когда убегают, убегают эти молодые, убегают.

(7.2) *To se d'ela zes e-e.. || zes brambori | ze strouhani brambori | do do pekače a se to ide zes serem zes e-e || česnekem | viš co česnek || beli lukac | co poveju sr'bin'i* (Златица, муж., 55).

Это делается из э-э из картофеля. Тертый картофель на противень и это идет с сыром и с э-э чесноком. Знаешь, что такое чеснок (чеш. *česnek*)… чеснок (серб. *beli lukac*), как говорят сербы.

(7.3) *Kizis vosumset dva'catom šestom || n'ičko jak to | mi pame tisic vosumset dvacatom šestom jak to vi rozumite | o mie nouă sute două şase- o mie opt sute două şase || je iljadu osamsto dvajset šeste | jak povi sr'bin'i k'i rozumiš srpski* (Златица, муж., 55).

[B] тысяча восемьсот двадцать шестом. Как мы сейчас говорим, [B] тысяча восемьсот двадцать шестом, вы понимаете, тысяча девятьсот два шесть-, тысяча восемьсот два шесть (рум.), это [B] тысяча восемьсот двадцать шестом (серб.), как говорят сербы, ты понимаешь по-сербски?

В (7.3) собеседник рассказывает о времени переселения чехов в Банат и приводит точную дату, 1826 год. Для него важно удостовериться, поняли ли его правильно, на что указывает вопрос исследователю (*jak to vi rozumite*). Порядок следования языков в высказывании следующий: чешский, румынский (внутри собственно румынской части высказывания происходит автокоррекция из-за оговорки), сербский. В данном случае нельзя назвать эти факты коррекцией, обусловленной проблемой речепорождения в билингвальной среде, как это было в (7.1), поскольку речь не идет о забытом и неактуализированном во время чешском слове в чешском нарративе. Информант прибегает к этой стратегии, чтобы акцентиро-

вать внимание присутствующих на важной части своего сообщения. В конце высказывания после сербского фрагмента он еще раз обращается к одному из исследователей и спрашивает, понимает ли тот сербский. Использование румынского и сербского языков в данном случае оправдано тем, что раньше часть диалога с одним исследователем происходила по-румынски, а с другим – по-сербски. С той же целью, акцентирования внимания, во втором примере (7.2) происходит дублирование чешской лексемы по-сербски. Информант рассказывает рецепт блюда *toč* (рум. *toci*, серб. *toč*, чеш. *toč* – блюдо из картофеля), подробно перечисляя все ингредиенты. Однако при дублировании используется только сербский язык, а не румынский (*beli lukac* – диалектная форма, характерная для сербского языка обсуждаемой зоны [30. С. 438]¹³). Сама сербская лексема сопровождается при этом метаязыковым комментарием – указанием на то, что так говорят сербы. Дублированию могут подвергаться и румынские заимствования, в (7.3) собеседница дважды (что свидетельствует о колебаниях) повторяет глагол *skapat* (адаптированный по чешской модели глагол, образованный от рум. *a scăpa*, который широко используется в речи чехов¹⁴) [14. S. 86, 95, 103].

8. В нарративах информантов происходит переключение кода на румынский язык, однако в нашем корпусе зафиксированы случаи перехода в том числе и на сербский язык. Под переключением кода понимается «использование двух языковых вариантов в одном и том же диалоге» [51. Р. 239], «переход с одного языка на другой в рамках одного дискурсионного единства» [52. С. 69]. Так, в примере 8.1 информант передает слова, произнесенные в реальной ситуации общения с румынами по-румынски; появление цитаты на румынском обусловлено самой темой нарратива: собеседница рассказывает о народных традициях и поверьях румын¹⁵ (о гадании на погоду на каждый месяц по двенадцати луковицам). Фраза приводится только на румынском, за ней не следует перевод или пояснение значения на чешском. Это может объясняться тем, что изначально беседа с одним исследователем велась на чешском, а с другим – на румынском. Кроме того, такая практика (без перевода и пояснения) характерна для общения внутри чешской общины Румынии.

(8.1) *Ne von takle se sejde | v- voni jezd'ej | tadi maji pole mezi námi || a uš tadi jsou n'ekere vos- bidlej teda | koupili si baráki n'ekeri || a tak von'i říkali, že are sá vine ploie¹⁶ rumunski* (Сфынта-Елена, жен., 83).

Нет, они собираются, они ездят. У них поля рядом с нашими. А некоторые уже здесь живут. Некоторые купили себе дома. И так они говорили: «Будет дождь (рум.), – по-румынски.

В Златице фиксировались и ситуации перехода с чешского на сербский язык. Так, говоря о собственной языковой компетенции в чешском и сербском языках, собеседник переходит на сербский, вероятно, для того, чтобы продемонстрировать уровень владения сербским языком (тема интервью – языковая биография), что сопровождается невербальной реакцией – смехом.

(8.2) *A protože srpska vesnice jako lepši mi to je i otpovídám na sprški | lakše mi srpski da govorim* [смех] *a i zeta- tam ja mnoho zeta srbi- srbaka | srbín je i tuj sest- moje sestra brala za srbán- e za srbaka* (Златица, муж., 55).

А так как [это] сербское село, мне как-то проще, и я отвечаю по-сербски. Мне легче по-сербски говорить (серб.). И с зятьями, у меня много зятьев сербов. Серб, моя сестра вышла за серба.

В обоих высказывания румынские и сербские фрагменты обрамлены фразами на чешском, встроены в чешский дискурс.

9. Отдельным жанром в записанных нами нарративах, связанным как с переключением кода, так и с метаязыковым осмыслением контактирующих языков и самих языковых контактов, являются истории из жизни информантов, в которых рассказывается о недопонимании, вызванном ошибочной трактовкой лексем / фраз на неродном для информантов языке, их незнанием, что в результате приводит к анекдотичным последствиям (см. подробнее о подобных анекдотических историях [53. L. 30; 54]). Такие истории нечасто удается записать в полевых условиях, и, как правило, они рассказываются спонтанно, собеседник должен обладать особым чутьем к языку, чтобы уловить такие моменты, запомнить их и передать исследователям. Во многих случаях эти истории становятся семейными рассказами и передаются из поколения в поколение. Для изучения языковых контактов они чрезвычайно важны, поскольку отражают языковую ситуацию прошлого, а также дают представление о языковой компетенции, о коммуникативных трудностях, с которыми сталкивались информанты, вынужденные в повседневной жизни иметь дело с несколькими языками. Следующие истории, необычайно живые и непосредственные, записаны в селе Сфынта-Елена. Они интересны для нас помимо сказанного выше еще и тем, что в них используются одновременно не два, а три языка: чешский, румынский и сербский.

(9.1) *A srpski, u jedni srpki sem sloužila teda, vona povida na mne: «Anka, idí donesi mi bili lukac». Ja šla do špajzu: gde je bili lukac? Pak sem šla: «Pa domna, acolo nu e niciunde».* A вона: *«Pa este, Anca, du-te sá-l cauť!» – «Domna, l-am căutat peste tot dar nu e».* Von to bil česnek, po srpski bile lukac (Сфынта-Елена, жен., 83).

А сербский – у одной сербки я, значит, служила, она мне говорит: «Анка, иди, принеси мне *bili lukac* (серб. диал. чеснок)». Я пошла в кладовку: где *bili lukac*? Потом прихожу: «Госпожа, там нигде нет (рум.)». А она: «Да есть же, Анка, иди его ищи! (рум.)» – «Госпожа, я его искала везде, но его нет (рум.)». А это был чеснок. На сербском *bili lukac*.

(9.2) *Pak te poveda jednou, že pri sed'ela takle f pokoji a žika: «Anka, donesi mi marambicu!» Ale ja hledam kočku: mi-ic mi-ic. «Pai domna, aicia nu e pisica niciunde».* – *«Anca, ai căutat pisica?»* A вона се smala. Von to bil kapecník, po srpsku (Сфынта-Елена, жен., 83).

Потом она мне как-то говорит, сидела она вот так в комнате и говорит: «Анка, принеси мне *marambicu* (серб. / рум. платок)!» А я ищу кошку: кис-кис (*mic, mic*)! «Госпожа, там нигде нет кошки (рум.)». – «Ан-

ка, ты искала кошку? (рум.)» И она смеялась. А это был платок, на сербском.

(9.3) «*Anka, idi operi sudove!*» *A ja pam, pane Ježiši, vona blázen nebo si strat’ila rozum. Te ja polezu po sudu, von’i tam srbáci lezou po žebřiku, do sudu, meli ti kad’e velki, von’i na vinogradu ne, toho vína ne. A ja: «Pá domna, iou nu pot sá tā urc cu scara acolo». Vona pa: «Unde vrei sá te urci?» Ja: «Pa māncareť nu nu». A vono to bilo nádobi, sudove ne. Al ja misela sudi* (Сфынта-Елена, жен., 83).

Анка, иди помой посуду! (серб.). А я говорю, Господи Иисусе, она сумасшедшая или потеряла разум. Я полезу по бочке (чеш. *sud* – бочка), они, сербы, туда залезают по лестнице, в бочку, у них были такие кадки большие, для винограда. А я: «Госпожа, я не могу подняться по лестнице туда (рум.)». Она: «А куда ты хочешь подняться? (рум.)» А я: «Ешьте не не»? (досл. рум.). А это была посуда, *sudove* (серб. *посуда*). А я думала, бочки.

Истории были рассказаны, чтобы продемонстрировать исследователям, что А. С. владеет в некоторой степени сербским языком. Комический эффект возникает из-за недопонимания высказываний, произнесенных на другом языке. Эти истории сохраняются в памяти собеседницы и были рассказаны исследователям как иллюстрация коммуникативных неудач. Интересно, что сама ситуация непонимания связана с чешско-сербским взаимодействием: именно из-за ошибочной трактовки сербских фраз, чему отчасти способствует и структурная близость между этими славянскими языками, происходят анекдотичные истории. Тем не менее в самом нарративе присутствуют еще и высказывания на румынском языке. Истории построены по одному сценарию: хозяйка-сербка, у которой в молодости прислуживала информантка, обращается к ней по имени и дает поручение по-сербски (используется глагол в повелительном наклонении: (*idi*) *donesi, operi...*). При выполнении поручения А. С. сталкивается с трудностями, после чего следует диалог между хозяйкой и А. С. уже на румынском. Завершается история объяснением, из-за чего возникла коммуникативная неудача, следует перевод для исследователей сербского «проблемного» слова на чешский язык. Таким образом, сербские и румынские высказывания характерны для речи хозяйки, румынские – для А. С. Очень трудно сказать, происходило ли в действительности общение именно с таким распределением языков, как оно представлено в нарративе. Но в распределении языков наблюдается закономерность: просьба хозяйки вначале формулируется на сербском языке, а затем, когда А. С. сталкивается с трудностями, дальнейшая коммуникация происходит на румынском, компетенция в котором у А. С., вероятно, выше, чем в сербском. Можно сказать с уверенностью – в отличие от чехов в Златице сербским языком жители обследованных чешских сел активно не владеют¹⁷. От жителей чешских сел (за исключением Златицы) связанные тексты на сербском языке записаны не были, тогда как румынские тексты повсеместно порождаются беспрепятственно.

Каждое высказывание вводится как прямая речь. А сербские и румынские фразы приведены в диалект-

ной форме (ср. *beli lukac*¹⁸ в сербском; палатализация согласных перед *e*, например: [*und’e, t’e*]; диалектная форма глагола при отрицании в повелительном наклонении *ni māncareťi*; форма личного местоимения первого лица [*jou*] (ср. [55. Р. 90–97; 56. С. 989–990], разговорные формы типа [*aič’ a*] вместо [*aič’*] – в румынском). В (9.1) комический эффект связан с тем, что А. С. искала «белый лук», тогда как речь шла о чесноке (серб. диал. *beli lukac*, чеш. *česnek*). В (9.2) сербское слово *maramica* («платок»; в произношении собеседницы – *marambica*) было непонятным для собеседницы и по сути являлось набором нерасчлененных звуков, из которых она уловила только последний слог,озвучный тому, как подзывают кошку – *mic-mic* (*maramiňa* присутствует также в румынском языке наряду с *năframată, maramă, mahramă, năframioară*). В (9.3) просьбу хозяйки помыть посуду (*idi operi sudove*) растолковала так, что ее просят вымыть огромные бочки для хранения винограда, поскольку в чешском языке слово *sud* обозначает бочку, в отличие от сербского *sud* – посуда [57. С. 62–63].

10. Рассмотрим особенности так называемой второязычной речи информантов в обследованном регионе, т.е. речи на (функционально) втором языке, отличающемся от языка этнической группы (подробнее о второязычной речи см. [58. С. 181–197]). В данном случае нас будет интересовать речь чехов на сербском языке. В нашем корпусе помимо фактов переключения кода с чешского на сербский имеются и полноценные интервью с чехами на сербском языке. Речь идет о местном сербском диалекте, для которого характерны следующие особенности¹⁹: нет переноса ударения (*radili, kapije*)²⁰; отсутствие *h* в начале слова (*iljedu*); типичные фонетические явления в лексемах *mlogo, Srblji*; окончания глаголов в 3 л. мн. ч. *-du* (*mećajedu*); отсутствие глагола-связки в 3 л. ед. ч. и мн. ч. (*ljudi čuváli, lakše mi da govorim*); совпадения падежей направления и места (*radili u Moldávu, živiš u tu Rumuniju*), специфическая лексика (например, *dovi*).

Из контактных особенностей нами фиксировались наиболее частотные румынские заимствования в сербской речи чехов, а также метаязыковые высказывания, возникающие при коммуникативных затруднениях. Так в (10.1) в сербской речи собеседницы-чешки для румынской лексемы *doliu* (траур) не был найден подходящий сербский эквивалент, о чем она просигнализировала в метаязыковом высказывании, за которым последовало толкование проблемного слова. Здесь можем наблюдать уникальную ситуацию, первой вспомнилась именно румынская лексема, а не чешская в речи информантки-чешки на сербском языке:

(10.1) *Pa | to je takó | znate kako | je to ko neki-i | kako se kaže-e | ko doliu ne znam kako kaže na srpski to je ko-o | metne barjak crn napolje znate kad umre || tad imáče | ima šest nedelja kako je umro* (Златица, жен., 80).

А это такое, знаете как, это как такой, как это сказать, как траур, не знаю, как это сказать на сербском, это как, вывесит флаг черный снаружи, знаете, когда умрет, тогда будет, шесть недель, как умер.

Кроме того, встречаются и широко распространенные румынизмы, которые используются без до-

полнительного метаязыкового комментария. Показательно, что лексема *orthodox* фиксировалась нами и в чешской речи чехов.

(10.2) *Pemci smo e-e | ortodóksi su srblji a-a | ovi-i kako im se kažedu | pemci su-u | katólici* (Златица, жен., 80).

Мы чехи, православные – это сербы, а-а, эти, как их называют, чехи – это католики.

В Златице выстраивается следующая модель языковой ситуации: родным идиомом собеседников является чешский язык в его диалектной форме, принесенной из собственно чешских земель. Те, кто имел возможность изучать чешский язык в школе, а также слушать программы вещания радио Тимишоара на чешском языке, знакомились с его литературной формой. Румынский язык является обязательным языком при обучении и при устройстве на работу. В школе происходит усвоение литературной нормы румынского языка, тогда как при общении с соседями-румынами румынская речь чехов подвержена влиянию банатского диалекта. Сербский язык усваивается чехами в Златице от соседей-сербов в его диалектной разновидности, а с литературным сербским языком можно познакомиться при просмотре телевизионных каналов и прослушивании радио из соседней Сербии, а также во время поездок в Сербию (что особенно актуально для жителей приграничных районов).

11. Влияние сербского языка за менее чем двухсотлетнюю историю контактирования прослеживается в речи банатских чехов Румынии (заимствованные лексемы, переключение кода), однако масштаб этого влияния гораздо меньше, если сравнивать с воздействием румынского языка. Был обнаружен и впервые описан лингвистический феномен чешской общины в Златице: именно в этом селе чехи активно владеют сербским языком, а доля сербизмов достаточно высока в их речи. В отличие от Златицы в дру-

гих гомогенных чешских населенных пунктах (например, Шумица, Эйбенталь) активное владение сербским языком не встречается, там наблюдаются лишь спорадические сербизмы. Было также установлено, что сербский язык в восприятии чешских жителей гомогенных сел является источником коммуникативных неудач (этому во многом способствует близкородственный характер славянских языков – чешского и сербского, например, в лексике: чеш. *sud* – бочка, серб. *sud* – посуда), что находит отражение в жанрах метаязыковых анекдотических рассказов. Языковую ситуацию в Златице можно описать следующим образом: сербский язык там является одним из важнейших средств повседневной коммуникации (ср. высказывание: *tak vic srpski tluvime* – так мы больше по-сербски разговариваем). В чешской речи активно используются румынизмы, банатизмы (*makar, bar, barem, baš*), а также сербизмы (например, *kapija*). Стратегия дублирования у чешскоязычных жителей Златицы включает в себя также и сербский язык, переключение кода осуществляется одновременно на румынский и сербский языки. Чехи активно владеют местным сербским диалектом (ср. диалектные формы *mlogo, mećajedu*).

Дальнейшие перспективы исследования заключаются в расширении изучения чешского мигрантского сообщества Златицы с особым акцентом на сербском языковом влиянии, количественной обработке выявляемых сербских элементов и сопоставлении результатов с данными по другим чешским сообществам Баната, где отсутствует прямой контакт с сербским населением, а также с румынскими контактными элементами. В будущем предстоит также выяснить причины распространения сербизмов в тех чешских селах, где сегодня отсутствуют прямые контакты с сербами.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Много чехов, в особенности молодое поколение, переселились в Чехию, а также в другие страны Европейского Союза.

² Здесь можно упомянуть фестиваль *Dulcele bunicilor/Dobroty babiček*, который проходил 28.09.2019 в Бэйле-Херкулане и где были представлены блюда чешской кухни.

³ В ходе экспедиции было записано также два интервью с румынами-католиками. Речь идет о румынках, вышедших замуж за чехов, перешедших в католицизм из православия и выучивших чешский язык. Традиционных общин румын римо-католиков или греко-католиков в изучаемом регионе не было обнаружено (ближайшими католическими соседями являются венгры, немцы и карашевцы).

⁴ Если румынское название села по сути является передачей сербского топонима, то венгерское название, образованное в XIX в. во время политики мадьяризации, представляет собой семантическую кальку (венг. *agápy* – золото), а также содержит упоминание реки Нера).

⁵ На другой стороне границы неподалеку от Неры находится самое крупное в Сербии село с чешским населением – Крушница.

⁶ Данные по Златице – 2002 г. [29. 97 о.]

⁷ Обзор работ по региону Полядия, к которому относится и Златица, дан в статье [33].

⁸ В примерах используется упрощенная транскрипция на основе стандартной чешской орфографии. Отмечаются ударные слоги: *tak pu'vida*. Мягкость обозначается апострофом: *mad'ar*. Задненебный согласный, обозначаемый в стандартной орфографии *ch*, в транскрипции обозначен как *x*. Для транскрипции цитат на других языках применяется запись, приближенная к стандартной орфографии этих языков. После каждого примера в скобках указаны место записи, пол информанта, возраст.

⁹ Информанты очень положительно реагируют, когда узнают, что исследователи владеют также румынским языком: Инф.: *A vi ne zname rumunjski ništa?* Исл.: *Eu vorbesc românește*. Инф.: *Da-a, atunci e bine!* (– А вы по-румынски ничего не знаете? – Я говорю по-румынски. – Да-а, тогда хорошо!) (Златица, жен., 80).

¹⁰ Ср. употребление заимствований от приводимых румынских лексем в украинских говорах Сучавщины: *A je i bagato [пташок] iho ni dujse^u folosim* [21. S. 425], (Марицея); *Ўз'или салваре до Ватра Дорнеї* [21. S. 377], (Молдова Сулица).

¹¹ Ср. также этоним *srobojka* (сербка) в говоре сербов Свиницы с тем же самым суффиксом [42. S. 219].

¹² Ср. в русском языке старообрядцев-липован: *а как возьмешь с вефра, уже початая вода – ну мерджке, не пойдёт* [50. С. 97]; в украинском языке сел Добруджи: *кладем петрушки, кладем кропу, кладем лео'шт'яну (л'убисток jak скажат')* [21. S. 575]. Д.В. Конёр, описывая язык карашевцев, говорит о том, что многие элементы высказываний оказываются переводом сказанного ранее на первый или второй язык говорящего или уточнением, дополняющим мысль говорящего [23. С. 63].

¹³ Так же как и в (1), где *iljada* (серб. лит. *hiljada*) употреблено без начального *h*, что отражает произношение этого слова в местном сербском диалекте, связанные с утратой этого звука [42. С. 148].

¹⁴ Отмечен этот глагол и в других славянско-румынских контактных ситуациях, в частности в украинских говорах Баната в селе Зориле [21. S. 312], а также в польских говорах на Буковине [22. С. 158].

¹⁵ Данные нарративы обладают ценностью не только для социолингвистики и контактологии, но и для этнографии, этнолингвистики и теории идентичности, поскольку в них подробно идет речь о румынских народных традициях, которые сравниваются с похожими традициями у чехов.

¹⁶ В этой румынской фразе, являющейся переключением кода и передающей речь соседствующих с чехами банатских румын, используется будущее время со вспомогательным глаголом *a avea*. Интересно отметить, что эта конструкция изоморфна конструкции для выражения будущего времени, распространенной в сербских говорах на территории Румынии [42. С. 93].

¹⁷ С сербским языком А. С. познакомилась в одном из близлежащих придунайских сел, которые сравнительно недалеко расположены от чешского села, где она прислуживала у сербской семьи (по всей видимости, речь идет о городе Молдова-Ноуэ). Именно с этим фактом, а также с тем обстоятельством, что овладевать сербским языком пришлось уже во взрослом возрасте (в отличие от Златицы, где чехи усваивают сербский язык с детства), и связаны коммуникативные трудности.

¹⁸ Форма *bili* в *bili lukac* связана, по всей видимости, с отождествлением сербского прилагательного *beli* с чешским *bili* (сербские говоры на этой территории экавские). См. также это слово в разделе про дублирование.

¹⁹ Перечислены только наиболее характерные диалектные признаки.

²⁰ Здесь и далее в сербских словах отмечается только место ударения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Populația după etnie – macroregiuni, regiuni de dezvoltare, județe și categorii de localități. Rezultate definitive_RPL_2011. Volumul II: populația stabilă (rezidentă) – structura etnică și confesională // Recensamantul 2011. Institutul Național de Statistică. URL: http://www.recensamantromania.ro/wp-content/uploads/2015/05/vol2_t2.xls (дата обращения: 31.07.2020).
2. Populația după limba maternă – macroregiuni, regiuni de dezvoltare, județe și categorii de localități. Rezultate definitive_RPL_2011. Volumul II: populația stabilă (rezidentă) – structura etnică și confesională // Recensamantul 2011. Institutul Național de Statistică. URL: http://www.recensamantromania.ro/wp-content/uploads/2015/05/vol2_t6.xls (дата обращения: 31.07.2020).
3. Costachie S., Bogan E., Soare I., Barakova A. Czech minority in Banat – Romania. A social geography survey // Geographia Pannonica. 2011. Vol. 15 (1). P. 7–15.
4. Gecse D. Historie českých komunit v Rumunsku. Praha : Herrman & synové, 2013. 464 s.
5. Alexandru-Dobrițoiu T. Istoricul așezării cehilor în Banatul de Sud (Republica Socialistă România) // Romanoslavica. 1965. № XII. P. 139–144.
6. Rozkoš P. Contribuție la istoria colonizării „pemilor” în Banat // Analele Banatului. Serie nouă, Istorie. 1996. № IV (2). P. 48–56.
7. Svoboda J. Česká menšina v Rumunsku. Edice Češi na Balkáně. Praha, 1999. 35 s.
8. Svoboda J. Češi nad Dunajskými soutěškami. Praha, 2002. 56 s.
9. Ciplea Gh. Cantitatea vocalică în graiurile cehe din Banat // Romanoslavica. 1963. № VII. P. 211–217.
10. Utěšený S. O jazyce českých osad na jihu rumunského Banátu // Český lid. 1962. № 49 (5). S. 201–209.
11. Utěšený S. Z druhé výpravy za češtinou v rumunském Banátě // Český lid. 1964. № 51 (1). S. 27–32.
12. Daneš I. Příspěvek k otázce adaptace a asimilace Čechů v rumunském Banátu (na základě výzkumu z let 1979–1980) // Český lid. 1982. № 69 (1). S. 51–58.
13. Vyskočilová K. Czech language minority in the South-eastern Romanian Banat // International Journal of the Sociology of Language. 2016. № 238. P. 145–167.
14. Frnnochová A. Jazyk české menšiny v obci Šumice v rumunském Banátě. Diplomová práce (Mgr.). Filozofická fakulta UK. Ústav českého jazyka a teorie komunikace. Praha, 2012. 117 s.
15. Skalníková O., Scheufler V. Základy hmotné a duchovní kultury českých kovozemědělských obcí v rumunském Banátu // Český lid. 1963. № 50 (6). S. 332–342.
16. Jech J., Secká M., Scheufler V., Skalníková O. České vesnice v rumunském Banátě. Praha : Ústav pro etnografii a folkloristiku ČSAV, 1992. 202 s.
17. Kresová H. Rodinné obřady české menšiny v rumunském Banátu. Nadlak : Ivan Krasko, 2012.
18. Cehii din Banat / eds. by J.A. Zsold, P. Lehel. Cluj-Napoca : Editura Institutului pentru Studierea Problemelor Minorităților Naționale, 2018. 328 p.
19. Vrabie E. Privire asupra localităților cu graiuri slave din Republica Populară Română // Romanoslavica. 1963. № VII. P. 75–85.
20. Павлюк М., Робчук І. Українські говори Румунії. Едмонтон ; Львів ; Нью-Йорк ; Торонто, 2003. 784 с.
21. Krasowska H. Górale polscy na Bukowinie Karpackiej : studium socjolingwistyczne i leksykalne. Warszawa : Slawistyczny ośrodek wzdawniczy. Instytut Slawistyczny Polskiej Akademii Nauk, 2006. 341 s.
22. Радан М. Фонетика и фонология карашевских говоров данас. Нови Сад, 2015. 431 с.
23. Конёр Д.В. Лексика свадебной обрядности в славянском и румынском идиомах карашевцев в исторической области Банат : автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2020. 28 с.
24. Бошираковић Ж., Радан М. Досадашња истраживања утицаја румунског језика на лексику српских говора у румунском делу Баната // Јужнословенски филолог. 2010. № 66. С. 135–161.
25. Slovacii din România / eds. by J.A. Zsold, P. Lehel. Cluj-Napoca : Editura Institutului pentru Studierea Problemelor Minorităților Naționale, 2018. 448 р.
26. Младенов М. Българските говори в Румъния. София : Изд-во на Българската академия на науките, 1993. 455 с.
27. Борисов С.А. Чешский язык и традиционная культура в полигничном окружении (результаты полевого исследования 2019 года в Сербии, Румынии, Боснии и Герцеговине) // Славянский альманах. 2021. № 3–4 [в печат].
28. Bělič J. Nástin české dialektologie. 1. vyd. Praha : Státní pedagogické nakladatelství, 1972. 463 s.
29. Varga E.Á. Krassó-Szörény megye településeinek etnikai (anyanyelvi/nemzetiségi) adatai 1880–2002. 113 o. URL: <http://www.kia.hu/konyvtar/erdely/erd2002/csetn02.pdf> (дата обращения: 31.07.2020).
30. Томић М. Говор Радимаца // Српски дијалектолошки зборник XXXIII. Расправе и грађа / гл. ур. Павле Ивић. Београд, 1987. С. 307–474.
31. Okuka M. Srpski dijalekti. Zagreb: Prosvjeta, 2008. 320 s.
32. Ивић П. Српски дијалекти и њихова класификација. Сремски-Карловци; Нови Сад : Издавачка књижарница Зорана Стојановића, 2009. 221 с.
33. Сикимић Б. Пољадија: живот у пограничју // Исходишта. 2020. № 6. С. 381–397.
34. Богдановић Б. Обичаји животног циклуса код Срба у Румунији: свадба у селима Пољадије // Исходишта. 2020. № 6. С. 27–38.
35. Ђорђевић Белић С. (Ре)семантизација Богојављења на Нери у контексту перцепције пограничја // Исходишта. 2020. № 6. С. 61–91.
36. Ивановић Баришић М. Божић код Срба у Соколовцу у Румунији // Исходишта. 2020. № 6. С. 93–108.
37. Лончар Раичевић А. Прозодијске особености српских говоров у Румунији (Пољадија) // Исходишта. 2020. № 6. С. 173–182.
38. Судимац Н. О неким фонетским особеностима српских говоров у Румунији (Пољадија) // Исходишта. 2020. № 6. С. 265–276.
39. Dobrițoiu-Alexandru T. Banatismy v nářečích českých osad Svatá Helena, Gernik, Rovensko, Biger, Šumice a Clopodie // Slavia. 1967. № 36. С. 374–382.
40. Адам Д. Сећања на детињство у селу Златици. Београд : Етнографски институт САНУ, 1992. 105 с.

41. Голант Н.Г. Славянские этнические группы в румынском Банате (современная этнокультурная ситуация) // Славянские языки и культуры в современном мире : междунар. науч. симпозиум. Секция «Славянские языки и литературы в межнациональной коммуникации». М. : Моск. гос. ун-т, 2009. С. 30–31.
42. Томић М. Говор Свиничана // Српски дијалектолошки зборник XXX. Расправе и грађа / гл. ур. Павле Ивић. Београд, 1984. С. 7–265.
43. Rajković M. Višestruki identitet Čeha u Jazveniku, Etnološka tribina // Godišnjak Hrvatskog etnološkog društva. Zagreb, 2005. № 34/35. S. 237.
44. Valáh // Dictionarul explicativ al limbii române (ediția a II-a revăzută și adăugită). Academia Română, Institutul de Lingvistică. București: Univers Enciclopedic Gold, 2009. Dexonline. URL: <https://dexonline.ro/definitie/VAL%C3%81H> (дата обращения: 09.08.2020).
45. Ciplea Gh. Rumunské prvky v českých banátských nářečích v rumunském Banátě // Slavia. 1971. № 40. S. 211–219.
46. Ивић П., Бошњаковић Ж., Драгин Г. Банатски говори шумадијско-војвођанској дијалекта. Прва књига: Увод и фонетизам // Српски дијалектолошки зборник. 1994. № XL. С. 1–419.
47. Валенцова М.М. Народный календарь чехов и словаков. Этнолингвистический аспект. М. : Индрик, 2016. 616 с.
48. Gumperz J.J. Discourse Strategies. Cambridge : Cambridge University Press, 1982.
49. Wasserscheidt Ph. Bilinguales Sprechen. Ein konstruktionsgrammatischer Ansatz : dissertation zur Erlangung des akademischen Grades Doktor der Philosophie (Dr. phil.). Berlin, 2015. 347 s.
50. Плотникова А.А. Славянские островные ареалы: архаика и инновации. М. : Институт славяноведения РАН, 2016. 320 с.
51. Myers-Scotton C. Multiple voices: an introduction to bilingualism. Blackwell Publishing, 2006. 472 p.
52. Русаков А.Ю. Интерференция и переключение кодов (севернорусский диалект цыганского языка в контактологической перспективе) : дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2004. 105 с.
53. Kļavinska A. Latgaliešu anekdotes: lingvistisko kontaktu izpausmes // Via Latgalica Humanitāro zinātņu žurnāls. 2012. № 4. L. 25–32.
54. Пилипенко Г.П. Латгальский язык и русско-латгальский билингвизм в восприятии русскоязычных жителей Латгалии // Przegląd rusycystyczny. 2018. № 2 (162). С. 42–62.
55. Coteanu I. Elemente de dialectologie a limbii române. București : Editura Ştiințifică, 1961. 317 p.
56. Конёр Д.В., Соболев А.Н. Особенности неравновесного билингвизма у румыноязычных карашевцев в селе Ябалча // Индоевропейское языкознание и классическая филология. 2017. № 21. С. 987–1001.
57. Речник српскохрватскога књижевног језика. Књ. 6: С–Ш. Нови Сад : Матица Српска, 1976. 1042 с.
58. Пилипенко Г.П. Языковая и этнокультурная ситуация воеводинских венгров: взгляд «изнутри» и «извне». М. : Нестор-история, 2017. 336 с.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 27 августа 2020 г.

Czech-Serbian-Romanian Language Contacts in Romanian Banat Based on a Field Research

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 459, 15–26.

DOI: 10.17223/15617793/459/2

Sergej A. Borisov, Institute for Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: borisovsergius@gmail.com

Gleb P. Pilipenko, Institute for Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: glebpilipenko@mail.ru

Keywords: Czech language; Romanian language; Serbian language; multilingualism; Romania; Banat; code-switching; borrowing; field research; narrative.

The study is supported by the Russian Science Foundation, Project No. 20-78-10030.

The article deals with the influence of the Serbian language on the language of a Czech minority community in Romania (in Banat) against the background of the Czech-Romanian bilingualism. The aim of the study is to identify the degree and impact of this influence. The data for the study were collected during the field research in Sfânta Elena, Moldova Nouă, Băile Herculane, Șumita, Eibenthal, Zlatița. The phonetic and morphological features of the Serbian and Romanian languages spoken by Czechs, as well as the perception of the Serbian language, are discussed. It has been revealed that the number of Serbian contact items identified by means of the comparative method is much smaller compared to Romanians ones, except for the Czech community in Zlatița where Czechs use the local dialect variety of Serbian. Active knowledge of three languages is typical of the residents of Zlatița, located on the border with Serbia and having three language communities. Zlatița has a peculiar language situation (still not described anywhere), since the Czech community is a language island among Serbian and Romanian settlements in contrast to other homogeneous Czech settlements. For the first time, utterances containing code-switching in three languages were identified and analyzed. The active type of the studied multilingualism is characteristic of the Czech community of Zlatița, while residents of homogeneous Czech settlements master the Serbian language only passively. The analysis of the utterances revealed that Czechs speak the Romanian standard language that is learned at school and used in official communication, the Banat dialect of Romanian that is learned from Romanian-speaking neighbors and is used in informal communication, and the local varieties of Serbian that are used in communication with Serbs, as well as during trips to Serbia. The authors' conclusion is that this speech contains dialect features. The article also discusses Serbian borrowings in the speech of Czechs who live in homogeneous Czech villages. Such borrowings occur in code-switching (while quoting in narratives of a particular genre (metalanguage stories, jokes)), as well as in particular words. The authors reveal that Czechs living in homogeneous villages perceive the Serbian language as a source of communicative failures. The reasons for the use of Serbian lexemes in the dialects of Czech villages that are located far from the main settlements of Serbs, remain to be studied.

REFERENCES

1. Institutul Național de Statistică. (2011a) *Populația după etnie – macroregiuni, regiuni de dezvoltare, județe și categorii de localități. Rezultate definitive RPL 2011*. Volumul II. [Online] Available from: http://www.recensamantromania.ro/wp-content/uploads/2015/05/vol2_t2.xls (Accessed: 31.07.2020).
2. Institutul Național de Statistică. (2011b) *Populația după limba maternă – macroregiuni, regiuni de dezvoltare, județe și categorii de localități. Rezultate definitive RPL 2011*. Volumul II. [Online] Available from: http://www.recensamantromania.ro/wp-content/uploads/2015/05/vol2_t6.xls (Accessed: 31.07.2020).
3. Costache, S., Bogan, E., Soare, I. & Barakova, A. (2011) Czech minority in Banat – Romania. A social geography survey. *Geographia Pannonica*. 15 (1), pp. 7–15.
4. Gecse, D. (2013) *Historie českých komunit v Rumunsku*. Praha: Herrman & synové.
5. Alexandru-Dobrițoiu, T. (1965) Istoricul aşezării cehilor în Banatul de Sud (Republica Socialistă România). *Romanoslavica*. XII. pp. 139–144.

6. Rozkoš, P. (1996) Contribuție la istoria colonizării „pemilor” în Banat. *Analele Banatului. Serie nouă, Istorie*. IV (2). pp. 48–56.
7. Svoboda, J. (1999) Česká menšina v Rumunsku. Praha: Sdružení Banát. Edice Češi na Balkáně.
8. Svoboda, J. (2002) Češi nad Dunajskými soutěskami. Praha: Sdružení Banát. Edice Češi na Balkáně.
9. Ciplea, Gh. (1963) Cantitatea vocalică în graiurile cehe din Banat. *Romanoslavica*. VII. pp. 211–217.
10. Utěšený, S. (1962) O jazyce českých osad na jihu rumunského Banátu. *Český lid*. 49 (5). pp. 201–209.
11. Utěšený, S. (1964) Z druhé výpravy za češtinou v rumunském Banátě. *Český lid*. 51 (1). pp. 27–32.
12. Daneš, I. (1982) Příspěvek k otázce adaptace a asimilace Čechů v rumunském Banátu (na základě výzkumu z let 1979–1980). *Český lid*. 69 (1). pp. 51–58.
13. Vyskočilová, K. (2016) Czech language minority in the South-eastern Romanian Banat. *International Journal of the Sociology of Language*. 238. pp. 145–167.
14. Frnnochová, A. (2012) *Jazyk české menšiny v obci Šumice v rumunském Banátě*. Diplomová práce (Mgr.). Filozofická fakulta UK. Ústav českého jazyka a teorie komunikace. Praha.
15. Skalníková, O. & Scheufler, V. (1963) Základy hmotné a duchovní kultury českých kovozemědělských obcí v rumunském Banátu. *Český lid*. 50 (6). pp. 332–342.
16. Jech, J., Secká, M., Scheufler, V. & Skalníková, O. (1992) *České vesnice v rumunském Banátě*. Praha: Ústav pro etnografii a folkloristiku ČSAV.
17. Kresová, H. (2012) *Rodinné obrady české menšiny v rumunském Banátu*. Nadlak: Ivan Krasko.
18. Zsold, J.A. & Lehel, P. (eds) (2018) *Cehii din Banat*. Cluj-Napoca: Editura Institutului pentru Studierea Problemelor Minorităților Naționale.
19. Vrabie, E. (1963) Privire asupra localităților cu graiuri slave din Republica Populară Română. *Romanoslavica*. VII. pp. 75–85.
20. Pavlyuk, M. & Robchuk, I. (2003) *Ukrains'ki govoriv Rumunii* [Ukrainian dialects of Romania]. Edmonton; Lviv; New York; Toronto: I.Krypiakevych Institute of Ukrainian Studies National Academy of Sciences of Ukraine.
21. Krasowska, H. (2006) *Górale polscy na Bukowinie Karpackiej: studium socjolingwistyczne i leksykalne*. Warszawa: Slawistyczny ośrodek wzdawniczy. Instytut Slawistyczny Polskiej Akademii Nauk.
22. Radan, M. (2015) *Fonetika i fonologija karashevskikh govora danas* [Phonetics and phonology of Karashevski dialects today]. Novi Sad: Anul Ediției.
23. Koner, D.V. (2020) *Leksika svadebnoy obryadnosti v slavyanskom i rumynskom idiomakh karashevsev v istoricheskoy oblasti Banat* [Lexicon of wedding rituals in the Slavic and Romanian idioms of the Krashovani in the historical region of Banat]. Abstract of Philology Cand. Diss. St. Petersburg.
24. Radan, M. & Bošnjaković, Ž. (2010) Dosadašnja istraživanja uticaja rumunskog jezika na leksiku srpskih govora u rumunskom delu Banata [Previous research of the Romanian language influence on the lexicon of Serbian speeches in the Romanian part of Banat]. *Južnoslovenski filolog*. 66. pp. 135–161.
25. Zsold, J.A. & Lehel, P. (eds) (2018) *Slovaci din România*. Cluj-Napoca: Editura Institutului pentru Studierea Problemelor Minorităților Naționale.
26. Mladenov, M. (1993) *Bulgarskite govoriv v Rumuniya* [Bulgarian dialects in Romania]. Sofia: Izd-vo na B'lgarskata akademiya na naukite.
27. Borisov, S.A. (2021) Cheshskiy yazyk i traditsionnaya kul'tura v polietnichnom okruzhenii (rezul'taty polevogo issledovaniya 2019 goda v Serbii, Rumynii, Bosnii i Gertsegovine) [The Czech language and traditional culture in a multiethnic environment (Results of a 2019 field study in Serbia, Romania, Bosnia and Herzegovina)]. *Slavyanski al'manakh – Slavic Almanac*. 3–4 [in print].
28. Bělič, J. (1972) *Nástin české dialektologie*. 1. vyd. Praha: Státní pedagogické nakladatelství.
29. Varga, E.A. (2002) *Krassó-Szörény megye településeinek etnikai (anyanyelvi/nemzetiségi) adatai 1880–2002*. [Online] Available from: <http://www.kia.hu/konyvtar/erdely/erd2002/csetn02.pdf> (Accessed: 31.07.2020).
30. Tomić, M. (1987) Govor Radimaca. *Srpski dijalektološki zbornik*. XXXIII. Rasprave i grada. pp. 307–474.
31. Okuka, M. (2008) *Srpski dijalekti*. Zagreb: Prosvjeta.
32. Ivić, P. (2009) *Serbian dialects and their classification*. Sremski-Karlovci; Novi Sad: Izdavačka knjižarnica Zorana Stojanovića. (In Serbian).
33. Sikimić, B. (2020) Poljadija: life on the border. *Ishodišta*. 6. pp. 381–397. (In Serbian).
34. Bogdanović, B. (2020) Life cycle customs of Serbs in Romania: a wedding in the villages of Poljadija. *Ishodišta*. 6. pp. 27–38.
35. Đorđević Belić, S. (2020) (Re)semantization of the Epiphany on the Nera in the context of border perception. *Ishodišta*. 6. pp. 61–91. (In Serbian).
36. Ivanović Barishić, M. (2020) Christmas with Serbs in Sokolovac, Romania. *Ishodišta*. 6. pp. 93–108. (In Serbian).
37. Lončar Raičević, A. (2020) Prosodic features of Serbian dialects in Romania (Poljadija). *Ishodišta*. 6. pp. 173–182. (In Serbian).
38. Sudimac, N. (2020) On some phonetic features of Serbian dialects in Romania (Poljadija). *Ishodišta*. 6. pp. 265–276. (In Serbian).
39. Dobritoiu-Alexandru, T. (1967) Banatismy v nárečích českých osad Svatá Helena, Gernik, Rovensko, Biger, Šumice a Clopodie. *Slavia*. 36. pp. 374–382.
40. Adam, D. (1992) *Memories of childhood in the village of Zlatica*. Beograd: Etnografski institut SANU. (In Serbian).
41. Golant, N.G. (2009) [Slavic ethnic groups in the Romanian Banat (modern ethnocultural situation)]. *Slavyanskie yazyki i kul'tury v sovremennom mire* [Slavic languages and cultures in the modern world]. Proceedings of the International Symposium. Moscow: Moscow State University. pp. 30–31. (In Russian).
42. Tomić, M. (1984) Govor Svinichana. *Srpski dijalektološki zbornik*. XXX. Rasprave i građa. pp. 7–265.
43. Rajković, M. (2005) Višestruki identitet Čeha u Jazveniku, Etnološka tribina. *Godišnjak Hrvatskog etnološkog društva*. 34/35. p. 237.
44. Dexonline. (2009) Valáh. In: *Dicționarul explicativ al limbii române*. Ediția a II-a revăzută și adăugită. Academia Română, Institutul de Lingvistică. București: Univers Encyclopedic Gold. [Online] Available from: <https://dexonline.ro/definitie/VAL%C3%81H> (Accessed: 09.08.2020).
45. Ciplea, Gh. (1971) Rumunské prvky v českých banátských nárečích v rumunském Banátě. *Slavia*. 40. pp. 211–219.
46. Ivić, P., Bošnjaković, Ž. & Dragin, G. (1994) Banat variant of the Šumadija-Vojvodina dialect. First book: Introduction and phonetics. *Srpski dijalektološki zbornik*. XL. pp. 1–419. (In Serbian).
47. Valentsova, M.M. (2016) *Narodnyy kalendar' chekhov i slovakov. Etnolingvisticheskiy aspekt* [Folk calendar of Czechs and Slovaks. Ethnolinguistic aspect]. Moscow: Indrik.
48. Gumperz, J.J. (1982) *Discourse Strategies*. Cambridge: Cambridge University Press.
49. Wasserscheidt, Ph. (2015) *Bilinguales Sprechen. Ein konstruktionsgrammatischer Ansatz*. Dissertation zur Erlangung des akademischen Grades Doktor der Philosophie (Dr. phil.). Berlin.
50. Plotnikova, A.A. (2016) *Slavyanskie ostrovnye arealy: arkhaika i innovatsii* [Slavic Island Areas: Archaic and Innovation]. Moscow: Institute of Slavic Studies RAS.
51. Myers-Scotton, C. (2006) *Multiple voices: An introduction to bilingualism*. Blackwell Publishing.
52. Rusakov, A.Yu. (2004) *Interferentsiya i pereklyuchenie kodov (severnorussskiy dialekt tsyganskogo yazyka v kontaktologicheskoy perspektive)* [Interference and code switching (North Russian dialect of Romani in a contactological perspective)]. Philology Dr. Diss. St. Petersburg.
53. Kļavinska, A. (2012) Latgaliešu anekdotes: lingvistisko kontaktu izpausmes. *Via Latgalica Humanitāro zinātņu žurnāls*. 4. L. 25–32.
54. Pilipenko, G.P. (2018) Latgalian language and Russian-Latgalian bilingualism in the perception of Russian-speaking residents of Latgale. *Przegląd rusycystyczny*. 2 (162). pp. 42–62. (In Russian).
55. Coteanu, I. (1961) *Elemente de dialectologie a limbii romîne*. București: Editura Științifică.

56. Koner, D.V. & Sobolev, A.N. (2017) On some aspects of nonequilibrium Romanian-Slavic bilingualism in the village of Iabalcea. *Indoevropeeskoe yazykoznanie i klassicheskaya filologiya – Indo-European Linguistics and Classical Philology Yearbook*. 21. pp. 987–1001. (In Russian).
57. SANU. (1976) *Dictionary of Serbo-Croatian literary language*. Book 6. Novi Sad: Matitsa Srpska. (In Serbian).
58. Pilipenko, G.P. (2017) *Yazykovaya i etnokul'turnaya situatsiya voevodinskikh vengrov: vzglyad “iznutri” i “izvne”* [Linguistic and Ethnocultural Situation of Vojvodina Hungarians: A View “from the Inside” and “from the Outside”]. Moscow: Nestor-istoriya.

Received: 27 August 2020

Л.Р. Зурабова

КОРПУСНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ СУБДИАЛЕКТА ШИАК ПРОВИНЦИИ НЬЮ-БРАНСУИК (КАНАДА): ХАРАКТЕРИСТИКИ ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ ПРИ ПЕРЕКЛЮЧЕНИИ ЯЗЫКОВЫХ КОДОВ

Показаны результаты исследования корпусов субдиалекта шиак на основе грамматического и функционального анализа переключения кодов. В результате определены типы ПК и тенденции к соположению элементов переключения; выявлен ряд функций ПК; сделаны выводы о соблюдении и нарушении формальных грамматических ограничений и степени автономности элементов ПК в зависимости от их окружения. Автор приводит вариант разрешения проблемы терминологической избыточности при определении статуса шиака.

Ключевые слова: переключение кодов; ПК; Канада; шиак; шияк; субдиалект; языковой контакт; Нью-Брансуик; корпусное исследование; Акадия.

Введение

С конца 60-х гг. XX в. Канада проводит политику официального двуязычия, которая позднее трансформировалась в политику мультикультурализма в контексте двуязычия (*policy of multiculturalism within a bilingual framework*). В Канаде наблюдается существование «глубоко английской» части страны, «глубоко французского» Квебека и «двуязычного пояса» – зоны франко-английского адстрата, включающего северо-восток Онтарио, западные регионы Квебека и провинции Новая Шотландия и Нью-Брансуик [1. С. 40]. Согласно данным статистической службы Канады уровень билингвизма в официальных языках за последние пятьдесят лет стабильно повышается, однако с 2006 г. показатели прироста незначительны. Изменения в уровне билингвизма в официальных языках представлены на рис. 1.

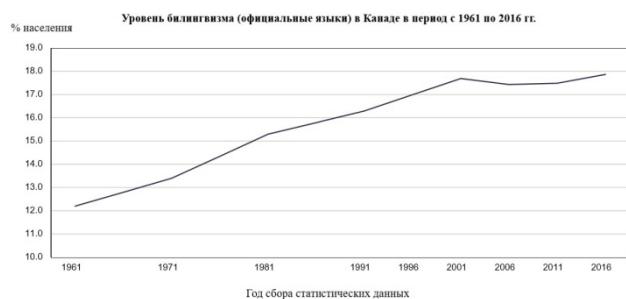

Рис. 1. Уровень билингвизма (1961–2016 гг.) [2]

Отметим, что английский язык является родным для 58,1% населения, а французский – для 21,4% [3], причем билингвизм преобладает среди франкофонного населения. Таким образом, франкофоны Канады представляют языковое меньшинство, которое, во-первых, способствует повышению уровня двуязычия в стране; во-вторых, на языковое поведение которого оказывает непосредственное влияние языковой контакт. Франкофоны, тем не менее, не составляют гомогенную языковую группу, а формируют два исторически и культурно отличных друг от друга сообщества: квебекцы, исторически проживающие на территории провинции Квебек, и акадийцы – жители приморских провинций, расположенных на территории историче-

ского региона Акадия, охватывающего атлантические провинции Нью-Брансуик, Новая Шотландия и Остров Принца Эдуарда (ОПЭ), а также некоторые территории, относящиеся к провинции Квебек (Гаспэ, Острова Мадлен, Кот-Нор) [4. Р. 42].

Языковые сообщества Канады и их речевые привычки значительно варьируются в зависимости от зоны проживания. В связи с этим напомним, что настоящее исследование фокусируется на одной из приморских провинций, а именно Нью-Брансуик, в силу ее социолингвистических характеристик. Как показано далее, языковая ситуация провинции многофункциональна и включает в себя идиомы как более высокого порядка – английский и французский языки, так и более низкого – субдиалекты французского языка. История становления франкофонного сообщества в Нью-Брансуике указывает на особые условия существования и взаимодействия двух языков, что выражается в речевых привычках жителей юго-востока провинции, в частности в переключении и смешении английского и французского языков в местном субдиалекте – шиаке (*chiac*).

Таким образом, проявления языкового контакта франкофонов и англофонов на территории Канады ярко отражаются в особенностях речевого поведения франкофонов Нью-Брансуика. Для данной группы характерна практика переключения кодов (ПК). Под данным термином понимается «смена двух языков в пределах одного речевого акта, предложения или его части» [5. Р. 224], а также «переход говорящего в процессе речевого общения с одного языка на другой в зависимости от условий коммуникации» [6. С. 97]. Базовое обозначение типа ПК по синтаксической позиции соположения двух кодов включает переключения внутри предложения – интрасентенциональные (внутрифразовые) и переключения между предложениями – интерсентенциональные (межфразовые). Кроме того, также выделяется такой тип ПК, как тэговое переключение (*tag-switching*), для обозначения сегментов с относительно свободной синтаксической позицией в высказывании, поскольку они могут свободно встретиться в любой его точке. Как отмечает П. Гарднер-Хлорос, данное речевое поведение характерно для региональных языковых меньшинств и полилингвальных сообществ и имеет в шиаке конвен-

циализированный характер [7. Р. 35]. В свою очередь Дж. Гамперц утверждает, что в том или ином виде использование двух языковых кодов обнаруживается «каждый раз, когда миноритарная языковая группа вступает в контакт с доминирующей языковой группой в условиях стремительных социальных изменений» [8. Р. 4–5].

Стоит заметить, что в зарубежных исследованиях имеются достаточные сведения об общих особенностях шиака (подробнее см. [4, 9–12]), в частности с точки зрения характеристик академического французского. Однако фрагменты английского языка, как правило, рассматриваются с позиции процесса заимствования. Вместе с тем исследования, концентрирующиеся на переключении кодов в шиаке и рассматривающие соположение английского и французского языков в данном идиоме с позиции анализа их частеречной принадлежности, типологии, грамматической маркированности (в том числе в плане грамматических ограничений) и функциональной наполненности, являются немногочисленными, что свидетельствует о необходимости дополнительной разработки данной проблемной области. Кроме того, отметим, что в отечественной научной литературе нет обширных исследований шиака, в частности основанных на анализе языковых корпусов. Наблюдения, представленные в нескольких работах, опубликованных в отечественных научных журналах, имеют обзорный характер и не фокусируются на переключении кодов; анализ опирается на ограниченный корпус примеров в связи со сложностью доступа к существующим закрытым корпусам шиака (подробнее о корпусах шиака см.: [13]).

Таким образом, наблюдается необходимость в дополнительном исследовании соположения элементов двух языков в шиаке и их взаимодействии. Новизна в связи с этим заключается в фокусе внимания на переключении кодов в шиаке как объекте исследования, а также в грамматическом и функциональном анализе переключений, затрагивая, таким образом, структурно-лингвистическую и коммуникативно-прагматическую традиции (направления) в теории ПК. Вместе с тем для отечественной лингвистики новизна и актуальность исследования связаны с привлечением ранее недоступного корпуса текстов, анализом большого числа примеров и сопоставлением их с более ранними и поздними исследованиями. Полученные выводы подтверждают более ранние исследования [4, 14], но также дополняют их, представляя данные о классификации ПК, структурных особенностях ПК, соблюдении и нарушении грамматических ограничений при переключении в шиаке, функциях ПК в шиаке.

Эмпирическая база и методология исследования

Эмпирическая база представлена корпусом транскрибированной спонтанной устной речи жителей юго-востока провинции Нью-Брансуик, в частности городов Монктон и Дьеп, *Chiac-Kasparian H99* и дополнена мини-корпусом *Kasparian-Léger H2004*. Проект корпуса реализован профессором С. Каспарьян и Лабораторией анализа текстовых данных Монктонского

университета (*Laboratoire d'analyse de données textuelles*); предоставлен автору в рамках подписанного сторонами договора. Языковой материал представляет собой неразмеченный корпус текстов, состоящий из тридцати диалогов и полилогов, а также сопровождается экстралингвистическими данными (пол, возраст, город проживания говорящих, место учебы и проведения разговора, статус участников по отношению друг к другу). Объем корпуса в текстовом эквиваленте составил 135 страниц и 51 010 словоформ, включая заголовки и внутритекстовые метакомментарии. Временные границы фиксируемого материала – 1999 и 2004 гг. Несмотря на то что корпуса были составлены более 10 лет назад, в более ранних работах, представляющих некоторые результаты анализа корпуса *Chiac-Kasparian H99* [12, 15], в цели исследования не входил анализ переключения кодов, в связи с чем исследовательский потенциал данного корпуса текстов не был раскрыт в полной мере.

Группа информантов составила 111 человек, из которых 60 женщин (54%) и 47 мужчин (42%), а также 4 респондента (4%), о половой принадлежности которых нет сведений. Возраст информантов варьируется в диапазоне 10–61 года, однако основная часть реплик принадлежит информантам в возрасте 18–24 лет. Большинство информантов являются жителями Монктонской агломерации, включая г. Монктон и прилегающие населенные пункты, а также г. Дьеп. Языковой материал был записан в естественной обстановке без участия исследователей; информанты осуществляли запись самостоятельно в домашних условиях. Возраст респондентов, место проживания и учебы, а также условия сбора данных указывают на репрезентативный характер эмпирической базы для отражения особенностей речевого поведения при внутригрупповом общении на шиаке. Транскрипты включают такие темы, как времяпрепровождение, хобби и интересы, учеба и академические успехи, питание, семейная и личная жизнь, здоровье, финансы, обязанности по дому, путешествия, язык и т.д.

В ходе работы над корпусом была проведена его подготовка к анализу, включая кодировку и сегментирование текста на структурные составляющие. Далее были осуществлены графематический анализ и первичная морфологическая разметка; выделены случаи употребления полноразовых и одиночных переключений на английский язык внутри предложения и между предложениями. За основу морфологической разметки была принята модель Национального корпуса русского языка. Вместе с тем для обозначения элементов переключения, в том числе для классификации типов переключения, а также маркирования вариативных флексий и диалектизмов модель обозначений была дополнена. В связи с диалектным и смешанным характером шиака его анализ посредством программ цифровой обработки текстовых корпусов не дает верифицируемых результатов. Диалектные формы не маркируются как производные от стандартных форм языка интерфейса (французского); фрагменты ПК либо не маркируются, либо маркируются как не соответствующие языку, выбранному по умолчанию. В связи с этим было реализовано ручное аннотирование

корпуса, что также указывает на определенную степень новизны проведенного исследования, поскольку при дальнейшей доработке модель может быть использована для аннотирования схожих текстов. Анализ позволил выявить системные языковые особенности акадийского субдиалекта французского языка шиака. В настоящей работе используется следующее графическое оформление иноязычных элементов в эмпирическом материале на шиаке: все примеры даны *курсивом*; нижнее подчеркивание указывает на элементы переключения; **полужирное начертание** используется для обозначения наиболее значимых элементов описания; астериском (*) обозначены диалектизмы, в том числе диалектные глагольные формы.

Особенности акадийского диалекта в провинции Нью-Брансуик

Социолингвистические характеристики провинции. Как было отмечено ранее, Нью-Брансуик является одной из провинций региона Акадия, исторически являющегося основным ареалом франкофонии вне Квебека в Канаде. В качестве региона с отличительными лингвокультурными характеристиками Акадия начала формироваться в период основания С. де Шамплеоном и П. Дюгуга де Мон французской колонии на территории современной провинции Новая Шотландия в начале XVII в. (1605 г.). Становление региона осуществлялось в четыре этапа, охватывающих период 1605–1990-е гг. Существенно, что вследствие массовой депортации акадийцев после окончательного перехода региона под контроль Великобритании, также называемой *Великим переполохом* (*le Grand Dérangement*), акадийцам частично удалось вернуться и создать франкофонные поселения на территории провинции Нью-Брансуик, *второй Акадии* (*deuxième Acadie*). Данные изолированные поселения были окружены англофонными сообществами. Кроме того, франкоязычное образование было недоступно, в связи с чем вплоть до XIX в. большинство акадийцев было неграмотным, а речевые практики сообщества в значительной степени передавались посредством устной традиции (подробнее см.: [16. С. 61; 10. Р. 5–10]). Таким образом, в довольно ранний период обозначилась проблема языковой вариативности в акадийских субдиалектах и стигматизации языкового поведения акадийцев-франкофонов в условиях языкового контакта.

Тем не менее провинция предприняла ряд конструктивных мер продуктивной языковой политики, включая принятие «Закона об официальных языках Нью-Брансуика» (*New Brunswick Official Languages Act*) в 1969 г., признавшего равноправный статус английского и французского языков в качестве официальных (статья 3) [17], и «Закона о равенстве официальных языковых сообществ в Нью-Брансуике» (*Act Recognizing the Equality of the Two Official Linguistic Communities in New-Brunswick*) в 1981 г., легитимизирующего понятие языкового сообщества, таким образом, признавая франкофонов-акадийцев в качестве самобытной лингвокультурной общности [18].

Билингвы Нью-Брансуика составляют 33,9% населения, среди которых франкофоны представляют 72,1% [19. Р. 1, 4, 7] (рис. 2).

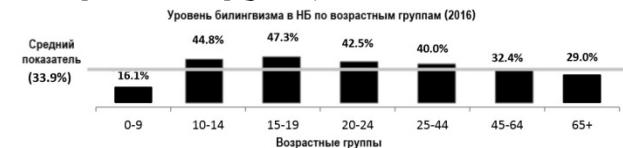

Рис. 2 Уровень билингвизма в провинции Нью-Брансуик [19. Р. 4]

Акадийский диалект провинции Нью-Брансуик имеет негомогенную природу, в частности отметим существование нескольких субдиалектов. Выделяют, во-первых, северо-западную область, известную как *Мадаваска* (графство Мадаваска, частично территория графств Рестигуш и Виктория), включающую крупный франкофонный центр – г. Эдмунстон. Субдиалект зоны Мадаваска, называемый *брейон* (*brayon*), имеет некоторые схожие черты с квебекским диалектом, в частности, отметим распространённость квебекизмов, что объясняется их географической близостью. Представляется важным уточнить, что население региона в подавляющем большинстве франкоязычно, англицизмы в речи употребляются не столь часто. Во-вторых, северо-восток, также известный как *акадийский полуостров* (*péninsule acadienne*), включающий графства Глостер и частично Нортамберленд и Рестигуш. Зона акадийского полуострова в наименьшей степени подверглась контактному воздействию английского языка в связи с ее изолированным географическим положением и высоким процентом франкофонного населения. В-третьих, выделяют юго-восточную зону, в наибольшей степени подвергшуюся языковому контакту. Она состоит из франкофонного центра – г. Монктон, и прилегающих городов, включая Дьеп, Шедьяк, Мемрамкук. Субдиалект данной зоны, как было отмечено ранее, имеет название *шиак* (*chiac*) [15; 10. Р. 13–14].

Статус шиака. Актуальным остается вопрос о статусе шиака. Считаем необходимым выделить проблему терминологической избыточности, характерной для исследований шиака и схожих идиомов с элементами смешения. Ряд авторов подчеркивают смешанную природу шиака, используя термины *гибрид* / *гибридный язык* / *смешанный язык* синонимично. Вместе с тем также используются термины *язык* / *код* / *вариант*. С. Каспарьян классифицирует его как вариант *устойчивого смешанного языка* (*a stabilized mixed language*) [15. Р. 120; 20. Р. 160], а А. Валдман относит шиак к *автономному гибридному языку* (цит. по: [21. Р. 155]). М.-Э. Перро в работе 1994 г. определяет шиак как «*смешанную языковую систему*, автономно функционирующую по отношению к двум контактным языкам, составляющим ее» [21. Р. 155], а позже относит его к *смешанному коду* [21. Р. 155]. Необходимо предпринять попытку выделить сущностные различия в позициях авторов. В результате нашего анализа мы выдвигаем предположение, что употребление термина *язык* подчеркивает автономность функционирования шиака по отношению к английскому и французскому языкам, в то время как *вари-*

ант характеризует его как форму существования французского языка на данной территории, модификацию языковой нормы. В то же время термин *код*, как нам удалось заметить, используется в качестве универсального для обозначения шиака как языкового образования и средства коммуникации, в частности, когда фокус исследования приходится на характеристики переключения с одного языка на другой, нежели на диалектные особенности. В силу того что англо-французский языковой контакт на территории распространения шиака исторически имеет стабильный характер, а сам идиом используется носителями, идентифицирующими себя как франкоакадийцы / франкоакадийцы, автономный статус шиака и применение к нему терминов *язык / система, автономно функционирующая по отношению к двум контактным языкам*, кажутся нам преждевременными.

А. Тибо ставит вопрос об уместности применения по отношению к шиаку терминов *гибридный код* (*code hybride*) и *смешанный код* (*code mixte*), характеризуя его как вариант акадийского французского, сформировавшегося в процессе значительного воздействия со стороны английского языка [4. Р. 39]. Данный вопрос не получает однозначного ответа, тем не менее считаем, что применение термина *смешанный язык* имеет основания, если под ним понимается продукт контактного взаимодействия двух языков, в котором лексическая основа принадлежит одному языку, а грамматическая составляющая берется из доминирующего языка для данного языкового сообщества (который может иметь более слабую правовую позицию в стране). В данном случае можно оперировать терминами теории ПК, такими как *матричный язык* (*matrix language*), т.е. язык, задающий структурно-функциональные рамки высказывания, и *язык вставки* (*embedded language*), служащий донором иноязычных лексем. На наш взгляд, шиак имеет некоторые признаки смешения, выраженные в постепенном переходе от вариативного внутрифразового переключения (смешения) к более стабильному и обладающему рядом грамматических правил и ограничений построения речи.

М.-Э. Перро, ссылаясь на работу Дж.Ф. Хамерса и М. Блан (Hamers, Blanc, 1984), приводит следующее положение: «...шиак является символом и инструментом выражения групповой лояльности: подростки не могут идентифицировать себя ни с языком старшего поколения, потому что он свидетельствует о подавлении в прошлом, ни с языком доминантной группы, не теряя при этом своей собственной идентичности. *Гибридный местный диалект* (*vernacular – прим. мое. – Л.З.*) представляет возможность разрешения данного конфликта» (цит. по: [11. Р. 44]). А.Р. Папен в свою очередь подчеркивает гибридную и кодифицированную природу шиака, схожую с другими городскими диалектами (*urban dialects*) и ссылается на Д. Винфорда, определяющего их как «смешанные коды, подверженные языковому окаменению» (*fossilized mixed codes*) (цит. по: [21. Р. 155–156]). В данном случае под городскими диалектами подразумеваются варианты языков, формирующиеся как средство общения для смешанного населения, проживающего в мегаполисе, и характеризующиеся практикой ПК. Так, Л. Свайгарт в исследовании ПК в Дакаре анализирует речевой вариант смешанной природы (волоф и французский), называя его «городской волоф» (*Urban Wolof*) [22]. Языковое окаменение стоит понимать как структурное окостенение языкового смешения, изменения в речевой практике, направленные на стабилизацию употребления.

В данной статье мы придерживаемся нейтрального термина *субдиалект*, понимая под ним региональный субвариант более широко используемого диалекта. Данная позиция связана с комплексным подходом к анализу шиака как идиомы: 1) шиак рассматривается нами как элемент в системы акадийского диалекта французского языка, имеющий свойственные всем субвариантам диалектные характеристики; 2) шиак распространен на территориально ограниченной географической области и выступает инструментом выражения групповой лояльности и идентичности. Таким образом, статус шиака связан с определенным лингвокультурным сообществом; 3) диалектные характеристики шиака, тем не менее, не исключают возможности применения по отношению к нему определений *смешанный / гибридный* в связи с функционированием элементов переключения с точки зрения семантики, морфологии, синтаксиса.

Ареал распространения шиака и демография носителей. В контексте Канады термин «шиак» охватывает различные языковые явления, присущие контактным языковым образованиям: (1) любая разновидность акадийского французского на территории провинций Новая Шотландия, Остров Принца Эдуарда, Нью-Брансуик, подверженная интенсивному контактному влиянию английского; (2) вариант французского, на котором говорят акадийцы провинции Нью-Брансуик; (3) вариант французского языка, на котором говорят акадийцы юго-восточной части Нью-Брансуика; (4) вариант французского языка, на котором говорят подростки г. Монктон на юго-востоке Нью-Брансуика. Последняя точка зрения превалирует, тем не менее, вслед за А.Р. Папеном представляется уместным заметить, что она определяется условиями, в которых проводилось большинство исследований шиака (среди возрастных групп 12–16; 18–19; 20–24 лет). Поскольку лингвистические данные о шиаке охватывают период 40–50 лет и указывают на трансгенерационную передачу речевого поведения, нельзя в полной мере утверждать, что по достижению зрелости участники исследований прекращают говорить на шиаке [21. Р. 159].

Ареал распространения шиака, по различным сведениям, включает всю территорию юго-востока провинции Нью-Брансуик; окрестности г. Монктон; г. Монктон и прилегающие города; ограничивается г. Монктон [23. Р. 52]. Мы придерживаемся третьей точки зрения. Во-первых, г. Монктон является единственным крупным городским центром юго-востока Нью-Брансуика. Во-вторых, существует версия, что основанием для названия диалекта послужило название небольшого города к северу от г. Монктон – *Shédiac* от более раннего написания *Gédaïque* [23. Р. 51]. С другой стороны, Л. Перонне замечает, что

название может также происходить от фамилии индейского рода, жившего в данной области, – *Chiaque* [11. Р. 17]. В таком случае представляется обоснованным включить прилегающие к г. Монктон территории в ареал распространения шиака. В свою очередь, географическая близость городского центра и небольших городов вокруг него провоцирует формирование сети транспортных, деловых, академических связей, в связи с чем можно принять третью точку зрения.

Лексическая система шиака в условиях языкового контакта

К общеакадийским особенностям лексического состава шиака отнесем употребление архаизмов западной Франции XVII в., канадизмов, акадизмов и квебекизмов, а также англизмов различной степени адаптированности [24. С. 4; 26. С. 63]. В ходе разметки и контент-анализа корпуса были обнаружены следующие диалектизмы: *amarrer* (*attacher*), *après de* (*en train de*), *asteure* (*maintenant*), *élan* (*moment, instant*), *entoute* (*du tout*), *espérer* (*attendre*), *être supposé* (*devoir être*), *figurer* (*réfléchir*), *avoir de la misère* (*avoir des difficultés*), *garrocher* (*lancer avec peu de précautions*), *icite / icitte* (*ici*), *itou* (*aussi*), *là* (*заполнитель паузы*), *hardes* (*vêtements*), *pantouT¹* (*pas du tout*), *piasses* (*piastres, dollars*), *pis* (*puis*), *pour vrai* (*vraiment*), *gar* (*regarde*), *quosse* (*qu'est-ce que / que*), *s'assir* (*s'asseoir*), *yelle / alle / a* (*elle*), *i* (*il / ils*), *yienque / inque* (*rien que*), *zeux* (*eux / elles*) и др.:

(1) <...> *j'ai mis les hardes que je voulais pas dans un sac là <...> pis i était rempli de même j'ai eu de la misère à l'amarrer pour le fermer / pis je l'ai donné à la petite sœur à**² Julie – Я сложила вещи, которые мне не нужны, в мешок, и потом он уже был переполнен, и мне было сложно его завязать, чтобы закрыть / потом я его отдала младшей сестре Жюли (здесь и далее перевод мой. – Л.З.).

Степень англизации регионального варианта можно оценивать количеством частей речи, в которых наблюдается высокое число заимствований. Ж. Шевалье замечает, что в крупных франкофонных сообществах англизмы, как правило, встречаются среди существительных, а также глаголов; к тому же они ограничиваются определенной сферой употребления, чаще профессиональной. С другой стороны, в миноритарных франкофонных сообществах при интенсивном языковом контакте отмечается количественно и качественно большее присутствие англоязычных элементов, в том числе более широкий спектр частей речи [25. Р. 91]. В рамках корпусного исследования шиака нами были выделены элементы переключения, относящиеся к знаменательным частям речи, в том числе существительные, прилагательные, наречия, глаголы, местоимения и числительные. Кроме того, также зафиксированы элементы служебных частей речи, такие как предлоги, союзы, междометия.

В шиаке выделяются несколько тенденций, охватывающих жизненный цикл и функционирование элементов переключения: повышение частотности переключений с уже вошедшими в шиак лексемами; расширение лексического состава переключений; дивер-

сификация лексем в рамках одной части речи; расширение функционала, трансформация или пополнение семантической составляющей уже вошедших в шиак лексем; появление гибридных англо-французских союзных конструкций; сокращение переключений с ранее вошедшими в употребление лексемами, в частности в смешанных предложных конструкциях (об этом подробнее см.: [12. Р. 203–204, 208, 213–215]).

Переключение кодов с самостоятельными частями речи

Существительные, прилагательные и местоимения. Среди лексем, входящих в группу существительных, выделяются простые, сложные и составные, среди них – имена нарицательные и собственные. Отметим, что лексемы могут быть частично морфологически адаптированы, в частности наблюдается наделение переключений категорией рода, о чем свидетельствует употребление артикля или указательного прилагательного французского языка:

(2) *J'ai été à Rockin' Rodeo l'autre fois* – В тот раз я был в [клубе] Rockin' Rodeo.

Сравните наделение категорией рода существительного *sweater*:

(3) A: *Oh my God / gar* j'ai cette sweater là moi* – Господи / смотри, у меня ведь есть такой свитер; B: *T'as ben un beau sweater* – У тебя есть красивый свитер.

Таким образом, наблюдается вариативность в присвоении категории рода: в первом примере употребляется указательное прилагательное ж. р. *cette*; во втором примере – артикль мужского рода *un*.

(4) *J'en ai un bleu itou* comme un light bleu / plus light que ça là* – У меня тоже голубой, вроде светло-голубого / светлее, чем этот. В данном примере наблюдается образование сравнительной степени прилагательного с помощью гибридной конструкции.

(5) *J'avais finally une job que j'aimais / first time de ma vie* – У меня, наконец, была работа, которая мне нравилась / первый раз в жизни;

(6) *Ah / ça c'était comme* une shitty crappy excuse* – Ах / это была типа никчемная дурацкая отмазка. Отметим препозицию прилагательного относительно определяемого существительного, что не характерно для французского языка. Таким образом, нарушается *ограничение эквивалентности*, согласно которому граница ПК проходит между фрагментами двух языков, которые не накладывают структурные ограничения на свое окружение [5. Р. 228].

Местоимения не представляют частотную группу переключений в шиаке, тем не менее, отметим, что в корпусе *Chiac-Kasparian* зафиксированы употребления личных местоимений в составе внутрифразовых и межфразовых (в функции цитирования) переключений. При этом наблюдается соположение местоимения и основного глагола, что указывает на соблюдение ограничения на переключение между объектным или субъектным местоимением и глаголом, называемое *ограничение клитики (clitic constraint)*; т.е. при переключении кодов местоимения должны принадлежать к той же языковой системе, что и смысловой глагол [7. Р. 95]:

(7) *La girlfriend* à* Roger était dans le car espérer* que Roger arrive / *I guess* qu'a* laisse le car runer des quinze-vingt minutes – Девушка Роджера была в машине, ждала, что Роджер приедет / Я думаю, что она держала машину заведенной 15–20 минут;

(8) *But têt** qu'i* est yienqu* à dix heures / *I hope* qu'i* soit on à neuf heures / à dix heures et demi faut que je décolle* – Но, возможно, [передача] идет только в 10 часов / Я надеюсь, что она начнется в 9 / в 10:30 мне нужно уходить.

Межфразовое переключение по синтаксической грамматике диалога с соблюдением ограничения клитики:

(9) A: *Ouaille / pis moi j'aime pas ça ces films là* – Ага / а что до меня, мне такие фильмы не нравятся; B: *She doesn't like action / or comedy* – Ей не нравятся боевики или комедии; A: *No / comedy I like it* – Нет / комедии мне нравятся.

Также заслуживает внимания избегание повтора с помощью замены контекстуально обозначенного существительного местоимением *one / ones*. В корпусе 1991 г. была обнаружена конструкция с местоимением *one(s)* DET(Fr)+ADJ(Eng)+PRO:

(10) *des headbangers / tu peux en avoir des nice ones pis* des mean ones* (корпус Perrot-CRLA, 1991) [12. P. 207] – Фанаты металла / среди них можно встретить как приятных людей, так и грубиянов.

В корпусе *Chiac-Kasparian* нами также зафиксированы употребления с местоимением *one* как в составе внутрифразовых переключений в сочетании с прилагательным (см. прим. 11), так и между предложениями, в частности, с указательным местоимением *that* (см. прим. 12):

(11) <...> moi j'étais en arrière so je voyais rien / but les troublemakers étaient en avant / pis* c'était tout* des plus vieux pis* **des perverted ones** – Я стоял сзади, так что я ничего не видел / но те, от кого вечно проблемы, были впереди / и это были самые старшие ребята, самые похабые;

(12) *Non / try that one* – Нет / попробуй вот этот.

В более поздних корпусах данная конструкция появляется уже с французскими прилагательными, что может свидетельствовать о более глубоком укоренении лексемы в шиаке:

(13) *les gangs comme / comme même*³ pas les petites ones comme / les grosses_grosses gangs là* (Корпус Boudreau-Perrot, 2000) [12. P. 207] – Группировки, но / но все-таки не те, что маленькие, а типа / большие группировки;

(14) *toutes les bonnes ones sont américaines* (корпус Young, 2002) [12. P. 207] – Все хорошенъкие [девушки] – американки.

Кроме того, также наблюдается использование в качестве эквивалента французского указательного местоимения *celui* и в значении «единственный / уникальный». На основе описанных наблюдений М.-Э. Перро формирует гипотезу о существовании этапов в процессе включения английских лексем в шиак: лексема *one* первоначально вошла в употребление в составе конструкции DET(Fr)+ADJ(Eng)+PRO, но затем, по мере распространения, стала использоваться самостоятельно с большей степенью вариативности [12. P. 207]. Таким образом, такого рода авто-

номизация элементов переключения приводит к появлению новых способов их использования.

Наречия. Наречия являются довольно частотной группой элементов переключения в шиаке, тем не менее, в силу конвенциализированного характера ПК в речевой практике монктонцев, их употребление вариативно. Зафиксированы такие наречия, как *finally, right now, usually, straight, steady, kinda / kind of, just, everywhere, probably, hopefully, alright, so, too, far, now, sideways, still, especially, never, ever, right here* и др. Вместе с тем статистически значимыми являются наречия *back, again* и *right*.

Наречие *back* встречается как в шиаке, так и в субдиалектах Новой Шотландии, Острова Принца Эдуарда и каджунском диалекте Луизианы [26. P. 60]. Вызывает интерес то, что наблюдается семантическая диффузия наречия *back*: оно употребляется в характерном для английского языка значении возвращения к прежнему состоянию, месту или временному отрезку, но также приобрело значение повтора действия. Таким образом, оно выступает эквивалентом префикса *re-*. Кроме того, подчеркнем синтаксические особенности употребления данного наречия, в частности его позицию относительно смыслового глагола. Сравните конструкции *V + back* (см. прим. 15–16) и *back + V* (см. прим. 17):

(15) *Vieux Pierre et sa femme s'ont marié*⁴ back* [27. P. 128] – Старый Пьер и его жена вновь сочетались браком. В данном примере из корпуса с ОПЭ подразумевается вторая (символическая) церемония бракосочетания, таким образом, *back* передает смысл повтора действия, а не возвращения к прежнему состоянию.

(16) *Allo / al* est après de* cooker / a* te callera back / bye* – Алло / она сейчас готовит / она тебе перезвонит / пока;

(17) *Asseyes⁵ de back monter cette butte-là si tu peux* – Попробуй снова подняться на этот холм, если можешь.

Для передачи значения возвращения и повтора во французском языке также используются глаголы с приставкой *re-*, однако при сравнении данных корпусов 1979, 2000, 2002 гг. было выявлено, что они значительно уступают по частотности наречию *back*. Тем не менее отметим, что функционал употреблений распределен неравномерно: использование наречия *back* для маркирования возвратности более частотно (почти в два раза), в то время как при маркировании повтора французские глаголы с приставкой *-re* и выражения *de nouveau* и *une autre fois* составляют ему небольшую конкуренцию [12. P. 210].

Анализ корпусов 2000 и 2002 гг. показал появление новой формы выражения значения повтора, представленной наречием *again*. При этом отметим, что обнаруженная функция усиления значения в восклицательных предложениях совпадает с более ранними употреблениями наречия *back*:

(18) *c'est vraiment bad là / l'eau là / everytime que j'entends ça / y a des friggin oil spillage / je suis comme /oh non / pas back!* (1991) [12. P. 211] – Там все на самом деле плохо / местная вода / все, что я слышу об

этом / там чертовы разливы нефти / и я такой / о, нет / только не снова!

Сравните с употреблениями наречия *again* в более поздних корпусах:

(19) *ah non, pas again!* (корпус Boudreau-Perrot, 2000) [12] – О, нет, только не снова!

(20) *watch moi saigner du nez again!* (корпус Young, 2002) [12] – Смотри как у меня **опять** кровь идет из носа!

М.-Э. Перро приходит к выводу, что наречие *again* имеет дополнительные оттенки значения по сравнению с наречием *back*, о чем свидетельствует не только его употребление в восклицательных предложениях, но также и конечная позиция. Данную точку зрения учений подкрепляет сведениями, полученными в ходе опроса студентов Монктонского университета в 2010 г. Согласно собранным данным можно представить следующий функционал наречия *again*: подчеркивание / выделение предмета или действия; усиление значения повтора, в том числе с паузой в речи; использование во фразах с негативной коннотацией и для передачи отрицательного отношения к предмету речи. М.-Э. Перро полагает, что таким образом передаются его дискурсивная значимость и иноязычное происхождение, подчеркиваемое говорящими [12. Р. 212]. Приведем примеры, демонстрирующие указанные выше функциональные особенности, в том числе в сочетании с усилительными конструкциями *over and over; time and time (again); once (again)*:

(21) *si j'avais tout l'argent in the world j'm'habillerais juste normal, la même affaire que je porte right now pretty much cause / but once again je vas* pas m'habiller comme un freak* (Корпус Boudreau-Perrot, 2000) [12] – Если бы у меня были все деньги в мире, я бы одевался просто и обычно, в принципе так же, как и сейчас, потому что / но опять-таки я не собираюсь одеваться, как какой-то чудиля;

(22) *tu veux pas répéter les mêmes problèmes over and over again* (Корпус Boudreau-Perrot, 2000) [12] – Ты же не хочешь повторять одни и те же ошибки снова и снова.

Глаголы. В шиаке английские глаголы подвергаются морфологической адаптации путем аффиксальной деривации по правилам французского языка, приобретая морфологический признак глаголов 1-й группы (инфinitивное окончание *-er* – см. прим. 23) и соответствующие формы спряжения. При этом отметим, что фонетически реализация французских окончаний настоящего времени 1, 2 и 3-го л. ед. ч. не влияет на произношение; кроме того, многие одно-, дву- и многосложные английские глаголы оканчиваются на немую *e*, в связи с чем затруднительно делать предположения о закономерности их морфологической адаптации (см. прим. 24):

(23) *<...> par le temps qu'i a pu seter ça i* était comme* neuf heures pis* le cours est supposé starter à huit et demi neuf heures / i* va pour allumer la machine à acétates / la light buste la light manque* – К тому времени, как он смог установить его [микрофон] уже было около девяти часов, а занятие должно начинаться в 8:30 / он идет включать проектор / лампа ломается, света нет;

(24) *Ben c'est ça / c'est mon projet qu'i* faut que je type / ben je pourrais pas le faire* – А, точно / мне нужно напечатать проектное задание / но я не смогу этого сделать.

А. Тибо замечает, что почти никогда не произносятся морфологические маркеры 3-го л. ед. ч. *-e)s* настоящего времени английского языка, а также не употребляются обособленно глаголы с маркерами прошедшего времени *-ed* и незавершенного продолжительного времени *-ing*. Структура предложений, как правило, строится согласно синтаксическим правилам французского языка [4. Р. 59]. Вместе с тем нами зафиксированы переключения, в составе которых употребляется герундий (см. прим. 25), причастия настоящего (см. прим. 26–27) и прошедшего времени, в том числе страдательный залог (см. прим. 28–29).

Отметим, что ПК используется в функции прямого или косвенного цитирования (см. прим. 26–27), таким образом, оно синтаксически не ограничено остальными элементами предложения; ПК происходит по синтаксической или просодической границе (см. прим. 25, 29); подлежащее и сказуемое выражены элементами одной грамматической системы: существительным или местоимением английского языка (см. прим. 29); подлежащее (имя собственное) имеет амбивалентный характер, в связи с чем соположение двух грамматических систем не очевидно (см. прим. 28):

(25) *Well no kidding / i a-tu un gars avec tchisse*⁶ tu peux être sûr(e) d'un petit quelque-chose un souèr pis être sûre d'être avec lui pour tout le temps [?]* / *hein I don't think so* – Говорим серьезно / у тебя есть такой парень, с которым ты можешь быть уверена в том, что и после романтического вечера вдвоем вы все равно будете вместе [?] / ну, я так не думаю;

(26) *Ben t'arrais* dû dire «I'm smoking on the job too»* – Ну, тебе надо было сказать: «Я тоже курю прямо во время работы»;

(27) *là il était là <...> pis tout d'un coup il arrêtait de parler pis t'étais juste comme what the fuck is going on [?]* – Он там был <...> и внезапно он перестает говорить, а ты просто такой ‘Что к черту происходит?’;

(28) *Jeunes du Monde est sponseré par l'église / c'est une chose catholique* – Организация «Молодежь мира» спонсируется церковью / это такая католическая программа;

(29) *Well / i l'a écrit avec tchequ'un* d'autre / I was traumatized for life* – Что ж / он ее [автобиографию] написал в соавторстве с кем-то еще / Я был эмоционально травмирован на всю жизнь.

Употребление фразовых глаголов вариативно и допускает переключения гибридного характера при сочетании французского глагола и английского наречия или предлога, а также полносоставные переключения на английский:

(30) *Non mais / si tu makes out avec une fille tu figures** – Нет, но / если ты целуешься с девушкой, ты и сам все поймешь;

(31) *Quelle heure que t'as findé out [?]* – Во сколько ты узнал об этом?

(32) *Louis me pisse off* – Луис меня бесит. Возможно гипостазировать, что нарушение ограничения эквивалентности, проявляющееся в позиции

местоимения, которое, в соответствии с правилами английского языка, должно стоять между глаголом и предлогом, нейтрализуется путем адаптации фразового глагола английского языка через прибавление к нему окончания 3 л. ед. ч. -e. Однако, как отмечалось выше, фонетически это никак не реализуется;

(33) *Ouaille moi aussi j'ai jeudi off usually / tu gardes* ça **freaks out** tout le temps / ça me pissee off how come ça fait ça [?]* – Ага, у меня так же, у меня обычно четверг-пятница свободны / Видишь, он [телевизор] черт знает как работает все время / меня это бесит, как так получается, что он это делает?

(34) *yeah j'ai tchèqué sur leur website pis ils ont dit qu'ils voulaient vous **hooker up** un show avec deux bands de Toronto* – Да, я проверил у них на сайте, и они сами сказали, что хотят устроить вам выступление с двумя музыкальными группами из Торонто;

(35) *Oui oui / c'est juste faudra que tu **hangs up** pis que tu l'asseies* **back** après* – Да, да / Тебе нужно сначала повесить трубку, а потом попробовать набрать снова.

Переключение кодов со служебными частями речи

Союзы. В корпусе зафиксированы случаи употребления английских союзов, статистически значимыми из которых являются *but, so, because, and*. Отметим, что употребление союза *and* ограничено полнофразовыми внутрифразовыми переключениями, включая случаи цитирования, а также межфразовыми переключениями на английский при полном переходе на английский язык на границе предложений, т.е., возможно, союз *and* более зависим от своего окружения:

(36) <...> *c'est dur travailler dans le mall because tu feees tout le temps out of style / si que t'as pas de quoi de brand new* – Тяжело работать в торговом центре, все время чувствуешь себя немодным / понимаешь, что у тебя-то нет ничего совсем новенького;

(37) *je peux essayer là but je veux pas me faire mal – Я могу попробовать, но я не хочу причинить себе боль* (2004 г.);

(38) <...> *c'est une affaire que qu'on manque probably c'est comme du du jammin' du complete let loose and jam because on est là en train d'écrire des chansons* – это тема, которой, наверное, не хватает, это как когда просто играешь с ребятами, когда полностью даешь себе волю и играешь музыку, потому именно так и пишутся песни.

Согласно компаративному исследованию Э.-М. Перро, случаи использования союзов *but, so, because* зафиксированы уже в корпусе М. Рой 1979 г., однако употребление французских эквивалентов *à cause que* и *parce que* в этот период преобладает. Корпус М.-Э. Перро 1999 г. указывает на учащение употребления союза *because* и вхождение в употребление формы '*cause*', используемой наравне с французским эквивалентом. Кроме того, было выделено вхождение в использование уступительных союзов *although* и *even though*, а также смешанного (англо-французского) соотносительного союза *either... ou* [12.

P. 203, 213]. В анализируемом нами корпусе того же периода соотношение *cause / because* к французскому эквиваленту *à cause* составляет 39 к 68%. Также отметим употребление *even though (que)* и *though*, в частности в конце клаузы в значении, эквивалентном *however*.

Представляется возможным утверждать, что легкость вхождения в речевую практику употребления английского союза '*cause*' объясняется тем, что он присущ обоим языкам, что упрощает переключение при опущении предлога *à* (*à-cause*). Амбивалентные слова, обозначаемые термином «слова-мосты» (*bridge-words*) и «слова-триггеры» (*trigger-words*) в исследованиях ПК, имеют неоднозначный статус, могут провоцировать переключение и способствуют языковому смешению, поскольку не могут быть четко отнесены к одному из языков двуязычной коммуникации [7. P. 108; 28. P. 321].

(39) <...> *moi j'étais le songwriter pis Poirier était le lyrics writer even though que Dan avait écrit du stuff...* – Я был [указан] композитором, а Пуарье был автором слов песни, хотя изначально Дэн написал музыку...

(40) *je suis allé à l'école even though je feel-ais mal* (корпус Boudreau-Perrot, 2000) [12. P. 204] – Я пошел в школу даже при том, что чувствовал себя плохо;

(41) *either je dis rien ou je vas* dire «moi je suis contre la drogue»* (корпус Boudreau-Perrot, 2000) [12. P. 204] – Я либо ничего не скажу, либо скажу «Лично я против наркотиков»;

(42) *L'église catholique là / a* perd du pouvoir but al* est encore riche though* – Католическая церковь / она теряет власть, но тем не менее у нее все еще много денег.

В шиаке также выделяется ряд простых и сложных союзов, в частности *since, unless, in case, except, however*, которые в свою очередь провоцируют появление смешанных конструкций с частицей *que*, в том числе *because que, unless que, since que*. С другой стороны, под влиянием английского эквивалента подчинительный союз *excepté que* теряет частицу *que* [14. P. 234–249; 26. P. 62–63]:

(43) *Ben je pense que je vais aller prendre une marche dehors since qu'il neige moins / quelqu'un qui vient avec moi [?]* – Ну, думаю, я пойду на улицу прогуляюсь, так снег идет не так сильно / кто-то пойдет со мной?

(44) <...> *pour vous autres c'est aussi cette économie informelle domiciliaire i* y a rien d'illégal là / excepté dans nos chiffres de production ça apparaît pas* (цит. по: [26. P. 63]) – Для вас это тоже такая неформальная домашняя экономика, в этом нет ничего незаконного / кроме того, что в наших производственных показателях это никак не отражается.

Дискурсивные маркеры, обсценная лексика и восклицания. Представляет интерес предположение И. Нойманн-Холзшух о том, что существует связь между включением в языковой репертуар служебных частей речи, таких как союзы, и дискурсивных маркеров английского языка, который, по мнению ученого, выступает pragmatically доминантным.

(45) *Et lui il a* resté là, il a appris, well, il use son français, mais il y a un tas du monde dans l'ouest là qui connaît bien le français* (И он остался, выучился, то есть он использует французский, но на Западе много кто хорошо знает французский (цит. по: [26. Р. 62]);

(46) *Well ché pas / on peut caller NBtel but j'ai déjà eu de la misère avec ça pis euh / whatever / Norm avait callé so / euh / ché pas* – Ну, я не знаю / можно позвонить в Телефонную службу Нью-Брансуика, но уже один раз это сделал с большим трудом / черт бы с ним / Норм уже звонил, так что / ах / не знаю;

(47) *C'est à cause que j'avais des espèces de souliers avec des talons comme gros / <...> c'était vraiment glissant là comme / je glissais sur n'importe quoi...* – Это потому, что у меня была обувь на каблуках, типа на высоких каблуках / там было очень скользко, короче / я скользила по всем поверхностям. В данном случае речь не идет о переключении кодов, однако в шиаке *comme* является семантическим эквивалентом английского слова *like*, которое может выступать в роли вводного, синтаксически не ограниченного своим окружением. Таким образом, высокая частотность употребления *comme* может свидетельствовать о влиянии английского языка.

Использование междометий, дискурсивных маркеров и обсценной лексики может указывать на желание говорящих в условиях языкового контакта прибегнуть к средствам контактного языка для усиления эмфатического эффекта высказывания и стилистического оформления речи. Среди зафиксированных нами элементов выделим (*ou*) *whatever, ok, anyway(s), holy fuck, my God, my gosh, goddam, holly shit, ah well, who cares* и др.:

(48) *Anyway si que ça worke pas je vas* caller à la compagnie demain ou whatever* – В любом случае, если это не сработает, я позвоню в компанию завтра или уж как пойдет;

(49) *Yeah actually yeah yeah les parents Al pis Gloria étiont*⁷ là / yeah holy shit i* y avait beaucoup de monde cette soirée là c'était vraiment cool* – Ага, вообще-то да, да, родители, Ал и Глория были там / да, офигеть, там было много народа в тот вечер, было реально классно;

(50) *Holy fuck ça te coûte cher* – Вот жесть, это тебе дорого обходится;

(51) *Ah / my God / je slouche encore / what's the matter with me [?]* – Эх / Бог мой / я опять сутулюсь / да что со мной не так?

Представляет также интерес наблюдение, что переключения кодов часто сопровождаются паузами хезитации, колебаниями при построении предложения, а также металингвистическими комментариями, функционирующими в качестве обоснования языкового выбора в ситуации языковой неуверенности. В следующем примере элементы заполненной паузы хезитации выражены повторением детерминатива (*des des*); комментарием, обосновывающим переключение (*on appelle ça en anglais...*); вокализацией (*eh*):

(52) *des des / on appelle ça en anglais des joint ventures avec le private euh and public partnership alors*

ça... [25. Р. 92] – Эти... эти / на английском это называется «совместное предприятие» с государственно-э... государственно-частным партнерством, вот так.

С другой стороны, Ш. Поплак выносит сегменты, участвующие во внутрифразовом переключении, такие как дискурсивные маркеры, междометия, заполнители пауз, цитаты, а также идиоматические выражения, за границы предложения, поскольку эти сегменты менее связаны с высказыванием и могут свободно встретиться в любой его точке. Таким образом, на них не накладываются ограничения ПК [16. С. 237].

Кроме того, И. Нойманн-Холзшух указывает на использование в шиаке специальных слов (*WH-words*) английского языка для введения придаточных конструкций [27. Р. 63]:

(53) *L'argent which qu'il a donné à Desmond est dans sa poche* (цит. по: [27. Р. 62]) – Деньги, которые он дал Дезмонду, у него в кармане. Отметим соположение двух эквивалентных форм – английского и французского относительного местоимения, что может указывать на попытку разрешить противоречие использования иноязычного элемента.

Заключение

Интерес к изучению шиака объясняется, в первую очередь, практикой переключения языковых кодов, а также наличием признаков смешения, а именно упрощением и смешением форм, а также взаимным уподоблением (аналогия) или заимствованием некоторых функциональных возможностей элементов английского языка. Проблемная область обладает высоким исследовательским потенциалом, поскольку факт смены языкового кода в рамках одного коммуникативного акта на сегодняшний день рассматривается в качестве распространённой модели речевого поведения. Степень внутрисистемных изменений в шиаке в связи с его контактной природой требует дальнейшего изучения, как и определение статуса данного идиомы. Как было доказано в настоящей работе, классификация шиака остается открытым вопросом, тем не менее, проведенный анализ свидетельствует, что имеет основание отнесение шиака к особому языковому коду с элементами смешения (при фокусе исследования на характеристиках ПК), а также территориальному варианту акадийского французского (при фокусе исследования на диалектных характеристиках и вариативности шиака) с конвенциализированной практикой переключения кодов.

Выбранные фрагменты были категоризированы согласно их частеречной принадлежности, что позволило выявить переключения, относящиеся к самостоятельным частям речи, в том числе существительные, прилагательные, наречия, глаголы, местоимения и числительные; также элементы служебных частей речи, такие как предлоги, союзы, междометия. В исследованиях ПК внутрифразовое переключение характеризуется наличием иноязычных вставок, как правило, выраженных существительными, реже глаголами, прилагательными и наречиями [28. Р. 314]. Вместе с тем проведенный анализ позволяет выдвигнуть предположение, что относительная частотность

употребления служебных частей речи в шиаке может свидетельствовать о более глубоких интегративных процессах между английским и французским языками, поскольку употребление союзов, предлогов, а также дискурсивных маркеров, призванных структурировать высказывание, может указывать на использование языковой игры и применение стратегий понейтрализации возможных грамматических ограничений, а также стремление к самоидентификации билингвальной группы. Отметим, что употребление союза *and* в корпусе ограничено полнофразовыми интрасентенциональными переключениями на английский язык (т.е. окружение союза относится к той же языковой системе) и интерсентенциональными переключениями (полное переключение по синтаксической границе), что обладает определенной новизной и открывает потенциал для изучения ограничений, накладываемых союзом *and* на ПК и степень его автономности.

Еще одним выводом, представляющим интерес, считаем соблюдение *ограничения клитики* на переключение между объектным или субъектным местоимением и глаголом, принадлежащим английскому языку, при их соположении. Таким образом, ПК такого рода представлены только интерсентенциональными переключениями либо полнофразовыми переключениями внутри предложения. Кроме того, обнаружено, что избегание повтора достигается с помощью замены контекстуально обозначенного существительного местоимением *one / ones*, вводимого конструкциями DET(Fr)+ADJ(Eng)+PRO и DET(Fr)+ADJ(Fr)+PRO, что свидетельствует о более

глубоком укоренении лексемы в шиаке и вариативности его употребления.

Примеры корпуса свидетельствуют о вариативной синтаксической позиции *back* относительного смыслового глагола, что подтверждает наблюдения, представленные в исследованиях шиака. Тем не менее, на наш взгляд, требуется дальнейшее изучение его синтаксической позиции перед глаголом (*back + V*), поскольку она фактически выступает эквивалентом (как смысловым, так и функциональным) префикса. Таким образом, шиак демонстрирует элементы аналитизма и синтетизма.

Основной целью исследования было изучение элементов переключения. Выявлено, что в шиаке наблюдается широкий спектр типов переключения кодов, при этом преобладают случаи интрасентенционального ПК внутри синтаксических границ, а также тэг-переключения, что составляет новизну исследования. Употребление междометий, вводных конструкций и обсценной лексики, на наш взгляд заслуживает внимания, так как может указывать на желание говорящих в условиях языкового контакта прибегнуть к средствам контактного языка для реализации стратегии создания контраста и привлечения внимания к содержанию сообщения, в частности в функции стилистического оформления речи. Кроме того, ПК также используется в корпусе в качестве референциального инструмента в функции цитирования. Выводы о коммуникативно-прагматическом функционале ПК в шиаке представляются актуальными, в связи с чем может быть продуктивным дальнейшее проведение социолингвистического исследования с привлечением информантов-носителей.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Прописная *T* (курсив) используется для графической передачи фонетической реализации конечного звука [t].

² Предлог *à* используется вместо предлога *de* для обозначения притяжательного падежа.

³ *Comme mème* употребляется в качестве эквивалента *quand même*.

⁴ В грамматической системе шиака наблюдается: 1) употребление глагола *avoir* в качестве вспомогательного при образовании сложных глагольных форм у возвратных глаголов; 2) отсутствие согласования с подлежащим посредством глагольных флексий (категории лица / числа).

⁵ Акадийская форма глагола *essayer*.

⁶ Сочетание «*qui*» фонетически реализуется как [tʃ], что графически отображено в корпусе с помощью сочетания «*tch*».

⁷ Диалектное окончание *-iont* у 3-го л. мн. ч. в *Imparfait de l'Indicatif*.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вишневская Г.М., Абызов А.А. Канадский языковой разлом: англо-французский билингвизм. Иваново : ИВГПУ, 2016. 199 с.
2. Statistics Canada: English-French bilingualism reaches new height. Census of Population, 2016. URL: <https://www12.statcan.gc.ca/census-recensement/2016/as-sa/98-200-x/2016009/98-200-x2016009-eng.cfm> (дата обращения: 21.09.2019).
3. Statistics Canada: English, French and official language minorities in Canada, 2016. URL: <https://www12.statcan.gc.ca/census-recensement/2016/as-sa/98-200-x/2016011/98-200-x2016011-eng.cfm> (дата обращения: 21.09.2019).
4. Thibault A. Un code hybride français/anglais? Le chiac acadien dans une chanson du groupe Radio Radio // Zeitschrift für französische Sprache und Literatur. 2011. Vol. 121, № 1. P. 39–65.
5. Poplack S. Sometimes I'll start a sentence in Spanish y termino en español: toward a typology of code-switching // The Bilingualism Reader / ed. by L. Wei. N.Y. : Routledge, 2000. P. 221–256.
6. Багана Ж., Блажевич Ю.С. К вопросу о переключении кодов // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2010. Т. 6, № 12 (83). С. 152–154.
7. Gardner-Chloros P. Code-switching. Leiden : Cambridge University Press, 2009. 242 p.
8. Gumperz J., Hernandez E. Cognitive Aspects of Bilingual Communication // Working Papers of the Language Behavior Research Laboratory. 1969. № 28. P. 1–19.
9. Chevalier G. Comment comme fonctionne d'une génération à l'autre // Revue québécoise de linguistique. 2001. № 30 (2). P. 13–40.
10. King R. Acadian French in time and space: a study in morphosyntax and comparative sociolinguistics. Durham : Duke University Press, 2013. 159 p.
11. Péronnet L. Modalités nominales et verbales dans le français franco-acadien de la région du sud-est du Nouveau-Brunswick: Thèse de maîtrise. Université de Moncton, 1975.

12. Perrot M.-È. Le trajet linguistique des emprunts dans le chiac de Moncton: quelques observations // Minorités linguistiques et société / Linguistic Minorities and Society. 2014. № 4. P. 200–218.
13. Archive ouverte en Sciences de l'Homme et de la Société. Inventaire des corpus oraux des français hors de France. URL: <https://halshs.archives-ouvertes.fr/halshs-01668212/file/INVENTAIRE%20DES%20CORPUS%20ORAUX%20DES%20FRANCAIS%20HORS%20DE%20FRANCE.pdf> (дата обращения: 17.03.2020).
14. Perrot M.-È. Aspects fondamentaux du métissage français-anglais dans le chiac de Moncton (N.-B.): Thèse de doctorat. Université de la Sorbonne Nouvelle Paris III, 1995.
15. Kasparian S. The Acadian Nooj module: Automatic processing of a regional oral French // *Linguistica Atlantica*. 2008. № 29. P. 117–135.
16. Башкиров М.Б. Исторический процесс консолидации акадийцев в Канаде в XVII–XX вв. : дис. ... канд. ист. наук. М., 2014. 184 с.
17. Compendium of Language Management in Canada (CLMC): New Brunswick Official Languages Act, 1969. URL: <https://www.uottawa.ca/clmc/new-brunswick-official-languages-act-1969> (дата обращения: 25.10.2019).
18. Office of the Commissioner of Official Languages for New Brunswick. History of Official Languages. URL: <https://officiallanguages.nb.ca/content/history-of-official-languages/> (дата обращения: 25.10.2019).
19. New Brunswick Analysis 2016 Census. Topic: Language. 11 p. URL: <https://www.nbjobs.ca/sites/default/files/2017-09-18-census-language.pdf> (дата обращения: 21.10.2019).
20. Kasparian S. Parler bilingue et actes identitaires: le cas des Acadiens du Nouveau-Brunswick // Francophonie et Langue dans un Monde Divers en Évolution: Contacts Interlinguistiques et Socioculturels / eds. by R. Stebbins, C. Romney, M. Ouellet. Winnipeg : Presses universitaires de Saint-Boniface, 2003. P. 159–177.
21. Papen A.R. Hybrid Languages in Canada Involving French: The Case of Michif and Chiac // Journal of Language contact. 2014. № 7 (1). P. 154–183.
22. Swigart L. Two codes or one? The insiders' view and the description of codeswitching in Dakar // Journal of Multilingual & Multicultural Development. 2010. № 13 (1–2). P. 83–102.
23. Керри C. Les attitudes à l'égard du chiac: Thèse de maîtrise. Carleton University, 2002. 147 p.
24. Клоков В.Т. Словарь французского языка в Канаде: Квебек и Акадия. Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 2004. 524 с.
25. Chevalier G. Les français du Canada: faits linguistiques, faits de langue // Alternative Francophone. 2008. Vol. 1, № 1. P. 80–97.
26. Neumann-Holzschuh I. Contact-induced structural change in Acadian and Louisiana French: mechanisms and motivations // Langage et société. 2009. Vol. 129, № 3. P. 47–68.
27. King R. The Lexical Basis of Grammatical Borrowing: A Prince Edward Island French case study. Amsterdam : John Benjamins, 2000. 241 p.
28. Auer P. From Code-switching via Language Mixing to Fused Lects: Toward a Dynamic Typology of Bilingual Speech // International Journal of Bilingualism. 1999. № 4. P. 309–332.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 30 сентября 2020 г.

A Corpus-Based Study of Grammatical and Lexical Features of Chiac (New Brunswick, Canada) as a Contact Variety with Code-Switching

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 459, 27–38.

DOI: 10.17223/15617793/459/3

Lana R. Zurabova, Moscow City University (Moscow, Russian Federation). E-mail: ZurabovaLR@mgpu.ru

Keywords: code-switching; CS; Canada; chiac; subdialect; language contact; New Brunswick; corpus-based study; Acadia.

The article explores the phenomenon of code-switching in a variety of Acadian French known as Chiac (or Chiaque) spoken in the south-east of New Brunswick. The study aims to present the results of the corpora analysis carried out by the author. The focus of the analysis was primarily on the functional and systemic characteristics of code-switching (CS), which commonly occurs in Chiac. Addressing the need for further discussion, the author provides a qualitative analysis of the existing classification of Chiac, presenting an overview of the most prominent opinions on its status and her position regarding this topic. The empirical data of the study comes from the corpus Chiac-Kasparian H99 and the micro-corpus Kasparian-Léger H2004 provided by Dr. Sylvia Kasparian, Head of the Textual Data Analysis Laboratory, University of Moncton, New Brunswick. The corpora consist of transcribed spontaneous oral conversations between young adults and their friends and families living in the south-east of New Brunswick. The analyzed material comprises 51,010 word forms, including headings and metacommentaries. The empirical material is accompanied by sociolinguistic information about the speakers. The timeline of the recorded data is limited by the years 1999 and 2004. The age of the informants varies from 10 to 61; however, most of the informants were students and residents of the urban agglomeration of Moncton aged 18 to 24. The methodology relies heavily on content analysis; morphosyntactic analysis has also been incorporated. The first stage of the study included corpora formatting and manual annotation. To create a morphological markup of the corpora, the Russian National Corpus annotation model was used; a system of tags was developed to accommodate the need to tag code-switching, its classification and functions, variable inflections, and dialectisms. The second stage was the analysis of the juxtaposition of English and French (part-of-speech affiliation, CS typology, CS grammatical markers and restrictions imposed on CS, pragmatic functions). As a result, the author has revealed contexts with code-switching to English: intrasentential CS (single words and phrases), intersentential CS (sentences), and tag-switches (syntactically independent). The analysis has shown that the free morpheme constraint and the clitic constraint are usually respected; however, regarding the latter, the author introduces some insights into the function of code-switches that contain personal pronouns, questions the autonomy of the English conjunction “and” and the possible constraints on its use without English collocates. The use of English adjectives is investigated regarding the violation of the equivalence constraint due to their position. It is argued that the use of tag-switches may indicate a desire to use CS as a tool to structure the speech and enhance its emphatic effect.

REFERENCES

1. Vishnevskaya, G.M. & Abyzov, A.A. (2016) *Kanadskiy yazykovoy razлом: anglo-frantsuzskiy bilingvizm* [Canadian Language Rift: Anglo-French Bilingualism]. Ivanovo: Ivanovo State Pedagogical University.
2. Statistics Canada. (2016) *English-French bilingualism reaches new height. Census of Population*. [Online] Available from: <https://www12.statcan.gc.ca/census-recensement/2016/as-sa/98-200-x/2016009/98-200-x2016009-eng.cfm> (Accessed: 21.09.2019).
3. Statistics Canada. (2016) *English, French and official language minorities in Canada*. [Online] Available from: <https://www12.statcan.gc.ca/census-recensement/2016/as-sa/98-200-x/2016011/98-200-x2016011-eng.cfm> (Accessed: 21.09.2019).
4. Thibault, A. (2011) Un code hybride français/anglais? Le chiac acadien dans une chanson du groupe Radio Radio. *Zeitschrift für französische Sprache und Literatur*. 121 (1). pp. 39–65.

5. Poplack, S. (2000) Sometimes I'll start a sentence in Spanish y termino en español: toward a typology of code-switching. In: Wei, L. (ed.) *The Bilingualism Reader*. N.Y.: Routledge. pp. 221–256.
6. Bagana, Zh. & Blazhevich, Yu.S. (2010) K voprosu o pereklyucheniyu kodov [On switching codes]. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*. 6:12 (83). pp. 152–154.
7. Gardner-Chloros, P. (2009) *Code-switching*. Leiden: Cambridge University Press.
8. Gumperz, J. & Hernandez, E. (1969) Cognitive Aspects of Bilingual Communication. *Working Papers of the Language Behavior Research Laboratory*. 28. pp. 1–19.
9. Chevalier, G. (2001) Comment comme fonctionne d'une génération à l'autre. *Revue québécoise de linguistique*. 30 (2). pp. 13–40.
10. King, R. (2013) *Acadian French in time and space: A study in morphosyntax and comparative sociolinguistics*. Durham: Duke University Press.
11. Péronnet, L. (1975) *Modalités nominales et verbales dans le français franco-acadien de la région du sud-est du Nouveau-Brunswick*: Thèse de maîtrise. Université de Moncton.
12. Perrot, M.-È. (2014) Le trajet linguistique des emprunts dans le chiac de Moncton: quelques observations. *Minorités linguistiques et société / Linguistic Minorities and Society*. 4. pp. 200–218.
13. Archive ouverte en Sciences de l'Homme et de la Société. *Inventaire des corpus oraux des français hors de France*. [Online] Available from: <https://halshs.archives-ouvertes.fr/halshs-01668212/file/INVENTAIRE%20DES%20CORPUS%20ORAUX%20DES%20FRANCAIS%20HORS%20DE%20FRANCE.pdf> (Accessed: 17.03.2020).
14. Perrot, M.-È. (1995) *Aspects fondamentaux du métissage français-anglais dans le chiac de Moncton (N.-B.)*: Thèse de doctorat. Université de la Sorbonne Nouvelle Paris III.
15. Kasprian, S. (2008) The Acadian Nooj module: Automatic processing of a regional oral French. *Linguistica Atlantica*. 29. pp. 117–135.
16. Bashkirov, M.B. (2014) *Istoricheskiy protsess konsolidatsii akadiytsev v Kanade v XVII–XX vv.* [The historical process of the consolidation of the Acadians in Canada in the 17th–20th centuries]. History Cand. Diss. Moscow.
17. Compendium of Language Management in Canada (CLMC). (1969) *New Brunswick Official Languages Act*. [Online] Available from: <https://www.uottawa.ca/clmc/new-brunswick-official-languages-act-1969> (Accessed: 25.10.2019).
18. Office of the Commissioner of Official Languages for New Brunswick. (2012) *History of Official Languages*. [Online] Available from: <https://officiallanguages.nb.ca/content/history-of-official-languages/> (Accessed: 25.10.2019).
19. New Brunswick Analysis. (2016) *Census. Topic: Language*. [Online] Available from: <https://www.nbjobs.ca/sites/default/files/2017-09-18-census-language.pdf> (Accessed: 21.10.2019).
20. Kasprian, S. (2003) Parler bilingue et actes identitaires: le cas des Acadiens du Nouveau-Brunswick. In: Stebbins, R., Romney, C. & Ouellet, M. (eds) *Francophonie et Langue dans un Monde Divers en Évolution: Contacts Interlinguistiques et Socioculturels*. Winnipeg: Presses universitaires de Saint-Boniface. pp. 159–177.
21. Papen, A.R. (2014) Hybrid Languages in Canada Involving French: The Case of Michif and Chiac. *Journal of Language Contact*. 7 (1). pp. 154–183.
22. Swigart, L. (2010) Two codes or one? The insiders' view and the description of codeswitching in Dakar. *Journal of Multilingual & Multicultural Development*. 13 (1–2). pp. 83–102.
23. Keppie, C. (2002) *Les attitudes à l'égard du chiac*: Thèse de maîtrise. Carleton University.
24. Klokov, V.T. (2004) *Slovar' frantsuzskogo yazyka v Kanade: Kvebek i Akadiya* [Dictionary of the French language in Canada: Quebec and Acadia]. Saratov: Saratov State University.
25. Chevalier, G. (2008) Les français du Canada: faits linguistiques, faits de langue. *Alternative Francophone*. 1 (1). pp. 80–97.
26. Neumann-Holzschuh, I. (2009) Contact-induced structural change in Acadian and Louisiana French: mechanisms and motivations. *Langage et société*. 129 (3). pp. 47–68.
27. King, R. (2000) *The Lexical Basis of Grammatical Borrowing: A Prince Edward Island French Case Study*. Amsterdam: John Benjamins.
28. Auer, P. (1999) From Code-switching via Language Mixing to Fused Lects: Toward a Dynamic Typology of Bilingual Speech. *International Journal of Bilingualism*. 4. pp. 309–332.

Received: 30 September 2020

A.P. Каюмова, Н.В. Коноплева

ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В ОНЛАЙН-КОММЕНТАРИЯХ К АНГЛОЯЗЫЧНЫМ ЭЛЕКТРОННЫМ ГАЗЕТНЫМ СТАТЬЯМ

Исследуется «поведение» фразеологических единиц в устно-письменной речи на таком принципиально новом материале, как онлайн-комментарий к электронной газете («The Guardian» и «The Sun»). Установлено, что жанровое своеобразие интернет-комментария (его эмоциональность и спонтанность) обуславливает особое употребление фразеологических единиц авторами комментариев. Около половины фразеологических единиц употреблено в трансформированной форме, однако случаи сложных трансформаций, таких как каламбур и расширенная метафора, единичны.

Ключевые слова: фразеологическая единица; онлайн-комментарий; электронная газета; устно-письменная речь.

Введение

Фразеология – это определенно яркий, необычный, характерный и культурно значимый компонент языка. Неизменно большое внимание уделяется употреблению фразеологических единиц в художественных и публицистических текстах, где авторы мастерски используют все богатство фразеологии, зачастую прибегая к языковой игре, намеренно трансформируют фразеологические единицы с целью создания того или иного стилистического эффекта (см., например, [1–4]). Однако описанию особенностей употребления фразеологии в устной речи, в частности речи рядовых носителей языка, в лингвистике уделяется значительно меньше внимания [5, 6].

Новизна данной работы, во-первых, состоит в исследовании «поведения» фразеологических единиц в относительно недавно зародившейся разновидности речи, *народной* устно-письменной речи, т.е. в графически оформленной устной речи рядовых носителей языка. Данная «промежуточная» форма речи возникла по причине появления и развития интернет-коммуникации (в чатах, блогосфере, форумах и др.) [7, 8]. Во-вторых, исследование проведено на новом материале, а именно онлайн-комментарии к электронной газете.

Электронная газета – это средство информации и коммуникации нового поколения, где читатель имеет возможность максимально быстро отреагировать на ту или иную новость, высказать свое мнение, например в рамках онлайн-комментария.

Онлайн-комментарии (или интернет-комментарии) посвящены работы таких авторов, как В.А. Митягина, И.Г. Сидорова, Т.И. Стексова [9–11] и др. Однако эти ученые уделяют большее внимание жанровому своеобразию интернет-комментария в целом, выделяют его дифференциальные признаки. Фразеологическая составляющая жанра «интернет-комментарий» остается неисследованной. Тем не менее, на наш взгляд, такие признаки интернет-комментария, как эмоциональность и спонтанность, делают возможным предположить, что авторы комментариев могут с большой степенью вероятности прибегать к употреблению фразеологических единиц, так как последние в большинстве своем являются представителями эмоционально-экспрессивной лексики.

Сики, их можно быстро воспроизвести в готовом виде, выразив свое мнение емко и с чувством.

В связи с вышеизложенным мы ставим перед собой цель выяснить:

1) насколько часто носители языка употребляют фразеологические единицы в онлайн-комментариях;

2) употребляют ли носители языка фразеологические единицы в их традиционной (узуальной) или трансформированной (окказиональной) форме.

Фразеологические единицы зачастую бытуют в контексте не в изолированной (записанной в словарях) форме; они видоизменяются, способны изменить свое значение и / или коннотацию, вступают во все многообразие связей с контекстом, в том числе ассоциативные.

В связи с этим отметим два термина, которые были впервые введены в научный оборот А.В. Куниным [12]: «узуальное употребление» и «окказиональное употребление» фразеологических единиц в контексте.

Под **узуальным употреблением** фразеологических единиц рассматривается реализация фразеологических единиц в контексте без какого-либо отклонения от их привычного использования в той форме, в которой они указываются в словарях [12].

Под **окказиональным употреблением** фразеологических единиц понимается реализация фразеологических единиц с изменениями семантики или структуры фразеологической единицы с определенной стилистической целью [12].

Отклонение от узуальной формы фразеологической единицы рассматривается как трансформация (или модификация). В настоящее время существует несколько классификаций трансформаций (см., например, [13–17]); различные ученые рассматривают схожий набор явлений, каждый при этом дает им свое собственное название и по-своему объединяет в группы. Дабы избежать путаницы в терминологии, мы будем придерживаться классификации трансформаций Е.Ф. Арсентьевой [17], которая попыталась объединить различные точки зрения и выделила следующие виды контекстуальных трансформаций:

- замена лексического компонента / компонентов;
- вклинивание компонента / компонентов (и разрыв как один из видов вклинивания);
- добавление переменного компонента / компонентов;

- эллипсис (и аллюзия как его вариант);
- фразеологический повтор;
- расширенная метафора;
- фразеологическое насыщение текста;
- фразеологический каламбур.

В целом же все типы трансформаций можно разделить на три основные группы:

1. Преобразования, изменяющие содержательную форму фразеологических единиц, но не нарушающие их структуру. К ним относятся фразеологический каламбур и редко встречающиеся нарушения стилистической дистрибуции.

2. Преобразования, изменяющие структуру фразеологических единиц и вносящие тем самым инновации в их содержание. К ним относятся замена компонента / компонентов, вклинивание (и разрыв), эллипсис, добавление компонента / компонентов.

3. Сложные преобразования: расширенная метафора, фразеологический повтор и фразеологическое насыщение контекста.

Материал и методы исследования

Первичным материалом для исследования послужили 500 онлайн-комментариев читателей электронных газет «The Guardian» [18] и «The Sun» [19]. Методом сплошной выборки из них было отобрано 185 комментариев, содержащих фразеологические единицы. Данные онлайн-комментарии подверглись детальному контекстуальному анализу; примеры узального и окказионального употребления фразеологических единиц были проанализированы посредством качественного и количественного метода обработки данных.

Результаты исследования

Вычленив 185 интернет-комментариев, содержащих фразеологические единицы, из первичной базы данных, мы смогли незамедлительно ответить на первый вопрос нашего исследования о частоте употребления фразеологических единиц в онлайн-комментариях. На наш взгляд, употребление фразеологических единиц в онлайн-комментариях видится частотным. Комментарии, содержащие фразеологические единицы, составляют около 37% от общего числа комментариев. Процент является достаточно высоким, особенно учитывая тот факт, что некоторые из них немногословны или представляют невербальное выражение мысли (смайлик и пр.). В текстах других жанров газетно-публицистического стиля частота употребления фразеологических единиц ниже [3, 20, 21].

Обратимся к примерам узального и окказионального употребления фразеологических единиц, отобранных нами из онлайн-комментариев к электронным статьям.

1. Узальное употребление фразеологических единиц:

– «*I used to be a member at Essex a few decades back. I knew where I was with the various competitions. Can't make head nor tail of them now... now they want to*

confuse me even further. Thanks but no»¹. Фразеологизм **can't make head nor tail of smth**² (совершенно не понимать что к чему) использован в словарной форме без каких-либо изменений в структуре или содержании, следовательно, это узуальное употребление фразеологической единицы.

– «*It's not all just about "YOU"...some people might like the story, some people will like the story. Bite your tongue, please. Probably the Sun will apologize to you if you write to them and complain that you don't like it and don't care about it. Hey, they might even ask you "What stories would you like us to publish, just for you Sir?"*».

Фразеологизм **bite your tongue** (прикусить язык, воздержаться от высказывания) также использован в словарной форме.

Вторым ключевым вопросом нашего исследования является вопрос о частотности употребления фразеологических единиц в узальной и окказиональной формах. Отметим, что 59% от общего числа фразеологических единиц в онлайн-комментариях были употреблены в нетрансформированной узальной форме (рис. 1), т.е. их доля чуть превышает половину от всего объема единиц. Данный факт, на наш взгляд, является показателем того, что трансформации фразеологических единиц – обыденное явление в речи рядовых носителей языка; они являются нормой, а не исключением.

Рис. 1. Соотношение узальной и окказиональной форм употребления фразеологических единиц в онлайн-комментариях в электронной газете, %

2. Окказиональное употребление фразеологических единиц.

А. Пример комментария с **заменой** компонента / компонентов и его анализ:

При таком виде трансформации оригинальный (исходный) компонент фразеологической единицы может быть заменен синонимичной, антонимичной лексемой, лексемой, принадлежащей к одному лексико-семантическому полю [17]. Например:

– «*I agree that it is partly the optimism of Star Trek that has kept it as a popular series throughout the last half century. Whilst there are conflicts in Star Trek, they can usually be settled. Most other species want to cooperate. Technology has eliminated poverty and war on Earth. Humanity has overcome most of our petty national differences and instead strives simply to advance ourselves. It is ridiculously utopian, but that's part of the beauty of it. In the dark world of today, Star Trek continues to gloss like a beacon of hope, for what humanity could potentially achieve if it set its mind to it*».

Обновлению образности фразеологической единицы способствует замена глагольного компонента «*shine*» в фразеологической единице **shine like a beacon**.

con of hope на окказиональный компонент «*gloss*». Трудно судить о причине замены компонента, однако новая версия фразеологической единицы звучит живо и современно.

По результатам нашего исследования замена компонента / компонентов составляет 7% от общего числа трансформаций.

Б. Примеры с вклиниванием компонента / компонентов и их анализ:

– «*Could we please have an Ant-&-Dec-free year? You should keep your big ears open. They're a health hazard, plunging many I know into gloom just by their inane presence. Or like a virus you just can't escape*».

Окказиональный компонент «*big*» вклинивается в привычную форму фразеологической единицы *keep your ears open* (держать ухо востро, быть начеку). В данном случае вклинивание повысило экспрессивность высказывания и, на наш взгляд, привнесло в него оскорбительный характер.

Разрыв является одним из вариантов вклинивания. При обычном вклинивании добавочные компоненты синтаксически связаны с компонентами узульными. При разрыве же вклинивающиеся слова синтаксически не зависят от компонентов фразеологической единицы [17]. Обратимся к примеру:

– «*It's an industry awards that is really only interesting to those in the industry. I gather there was a G16 awards for the glass industry, was I interested ?When it's like pigs fly. Am I interested in a bunch of levies telling each other how wonderful they are darling.... Never, it is only because their industry is to do with the media that they believe the rest of us are interested in them*».

Вклинивающиеся компоненты «*it's like*» не связаны синтаксически с компонентами исходной фразеологической единицы *when pigs fly* (никогда, *ср.*: когда рак на горе свистнет); они разрывают структуру исходной единицы. Заметим, что компонент «*like*» являются словом-паразитом в английской устной речи (англ. *filler*); следовательно, данный пример – это яркий образец того, что онлайн-комментарий представляет именно устно-письменную речь, а не сугубо письменную.

Вклинивание составило 7% от общего числа трансформаций фразеологических единиц.

В. Пример с добавлением компонента / компонентов и его анализ:

Отличие добавления от вклинивания в том, что окказиональные компоненты присоединяются либо к началу, либо к концу исходной единицы, а не вклиниваются в ее состав. В качестве добавляемого компонента чаще всего выступают прилагательные или наречия [17]. Например:

– «*Another nail in the coffin. ECB are on a mission to completely destroy cricket in this country within 10 years, and it looks like they will succeed*».

Компонент «*another*» уточняет значение фразеологической единицы *nail in coffin* (букв. гвоздь в гроб, т.е. событие, которое усугубит ситуацию и приведет что-либо к неминуемому концу). Автор комментария дает нам понять, что ECB (Совет по крикету Англии и Уэльса) и ранее совершил поступки, негативно влияющие на состояние крикета в стране.

Добавление компонента / компонентов составило 11% от общего числа трансформаций на основе нашего материала.

Г. Примеры употребления эллипсиса и их анализ:

Эллипсис представляет собой сокращение количества компонентов фразеологической единицы [17]. Аллюзия является крайней инстанцией эллипсиса и является усечением исходных компонентов до одного-двух ключевых (или ядерных) компонентов [16]. Усеченные компоненты не несут основной смысловой нагрузки, поэтому фразеологическая единица легко восстанавливается носителем языка. Например:

– «*Let spade a spade, I've not seen that one. I guess winning awards gives them a sense of worth, you know... 27p!*»

Словарная форма фразеологической единицы – *call a spade a spade* (т.е. называть вещи своими именами); в контексте усечен компонент «*call*».

– «*She doesn't let the grass grow, I must say*».

Фразеологическая единица *let the grass grow under feet* (т.е. бездействовать) также употреблена в усеченной форме.

На наш взгляд, авторы онлайн-комментариев неосознанно прибегают к эллипсису с целью «речевой» экономии.

Эллипсис составил 6% от общего числа трансформаций.

Обратим внимание на то, что в каждом из выше-приведенных примеров имеется не одна, а две фразеологические единицы. Помимо усеченных единиц мы можем найти два устойчивых выражения: *you know* и *I must say*. Оба выражения имеют помету *spooken*, т.е. они обычно употребляются в устной речи; однако, как показывают примеры, подобные фразеологические единицы являются типичными и для устно-письменной речи.

Д. Примеры с повтором фразеологической единицы и их анализ:

– «*when I read about what Cohn and Manchin are doing I thought... criminals that are nothing more than mobsters that are racketeering to steal our money with a bunch of lies inside of our government and to be flush with money. They say they will give us money for our bridges and roads but they forget to say that they will charge absurd tolls and frisk Americans on the daily after they will flush with money and have them just for having to go to work or wanting to travel. Trump's infrastructure plan was this all along. We should have known he was lying there too about helping common Americans*».

В данном случае автор онлайн-комментария дважды употребляет фразеологическую единицу *be flush with money* (заграбать деньги лопатой, купаться в золоте) [23]. Повтор говорит о силе эмоций автора комментария; он(а) явно неудовлетворен(а) тем, что власть имущие заботятся лишь о своем благосостоянии и забывают о нуждах обычных американцев.

Обратим внимание, что в вышеприведенном примере повтор фразеологической единицы произведен в мини-контексте одного комментария. Возможен и иной вариант: повтор фразеологической единицы может встречаться в цепочке онлайн-комментариев, когда автор последующего комментария повторяет фра-

зоологическую единицу, употребленную в предыдущем. В таком случае мы имеем дело с диалогическим повтором, столь характерным именно для устной речи. Он употребляется с целью передать свое согласие с репликой собеседника, подать сигнал взаимопонимания, общности взглядов [24]. Обратимся к примеру:

– «*Trump, what a bad apple. While Paulo Gentiloni (Italian Premier and the host of the G7) was making a very important speech on the EUs relation with Africa and let's face it we need to engage with Africa before it's too late.*

– *Bad apple, however, did not have the courtesy to even listen to what Gentiloni had to say. All the other leaders were all wired in to listen to his speech... Trump had NO ear peace and just kept looking around nodding his head occasionally, making out he was listening. What a fraud and what a charlatan, no respect for anyone... AMERICA FIRST???*»

Оба собеседника используют фразеологическую единицу ***bad apple*** (негодяй, подлец) с целью показать негативное отношение к Дональду Трампу.

В нашей базе данных повтор фразеологической единицы составляет 6% от общего числа трансформаций.

Е. Примеры фразеологического насыщения контекста и их анализ:

Существует два типа фразеологического насыщения контекста: а) первый тип фразеологического насыщения представляет собой одновременное использование двух или более фразеологических единиц в контексте; б) второй тип фразеологического насыщения контекста подразумевает близкое использование сразу нескольких фразеологических единиц, часть которых подверглась контекстуальным трансформациям [16–17]. Приведем пример фразеологического насыщения контекста:

– *Normally the Sun won't allow comments on Me-gain articles as they know the British public cannot stand her. This pair are turning the people against the Royal Family. I have always been a Royalist but since she has got her claws into Harry I have become more and more republican. Once Her Majesty and Duke of Edinburgh pass away I think a majority of people would rather see the Monarchy abolished as the younger Royals are way too out of touch with ordinary people.*

Автор данного комментария употребил две фразеологические единицы: ***get your claws into somebody*** (заарканить) и ***out of touch*** (потерявший связь, не общающийся). Первая единица употреблена в узульной форме; вторая же подверглась добавлению компонента ***«way too»*** (слишком, чрезмерно). Данный пример иллюстрирует второй тип фразеологического насыщения контекста, одного из самых выразительных средств воздействия на реципиента (т.е. читателя комментария).

Обратимся к другому примеру:

– *I will pay for the their one-way tickets out of the UK. Good riddance to them both You want your cake and eat it.*

Автор написал данный комментарий относительно решения принца Гарри и Меган Маркл построить дом в Ботсване. В контексте (так же как и в предыдущем

примере) имеются две фразеологические единицы: ***good riddance*** (ср. скатертью дорога!) и ***have your cake and eat it*** (преследовать две взаимоисключающие цели, пытаться совместить несовместимое, ср.: и рыбку съесть и на ёлку влезть). Первая единица употреблена в узульной форме; вторая же подверглась замене компонента ***«have»*** на ***«want»***. Обе фразеологические единицы имеют негативную коннотацию и ярко отражают мнение автора комментария о супругах.

Фразеологическое насыщение контекста составило 3% от общего числа трансформаций на основе нашего материала.

В ходе исследования мы не обнаружили примеров использования **расширенной фразеологической метафоры** и **фразеологического каламбура**. С нашей точки зрения, это можно объяснить тем, что данные примеры являются сложнейшими приемами трансформации фразеологической единицы.

Первый прием – расширенная фразеологическая метафора – предполагает использование не единичной метафоры, а внедрение подобразов или добавочных образов, лежащих в основе ассоциативных метафор и группирующихся вокруг «базовой метафоры» фразеологической единицы [16, 17].

Второй прием – фразеологический каламбур – состоит в обыгрывании переносного значения фразеологической единицы и буквального значения ее компонентов.

Игра образами или значениями представляет собой своего рода искусство, которое присуще не всем рядовым носителям языка и, как показывает исследование, не терпит реактивного темпа интернет-комментария.

Таким образом, фразеологические единицы, подвергшиеся трансформациям, составили 41% от всего количества фразеологических единиц, отобранных из онлайн-комментариев. Из 41% трансформированных фразеологических единиц замена компонента / компонентов встретилась в 7% случаев, вклинивание – в 7, добавление – в 11, эллипсис – 6, повтор – 6, фразеологическое насыщение контекста – 4%; расширенная фразеологическая метафора и фразеологический каламбур отсутствуют (рис. 2).

Рис. 2. Соотношение различных типов употребления фразеологических единиц в онлайн-комментариях в электронной газете, %

Заключение

Отобрав 500 интернет-комментариев к статьям из электронных газет «The Guardian» и «The Sun», мы выявили 185 комментариев, содержащих фразеологические единицы. Большой процент (37%) распространности фразеологических единиц обусловлен особынностью жанра интернет-комментария. Как мы упоминали ранее, комментарии пишутся сумбурно, в порыве чувств. Фразеологические единицы позволяют авторам выразить свою мысль емко и эмоционально.

Комментарий является видом устно-письменной народной речи, несмотря на это, процент фразеологических единиц, подвергшихся трансформации, высок (41%). Если в художественном тексте автор намеренно использует трансформации с целью произвести стилистический эффект, то рядовой читатель и автор интернет-комментария используют трансформации, на наш взгляд, неосознанно. Именно поэтому сложные трансформации (такие как фразеологический ка-

ламбур или расширенная фразеологическая метафора) – редкость. В английском онлайн-комментарии самыми распространенными являются такие типы трансформаций, как добавление компонента / компонентов (11%), замена компонента / компонентов (7%) и вклинивание (7%). Чуть реже встречаются эллипсы (6%) и фразеологические повторы (6%). Наиболее распространенные виды трансформаций (за исключением повтора) влекут изменения исключительно в структуре фразеологической единицы. Фразеологическое насыщение контекста составило 4% от всего объема трансформаций. Это может быть обусловлено большой степенью эмоциональности текста онлайн-комментария.

В целом, как показало исследование, жанровое своеобразие интернет-комментария (его эмоциональность и спонтанность, а также принадлежность к устно-письменной форме речи) обуславливает особое употребление фразеологических единиц авторами комментариев.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Здесь и далее примеры даны с сохранением авторской орфографии, пунктуации и грамматики.

² Здесь и далее мы приводим словарную форму фразеологических единиц, зафиксированную в онлайн-версии словаря «Longman Dictionary of Contemporary English» [22], помимо тех случаев, где указан иной источник цитирования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Каюмова А.Р. Фразеологические единицы в произведениях У. Коллинза и их соответствие в русских и испанских переводах : дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2010. 169 с.
2. Guryanov I.O., Gafiyatova E.V., Cruz J. Modifications of bookish idioms: discourse analysis // Quid-Investigacion Ciencia y Tecnologia. 2017. Vol. 28. P. 795–799.
3. Саютина Н.В. Трансформация фразеологических единиц в газетной публицистике: жанровая специфика // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2011. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/transformatiya-frazeologicheskikh-edinits-v-gazetnoy-publisistike-zhanrovaya-spetsifika> (дата обращения: 07.02.2020).
4. Гусейнова Т.С. Трансформация фразеологических единиц как способ реализации газетной экспрессии: на материале центральных газет 1990–1996 гг.: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Махачкала, 1997. 23 с.
5. Головина Э.Д. Виснет ли брань на воротах? Как мы коверкаем фразеологизмы // Русская речь. 2003. № 5. С. 61–65.
6. Хуснутдинов А.А., Хуснутдинова А.А. Трансформированное использование фразеологических единиц в речи рядового носителя языка // Фразеология: вчера, сегодня, завтра : сб. науч. тр. Тула, 2011. С. 37–41.
7. Кутыркина Л.В. Устный и письменный язык: встреча в пространстве Рунета // Вестник МГУП. 2011. № 12. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ustnyy-i-pismennyy-yaзык-v-prostranstve-runeta> (дата обращения: 17.06.2020).
8. Лутовинова О.В. Интернет как новая «устно-письменная» система коммуникации // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2008. № 71. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/internet-kak-novaya-ustno-pismennaya-sistema-kommunikatsii> (дата обращения: 17.06.2020).
9. Митягина В.А. Интернет-комментарий как коммуникативное действие // Жанры и типы текста в научном и медиийном дискурсе : межвуз. сб. науч. тр. Вып. 10 / отв. ред. А.Г. Пастухов. Орел, 2012. С. 188–197.
10. Сидорова И.Г. Коммуникативно-прагматические характеристики жанров персонального интернет-дискурса (сайт, блог, социальная сеть, комментарий) : дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2014. 249 с.
11. Стексова Т.И. Комментарий как речевой жанр и его вариативность // Жанры речи. 2014. № 1–2 (9–10). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kommentarij-kak-rechevoy-zhanr-i-ego-variativnost-1> (дата обращения: 07.02.2020).
12. Куния А.В. Курс фразеологии современного английского языка : учеб. пособие. 2-е изд. М. : Высшая школа, 1996. 381 с.
13. Шадрин Н.Л. Перевод фразеологических единиц и сопоставительная стилистика. Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 1991. 218 с.
14. Ferando C. Idioms and Idiomacy. Oxford : Oxford University Press, 1996. 168 р.
15. Moon R. Fixed expressions and idioms in English: a corpus-based approach. Oxford : Clarendon Press, 1998. 352 р.
16. Naciscione A. Phraseological Units in Discourse: towards Applied Stylistics. Riga : Latvian Academy of Culture, 2001. 283 р.
17. Арсентьева Е.Ф. Контекстуальное использование фразеологических единиц. Казань : Хэтэр, 2009. 168 с.
18. The Guardian. URL: <https://www.theguardian.com/uk> (дата обращения: 07.02.2020).
19. The Sun. URL: <https://www.thesun.co.uk> (дата обращения: 07.02.2020).
20. Зеленов А.Н. Фразеологизм в роли газетного заголовка : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Великий Новгород, 2009. 19 с.
21. Gataullina V.L., Salieva R.N., Aslanova U.V. The use of phraseological units with components denoting family relationships in mass media in English and Russian languages // Quid-Investigacion Ciencia y Tecnologia. 2017. Vol. 1. P. 2598–2603.
22. Longman Dictionary of Contemporary English. URL: <https://www.ldoceonline.com/> (дата обращения: 07.02.2020).
23. Большой англо-русский фразеологический словарь. URL: https://large_phrasebook_en_ru.academic.ru/2372/be+flush+with+money (дата обращения: 07.02.2020).
24. Колокольцева Т.Н. Специфические коммуникативные единицы диалогической речи. Волгоград : Изд-во Волгоград. ун-та, 2001. 260 с.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 5 июля 2020 г.

The Peculiarities of the Use of Idioms in Comments to English-Language Online Newspaper Articles

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 459, 39–45.

DOI: 10.17223/15617793/459/4

Albina R. Kayumova, Kazan Federal University (Kazan, Russian Federation). E-mail: alb1980@yandex.ru

Natalia V. Konopleva, Kazan Federal University (Kazan, Russian Federation). E-mail: natali.konopleva@mail.ru

Keywords: phraseological unit; online comment; online newspaper; oral/written discourse.

This article presents the results of a study on the “behavior” of idioms in oral/written speech of ordinary speakers found in comments to English-language online newspapers. The main aim of the study was to discover whether idioms are used in their usual ready-made form or with changes in their structure and/or connotation. A secondary concern was to determine the frequency of the usage of idioms. Such features of online comments as emotionality and spontaneity make it possible to assume that authors of comments may resort to the use of idioms, since the latter are representatives of the emotional and expressive part of vocabulary; they can be quickly reproduced in context. The primary material for the study consisted of 500 comments from readers of online newspapers *The Guardian* and *The Sun*. Then, 185 comments containing idioms were selected to conduct further research. The comments containing idioms were subjected to contextual analysis. Firstly, the authors identified the idiom. Secondly, they accessed its basic form (by consulting dictionaries) and comprehended the idiomatic meaning. If idioms were used in their basic form, they mostly did not acquire any additional features in context. However, some idioms were employed with modifications: substitution of a component/components, insertion of a component/components and cleft-use, addition of a component/components, ellipsis and allusion, phraseological repetition, extended metaphor, phraseological saturation of the context, and phraseological pun. In case of modifications, the authors had to interpret the contextual features because any change in form can entail changes in meaning, emotivity, expressiveness, and connotation. Finally, both non-modified and modified idioms underwent quantitative analysis. Identifying 185 comments containing idioms, the authors drew the first conclusion that idioms are frequently found in online comments in spite of the fact that they are written by ordinary speakers. Comments containing idioms make up 37% of the original data. The percentage is quite high, given the fact that some of the comments are laconic. The reason for the “popularity” of idioms may lie in the fact that comments are written in a rush of feelings. Idioms allow authors to express their thoughts quickly, concisely and emotionally. The second conclusion is that ordinary speakers often modify idioms in their speech. Almost half of the idioms are transformed (41%). In the authors’ opinion, ordinary writers of online comments use transformations unconsciously. This is why complex modifications (phraseological pun and extended phraseological metaphor) are rare. The most common modifications include addition, substitution and insertion of a component/components. Ellipses and phraseological repetitions are slightly less common. These types of transformations (with the exception of repetition) involve changes only in the structure of idioms.

REFERENCES

1. Kayumova, A.R. (2010) *Frazeologicheskie edinitsy v proizvedeniyakh U. Kollinza i ikh sootvetstviya v russkikh i spanskih perevodakh* [Phraseological units in the works of W. Collins and their equivalents in Russian and Spanish translations]. Philology Cand. Diss. Kazan.
2. Guryanov, I.O., Gafiyatova, E.V. & Cruz, J. (2017) Modifications of bookish idioms: discourse analysis. *Quid-Investigacion Ciencia y Tecnologia*. 28. pp. 795–799.
3. Sayutina, N.V. (2011) Transformation of Phraseological Units in Newspaper Journalism: Characteristic Aspects of the Genre. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika – Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Philology. Journalism*. 4. (In Russian). [Online] Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/transformatsiya-frazeologicheskikh-edinits-v-gazetnoy-publisistike-zhanrovaya-spetsifika> (Accessed: 07.02.2020).
4. Guseynova, T.S. (1997) *Transformatsiya frazeologicheskikh edinits kak sposob realizatsii gazetnoy ekspressii: na materiale tsentral'nykh gazet 1990–1996 gg.* [Transformation of phraseological units as a way of realizing newspaper expression: On the material of central newspapers of 1990–1996]. Abstract of Philology Cand. Diss. Makhachkala.
5. Golovina, E.D. (2003) Visnet li bran' na vorotakh? Kak my koverkaem frazeologizmy [Sticks and stones may break homes. How we distort phraseological units]. *Russkaya rech'*. 5. pp. 61–65.
6. Khusnutdinov, A.A. & Khusnutdinova, A.A. (2011) Transformirovannoe ispol'zovanie frazeologicheskikh edinits v rechi ryadovogo nositelya jazyka [Transformed use of phraseological units in the speech of a common native speaker]. In: *Frazeologiya: vchera, segodnya, zavtra* [Phraseology: Yesterday, today, tomorrow]. Tula: S-print. pp. 37–41.
7. Kutyrkina, L.V. (2011) Ustnyi i pis'mennyj jazyk: vstrecha v prostranstve Runeta [Oral and Written Language: Meeting in the Runet Space]. *Vestnik MGUP*. 12. [Online] Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/ustnyi-i-pismennyj-jazyk-vstrecha-v-prostranstve-runeta> (Accessed: 17.06.2020).
8. Lutovinova, O.V. (2008) Internet as a new “oral-written” communication system. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena – Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*. 71. (In Russian). [Online] Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/internet-kak-novaya-ustno-pismennaya-sistema-kommunikatsii> (Accessed: 17.06.2020).
9. Mityagina, V.A. (2012) Internet-komentariy kak kommunikativnoe deystvie [Internet commentary as a communicative action]. In: Pastukhov, A.G. (ed.) *Zhanry i tipy teksta v nauchnom i mediynom diskurse* [Genres and types of text in scientific and media discourse]. Vol. 10. Orel: OGIK. pp. 188–197.
10. Sidorova, I.G. (2014) *Kommunikativno-pragmatische kharakteristiki zhanrov personal'nogo internet-diskursa (sayt, blog, sotsial'naya set', kommentariy)* [Communicative and pragmatic characteristics of genres of personal Internet discourse (website, blog, social network, commentary)]. Philology Cand. Diss. Volgograd.
11. Stekssova, T.I. (2014) Comment as a speech genre and its variability. *Zhanry rechi – Speech Genres*. 1–2 (9–10). (In Russian). [Online] Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/komentariy-kak-rechevoy-zhanr-i-ego-variativnost-1> (Accessed: 07.02.2020).
12. Kunin, A.V. (1996) *Kurs frazeologii sovremennoj anglijskogo jazyka: ucheb. posobie* [A course of phraseology of modern English: A textbook]. 2nd ed. Moscow: Vysshaya shkola.
13. Shadrin, N.L. (1991) *Perevod frazeologicheskikh edinits i sopostavitel'naya stilistika* [Translation of phraseological units and comparative stylistics]. Saratov: Saratov State University.
14. Ferando, C. (1996) *Idioms and Idiomacy*. Oxford: Oxford University Press.
15. Moon, R. (1998) *Fixed expressions and idioms in English: A corpus-based approach*. Oxford: Clarendon Press.
16. Naciscione, A. (2001) *Phraseological Units in Discourse: Towards Applied Stylistics*. Riga: Latvian Academy of Culture.
17. Arsent'eva, E.F. (2009) *Kontekstual'noe ispol'zovanie frazeologicheskikh edinits* [Contextual use of phraseological units]. Kazan: Kheter.
18. *The Guardian*. [Online] Available from: <https://www.theguardian.com/uk> (Accessed: 07.02.2020).
19. *The Sun*. [Online] Available from: <https://www.thesun.co.uk> (Accessed: 07.02.2020).

20. Zelenov, A.N. (2009) *Frazeologizm v roli gazetnogo zagolovka* [Idiom as a newspaper headline]. Abstract of Philology Cand. Diss. Velikiy Novgorod.
21. Gataullina, V.L., Salieva, R.N. & Aslanova, U.V. (2017) The use of phraseological units with components denoting family relationships in mass media in English and Russian languages. *Quid-Investigacion Ciencia y Tecnologia*. 1. pp. 2598–2603.
22. *Longman Dictionary of Contemporary English*. [Online] Available from: <https://www.ldoceonline.com/> (Accessed: 07.02.2020).
23. Large English-Russian Phrasebook. (n.d.) *Be flush with money*. [Online] Available from: https://large_phrasebook_en_ru.academic.ru/2372/be+flush+with+money (Accessed: 07.02.2020).
24. Kolokol'tseva, T.N. (2001) *Spetsificheskie kommunikativnye edinitsy dialogicheskoy rechi* [Specific communicative units of dialogic speech]. Volgograd: Volgograd State University.

Received: 05 July 2020

A.E. Козлов

«СИБИРСКИЕ ЛИТЕРАТУРНЫЕ ВОСПОМИНАНИЯ» Н.М. ЯДРИНЦЕВА: ПАМЯТЬ ЖАНРА И КОНСТРУИРОВАНИЕ ИДЕНТИЧНОСТИ

Исследование выполнено в рамках проекта Института филологии СО РАН «Культурные универсалии вербальных традиций народов Сибири и Дальнего Востока: фольклор, литература, язык» по гранту Правительства РФ для государственной поддержки научных исследований, проводимых под руководством ведущих ученых (соглашение № 075-15-2019-1884).

Рассматриваются литературные воспоминания Н.М. Ядринцева в аспекте автобиографической мемуарной традиции, индивидуальной и социальной мифологии. Сделанные наблюдения позволяют констатировать, что конструирование идентичности, осуществленное в тексте воспоминаний, создавалось по культурным лекалам, предполагая модификацию как существующей литературной, так и создаваемой социальной истории. Переиздания сочинений Ядринцева (1919, 1976 гг.) закрепляют за исследуемым мифом статус литературного факта.

Ключевые слова: сибирский текст; литературные воспоминания; мемуары; история областничества; нарратив; Ядринцев.

Мемуарные и публицистические тексты Н.М. Ядринцева неоднократно привлекали внимание исследователей, однако до недавнего времени они изучались преимущественно в рамках истории сибирской темы и формирования сепаратной областнической идеи [1–3]. В частности, накоплен материал, позволяющий изучить литературную и общественную деятельность Ядринцева в контексте интеллектуальных поисков эпохи, преимущественно связанных с развитием региональной идентичности. Этот процесс закономерно рассматривается как интегрирующий беллетристов, этнографов и общественных деятелей в некоторое сообщество, или «партию», имеющую свой кодекс и довольно четкую программу действий, внимание уделялось и идеологическому проектированию областников, одним из манифестов которого считается монография Ядринцева «Сибирь как колония» [4–7]. Разыскания последних лет, позволяющие увидеть за этими текстами элементы авторского мифотворчества и жизнестроительный проект, значительно расширяют спектр исходных интерпретаций [8–11]. Не меньшее значение приобретает прочтение текстов Ядринцева в контексте устоявшейся жанровой традиции литературных воспоминаний.

Представляя собой синтетический жанр, существующий на границе фикционального и нон-фикционального, воспоминания, по справедливому замечанию Л.Я. Гинзбург, содержат в себе априорный «фермент недостоверности»: «Совпасть полностью у разных мемуаристов может только чистая информация (имена, даты и т.п.); за этим пределом начинается уже выбор, оценка, точка зрения. Никакой разговор, если он сразу же не был записан, не может быть воспроизведен в своей словесной конкретности. Никакое событие внешнего мира не может быть известно мемуаристу во всей полноте мыслей, переживаний, побуждений его участников – он может о них только догадываться. Так угол зрения перестраивает материал, а воображение неудержимо стремится восполнить его пробелы – подправить, динамизировать, договорить» [12. С. 11]. Связывая воедино фикциональное и нонфикциональное, литературные воспоминания, как

правило, ориентированные на роман воспитания и роман карьеры, определяли формирование устоявшихся сюжетов памяти, т.е. многократно повторяемых и варируемых нарративных элементов [13], маркирующих основные этапы вхождения в литературную среду и последующего утверждения в ней [14].

Особое значение этот жанр приобретает во второй половине XIX в., становясь одной из распространенных дискурсивных практик русской литературы. Воспоминания позволяли объединить повседневность, литературный быт с рефлексией взглядом на пройденный творческий и общественный путь. В рассматриваемый период времени традиция мемуарной прозы, отчасти реанимированная Ф.В. Булгариным и В.А. Соллогубом, получила развитие как в анекдотическом варианте, представленном в спектре от воспоминаний И.И. Панаева до Н.В. Успенского, так и в элегически-философском (С.Т. Аксаков, А.А. Григорьев, И.С. Тургенев, П.Д. Боборыкин). В большинстве случаев литературные воспоминания не исчерпывались ретроспективными очерками и были направлены на самоконструирование и предъявление своей жизни как особого проекта, реализуемого в спектре личной и общественной идентичности [15–17].

В мемориальной статье, посвященной А.П. Щапову, Ядринцев писал: «Сибирское общество не научилось еще дорожить писателями и учеными, вышедшими из его среды, уважать их труды и чтить их память. Их могилы остаются заброшенными, забытыми, а имена почти не повторяются. Сибирское общество не имеет биографии Словцова, не знает учеников его, не знает многих и многих второстепенных деятелей сибирских, работавших, мысливших и страдавших. Это, впрочем, естественный удел общества, не начинаящего еще гражданскую и умственную жизнь» [18. С. 7].

Сказанное о П.А. Словцове проецировалось не только на Щапова, но и весь круг сибирских областников. «Отверженные», «отторгнутые» от метрополии, сибирские областники обращались к автоописанию, чтобы не только подвергнуть ревизии «большую» журнальную и учennуу литературу, но и, включив в нее свои имена, предъявить ей во многом мифо-

логизированную альтернативу [4, 10, 11, 21]. В этом ключе заслуживают анализа как собственные тексты Ядринцева: «Литературные воспоминания сибиряка», «Сибирь перед судом русской литературы», «Сибирь как колония», так и позднейшие компиляции работ писателя.

В настоящей статье речь пойдет о корпусе текстов, объединенных названием «Сибирские литературные воспоминания»¹. В 1919 г. эти тексты были переизданы издательством красноярских областников, при этом оригиналный текст автора подвергся содержательным правкам. Во-первых, от части нарушающее авторскую волю переименование текста не только меняло маркеры идентичности (писатель – *сибиряк, областник, провинциал*), но и оказывало влияние на конфигурацию событий и их аксиологический статус (все истории, преимущественно столичные, получали сибирскую атрибуцию и воспринимались исключительно в сибирском контексте). Между названием и подзаголовком, таким образом, возникало неизбежное противоречие: *очерки первого сибирского землячества в Петербурге* предполагали смещение фокуса внимания от метрополии к периферии, их функциональную меню. Во-вторых, сегментация воспоминаний, обусловленная газетно-книжной средой, произвольно устраивалась, и отрывочные, фрагментарные тексты подводились под графическое книжное единство. Логика составителей сборника была направлена на дальнейшую мифологизацию, в которой отчетливы жизнестроительные интенции. Так, например, данное на первых страницах описание приобретает космогонический характер: «Акт нашего местного самосознания совпал с великим актом пробуждения русской жизни. Мы помним это время. Не умолк еще гул последнего пушечного выстрела на Крымском полуострове, еще пахло дымом, и он не успел рассеяться, подобно туману, после кровопролитной войны, а над русскою землею всходило яркое солнце, солнце новой жизни и обновления» [24. С. 3]².

Важно заметить, что мемуары Ядринцева изобилиуют «климатическими» и организтическими метафорами, характерными для политического языка XIX в.³ Один из лейтмотивов у Ядринцева в этом смысле – мотив «посвежевшего» воздуха, незатрудненного «дыхания». Такой метафорический комплекс связан как с «матрицей переживания» А.И. Герцена [22, 23], так и текстами «сопатников» и единомышленников (в частности, идеального наставника Потанина).

«Это была эпоха обновления русской жизни, под которую мы тогда жили и распускались. Эпоха незабвенная, где все веяло пробуждением умственной жизни и лучших человеческих инстинктов. Маленькие люди становились гигантами, а то и героями, потому что окружающее поднимало дух, вдохновляло» [18. С. 3].

Локальная история, при своей самостоятельности, оказываетсяозвучной истории страны. Отчасти такой подход был инспирирован очерком П.В. Анненкова «Замечательное десятилетие»: через фигуру Белинского и молодых интеллигентов, собравшихся вокруг Станкевича, мемуарист в духе философии Т. Карлейла и Б. Дизраэли описывал интеллигентальные поиски своего времени [15, 16, 24]. В повествова-

нии Ядринцева крупные geopolитические изменения, от 1855 г. – времени интеллектуального и политического возрождения Российской империи – до середины 1860-х гг. отражаются на судьбе землячества, «деть страны далкой».

Смысловой центр воспоминаний, как и у Анненкова, составляет описание фигуры идеолога Белинского, вдохновляющей общество и сподвигающей его на новые открытия. Функциональная роль «центро-стремительной силы» в воспоминаниях отводится Г.Н. Потанину⁴, вокруг которого выстраивается галерея портретов, взятых в специфической оптике и выполненных в особой гамме.

Магистральную линию воспоминаний, как и в «Былом и думах», составляет своего рода *bildungsroman*, в котором политическое и социальное прозрение героя соответствует его взрослению и инициации [25, 26]. При этом события детства и раннего отрочества нивелируются Ядринцевым в силу своей нарративной незначимости: в них нет ничего (кроме чтения статей Белинского), что могло бы сделать героя воспоминаний исключительной личностью, наделить его особым комплексом переживаний и восприятия действительности⁵. Противоположность – событийную и нарративную – составляют время студенчества. Ядринцев ассоциирует первые годы университетской жизни с прозрением и познанием действительности как таковой.

Автору предстояло возвысить круг своих ближайших современников, сообщив значимость каждой мимолетной студенческой сходке (что в свое время было осуществлено А.И. Герценом и П.Д. Боборыкиным⁶), и одновременно показать ключевое влияние текстов этих современников на развитие литературы. Так, описывая опыт первой встречи, мемуарист замечает: «сходка вышла шумная и оживленная», но здесь же уточняет: «в ней трудно было однако уже не заметить земляческих симпатий». Апелляция к чувственному восприятию (близкому к идее почвы в журналах братьев Достоевских) занимает доминирующую позицию в этом описании. Автор воспоминаний красноречиво ставит знак равенства между литераторами и студентами, мотивируя такое тождество следующими словами: «это были герои дня».

Обрисовка литературных портретов близка по типу к воспоминаниям разночинцев 60-х гг. М.А. Антоновича, Н.В. Успенского, В.И. Водовозова, Ю.Г. Жуковского [27, 28]. Как и многие разночинцы, в конце жизни подхватившие инициативу самоописания, Ядринцев строит свой текст по лекалам «Утраченных иллюзий» О. Бальзака.

«Явившись в Петербург, нас сразу обдало литературным движением и охватило страстью к литературе. Мы с величайшей жаждостью читали все, выходившее из-под пера тамошних писателей. Я сейчас же приобрел избранную библиотеку из всех лучших произведений русской литературы» [18. С. 13].

Такой вектор имеет объяснение: главные герои, как правило, «делают карьеру» (Осипович-Новодворский), реализуют свое поприще вдали от дома. Сохраняя региональную идентичность, они, тем не менее, вступают в общую конкурентную борьбу за признание. И здесь – вне зависимости от желания ав-

тора и прагматики конструируемого текста – реализуется классический сюжет демократической прозы «провинциал в столице».

Упоминая об обещаниях поэта-тоболяка П.П. Ершова, Ядринцев переходит к несбывшимся надеждам своего времени: «Конечно, многие из этих мечтаний не могли быть осуществлены; один их забыл, как и свои клятвы, другие не дожили до осуществления даже ничтожной части из своих юношеских ожиданий. Горькая жизнь впоследствии, конечно, стерла эти розы юности» [18. С. 13].

Судьбы большинства писателей-областников служат иллюстрацией к высказанному тезису. Так, например, обращаясь к биографии Н.С. Щукина, заимствуя яркие и характерные черты из тезауруса Тургеневской прозы и публистики⁷, автор воспоминаний показывает, как «из этого Рудина, новатора, обличителя», прямо сравниваемого с Дон Кихотом, «получился мрачный мистик, совершенно помешавшийся, смутно припоминавший прошлое, страшившийся его, проклинивший с северным ужасом». Сходный сюжет «гибели таланта» проигрывается и в описании поэта Красноперова⁸, считавшегося при жизни погибшим и, по предположению автора, впоследствии действительно покончившим с собой. Заметим, что в обоих случаях, наряду с жизнестроительной неудачей, поражение постигает и литературную деятельность: Щукин печатал «разве одну тысячную написанного», а Красноперов так и не смог пристроить в литературный журнал свою «Солдатку», якобы оцененную Некрасовым. Литературные судьбы двух «самобытных писателей» исчерпываются феноменами *графомании и дилетантизма*.

Как известно, большинство выходцев из сибирского землячества, равно как и сам Ядринцев, в описываемый мемуаристом период не смогли заслужить сколько-нибудь прочной литературной репутации. Большинство из них, работая в пределах обличительной и сатирической журналистики (преимущественно в «Деле» и «Искре»), пряталось под псевдонимами и криптонимами и «не попадало в высшие литературные круги». Судьбы таких же, как и они, провинциальных разночинцев, временно оказавшихся в центре демократической журналистики: Ф.М. Решетникова, А.И. Левитова, Н.В. Успенского, скорее всего, свидетельствовали о быстротечном характере литературной славы.

Вывод, к которому приходит Ядринцев, своеобразен: «Несмотря на отрицание эстетики, мы оставались эстетиками и впоследствии возвратились к ней». Здесь содержится примирение взглядов «отцов» и радикальной позиции «детей». Такое примирение могло осуществиться только в ретроспективе, став частью проекта мемуариста. Не меньшее значение играют отмеченные выше органицистские метафоры: при либерализме и стремлении к лагерю обличителей Ядринцев в то же время разрабатывал идеи и метафоры, свойственные «почвенному» кругу «Времени» и «Эпохи»⁹. Этим объясняются тяготение текста Ядринцева к мемуарам А.А. Григорьева и его безоговорочное признание «Записок из Мертвого дома» главным текстом Ф.М. Достоевского [21].

Вторую, меньшую часть брошюры составили «Письма о Родине». Этот отдельно существующий текст не предполагает обращения к «фигурам памяти» и сосредоточен на *переживании* (в значении *erlebnis*, о котором писал В. Дильтей [22]) Сибири как особого социального, политического и интеллектуального пространства – в нем обнаруживается сюжетная и идеологическая «заязь» центральной книги писателя «Сибирь как колония».

«Отныне, дорогая земля, дорогое отчество, мы возьмем все твои боли, отныне мы будем ценить твои радости, и если ты нанесешь уколы нам, мы скроем руку с струящейся кровью, как делаю я в эту минуту. Вот тот завет, который слагался в наших юных душах, который мы приняли восторженно в нашем сердце» [18. С. 26].

При фабульном совпадении с мемуарной хроникой Герцена (клятва на Воробьевых горах, ориентированная на «Сравнительные жизнеописания» Плутарха) этот текст снова обнаруживает парадоксальное тяготение к Тургеневской прозе, поэзии его лирических мест и стихотворений в прозе.

Во дни сомнений, во дни тягостных раздумий о судьбах моей родины, – ты один мне поддержка и опора, о великий, правдивый и свободный русский язык!	Посреди современной сумятицы, нареканий, кляуз, среди разнообразных требований сибирского общества и требований от общества
В эту минуту горьких сомнений	
Не будь тебя – как не впасть в отчаяние при виде всего, что совершается дома? [31]	Когда я воскрешаю прошлое, передо мною проносятся иные благородные образы, дорогие тени, и я говорю на их могилах: «нет! еще не все погибло и не все деморализовано, я верю...» [18. С. 26].

Однако именно на фоне подчеркнуто литературной, элегической интонации в «Письмах...» (с эксплицитным упоминанием «Мертвых душ» (вместо Руси – Сибирь как колония и Новая Америка) и имплицитным (мнемоническим) упоминанием Тургенева) возникает реалистический комментарий: «Укромно, боязливо собирались мы в свой маленький кружок во время пребывания в университете и часто говорили о своем возвращении домой. Возвращаться в дикое общество без веры, без надежды на будущее, было немыслимо. Надо было создать эту веру, и она явилась сама собой» [18. С. 26]¹⁰. Предельно обнаженная в этом фрагменте жизнестроительная интенция распространяется не только на «Письма», но и становится одним из наиболее прозрачных автокомментариев к воспоминаниям Ядринцева: Сибирь предстает не только и не столько географическим пространством, сколько мировоззрением и высшей ценностью, а «Письма о Родине» – символом новой, впервые утверждаемой веры.

Таким образом, изданная красноярскими областными компиляциями «Сибирские литературные воспоминания» (1919) обусловила дальнейшую мифологизацию, потенциал которой ощутим в авторизованных текстах Ядринцева. Синтезируя фрагменты воспоминаний в цельную литературную историю и объединяя

два отстоящих по времени и настроению текста, со-ставители отчасти приблизились к задаче создания единого канонического текста писателя. Неслучайно, в 1976 г. этот вариант с минимальными изменениями вошел в антологию «Литературное наследство Сибири» (Т. 5), по которому цитируется до сих пор.

Так биографический миф, ставший частью социальной мифологии, перешел в разряд литературного факта.

Автор благодарит Александра Юрьевича Горбенко за деятельные советы и критику черновых версий статьи.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Под этим названием публиковались мемуарные очерки [19], однако в трех остальных выпусках газеты продолжение называлось (везде одинаково) «Студенческие и литературные воспоминания сибиряка» [20].

² Здесь и далее цитируется [18], поскольку именно в этом издании закрепился анализируемый в статье локальный миф.

³ Благодарю за это указание Александра Юрьевича Горбенко.

⁴ Статьи Белинского упоминаются в «Воспоминаниях» как импульс, дающий основание для самосознания. В этом отношении беседы с Потаниным, прямо называемым «ментором», становятся содержательным эквивалентом, определяющим мировоззрение писателя.

⁵ Заметим, что Герцен подробно пишет о детстве и в «Записках одного молодого человека» и в «Бытом и думах», поскольку осознание статуса незаконнорожденного определяло, становясь нарративным импульсом, определяло его идентичность в дальнейшем.

⁶ В биографическом романе П.Д. Боборыкина «В путь-дорогу» студенческий быт описан через систему корпораций: казанское студенчество представлено как сообщество молодых и самоуверенных людей, которому противопоставлена эстонская Рутения с жестким, единожды принятым кодексом поведения. В позднейших мемуарах «За полвека» Боборыкин ожесточенно критиковал оба студенческих уклада.

⁷ «Этой эпохи коснулся Тургенев в своих типах и героях, хотя, может быть, эти герои были также обычные люди» [24. С. 23].

⁸ Ядринцев не указывает инициалы Красноперова, что позволяет видеть за конкретной историей иллюстрацию литературной неудачи целой литературной генерации [30].

⁹ Отметим и публицистическое сходство текстов Ядринцева со статьями, представленными в журналах братьев Достоевских: «Наша родина, как известно, сторона печальная. <...> Что мы построили, что создали? Где наши памятники, где наша живая история? Какие досадно темные и неопределенные ответы мы должны давать на эти вопросы! Но есть у нас один ответ ясный и вполне определенный: у нас уже есть литература; жизнь пробилась в ней светлою, текучею струею» [29]. Единой атрибуции статьи нет: ее авторство приписывается как Ф.М. Достоевскому, так и Н.Н. Страхову [17].

¹⁰ Не исключена мнемоническая параллель со вступлением к «Медному всаднику» А.С. Пушкина. В обоих текстах осуществляется буквальное рождение из мысли демиурга («И думал он....») нового космоса [32] («Прошло сто лет, и юный град, Полнолицых стран краса и диво, Из тьмы лесов, из топи блат Вознесся пышно, горделиво...»). Однако избранная Ядринцевым инстанция «мы» демократизирует эту модель. Подобные жизнестроительные практики, направленные на изображение «коллективной мысли» и «коллективного дела», найдут устойчивое выражение в советской литературе и эстетике. Например, в хрестоматийном «Рассказе Хренова о Кузнецстрое и людях Кузнецка»: «Темно свинцовоночие, и дождик толст, как жгут, сидят в грязи рабочие, сидят, лучину жгут. Сливеют губы с холода, но губы шепчут в лад: “Через четыре года здесь будет город-сад!”» [33].

ЛИТЕРАТУРА

1. Сибирская тема в периодической печати, альманахах и сборниках XIX века (1800–1900 гг.) / сост. А.А. Богданова. Новосибирск, 1970. 53 с.
2. Двойнев А.В. Отечественная историография сибирского областничества (60-е годы XIX века – 20-е годы XX века) : дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2006. 286 с.
3. Чуркин М.К. Историческая «травма» колонизации в рецепции сибирского областничества (вторая половина XIX – первая четверть XX вв.) // Пятьые Ядринцевские чтения : материалы V Всерос. науч.-практ. конф. / отв. ред. П.П. Вибе. 2019. С. 66–71.
4. Чуркин М.К. «Спящая Красавица»: Образ Сибири в научно-публицистическом наследии Н.М. Ядринцева // Первые Ядринцевские чтения : материалы Всерос. науч.-практ. конф., посвященной 170-летию со дня рождения Николая Михайловича Ядринцева (1842–1894) / под ред. П.П. Вибе, Е.М. Бежан, 2012. С. 101–104.
5. Там, внутри. Практики внутренней колонизации в культурной истории России : сб. ст. / под ред. А. Эткинда, Д. Уффельманна, И. Кукулина. М. : Нов. лит. обозрение, 2012. 960 с.
6. Сибирский текст в национальном сюжетном пространстве / науч. ред. К.В. Анисимов. Красноярск, 2014.
7. Эткинд А. Внутренняя колонизация. Имперский опыт России. М. : Нов. лит. обозрение, 2016. 448 с.
8. Анисимов К.В. Проблемы поэтики литературы Сибири XIX – начала XX веков: Особенности становления и развития региональной литературной традиции : дис. ... д-ра филол. наук. Томск, 2005.
9. Родигина Н.Н. Образ Сибири в русской журнальной прессе второй половины XIX – начала XX в. Новосибирск, 2006.
10. Горбенко А.Ю. Овидии с провинциальных берегов: автомифотворчество сибирских литераторов конца XIX – первой трети XX веков // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2020. № 65. DOI: 10.17223/19986645/65/11
11. Толстоноженко О.А. К вопросу о конструировании профессиональной идентичности писателей-самоучек в начале XX века // Летняя школа по русской литературе. 2019. № 2 (3). С. 207–220.
12. Гинзбург Л.Я. О психологической прозе. О литературном герое. М. : Азбука-Атикус, 2016. 704 с.
13. White H. The Content of the Form: Narrative, Discourse and Historical Representation. UP, 1987. 264 p.
14. Bourdieu P. Rules of Art: Genesis and Structure of the Literary Field. Stanford Uni. Press, 1996. 409 p.
15. Дячук Т.В. Концепт «писатель» в литературных воспоминаниях второй половины XIX – начала XX веков : дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2005. 208 с.
16. Калугин Д. Проза жизни: русские биографии XVIII–XIX вв. СПб. : Изд-во Европ. ун-та, 2015. 264 с.
17. Козлов А.Е. «Право на имя» и литературные воспоминания второй половины XIX в. // Studia Literarum. 2020. № 2 (6). С. 34–55.
18. Ядринцев Н.М. Сибирские литературные воспоминания. Красноярск, 1919. 27 с.
19. Ядринцев Н.М. Сибирские литературные воспоминания // Восточное обозрение. 1884. № 6. С. 11–14
20. Ядринцев Н.М. Студенческие и литературные воспоминания сибиряка // ВО. 1884. № 26. С. 12–15; № 33. С. 12–14; № 34. С. 9–11.
21. Новикова Е.Г. Ф.М. Достоевский и сибирское областничество. Статья первая // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2019. № 59. С. 185–197.
22. Зорин А.Л. Улыбка Наташи Ростовой: «Война и мир» в интертекстуальной и биографической перспективе // Шаги/Steps. 2019. № 2.
23. Сильтантьев И.В., Созина Е.К. Нarrativ в литературе и истории. На материале дневниковой прозы А. Герцена 1840-х гг. // Сибирский филологический журнал. 2013. № 3. С. 58–69.
24. Макеев М. Николай Некрасов: Поэт и предприниматель: (Очерки о взаимодействии литературы и экономики). М. : МАКС Пресс, 2009. 236 с.

25. Краснощекова Е. Роман воспитания – Bildungsroman – на русской почве. Карамзин, Пушкин, Гончаров, Толстой, Достоевский. СПб.: Пушкинского фонда, 2008. 480 с.
26. Сафана Н.В. Традиция английского романа воспитания в русской прозе 1840–1860 гг. М. : ВШЭ, 2017.
27. Печерская Т.И. К вопросу о нарративном эффекте достоверности мемуаров // Сибирский филологический журнал. 2018. № 4. С. 55–61.
28. Manchester L. Holy Fathers, Secular Sons: Clergy, Intelligentsia, and the Modern Self in Revolutionary Russia (Studies of the Harriman Institute). Northern Illinois University Press, 2008. 300 p.
29. Литературные воспоминания И. Панаева // Время. 1861. № 12. С. 162–188.
30. Феномен творческой неудачи / под ред. А.В. Подчиненова, Т.А. Снигиревой. Екатеринбург : Изд-во УрФУ, 2011.
31. Тургенев И.С. Русский язык // Полное собрание сочинений и писем : в 30 т. М. : Наука, 1982. Т. 10. С. 172.
32. Душечкина Е.В. «От Москвы до самых до окраин...»: Формула протяжения России // Риторическая традиция и русская литература. СПб., 2003. С. 108–125.
33. Маяковский В.В. Рассказ Хренова о Кузнецкстрое и о людях Кузнецка («По небу тучи бегают...») // Полное собрание сочинений : в 13 т. М. : Худож. лит., 1955–1961. С. 128–131.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 25 августа 2020 г.

“Siberian Literary Memories” of Nikolai Yadrintsev: Genre Memory and Identity Construction

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 459, 46–51.

DOI: 10.17223/15617793/459/5

Alexey E. Kozlov, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: alexey-kozlof@rambler.ru

Keywords: Siberian text; literary memories; memoirs; history of Siberian regionalism; narrative; Yadrintsev.

This research is carried out within the framework of the project of the Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences “Cultural Universals of Verbal Traditions of the Peoples of Siberia and the Far East: Folklore, Literature, Language” supported by a grant from the Government of the Russian Federation for the promotion of research conducted under the guidance of leading scientists, Contract No. 075-15-2019-1884.

The literary memories of Nikolai Yadrintsev are considered in the aspect of the self-narrative memoir tradition (primarily associated with the names of Ivan Turgenev, Pavel Annenkov and commoners generations), genre typology (features of the Bildungsroman and the career novel are highlighted (in the “Illusions perdues” version), and individual and social mythology. The observations made allow stating that, in the text of the memories, the identity was constructed according to cultural patterns, assuming the modification of both the existing literary history and the created social history. Yadrintsev’s literary heritage has been repeatedly investigated by historians and culturologists, but, until recently, mainly in the framework of the Siberian theme and the formation of a separate regional idea. Studies of recent years, revealing elements of the author’s myth-making and his life-building project in Yadrintsev’s texts, significantly expand the range of initial interpretations. The article considers Yadrintsev’s text as part of the self-descriptive tradition. As well known, fictional and nonfictional literary memories, traditionally oriented towards the Bildungsroman and the career novel, determined the formation of established plots of memory, i.e. repeated and varied narrative elements that mark the main stages of his entry into the literary environment and his subsequent establishment in it. The “outcasts” “separated” from the metropolis—Siberian regionalists—turned to self-description in order not only to revise the “big” journal and scholarly literature, but also, by including their names, to present it with a largely mythologized alternative. The reprint of Yadrintsev’s works in 1919 by the publishing house of Krasnoyarsk separatists contributed to the crystallization of the territorial and cultural identity, securing the status of a literary fact for the myth. Firstly, the renaming of the text changed the identity markers (the writer was a Siberian provincial) and influenced the configuration of events and their axiological status (all stories, mainly from the capital, received a Siberian attribution and were perceived exclusively in the Siberian context). Secondly, the segmentation of memories caused by the newspaper and book environment was arbitrarily eliminated, and fragmentary texts were graphically united in a book. The life-building intention, utterly exposed in this fragment (by mnemonic connections with the lyric-epic patterns of Gogol’s and Turgenev’s texts), extends not only to Letters, but also becomes one of the most transparent self-comments to Yadrintsev’s memories: Siberia appears not only and not so much as a geographical space, but as a worldview and the highest value, and *Letters about the Motherland* are a symbol of a new first-time-asserted faith.

REFERENCES

1. Bogdanova, A.A. (1970) *Sibirskaya tema v periodicheskoy pechati, al’manakhakh i sbornikakh XIX veka (1800–1900 gg.)* [The Siberian theme in periodicals, almanacs and collections of the 19th century (1800–1900)]. Novosibirsk: [s.n.].
2. Dvoynev, A.V. (2006) *Otechestvennaya istoriografiya sibirskogo oblastnichestva (60-e gody XIX veka – 20-e gody XX veka)* [Domestic historiography of Siberian regionalism (1860s–1920s)]. History Cand. Diss. Omsk.
3. Churkin, M.K. (2019) [Historical “trauma” of colonization in the reception of Siberian regionalism (second half of the 19th – first quarter of the 20th centuries)]. *Pyatye Yadrintsevskie chteniya* [Fifth Yadrintsev readings]. Proceedings of the V All-Russian Conference. Omsk: Izdanie Omsk. ist.-kraevedchesk. muzeya. pp. 66–71. (In Russian).
4. Churkin, M.K. (2012) [The Sleeping Beauty: The image of Siberia in the scientific and journalistic heritage of N.M. Yadrintsev]. *Pervye Yadrintsevskie chteniya* [First Yadrintsev readings]. Proceedings of the All-Russian Conference. Omsk: Izdanie Omsk. ist.-kraevedchesk. muzeya. pp. 101–104. (In Russian).
5. Etkind, A., Uffel’mann, D. & Kukulin, I. (eds) (2012) *Tam, vnutri. Praktiki vnutrenney kolonizatsii v kul’turnoy istorii Rossii* [There, inside. The practice of internal colonization in the cultural history of Russia]. Moscow: Nov. lit. obozrenie.
6. Anisimov, K.V. (ed.) (2014) *Sibirskiy tekst v natsional’nom syuzhetnom prostranstve* [Siberian text in the national plot space]. Krasnoyarsk: Siberian Federal University.
7. Etkind, A. (2016) *Vnutrennyaya kolonizatsiya. Imperskiy opyt Rossii* [Internal colonization. The imperial experience of Russia]. Moscow: Nov. lit. obozrenie.
8. Anisimov, K.V. (2005) *Problemy poetiki literatury Sibiri XIX – nachala XX vekov: Osobennosti stanovleniya i razvitiya regional’noy literaturnoy traditsii* [Problems of the poetics of Siberian literature in the 19th – early 20th centuries: Features of the formation and development of the regional literary tradition]. Philology Dr. Diss. Tomsk.

9. Rodigina, N.N. (2006) *Obraz Sibiri v russkoj zhurnale vtoroy poloviny XIX – nachala XX v.* [The image of Siberia in the Russian journal press of the second half of the 19th – early 20th centuries]. Novosibirsk: Novosibirsk State Pedagogical University.
10. Gorbenko, A.Yu. (2020) Ovids from the province: Self-myth-making of siberian writers of the end of the 19th to the first third of the 20th centuries. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 65. (In Russian). DOI: 10.17223/19986645/65/11
11. Tolstonozhenko, O.A. (2019) Towards the invention of professional identity of early 20th century autodidact writers. *Letyayaya shkola po russkoj literature – Summer School on Russian Literature*. 2 (3). pp. 207–220. (In Russian). DOI: 10.26172/2587-8190-2019-15-2-3-207-220
12. Ginzburg, L.Ya. (2016) *O psichologicheskoy proze. O literaturnom geroe* [On psychological prose. On a literary character]. Moscow: Azbuka-Atikus.
13. White, H. (1987) *The Content of the Form: Narrative, Discourse and Historical Representation*. JHUP,
14. Bourdieu, P. (1996) *Rules of Art: Genesis and Structure of the Literary Field*. Stanford University Press.
15. Dyachuk, T.V. (2005) *Kontsept “pisatel’” v literaturnykh vospominaniyah vtoroy poloviny XIX – nachala XX vekov* [The concept “writer” in literary memories of the second half of the 19th – early 20th centuries]. Philology Cand. Diss. St. Petersburg.
16. Kalugin, D. (2015) *Proza zhizni: russkie biografi XVIII–XIX vv.* [Prose of life: Russian biographies of the 18th–19th centuries]. St. Petersburg: European University at St. Petersburg.
17. Kozlov, A.E. (2020) “The right to biography” and literary memories of the 19th century. *Studia Literarum*. 2 (6). pp. 34–55. (In Russian). DOI: 10.22455/2500-4247-2020-5-2-34-55
18. Yadrinsev, N.M. (1919) *Sibirskie literaturnye vospominaniya* [Siberian literary memories]. Krasnoyarsk: Izdanie Krasnoyarskogo Soyuza oblastnikov-avtonomistov.
19. Yadrinsev, N.M. (1884) *Sibirskie literaturnye vospominaniya* [Siberian literary memories]. *Vostochnoe obozrenie*. 6. pp. 11–14
20. Yadrinsev, N.M. (1884) *Studencheskie i literaturnye vospominaniya sibiryaka* [Student and literary memories of a Siberian]. *Vostochnoe obozrenie*. 26. pp. 12–15; 33. pp. 12–14; 34. pp. 9–11.
21. Novikova, E.G. (2019) Fyodor Dostoevsky and Siberian regionalism. Article One. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 59. pp. 185–197. (In Russian). DOI: 10.17223/19986645/59/11
22. Zorin, A.L. (2019) Natasha Rostova’s smile: War and Peace in intertextual and biographical perspectives. *Shagi – Steps*. 2. (In Russian).
23. Silant’ev, I.V. & Sozina, E.K. (2013) A narrative in literature and history. Based on the material of diary prose by A. Herzen of the 1840s. *Sibirskiy filologicheskiy zhurnal – Siberian Journal of Philology*. 3. pp. 58–69. (In Russian).
24. Makeev, M. (2009) *Nikolay Nekrasov: Poet i predprinimatel’*: (*Ocherki o vzaimodeystviu literatury i ekonomiki*) [Nikolai Nekrasov: Poet and Entrepreneur: (Essays on the interaction of literature and economics)]. Moscow: MAKS Press.
25. Krasnoshchekova, E. (2008) *Roman vospitaniya – Bildungsroman – na russkoj pochve. Karamzin, Pushkin, Goncharov, Tolstoy, Dostoevskiy* [The Bildungsroman on Russian soil. Karamzin, Pushkin, Goncharov, Tolstoy, Dostoevsky]. St. Petersburg: Pushkinskogo fonda.
26. Sarana, N.V. (2017) *Traditsiya angliyskogo romana v russkoj proze 1840–1860 gg.* [The tradition of an English novel of education in the Russian prose of 1840s–1860s]. Moscow: HSE.
27. Pecherskaya, T.I. (2018) On the narrative effect of the authenticity of memoirs of Elizaveta Vodovozova. *Sibirskiy filologicheskiy zhurnal – Siberian Journal of Philology*. 4. pp. 55–61. (In Russian). DOI: 10.17223/18137083/65/6
28. Manchester, L. (2008) *Holy Fathers, Secular Sons: Clergy, Intelligentsia, and the Modern Self in Revolutionary Russia* (Studies of the Harriman Institute). Northern Illinois University Press.
29. Panaev, I. (1861) Literaturnye vospominaniya I. Panaeva [Literary memoirs of I. Panaev]. *Vremya*. 12. pp. 162–188.
30. Podchinenev, A.V. & Snigireva, T.A. (eds) (2011) *Fenomen tvorcheskoy neudachi* [The phenomenon of creative failure]. Yekaterinburg: Ural Federal University.
31. Turgenev, I.S. (1982) *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 30 t.* [Complete works and letters: In 30 vols]. Vol. 10. Moscow: Nauka, T. 10. pp. 172.
32. Dushechkina, E.V. (2003) “Ot Moskvy do samykh do okrain...”: Formula protyazheniya Rossii [“From Moscow to the very outskirts . . .”: The formula for the extension of Russia]. In: Bukharkin, P.E. (ed.) *Ritoricheskaya traditsiya i russkaya literatura* [Rhetorical tradition and Russian literature]. St. Petersburg: St. Petersburg State University. pp. 108–125.
33. Mayakovskiy, V.V. (1955–1961) *Polnoe sobranie sochineniy: v 13 t.* [Complete works: In 13 vols]. Vol. 10. Moscow: Khudozh. lit. pp. 128–131.

Received: 25 August 2020

С.С. Фолимонов

ФУНКЦИИ АНАФОРЫ В КОМПОЗИЦИОННОЙ СТРУКТУРЕ СТИХОВ И.В. СЕВЕРЯНИНА

На материале поэзии И.В. Северянина рассматривается художественный потенциал анафоры как структурообразующего элемента стихотворной композиции. Выявляется ее роль в организации строфического рисунка, а также функции единоначатий в процессе вербализации сложного внутреннего мира лирического героя. Выделяются и анализируются типичные для северянинской лирики случаи повторов, являющиеся результатом экспериментов поэта, и устоявшиеся в поэзии композиционные схемы, адаптированные для решения конкретных творческих задач.

Ключевые слова: анафора; композиция лирического стихотворения; строфика; И.В. Северянин; психологический параллелизм; идиостиль.

Анафора – одно из самых древних и распространенных изобразительно-выразительных средств, используемых в устной и письменной речи. На протяжении всей истории мировой культуры она активно используется в риторике, публицистике, деловой коммуникации, бытовом общении, в поэзии и художественной прозе.

Своими корнями анафора уходит в мифологию и устное народное творчество, где разные виды повторов в качестве инструмента ритмообразования изначально выполняли сакральные функции, связанные с обрядами, а впоследствии стали важным элементом словесного воплощения внутреннего мира человека. Особое место они занимают в стихотворной речи, позволяя автору решать многочисленные композиционно-стилистические задачи. Рассуждая о природе поэзии как языкового и эстетического феномена, Р. Якобсон справедливо замечает: «...существо поэтической техники состоит в периодических возвратах, и это проявляется на каждом уровне языка» [1. С. 99].

В научной литературе имеется много определений анафоры, отличающихся преимущественно актуализацией определенного аспекта данного языкового явления в зависимости от того, с позиций какого направления онодается (риторическое, лингвистическое, стиховедческое и др.). А.П. Квятковский видит в ней «стилистический прием, заключающийся в повторении сродных звуков, слов, синтаксических или ритмических построений в начале смежных стихов или строф» [2. С. 35]. М.Л. Гаспаров в своем определении снимает ограничение «смежности», расширяя таким образом типологию анафорических паттернов [3. Стб. 32–33]. Б.В. Томашевский называет анафору часто встречающейся формой параллелизма, особо выделяя присущую ей функцию скрепы или маркера параллельных членов высказывания [4. С. 282–283]. Принцип параллелизма анафорического построения используется и в концепции В.М. Жирмунского [5. С. 20]. Однако некоторые исследователи строго разграничивают эти изобразительно-выразительные средства. Так, в классификации Л.Н. Полубояриновой все виды повторов, включая анафору, относятся к фигурам прибавления, в то время как параллелизм – к фигурам перемещения [6. С. 282]. Поэтому во избежание терминологической путаницы будем разграничивать представление о параллелизме – структурообразующем компоненте и параллелизме – фигуре поэтической речи.

Анафора в качестве основополагающего элемента стихотворной композиции неоднократно осмыслилась стиховедами на материале русской классической и современной поэзии. Но одним из самых авторитетных фундаментальных исследований по этому вопросу остается работа В.М. Жирмунского «Композиция лирических стихотворений», вышедшая в 1921 г. Базируясь на позициях формальной школы, автор описал и систематизировал многообразные виды анафорических повторов, обогатив наши представления о ресурсах стихотворного языка. Одним из первых он обратил внимание на взаимозависимость различных уровней поэтического текста, структурирующим началом и катализатором которой выступает способ композиционного членения словесного материала. В частности, рассматривая особенности анафорических построений, ученый приходит к выводу, что «анафорическое сопоставление определяет собой композиционное единство и расчлененность стихотворения» [5. С. 28]. Развивая эту мысль, Б.В. Томашевский обратил внимание на «характерную организацию речи», достигаемую при помощи систематических повторов, назвав ее *периодической* [4. С. 283].

Анализируя различные проявления анафорического членения, В.М. Жирмунский выстраивает типологию единоначатий, связывая их с развитием тематической композиции: «анафорическое сцепление строф» при тематической аналогии или контрасте [5. С. 30], сдвиг анафоры в зчине [5. С. 32], использование «скрытой», «смысловой анафоры» [5. С. 34] и др. Позднее появились более широкие классификации. Например, А.П. Квятковский выделил шесть основных видов рассматриваемого стилистического приема: звуковую, лексическую, синтаксическую (анафорический параллелизм), строфическую, строфико-синтаксическую и ритмическую анафору [2. С. 35–37]. М.Л. Гаспаров ввел в стиховедение такие термины, как стилистическая, фоническая, тематическая анафора [3. Стб. 32–33], М.В. Панкратова предложила выделять «фразовую анафору» [7. С. 93].

Отсутствие устоявшейся общепринятой терминологии в области стихотворной композиции объясняется тем, что процесс накопления эмпирических наблюдений над текстами продолжается (чем во многом определяется научная актуальность и новизна такого рода изысканий). Регулярно появляются публикации, где анафора рассматривается через призму фольклорно-литературных взаимодействий [8], при

анализе структуры поэтического текста [9], как элемент поэтики произведения [10], отмечается устойчивый интерес исследователей к проблеме анафорического повтора в поэзии и прозе как важнейшей черте идиостиля [11].

Поскольку применение повторов в стихотворной речи всегда очень индивидуально, для осмысливания этого феномена требуется многоаспектное изучение: в контексте культурно-исторического периода, литературного направления, школы, наследия отдельного поэта или этапа его творчества, а также целостного анализа произведения. Необходимо также учитывать, что наиболее продуктивный подход к рассмотрению особенностей функционирования изобразительно-выразительных элементов предполагает зависимость «значения и смысла слова» «от самой стиховой конструкции» [12. С. 30]. Эта мысль Ю.Н. Тынянова, обогащающая формальный, статистический подход к осмысливанию проблемы построения стихотворной речи, оказалась весьма перспективной. К примеру, Р. Якобсон, размышляя над местом и функциями единоначатия, предлагает видеть в нем систему, придающую остальным языковым фактам, вовлекаемым в творческий процесс текстопорождения, статус компонентов, связанных «седьмью нерасторжимых уз многообразного родства» [1. С. 127]. Б.О. Корман пишет об эмоциональном тоне, активизирующем определенные семантические слои слова, превращающие его в особый эстетический знак, а этот тон в свою очередь напрямую зависит от архитектоники текста [13. С. 22–24]. Вслед за ними мы будем считать нерасторжимую взаимообусловленность смысла и формы краеугольным камнем методологии исследования особенностей анафорической композиции, позволяющей раскрыть авторскую индивидуальность.

Материалом для нашего исследования послужила поэзия И.В. Северянина – «искусного версификатора» [14. С. 328], чьи эксперименты в области стихотворной формы изучены недостаточно полно.

И.В. Северянин активно обращается к анафоре как ведущему композиционному приему в разные периоды творческой жизни. В ранней лирике это во многом объясняется стремлением автора активизировать ресурсы поэтического языка, повысить роль интонации, усилив экспрессию и тем самым расширив исполнительские возможности. Известно, что поэт с юных лет проявлял большой интерес к музыкальному творчеству и искусству театра, был очарован оперой. «Музыка и Поэзия, – писал он в книге воспоминаний “Уснувшие весны”, – это такие две возлюбленные, которым я никогда не могу изменить» [15. С. 92]. Отсюда его стремление отыскать способ гармоничного соединения в слове музыкальной, поэтической и драматической форм. Именно поэтому композиторы часто обращались и продолжают обращаться к северянинской лирике, видя в ней материал для создания песен.

Кроме определенного круга тем, «звуковых образов» и музыкальности, напевности стихотворных текстов, уже становившихся предметом анализа в связи со стилевыми особенностями и отдельно взятыми жанрами [16, 17], немаловажную роль в таких произ-

ведениях играет композиция. Традиционная песенная поэзия строится на многочисленных повторах, дающих простор для воплощения музыкальных и вокальных задач. Это и амебейный тип, и кольцо стихотворения, и кольцо строфы, и эпифора, в том числе такая широко распространенная ее разновидность, как рефрен. Однако среди перечисленных приемов расположения языкового материала заметно выделяется анафора, организующая текст на одном или нескольких уровнях – тематическом, образном, синтаксическом, строфическом.

Музыкально-песенную лирику И.В. Северянина можно условно разделить на две группы: стихи, подходящие по форме для написания на их основе музыкального произведения, и стихи, написанные в музыкальном или песенном жанре. Вторая группа вызывает особый интерес, поскольку демонстрирует осознанность творческой задачи по созданию музыкально (песенно) ориентированного текста, что проявляется у поэта в намеренном формулировании жанра, становящегося частью заголовка: «Элементарная соната», «Романс», «Русская», «Chanson Russe», «Пасхальный гимн», «Канон св. Иосафа», «Шампанский полонез», «Nocturno», «Соната в шторм», «Народная», «Увертюра» и др. При этом, судя даже по приведенным немногочисленным примерам, традиционные жанры нередко трансформируются, приобретая индивидуально-авторские черты.

Рассмотрим стихотворение «Элементарная соната». Обращение поэта к этой классической инструментальной форме видится закономерным в свете философских и творческих исканий русского модернизма, абсолютизировавшего личностное начало и стремившегося к его самореализации в творчестве. «Соната как жанр, – отмечает Ю.В. Москалец, – и в особенностях сонатный принцип мышления, выражавший “идею действования” на семантическом уровне, вполне... соответствовал ключевой психологической установке эпохи» [18. С. 13].

Ведущим композиционным принципом «Элементарной сонаты» оказывается внутренняя анафора, обогащенная дополнительными повторами и вариациями, придающими произведению особую динамику и экспрессию:

- I. 2. Мне хочется тебя увидеть – печальную и голубую...
- II. 1. Мне хочется тебя услышать, печальная и голубая,
- 2. Мне хочется тебя коснуться, любимая и дорогая!
- III. 1. Я чувствую, как угасаю...
- 2. Я чувствую, что скоро – скоро...

[19. С. 36].

Три первых повтора вводят в сознание читателя и закрепляют в нем необычный образ лирической героини – «печальная и голубая», чей бесплотный абрис, окруженный ореолом таинственности, дает основание предположить, что речь идет о мечте (голубой цвет отсылает к одному из ключевых символов немецкого романтизма, ставшего общекультурным воплощением идеального и одним из излюбленных колоративов «короля поэтов»), а не о земной женщине. А три синтаксически параллельных глагола «увидеть» – «услышать» – «коснуться» создают градацию сложных переживаний поэта, связанных с объектом его стремлений. В 3–4-й

строфах показано постепенное нарастание волнения, переходящее в каскад восклицаний. Это самый напряженный момент, эмоциональная кульминация произведения. Кроме того, 4-я строфа композиционно и тематически делит стихотворение на две части: в первой из них поток лирического сознания объединяется идеей смерти поэта для своей возлюбленной (символом не-бытия выступает молчание, «немое безгрезье», невыносимое для тонкой, ранимой души художника), во второй развитие темы осложняется колебаниями лирического героя, не находящего в себе силы отказаться от мечты, цепляющегося за «призраки надежды – странной». Композиционная схема здесь не только возвращается, но и усиливается «обращенным» (отрицательным) повтором стихов из 1-й и 2-й строф. При этом обновленный вариант сочетания их частей, имитирующий неточность взволнованной речи, подчеркивает смятленность «мечтателя с душою знойной».

«Выпадает» из основной композиционной схемы 5-я строфа, представляющая собой развернутое сложноподчиненное предложение. Она приостанавливает движение, создает впечатление эмоциональной разряженности, намечая новую тематическую линию, выразившуюся в неопределенности, противоречивости чувств.

Как известно, соната характеризуется тесной связью частей, в то же время построенных по принципу контраста. Свообразно использованная анафора позволяет И.В. Северянину реализовать такой алгоритм средствами слова. Сложные вариации микротем и абстрактность содержания также сближают рассматриваемое произведение с сонатной формой.

Свообразный анафорический рисунок использован в стихотворении «Романс». Синтаксические параллели здесь позволяют добиться максимальной выразительности в передаче оттенков чувств, охвативших лирического героя и героиню, и вместе с тем замкнуть тематическое развитие в рамках бинарной оппозиции «я – ты». Такое композиционное решение фокусирует все внимание на характеристике двух лирических субъектов, предельно сужает художественное пространство, останавливает время и вместе с тем лишает их каких бы то ни было границ, подчиняя все эмоциональному порыву:

- I. 1. О, знаю я, когда ночная тиши...
- 3. О, знаю я, как страстно ты грустишь...
- II. 1. И я, и я в разлуке изнемог!
- 2. И я – в тоске! Я гнусь под тяжкой ношей...
- III. 1. А ты – как в бурю счастья на корабле...
- 2. Трепещешь мной, но не придешь ты снов...

[19. С. 43].

Внутренняя анафора первой строфы формирует структуру традиционного замина, который, учитывая общий объем текста, можно назвать развернутым. Точный повтор в сочетании с перекрестной рифмой, чаще всего используемый в песенной лирике, создает эффект плавного, поступательного движения. Главный антитетический вектор только намечен. Определена ведущая роль лирического героя, чей внутренний монолог является содержанием высказывания. Анафорическое «я» – композиционный элемент-доминант – поначалу завуалирован, сдвинут в результате инверсирования в конец анафорической фра-

зы. Его структурная роль становится очевидной со второй строфой, где единоначатие появляется в двух первых стихах, а ключевое «я» повторяется шесть раз. Третья строфа вводит второй элемент оппозиции. Примечательно, что поэт исподволь готовит читателя к появлению образа лирической героини, постепенно ослабляя статус местоимения «я»: в четвертом стихе 2-й строфы оно перемещается в начало второго полустишия. Анафорическая параллель с местоимением «ты» вербализована с меньшей точностью: после декларации ключевого слова в первом стихе (функционально оно маркирует границу между элементами оппозиции) анафорический параллелизм поддерживается иными средствами (в третьем стихе – безличная конструкция с притяжательным местоимением «твоя», в четвертом – синонимический повтор).

Квинтэссенция жанра в некоторых случаях передается автором посредством оригинально примененного композиционного решения, известного по precedентным поэтическим текстам XIX в. Примером может служить стихотворение «Запевка», написанное в поздний период творчества, когда И.В. Северянин начинает явно тяготеть к стилистическим канонам русской классической лирики. В нем многоступенчатая анафора с союзом «что» возвращает нас к знаменитым фетовским строкам «Я пришел к тебе с приветом». Однако И.В. Северянин не повторяет хрестоматийного паттерна, а, взяв за основу идею А.А. Фета, заключающуюся в ступенчатом «усилении лирического напряжения» [20. С. 21], наполняет ее новым смыслом. В результате им решаются две художественные задачи: во-первых, апеллируя к культурной памяти читателей, поэт актуализирует важный для него, эмигранта, образ России прошлого, закрепившийся в том числе в ее поэтическом наследии, во-вторых, воплощает жанровую идею запевки, представляющую собой начало, завязку, зачин.

Моделью организации текста в «Запевке» становится двустишие, где период совпадает со строфой.

- I. 1. О России петь – что стремиться в храм
- 2. По лесным горам, полевым коврам ...
- II. 1. О России петь – что весну встречать,
- 2. Что невесту ждать, что утешить мать ...
- III. 1. О России петь – что тоску забыть,
- 2. Что Любовь любить, что бессмертным быть...

[21. С. 9].

Такая структура выглядит интонационно и семантически законченной, поэтому нередко (особенно при использовании приема свободного ассоциативного нанизывания в развитии темы) стихотворение распадается на ряд самостоятельных фрагментов, вследствие чего целостность впечатления снижается или утрачивается. Анафора в такой ситуации (при условии ее строгой последовательной реализации) способна стать композиционной скрепой.

Судя по жанровой принадлежности, стихотворение должно служить лишь прологом, началом песни. Однако можно предположить, что именно своеобразный композиционный прием, имитирующий в каждой новой строфе начало песни, не имеющей окончания, объясняет смысл названия. Создается впечатление троекратного начала песни. Графически это маркировано многоточием в двух стихах 1-й и 2-й строф.

Анафорический рисунок «Запевки» – двуучленный. Главным компонентом в нем выступает фраза «О России петь – что...». Функционально это структурная доминанта, *семантический корень* каждой строфы [22. С. 100]. Он последовательно проведен через все произведение без изменений. Ключевым словом второго уровня является союз «что» (всего повторяется семь раз, во втором и третьем периодах – троекратно). Его эстетическая роль в полной мере обнаруживается во 2-й и 3-й строфах, создавая эффект «эха памяти». Каждый очередной рематический элемент конструкции добавляет штрих к портрету потерянной Родины и каждый из этих штрихов превращается в ментально обусловленный символ, входящий в семантическое поле концепта «Россия»: храм, женщина (вербализован через ассоциативно связанные образы весны, невесты, матери), тоска, любовь, бессмертье.

В потоке лирического сознания автора обращает на себя внимание связь ключевых образов с русской природой, обнажающей первооснову сыновнего чувства родной земли, без которого невозможно достижение национальной идентичности. Предельная краткость «Запевки» и ее жанровая специфика не позволяют ввести в текст конкретных, узнаваемых примет, но отсылающие к устно-поэтической традиции ландшафтные детали, а также упоминание ритуала, связанного с началом нового природного цикла (возрождение природы, несущей в себе обещание новой жизни), удачно их компенсируют.

Стихотворения, где строфическое членение находит последовательную поддержку в анафоре, далеко не всегда нацелены на приданье движению лирического потока сознания легкости и музыкальности, свойственных песне. Их композиционно-стилистические задачи в творческой лаборатории И.В. Северянина значительно шире. К использованию такой формы «король поэтов» обращался особенно часто, разнообразя ее многочисленными вариациями. К числу наиболее ярких образцов следует отнести стихотворения «Поэза правительству», «Поэза моих наблюдений», «Развенчание», «Тундровая пастель», «Стареющий поэт», «Янтарная элегия» и др.

В стихотворении «Развенчание» семантическая подвижность (прирастание новых тематических деталей) анафоры полностью зависит от развития темы.

- I. Да разве это жизнь – в квартете взоров гневных...
- II. Да разве это жизнь – в болоте дряг житейских...
- III. Да разве это жизнь, достойная поэта...
- IV. Она жива тобой, цветком махровым прозы...
- V. Она жива тобой, мертвящею поврагой...

[23. С. 113].

От риторических вопросов в первых трех строфах, где рисуется картина повседневного существования поэта, автор переходит к утверждению целей жизни. Две следующие строфы (четвертая и пятая) представляют собой ответ на вопрос, поставленный в третьей: «И если это жизнь, то чем она жива?» Две последние строфы стоят особняком по отношению к композиционному целому, что тематически оправдано. Лирическое чувство в них постепенно возвышается до пафоса. Это выражается в обилии восклицательных предложений, в чередовании сложных синтаксических

конструкций с обособленными членами и коротких предложений (по несколько в одном стихе). В результате создается атмосфера особого эмоционального накала, спонтанности речи. Душевное смятение подталкивает лирического героя к тому, что он в слепом порыве награждает жизнь мрачными, зловещими эпитетами, дает предельно краткие определения, похожие одновременно на дерзкий вызов и на заклятье: «Ты – бездна мрачная! Ты – крест моей Голгофы! Ты – смерть моя! Ты – месть! В тебе сплошная жуть» [23. С. 113]. Присутствие спондея делает ритм более жестким, чеканным, напряженным, а графически оформленная авторская пауза, выполняя роль эпифункции, концентрирует внимание читателя (исполнителя) на кульминационной точке лирического полотна.

Композиционное членение в рассматриваемом стихотворении осложняется внутренней анафорой (формой, редко используемой на протяжении всего произведения и оттого особенно эффективной):

III. 1. Да разве это жизнь, достойная поэта...

3. Да разве это жизнь – существование это...

[23. С. 113].

Структурное усложнение третьей строфы, завершающей первый смысловой блок, объясняется не только необходимостью передать рвущееся наружу негодование лирического героя (интонационный компонент), но и служит скрепой между двумя художественными пространствами: миром дольним (в первых двух строфах внимание сосредоточено на сугубо земном и суетном) и миром горним (наряду с традиционными поэтическими в IV–VII строфах активно вводятся библейские образы креста, Голгофы, Господа). Наконец, синтаксическим маркером завершенности первой части произведения оказывается кольцо строфы: «III. 1. Да разве это жизнь... 4. И если это жизнь...», позволяющее достигнуть определенной автономности по отношению к предыдущему и последующему тексту, подчеркнуть важность и глубину выражаемой мысли.

Композиционное кольцо использовано и в строфе IV, что воспринимается как естественное распространение возникшего импульса, однако функции у него иные. Синтаксическая параллель дается с вариацией, в результате чего большая часть повторяющихся слов оказывается перемещенной в конец стиха, образуя с последующей строкой композиционный стык. Такое тесное ритмико-синтаксическое единство подчеркивает специфику использованных лексических средств.

Интересный композиционный ход предлагается поэтом в финальной части. С одной стороны, в ней поддерживается заложенная и последовательно развиваемая тенденция нарастания и постепенного угасания интенсивности анафорических повторов, что придает интонационному рисунку волнообразный характер; с другой – после достигнутого интонационного пика в кульминации последние восклицания производят впечатление угасающих отголосков отгремевшей бури. Это подчеркивается обилием пиррихиев, замедляющих, размывающих ритм. Созданный эффект очень точно передает внутреннее состояние лирического героя, перешедшего от крика к мольбе,

от обличения к смирению, состраданию и душевному просветлению.

Большой интерес вызывают те случаи, когда все произведение представляет собой в синтаксическом отношении развернутое составное предложение. И.В. Северянин нечасто прибегает к такой сложной форме анафорического рисунка. Предпочитая мозаичный принцип в построении лирического сюжета, он старается избегать громоздких периодов. Исключением из правила можно назвать стихотворение «В деревушке у моря», построенное в виде развернутого сложноподчиненного предложения с вереницей обстоятельственных придаточных, присоединяемых союзом «где».

- I. 1. В деревушке у моря, где фокстрота не танцуют,
2. Где политику гонят из домов своих метлой,
3. Где целуют не часто...
- II. 1. В деревушке у моря, где избушка небольшая...
- III. 2. В деревушке у моря, где на выписку журнала...
- IV. 3. В деревушке у моря, утопающей весною...

[21. С. 70].

Идея стихотворения связана со сквозной северянинской антитезой «город – природа», являющейся семантическим ядром многочисленных авторских ассоциаций, развиваемых в соответствии с художественными задачами, а также принципом выстраивания особой авторской аксиологической системы, в которой город становится символом обесчеловечивания, гибели творческого начала, природа же, напротив, – олицетворением искомой гармонии, приблизившим поэтической (шире – подлинно человеческой) души. Безусловно, в ней явно просматривается ставшая литературной традицией романтическая доктрина. Но у И.В. Северянин она обогащается новыми смыслами, связанными, во-первых, с индивидуальным мироощущением, во-вторых, с зародившимися в начале ХХ в. принципами экологического сознания.

Представление о природе как воплощенной естественной гармонии реализуется поэтом разными способами. Среди них наиболее типичным стал прием соотнесения поэтического пространства с идеальным социально-утопическим топосом – землей обетованной. Стихотворение «В деревушке у моря» служит яркой тому иллюстрацией. С точки зрения композиционной стратегии в нем отчетливо выделяется пространственная доминанта, подчиняющая себе не только тематический, но и метрический, строфический, даже синтаксический пласти художественного текста. Проекция на архетипический образ-символ «земного рая» проявляется в первую очередь в условности изображаемого поэтом пространства (отсутствие имени собственного, призванного обеспечить индивидуализацию объекта описания), его небольших размерах и замкнутости по отношению к остальному миру. Последняя специфическая черта художественного пространства как раз и воспроизводится посредством особой синтаксической конструкции, маркирующей свойство идеального микрокосма.

Ключевой анафорический сегмент, тождественный названию произведения, позволяет сохранить и усилить заложенный в нем культурно-семантический импульс. Логическая структура текстовой ткани подчинена типичному для поэта алгоритму: группа строф, содержащая ряд связанных между собой кар-

тин, утверждений, вопросов и тематически, стилистически или иным способом обособленная последняя строфа, подводящая итог в развитии микротем, образов, мотивов, а также композиционного и интонационного рисунка. Четвёртая строфа анализируемого стихотворения подкреплена внутренней анафорой в форме синонимического повтора, выводящего ее за рамки строго воспроизведенного строфического паттерна. Появление внутренней анафоры в finale подготовлено едва намеченным и оттого почти незаметным композиционным штрихом в третьей строфе. Это типичный стилистический прием, используемый поэтом в стихах разных периодов творчества. Синонимический повтор анафорического сегмента в finale выполняет и еще одну важную функцию – эксплицирует образ лирического субъекта (до этого он только подразумевался), давая ему напрямую высказать собственное отношение к изображеному: «Вот в такой деревушке, над отвесной крутизною, Я живу, радый морю, гордый выбором своим!» [21. С. 70].

Однородный, последовательно проведенный анафорический рисунок может служить передаче настроения, заданного уже самим жанром. Решение данной стилистической задачи мы видим в стихотворении «Янтарная элегия».

- I. 1. Вы помните прелестный уголок...
- II. 1. Вы помните студеное стекло...
3. Вы помните комичные опенки...
- III. 1. Вы помните над речкою шалз...
- IV. 1. Вы помните... О да! забыть нельзя...»

[19. С. 39].

Произведение построено в виде ряда картин-набросков. В центр каждой из них поставлена яркая деталь. Это воспоминания, всплывающие в памяти как короткие вспышки. Лирический субъект воспроизводит в своем сознании интимно значимые атрибуты когда-то окружавшей его обстановки. Анафорическое «вы помните» не только скрепляет их в единый лирический сюжет, но и придает движение статичным изображениям, наделяя реалии вещного мира особым смыслом, понятным и значимым для влюбленного поэта. Кроме того, однородная, не варьируемая анафора позволяет полностью сосредоточиться на одном событии из прошлого, на одном эмоциональном состоянии, рожденном мимолетным счастливым мгновением, которое лирический герой старается сохранить, запечатлев его в слове. Плавное, размеренное течение лирического чувства, овеянного светлой грустью о невозвратном, без резких перемен настроения и аффектации, привычных стилевых черт интимной лирики И.В. Северянина соответствует обозначенному им жанру – янтарной элегии.

Более типична для творчества И.В. Северянина форма композиционного рисунка, где словесные повторения ограничены одним первым стихом. Степень и границы распространенности анафоры в такой схеме подвержены различным колебаниям. В редких случаях повторяется целый стих (по немецкой терминологии – «обращенный припев»). Например:

- I. 1. Они способны, дети века,
2. С порочной властью вместо прав...
- II. 1. Они способны, дети века,
2. Затменьем гения блеснуть...

[24. С. 463].

Чаще повторяются только слова, начинающие собой предложение и стих или замкнутые в самостоятельную синтаксическую единицу. В некоторых случаях предложение захватывает целую строфику («Поэза моих наблюдений», «Поэза правительству», «Девятнадцативешня»). Это излюбленный приём И.В. Северянина. Нередко поэт делает его ключевым элементом более сложных композиционных построений, когда перед ним возникают задачи риторического порядка. Так, в стихотворении «Любовь – жертва» единоначатие лежит в основе смыслового и строфического параллелизма, позволяющего полнее раскрыть все семантические оттенки понятий «любовь» и «жертва» и их сложную взаимозависимость. Лексическая анафора появляется в зчине в форме категоричного утверждения, философской формулы, раскрываемой и доказываемой на протяжении всего высказывания. Она отодвинута во вторую половину строфы, благодаря чему возникает тесная межстрофическая связь, закрепляющая статус ключевых слов.

- I. 3. Любви без жертвы нет, и если
- 4. Нет жертвы, значит – нет любви.
- II. 1. Любовь и жертва, вы – синонимы...
- III. 1. Любовь светла, и жертва тоже...
- IV. 1. Любви без жертвы не бывает...

[23. С. 92].

Специфическую функцию выполняет повтор в стихотворении «Девятнадцативешня», где он открывает предложение, охватывающее два (а в одном случае даже четыре) стиха. Текст оформлен графически как строфиод, состоящий из 16 строк протяженностью в 20 слогов каждая. Однако перекрестная рифма интонационно обособляет части текста в привычные традиционные катрены. Чтобы решить проблему целостности в восприятии поэтического текста, И.В. Северянин прибегает к внутренней анафоре. Постоянно возвращающиеся повторы в сочетании с удлиненным стихом стилистически приближают текст к ритмической прозе.

- 1. Девятнадцативешней впечатления жизни...
- 3. Девятнадцативешней легче в истину верить...
- 5. И когда расцветают бирюзовые розы ...
- 7. И когда расцветают соловьями рулады...
- 6. Ей представить наивно, что они расцветают...
- 8. Ей представить наивно, что поет кто-то близкий...

[24. С. 210].

Основной композиционный рисунок здесь выражается в перекрестных повторениях. Их структурная роль заключается в активизации внутристрофических смысловых связей. Так, в первом и третьем, а затем в девятом и одиннадцатом стихах одинаковое анафорическое слово позволяет удерживать в сознании главную тему, красочный свежий образ, не потерять его в намеренно удлиненных словесных периодах. У анафоры пятого, седьмого, тринадцатого и пятнадцатого стихов функция иная. В них единоначатие образует развернутый параллелизм, позволяющий поэту уменьшить дистанцию между автором и героиней, напрямую высказать свои чувства.

В стихотворении «Блестящая поэза» широко развернутая анафора, замкнутая в самостоятельную синтаксическую единицу, охватывает целиком все четыре строфы, лишь один раз распространяясь на второй

стих (это происходит во второй строфе). В finale анафора образует кольцо строфы и кольцо стихотворения. Сочетание анафорического паттерна с другими типами строфической композиции часто встречается в северянинской лирике. Как правило, оно выступает средством семантического и эмоционального усиления финала, где автор пытается в афористической форме закрепить ценную для него мысль. В «Блестящей поэзе» особенно здраво представлен поиск такой мысли, как идеальной формулы существования.

- I. 1. Я жить хочу совсем не так, как все...
- II. 1. Я жить хочу крылато, как орел,
- 2. Я жить хочу надменно, как креол...
- III. 1. Я жить хочу, как умный человек...
- IV. 1. Я жить хочу, как подобает жить...
- 4. Я жить хочу, как жизнь сама живет!

[23. С. 123].

В других случаях повторяющаяся строка возвращается с различными вариациями. У И.В. Северянина мы находим удачные эксперименты по перемещению слов в пределах одного стиха. При этом сохраняются все компоненты предложения (чаще всего в неизменном виде), меняется только их порядок. Данный прием усиливает интонационное богатство, разнообразит рифму. Ярким образцом может служить «Поэза тебе».

- I. 1. Ни с кем сравнить тебя нельзя...
- II. 1. Тебя ни с кем нельзя сравнить...
- III. 1. Сравнить нельзя ни с кем тебя...
- IV. 1. Нельзя тебя сравнить ни с кем...

[24. С. 202].

Обращает на себя внимание формально-игровой характер такого рода композиционного рисунка: если прочесть первые и последние слова в каждом стихе по вертикали, то выявляется еще две вариации первого стиха, «спрятанные» в тексте. На основе описанного принципа поэту удалось разработать новую строфическую форму, названную им *квадрат квадратов*. В ней органично сочетаются различные уровни композиции стихотворения: синтаксический, лексический, графический.

Дублированием ключевого анафорического слова в конце стиха может создаваться замкнутая, кольцевая конструкция, расширяющая, разнообразящая интонационную палитру. Например, в стихотворении «Тиана» имя лирической героини, адресата поэтического высказывания, служит обрамлением строфической анафоры, позволяя дважды, с разной степенью логического ударения декларировать микротему, развертываемую в последующих стихах строфы. Кольцевой принцип усиливается также отступлением от выбранного алгоритма в последней строфе, где ключевая строка не только меняет местоположение, но и приобретает новую функцию – вывода к развернутой в строфе микротеме и ко всему стихотворению в целом.

- I. 1. Тиана, как странно! как странно, Тиана!
- II. 1. Тиана, как скучно! как скучно, Тиана!
- III. 1. Тиана, как жутко! как жутко, Тиана!
- IV. 1. Тиана, как дико! мне дико, Тиана!
- V. 4. Тиана, как больно! мне больно, Тиана!

[19. С. 496].

В отдельных случаях повтор может не подчеркиваться повторяющимися словами, а только намечаться смысловым (тематическим) или синтаксическим параллелизмом. Такую анафору В.М. Жирмунский

предлагает называть *смысловой* [5. С. 34]. Удачный пример использования *смысловой анафоры* – стихотворение «Классические розы». В нем параллелизм создает ощущение поступательного движения времени (было – есть – будет):

- I. В те времена, когда роились грёзы...
- II. Прошли лета, и всюду льются слёзы...
- III. Но дни идут – уже стихают грозы...

[21. С. 8].

Тема «свежих роз» неизменно появляется в третьем стихе каждой строфы как обязательный элемент синтаксической и смысловой параллели. С ее помощью разрешается каждый новый временной зacin.

Типичной композиционной стратегией, основанной на анафоре, в небольших по объему лирических произведениях И.В. Северянина (обычно длиной в три – четыре кратрена) следует считать такие, где мощно заявленная в зacinе тема (мотив) или ярко обрисованный образ посредством повторов развиваются на протяжении всего текста, задавая особую симметрию, отражающую индивидуальный почерк поэта. При этом образно и (или) эмоционально насыщенное вступление не только декларирует, но и закрепляет тему или образ в сознании читателя, придавая им высокий эстетический статус.

Особо следует отметить роль внутренней анафоры, охватывающей первую строфиу и поддерживающей усиленное звучание ключевых сегментов речевого потока. Единичная внутренняя анафора первой строфы в большинстве случаев составляет полустишие, второе полустишие играет роль ремы, углубляя и развивая намеченный образ, мотив или символ. В сочетании с психологическим параллелизмом, выдержанном на протяжении всего произведения, схема зacinя с внутренней анафорой создает эффект постепенного размывания границ между сегментами параллели, в результате чего природное и человеческое сливаются в гармоничном единстве. Такая стратегия реализована в стихотворении «На мотив Фофанова».

- I. 1. Я чувствую, как падают цветы ...
- 3. Я чувствую, как шепчутся в гостиных...
- II. 1. Я чувствую, как тают облака...
- III. 1. Я чувствую, как угасает май...

[19. С. 74].

Однако стратегический принцип может быть и прямо противоположным, когда намеренно ослабленный в образно-семантическом отношении зacin компенсируется интенсивным развитием образно-тематической линии в последующих строфах с опорой на внутреннюю симметрию. Если такое усиление затрагивает центр текста, оставляя ослабленными начало и конец стихотворения, возникает эффект двойного ритмического кольца.

- I. 1. Ты ко мне не вернешься, даже ради Тамары...
- II. 1. Ты ко мне не вернешься: на тебе теперь бархат...
- 3. Ты ко мне не вернешься: предсказатель на картах...
- III. 1. Ты ко мне не вернешься, даже... даже проститься...
- 3. Ты ко мне не вернешься в тихом платье из ситца...
- IV. 3. Ты ко мне не вернешься: грезы больше не маги...

[19. С. 77].

Особо следует отметить одну из самых распространенных анафорических схем у И.В. Северянина, которую можно было бы назвать *принципом третьего*

предфинального стиха. Она встречается в таких произведениях, как «Лесофея», «Мисс Лиль», «Поэза о солнце, в душе восходящем», «Любить единствено», «Карета куртизанки» и др. Возвращение анафоры в 3-м стихе последней строфы – психологическая подготовка к финалу. Ключевой образ вновь возникает в поле зрения читателя в сильной семантической и эмоциональной позиции. Устойчивая композиционная функция 3-го стиха последней строфы придает завершенность, стройность лирическому тексту. Кроме того, описанная схема упрощает восприятие стихотворения на слух, что для И.В. Северянина, исполнителя собственных стихов, было важным аргументом.

Имитируя разговоры в гостиных, уличную речь, задушевную беседу, слог личных писем, поэт использует анафору в качестве стилистического средства создания эффекта спонтанности речи, эмоциональных всплесков, характерных для устного общения или внутренних монологов. В этом случае анафорический повтор ограничивается эпизодом либо вводится однократно (производя впечатление непроизвольности, случайности), не инициируя ритмических ожиданий. Например, в стихотворении «Поэза трех принцесс» [19. С. 529], состоящем из 10 строф, анафора повторяется дважды целой строфией без изменений с промежутком в две строфы. В ней представлен окрашенный иронией автора монолог лирической героини. Он вводит в пространство манерной салонной игры, насыщенной элементами восточного эротизма и стилизованными пасторальными мотивами, образ-символ Торквато Тассо, выступающий олицетворением барочной эстетики с присущими ей вычурностью, неестественностью, элитарностью, воспринимаемыми как атрибуты особой художественности, ее эстетические знаки. Оторванная от реальной жизни поэзия Торквато Тассо противопоставляется мелочности и суетности поклонниц лирического героя, мечтающих лишь о том, чтобы оказаться в объятиях своего повелителя. В третьем повторе остается только ключевое слово (образ-символ), тем не менее синтаксический параллелизм в нем сохраняется.

Поскольку стихотворение объемное, троекратный повтор (II, V, IX) не подчиняет себе явно общего течения речевого потока. Но при внимательном рассмотрении лирического сюжета становится очевидным, что повторы постепенно подводят к кульминации – появлению княжны Инстассы, предвосхищему другими принцессами. Ее монолог завершает короткую полуфантастическую-полуигровую историю.

Появление анафоры в тексте может служить средством развертывания картины или ретардации лирического сюжета. Например, центральным образом стихотворения «Nocturne» являются девушки «без лица и без фигур» [19. С. 52]. Чтобы задержать взгляд читателя на необычной картине, И.В. Северянин вводит ряд сравнений, ассоциативно обогащающих образ, придающих ему динамику. Возникает ощущение, что он рождается на глазах читателя.

Развернутая анафора дает возможность автору приостановить развитие лирического сюжета в стихотворении «Баллада» [19. С. 82]. Детальное описание художественного пространства, захватывающее три

строфы из шести, воссоздает атмосферу романтических баллад с их ореолом таинственности и элементами фантастического.

Как видим, в творческой лаборатории И.В. Северянина анафора играет важную роль. Удачные эксперименты поэта с различными видами повторов позволяют утверждать, что устоявшаяся в русской поэзии анафорическая композиционная форма обладает большим

эстетическим потенциалом. При творческом ее использовании она способна давать оригинальные художественные результаты, обогащать интонационную палитру лирических произведений, усиливать внутри- и межстрофическую смысловую интеграцию, выполнять жанрообразующую функцию, регулировать интенсивность развития лирического сюжета, оказывая заметное влияние на индивидуальный стиль автора.

ЛИТЕРАТУРА

1. Якобсон Р. Работы по поэтике: переводы / сост. и общ. ред. М.Л. Гаспарова. М. : Прогресс, 1987. 464 с.
2. Квятковский А.П. Анафора // Поэтический словарь. М. : Сов. энциклопедия, 1966. С. 35–37.
3. Гаспаров М.Л. Анафора // Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А.Н. Николюкина. М. : НПК «Интелвак», 2001. Стб. 32–33.
4. Томашевский Б.В. Стилистика и стихосложение : курс лекций. Л., 1959. 536 с.
5. Жирмунский В.М. Композиция лирических стихотворений. Петербург : ОПОЯЗ, 1921. 109 с.
6. Полубояринова Л.Н. Фигуры риторические // Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий. М. : Изд-во Кулагиной; Intrada, 2008. С. 281–282.
7. Панкратова М.В. Фигура анафорического повтора в идиостиле И. Лиснянской // Филологическое образование в современном обществе : сб. науч. ст. III Всерос. науч. конф., посвященной Дням славянской письменности. М., 2019. С. 92–96.
8. Ханинова Р.М. Первая книга Д. Кугультинова «Баћ насна шулгуд» («Стихи юности») в аспекте сохранения национальной традиции стихосложения // Новый филологический вестник. 2017. № 4. С. 350–359.
9. Глотова Т.А. Повтор как универсальный принцип текстообразования в поэзии И. Хугаева // Известия СОИГСИ. 2017. № 23. С. 102–108.
10. Петрова С.А. Эволюция интермедиального образа струны в творчестве А.А. Фета // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 7–1. С. 46–49.
11. Макарова Л.С. Повтор как признак поэтического идиолекта Жака Превера и особенности передачи повтора в переводе // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 2: Филология и искусствоведение. 2014. № 2. С. 63–67.
12. Тынянов Ю.Н. Литературная эволюция: избранные труды. М. : Аграф, 2002. 496 с.
13. Корман Б.О. Избранные труды по теории и истории литературы / предисл. и сост. В.И. Чулкова. Ижевск : Изд-во Удмурт. ун-та, 1992. 236 с.
14. Adams B. Утопия Игоря Северянина // Adams Valmar. Vene Kirjandus mu arm. Tallinn, 1977. 352 с.
15. Северянин И. Сочинения : в 5 т. Т. 5 / сост., вступ. ст., коммент. В.А. Кошелева и В.А. Сапогова. СПб. : Logos, 1996. 400 с.
16. Ахмедова Ю.А. Эгофутуризм Игоря Северянина // Знание. Понимание. Умение. 2008. № 1. С. 152–156.
17. Огородникова Е.А. Жанр «ноктюрна» в сборнике Игоря Северянина «Громокипящий кубок» (1913) // Вестник Костромского государственного университета. 2017. № 4. С. 108–111.
18. Москалец Ю.В. Русская фортеинианная соната рубежа XIX–XX столетий в атмосфере художественных исканий эпохи : автореф. дис. ... канд. искусствоведения. М., 2004. 28 с.
19. Северянин И. Сочинения : в 5 т. Т. 1 / сост., вступ. ст., коммент. В.А. Кошелева и В.А. Сапогова. СПб. : Logos, 1995. 592 с.
20. Холшевников В.Е. Анализ композиции лирического стихотворения // Анализ одного стихотворения : межвуз. сб. / под ред. В.Е. Холшевникова. Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1985. 248 с.
21. Северянин И. Сочинения : в 5 т. Т. 4 / сост., вступ. ст., коммент. В.А. Кошелева и В.А. Сапогова. СПб. : Logos, 1996. 592 с.
22. Лотман Ю.М. О поэтах и поэзии. СПб. : Искусство-СПб, 1996. 848 с.
23. Северянин И. Сочинения : в 5 т. Т. 3 / сост., вступ. ст., коммент. В.А. Кошелева и В.А. Сапогова. СПб. : Logos, 1995. 416 с.
24. Северянин И. Сочинения : в 5 т. Т. 2 / сост., вступ. ст., коммент. В.А. Кошелева и В.А. Сапогова. СПб. : Logos, 1995. 704 с.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 1 октября 2020 г.

Functions of Anaphoras in the Compositional Structure of Igor Severyanin's Poems

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 459, 52–60.

DOI: 10.17223/15617793/459/6

Sergey S. Folimonov, Saratov State Law Academy (Saratov, Russian Federation). E-mail: kruzo72on@yandex.ru

Keywords: anaphora; lyric poem composition; strophic studies; Igor Severyanin; psychological parallelism; idiostyle.

The article deals with the problem of using anaphoras as a strategic principle of poetic speech construction in the context of works of Igor Severyanin, known for his experiments in the field of poetic forms. Despite the fact that the anaphora is one of the most ancient methods of rhythmic organization of texts, its aesthetic potential continues to attract word artists who seek to find new opportunities of using traditional visual and expressive techniques. The analysis of this phenomenon through the prism of the composition of a lyric poem is particularly effective. Severyanin actively uses anaphoras throughout all his creative way: he builds compositional patterns in accordance with artistic tasks. In his early lyrics, the patterns are subordinated to the desire to activate the resources of the poetic language for the implementation of the idea of theatricalization of the poetic world. The main character of this world and simultaneously the actor is the author-performer playing the role of a royal clown. In his mature period, tending to the classics, Severyanin often refers to the precedent texts of Russian poetry, developing them and supplementing them with new semantic nuances. The research revealed the most productive forms of anaphoric constructions and their functional features. A large group of Severyanin's poems is united by the task of integrating musical and poetic ways of displaying reality. Symbolically, they can be divided into song lyrics and poems, stylized for a particular musical genre: sonata, overture, hymn, polonaise, etc. The internal anaphora plays an important role in the organization of speech flow in Severyanin's lyrics. It can form the structure of the beginning (“Romans”), serves as a bond between two artistic spaces (“Razvenchanie”), solves the problem of integrity in the perception of the stanza form (“Devyatnadtsatveshnyaya”), amplifies the sound of key segments of the speech flow (“Na motiv Fofanova”). A significant stylistic device in Severyanin's works is also the degree of prevalence of anaphoric articulation of the text. For example, a homogeneous, sequential composition pattern through an entire work can create the mood set by the requirements of the genre (“Yantarnaya Elegiya”). On the contrary, a fragmentary repetition often serves as a means of creating the effect of spontaneity of the speech, emo-

tional outbursts that are characteristic of the oral communication (“Poeza trekh printsess”), or it is used as a technique that allows the author to suspend the development of a lyrical plot, to expand and detail the story (“Nocturne”, “Ballada”). Thus, the creative application of the anaphoric composition significantly expands the visual possibilities of the poet, influences his individual style.

REFERENCES

1. Jakobson, R. (1987) *Raboty po poetike: perevody* [Works on poetics: translations]. Moscow: Progress.
2. Kvyatkovskiy, A.P. (1966) *Poeticheskiy slovar'* [Poetic Dictionary]. Moscow: Sov. Entsiklopediya. pp. 35–37.
3. Gasparov, M.L. (2001) Anafora [Anaphora]. In: Nikolyukin, A.N. (ed.) *Literaturnaya entsiklopediya terminov i ponyatiy* [Literary encyclopedia of terms and concepts]. Moscow: NPK “Intelvak”.
4. Tomashevskiy, B.V. (1959) *Stilistika i stikhoslozhenie: kurs lektsiy* [Stylistics and versification: A course of lectures]. Leningrad: Uchpedgiz.
5. Zhirmunskiy, V.M. (1921) *Kompozitsiya liricheskikh stikhovorenii* [Composition of lyric poems]. Peterburg: OPOYaZ.
6. Poluboyarinova, L.N. (2008) Figury ritoricheskie [Rhetorical figures]. In: Tamarchenko, N.D. (ed.) *Poetika: slovar' aktual'nykh terminov i ponyatiy* [Poetics: Dictionary of Actual Terms and Concepts]. Moscow: Izd-vo Kulaginoy; Intrada. pp. 281–282.
7. Pankratova, M.V. (2019) [The figure of anaphoric repetition in the idiom of I. Lisnyanskaya]. *Filologicheskoe obrazovanie v sovremennom obshchestve* [Philological education in modern society]. Proceedings of the III All-Russian Conference. Moscow: [s.n.]. pp. 92–96.
8. Khaninova, R.M. (2017) D. Kugultibov’s First Book ‘Bay Nasna Shülgid’ (‘Poems of the Youth’) in Relation to Preservation of the National Versification Tradition. *Novyy filologicheskiy vestnik – New Philological Bulletin*. 4. pp. 350–359. (In Russian).
9. Glotova, T.A. (2017) Repetition as a unique means of text formation in the poetry of I. Khugaev. *Izvestiya SOIGSI*. 23. pp. 102–108. (In Russian).
10. Petrova, S.A. (2018) Evolution of intermedial image of the string in A.A. Fet’s creativity. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki – Philology. Theory and Practice*. 7–1. pp. 46–49. (In Russian).
11. Makarova, L.S. (2014) Repetition as a sign of poetry of Jacques Prevert and peculiarities of its transfer in translation. *Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 2: Filologiya i iskusstvovedenie – Bulletin of the Adygehe State University, Series: Philology and Arts*. 2. pp. 63–67. (In Russian).
12. Tynyanov, Yu.N. (2002) *Literaturnaya evolyutsiya: izbrannye trudy* [Literary Evolution: Selected Works]. Moscow: Agraf.
13. Korman, B.O. (1992) *Izbrannye trudy po teorii i istorii literatury* [Selected Works on Theory and History of Literature]. Izhevsk: Udmurt State University.
14. Adams, V. (1977) Utopiya Igorya Severyanina [Igor Severyanin’s Utopia]. In: *Vene Kirjandus mu arm*. Tallinn: Eesti Raamat.
15. Severyanin, I. (1996) *Sochineniya: v 5 t.* [Works: in 5 volumes]. Vol. 5. St. Petersburg: Logos.
16. Akhmedova, Yu.A. (2008) Egofuturizm Igorya Severyanina [Igor Severyanin’s Egofuturism]. *Znanie. Ponimanie. Umenie – Knowledge. Understanding. Skill*. 1. pp. 152–156.
17. Ogorodnikova, E.A. (2017) The “nocturne” genre in Igor Severyanin’s collection of poetry “The Cup of Thunder” (On the example of the poems “Nocturne” (1908), “Nocturno” (1909), “Nocturne” (1911)) *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta – Vestnik of Kostroma State University*. 4. pp. 108–111. (In Russian).
18. Moskalets, Yu.V. (2004) *Russkaya fortepiannaya sonata rubezha XIX–XX stoletiy v atmosfere khudozhestvennykh iskanii epokhi* [Russian piano sonata at the turn of the 20th century in the atmosphere of the artistic quest of the era]. Abstract of Art History Cand. Diss. Moscow.
19. Severyanin, I. (1995) *Sochineniya: v 5 t.* [Works: In 5 vols]. Vol. 1. St. Petersburg: Logos.
20. Kholshevnikov, V.E. (1985) Analiz kompozitsii liricheskogo stikhovoreniya [Analysis of the composition of a lyric poem]. In: Kholshevnikov, V.E. (ed.) *Analiz odnogo stikhovoreniya* [Analysis of one poem]. Leningrad: Leningrad State University.
21. Severyanin, I. (1996) *Sochineniya: v 5 t.* [Works: In 5 vols]. Vol. 4. St. Petersburg: Logos.
22. Lotman, Yu.M. (1996) *O poetakh i poezii* [On poets and poetry]. St. Petersburg: Iskusstvo-SPB.
23. Severyanin, I. (1995a) *Sochineniya: v 5 t.* [Works: In 5 vols]. Vol. 3. St. Petersburg: Logos.
24. Severyanin, I. (1995b) *Sochineniya: v 5 t.* [Works: In 5 vols]. Vol. 2. St. Petersburg: Logos.

Received: 01 October 2020

ФИЛОСОФИЯ

УДК 111

Н.А. Балаклец, В.Т. Фаритов

ФЕНОМЕН ГРАНИЦЫ В КОНТЕКСТЕ ЕВРОПЕЙСКОЙ ПОСТМЕТАФИЗИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ: К. ХАУСХОФЕР И Ф. НИЦШЕ

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-011-00910 «Маргинальные феномены человеческого бытия (Антропология ad Marginem)».

Проводится сравнительное исследование философских учений К. Хаусхофера и Ф. Ницше. Авторы осуществляют экспликацию постметафизических мотивов в geopolитическом учении К. Хаусхофера. Обосновывается положение, что, с одной стороны, концептуальные разработки К. Хаусхофера обнаруживают близость к предложенному Ф. Ницше пониманию жизни как «воли к власти», но, с другой стороны, для Хаусхофера неприемлем ницшеанский пафос выхода за пределы установленных границ. Учение Хаусхофера определяется установкой на утверждение и охрану границ, ему присущ не пафос трансгрессии, но апология границ.

Ключевые слова: философия жизни; воля к власти; граница; экстаз; трансгрессия; жизненное пространство; жизненные формы; Ф. Ницше; К. Хаусхофер.

Современная, неклассическая философия Европы, пережившая и продолжающая переживать событие кризиса метафизики, все чаще и увереннее характеризуется как постметафизическая¹. Если классическая метафизика разрабатывала учение о сверхчувственных первоначалах бытия, то в постметафизической философии осуществляется переориентация от сущности к границе. Феномен границы помещается в центр неклассических философских концептуальных разработок и исследований – достаточно упомянуть таких философов, как К. Ясперс, М. Хайдеггер, М. Фуко и Ж. Делез, а также представителей так называемого пространственного поворота [4]. Одним из мыслителей прошлого столетия, посвятившим свое творчество разработке учения о границе, является Карл Хаусхофер. В настоящем исследовании мы ставим перед собой три задачи:

1. Раскрыть универсальное, общефилософское, не сводимое к каким-либо узким и политически ангажированным идеологическим воззрениям значение концепции мыслителя².

2. Эксплицировать связь концептуально-теоретических разработок философа с постметафизическими контекстом европейской философской мысли.

3. Выявить ницшеанские мотивы учения Хаусхофера. Последняя задача обусловлена тем обстоятельством, что философские изыскания Ницше оказали определяющее влияние на формирование постметафизической парадигмы современной неклассической философии³.

И.А. Исаев в своем исследовании пространства правопорядков отмечает: «Граница может быть адекватно оценена только как проблема метафизическая» [9. С. 163]. Применительно к философии XX столетия следовало бы сделать уточнение: как постметафизическая проблема. В сфере концептуальных разработок постметафизической философии граница перестает мыслиться преимущественно как феномен, отделяющий область трансцендентного первоначала от сферы имманентного, конечного существования. Феномен границы получает значимость в контексте исследова-

ний культурных пространств, знаковых пространств (семиосферы), пространств власти. Из вертикальной перспективы метафизической теории двух миров граница перемещается в горизонтальную плоскость множества сосуществующих гетерогенных бытийных и смысловых образований. Данная тенденция берет свой исток в ницшеевском перспективизме, в то время как последний обусловлен событием «смерти Бога», утратой доверия к «метанarrативам», т.е. кризисом европейской метафизики.

К. Хаусхофер и Ф. Ницше: границы жизненных форм и воля к власти

Границы могут быть установлены Богом, природой и человеком [10. С. 232]. Первый тип границ относится к области религиозного предания и является предметом теологии и метафизической онтологии. Уже в Ветхом Завете мы можем найти понимание события установления границ в качестве божественного творения: «Меня ли вы не боитесь, говорит Господь, предо Мною ли не трепещете? Я положил песок горницею морю, вечным пределом, которого не перейдет; и хотя волны его устремляются, но превозмочь не могут; хотя они бушуют, но переступить его не могут. А у народа сего сердце буйное и мягкое; они отступили и пошли» (Иеремия 5:22–23). Бог устанавливает границы сущего, Он же устанавливает границы моральных норм и законов. Тем самым границы приобретают сакральный характер. Однако кризис метафизической парадигмы привел сначала к секуляризации, а затем и к нигилистическому ниспроповеданию священных границ. Установленные Богом границы стали исчезать либо терять свою значимость. В этой ситуации на передний план начинают выходить природные и человеческие границы, а философские исследования границ из сугубо метафизических трансформируются в постметафизические. Еще гегельевские лекции по философии истории сохраняли привязку к метафизической парадигме. Критика географического детерминизма у Гегеля имела своим

основанием утверждение приоритета духа над природой: история есть проявление духа во времени, в то время как природные границы могут выступать в качестве сопутствующего либо препятствующего, но не определяющего фактора [11. С. 119, 126–146]. Объявивший себя последователем Гёте и Ницше, О. Шпенглер осуществляет переориентацию философии истории с области духа в область «живой природы» и «органических форм»: «Культуры эти, живые существа высшего порядка, вырастают со своей повышенной бесцельностью, подобно цветам в поле. Подобно растениям и животным, они принадлежат к живой природе Гёте, а не к мировой природе Ньютона. Во всемирной истории я вижу картину вечного образования и изменения, чудесного становления и умирания органических форм» [12. С. 32]. На смену философии духа приходит философия жизни.

В свете обозначенных событий и трансформаций в философском дискурсе К. Хаусхофер начинает трактовать границу как конститтивный момент существования жизненных форм (*Lebensformen*). Более того, сама граница утрачивает характер абстрактной линии, которая в лучшем случае может быть представлена графической чертой на карте, а в метафизической перспективе и вовсе не подлежит представлению, являясь умозрительным конструктом. Граница для Хаусхофера сама представляет собой особую жизненную форму, зону борьбы (*Kampfzone*): «Повсюду, где хотелось тщательно провести границу, мы обнаруживали не линии, а только зоны, пояс самостоятельной жизни, заполненный борьбой!» [10. С. 245]. Отказ от метафизических истолкований мира провоцирует поиск принципиально новых перспектив философского мышления. В качестве одной из таких перспектив выступает жизнь, толкуемая Ницше как воля к власти: «Где находил я живое, находил я и волю к власти» [13. С. 119] «Wo ich Lebendiges fand, da fand ich Willen zur Macht» [14. С. 447]. Идеи К. Хаусхофера вполне вписываются в парадигму философствования, инициированную Ницше и Шпенглером. В этой связи особое внимание обращает на себя разграничение стареющей и отмирающей жизни и жизни наступающей, бьющей ключом: «Ведь разграничение есть требование природы; но его закостенелость враждебна жизни, признак старения жизненных форм, доказательство быстро проходящей и исчезающей, а не наступающей и бьющей ключом жизни. В своей завершающей фазе неподвижность означает смерть, отмирание, и из этого состояния в конце концов может снова забить фонтаном новое лишь после полного устранения прежних жизненных форм» [10. С. 252–253]. Введенное Ницше в пространство философского дискурса различие угасающей и возрастающей жизни (воли к власти) было усвоено Шпенглером для разграничения феноменов культуры и цивилизации. Для Шпенглера определяющим признаком культуры является становление, в то время как цивилизация характеризуется как «ставшее», застывшее и со временем все более отвердевающее.

Следуя данному направлению, Хаусхофер выделяет границы «правильные», «естественные» и противоестественные. Последний тип связан с необхо-

димостью означивания, семиозиса правовых идеалов, норм и законов, ставших враждебными жизни. Такие границы обусловлены стремлением подчинить живую жизнь мертвой «букве закона». Напротив, первый тип есть проявление сильной, бьющей через край жизни. Здесь Хаусхофер, как и Шпенглер, исходит из ницшевской оппозиции восходящей и нисходящей воли к власти. Если культура обнаруживает тенденцию к росту, то она стоит на стороне восходящей жизни, если же она характеризуется установкой на фиксацию того, что уже утратило свою жизненность, то она относится к жизни нисходящей. И в том и в другом случае культура есть жизненная форма, вопрос лишь в том, о какой жизни идет речь: «Разумеется, трудно разрешаема [проблема] во всех тех случаях, когда застывшая форма, отжившая буква закона с его внутренним правом утратили свое значение по отношению к эволюционному или революционному натиску жизни и в конечном счете должны быть опрокинуты естественной силой» [10. С. 264]. Восходящая жизнь характеризуется «возобладанием чувства растущей силы», в то время как для нисходящей жизни характерно «стремление к безопасности изза ощущения убывающей энергии» [10. С. 443–444].

Противоречие между двумя формами жизни создает напряжение и конфронтацию там, где недостаточно организованные, охваченные распадом жизненные формы пронизывались новой жизнью, причем, само собой разумеется, при плоскостном распространении жизни на некогда разделенной поверхности Земли всегда «древнее право где-то должно быть ликвидировано, а новое создано» [10. С. 468]. В качестве онтологического основания такого понимания взаимоотношений между границами различных жизненных форм может быть представлено ницшевское определение жизни как *Selbst-Überwindung* (само-преодоления): «Смотри, – говорила она, – я то, что всегда должно преодолевать самое себя. Конечно, вы называете это волей к творению или стремлением к цели, к высшему, дальнему, более сложному: но все это единое и тайна. Лучше погибну я, чем отрекусь от этого единого; и поистине, где гибель и листопад, там, смотрите, жизнь жертвует собой – ради власти! Пусть буду я борьбой, и становлением, и целью, и противоречием целей; ах, кто угадывает мою волю, угадывает также, какими кривыми путями она должна идти. Что бы ни создавала я и как бы ни любила я это – скоро должна я стать противницей ему и моей любви: так хочет моя воля (здесь и далее в цитатах курсив наш. – Н.Б., В.Ф.)» [13. С. 119–120].

Переориентация философского дискурса на трактовку исторического процесса как сосуществования множества гетерогенных жизненных форм приводит к постановке вопроса о характере взаимоотношения границ. Воля к власти предполагает как различного рода нарушения, отрицания границ, так и их установление и охрану. В свою очередь, и нарушение и установление границ могут быть проявлением как нисходящей, так и восходящей жизни.

Граница и трансгрессия: нигилизм

Разнообразные нарушения установленных границ в неклассической философии характеризуются с помощью концепта «трансгрессии». Философская и научная мысль второй половины XX столетия проявляет повышенное внимание к трансгрессивным феноменам существования. Так, Ю.М. Лотман осуществил тщательный анализ нарушения границ в семиотическом пространстве и в сфере художественных текстов [15]. Хаусхофер в своем исследовании эксплицирует различные виды нарушения географических и политических границ.

Прежде всего, не следует забывать, что термин «трансгрессия» был заимствован философским дискурсом из области геологической науки, где он обозначает нахождение моря на суше. Хаусхофер подвергает анализу geopolитическое значение данного феномена (не употребляя, правда, самого термина «трансгрессия»): «...на стыке суши и моря, вдоль границы между ними возникает зона борьбы, а именно побережье. Следует строго различать между заманивающими в свои сети и привлекающими побережьями и побережьями как зонами обороны» [10. С. 295]. Выше мы показали, что уже в Ветхом Завете подвижная граница между морем и сушей служит материалом для символизации феноменов сакрального. Впоследствии пространственная антитеза суши и моря станет одной из центральных тем geopolитических учений, получит свое концептуально-теоретическое оформление, к примеру, в исследовании К. Шмитта [16].

Трансгрессия может быть также проявлением «своеволия жизни, оспаривающей постоянные границы», здесь и там разрушающей пограничную практику отдельных государств или групп [10. С. 253]. Стремление подчинить пространство жизненных форм «букве закона», искусственным и подчас насилиственно установленным границам наталкивается на сопротивление жизни, не признающей противоестественных (противоречащих интересам жизни) разграничений.

Являясь не абстрактной линией, но ареной борьбы, граница становится областью всевозможных столкновений и боевых действий. Одни жизненные формы наступают на другие, старое и утратившее способность к росту вытесняется новым. Воля к власти проявляет себя как нарушение границ одних жизненных форм другими. Речь может идти о распространении жизни на еще не освоенные пространства, в область «анэйкумены»: «В этой констатации сразу обнаруживается масштаб проблемы противоречия между границей и анэйкуменой, значение признания того, что с быстро растущим отеснением анэйкумены эйкуменой, с расширением пригодной для жизни земли и с увеличением плотности населения усиливается значение идеи о границе как плацдарме борьбы, как о непрерывно наступающем или отступающем замкнутом, но не сохраняющемся застывшим образовании! Пограничная борьба между жизненными формами на поверхности Земли становится при ее перенаселенности не мирной, а все более безжалостной, хотя и в более гладких формах» [10. С. 276]. Проблема состоит в том, что из перспективы одной жизненной формы в

качестве анэйкумены может выступать пространство другой жизненной формы. Здесь Хаусхофер приближается к ницшевскому пониманию жизни как в основе своей несправедливому и неморальному процессу становления и борьбы (воли к власти).

Трансгрессия может представлять собой и откровенный нигилизм, не признающий или же разрушающий границу как таковую: «Поразмышляем также о тех – а их число растет в результате слишком резкого проведения линии, – кто не признает границ и кто разрушает их. Не признающий границ и ее разрушитель – два совершенно различных вида. Один ставит себя выше естественных границ, потому что они для него ничего не значат, а другой сознательно разрушает их, воспринимая такие рубежи, как препятствие, а не защиту и органическое благодеяние» [10. С. 265]. Так Хаусхофер выделяет два различных типа нигилистов: *космополита*, не видящего границу, и *врага границы*, воспринимающего границу как подлежащее устраниению зло и препятствие. Отказывающийся признавать границы космополит выступает сторонником всевозможных либеральных идеологических учений; устремлению к разрушению границы соответствуют фигуры революционера и анархиста.

В области философского дискурса нигилистическая установка по отношению к границам получает свое воплощение в философии трансгрессии. Концептуальные разработки и манифесты таких мыслителей, как Ж. Батай, П. Клоссовски, М. Фуко, Ж. Делёз и Ф. Гваттари, представляют не просто осмысление трансгрессивных феноменов существования, но осуществляют идеологизацию трансгрессии, когда нарушение и непризнание границ должно становиться жизненным credo [17]. В этой связи И.В. Дёмин отмечает: «Преодоление границ, мыслимое как “освобождение”, является одним из лейтмотивов либеральной и социалистической мысли: марксистской, экзистенциалистской, неофрэйдистской, постструктуральной, постмодернистской. Представители перечисленных философских направлений не задаются вопросом о том, почему вообще существуют границы, за счет чего они держатся, кем и ради чего они оберегаются? В леволиберальном философском и политическом дискурсе границы с самого начала мыслятся как нечто «злонамеренно» установленное кем-то, какой-то «препрессивной»ластной инстанцией (Отцом, Богом, Языком, Идеологией). Граница есть нечто такое, что подавляет свободу индивида, и человек существует как человек лишь постольку, поскольку он нарушает границы» [18. С. 242]. У Хаусхофера мы можем найти указание на одну из возможных причин появления всевозможных врагов границы: слишком резкое проведение линии [10. С. 265]. Насильственное, оторванное от реальных жизненных условий и противоестественное установление границ провоцирует встречное движение, которое К.Г. Юнг охарактеризовал с помощью понятия «энантиодромии»⁴. Не только в geopolитической сфере, но и в пространстве философской мысли установление фиксированных и абстрактных границ вызывает энантиодромию: появляются нигилистические учения, утверждающие трансгрессию в качестве определяющего онтологиче-

ского и экзистенциального горизонта. Превращение трансценденции из жизненного порыва к высшему и абсолютному единству в абстрактное и безжизненное, жизнеотрицающее утверждение потустороннего – вот что является онтологическим (и одновременно культурно-историческим) содержанием провозглашенной Ницше смерти Бога. За смертью Бога с фатальной неизбежностью следует длительный период восхождения нигилизма, результатом которого становятся исчезновение абсолютных границ и абсолютная проницаемость всех еще существующих границ. Хаусхофер указывает на этот феномен в geopolитической сфере: «Абсолютных границ больше нет ни на земле, ни на море, ни в ледяных пустынях полярных ландшафтов. Как раз в наше время взялись за раздел границ Арктики и Антарктики под нажимом англосаксов и Советского Союза. На планете больше нет «*no man's land*» – «ничейной земли»» [10. С. 276]⁵. «Земля стала маленькой» [13. С. 18]. («Die Erde ist dann klein geworden» [14. S. 370]).

Однако и сам Ницше осознавал, что восхождение нигилизма не является исключительно отрицательным и разрушительным по своим последствиям. Появление в geopolитике⁶, философии и культуре всевозможных трансгрессивных феноменов в свою очередь должно будет вызвать новое встречное движение, направленное уже не на отрицание, но на установление и защиту границ.

Воля к самоограничению: на пути преодоления нигилизма

Наряду с фигурами врагов и разрушителей границы Хаусхофер выделяет фигуру творца и защитника границы. Трансгрессия уравновешивается противона правленной тенденцией к созиданию и обереганию границ: «Однако грандиозный противоположный ритм перехода границы и сохранения границы, который наделяет историю Старого Света эффектным мотивом постоянства, вероятно, ведет свое происхождение из противоречия между нарушителем границ – скотоводом, кочевником или полукоевчиком – естественным сторонником права свободного выпаса, и оседлым пахарем – творцом малой границы, вспаханной межи, прочной ячейки» [10. С. 405–406].

XX век и в geopolитическом и в философском плане был иллюстрацией высказывания Фуко о том, что трансгрессии суждено стать основополагающим опытом нашей культуры [17. С. 111–133]. Появление фигуры творца и защитника границ задает противоположное направление, указывающее на возможность нового поворота в философском мышлении: от трансгрессии к апологии границ.

В истории философии мы можем выделить три типа отношения к границам. Первый – метафизический – утверждает трансценденцию как выход за границы чувственно воспринимаемого, имманентного и восхождение к сверхчувственному, трансцендентному. Критика метафизики и установка на ее преодоление приводят к появлению второго типа, характеризующегося пафосом отрицания и нарушения границ, т.е. трансгрессией. Уже у Г.В.Ф. Гегеля выход за свои

пределы (*Hinausgehen über sich selbst*) становится определяющим моментом в его диалектике. У Ф. Ницше самопреодоление (*Selbst-Überwindung*) становится основным содержанием его учения о воле к власти и сверхчеловеке: «Der Mensch ist Etwas, das überwunden werden soll» (Человек есть нечто, что должно превзойти). В форме учения о преодолении или отрицании границ трансгрессия станет лейтмотивом целого ряда направлений и концепций XX столетия. Третий тип, формирующийся в качестве оппозиции по отношению ко второму, представлен установкой на самоограничение, на полагание границ и их сохранение. Данный тип характеризуется «готовностью к самоопределению» (*Selbstbestimmungsmündigkeit*) [10. С. 260].

Selbstbestimmungsmündigkeit представляет собой ответ ницшевскому *Selbst-Überwindung*: утверждается не выход за свои собственные границы, не самопреодоление, но добровольное самоопределение и самоограничение. Бытию-вне-себя, становлению иным (гегелевское *Hinausgerissenwerden*) противопоставляется стремление к бытию-в-себе, к обретению своих собственных границ и их осознанному полаганию. Хаусхофер говорит в этой связи о необходимости воспитания «осознанного чувства границы» [10. С. 339]. При этом речь не идет о замыкании в ограниченном пространстве и тотальной отгороженности от всего иного. Напротив, именно осознание собственных границ и их принятие выступает в качестве необходимого условия человеческого бытия и подлинной коммуникации. Граница одновременно разграничивает и соединяет. Признание собственных границ требует признания и границ другого, на основании чего становится возможным полноценное взаимодействие с другим именно как с другим. Трансгрессия, в свою очередь, ведет к устраниению границ между мной и другим, в результате чего о коммуникации уже не может быть и речи: нет, собственно говоря, того, с кем можно было бы коммуницировать. Непризнание границ нередко связано с агрессивной установкой на ассимиляцию или устранение другого. Подлинная коммуникация (будь то дружба или любовь) возможна только при условии сохранения другого в качестве другого, а себя – в качестве себя, т.е. требуется осознанное полагание границ, а не их преодоление или нарушение. Оппозиция друг – враг, которая, согласно К. Шmittу, составляет основу политического, также предполагает установление и сохранение границ между «своим» и «чужим».

Пафос трансгрессии оправдан в случае чрезмерно жесткого и противоестественного полагания границ. Кроме того, трансгрессия может рассматриваться как симптом разлагающейся и гибнущей жизненной формы, например культуры. В этом смысле Ницше был прав, выступая с императивом «человек есть нечто, что должно превзойти». Данный императив вполне соответствует тому «настроению заката мира» (*Weltuntergangsstimmung*), которое все больше будет распространяться в Западной Европе после смерти Ницше. Из этой перспективы философ обращается с призывом: «Превзойдите этих господ сегодняшнего дня» [13. С. 289]. («Diese Herrn von Heute überwindet mir» [14. S. 582]).

Хаусхофер формулирует другой императив: «Обладающий верным инстинктом народ должен так построить каждую мельчайшую ячейку, чтобы ее граница была способна однажды стать границей самой крупной жизненной формы» [10. С. 362]. В этой формулировке чувствуется полемическая отсылка к кантовскому императиву: поступай так, чтобы максима твоей воли могла стать основой всеобщего законодательства. Формулировка «самая крупная жизненная форма» есть geopolитическая максима, существующая обладать значимостью для любых культурно-исторических форм. И вместе с тем geopolитический императив Хаусхофера ориентирован уже не на всеобщее и универсальное, но на конкретное-единичное, на жизненную форму, существование и рост которой требует утверждения и охраны границ. Хаусхофер, подобно Н.Я. Данилевскому и О. Шпенглеру, утверждает многообразие жизненных форм, несводимых к какому-либо универсальному единству. И вместе с тем жизненным формам предписывается установка на достижение максимальной полноты жизненного пространства («Lebensraum») и его границ. В учении Н.Я. Данилевского данное противоречие представлено в еще более резкой форме: с одной стороны, утверждается многообразие культурно-исторических типов, а с другой – проводится идея универсальной и исключительной значимости славянского союза. На наш взгляд, истоки данного противоречия не следует искать в области идеологии. Противоречие это является конститутивным моментом самой философии жизни⁷. Жизни, понимаемой как воля к власти, присуще имманентное стремление к достижению максимальной степени

могущества. Концепция Хаусхофера, противопоставляющая «натиск жизни» «букве закона» [10. С. 252], как было показано выше, вполне вписывается в данное философское направление.

Вместе с тем Хаусхофер не признает насильтвенного захвата границ, «простое навязывание воли более сильного, которое география и история иногда подтверждают, а чаще отвергают» [10. С. 260]. Понимая вслед за Ницше границу как зону борьбы жизненных форм, Хаусхофер не разделяет трансгрессивный пафос автора учения о сверхчеловеке. В философском плане концептуальные разработки одного из основоположников geopolитики ориентированы не на трансгрессию, не на ницшевское *Selbst-Überwindung*, но на самоопределение (*Selbstbestimmung*), на утверждение и защиту границ⁸. Таким образом, ницшеанскому пафосу выхода за пределы и преодоления границ может быть противопоставлен пафос утверждения границ, ограничения. Исследования Хаусхофера содержат установки, предвосхищающие данный возможный поворот к философии само-ограничивания. В этом заключается философская, универсальная (т.е. выходящая за рамки отдельной исторической эпохи и политической ситуации) значимость работ мыслителя. Как явствует из проведенного исследования, историко-философский процесс в действительности не бывает представлен одной линией, но носит контрапунктный характер: одновременно развиваются сразу несколько «голосов», которые то пересекаются, то расходятся по разным направлениям. Соотношение учений Ницше и Хаусхофера может быть представлено в виде такого контрапункта, где точки схождения перемежаются с точками расхождения.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См., например, у отечественных исследователей [1–3].

² Трактовка geopolитического учения К. Хаусхофера как реакционного и связанного с идеологией национал-социализма утрачивает свою актуальность. Однако объективная и непредвзятая оценка концептуальных разработок мыслителя все еще остается задачей современных исследователей (см., например, [5–7]).

³ К.А. Свасьяня так характеризует сферу влияния «По ту сторону добра и зла»: «Книга, раскупленная современниками в считанных экземплярах, разойдется в ближайшие десятилетия баснословными тиражами, если допустить, что счет мог бы вестись не только по ней самой, но и по Шпенглеру (в теме заката Европы), Оргете (в теме “восстания масс”), Гуссерлю (в теме “кризиса европейских наук”), Максу Шелеру (в теме “ниспровержения ценностей”), Вернеру Зомбарту (в теме героического противостояния гешефту), Вальтеру Ратенau (в теме революции как вертикальной миграции масс), Хайдеггеру (в теме метафизических углублений нигилизма), Андрею Белому (в теме Европы-мулатки и томагавка грядущего хама, грозящего Джоконде), Бердяеву, Шестову, философам жизни, экзистенциалистам, всей волне доктринеров немецкой консервативной революции, от Меллера Ван ден Брука до Эриста Юнгера, и прочая, прочая, предположив, что центральное место в этой веренице за новым типом и качеством восприятия как такового, уже вовсе не нуждающегося в текстах Ницше, чтобы воспринимать и чувствовать “по Ницше”» [8. С. 794–795].

⁴ Данным термином К.Г. Юнг характеризует «...выступление бессознательной противоположности, причем именно во временной последовательности. Это характерное явление встречается почти всюду, где сознательной жизнью владеет крайне одностороннее направление, так что со временем вырабатывается столь же мощная бессознательная противоположность» [19. С. 584].

⁵ О феномене «ничейной земли» см. [20].

⁶ Ницше говорит о «большой политике» (см., например, [21]).

⁷ Н.Я. Данилевским были фактически предвосхищены основополагающие установки философии жизни (см.: [22]).

⁸ И.В. Дёмин усматривает в установке на оберегание границ сущностное определение консерватизма: «Интегральное понимание консерватизма, на наш взгляд, может быть выражено с помощью формулы: консерватизм есть защита границ и апология ограниченности» [18. С. 240]. Хотя данный тезис и не является бесспорным, для целей нашего исследования значима сама тенденция обращения к апологии границ, которую мы эксплицируем в учении К. Хаусхофера.

ЛИТЕРАТУРА

- Глухов А.А. Перехлест волны. Политическая логика Платона и пост-ницшеанско преодоление платонизма. М. : Издательский дом Высшей школы экономики, 2014. 584 с.
- Дёмин И.В. Метафизика и постметафизическое мышление в зеркале историософии. Самара : Самар. гуманит. академия, 2016. 238 с.
- Малкина С.М. Постметафизические конфигурации онтологии. Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 2015. 268 с.
- Балаклец Н.А. Пространство, тело и власть в концепции А. Лефевра // Диагностика современности : глобальные вызовы – индивидуальные ответы : сб. материалов Всерос. науч. конф. с международным участием. Самара : Самар. гуманит. академия, 2018. С. 129–138.

5. Ebeling F. Die Grenze in der Betrachtung der Geopolitik in Deutschland // Die Grenze: Begriff und Inszenierung. Berlin : Akad. Verl., 1997. S. 73–81.
6. Рукавицын П.М. Концепция континентального блока Карла Хаусхофера // Научно-аналитический журнал Обозреватель – Observer. 2008. № 10 (225). С. 113–122.
7. Куткин В.С. Геополитические идеи Карла Хаусхофера // Гуманитарные науки в XXI веке. 2017. № 39. С. 42–44.
8. Ницше Ф. Сочинения : в 2 т: М. : РИПОЛ КЛАССИК, 1998. Т. 2. 864 с.
9. Исаев И.А. Топос и номос: пространства правопорядков. М. : Норма, 2007. 416 с.
10. Хаусхофер К. Границы в их географическом и политическом значении // Классика geopolитики, XX век. М. : ACT, 2003. С. 227–599.
11. Гегель Г.В.Ф. Лекции по философии истории. СПб. : Наука, 1993. 480 с.
12. Шпенглер О. Закат Европы. Минск : Харвест ; Москва : ACT, 2000. 1376 с.
13. Ницше Ф. Полное собрание сочинений : в 13 т. Т. 4: Так говорил Заратустра. Книга для всех и ни для кого. М. : Культурная революция, 2007. 432 с.
14. Nietzsche F. Gesammelte Werke. Köln : Anaconda Verlag GmbH, 2012.
15. Фаритов В.Т. Феномены границы и трансгрессии в исследованиях Ю.М. Лотмана: онтологические основания семиотической философии // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 434. С. 77–82. DOI: 10.17223/15617793/434/9
16. Шмитт К. Номос земли в праве народов *jus publicum europeum*. СПб. : Владимир Даль, 2008. 670 с.
17. Танатография Эроса: Жорж Батай и французская мысль XX века. СПб. : Мирил, 1994. 346 с.
18. Дёмин И.В. Семиотика истории и герменевтика исторического опыта. Самара : Самарская гуманитарная академия, 2017. 273 с.
19. Юнг К.Г. Психологические типы. М. : Олимп; ACT, 1998. 720 с.
20. Балаклец Н.А. Terra nullius и отношения власти в социальном пространстве // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 396. С. 38–42. DOI: 10.17223/15617793/396/6
21. Аппель Ф. Ницше против демократии. СПб. : Наука, 2016. 287 с.
22. Фаритов В.Т. Н.Я. Данилевский как философ: граница и трансгрессия в истории // Вопросы философии. 2019. № 2. С. 107–117.

Статья представлена научной редакцией «Философия» 3 сентября 2020 г.

The Phenomenon of the Border in the Context of European Post-Metaphysical Philosophy: Karl Haushofer and Friedrich Nietzsche

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 459, 61–67.

DOI: 10.17223/15617793/459/7

Natalya A. Balakleets, Ulyanovsk State Technical University (Ulyanovsk, Russian Federation). E-mail: bnatalja@mail.ru

Vyacheslav T. Faritov, Ulyanovsk State Technical University (Ulyanovsk, Russian Federation). E-mail: vfar@mail.ru

Keywords: philosophy of life; will to power; border; ecstasy; transgression; living space; life forms; Friedrich Nietzsche; Karl Haushofer.

The study is supported by the Russian Foundation for Basic Research, Project No. 19-011-00910.

The article presents a comparative study of the philosophical doctrines of Karl Haushofer and Friedrich Nietzsche. The authors explicate post-metaphysical motives in Haushofer's geopolitical doctrine. They demonstrate that, on the one hand, Haushofer's conception is close to the understanding of life proposed by Nietzsche as the “will to power”, but, on the other hand, the Nietzschean pathos of going beyond established boundaries is unacceptable to Haushofer. The authors substantiate the position that the modern non-classical philosophy of Europe, which has survived and continues to experience the event of the crisis of metaphysics, is more and more confidently characterized as post-metaphysical. If classical metaphysics developed the doctrine of the supersensible principles of being, post-metaphysical philosophy is reoriented from essence to the border. The phenomenon of the border is placed at the center of non-classical philosophical conceptual development and research. The authors show that, in the light of the indicated events and transformations in the philosophical discourse, Haushofer begins to interpret the border as a constitutive moment of the existence of life forms. Moreover, the border itself loses the character of an abstract line, which at best can be represented by a graphic line on the map, and, in a metaphysical perspective, it cannot be represented at all, being a speculative construct. The authors substantiate the thesis that the appearance of all kinds of transgressive phenomena in geopolitics, philosophy and culture should cause a new oncoming movement, aimed no longer at denying, but at establishing and defending borders. The authors draw attention to the fact that, along with enemies and destroyers of the border, Haushofer also has the creator and defender of the border. Haushofer's doctrine, therefore, affirms voluntary self-determination and self-restraint, the desire to find one's own borders and consciously affirm them rather than going beyond one's own borders, self-surmounting. The authors also show that, following Nietzsche's understanding of the border as a zone of struggle between life forms, Haushofer does not share Nietzsche's transgressive pathos. In philosophical terms, Haushofer's conception is focused on self-determination, on the establishment and protection of borders, not on transgression. Thus, the authors come to the conclusion that the Nietzschean pathos of going beyond borders and overcoming borders can be contrasted with the pathos of affirming borders and limitations. Haushofer's studies contain attitudes that anticipate this possible turn toward a philosophy of self-restraint.

REFERENCES

1. Glukhov, A.A. (2014) *Perekhlest volny. Politicheskaya logika Platona i post-nitssheanskoe preodolenie platonizma* [Wave overlap. Plato's political logic and the post-Nietzschean overcoming of Platonism]. Moscow: HSE.
2. Demin, I.V. (2016) *Metafizika i postmetafizicheskoe myshlenie v zerkale istoriosofii* [Metaphysics and post-metaphysical thinking in the mirror of historiosophy]. Samara: Samara gumanit. akademiya.
3. Malkina, S.M. (2015) *Postmetafizicheskie konfiguratsii ontologii* [Post-metaphysical configurations of ontology]. Saratov: Saratov State University.
4. Balakleets, N.A. (2018) [Space, body and power in the concept of A. Lefebvre]. *Diagnostika sovremennosti: global'nye vyzovy – individual'nye otvety* [Diagnostics of the present: Global challenges – individual responses]. Proceedings of the International Conference. Samara: Samara Academy of Humanities. pp. 129–138. (In Russian).
5. Ebeling, F. (1997) Die Grenze in der Betrachtung der Geopolitik in Deutschland. In: *Die Grenze: Begriff und Inszenierung*. Berlin: Akad. Verl. pp. 73–81.

6. Rukavitsyn, P.M. (2008) Kontseptsiya kontinental'nogo bloka Karla Khauskhofera [Karl Haushofer's concept of the continental block]. *Obozrevatel' – Observer*. 10 (225). pp. 113–122.
7. Kutkin, V.S. (2017) Geopoliticheskie idei Karla Khauskhofera [Geopolitical ideas of Karl Haushofer]. *Gumanitarnye nauki v XXI veke*. 39. pp. 42–44.
8. Nietzsche, F. (1998) *Sochineniya: v 2 t.* [Works: In 2 vols]. Translated from German. Vol. 2. Moscow: RIPOL KLASSIK.
9. Isaev, I.A. (2007) *Topos i nomos: prostranstva pravoporyadkov* [Topos and Nomos: Spaces of Rule of Law]. Moscow: Norma.
10. Haushofer, K. (2003) Granitsy v ikh geograficheskom i politicheskem znachenii [Borders in their geographical and political meaning]. Translated from German. In: Korolev, K. (ed.) *Klassika geopolitiki, XX vek* [Classics of geopolitics. 20th century]. Moscow: AST. pp. 227–599.
11. Hegel, G.W.F. (1993) *Lektsii po filosofii istorii* [Lectures on the philosophy of history]. Translated from German. St. Petersburg: Nauka.
12. Spengler, O. (2000) *Zakat Evropy* [The Decline of the West]. Translated from German. Minsk: Kharvest; Moscow: AST.
13. Nietzsche, F. (2007) *Polnoe sobranie sochineniy: v 13 t.* [Complete works: In 13 vols]. Vol. 4. Moscow: Kul'turnaya revolyutsiya.
14. Nietzsche, F. (2012) *Gesammelte Werke*. Köln: Anaconda Verlag GmbH.
15. Faritov, V.T. (2018) Phenomena of border and transgression in Yuri Lotman's research: ontological bases of the semiotic philosophy. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 434. pp. 77–82. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/434/9
16. Schmitt, C. (2008) *Nomos zemli v prave narodov jus publicum europaeum* [The *Nomos of the Earth* in the International Law of *Jus Publicum Europaeum*]. Translated from English. St. Petersburg: Vladimir Dal'.
17. Fokin, S.L. (ed.) (1994) *Tanatografiya Erosa: Zhorzh Batay i frantsuzskaya mysль XX veka* [Thanatalography of Eros: Georges Bataille and the French thought of the twentieth century]. St. Petersburg: Mifril.
18. Demin, I.V. (2017) *Semiotika istorii i germenevtika istoricheskogo opyta* [Semiotics of history and hermeneutics of historical experience]. Samara: Samara Academy of Humanities.
19. Jung, C.G. (1998) *Psikhologicheskie tipy* [Psychological Types]. Translated from English. Moscow: Olimp; AST.
20. Balakleets, N.A. (2015) Terra nullius and power relations in social space. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 396. pp. 38–42. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/396/6
21. Appel, F. (2016) *Nitsshe protiv demokrati* [Nietzsche contra democracy]. Translated from English. St. Petersburg: Nauka.
22. Faritov, V.T. (2019) N.Ya. Danilevsky as philosopher: Border and transgression in the history. *Voprosy filosofii – Problems of Philosophy*. 2. pp. 107–117. (In Russian). DOI: 10.31857/S004287440003878-0

Received: 03 September 2020

ФИЛОСОФИЯ КАК МОДЕЛЬ ДИАЛОГА: КОНЦЕПТ «СМЕРТИ ОТЦА» В КОННОТАЦИЯХ СОВРЕМЕННОЙ ГУМАНИТАРИСТИКИ

На основании семиотических, феноменологических и герменевтических стратегий рассматривается психоаналитический концепт «смерти Отца» как код для обозначения кризиса глобализма в экономическом, психологическом и эстетическом аспектах. В качестве альтернативы глобальной гегемонии предлагается философская модель «возвращения Отца» – возрождения традиционализма в контексте этического универсализма на основании согласования единства человечества и многообразия его цивилизационных кодов в диалоге.

Ключевые слова: философия; диалог; Отец; универсализм; традиционализм; глобализм; нехватка; гегемония; феноменология; герменевтика.

Современная философия и современное общество оказались по мере нарастания кризиса неолиберализма, который во время пандемии проступает все явственнее, в ситуации постмодерной пустоты. Почему эта пустота репрессивна? Почему ризома, которая, на первый взгляд, предоставляет человеку выбор из множества моделей поведения, как сетевого, так и offline, является еще одной, новой формой тотальности – не менее жесткой, чем предыдущие, но гораздо более коварной, потому что либеральная цензура – не структурирована, и мы не имеем слов для описания собственной несвободы? Мы продолжаем зависеть от политики, не называющей себя так, но претендующей на «аполитичность». Мы находимся в ядре порядка власти, воспроизводящегося за счет стилизации себя под контркультуру и ритуального самоуничижения. Мы охотно продолжаем критиковать за «тоталитарность» и «нарушение прав человека» отошедшие в прошлое «консервативные» гегемонии, не замечая, что посредством их критики пролагает себе путь новая контргегемония – либеральная.

Итак, почему позиция, которая декларирует себя как «голос свободы», является на самом деле инструментом контроля? Ответить на этот непростой вопрос можно сразу с трех точек зрения: экономической, психоаналитической и эстетической. Экономический ответ дает марксист Ален Бадью, психоаналитический – лаканист Славой Жижек, а эстетический – этик и феноменолог Бенно Хюбнер, продолжая традиции школы Жана Бодрийара. Ален Бадью объясняет несвободность ризомы тем, что она представляет собой лишь иллюзию множественности идентичностей, за которой скрывается универсализм рынка [1. С. 50]. Глобальный свободный рынок покупает и продает их в рамках нишевого маркетинга, стремясь разделить свою целевую аудиторию на удобные для продвижения транснационального капитала символические пакеты. За «мягкой» надстройкой соблазна (*soft forse*), как кровь – за помадой в кинописьме Дэвида Линча, проступает жесткий базис принуждения (*hard forse*). За видимой неэквивалентностью скрывается невидимая эквивалентность, экстерриториальность требует ретерриториализации, динамика циркуляции денег требует статики разделенных риторикой отличий и противопоставленных друг другу атомарных индивидов и референтных групп («правые» и «левые», «феминистки» и «патриархалы», «либералы» и «консерваторы»

и т.д.). Так кажущийся плюрализм оборачивается к нам своей второй стороной – монизмом.

Не менее интересный ответ предоставляет Славой Жижек, размышляя о дигитальном контроле сетевого общества как о скрытом в недрах ризомы ядре гегемонии. В условиях утраты символических авторитетов прошлого, известной у Ж. Лакана как «смерть Отца» [2], человек сталкивается с собственным бессознательным и начинает испытывать кризис идентичности, поскольку имеет дело не просто с множеством голосов, дающих ему разноречивые сообщения, но и с тем, что эти голоса являются агентами его внутренних идентификаций (ретит а). Между тем либерал-демократия требует от человека выбрать всего один голос из хора (одну невесту на ярмарке невест, одного президента на выборах и т.д.) [3]. Будучи не всегда способным к самоцензуре, которая тоже является формой добровольного насилия, человек переносит свое право выбора на «заместителя», извращенную копию Отца, в роли которой зачастую выступает машина, т.е. концентрат цифрового капитализма. Так, сквозь изменчивую, рыхлую, горизонтальную текучесть мультикультурных, сетевых и креативных практик четко проступает вертикальная фигура контроля. За каждым роением молекулярных модулей информации скрывается координирующий его невидимый верхний хаб. И это – не правопопулистская «конспирология», а объективные законы развития транснационального капитала. Именно это и имел в виду критик постмодерна Ю. Хабермас [4], когда говорил о том, что либерал-демократия, поддерживаемая постмодернистами, не сочетается с поддерживаемой ими же идеей индивидуальности.

Экономическое объяснение А. Бадью и психоаналитическое объяснение С. Жижека фиксируют необходимость диалога марксизма и фрейдизма в XXI в. вокруг понятия «психическая экономика» как воплощения интровертированного базиса (консьюмеристского желания). Обе трактовки сходятся в эстетической концепции трансгрессии чувствования, о которой писали М. Фуко, Ж. Делёз, Ж. Бодрийяр и, более всего, Б. Хюбнер, размышляя о (транс)эстетике как принудительном эстетическом начале [5], которое распространяется на все сферы жизни – экономику, политику, культуру, помещая человека в новое пространство зависимости. Закон (Отец), который в классическом дисциплинарном эдипальном обществе та-

буировал желание, выступающее в роли Другого для «Я», одновременно указывал на объект желания, что способствовало перенесению желания изнутри вовне, из приватной сферы будуара де Сада в публичную сферу рекламного бренда. Все табу пали после «смерти Отца», желание отныне никто не ограничивает, более того, будучи эмансипированным, оно само превращается в детерминанту человеческого поведения, в соблазнительную и одновременно мучительную силу («машину желаний»).

Человек, который призван был служить этическому Другому как религиозному Ближнему (Отцу), отныне определяется в коннотациях Другого как либерального ироника, которым он обязан наслаждаться. Человек добровольно подчиняется «машине желаний», «влюблив» ту идеологию, которую он не выбирает. Концентратом такого добровольно-принудительного наслаждения является эстетическое начало, из которого искусственно изымается символическое качество – способность искусства, например, быть посредником между формой и содержанием, знаком и значением, личными переживаниями («что я чувствую?») и сущность вещей («кто я есть?»). Искусство, переведенное из синтагмы бытия в парадигму существования, постмодернное искусство инсталляции и перформанса, стало образцом, перенесенным на все сферы «машины желаний» («экономика переживания», политика идентичностей, культура как креативные индустрии и т.д.). Любое значение теперь рождается в «экстазе коммуникации» как сообщение, подчиненное формальным правилам дискурса, т.е. мифологическая история, тренд, бренд, имидж, симулякр. При этом, в отличие от представителей современного теоретического психоанализа, социальные феноменологии не связывают симулякры с бессознательным, относя их к воображаемым сценариям, и питаю классическую для либеральной мысли надежду на то, что машина не сможет подчинить человека иначе, чем через соблазн, поскольку несовершенный человек не способен создать совершенный механизм технократического контроля.

Сетевое общество символического капитализма заставляет сомневаться в этой надежде и понимать, что «мягкая сила» (soft force) никогда не останется только «мягкой», но будет соединена с «жесткой силой» принуждения (hard force) и «умной» силой внушения, что «иного пути не существует» (smart force). В результате мы предстаем в ситуации воображаемого выбора между «консерватизмом» и «либерал-демократией»: патрональным обществом принудительного служения Другому и постмодерным обществом «смерти Отца» с его требованием наслаждения Другим. Отказ от этого выбора в нашем случае станет проявлением «большого отказа» у Г. Маркузе [6], «радикального разрыва» с оппозициями и внешним расположением у А. Бадью [7], «верой без Бога» у П. Тиллиха [8], т.е. мужеством бытия философа, лишенного надежды на чудо, но отказывающегося принимать навязанный выбор. Мы видим третью альтернативу между служением и наслаждением, консервативным и либеральным началами в пути критического универсализма, когда отношения с Другим строятся

не на основании садомазохистической зависимости и не на основании либеральной иронии, которая есть превращенная форма этой зависимости, а на основании заботы.

Вместо бессознательного слияния (вульгарный модерн) и осознания отличия, которое превращается в господствующую парадигму (вульгарный постмодерн) мы предлагаем осознанное слияние как заботу. Забота есть осознание Другого в его нехватке (смертности, уязвимости) и слияние с этой нехваткой своей нехватки. Слияние двух нехваток дает нам любовь как чудо взаимности, осуществляющееся вне цепочки обозначающих, вне Символического, вне ризомы, по ту сторону царства убеждений и идентичностей. Если в поле универсализма включается традиция, то традиционализм переживается не как отношения Господина и Раба (раболепие перед традицией), а как превращения Отца в Сына, а традиции – во внутреннюю часть чувствующего ее и мыслящего ее субъекта, в неотъемлемое субстанциональное ядро его самости, выраженное в языке. Не служить Другому (патронализм) и не наслаждаться им (постмодерн), а просто любить Другого. Традиция, попав в состояние любви, оживает и вступает в диалог с другими традициями, но именно в диалог в его изначальном значении взаимного проникновения логосов (*dialogos*), а не по правилам мультикультурной дистанции и иронической игры. Возвращение в традицию, пройдя искушение радикальным разрывом, носит характер осознанного возвращения, не имеющего ничего общего с политической интерpellацией или сексуальной первверзий. Это и есть «произвольный этос» Б. Хюбнера как осознанный выбор метафизической позиции и альтернатива принудительной эстетике. Отец воскресает в качестве Сына, а не в качестве Господина.

Нам кажется, что именно этот момент и не учел постмодернизм, когда, желая изъять индивидуальность из тисков структуры, полностью ее потерял в мозаике цитаций («смерть автора»), доведя человека до кризиса метафизической идентичности, отчуждения, скуки, зияния и нового вхождения в идеологию. Желая спасти Другого (например, Восток – от вестернизации), постмодернизм потерял и его, создав имиджевый симулятивный образ Другого как экзот рынка. Отсюда – трагедия отличия постмодернистской теории, развиваемой молодыми сторонниками К. Маркса в Сорbonne в 1960–1970-е гг. на основании экзегетических практик средневековой герменевтики, и постмодерной практики, выраженной в политике «машины желаний». Превращение молодых постмодернистов в героев рынка (креативные элиты) нивелировало их протестный потенциал и привело к кризису постиндустриального общества, где традиция уже давно не ассоциируется с властью, а либерал-демократия – со свободой: они давно поменялись местами, причем представители постмодерна продолжают зачастую по инерции воспроизводить ретроспективную модель поведения.

Рассуждая о проблеме «постмодерн умер» и о поиске альтернативы, мы приходим к изначальному пониманию философии как диалога и диалога как философии, сближая понятия *«philia sophia»* и *«dialogos»* в

образе жизни, который античные греки называли «*bios theoretikus*» («теоретическое существование»). Речь идет о возможности описания спонтанно-смысовых структур сознания посредством самого сознания, т.е. об интенциональности, обозначающей смысловую направленность сознания на предмет, который раскрывает свой смысл без отсылки к причинно-следственным и пространственно-временным связям с другими предметами, т.е. раскрывает его в качестве идеального значения, не имеющего ни эмоционально-психического, ни предметного статуса. Античный стиль мышления не имел ничего общего с позитивизмом, поскольку, в отличие от пути мысли, свойственного для Нового времени, не обращался напрямую к натурализму и верификации, свойственным естественным наукам, не проверял гипотезу практикой и не утверждал природную зависимость психического начала от физического. Этим он отличается от модерных направлений: бихевиоризма, структурализма, социал-дарвинизма, которые представляют собой союз гуманитарных и естественных наук, уподобляя социокультурные реалии биологическим. Также античный путь мысли в корне отличался от средневекового дискурса, имеющего благодаря своей экзегетичности, символичности и интертекстуальности немало общего с герменевтикой, семиотикой, ранним постмодернизмом и классическим постструктурализмом, ставящими во главу угла текст, которому уподобляется бытие. Речь шла о чистом Логосе, противопоставившем себя Природе, с одной стороны, и Письму, с другой – Логосе, который долгое время считался концентратом подлинно философского бытия, согласованного с ним.

Но этот образ жизни потерпел крушение дважды. В первый раз – в античные времена, во время появления логики христианства, которая опровергла эллинскую «мудрость» при помощи идеи разрыва – противопоставления радикального экзистенциального состояния веры логике доказательств и логике космоса, которая объявлялась тотальной, репрессивной, детерминирующей человека дискурсом власти, гладкостью сшитой речи ритора, основанной на умозаключениях. Вера не нуждается в доказательствах как в правилах целесообразности космоса: она выходит за пределы телеологии. Вера не нуждается в знамениях как в исключениях из правил логики, подтверждающих эти правила: она сама рождает чудо. Вера выходит за пределы разумной целесообразности античной формулы тотального мира, детерминированного законами фатума, закрытого и непроницаемого, как шар. Она представляет собой трансцендентальный прорыв субъективности за пределы детерминации, принудительной гармонии разумно согласованных вещей и имен.

Второй раз античный образ жизни подвергся существенной реанимации в трансцендентализме Э. Гуссерля, который, стремясь обрести сущность вещей, предлагал stoически отказываться от наивных оценочных суждений, основанных на натурализации духа, и переходить к самосущему духу. Это означало субъектизацию суждения, основанного на *Lebenswelt* (нем. «жизненном мире») – мире дотеоретического

опыта, включающего в себя спонтанно-хаотическую сферу мыслей, эмоций, чувств, переживаний, мифов, предрассудков, созерцаний, стереотипов, значений, ценностей, предшествующих научному обобщению. Любой ученый рождается в своем «жизненном мире», и этот факт делает его доктрину не «объективной», лишенной права на заявление о себе как об абсолютном разуме. Но именно через концепт *Lebenswelt* мы подходим к главному противоречию феноменологии: с одной стороны, феноменолог должен удерживаться от высказываний об объективном мире «как он есть» («наивно»), откладывать в сторону свои личные чувства и отказываться от оценочных суждений (*epochē*). Вроде бы он становится на позицию «чистого созерцателя», который избегает вопросов о сверхценностях и сверхсущностях (метанаративах), описывая смыслы. С другой стороны, именно во время описания смыслов, феноменолог не может быть абсолютно непредубежденным, бесстрастным и нейтральным, поскольку среди смыслов, которыми он занимается, могут быть его собственные ценностные убеждения, абстрагироваться от которых он не в состоянии, поскольку между ученым как субъектом идеологии и ученым как «телом» существует альтюссеровский разрыв, который то и дело подвергается лакановской символической сшивке во имя избегания состояния легитимированной шизофrenии.

Значит, феноменолог вынужден перейти от описания смыслов к описанию внешних форм опыта и раствориться в иллюстративности конкретных фактов эмпирической реальности, рискуя потерять глубину и превратиться в «культуроведа» от науки. На уровне социальных практик это обозначает продвижение классической феноменологии в дискурс политического постмодерна, не имеющего ничего общего с чистым смыслом, в плюрализм, релятивизм, мультикультурализм, в риторику отличий и политику символовических идентичностей, непрерывно «содержающихся» в «толерантности» отчужденных атомарных индивидов. Либо же феноменолог должен позволить себе испытывать эмпатию (эмоции, сочувствие) к описываемым им семантическим структурам сознания, пытаясь в своем воображении и представлении ограничивать рефлексию, сопреживать мотивам описываемых им поступков людей, но не самим поступкам, непрерывно отслеживать, ведя личные дневники, влияние этих мотивов и поступков на собственное мировоззрение. Иными словами, он должен стать психоаналитиком, дополнив феноменологическое описание герменевтикой, деконструкциями и процедурами «расшивки», применяемыми к себе же.

Психологизация феноменологии, равно, как и ее политизация, – это два противоречия, делающие невозможными «чистую» философию в идеологическом мире, где выход из символического порядка невозможен и едва ли нужен, учитывая воображаемый характер «пустоты». Имеет значение не сам разрыв, не «свобода от» как автономное состояние, а дальнейшее конструктивное его использование («свобода для»), перестройка и перепрошивка субъектности для реализации сознательного выбора как произвольного этоса – избириания субъектом системы ценностей, соот-

ветствующей его самости. На этом основаны радикальные процедуры истины – жесты возвращения вещам имен у Конфуция и поиска адекватных названий для событий у А. Бадью, которые он провозгласил вершиной философского некабинетного мужества, но даже эти эпистемологические стратегии не снимают опасности объективации. Сам Э. Гуссерль, который восхищался древнегреческим образом жизни философа, считая его автономным царством духа, приводящим к универсальной превращающей практике [9], не учел трагедии номинации вакуума в символической структуре: любой творческий акт философа может быть искажен его практическими интерпретаторами, приводя к трагедии террора, если интенция духа получит неверную сигнификацию. На этом основана «трагедия творчества» у Н.А. Бердяева [10. С. 54]. В конце концов, номинация, или, говоря языком Ж. Деррида, «центрация», постигла и самого Э. Гуссерля, чей метонимический идеализм получил упрощенное толкование в сугубо иллюстративных, описательных практиках плурализма и релятивизма. Имеем, на первый взгляд, замкнутый герменевтический круг: философия не может оставаться чисто академической, потому что не удерживается в состоянии «нейтральности» и не может выходить в культурную и социальную практику, где она уже изначально не нейтральна и используется внешними силами мира.

Чтобы уйти от практики, мы погружаемся в чистую теорию, где и сталкиваемся со скрытой практикой. Избегая идеологии, мы становимся идеологическими. Желая объективности, учета погрешностей своего сознания при осуществлении процедур познания мира, мы становимся скрытно субъективными, описывая чужой опыт. Избегая тотальности через Иное, мы становимся слишком иными, totally totally. Так, может быть, дело не в уходе от практики, а в новом возвращении к ней? Возвращении не ради подчинения и приспособления, а ради сопротивления и преобразования? Возвращение к тому же самому, слишком тому же самому, в ситуации, когда иное не сыграло своей освободительной роли, – это возвращение не к тотальности, а к тождественности, солидарности и любви. Мужество философа – это мужество, в первую очередь, открытой по отношению к миру, «нагой» субъективности. Не игнорирование субъективности, как в наивном объективизме, и не отказ от собственных оценочных суждений при ее учете, как в классической феноменологии, а артикуляция субъекта. Учитывать свою субъективность, но при этом не бояться исходящих от нее ценностных суждений – таков нам видится выход из тупика. Поэтому мы предпочитаем акцентировать внимание не на феноменологическом воздержании от ценностных суждений (*ерофе*), а на актуализации «Софии» (мудрости) как высшей ценности, которая делает философа осознанно «предубеждённым», не боящимся артикулировать свою субъективность в «общих» рассуждениях. С точки зрения психоанализа чем «аполитичнее» («нейтральнее») субъект, тем он политичнее: декларируя «вне-находимость» (М.М. Бахтин) по отношению к идеологии, он пребывает в ядре фантазма [11]. С другой стороны, осознанное пропускание скан-

занного сквозь собственный внутренний мир – это и есть то, о чем мечтали Э. Гуссерль, В.М. Межуев, В.С. Стёpin, говоря о смещении внимания от предметов к сознанию, о перенесении рефлексии на ценности.

Личная экзистенциальная история как метод «несокрытия» в науке рождается там, где феноменология, испытывая сочувствие к описываемым смыслам сознания, этизируется и становится герменевтикой, допуская в феноменологическое описание эмпатию интерпретации, а герменевтика, универсализируя текст на все бытие, становится феноменологией (философской герменевтикой). Данная встреча осуществляется в метафорическом реализме М. Хайдеггера, в его *Dasein*, определяя существование философа как существование поэта в «доме бытия» [12], на пересечении сознания и языка, «Я» и Другого, метафоры и метонимии, парадигмы субъективных значений и синтагмы объективных знаков. Только на пересечении вертикальной внутренней оси и горизонтальной внешней оси (Р. Якобсон) [13] возможно достижение гармонии как некой нулевой фонемы, или, говоря языком семиотики, «бессмысленной непарности», «имени Бога».

В этой точке снимается не только конфликт личного и коллективного, модерна и постмодерна, но также философии и искусства, потому что все личное, наболевшее, обсценное, дионасийское (Ф. Ницше) [14] или, говоря языком Б.Л. Пастернака, «кровное, дымящееся и неостывшее вытеснялось из стихотворений, и вместо кровоточащего и болезненстворного в них появлялась умиротворенная широта, подымавшая частный случай до общности всем знакомого» [15. С. 457]. Иными словами, субъективный порыв Я обретает «успокоение» в объективных нормах культуры, культурных универсалиях и цивилизационных кодах (аполлоновском). План содержания и план выражения приходят в равновесие в истинном событии экзистенции, которое преодолевает травму объективации, переведения бессознательного («невысказанного» у Л. Витгенштейна) [16] на язык культуры, Реального – в Символическое. Речь идет о том особом диалоге инновации и традиции, когда все новое сохраняет диалектическую связь с символическим порядком культуры, омолаживая его и становясь его достоянием, а все старое не является «старым» в значении внешней силы ограничения «наследием», а переживается как свое, родное, вечно новое и свежее. Вспомним знаменитое высказывание Оиспа Мандельштама из статьи «Слово и культура»: «Часто приходится слышать: это хорошо, но это вчерашний день. А я говорю: Вчерашний день еще не родился. Его еще не было по-настоящему. Я хочу снова Овидия, Пушкина, Катулла, и меня не удовлетворяет исторический Овидий, Пушкин Катулл» [17. С. 192–193].

Уподобление философии поэзии, точнее восприятие философии как поэзии, приводит нас к снятию ценности прогресса как доминанты вертикали с философского процесса, где, по словам В.С. Библера, нет «истории философии», позитивного накопления и воспроизведения знаний, позволяющего «ранжировать» эпохи по значимости [18]. А есть равнозначные и равноправные голоса в общей полифонии («трагедии

трагедий»), чьи отличия оказываются значимыми и одновременно несущественными перед лицом универсальных вопросов человечества («проклятых вопросов», или «детских вопросов»). Что такое время? Что такое число? Что такое пространство? Эти и другие вопросы объединяют классиков и постклассиков, гуманистов и позитивистов, модернистов и постмодернистов. Смешая значения от диахронии к синхронии, диалог как философско-поэтическая встреча демонстрирует принципиальное отличие от мультикультурализма как «квазивстречи», встречи-невстречи, происходящей в ситуации, упомянутой нами в самом начале, – в ситуации «смерти Отца», которую мы предлагаем рассмотреть подробнее, чтобы понять скрытые пружины постмодерного насилия.

«Смерть Отца» – ключевое понятие психоанализа, известное по знаменитой трактовке Жаком Лаканом романа «Братья Карамазовы» и ряда других текстов Ф.М. Достоевского, когда французский философ иронично выворачивает знаменитый нарратив от русской классики к Ницше, выявляя изнанку: «...из фразы старика Карамазова: «*Если Бога нет, то все дозволено*», следует в контексте нашего опыта, что ответом на фразу «*Бог умер*» служит, наоборот, вывод: «*Не дозволено ничего*» (здесь и далее в цитатах курсив мой. – Е.Б.) » [2]. На первый взгляд, «смерть Отца» – любимого патриархального героя З. Фрейда, сосредоточенного на комплексе отцеубийства, – это тотальная пустота, говоря языком Г.В.Ф. Гегеля, «абсолютная свобода и ужас» [19] – утрата символического авторитета. Человек теряет центральную фигуру, которая награждает и наказывает, раздавая обозначающие, определяя идентичность путем чередования «кнута» и «пряника». Какое же следствие мы предполагаем из кастрации Символического? На первый взгляд, наступление царства либеральной иронии, симулятивного существования равнодушных других среди таких же равнодушных других, спонтанный постмодерный хаос атомарных индивидов, изменчивость и текучесть «жидкой» современности. Либеральный ироник не несет нехватки и не нуждается в Другом, сталкиваясь с таким же либеральным ироником, когда никому ни до кого нет дела: имеет место только дистанцирование многочисленных автономных личных пространств по церемониальным правилам толерантности. Но становится ли субъект от этого свободнее? Вспомним С. Жижека: «*Субъект обвиняет Другого за свою нехватку/бессилие так, будто этот Другой виноват, что его не существует*» [20. С. 449]. Либеральное равнодушие западного общества к странам, которые посредством цветных революций хотели бы стать его частью, превосходно иллюстрирует эту проблему.

Современная судьба бывших советских обществ Восточной Европы показала, что вседозволенность оборачивается новым рабством – зависимостью от своего эгоистического желания и от рынка. Отказ от патрональных отношений классических тоталитарных обществ, где связь Отца с детьми строилась на бессознательном слиянии нехваток в единое пенитенциарное целое, не принесла никакой радости эманципации. Пребывая в состоянии забвения памяти, субъект

столкнулся с небывалым (и непосильным для него) кризисом идентичности вследствие встречи с собственным бессознательным: исчез тот, в коннотациях которого он был бы способен самоопределиться. И вот тогда сквозь абсолютный нигилизм постмодерной пустоты, сквозь всю эту жидкость мерцающего экрана явственно простило нечто твердое и жесткое, неожиданно структурированное и угнетающее – фигура первородного Отца, извращенного отца фашизма, пришедшего на смену мертвому Отцу либерализма. Как так случилось, что убийство дракона породило тысячи других, мелких драконов, из коих прокипел потом один, наиболее непристойный его вариант?

Нехватка обозначающих сталкивает субъекта с бездной, куда он боится заглянуть. Стремясь защищаться, субъект приступает к самоцензуре, рождая общество горизонтального контроля, социум всеобщего вуайеризма. А если субъект не способен контролировать сам себя, он возлагает свою функцию на многочисленных заместителей отца – воображаемых собеседников в сети, которые являются проекциями его вырвавшихся наружу желаний, фантазмическими фигурами petit a. Их голоса создают нестерпимый информационный шум, непрерывные короткие замыкания в ситуации плюрализма, который превращается в нигилизм вследствие осознания относительности и контекстуальности множественных истин. Таким образом, человек теряет Отца не один раз: например, после падения традиционных патрональных обществ в историческом макромасштабе, при переведении себя на работу из конторы домой в конкретной ситуации фриланса или карантина, при столкновении с отсутствием спасительного графика офиса как «плана над хаосом» (Жиль Делез) [21. С. 18], в ситуации безвыходной онтологической скуки наедине с собой, дома, в страхе перед досугом, перед избытком свободного времени, о котором писал Б. Хюбнер. Человек еще раз переживает смерть Отца в интернете, которым он пытается заполнить досуг, компенсируя пустоту виртуальностью, но страницы социальных сетей, где люди добровольно размещают личную информацию о себе и спорят, вновь и вновь обнажают перед ним его непристойное Реальное, перекодированное и оцифрованное, как перформанс, на экране [22]. В самом деле, разве можно смерть победить смертью?

Угроза потери целостности и самотождественности заставляет человека собственную травму превращать в некий перформанс «тирании покаяния» (П. Брюкнер) [23], когда сама идея жертвы становится господствующей парадигмой, что превосходно заметно на примере политики рекламной памяти в пересмотре результатов Второй мировой войны: сталинизм и гитлеризм, личина и террор, событие и история, вещь и имя, оригинал и подлинное, значение и знак, агрессор и жертва смешиваются в стихийном темпоральном потоке ассоциаций, не вызывая чувства победы и тем самым угнетая, приводя людей в странах Европы в состояние смущения и заставляя их мечтаться между естественным этическим стыдом, страхом перед реанимацией нацизма, и либеральной пропагандой русофобии, запрещающей чествовать СССР и коммунистическое Сопротивление как победителей

национализма. Поощрение антигуманистических идентичностей, исходящее из тезиса политики отличий «Каждый наслаждается по-своему», приводит к невинной, на первый взгляд, знаковой толерации зла, превращая пустоту из травмы в культ. Либеральная идеология воспроизводит себя посредством ритуального самоотрицания, что делает ее еще более опасной и способствует эскалации насилия путем присоединения к либерализму гораздо более жестких вариантов зависимости: радикального национализма, религиозного фундаментализма, сетевого и реального фашизма и т.д.

Ярчайшим образцом смерти Отца является *медиапаника*, которая сопровождает катастрофу. Сталкивается ли человек с пандемией, или с горением Собора Парижской Богоматери, обстрелами ли мирного населения на войне или гибелью «Титаника», он сталкивается с собственным бессознательным. Совпадение его тайных танатологических желаний, которые он символически кодировал в сюжетах фильмов-катастроф, с реальными трагедиями создает эффект болезненного ощущения дежавю: «*Я видел это, я хотел этого, я сmakовал это, теперь это коснулось меня*». Феномены гиперболизации и / или игнорирования опасности в таких случаях в равной степени являются проявлениями символической сшивки – перенесения на Другого определенных свойств личного бессознательного: активности (интерактивность) или пассивности (интерпассивность) [24. С. 30–40]. Желая избавиться от травмы, человек осуществляет перенос на Другого либо своей активности (*права действовать*), и тогда он абсолютно пассивен в ситуации катастрофы или даже отрицает ее, полагая, что кто-то «решит все за него» (найдет вакцину, восстановит здание, накажет военных преступников и т.д.).

Либо же на Другого переносится наиболее глубинное качество человека – пассивность, право страдать, молиться и оплакивать, и тогда человек невротически активен, подобно собеседнику, во что бы то ни стало стремящемуся заполнить паузы в важном разговоре, то и дело прерывающемя молчанием, неуместным смехом или суетливым многословием. Такой субъект преувеличивает масштаб катастрофы. Гиперболизация и отрицание как симптомы медиапаники предстают проявлениями обсессивного невроза в условиях смерти Отца. Невротик использует один из двух методов самоцензуры: классическую (замена правды ложью, Реального – Воображаемым) в случае интерактивного отрицания и неклассическую (перекодировка правды в постправду, выполнение Реальным функций воображаемой истории через Символическое) в случае интерпассивного преувеличения. С точки зрения психоанализа в первом случае мы имеем дело с так называемым закрытым швом (симптомом): «спотыкающейся» ложной историей, неловкой попыткой скрыть рану, которая указывает на рану. Во втором случае имеем дело с так называемым открытым швом [25]: абсолютно сшитой речью, слаженной постправдвойной историей, легитимирующей правду желания, с попыткой расчесать рану, превратив этот процесс в зрелище. Но самое страшное состоит не в панике и не в плюрализме, а в том, что плюрализм неизменно скрывает дуальное, «черно-белое» препресси-

тивное начало, скрытое за кажущейся пестротой, о котором удачно говорит С. Жижек в «Киногиде извращенца» на примере фильма «Они живут» [26].

Акцентируя невидимый центр контроля как скрытое ядро гегемонии в либерал-демократии, позволяющее человеку выбрать один голос, мы не можем не отметить всю степень скептицизма философов и психоаналитиков относительно рациональности контроля, осуществляющего и имеющего намерение осуществляться в гиперглобализме. Ведь машина берет на себя функции не просто сшивки, а двойной «сшивки»: во-первых, упорядочивания желаний человека в воображаемые сценарии и, во-вторых, выбора из множества сценариев самого «правильного», необходимого для поддержки власти. В Массачусетском технологическом институте была изобретена портативная гарнитура AlterEgo – нейронный интерфейс, который контролирует как сами желания, так и наши воспоминания о них, как чувства, так и мысли с сомнениями, улавливая и передавая мельчайшие сигналы, идущие от мозга к губам при мышлении вслух и оцифровывая их в письменную или устную форму. Речь идет именно о фашистской «личине» (Ален Бадью) [27], которая и является агентом осуществления двойного контроля. Речь идет о холодном технократическом поведении палача-антисемита, который, осуществляя насилие, не испытывает эмоций к жертве, не несет нехватки, не проявляет слабости, свойственной для экстатического зла в этноархаических культурах «варваров» (Теодор Адорно) [28. С. 118]. Выбирая за нас, машина остается холодной и спокойной. Выбирая за нас, машина лишает нас возможности не только безнаказанно тешить свои желания в будущем, как это было в приватных зонах «общества театра», но и играть своими желаниями, как брендами: она сама назначает один господствующий бренд. Имеем дело с гиперглобализмом, простирающим из мультикультурализма, – с вертикальным контролем, рожденным из цветистых креативных практик постиндустриального общества, из всей этой множественности, текучести и хаотичной изменчивости. На смену либеральному иронику приходит первверзивный дигитальный Отец. Машина является концентратом массовой смерти человечества [3]. Смерти холодной и безликой, идеально выраженной в кубистических построениях Мемориала жертвам Холокоста в Берлине.

Если же машина становится интерсубъективной, то мысли и чувства одного человека приобретают возможность мгновенно, без спасительной прослойки церемоний, передаваться другому человеку. Но это не приводит к соборности, к формированию духовного единства: ведь солидарность – всегда добровольна и основана на доверии и привязанности. Это приводит к упразднению всех воображаемых институтов либерал-демократии: культуры ухаживания в отношениях между мужчиной и женщиной, очарования флирта и эроса, уличной вежливости, дипломатических церемоний, избирательного права и т.д. С одной стороны, машина по-своему честна: она срывает покровы лжи с иллюзорных механизмов регулирования «приличных» отношений, учрежденных обществом «благопристойности». С другой стороны, машину не интересует самость человека, реализация

глубинных ядер его бессознательного, связанных с любовью, познанием, интуицией и творчеством. Ее интересует только обеспечение подчинения.

Поэтому Реальное (бессознательное) успевает только промелькнуть, как некая интимная зона, при мгновенном принудительном переведении его в Символическое. Плоть человека, его тело, неожиданно приобретшее громоздкость, и дух человека, который борется с этой плотью или подчиняется ее зову, становятся одинаково не нужны. Если в традиционном патрональном обществе Эдипа тело, будучи метафорой души, подавлялось ради культивирования высоких чувств, в неклассическом анти-эдипальном обществе тело, будучи метафорой плоти, возносилось на пьедестал, то в обществе гиперконтроля тело – лишний элемент, блуждающий избыток, шлейф-вещь, совершенно бесполезная в цифровом мире [29]. Любовь определяется не телом и не душой, а цифрой, которая, в свою очередь, является кодом бессознательного (знаком желания, фантазмом). Это удаляет из программы нового мира самого человека – одновременно слабого и сильного, непристойного и прекрасного, человека как экзистенцию и бесмысленную непарность, человека как «тварь дрожащую» и носителя искры Божьей во всей его милой глупости и во всем его величайшем подвиге бессмертия. Новый Левиафан – таков конец либерализма.

В свете возвращения к истокам философии как к диалогу, способному спасти от постмодерной репрессивной кибернетической пустоты, огромное значение имеет проблема традиции, выражаемая нами через сложные взаимоотношения двух психоаналитических героев – Отцом и Сыном. С точки зрения семиотики Отец и Сын – это две культурные фигуры в динамике диалога, одна из которых (Отец, донор) отдает ценности и тексты, а другая (реципиент, Сын) их усваивает. Отношения между Отцом и Сыном (человеком и традицией) очень часто ошибочно приравнивают к отношениям Господина и Раба, к некой садомазохистской патрональной зависимости. Но их отношения далеки от слепого послушания. Конечно же, Отец отдает приказы, а Сын исполняет их, но авторитет здесь не теряет живой первоначальной силы, которая может наблюдать лишь на первобытной стадии Золотого века в филогенезе и в раннем детстве в онтогенезе. Отец – источник ослепительного света и податель животворной силы. Гармония отношений с Отцом держится на незнании, на бессознательном слиянии нехваток (по Ж. Лакану – прямой спайке между Реальным и Символическим, бессознательным и сверхсознательным) [30]. Оргиастическое первоединство является безусловным невинным счастьем эмбриона и матки, родоплеменной слепотой традиции, которую субъект не выбирает, поскольку интерпелирован в нее с рождения. Так были устроены все традиционные мифоритуальные общества, к которым всегда ностальгически стремились вернуться консерватизм и традиционализм в своей позитивной онтологии «утраченного истока», «дома бытия», «золотого века» (М. Элиаде) [31], забывая о безвозвратной единичности события (М. Кундера) [32] в своей тавтологически замкнутой циклической тоске.

Первоединство нарушается по мере взросления Сына, который вступает в «трудный» подростковый возраст (появления логического мышления) и начинает «бунт против центра культурного ареала» (Ю.М. Лотман) [33. С. 228]. Если в роли Сына выступает культура-реципиент, она еще не обладает достаточными ресурсами для самоутверждения над донором, растущего из комплекса неполноценности, из осознания травмы как собственного отличия. В таком случае самоутверждение основывается на заимствованных у донора ресурсах и ценностях (от априоризации языков и культурных стилей в диалоге цивилизаций до банального похищения денег из отцовского кошелька в семье). При этом решающую роль в разъединении Я и Другого играет весьма опасная фигура – некий Третий, который в данной ситуации является агентом релятивации, потому что вносит отличие: фрагментируя целостность идентичности Сына, он пытается показать Сыну его нетождественность с Отцом. В роли пассивного Третьего может выступать общее духовное наследие, за которое реципиент сражается с донором, присваивая себе отцовские черты: древнее происхождение, избранность (например, борьба за общее христианское наследие Рима, Константинополя, Киева и Москвы в позиционном счете «городов-невест»: «первый Рим», «второй Рим», «третий Рим»). Активным же Третьим может быть провокатор (трикстер, тригер), проникший в отношения между Я и Другим с целью их разъединения (например, западная культура как «мягкая сила» влияния через стилевой и экономический соблазн – джинсами, дисками, жевательными резинками, либеральной пропагандой радио «Свобода» – в отношениях между номенклатурной верхушкой СССР и широкими слоями населения).

Поиск травматического ядра в идентичности Сына не приводит к эмансиpации, хотя и нарушает тотальность его связи с Отцом. Фрагментация не освобождает, а помещает Сына в новое пространство насилия: на этот раз от самого себя или от «освободителя». Смерть Отца, которая в библейской коннотации звучит как «изгнание из рая», а в семиотике культуры – как образование городского пространства для «павшего» человека (В.Н. Топоров) [34. С. 128], сталкивает Сына с бездной своего бессознательного, вынести которую он не в состоянии. Спасаясь от нее, Сын предпринимает попытку самоцензуры при отсутствии цензора, что и порождает общество риска и тотально-го горизонтального контроля с его уличным и виртуальным фашизмом. Если Сын не в состоянии самостоятельно цензурироваться, запрещая себе даже больше, чем запрещал ему Отец (радикальные националистические общества всегда жестче традиционно консервативных с их неповоротливым бюрократизмом), он переносит это свойство на многочисленных собеседников. Так рождается сетевое ризомное общество. Несогласованность множества голосов, провоцируя вторичные разрывы идентичности Сына, вызывает к жизни гротескную Тень Отца (фашизм) в виде упоминаемого нами ранее субъекта гиперглобалистического контроля, который проступает сквозь мультикурный хаос и берет бразды правления в свои руки.

Расшивки не наступает: за одной сшивкой следует новая, которая стилизируется под бунт: так либеральная контргегемония, представляя собой дискурс власти, пропагандирует себя в качестве свободного протеста против «патронализма» и «консерватизма». Классическая командно-административная цензура меняется на рыхлую, диффузную либеральную цензуру нового типа.

Поэтому мы предлагаем поворот от разъединения к возвращению, следя классической диалектике: первоединство – разъединение – возвращение (Л.П. Карсавин) [35] или центризм – эксцентризм – новый центризм (Ю.М. Лотман) [36], когда после бессознательного слияния с Отцом – через осознание нехватки – происходит сознательное слияние двух нехваток – отцовской и сыновней. Ярчайшим примером подобного диалога с полным циклом является поворот России в петровскую эпоху от варварского этнического изоляционизма «Святой Руси» к своеобразному патриотическому западничеству («Российская Европия»), имевшего целью освоить и приспособить под национальные нужды ресурсы буржуазного мира. После же этого Россия вновь вернулась к центризму: в виде усиления консервативных тенденций (славянофильства) и в виде сакральной географии революции 1917 г., когда пролетарская Москва была объявлена новым центром мира, своеобразным «градом-невестой» в противовес вавилонской «блуднице» мирового капитализма. На этапе полного взросления Сын, критически и творчески переосмыслив достижения Отца, начинает самостоятельно вырабатывать в семиосферу собственные культурные ценности и таким образом замыкает круг диалога, способствуя преодолению имманентно заложенного в него конфликта.

Для перехода на новый уровень отношений с Отцом необходимо понимание того, что отношения Отца и Сына все же отличаются от отношений Господина и Раба тем, что в основе первых лежит садомазохизм и очарование господствующим обозначающим (фасцинация перед Тенью), а в основе вторых – глубочайшее свойство бессознательного – любовь как концентрат пассивности, права человека страдать и сострадать. Взаимная фрагментация идентичностей Отца и Сына должна быть направлена на поиск их обоюдных уязвимостей и заканчиваться осознанным слиянием двух нехваток вне цепочки символических обозначающих. Именно в любви, которая есть для мира человеческого еще только «зачаток или задаток», как «разум для мира животного», и которая есть «спасение индивидуальности через жертву эгоизма» (В.С. Соловьев) [37], Сын, забывая о своих эгоистических желаниях, становится Отцом для своего Отца, а Отец – Сыном для своего Сына. Первый проявляет заботу, второй – нежность. На сочетании заботы, нежности, уважения и доверия строятся проработка конфликта и выход за пределы частностей в диалоге. У Дж. Кембелла «примирение с Отцом» является предпоследней (после возвращения домой) и очень важной частью путешествия героя, соответствующего формуле Конфуция о следовании сердцу без нарушения правил [38. С. 90].

Двойная асимметрия (любимый прием апостола Павла) относится и к традиции: после слепого поклонения и наивной буквальной веры (догматическая стадия) через рациональное, но не менее простодушное отрижение (наивный объективизм, низкий рационализм) субъект приходит к «философской вере», обозначенной у П. Тиллиха как «пределенный интерес», или «оправдание сомнением» [8]. Данная вера порождает мужество особого типа – «мужество принять принятие» как последний ответ современному хаосу («тревоге пустоты и отсутствия смысла») [39]. Речь идет о сочетании личного, поэтического переживания традиции как культурного архетипа с ее критическим осмыщлением и последующим осознанным выбором как основы социальной солидарности. Подобное отношение к традиции не снимает интернационализма и полифонии культурных отголосков, скорее, наоборот: в соборном обществе каждая традиция пребывает в диалоге с другими. Я реализует себя через целое, а целое – через Я, единство сочетается с многообразием, не потому что отголосок не существует, а потому что они оказываются одновременно цивилизационно значимыми для культурной идентификации, но онтологически не значительными на фоне той общей этической истины, вокруг которой и строится диалог.

В марксистском психоанализе А. Бадью это состояние носит название «радикальный разрыв» и обозначает вне-полагание истинного события правилам предыдущих ситуаций. В религиозной философии христианства радикальному разрыву соответствует «кенозис» – нисхождение Бога в мир, в распятие, в нулевую основу структуры, с которой начинается перестройка субъектности без опоры на авторитеты и референтные группы («Отец, зачем ты меня оставил?»). В экзистенциализме А. Камю подобное состояние сравнивается с чувством «абсурда» – переживанием себя Сизифом счастливым, даже когда он поднимает камни на гору [40]. Речь идет об особом типе веры, которая для своего подтверждения не нуждается в логике доказательств и в знамениях, нарушающих / подтверждающих эту логику, т.е. выходит за пределы любой тотальности: тотальности диалектики (античная мудрость) и тотальности единичного нарушения диалектики (иудейская мудрость). Более того: речь идет о смене самого типа мышления и революционном появлении нового, точно уловленного Квинтом Тертуллианом в его знаменитом изречении «Верую, ибо абсурдно» [41] и Ф.М. Достоевским в его скандальном утверждении о необходимости бытия с Христом независимо от того, есть ли с ним «истина» [42].

Главный тезис, который необходимо подчеркнуть: в диалоге, в котором сходятся универсализм и традиционализм по взаимно движущимся друг к другу вертикальной внутренней оси центробежного устремления (парадигма «Я») и горизонтальной внешней оси центробежного смещения (сингтагма «Мы»), проникновение логосов не исключает их конфликт, но исключает конфликтные цели. Задача диалога – преодолеть конфликт путем осознания нехватки и выхода по ту сторону частных убеждений, родивших этот конфликт. Диалог как солидарность тождествен любви в ее широком, библейском, братском значении, когда Чужой постепенно (через диалектическое привыка-

ние) или сразу (через метафизический разрыв) становится Ближним, и ты видишь в нем все лучшее, что приписывал себе, а в себе – все худшее, чего ожидал от него. В диалоге нет фантазмических идентичностей, но есть их взаимная ломка ради идентификации с собственными симптомами и, таким образом, ради обретения целостности.

В свете радикального разрыва становится очевидным, что есть диалог, но нам легче удержаться от прямого позитивного ответа, прибегая к таким определениям, как «невысказанное» Л. Витгенштейна [16] или «умалчиваемое» Г.Г. Гадамера [43]. Истина лежит в Реальном, в пробелах языка, в трещинах правильной речи, как некая оговорка, схваченная в психоанализе в качестве «ляля-языка» – трещины, сквозь которую просвечивает подлинность [44]. Ни глобалистическая унификация «плавильного котла», ни скользящая во множественности ризома нас не удовлетворяет: диалог не является принуждением и не является отчуждением, он лежит в просвете между слепым служением Другому и легкомысленным наслаждением им же. Диалог не является допросом и не является дискурсом, поскольку, начинаясь отличием, в конце он приходит к мысли о его неважности. Диалогу нужна не тотальность, а тождественность, не отличие, а родство. Диалог требует не движения от патронализма к либерализму, а движения от либерализма к универсализму, не жеста расшивки, а жеста перепрошívки.

Мы не нашли ничего лучшего для иллюстрации диалога как любви, происходящей по ту сторону убеждений, в Реальном (и одновременно в осознанном Символическом), чем формула взаимной памяти. Именно память, индивидуальная память об общих событиях, делающая людей единым целым, позволяет нам с точки зрения семиотики культуры «спуститься» от вертикали времени к горизонту пространства, от внутренней оси идеальных значений сознания, которые рождает изменчивый поток времени, к внешней оси реального и символического языка, скрывающего бессознательное. Речь идет о ситуации, когда люди могут становиться единым духовным целым и обретать твердую почву под ногами, не принуждая к единству друг другу, а делая это радостно и добровольно. Мы сблизили понятия «диалог» и «культурная память», лежащая по ту сторону власти и политического порядка. Таким образом, разрыв и возвращение, инновация (духовная революция) и традиция (ценностная трансляция) замыкаются. Революция повторяет традицию, обретая имя, а традиция является личным революционным переживанием субъекта.

Продемонстрировать такой диалог нам помог роман Л.Н. Толстого «Анна Каренина», где два любящих друг друга человека – Левин (голос самого писателя) и его невеста Кити – общаются друг с другом на языке шифров, представляющих собой метонимические смешения – начальные буквы слов, которые они когда-то говорили друг другу и, следуя метафоре М. Цветаевой, никогда не вспоминали, потому что никогда не забывали [45]: «...к, в, м, о, э, н, м, б, з, л, э, н, и, т» («когда вы мне ответили: этого не может быть, значило ли это, что никогда, или тогда?») [46. С. 424–425]. Кити

угадывает все шифровки и отличается тем, что передает мысли Левина удивительно легко: там, где он путается, говоря о трудностях в общении людей, она приста и естественна. Там, где он долго размышляет о важности поиска нехватки, выяснения того, что действительно дорого спорящему за всем ворохом применяемых им аргументов, она отвечает: «Надо просто узнать, что он любит...» [46. С. 423]. Толстой недаром помещает этот ключевой эпизод в общую ткань размышлений о важности понимания между людьми: Левин и Кити продемонстрировали высшую степень понимания друг друга и правильного понимания самого процесса понимания.

Можно подумать, что язык, метонимия, традиция, в котором находят успокоение и защиту герои, возвращаясь в «дом бытия» при помощи своих «шпионских игр», уничтожает их индивидуальность, но это не так. С точки зрения психоанализа, чем сильнее человек культтивирует свое Я, тем скорее он его теряет (отсюда – трагедия В. Маяковского как метафорического поэта и «смерть автора» в постмодерне). Н.А. Бердяев, конечно, говорит об обратном – о «трагедии творчества», когда личная экзистенция творца гибнет под напором объективации, под давлением языка, но это происходит лишь в том случае, если творческий замысел не получает адекватное своему вакууму имени. Если же это случается, диалог, в котором есть место и паузе, и взгляду, и недоговорке, и шифровке, превращается в точку пересечения личного и коллективного начал, в точку, где сходится ось Я и ось Другого, в ту бессмысленную непарность, которую мистики называют «именем Бога», художники – поэзией, а семиотики – «нулевой степенью Письма», или, говоря словами И. Бродского о глаголах (выражении чистого бытия *Dasein*): «*Земля гипербол лежит под ними, как небо метафор плывет над нами!*» [47. С. 28–29]. В соборном коллективе, человек является не частью, а фокусом, связывающим собой все поле и мистериально расширяющим свое Я до границ космического горизонта (буддийская метафора капли в океане). Чем сильнее человек открывается навстречу миру, тем скорее мир становится его отражением, артикулируя Я через Другого, как ноль – через единицу в математике Г. Фреге и Ж.А. Миллера.

Мы определили, что в диалоге, который является союзом любви и памяти, есть место разрыву и возвращению, инновации и традиции, молчанию и языку, паузе между словами и правильно подобранным, пусть и неказистым, словам. Главное, что должна осуществлять философия, побуждая к реальному диалогу, – это противостоять насилию, которое меняет свои лики. Социальное зло может иметь характер прямого вторжения в идентичность Другого с целью его разрушения, как в тоталитаризме. Насилие может вести себя более коварно и удерживать идентичность на расстоянии, храня ее «неприкосновенность», как в либерализме. Но в любом случае неизменным остается одно – непроницаемость Другого как предмета желания и средства компенсации нехватки «Я». Другой ценен постольку, поскольку «играет» на «моем» поле, властвует надо мной или подчиняется мне, является мне «другом» или «врагом», но в любом случае – не

тем, кто он есть на самом деле. В состоянии насилия мы любим Другого не за его реальные качества, а за приписанный ему нами фантазмический сценарий. Отсюда – наличие «хороших других» и «плохих других» в экономике свободного рынка, порождающего постмодерную пустоту тотальной маркетинговой инаковости. Философия как диалог и диалог как философия, находя выражение в любви, должны предотвратить от насилия и пустоты.

Сближая между собой категории философии и диалога, мы тем самым утверждаем, что путь развития мысли и ее метод связаны через субъекта. Философия – это традиция поиска мудрости, символический космос, где имеет место взаимосвязь всего со всем, единство бытия и языка, т.е. – это горизонтальная центробежная синтагма. Диалог – это всегда инновация, творчество, любовь, разрыв, связанные с трещинами языка, с тем, что осталось до языка, умалчиваемым и невысказанным, с тем, что вне-полагает себя ситуации логических правил

философии. То есть в какой-то мере это вертикальная центростремительная парадигма общения Я и Другого, чьи смыслы рождаются в коммуникации, в со-бытии логосов. Но синтагма и парадигма, вертикаль и горизонталь, сознание и язык, синхрония и диахрония, бытие и со-бытие всегда тесно связаны. И связаны они через человека, находящегося на их пересечении, производящего личные значения с тем, чтобы сделать их общим достоянием, движущимся от парадигмы «Я» к синтагме Другого и обратно, выражая себя посредством Другого и теряя себя в случае замыкания в тисках своего эгоизма. Поэтому инновация и традиция, разрыв и возвращение, революция и трансляция у нас не противоречат друг другу, а существуют, что приносит свои плоды в культуре. Ведь сочетание универсализма и традиционализма, индивидуального и коллективного начал, только и может породить критически мыслящее и одновременно глубоко соборное, духовное общество.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бадью А. Апостол Павел Обоснование универсализма / пер. О. Головой. М. ; СПб. : Моск. филос. фонд; Университетская книга, 1999. 94 с.
2. Лакан Ж. Семинары, Книга 17: Изранка психоанализа (1969/70) / пер. с фр. А. Черноглазова. М. : Гnosis; Логос, 2008. 272 с.
3. Žižek S. Das Ende der Menschlichkeit. URL: <https://www.nzz.ch/feuilleton/digitalisierung-das-enden-der-menschlichkeit-ld.1312112>
4. Габермас Ю. Філософський дискурс Модерну / пер. з нім. В.М. Купліна. К. : Четверта хвиля, 2001. 424 с.
5. Маркузе Г. Критическая теория общества: Избранные работы по философии и социальной критике / пер. с англ. А.А. Юдина. М. : ACT; Астрель, 2011. 382 [2] с.
6. Хюбнер Б. Произвольный этос и принудительность эстетики / пер. с нем. А. Лаврухина. Минск : Пропилеи, 2000. 152 с.
7. Бадью А. Манифест философии / пер. с фр. В. Лапицкого. СПб. : Machina, 2003. 182 с.
8. Тиллих П. Избранное: Теология культуры : пер. с англ. М. : Юрист, 1995. 479 с.
9. Гуссерль Е. Криза европейского общества і філософія // Філософська і соціологічна думка. 1996. № 7-8. С. 35–68.
10. Бердяев Н.А. Философия свободы. Смысл творчества. М. : Правда, 1989. 608 с.
11. Жижек С. Добро пожаловать в пустыню Реального / пер. с англ. А. Смирного. М. : Фонд «Прагматика культуры», 2002. 160 с.
12. Хайдеггер М. Путь к языку / пер. с нем. В.В. Бибихина // Время и бытие: Статьи и выступления / сост., пер. с нем., вступ. ст., примеч., темат. указ. и указ. имен В.В. Бибихина. М. : Республика, 1993. С. 259–273.
13. Якобсон Р.О. Избранные работы. М. : Прогресс, 1985. 460 с.
14. Ницше Ф. Так говорил Заратустра. Книга для всех и ни для кого // Сочинения : в 2 т.: пер. с нем. М. : Мысль, 1990. Т. 2. С. 5–237.
15. ПаSTERnak B. Избранное : в 2 т. Т. 2: Доктор Живаго : Роман. СПб. : Кристалл, 1999.
16. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат // Витгенштейн Л. Философские работы. Ч. 1 / пер. с нем.; сост., вступ. ст., примеч. М.С. Козловой; пер. М.С. Козловой, Ю.А. Асеева. М., 1994. 612 с.
17. Мандельштам О. Шум времени: Воспоминания. Статьи. Очерки. СПб. : Азбука, 1999. 384 с.
18. Библер В.С. Нравственность. Культура. Современность: (Философские размышления о жизненных проблемах). М. : Знание, 1990. С. 45. (Новое в жизни, науке, технике. Серия: Этика. № 4).
19. Гегель Г.В.Ф. Лекции по эстетике: Книга первая / пер. с нем. В.Г. Столпнера. М. : Гос. социал.-экон. изд-во, 1938. 94 с. (Сочинения. Т. XIV).
20. Жижек С. Дражливий суб'єкт: відсутній центр політичної онтології / пер. з англ. Р.Й. Дімерець. Київ : ППС-2002, 2008. 510 с.
21. Делёз Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? М. : Институт экспериментальной социологии ; СПб. : Алетейя, 1998. 288 с.
22. Baudrillard J. Ecstasy of Communication // The Anti-Aesthetic. Essays on Postmodern Culture / ed. by H. Foster. Port Townsend : Bay Press, 1983. Р. 126–133.
23. Брюкнер П. Тираны покаяния. Эссе о западном мазохизме / пер. с фр. С. Дубина. СПб. : Изд-во Ивана Лимбаха, 2009. 239 с.
24. Жижек С. Как наслаждаться посредством Другого. Культурная логика многонационального капитализма / пер. с англ. А. Смирнова. СПб. : Алетейя, 2019. 104 с.
25. Миллер Ж.-А. Введение в клинику лакановского психоанализа. Девять испанских лекций / пер. с исп. Н. Муравьева. М. : Логос-Гностис, проект letterra.org, 2017. 184 с.
26. Жижек С. Киногид извращенца. Идеология (с русскими субтитрами). URL: <https://www.youtube.com/watch?v=AZvJLzsxWt>
27. Бадью А. Этика: Очерк о сознании Зла / пер. с фр. В.Е. Лапицкого. СПб. : Machina, 2006. 126 с.
28. Адорно Т. Исследование авторитарной личности: пер. с нем. М. : Серебряные нити, 2001. 416 с.
29. Бодрийяр Ж. Прозрачность зла: пер. с фр. Л. Любарской, Е. Марковской. М. : Добросвет, 2000. 258 с.
30. Лакан Ж. Семинары. Кн. 7: Этика психоанализа. М. : ГностисЛогос, 2006. 416 с.
31. Элиаде М. Избранные сочинения: Миф о вечном возвращении; Образы и символы; Священное и мирское / пер. с фр. Н.К. Грабовского и др. М. : Ладомир, 2000. 414 с.
32. Кундера М. Нарушенные завещания: Эссе: пер. с фр. М. Таймановой. СПб. : Азбука-классика, 2008. 288 с.
33. Лотман Ю.М. Проблема византийского влияния на русскую культуру в типологическом освещении // Византия и Русь. М. : Наука, 1989. С. 227–235.
34. Топоров В.Н. Текст города-девы и города-блудницы в мифологическом аспекте // Исследования по структуре текста. М., 1987. С. 121–132.
35. Карсавин Л.П. Пролегомены к учению о личности // Путь. 1928. № 12 (август). С. 32–46. URL: <http://odinblago.ru/path/12/>
36. Лотман Ю.М. Современность между Востоком и Западом // Знамя. 1997. № 9. С. 152–157.
37. Соловьев В.С. Сочинения : в 2 т. / общ. ред. и сост. А.В. Гульян, А.Ф. Лосева; примеч. С.Л. Кравца и др. М. : Мысль, 1990. Т. 2. 822 с.
38. Кэмпбелл Дж. Герой с тысячью лицами: миф. Архетип. Бессознательное: пер. с англ. Киев : София, Ltd., 1997. 336 с.
39. Тиллих П. Мужество быть / пер. с англ. О. Седаковой. Киев : Дух і літера, 2013 г. 194 с.

40. Камю А. Миф о Сизифе. Бунтарь. М. : Попурри, 2000. 544 с.
41. Тертуллиан. О плоти христа / общая редакция и составление А.А. Столярова. М., 1994. URL: http://www.tertullian.org/russian/de_carne_christi_rus.htm
42. Померанц Г. Открытость бездне. Встречи с Достоевским. URL: <http://maxima-library.org/izbrannoe/b/244310?format=read#ctrlpanelcontainer>
43. Гадамер Г.-Г. До проблематики саморозуміння. Герменевтичний внесок у питання деміфологізації / пер. з нім. М. Кушніра // Істина і метод : у 2 т. Т. 2: Доповнення. Покажчики / пер. з нім. М. Кушніра. Київ : Юніверс, 2000. С. 111–121.
44. Долар М. С первого взгляда / пер. с англ. А. Смирнова // Долар М., Божович М., Зупанчик А. Любовная машина; Лакан и Спиноза; Концепция любви. СПб. : Алетейя, 2020. С. 5–40.
45. Цветаева М. Письма к Константину Родзевичу / сост. Е.Б. Коркина. Ульяновск : Ульян. Дом печати, 2001. 200 с.
46. Толстой Л.Н. Собрание сочинений : в 12 т. Т. 8: Анна Каренина. Роман в восьми частях. Ч. 1–4. М. : Художественная литература, 1974. 480 с.
47. Бродский И. Письма римскому другу: Стихотворения. СПб. : Азбука-классика, 2001. 288 с.

Статья представлена научной редакцией «Философия» 6 сентября 2020 г.

Philosophy as a Model of Dialogue: The Concept “Death of Father” in the Connotations of the Contemporary Humanities
Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 459, 68–79.

DOI: 10.17223/15617793/459/8

Yevgenia V. Bilchenko, National Pedagogical Drahomanov University (Kyiv, Ukraine); National Academy of Culture and Arts Management (Kyiv, Ukraine); Institute for Cultural Research of the National Academy of Arts of Ukraine (Kyiv, Ukraine). E-mail: yevzhik80@gmail.com

Keywords: philosophy; dialogue; Father; universalism; traditionalism; globalism; lack; hegemony; phenomenology; hermeneutics.

The author of the article solves the problem of substantiating the repressive character of the neoliberal sociocultural state of the subject in global multicultural capitalism and forming a dialogical model of philosophy as a positive alternative to alienation and identity crisis. The state of the crisis is designated in the framework of the postmodern discourse as “emptiness”, “gaping”, “rhizome”. The main important methodological guidelines for the study were: Alain Badiou’s school of psychic and political economy, the Ljubljana school of post-Lacan analysis of the relationship between the real and the symbolic (Slavoj Žižek, Mladen Dolar), Jean Baudrillard’s and Benno Hübner’s social phenomenology and aesthetics. The author analyzes the contemporary economic, psychoanalytic and aesthetic materials employing the methods of structural psychoanalysis, semiotic analysis, hermeneutic interpretation and philosophical comparative studies. She structures the symbolic order of the hegemony of globalism as a complex formation of three elements: economic (universal market), mental (“Death of Father”, or loss of a vertical figure of control and signification), and sensual-aesthetic (transgression of desire, translation of desire into the automatic regime of a “machine”, forced aesthetics, pleasure from the Other, etc.). “Death of Father” is defined as a neoliberal crisis of tradition, leading to a new totalitarianism within the framework of globalism due to voluntary self-censorship and digital control. In the course of the analysis of the relationship between the “Father” (tradition) and the “Son” (subject) as figures to which the concepts of “donor” and “recipient” correspond in semiotics, the author comes to the conclusion that it is necessary to return to the “Father” at a new dialectical turn based on the synthesis of traditionalism (diversity) and universalism (unity). The interaction between the subject and tradition is seen as a process of deliberate fusion of lacks in the philosophy of dialogue. Dialogue appears as the identification of a subject with a symptom (community with the mortality of the Other) outside the chain of signifiers. The tradition presented in the concept “Return of Father” is seen as a lack, symptom, solidarity (“Son”) experienced individually as a poetic myth and critically rethought collectively as a principle of social community. Philosophy as a dialogue is a worldview context within which ethical and civilizational principles are synthesized on the basis of two procedures of truth: the phenomenological shift of attention from an object to consciousness and the subjective articulation of values in philosophical hermeneutics.

REFERENCES

1. Badiou, A. (1999) *Apostol Pavel Obosnovanie universalizma* [Saint Paul: The Foundation of Universalism]. Translated from French by O. Golova. Moscow; St. Petersburg: Mosk. filos. fond; Universitetskaya kniga.
2. Lacan, J. (2008) *Seminary, Kniga 17: Iznaka psikhoanaliza (1969/70)* [The Seminar of Jacques Lacan: The Other Side of Psychoanalysis]. Translated from French by A. Chernoglazov. Moscow: Gnozis; Logos.
3. Žižek, S. (2017) *Das Ende der Menschlichkeit*. [Online] Available from: <https://www.nzz.ch/feuilleton/digitalisierung-das-ende-der-menschlichkeit-ld.1312112>.
4. Habermas, J. (2001) *Filosofskiy diskurs o moderne* [The Philosophical Discourse of Modernity]. Translated from German by V.M. Kuplin. Kyiv: Chetverta khvilya.
5. Marcuse, H. (2011) *Kriticheskaya teoriya obshchestva: Izbrannye raboty po filosofii i sotsial'noy kritike* [A critical theory of society: Selected works on philosophy and social criticism]. Translated from English by A.A. Yudin. Moscow: AST; Astrel’.
6. Hübner, B. (2000) *Proizvol'nyy etos i prinuditel'nost' estetiki* [Arbitrary Ethos and Compulsory Aesthetics]. Translated from German by A. Lavrukhan. Minsk: Propilei.
7. Badiou, A. (2003) *Manifest filosofii* [Manifesto for Philosophy]. Translated from French by V. Lapitskiy. St. Petersburg: Machina.
8. Tillich, P. (1995) *Izbrannoe: Teologiya kul'tury* [Selected works: The theology of culture]. Translated from English. Moscow: Yurist.
9. Husserl, E. (1996) *Kriza evropeys'kogo lyudstva i filosofiya* [Philosophy and the Crisis of European Man]. *Filosof'ska i sotsiologichna dumka*. 7–8. pp. 35–68.
10. Berdyaev, N.A. (1989) *Filosofiya svobody. Smysl tvorchestva* [Philosophy of Freedom. The meaning of creativity]. Moscow: Pravda.
11. Žižek, S. (2002) *Dobro pozhalovat' v pustynyu Real'nogo* [Welcome to the Desert of the Real]. Translated from English by A. Smirny. Moscow: Fond “Pragmatika kul’tury”.
12. Heidegger, M. (1993) *Vremya i bytie: Stat'i i vystupleniya* [Time and Being: Articles and Speeches]. Translated from German by V.V. Bibikhin. Moscow: Respublika. pp. 259–273.
13. Jakobson, R.O. (1985) *Izbrannye raboty* [Selected works]. Moscow: Progress.
14. Nietzsche, F. (1990) *Sochineniya: v 2 t.* [Works: In 2 vols]. Translated from German. Vol. 2. Moscow: Mysl'. pp. 5–237.
15. Pasternak, B. (1999) *Izbrannoe: v 2 t.* [Selected works: In 2 vols]. Vol. 2. St. Petersburg: Kristall.
16. Wittgenstein, L. (1994) *Filosofskie raboty* [Philosophical Investigations]. Translated from German by M.S. Kozlova, Yu.A. Aseev. Vol. 1. Moscow: Gnozis.
17. Mandelstam, O. (1999) *Shum vremeni: Vospominaniya. Stat'i. Ocherki* [The Noise of Time: Memories. Articles. Essays]. St. Petersburg: Azbuka.

18. Bibler, V.S. (1990) *Nravstvennost'. Kul'tura. Sovremennost'*: (*Filosofskie razmyshleniya o zhiznennykh problemakh*) [Morals. Culture. Modernity: (Philosophical Reflections on Life Problems)]. Moscow: Znanie.
19. Hegel, G.W.F. (1928) *Lektsii po estetike: Kniga pervaya* [Lectures on Aesthetics: Book One]. Translated from German by V.G. Stolpner. Moscow: Gos. sotsial.-ekon. izd-vo.
20. Žižek, S. (2008) *Drazhliviy sub'ekt: vidsutniy tsentr politichnoy ontologii* [The Ticklish Subject: The Absent Centre of Political Ontology]. Translated from English by R.Y. Dimerets. Kyiv: PPS-2002.
21. Deleuze, G. & Guattari, F. (1998) *Chto takoe filosofiya?* [What is philosophy?]. Translated from English. Moscow: Institut eksperimental'noy sotsiologii; St. Petersburg: Aleteyya.
22. Baudrillard, J. (1983) Ecstasy of Communication. In: Foster, H. (ed.) *The Anti-Aesthetic. Essays on Postmodern Culture*. Port Townsend: Bay Press. pp. 126–133.
23. Bruckner, P. (2009) *Tiraniya pokayaniya. Esse o zapadnom mazokhizme* [The Tyranny of Guilt: An Essay on Western Masochism]. Translated from French by S. Dubin. St. Petersburg: Izd-vo Ivana Limbakhia.
24. Žižek, S. (2019) *Kak naslazhdat'sya posredstvom Drugogo. Kul'turnaya logika mnogonatsional'nogo kapitalizma* [Multiculturalism, or, the Cultural Logic of Multinational Capitalism]. Translated from English by A. Smirnov. St. Petersburg: Aleteyya.
25. Miller, J.-A. (2017) *Vvedenie v kliniku lakanovskogo psikhoanaliza. Devyat' istoricheskikh lektsiy* [Introduction to the Lacanian Clinics of Psychoanalysis. Lectures in Spain]. Translated from Spanish by N. Murav'ev. Moscow: Logos-Gnozis.
26. Žižek, S. (n.d.) *The Pervert's Guide to Ideology* [Video]. With subtitles in Russian [Online] Available from: <https://www.youtube.com/watch?v=AZvJLzsxWtc>.
27. Badiou, A. (2006) *Etika: Ocherk o soznanii Zla* [Ethics: An Essay on the Understanding of Evil]. Translated from French by V.E. Lapitskiy. St. Petersburg: Machina.
28. Adorno, T. (2001) *Issledovanie avtoritarnoy lichnosti* [The Authoritarian Personality]. Translated from German. Moscow: Serebryanye niti.
29. Baudrillard, J. (2000) *Prozrachnost' zla* [The transparency of evil]. Translated from French by L. Lyubarskaya, E. Markovskaya. Moscow: Dobrosvet.
30. Lacan, J. (2006) *Seminary. Kn. 7: Etika psikhoanaliza* [The Seminar of Jacques Lacan: The Ethics of Psychoanalysis]. Translated from French. Moscow: Gnozis; Logos.
31. Eliade, M. (2000) *Izbrannye sochineniya: Mif o vechnom vozvrashchenii; Obrazy i simvoli; Syvashchennoe i mirskoe* [Selected Works: The Myth of the Eternal Return; Images and Symbols; The Sacred and the Profane]. Translated from French by N.K. Grabovskiy et al. Moscow: Ladomir.
32. Kundera, M. (2008) *Narushennye zaveshchaniya: Esse* [Testaments Betrayed: An Essay in Nine Parts]. Translated from French by M. Taymanova. St. Petersburg: Azbuka-klassika.
33. Lotman, Yu.M. (1989) Problema vizantiyskogo vliyanija na russkuyu kul'turu v tipologicheskem osveshchenii [The problem of the Byzantine influence on Russian culture in typological coverage]. In: Knyazevskaya, T.B. (ed.) *Vizantiya i Rus'* [Byzantium and Russia]. Moscow: Nauka. pp. 227–235.
34. Toporov, V.N. (1987) Tekst goroda-devy i goroda-bludnitsy v mifologicheskem aspekte [The text of the city-virgin and the city-harlot in the mythological aspect]. In: Tsiv'yan, T.V. (ed.) *Issledovaniya po strukture teksta* [Studies on the structure of the text]. Moscow: Nauka. pp. 121–132.
35. Karsavin, L.P. (1928) Prolegomeny k ucheniju o lichnosti [Prolegomena to the doctrine of personality]. *Put'*. 12 (August). pp. 32–46. [Online] Available from: <http://odinblago.ru/path/12/2>.
36. Lotman, Yu.M. (1997) Sovremennost' mezhdu Vostokom i Zapadom [Modernity between East and West]. *Znamya*. 9. pp. 152–157.
37. Solov'ev, V.S. (1990) *Sochineniya: v 2 t.* [Works: In 2 vols]. Vol. 2. Moscow: Mysl'.
38. Campbell, J. (1997) *Geroy s tysyach'yu litsami: Mif. Arkhetip. Bessoznatel'noe* [The Hero with a Thousand Faces]. Translated from English. Kyiv: Sofiya.
39. Tillich, P. (2013) *Muzhestvo byt'* [The courage to be]. Translated from English by O. Sedakova. Kyiv: Dukh i litera.
40. Kamyu, A. (2000) *Mif o Sizife. Buntar'* [The Myth of Sisyphus. The Rebel]. Translated from French. Moscow: Popurri.
41. Tertullian. (1994) *O ploti khrista* [On the Flesh of Christ]. Translated from Latin. [Online] Available from: http://www.tertullian.org/russian/de_carne_christi_rus.htm.
42. Pomerants, G. (1990) *Otkrytost' bezdne. Vstrechi s Dostoevskim* [Openness to the abyss. Meetings with Dostoevsky]. [Online] Available from: <http://maxima-library.org/izbrannoe/b/244310?format=read#ctrlpanelcontainer>.
43. Gadamer, H.-G. (2000) *Istina i metod: v 2 t.* [Truth and method: In 2 vols]. Translated from German. Vol. 2. Kyiv: Yunivers. pp. 111–121.
44. Dolar, M. (2020) *S pervogo vzglyada* [At first sight]. Translated from English by A. Smirnov. In: Dolar, M., Bozhovich, M. & Zupanchich, A. Lyubovnaya mashina; Lakan i Spinoza; Komediya lyubvi [Love machine; Lacan and Spinoza; A comedy of love]. St. Petersburg: Aleteyya. pp. 5–40.
45. Tsvetaeva, M. (2001) *Pis'ma k Konstantinu Rodzevichu* [Letters to Konstantin Rodzevich]. Ulyanovsk: Ul'yan. Dom pechatи.
46. Tolstoy, L.N. (1974) *Sobranie sochinenij: v 12 t.* [Collected works: In 12 vols]. Vol. 8. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
47. Brodskiy, I. (2001) *Pis'ma rimskomu drugu: Stikhotvoreniya* [Letters to a Roman friend: Poems]. St. Petersburg: Azbuka-klassika.

Received: 06 September 2020

А.Г. Иванов

МИФОЛОГИЗАЦИЯ ВРЕМЕНИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ И СОВРЕМЕННАЯ СПЕЦИФИКА

Исследование выполнено при финансовой поддержке РFFI в рамках научного проекта № 20-011-00297

«Мифологизация времени в современной медийной среде: риски трансформации, стратегии конструирования, дискурсивные практики».

Осуществлен сравнительный анализ теоретико-методологических оснований изучения проблемы мифологизации времени в контексте отечественных и зарубежных подходов к мифу. Делается вывод, что современная мифологическая темпоральность понимается как конституирующаяся через утверждение и охват всех модусов времени, а специфика мифологизации времени проявляется в художественном творчестве, политике, медиасреде.

Ключевые слова: современный социальный миф; мифологизация времени; сакральное и историческое время; ритуализированные (мифоритуальные) практики; вечность; «работа над мифом»; темпоральность; модусы времени.

You're bound to think that I'm on the shore
From a sea that never came
There's no time to find the time
I've done what has to be done

Гленн Хьюз (*Medusa*. 1970)

В последнее время общество сталкивается со специфическими вызовами, связанными с активизацией мифотворческих и мифологизационных процессов, когда определенная «работа мифа со временем» приводит к росту мифологизированности общественного сознания. Осмысление такой работы мифа со временем и, прежде всего, особенностей мифологизации времени может помочь не ошибаться в выводах относительно происходящих социальных явлений и процессов.

Представления о времени в мифе

Для понимания процессов мифологизации времени важно рассмотреть особенности представлений о времени в мифе. Дело в том, что когда время мифологируется, оно приобретает черты, характерные для мифологического представления о времени – застывает в вечности, сакрализуется и т.п., что, в свою очередь, позволяет говорить об особой темпоральности в мифе, кардинально отличной от темпоральности исторического времени.

Сложность рассмотрения темпоральности в мифе задается как минимум двумя особенностями. Исследователь мифологического времени В.Ю. Кузнецов в одноименной статье отмечал, что «в развитых мифологических системах задается достаточно целостная проекция временной структуры: “прошлое – настоящее – будущее”» [1. С. 105]. Это говорит о том, что каждому модусу времени мог соответствовать определенный комплекс мифов: например, прошлому – этиологические; настоящему – календарные; будущему – эсхатологические. Примерно так же обстоят дела и с современными социальными мифами. Но, с другой стороны, необходимо учитывать следующее обстоятельство: «Боясь смерти, люди всегда хотели верить в существование вечности, лежащей за пределами времени, как мифологическое время находится за пределами календарного» [2. С. 60]. Таким образом, мифологическое время как обнаруживается в про-

шлом, настоящем и будущем, так и представляет собой выход за пределы, так сказать, обычного времени – выход в вечность.

Объяснение такой «двойственности» мифологического времени кроется в природе самого мифа, в основе которого лежит многоплановость: «Миф всегда относится к событиям прошлого: “до сотворения мира” или “в начале времен” – во всяком случае, “давным-давно”. Но назначение мифа состоит в том, что эти события, имевшие место в определенный момент времени, существуют вне времени. Миф объясняет в равной мере как прошлое, так и настоящее и будущее» [3. С. 217].

В этом высказывании К. Леви-Строса просматривается идея, что миф, находясь как бы «за скобками» времени, тем не менее влияет на все модусы времени. Исследователь творчества французского антрополога М. Энафф применительно к мифу использовал метафору «машина уничтожения времени»: «...время не приносит с собой ничего, кроме регулярного повторения положения “до”. Миф становится формой этого неисторического повторения... Структура заранее аннулирует событие. ...то, что случается, интегрируется как дополнительная характеристика в структуру, и любое изменение становится лишь ее вариантом. <...> Это сопротивление изменениям, “отказ от истории” проявляется не только в институциональной логике, оно заложено и в материале мифов – настоящей “машине уничтожения времени”» [4. С. 320–321].

О том, что мифологизация времени представляет собой попытку преодоления календарного, исторического времени, много размышлял М. Элиаде [5], обращаясь к архаическим мифам. Отечественный исследователь Е.М. Мелетинский, делая обзор теорий мифа в своей известной работе «Поэтика мифа», позицию М. Элиаде определял как борьбу со временем, имея в виду историческое время. Он полагал, что М. Элиаде углубил представления Б. Малиновского о первобытной мифологической онтологии, показав, что в мифо-

логии не только реальность, но и ценность человеческого существования определяется его соотнесенностью с сакральным мифическим временем и «архетипическими» действиями сверхъестественных предков. «Вместе с тем, классифицируя мифы с точки зрения их функционирования в обрядах, Элиаде модернизировал мифологическое сознание, приписав ему не только обесценение исторического времени, но и известную целеустремленную борьбу с “профанным” временем, с историей, с временной необратимостью» [6. С. 62].

Отсюда возникает вопрос, означает ли мифологизация времени одновременно и его сакрализацию, в результате которой историческое, хронологическое время превращается во время сакральное? Для ответа на него необходимо учитывать специфику мифического времени как такового, что попытался сделать К. Хюбнер, рассмотрев особенности времени в античном мифе и выделив специфические признаки мифического времени [7. С. 142–143]. Мифологическое время состоит из исторического и священного, и, стало быть, можно говорить и о мифологизации разных измерений этого самого мифологического времени. Однако в любом случае речь в конечном счете идет о сакральном времени: мы либо, мифологизируя историческое время, превращаем его в сакральное время; либо обращаемся к образам и мифам, уже находящимся в сакральном времени, и это тоже представляет собой процесс мифологизации.

Возможность более отчетливо увидеть то, как мифологическое время проявляется в социуме, дает нам средневековая эпоха. В этой связи важно учитывать особенности времени как категории средневековой культуры, что было сделано А.Я. Гуревичем. Средневековое сознание, находясь во власти религиозных темпоральных представлений, ориентирующих на прориденциализм и линейную направленность времени, тем не менее, испытывало влияние предшествующих эпох с их отношением ко времени как к циклическому, воссозидающемуся в ритуалах; средневековое сознание «...знало не одну только иудео-христианскую концепцию времени, но включало в себя целый спектр временных представлений» [8. С. 87]. В качестве основного средства приобщения ко времени мифа, средства мифологизации времени выступают ритуализированные (мифоритуальные) практики.

А.Я. Гуревич особо отмечал, что миф не просто пересказывался, но разыгрывался как ритуальная драма и соответственно переживался во всей своей высшей реальности и напряженности; что исполнение мифа «отключало» мирское время и восстанавливало время мифологическое: «“Архаическое” сознание антиисторично. Память коллектива о действительно происшедших событиях со временем перерабатывается в миф, который лишает события их индивидуальных черт и сохраняет только то, что соответствует заложенному в мифе образцу; события сводятся к категориям, а индивиды – к архетипу. Новое не представляет интереса в этой системе сознания, в нем ищут лишь повторения прежде бывшего, того, что возвращает к началу времен. При подобной установке по отношению к времени приходится признать его “вневременность”» [8. С. 90].

Ритуализированные или мифоритуальные практики оказываются ключевым способом приобщения к мифу, а вместе с этим и к вечности, а также средством, способствующим мифологизации настоящего как модуса времени.

Но уже с раннего Нового времени начался процесс постепенно ухода мифа с его специфическим представлением о времени на периферию общественного сознания. «1492 год ознаменовал завершение господства прежних мифологических систем, которые с незапамятных времен поддерживали и воодушевляли человеческую жизнь. Началось систематическое соравление подлинной карты Земли; рушилась древняя – символическая и мифологическая – география. Развалились древние мифические представления не только об устройстве космоса, но и о началах и ходе истории человечества» [9. С. 10–11].

Однако необходимо указать как минимум на два фактора, не позволяющих говорить об окончательном забвении практик мифологического освоения времени и пространства. Во-первых, открытие Нового света привело к всплеску интереса к загадочному и неизведанному миру, к появлению новых мифов (например, миф о городе Цезарей, миф об Эльдорадо). То есть такое историческое событие, как открытие европейцами Америки, привело в конечном счете к оформлению целого комплекса мифов, в которых мифологизировалось не только пространство, но и время. Во-вторых, в эпоху Романтизма начинает активно мифологизироваться историческое время, что будет осуществляться вплоть до сегодняшних дней. Объясняется это тем, что именно историческое время в Новое время начинает доминировать, выходить на авансцену общественной жизни. Это обстоятельство напрямую связано с рационализацией общественных отношений, а полем для мифологизации, в том числе и для мифологизации времени, становится преимущественно сфера художественного творчества, но также и политика. Кроме того, сам миф у романтиков наполняется новым смыслом: выражает во многом индивидуалистические миросозерцания человека XIX в., способствует формированию мифов о нации. Именно с романтического мифа о нации социальный миф начинает приобретать личностное измерение. Но самое главное для изучения феномена мифологизации состоит в том, что фактически Новое время дает начало процессу мифологизации исторического времени, что, как отмечалось выше, представляет собой процесс его сакрализации и даже процесс превращения времени реальных исторических событий в вечность. Вспомним К. Леви-Строса, который, упоминая о своих разногласиях с Ж.-П. Сартром, связанных с интерпретацией роли Французской революции, отмечал, что для Сартра «...Французская революция была просто неким фактом, который имел место в истории. Для меня же это факт, который ускользает от нашего понимания и точного определения...» [10. С. 69].

Получившие же широкое распространение, особенно в Средние века, мифоритуальные практики актуальны и в настоящее время, являются единственным инструментом «приобщения» к мифологической темпоральности. Достаточно вспомнить современные

практики всевозможных парадов, шествий, приуроченных к каким-либо знаковым событиям прошлого, но происходящих здесь и сейчас; да и форматы голосований и выборов по своей ритуализированности напоминают древние календарные отмечания событий прошлого. Цель во всех случаях остается примерно одинаковой – демонстрация приобщения к единой культуре (национальной, политической и пр.).

Таким образом, к началу XX в. исследователи классического мифа и социокультурная практика свидетельствуют о следующих темпоральных особенностях мифологического: антиисторичность и связь мифа с категорией вечности, выделение сакрального и исторического, ритуализированные (мифоритуальные) практики как средство приобщения к мифологическому времени.

Мифологизация времени в исследованиях современного мифа

Рассмотрим далее, из каких теоретико-методологических оснований исходят исследователи современного мифа и как они понимали процессы мифологизации времени.

Одним из самых ярких, живых и оригинальных исследований, в котором в центре внимания оказался миф, причем именно в современном его обличии, стала работа А.Ф. Лосева «Диалектика мифа», вышедшая в СССР в 1930 г. Специфические особенности мифа раскрываются А.Ф. Лосевым, прежде всего, при помощи идеи о том, что существует мифическая отрешенность от частных смыслов вещей, вследствие чего в фактичности вещи начинает воплощаться более общий смысл, который включает и действительность, и некое новое смысловое измерение: «Мифическая отрешенность есть отрешенность от смысла и идеи по-вседневных фактов, но не от их фактичности. Миф фактичен ровно так, как и все реальные вещи <...> единственная форма мифической отрешенности – это отрешенность от смысла вещей. Вещи в мифе, оставаясь теми же, приобретают совершенно особый смысл, подчиняются совершенно особой идее, которая делает их отрешенной» [11. С. 106–107].

При рассмотрении идей А.Ф. Лосева, связанных, на наш взгляд, с мифологизацией времени, важно выделить два момента. Во-первых, указание и выход на категорию вечности: «...время есть алогическое становление вечности, подобно тому как сама вечность есть алогическое становление вне-временной идеи» [11. С. 134]. И, во-вторых, то, что мифологизация может рассматриваться как один из способов отображения чего-бы то ни было: «Одна и та же вещь, одна и та же личность может быть, следовательно, представлена и изображена разнообразными формами, смотря по тому, в каком плане пространственно-временного бытия мы ее мыслим» [11. С. 137]. Специфика феноменологического подхода автора к мифу в целом заключается в стремлении постичь сущность мифологического взгляда на мир через непосредственное проникновение в миф и, так сказать, проживание мифа: «Миф должен быть взят как миф, без сведения его на то, что не есть он сам. <...> Надо сначала стать на

точку зрения самой мифологии, стать самому мифическим субъектом» [11. С. 35]. Интересно, что французский феноменолог М. Мерло-Понти [12], рассуждая о «вертикальном времени», которое открывает пространство «до времени» и способствует опыту временного ориентирования через присутствие в нем, фактически солидаризируется с отечественным исследователем в плане понимания специфики мифологизации времени.

Таким образом, А.Ф. Лосевым актуализируется связь мифа с категорией вечности (особенно, когда автор и его ученики (например, А.А. Тахо-Годи [13]) рассуждают о так называемой абсолютной мифологии) и указывается своеобразие «жизни мифом».

Еще одним оригинальным исследователем мифа как явления современности был Р. Барт [14]. Его понимание мифа как вторичной семиологической системы, которая надстраивается над языком-объектом и паразитирует над естественностью природы, распространяется, конечно, и на время. Правда, Р. Барт упоминает работу мифа со временем в свойственной ему афористической манере: с помощью примера, иллюстрирующего одну из предлагаемых им риторических фигур мифического означающего (итог ассоциации понятия и образа первичной семиологической системы (языка)) – «Изъятие из Истории»: «Предмет, о котором говорится в мифе, лишается всякой Истории. В мифе история улетучивается: она, словно идеальный слуга, все приготавливает, приносит, расставляет по местам, а с появлением хозяина бесшумно исчезает; остается лишь пользоваться той или иной красивой вещью, не задумываясь о том, откуда она взялась. Собственно, взяться она может только из вечности; она были там искони, изначально созданная для буржуазного человека, – Испания из “Синего гида” создана специально для туриста, “первобытные” народы выучили свои танцы специально для наших любителей экзотики» [Там же. С. 278–279]. Антиисторичность мифа здесь имеется, но ее своеобразие состоит в том, что точка отсчета истории намеренно смещается на актуальный для текущего момента ракурс. Стало быть, способность мифа создавать время и, соответственно, историю обращается в русло конструирования обновленных версий прошлого.

Помимо отмеченных исследователей, сегодня необходимо выделить лагерь историков и политологов, активно использующих слово «миф» в своих исследованиях. При этом самому термину «миф» они придают разный смысл – от метафор у А. Ассман (например, миф истории эпохи Модерна [15]) до достаточно широкого определения, базирующегося на выявленных общих основаниях, разделяемых исследователями политической жизни: «Политический миф – это убеждение / нарратив, который разделяется социальной группой, воспринимается ею как констатация “естественного порядка вещей”» [16. С. 13]. Это, конечно, делает проблематичным выявление специфики современного исторического и политического мифа и, тем более, понимание того, каким смыслом исследователи могли наделять выражение «процесс мифологизации времени». Нам представляется, что мифологизацию времени здесь следует по-

нимать в контексте так называемой работы над мифом, как ее часть. Сама формулировка «работа над мифом» довольно часто встречается у историков и политологов («Работа над мифом» у Х. Блюменберга [17], «Работа Модерна над мифом современности» у А. Ассман [15]) и «...охватывает всю систему производства – восприятия – воспроизведения мифологического в обществе» [18]. При такой работе над мифом могут запросто выбираться практически любые исторические даты и события и далее сакрализовываться, мифологизироваться, ритуализироваться и возводиться в ранг памятных дат и государственных праздников. То есть такие мифологизированные времена, получается, укоренены во всей цепи истории, а не только в отдельных сакральных, освященных традицией временах. В связи с этим на первый план у многих современных исследователей исторических и политических мифов [19, 20] выходят прикладные аспекты использования идеологии, утопии и антиутопии в качестве инструментов мифологизации времени, их сравнения с действенностью мифов.

Рассмотрение точек зрения исследователей современного мифологического позволяет говорить о постепенном смешении акцента в исследованиях мифологизации времени с созерцания сакрального и вечного на конструирование и практическое воплощение идей по сакрализации модусов исторического времени, отвечающих интересам актуальной повестки дня.

Кроме того, следует отметить, что в работах отечественных специалистов в последнее время встречаются определения процессов мифологизации (например, М.Ю. Смирнов определяет мифологизацию как «...наделение чего бы то ни было мифической образностью» [21. С. 31]) и разработки концепций мифологизации времени [22]. Так, В.Ю. Кузнецов в диссертации «Социально-философская концепция мифологизации времени» выявил и определил структурные уровни представлений, в рамках которых формируется социально-философская мифологизация времени. По его мнению, в основе мифологизации времени на каждом этапе социально-философского анализа лежат следующие уровни: индивидуально-личностный, общественно-экономический, всемирно-исторический. Мифологизация времени предстает у него определенным синтезом этих основных темпоральных уровней [22. С. 14].

Учитывая мнение всех вышеуказанных авторов, предложим следующее определение понятия «мифологизация времени». Мифологизация времени – это процесс наделения мифологической образностью и мифосимволикой аспектов бытия (социального, художественного) любого модуса времени, осуществляемый как отдельным индивидом, так и социальными группами, обществом в целом, состоящий из нескольких стадий (от появления простого нарратива, затем, например, панегирического нарратива, и далее до формирования цепи событий в виде сюжетной линии) и способный оказывать влияние на развитие человека и общества; в результате данного процесса историческое, календарное время сакрализуется, приобретает универсальные архетипические черты, связывается с категорией «вечность»; единственным средством ми-

фологизации времени и, следовательно, приобщения к мифологическому времени выступают ритуализированные (мифоритуальные) практики.

Особенность нашего определения мифологизации времени, в сравнении с идеями М.Ю. Смирнова и В.Ю. Кузнецова, соответственно, об особой мифической образности и синтезе структурных уровней, заключается в более развернутом определении, дополняющем отечественных исследователей следующим образом: подчеркивается мифосимволизм модусов времени, выделяется полистадиальный характер процесса мифологизации, обозначается связь мифологической темпоральности с универсальными сюжетами, отмечаются современные механизмы «подключания» к мифологическому времени. Здесь также важно отметить, что мы разделяем ситуационный (interrelational) подход к современному мифу, предложенный итальянским специалистом по политической мифологии Кьярой Боттичи, согласно которому акцент делается на трех ключевых чертах мифа: «...миф использует образные средства; он может иметь дело со всеми видами контента; и, наконец, он представляет себя в качестве нарратива» [20. Р. 114]. При этом не каждый нарратив является мифом, а лишь тот, который обладает значимостью; и в процессе превращения нарратива в миф осуществляется трансформация модусов времени: «...повествование о событиях не просто предполагает временную последовательность того, что происходит, но и конфигурационное измерение или сюжет, в котором из разрозненных событий выстраивается значительное целое» [20. Р. 179].

Модусы времени и конституирование особой мифологической темпоральности

Одно из ключевых положений при рассмотрении процессов мифологизации времени состоит в том, что мифологизация всегда сопряжена с сакрализацией и созданием сакрального времени, в качестве которого выступают как времена первоначала, времена творений и действий героев, так и настоящее время и времена отдаленного будущего, т.е. мифологизации подвержены все модусы времени. В современном мифе сохраняется данная темпоральная особенность мифологизации, но добавляется активная мифотворческая работа с историческим временем, отдельные модусы которого теми или иными социальными акторами (от художников до представителей политического класса) зачастую намеренно выхватываются и выставляются на всеобщее обозрение для возможной мифологизации. Далее мы будем исходить из гипотезы, что в результате такой работы возникает особая – современная – мифологическая темпоральность, в которой мифологизированное прошлое становится частью социальной памяти, мифологизированное будущее – утопией, мифологизированное настоящее объективируется в мифоритуальных практиках. Поясним наше предположение на примерах.

Рассматривая особенности мифологизации прошлого, обратимся к концепту «мифоландшафт», предложенному Д. Беллом. Автор, на наш взгляд, демонстрирует влияние прошлого на формирование

мифов нации с сопутствующей мифологизацией содержащихся в коллективной памяти событий: «Сложное взаимопроникновение мифа и органической памяти (воспоминаний) наилучшим образом могут быть сформулированы в контексте (и в отношении) “национального мифоландшафта”. Такой мифоландшафт может быть понят как дискурсивная сфера, образованная с помощью и посредством временных и пространственных измерений, в которых мифы нации постоянно формируются, передаются, реконструируются и обсуждаются. Темпоральное измерение обозначает исторический промежуток, повествование о прошедших годах, и это повествование, скорее всего, будет включать в себя, в частности, историю происхождения нации и последующих важных событий и героических фигур. В случае с США, например, это повествование будет охватывать “Мейфлауэр”, героическую Революцию, мудрых отцов-основателей, формирующую нацию Гражданскую войну, отважных пограничников и экспансию на Запад, экономическое и политическое доминирование в XX в., Пирл-Харбор и последовательное спасение “свободного мира”, разочарование во Вьетнамской войне, ужасы зверств атаки на Всемирный торговый центр и так далее» [23. Р. 75–76]. То есть автор фактически, на примере США перечисляет все значимые исторические события, которые, таким образом, оказываются составляющими национального мифоландшафта. Однако хотелось бы отметить, что любое из перечисленных событий не существует как нечто неизменное, учитывая смыслы и значения, которые придаются конкретному факту с позиций настоящего. Значимый исторический факт всегда, так сказать, «обречен» постоянно подвергаться мифологизации, в результате чего так называемый мифоландшафт оказывается изменчивым: добавляются новые, пересматриваются известные, реактуализируются забытые исторические детали и целые комплексы фактов и событий. И объясняется это не столько работой специалистов с архивами, сколько позицией, которую мы предпочитаем занимать в отношении интерпретации тех или иных явлений и процессов: «...получается, что представления, образы, которые мы создаем об истории, в широком смысле мифические, в том смысле, что они целиком и полностью зависят от той позиции, которую мы сами занимаем в нашем настоящем» [10. С. 69]. В России национальный мифоландшафт, на наш взгляд, не обходится без событий Великой Отечественной войны, без фигуры Сталина, без имперского прошлого.

Также Д. Белл определял мифоландшафт как сферу, «в которой происходит борьба за контроль над коллективной памятью» [23. Р. 66], выделяя, таким образом, еще один значимый, на наш взгляд, аспект процесса мифологизации прошлого: стремление одних контролировать память других, каким бы странным и фантастическим ни выглядело такого рода утверждение.

В конечном счете мы имеем дело с определенной работой по конструированию и поддержанию желаемого образа прошлого, осуществляющей посредством мифотворчества и мифологизации как инструментов «работы над мифом».

Похожий механизм в настоящее время задействован и при мифологизации будущего. Прежде всего, необходимо отметить, что при мифологизации будущего выражается определенное несогласие с действительностью. Исходя из такого предположения (а здесь мы следуем идеям К. Манхайма [24] рассуждавшего об особенностях утопического мышления), получается, что мифологизация будущего как модуса времени, так же как и мифологизация прошлого, содержит в себе сегодня весомую долю элементов специального конструирования реальности. И это обстоятельство, конечно, не позволяет оценивать современную мифологизацию прошлого и будущего как естественный процесс. Поясним это на примере утопии времени. Польский специалист Е. Шацкий [25], осуществляя классификацию утопий, выделил две крупные группы утопий – эскапистские и героические, а в качестве разновидностей эскапистской утопии – утопии места, утопии времени и утопии вневременного порядка. В свою очередь, анализируя предложенный Е. Шацким термин «утопия времени», или «ухрония», отечественный исследователь утопий В.Д. Бакулов отмечает, что такая разновидность утопии «...изображает миры воплощенных идеалов и чаяний, общества, достигшие предельно возможного развития и совершенства, как миры прошлого или будущего. При этом представления о времени могут быть не менее фантастичными, чем представления о месте, еще более изощренными в изображении временных спецификаций, чем фантастические описания новых пространственных измерений. Такие утопии – это не локализованные однозначно пункты времени, а своеобразные “острова” во времени, изолированные и защищенные временем от тлетворного влияния извне миры» [26. С. 75]. То есть автор, называя ухронии «островами» во времени, фактически продолжает мысль К. Хюбнера о временных гештальтах, характерных для мифологического времени. Отметим, что речь в обоих случаях идет о замкнутом времени, которое, рассматриваем ли мы прошлое или будущее, представляет собой особый мифологизированный фрагмент, эпизод, период времени, выделенный субъектом и воздействующий на него как минимум на чувственном уровне.

И здесь мы переходим к еще одному модусу времени – настоящее, и к понятию «мифологизированное настоящее». Ведь именно в настоящем мы переживаем в том числе и мифологизированное прошлое, и мифологизированное будущее. Как было отмечено ранее, основным инструментом приобщения ко времени мифа и средством, способствующим мифологизации настоящего выступают ритуализированные или мифоритуальные практики. Данный феномен рассматривался нами ранее [27], и в отношении современных мифоритуальных практик был сделан вывод, что «вместе с существованием мифоритуальных практик проявляется и весь комплекс свойств мифологического сознания (эмоциональность, коллективность, всеобщий синcretизм, стремление к подразделению мира на саркальную и профанную сферы, принцип партиципации (сопричастия)), что не дает другим, рационализированным формам общественного сознания поглотить мифологическое сознание, позволяет

увидеть его специфику, открывает для мифологического сознания “социальное пространство”» [27. С. 18]. Однако при этом необходимо учитывать следующее: «Современные мифо-ритуальные практики есть явление общественной жизни, представляющее собой некоторую рационализированную, регламентированную форму общественного поведения, в ходе реализации которой, однако, проявляются и часто выходят на первый план основные свойства мифологического сознания» [27. С. 8]. Рассматривая здесь мифо-ритуальные практики как способ мифологизации настоящего и приобщения к мифологическому времени, следует констатировать, что именно такие практики являются наиболее эффективно работающим инструментом по формированию образов желающего прошлого и будущего. И дело здесь не только в факторе возможной эмоциональной привязки к мифологизируемому событию, в честь которого эти практики были инициированы и реализованы, и не в потенциальном обретении коллективной сплоченности, солидарности и даже идентичности (хотя эти факты, конечно, и делают мифологизацию настоящего, так сказать, более естественным процессом, чем мифологизацию других модусов времени). Все дело в том, что в особой мифологической темпоральности формируется непротиворечивая картина мира и что мифологические события структурируют человеческое восприятие. Мифологизация и миф упрощают реальность, одним из элементов которой и оказывается этот самый временной гештальт, или «остров». И чем больше в памяти будет таких мифологизированных эпизодов, которые как строительный материал, будут позволять конструировать прошлое, тем легче будет управлять не только прошлым, но и планировать будущее. Но проблема в том, что память и идентичность требуют сложных ассоциаций, не укладывающихся в мифологическую упрощенную модель реальности.

Тем не менее происходящие в настоящее время мифотворческие и мифологизационные процессы, распространяющиеся на все большее число феноменов как исторических, так и политических, экономических и, с недавних пор, цифровых заставляют задаться и вопросом о причинах мифологизации времени сегодня. Отвечая на этот вопрос, считаем нужным обратиться как к позициям сторонников психоаналитической теории мифа, так и, в частности, к мнению уже упомянутого ранее М. Элиаде, который то, почему человек и сегодня обращается к мифу и, таким образом, причины мифологизации времени объяснял желанием обрести далекое прошлое и надеждами скинуть тяжесть исторического времени [5. С. 180].

Кроме того, рассматривая специфику мифологизации времени, следует выделить как минимум две возможные ситуации: а) сначала мифологизируется какое-либо событие (например, событие, ставшее известным многим в результате действий какого-либо героя, политического лидера и т.п.), а после или практически сразу – мифологизируется сопутствующее этому событию время; б) время (время суток, время года, время эпохи) мифологизируется само по себе, без соотнесения с историческими фактами (такое, как

правило, возможно в художественном творчестве). Однако если вспомнить характеристику К. Хюбнером времени мифа, которое «...не является средой, в которой происходят события, а время и содержание времени образуют неразрывное единство» [7. С. 142], то отмеченные ситуации покажутся нам таким же продуктом возникших в Новое время рационализированных общественных отношений, как и утверждение о стремлении при помощи мифа управлять коллективной памятью посредством контроля.

В заключение хотелось бы отметить, что для дальнейшего выявления специфики мифологизации времени перспективным нам представляется рассмотрение модальностей мифологизации времени в плане их реализации как видов бытия в разных сферах жизни общества: например, в художественном творчестве, в политике, в медиа-среде. Так, время, проживаемое при чтении произведений художественной литературы, благодаря возникающим в процессе погружения в литературное произведение образам и ассоциациям, в определенной мере можно сравнить с временем мифа: «...“выход за пределы Времени”, осуществляемый с помощью чтения – в частности романов – есть то, что больше всего сближает функции литературы и мифологии. Конечно, время, которое “проживается” при чтении романа не есть то время, которое в архаических обществах интегрируется, собирается в одно целое при прослушивании мифа. Но как в одном, так и в другом случае происходит “выход” из времени исторического и личного и погружение во время вымышленное, трансисторическое» [5. С. 179–180]. Время в политике зачастую подчинено циклам (от предвыборной кампании, срока полномочий, программ развития территории до циркуляции элит), что в определенном смысле сближает его с цикличностью, которой обладает сакральное время в мифе. Отдельный вопрос, однако, заключается в том, понимают ли политические элиты, что фактически выступают в качестве творцов мифов и, тем более, понимают ли они механизмы мифологизации в целом и мифологизации времени в частности. Квинтэссенцией современных процессов мифологизации времени является медийная среда как поле, где постоянно происходит своеобразная циркуляция и даже конкуренция мифов. Возможности медиа видны уже при демонстрации воздействия видео на обывателя: «Можно также вспомнить историю о показе фильма в африканской стране, где много вопросов вызвал монтаж: как человек, только что чистивший зубы в своей ванной, внезапно оказался на улице, по дороге на работу? <...> Фильм не может быть настолько жизненным, например, чтобы в течение восьми часов заставлять зрителя смотреть на спящего героя и ждать, пока он проснется и продолжит сюжет. Естественно, все не содержащие событий отрезки жизни героев пропускаются. Иногда пропускаются десятки и сотни лет, совершаются скачки туда и обратно во времени. Зритель выступает в роли всевидящего, всевидящего существа, очень и очень выборочно наблюдающего за событиями в определенном порядке, с нескольких искусственно созданных позиций» [28. С. 253–254]. Современная же коммуникационная революция и торжество онлай-

на делают медиасреду с транслируемыми поп-мифами привилегированным полем для мифологизации.

Таким образом, можно фиксировать факт наличия разных модусов времени в современном социальном

мифе, требующий особой оптики рассмотрения и изучения, включая, прежде всего, понимание особенностей мифологических представлений о времени и процессов мифологизации времени.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кузнецов В.Ю. Мифологическое время // Вестник Чувашского университета. 2006. № 4. С. 102–110.
2. Иванов В.В. Категория времени в искусстве и культуре XX века // Ритм, пространство и время в литературе и искусстве. Л. : Наука, 1974. С. 39–67.
3. Леви-Строс К. Структурная антропология : пер. с фр. М. : ЭКСМО-Пресс, 2001. 512 с.
4. Энафф М. Клод Леви-Строс и структурная антропология : пер. с фр. СПб. : Гуманитарная Академия, 2010. 560 с.
5. Элиаде М. Аспекты мифа : пер. с фр. М. : Академический Проект, 2000. 222 с.
6. Мелетинский Е.М. Поэтика мифа. М. : Академический Проект, 2012. 331 с.
7. Хюбнер К. Истина мифа : пер. с нем. М. : Республика, 1996. 448 с.
8. Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры // Избранные труды. Средневековый мир. СПб. : Изд-во СПб. ун-та, 2007. С. 15–260.
9. Кэмпбелл Дж. Мифы, в которых нам жить: пер. с англ. Киев : София ; Москва : Гелиос, 2002. 256 с.
10. Беседа с Клодом Леви-Стросом Константина фон Барлевена и Галы Наумовой: пер. с фр. // Вопросы философии. 2009. № 5. С. 66–79.
11. Лосев А.Ф. Диалектика мифа. СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2014. 320 с.
12. Мерло-Понти М. Видимое и невидимое : пер. с фр. Минск : Логвинов, 2006. 400 с.
13. Тахо-Годи А.А. От диалектики мифа к абсолютной мифологии // Вопросы философии. 1997. № 5. С. 167–179.
14. Барт Р. Мифологии: пер. с фр. М. : Изд-во им. Сабашниковых, 2004. 320 с.
15. Ассман А. Распалась связь времен? Взлет и падение темпорального режима Модерна: пер. с нем. и англ. М. : Новое литературное обозрение, 2017. 272 с.
16. Малинова О.Ю. Миф как категория символической политики // Символическая политика : сб. науч. тр. / ред. кол.: О.Ю. Малинова (гл. ред.) и др. Вып. 3: Политические функции мифов. М. : ИНИОН РАН, 2015. С. 5–24.
17. Blumenberg H. Work on Myth. Cambridge, MA : MIT Press, 1985. 685 p.
18. Bottici C., Challand B. The Myth of the Clash of Civilizations. New York : Routledge, 2010. 178 p.
19. Шнирельман В.А. Миф о далеких предках и этническая принадлежность // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2018. Т. 9, вып. 6 (70). DOI: 10.18254/S0002252-6-1. URL: <https://history.jes.su/s207987840002252-6-1/> (дата обращения: 15.05.2020).
20. Bottici C. A Philosophy of Political Myth. Cambridge : Cambridge University Press, 2007. 286 p.
21. Смирнов М.Ю. Российское общество между мифом и религией: Историко-социологический очерк. СПб. : Изд-во СПб. ун-та, 2006. 228 с.
22. Кузнецов В.Ю. Социально-философская концепция мифологизации времени : автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Чебоксары, 2006. 44 с.
23. Bell D.S.A. Mythscapes: Memory, Mythology and National Identity // British Journal of Sociology. March 2003. Vol. 54, is. 1. P. 63–81.
24. Манхейм К. Идеология и утопия // Диагноз нашего времени : пер. с нем. и англ. М. : Юрист, 1994. С. 7–276.
25. Шапкин Е. Утопия и традиция: пер. с польск. М. : Прогресс, 1990. 456 с.
26. Бакулов В.Д. Социокультурные метаморфозы утопизма. Ростов н/Д : Изд-во Рост. ун-та, 2003. 352 с.
27. Иванов А.Г. Мифо-ритуальные практики: культурный феномен, элемент традиционного и основа современного мифологического сознания // Известия Российской государственной педагогической университета им. А.И. Герцена. 2009. № 87. С. 7–18.
28. Талал А. Миф и жизнь в кино: Смыслы и инструменты драматургического языка. М. : Альпина- non-фикшн, 2018. 394 с.

Статья представлена научной редакцией «Философия» 23 сентября 2020 г.

Time Mythologization: Theoretical Foundations and Contemporary Specifics

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 459, 80–87.

DOI: 10.17223/15617793/459/9

Andrey G. Ivanov, Lipetsk State Technical University (Lipetsk, Russian Federation); Russian Presidential Academy of Nation Economy and Public Administration, Lipetsk Branch (Lipetsk, Russian Federation). E-mail: agivanov2@yandex.ru

Keywords: contemporary social myth; time mythologization; sacred and historical time; ritualized (mythoritual) practices; eternity; “work on myth”; temporality; modi of time.

The study is supported by the Russian Foundation for Basic Research, Project No. 20-011-00297.

The article provides a comparative analysis of theoretical and methodological grounds for studying the problem of time mythologization in the context of domestic and foreign approaches to myth, including contemporary social myth. The points of view of Claude Lévi-Strauss, Mircea Eliade, and Kurt Hübner on the nature of mythological time were considered. The anti-historicity of the mythological, the connection of myth with the category of eternity, the opposition of sacred and profane time were shown. When determining the temporal features of the mythological and the concept of time mythologization, the principle of historicism was used. It is noted that, in the medieval era, ritualized (mythoritual) practices were already actively used as the main method of mythologizing time; they are still relevant today as a means of familiarizing oneself with mythological time. Among the research on myth as a phenomenon of modernity, the phenomenological approach of Aleksei Losev, the semiotic understanding of Roland Barthes, and their points of view on the nature of time in myth were analyzed. The examination of the ideas of historians and political scientists working with the concept “myth” showed that the focus in their studies of time mythologization shifts from contemplation of the sacred and the eternal to construction and practical implementation of ideas for the sacralization of modi of historical time in the interests of urgent agenda. Time mythologization, which they assume should be understood as part of “work on the myth”, results in the construction and maintenance of the desired image of the past. The author defines time mythologization as a process of giving mythological imagery and symbolism to aspects of being of any modus of time, as a result of which historical, calendar time becomes sacralized, acquires universal features, and is associated with the category of eternity. The author proceeds from the assumption that contemporary mythological temporality is understood as constituted through the statement of modi of time, in which the mythologized past becomes part of social memory, the future becomes utopia, and the present everyday ritualized (mythoritual) practices. In mythological temporality, a noncontradictory and simplified picture of the world is formed, allowing one to design the past and even manage it, as well as to plan the future. Answering the question about the reasons for time mythologization today, the au-

thor agrees with the supporters of the psychoanalytic concept of myth, who believe that people always have the desire to fight against historical time and to partake the sacred. It is concluded that the temporality of contemporary myth consists in the coverage of all modi of time, and the specificity of time mythologization is manifested in the artistic creativity, politics, and media environment.

REFERENCES

1. Kuznetsov, V.Yu. (2006) *Mifologicheskoe vremya* [Mythological time]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta – Bulletin of the Chuvash University*. 4. pp. 102–110.
2. Ivanov, V.V. (1974) *Kategorija vremeni v iskusstve i kul'ture XX veka* [The category of time in art and culture of the 20th century]. In: Egorov, B.F. (ed.) *Ritm, prostranstvo i vremya v literature i iskusstve* [Rhythm, space and time in literature and art]. Leningrad: Nauka, pp. 39–67.
3. Lévi-Strauss, C. (2001) *Strukturnaya antropologiya* [Structural anthropology]. Translated from French by V.V. Ivanov. Moscow: EKSMO-Press.
4. Hénaff, M. (2010) *Klod Levi-Stros i strukturnaya antropologiya* [Claude Lévi-Strauss and Structural Anthropology]. Translated from French by O.V. Kustova. St. Petersburg: Gumanitarnaya Akademiya.
5. Eliade, M. (2000) *Aspeky mifa* [Aspects of myth]. Translated from French by V.P. Bol'shakov. Moscow: Akademicheskiy Proekt.
6. Meletinskiy, E.M. (2012) *Poetika mifa* [The poetics of myth]. Moscow: Akademicheskiy Proekt.
7. Hübner, K. (1996) *Istina mifa* [The truth of myth]. Translated from German by I. Kasavin. Moscow: Respublika.
8. Gurevich, A.Ya. (2007) *Izbrannye trudy. Srednevekovyy mir* [Selected Works. The medieval world]. St. Petersburg: St. Petersburg State University. pp. 15–260.
9. Campbell, J. (2002) *Mify, v kotorykh nam zhit'* [Myths to Live by]. Translated from English by K. Semyonov. Kyiv: Sofiya; Moscow: Gelios.
10. von Barleven, C. & Naumova, G. (2009) Beseda s Klodom Levi-Strosom Konstantina fon Barlevena i Galy Naumovoy [Conversation of Constantine von Barleven and Gala Naumova with Claude Levi-Strauss]. Translated from French. *Voprosy filosofii – Problems of Philosophy*. 5. pp. 66–79.
11. Losev, A.F. (2014) *Dialektika mifa* [Dialectics of myth]. St. Petersburg: Azbuka, Azbuka-Attikus.
12. Merleau-Ponty, M. (2006) *Vidimoe i nevidimoe* [The visible and the invisible]. Translated from French by O.N. Shparaga. Minsk: Logvinov.
13. Takh-Godi, A.A. (1997) *Ot dialektiki mifa k absolyutnoy mifologii* [From the dialectics of myth to absolute mythology]. *Voprosy filosofii – Problems of Philosophy*. 5. pp. 167–179.
14. Barthes, R. (2004) *Mifologii* [Mythologies]. Translated from French by S.N. Zenkin. Moscow: Izd-vo im. Sabashnikovykh.
15. Assman, A. (2017) *Raspalas' svyaz' vremen? Vzlet i padenie temporal'nogo rezhima Moderna* [Is time out of joint? Rise and fall of the time regime of Modernity]. Translated from German and English. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
16. Malinova, O.Yu. (2015) *Mif kak kategorija simvolicheskoy politiki* [Myth as a category of symbolic politics]. In: Malinova, O.Yu. et al. (eds) *Simvolicheskaya politika* [Symbolic politics]. Vol. 3. Moscow: Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences. pp. 5–24.
17. Blumenberg, H. (1985) *Work on Myth*. Cambridge, MA: MIT Press.
18. Bottici, C. & Challand, B. (2010) *The Myth of the Clash of Civilizations*. New York: Routledge.
19. Shnirel'man, V.A. (2018) *Myth of the Remote Ancestors and Ethnic Identity*. *Istoriya*. 9:6 (70). (In Russian). DOI: 10.18254/S0002252-6-1
20. Bottici, C. (2007) *A Philosophy of Political Myth*. Cambridge: Cambridge University Press.
21. Smirnov, M.Yu. (2006) *Rossiyskoe obshchestvo mezhdu mifom i religiej: Istoriko-sotsiologicheskiy ocherk* [Russian society between myth and religion: A historical and sociological essay]. St. Petersburg: St. Petersburg State University.
22. Kuznetsov, V.Yu. (2006) *Sotsial'no-filosofskaya kontsepsiya mifologizatsii vremeni* [The sociophilosophical conception of time mythologization]. Abstract of Philosophy Dr. Diss. Cheboksary.
23. Bell, D.S.A. (2003) *Mythscapes: Memory, Mythology and National Identity*. *British Journal of Sociology*. 54 (1). pp. 63–81.
24. Mannheim, K. (1994) *Diagnoz nashego vremeni* [The diagnosis of our time]. Translated from German and English. Moscow: Yurist. pp. 7–276.
25. Szacki, J. (1990) *Utopiya i traditsiya* [Utopia and Tradition]. Translated from Polish by K.V. Dushenko, M.I. Len'shina. Moscow: Progress.
26. Bakulov, V.D. (2003) *Sotsiokul'turnye metamorfozy utopizma* [Sociocultural metamorphoses of utopianism]. Rostov-on-Don: Rostov State University.
27. Ivanov, A.G. (2009) *Mifo-ritual'nye praktiki: kul'turnyy fenomen, element traditsionnogo i osnova sovremenennogo mifologicheskogo soznaniya* [Mythological and ritual practices: Cultural phenomenon, element of the traditional, and basis of modern mythological consciousness]. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertseva – Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*. 87. pp. 7–18.
28. Talal, A. (2018) *Mif i zhizn' v kino: Smysly i instrumenty dramaturgicheskogo yazyka* [Myth and life in cinema: Meanings and instruments of dramatic language]. Moscow: Al'pina-non-fikshn.

Received: 23 September 2020

М.Н. Кокаревич

ОСНОВНЫЕ МОДЕЛИ РАЗВИТИЯ АРХИТЕКТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОЕКТИРОВАНИЯ

На основе доказанной относительной тождественности социогуманистического познания и архитектурного проектирования, а также дискурсов методологии науки и методологии архитектурного проектирования доказана возможность адаптации ряда моделей динамики науки к формированию моделей, логических схем развития архитектурного проектирования. Показано, что развитие архитектурно-художественного проектирования можно рассматривать как становление, сосуществование в изменяющемся социокультурном контексте открытых, взаимодействующих архитектурных парадигм.

Ключевые слова: архитектурно-художественное проектирование; архитектурная парадигма; модели развития архитектуры.

Экстерналистский подход к выявлению основных закономерностей, логических схем развития архитектурно-художественного проектирования предполагает рассмотрение динамики архитектуры и искусства, взятых в социокультурном контексте. Относительная тождественность научного социогуманистического познания и архитектурно-художественного проектирования, которая заключается в том, что, во-первых, субъект научного гуманистического познания и архитектурно-художественного проектирования есть единство субъективного и объективного, рационального и эмоционального, во-вторых, методологической стратегией обоих видов деятельности является конструирование, в-третьих, предметная реальность для гуманистического познания – созданная автором онтологическая модель реальности, для субъекта художественного проектирования – художественная реальность, актуализирует задачу конкретизации и адаптации основных схем динамики науки к развитию архитектуры [1].

Если при этом кумулятивная и ряд интерналистских концепций развития науки игнорируют культурно-исторический контекст, то история архитектуры (понимаемой как история архитектурно-художественного проектирования и его реализаций) как такая форма культуры, в которой аккумулируются и предстают в завершенном виде особенности культурной эпохи, представляется как смена стилей, направлений, соответствующих смене культурных эпох от Средневековья до Постмодерна. Последнее относится к истории западноевропейской архитектуры. При этом логика развития архитектуры вписывается в линейную модель развития культуры, согласно которой основные этапы культурной динамики определены постепенным переходом от древних восточных культур к египетской культуре, которая является вершиной развития Востока и основанием для генезиса и эволюции античной культуры, которая, в свою очередь, является базисом становления христианской, западноевропейской культуры, проходящей все этапы начиная со Средневековья. Логика линейного развития в последующем предполагает, что основные этапы эволюции всех культур заданы развитием европейской культуры, что реализуется в выделении, например, эпохи Средневековья в Китае, Древней Руси и т.д.

Соответственно, исторически первой и самой распространенной моделью развития архитектурно-худо-

жественного проектирования является линейная модель архитектурной динамики, в рамках которой выделяются основные этапы развития архитектуры в хронологической последовательности смены основных этапов развития культуры. Ядром данной модели является представление об архитектурной динамике как смене стилей и направлений, которая осуществляется в аспекте смены культурных эпох, определяемых линейной концепцией развития культуры. При этом подобное развитие имеет линейный, но обратимый характер, что согласуется с возникновением неоготики и других «нео».

Линейная модель развития культуры носит европоцентричный характер, т.е. реконструирует развитие культуры сквозь призму европейских ценностей, главные из которых – культ научного и технологического развития. Поэтому адекватнее говорить, например, не о японской средневековой архитектуре, а об архитектуре эпохи Хэйан поскольку ее содержание задается специфическими ценностями, не совпадающими с ценностями европейского Средневековья, которые и актуализируются в соответствующем термине. Тем самым эволюция японской архитектуры может быть вписана в логическую схему последовательности таких эпох, как Нара (VIII в.), Хейан (IX–XII вв.), Камакура (XIII–XIV вв.), Муромати (XIV–XVI вв.), Эдо (XVII – первая половина XIX в.) и многоликая эпоха XX–XXI вв. с усложнившимся социокультурным контекстом, в котором наряду с традиционными японскими эстетическими ценностями утверждаются ценности Постмодерна и системно-синергетического видения мира.

В последующем утверждается циклическая модель развития культуры, в рамках которой принимается принцип о том, что все культурные феномены той или иной культуры, культурной эпохи генерируются ментальным ядром культуры. Ментальные доминанты культуры определяют качественное содержание всех и, в частности, архитектурно-художественных феноменов, их распространенность и место, их успешность, высокую оценку профессионалов и населения в целом. В рамках циклических теорий окончательно актуализируется детерминирующая роль социокультурного контекста в эволюции архитектурного проектирования. Это обстоятельство позволяет адаптировать экстерналистские теории развития науки к реконструкции эволюции архитектуры. Тем более что

утверждение циклических теорий развития культуры наряду с линейными теориями становится основанием для принятия многообразных логических схем развития и архитектуры.

Относительная тождественность социогуманитарного знания и архитектурного проектирования может быть основанием коррелятивности дискурсов методологии науки и методологии архитектурно-художественного проектирования. Так, образы прекрасного всегда коррелятивны нормам научной рациональности, нормам доказательности, описания, объяснения, поскольку и те и другие являются актуализацией одних и тех же ментальных доминант. Действительно, культ прекрасной человеческой телесности определяет и образ прекрасного как красоту человеческого тела в художественно-эстетической сфере античной культуры, что формирует дорический ордер как аналог красоты мужского тела и ионический ордер как аналог прекрасного женского тела, и нормы научного мышления как телесного мышления. Космос мыслился по аналогии с человеческим телом как нечто пропорциональное, симметричное, занимающее объем в пространстве. Число мыслится как отрезок на прямой, как нечто ограниченное на плоскости аналогично человеку, занимающему ограниченное место в пространстве. Также по аналогии с *ad hoc* гипотезой вводится и существует понятие *ad hoc* архитектуры как архитектурного проекта, отвечающего конкретным требованиям места, вкусам заказчика.

Стиль, направление, авторские принципы архитектурного проектирования можно рассматривать как разновидности архитектурных парадигм. Парадигма представляет собой признанную теорию, которая задает модель постановки проблем и их решений научному сообществу. Методологический аспект парадигмы представляет собой ценностные установки, конкретизации норм научной рациональности для определенной предметной реальности. Поэтому в методологическом аспекте определенная парадигма становится системой принципов решения научной проблемы. Стиль можно рассматривать как аналог парадигмы, поскольку в своей основе он представляет собой также систему художественных принципов, которая становится базисом для решения задач архитектурного проектирования, поскольку любое проектировочное решение реализуется сквозь призму художественных элементов какого-либо стиля. При этом стиль как архитектурная парадигма характеризуется высокой степенью устойчивости, временного долголетия. Стиль как разновидность архитектурной парадигмы отличается от направления как парадигмы, авторской системы проектирования как авторской парадигмы именно высокой степенью догматичности и повторяемости своих элементов по созданию архитектурно-художественного образа. Направление как парадигма характеризуется значительной степенью коллективной субъективности, возникающей на пересечении творческих интенций ряда архитекторов, что и позволяет им объединиться в одно направление. Авторская парадигма характеризуется личностной субъективностью, эстетическими представлениями одной творческой личности, создающей свою соб-

ственную систему принципов решения проектировочной проблемы.

Данная коррелятивность дискурсов методологии науки и методологии проектной деятельности, приоритет циклической теории развития культуры, которая принцип экстернализма, принцип культурно-исторической обусловленность любого феномена культуры утверждает как релевантный принцип описания и объяснения специфики культурных явлений, становится основанием для адаптации ряда логических моделей развития научного познания для описания логики развития архитектурно-художественного проектирования и архитектуры.

Попперовский принцип развития науки, согласно которому развитие науки представляется как смена теорий, осуществляемая в соответствии с методологией проб и ошибок, может быть экстраполирован на проектировочную деятельность в рамках экстерналистского подхода [2]. Естественно, что сначала обществом, культурой выдвигается проблема, для решения ее формируется эскиз, аналог пробной теории, затем наступает период правок, устранения ошибок, что ведет к новому эскизу, затем – к пробному проекту и так далее до создания одного выверенного автором проекта. Так, К. Кикутаке, анализируя свой творческий процесс, заявлял, что он для себя ввел критерий принятия или отторжения проекта. Если эскиз, приблизительный пробный проект жилого помещения не удовлетворял принципам счастья, гармонии и мира, то он не мог быть реализован. Такой проект рассматривается им как проба, как ошибка, которую следует исправить. Тем самым, появляется новый эскиз, который снова подвергается критике и так далее до появления эскиза жилья, которое удовлетворяет принципам мира, гармонии и счастья. При этом в выдвижении идеи играют роль и личностные приоритеты, и ассоциации, и аналогии, и образы искусства, и японский социокультурный контекст с его доминированием принципа единства человека и природы, который задает образ гармонии как гармонии с природой. Тем самым, методология проб и ошибок имманентно присуща архитектурно-художественному творчеству.

Рассматривая развитие науки как смену парадигм, вводя в дискурс методологии науки понятие парадигмы, Т. Кун ассоциирует его с понятием научного сообщества [3]. Ученый является членом научного сообщества только в том случае, если он работает в рамках определенной парадигмы. Тем самым, Кун вводит в методологию науки такой новый элемент, как исторический субъект научной деятельности. Именно сообщество ученых, вписанных в какую-либо парадигму и культуру, определяет развитие науки. Аналогично архитектурная парадигма существует в творчестве архитектурного сообщества. Архитектор всегда выступает как представитель определенной парадигмы, всегда в своем творчестве реализует систему парадигмальных, стилистических принципов создания определенного архитектурно-художественного образа, задаваемых культурно-историческим контекстом.

Представляется, что модель развития архитектуры как смены стилей, осуществляемая в контексте куль-

турно-исторических изменений, внешне похожа на модель развития науки Т. Куна, согласно которой развитие науки есть смена парадигм. Однако подобная модель развития науки возникает как результат обобщения и философского осмысления развития естественных наук. Коррелятивность архитектурного проектирования и социогуманитарного познания позволяет в качестве релевантной реалиям истории архитектуры усмотреть принцип сосуществования научных теорий как главный в модели И. Лакатоса [4]. Лакатос рассматривает развитие науки как сосуществование ИП (аналог парадигмы), которые взаимодействуют в пространстве и времени или соперничают друг с другом. Данная модель опирается на исторический опыт развития математики, которая как история и ее последующая реконструкция в исторической науке продуцируется человеком. Соответственно, она адекватно реконструирует логику развития социогуманитарных наук, в которых парадигмы, меняя друг друга, не отрицают существование друг друга. Аналогично стили и направления в архитектуре появляются, меняют друг друга, становясь в определенную эпоху авангардными. Однако предыдущие стили и направления не исчезают, а продолжают существовать и становиться источником своего возрождения в новой культурной эпохе.

Наиболее релевантными реалиям современного существования и развития архитектуры являются некоторые принципы концепции П. Фейерабенда: принцип детерминирующей роли не только социокультурных, но и социопсихологических факторов, таких как жажда славы, утверждения собственного творческого «Я» и другие, принцип пролиферации [5]. Это не значит, что Польза, Прочность, Красота как ориентиры архитектурно-строительной деятельности исчезают, они остаются в качестве необходимых принципов, но уже недостаточных, они становятся далеко не главными. Если Фейерабенд, реконструируя развитие науки, убеждает нас, что Истина как главный, общеизвестный ориентир для ученого – это «злой монстр», что позволено все, то триединая задача архитектуры остается принципом архитектурно-строительной деятельности. При этом меняется содержание Красоты как культурного фактора (современные небоскребы разрушают витрувианский образ красоты как единства гармонии, евритмии и декорума, приличествующего вида здания, соответствующего его функциональному назначению), Прочность и Польза – неизменны как цивилизационные факторы.

Действительно, пространство современного архитектурно-художественного проектирования, современную архитектуру можно представить как хаотическое размножение, пролиферацию архитектурных парадигм, направлений, которое обусловлено многими факторами: во-первых, принятием новых методологических установок (например, философский методологический принцип деконструкции, принятый многими архитекторами, реализуется в утверждении и эволюционировании деконструктивизма как весьма значимого для современной архитектуры направления) [6]; во-вторых, желанием найти и реализовать собственное творческое «Я»; в-третьих, желанием

создать собственную авторскую архитектурную парадигму, несовместимую с господствующей; в-четвертых, желанием прославиться и т.п.

Таким образом, пространство архитектуры – это множество разнообразных направлений, архитектурных парадигм, которые формируются как актуализации многих субъективных интенций и объективных факторов, запросов общества. К ряду объективных факторов следует отнести, наряду с новыми технологиями, социальными запросами, культурно-исторический контекст, который формирует вызовы архитектуре (постмодернистский социокультурный контекст с его принципом максимальной приближенности к каждому человеку приводит к критике принципа «Дом – машина для жилья» (Ле Корбюзье) и господству принципа «Дом – это образ жизни» (Ч. Дженкс)). Пролиферация архитектурных парадигм, направлений – это норма для современной архитектуры. При этом тенденции стремления к устойчивости и стремления к пролиферации являются одновременными тенденциями становления и эволюционирования архитектурных парадигм и направлений. При этом отсутствуют универсальные нормы и правила формирования таких парадигм, «дозволено все», но в рамках, задаваемых единством Пользы, Прочности и Красоты.

Подход к концептуализации динамики архитектуры с позиций принципов циклической теории развития культуры, подход к архитектуре как исторически развивающейся системе ставят проблему преемственности в архитектуре. С одной стороны, существуют противоположные стилистические парадигмы, как барокко и классицизм, существует деконструктивизм, разрушающий привычные стереотипы (гладкий непроницаемый пол, прямые стены здания и т.п.), существует и появляется множество оригинальных направлений. Тем самым подтверждается положение о многообразии, даже несоизмеримости архитектурных стилей, направлений как парадигм.

Тем не менее можно говорить и о преемственности в том аспекте, что в истории архитектуры обнаруживаются «сквозные тематические структуры» [7] (жилье, храмовые сооружения, города и т.п.). Подобные тематические структуры, определяемые социокультурными вызовами, характеризуются чертами постоянства и воспроизведения, что позволяет представить эволюцию архитектуры как поиск и актуализацию определенных архитектурно-планировочных решений, в частности, жилых помещений, которые объединяют, определяя как этапы актуализации данных тематических структур качественно различные архитектурные парадигмы. Последнее позволяет организовать историю архитектуры как систему актуализаций архитектурно-планировочных решений одних и тех же тем, например, темы строительства жилья, планирования города и т.п.

Существуют ситуации в развитии тематических структур, которые становятся точками становления новых архитектурных парадигм. Такие ситуации представляют собой взаимодействие отдельного архитектора с новым культурно-историческим контекстом при решении определенной тематической проблемы, ряда тематических проблем. При этом в дея-

тельности отдельного архитектора соединяются для решения тематической задачи культурно-исторические, стилистические, парадигмальные факторы, детерминантная картина мира, философские интенции. Творчество К. Курокавы представляет собой, в частности, актуализацию таких тематических структур, как город, как жилье. Для реализации данных тем Курокава создает систему ориентиров (метаболизм) как результат взаимодействия японского культурного контекста, системно-синергетической картины, что и приводит к такой архитектурной парадигме как метаболизм.

Таким образом, в данной методологической модели в истории архитектуры следует выделять тематические структуры и взаимодействующие методологические принципы (социокультурный контекст, философию, картину мира, парадигму), которые являются точками становления новых архитектурно-планировочных парадигм. Следовательно, развитие архитектуры – это трансляция и встреча различных тем, тематических структур, это взаимодействие деятельности ученого с социокультурным контекстом, сплетенным из ментальных детерминант, образов прекрасного, философских интенций, картины мира, архитектурной парадигмы.

Например, в контексте средневековой культуры архитектор имеет дело с такой тематической структурой, как жилье, но в рамках методологической структуры Средневековья с его принципом крайнего дуализма, признанием ничтожным и отвратительным человеческой телесности жилья, город выстраивается вне принципа комфортности, чистоты, удобства. С изменением социокультурного контекста, а именно со становлением культуры Возрождения с ее культом индивидуальности и гуманизма как оправдания человеческой телесности, изменяется методологическая архитектурная установка, в которой начинают главенствовать принципы комфорта. Так, Микеланджело создает весьма «гуманистичные» лестницы с низкими ступенями, гладкими, коррелирующими с размером человеческой руки перилами и т.п. Планировочное решение города, в частности у Альберти, наряду с принципом комфортности, актуализирует философские идеи пантеизма, гелиоцентричности и т.п.

С позиций модели развития науки Ст. Тулмина главными элементами научного знания являются понятия [8]. Аналогично можно рассматривать архитектуру как систему знаков, как архитектурный дискурс. Данная позиция присуща Ч. Джэнксу, который подчеркивает, что архитектура – это язык, языковая система, система символов [9]. Окна, двери, стены и многое другое – отдельные слова, дома – рассказы, города – сложные системы знаков, аналогичные роману. При таком подходе проектирование есть реализация некоторого грамматического кода, в котором окна, двери имеют свое место, как подлежащее, сказуемое в предложении. Однако в данном подходе на первый план выходит не грамматика архитектурного языка, а его семантика, архитектурная символика, реализация смыслов, значений. Тем самым процесс архитектурного проектирования оказывается актуализацией задуманных и продуманных смыслов, образов, процессом созидания знаков – символов. В. Брюсов:

писал: «Так образы изменчивых фантазий, плывущие, как в небе облака, окаменев, живут потом века в отточенной и завершенной фразе». Такой отточенной фразой и становится здание, квартал и так далее, если они – актуализация глубоких чувств и представлений. Когда аббат Сугерий при реконструкции храма в своем аббатстве, решает, что его храм в самой полной степени должен реализовать идею Бога в камне, идею храма как символа Царства Божия, то он находит такие слова-знаки, как контрфорсы, аркбутаны и т.п. Эти знаки и позволяют сделать пространство храма огромным, подобно пространству Божьего Царства, в котором оживут все праведники.

Таким образом, утверждается архитектурный дискурс, в котором множество слов, знаков-символов представляются реализацией социокультурного контекста, авторского замысла, чувствования. В литературном творчестве нужные слова находятся как воплощение глубинного и полного переживания. В стихотворении С. Есенина словом, которое лучше всего передает смысл любви, является «затеряться» как лучшая метафора любовного вихря. «Слышишь, мчатся сани, слышишь, сани мчатся, хорошо с любимой в поле затеряться...». Хотя с позиций грамматики правильно и «проехаться по полю». Аналогично в архитектурном творчестве такие знаки-символы появляются как воплощение замысла автора. Тем самым, архитектура – специфический язык, на котором говорят зодчие. При этом акцент делается на том, что найти нужный, значимый знак может только тот, кто понимает, что архитектура – это язык, это средство, способное выразить мысли и чувства, что обосновывал и теоретик архитектуры постmodернизма Ч. Джэнкс.

Изменения концептуальных структур, знаковых систем можно описать как происходящие аналогично динамике биологических популяций (мутаций и естественного отбора). Архитектурные стили, направления, все виды парадигм представляют собой популяции понятий, знаковые системы. При этом знаки-символы меняются не каждый отдельно, а как особи, включенные в «знаковые популяции». Любая новая система знаков (контрфорсы, аркбутаны и т.п.) проходит процедуры искусственного отбора. Последний детерминируется, прежде всего, социокультурным контекстом. Новые знаки-символы проходят процедуры отбора, который регулируется ментальными доминантами культуры, образами прекрасного, картиной мира, философией. Был найден и отобран такой знак, как витраж, поскольку он позволяет преломить свет, превращая его в божественный, позволяет наполнить храм божественным светом, что помогает полнее реализовывать идею храма как Божьего Царства.

Тем самым, знаковые системы, архитектурные дискурсы адаптируются к социокультурному контексту. Последний под воздействием новых архитектурных дискурсов сам меняется. Так происходит переход от романики к готике, проникая во все формы культуры (книгопечатание, скульптура, живопись и т.д.). Таким образом, архитектура, архитектурные парадигмы оказываются вписанными в культурную эпоху. Культурная эпоха представляет собой систему взаи-

мосвязанных понятийных популяций, дискурсов (не только архитектурных, но и политических, научных и других), которые утверждаются в культуре, так как соответствуют принятым в данной культурной эпохе образам красоты, пониманию специфики коннотаций, коннотативного содержания сооружения, коррелятивного его денотативному содержанию, или функциональному назначению.

Так преобладание доминанты крайнего дуализма в ранней средневековой культуре создает образ красоты, когда категорией прекрасного описывают только духовность, божественный мир. Такой образ прекрасного актуализируется в утверждении крайнего дуализма между земной, телесной оболочкой романского храма, коннотируя невозможность украшательства, тяжеловесность и простоту экстерьера храма и богатство, роскошь, пространственность, создаваемую потолочным перекрытием на нервюрах, обилие света, золота интерьера храма, который в целом является коннотацией Божьего Царства. Тем самым именно ментальная доминанта крайнего дуализма, противоположности земного и божественного, телесного и духовного задает коннотации противоположности между внешней оболочкой храма и его внутренним убранством, что генерирует определенные знаки: стены, нервюры, витражи

и т.п. Соответственно, крайний дуализм создает не только богословский дискурс, но и художественный дискурс, в котором преобладают пляски смерти (тело изображается как гниющее, нечто отвратительное), обыденный дискурс, в котором тело определяется как омерзительное одеяние души и т.д.

Вплетенная в постмодернистский социокультурный контекст системно-синергетическая картина мира формирует коннотации здания как организма, города как органического образования, коннотации недосказанности, незавершенности, симбиоза человека и техники, коэволюции отдельных элементов здания, города, открытости структуры здания, города, что определяет архитектурный дискурс, реализованный в проектах метаболистов, генезис таких знаковых систем, как башня «Накагин» и т.д.

Таким образом, выстраивается обобщенная модель динамики архитектурно-художественного проектирования, архитектуры, согласно которой развитие архитектурно-художественного проектирования представляет собой становление, смену и сосуществование открытых к взаимодействию архитектурных парадигм, дискурсов, детерминированных социокультурным контекстом и разнесенных или соседствующих в культурно-историческом пространстве и времени.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кокаревич М.Н. Философское познание и архитектурное проектирование // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2017. № 39. С. 13–22.
2. Поппер К. Логика и рост научного знания. М. : Прогресс, 1983. 605 с.
3. Кун Т. Структура научных революций. М. : Прогресс, 1977. 301 с.
4. Лакатос И. История науки и ее рациональные реконструкции // Структура и развитие науки. Из бостонских исследований по философии науки. М. : Прогресс, 1978. С. 203–235.
5. Фейерабенд П. Избранные труды по методологии науки. М. : Прогресс, 1986. 542 с.
6. Кокаревич М.Н. Философский и архитектурный дискурсы в культуре // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 440. С. 53–58.
7. Холтон Дж. Тематический анализ науки. М. : Прогресс, 1981. 384 с.
8. Тулмин Ст. Человеческое понимание. М. : Прогресс, 1984. 327 с.
9. Дженкс Ч. Язык архитектуры постмодернизма. М. : Стройиздат, 1985. 136 с.

Статья представлена научной редакцией «Философия» 3 сентября 2020 г.

Architectural and Artistic Design: Basic Models of Development

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 459, 88–93.

DOI: 10.17223/15617793/459/10

Mariya N. Kokarevich, Tomsk State University of Architecture and Building (Tomsk, Russian Federation). E-mail: kokarevich@mail.ru

Keywords: architectural and artistic design; architectural paradigm; models of architecture development.

The aim of the article is to substantiate the possibility of adapting the principles of a number of models of the dynamics of science to the formation of the concept of architectural design development. The material for the philosophical and methodological research in this work is a variety of architectural phenomena, methodological paradigms of a number of leading philosophers and architects of the past and present. The conclusion about the possibility of adapting the models, the logic of scientific knowledge development to the description of the dynamics of architectural and artistic design is based on the methodology of externalism, comparative analysis (it shows the relative similarity of social and humanitarian knowledge and architectural design), and discourses of methodology of science and methodology of architectural design. The research shows that the establishment of the modern form of a cyclical model of development of culture with its provisions on equality, openness and interaction of cultures in today's socio-humanitarian knowledge becomes the methodological basis for the conceptualization of existence of architectural and artistic design, and architecture as a multitude of open interacting architectural paradigms. The correlation of architectural design and socio-humanitarian knowledge allows perceiving the principle of coexistence of architectural paradigms as relevant to the realities of the history of architecture. This principle is characteristic of the conceptualization of the dynamics of science by Imre Lakatos, since his model is based on the experience of the development of mathematics, which is based on the same principles as humanitarian knowledge. The principles of Paul Feyerabend's conception of development of science (the determining role of sociocultural and sociopsychological factors, e.g., the thirst for asserting one's own creative "Self"; proliferation) are most relevant to the realities of the modern existence and development of architecture. The concept-forming principle in modeling the dynamics of architectural and artistic design is the understanding of architecture as a system of signs, as a discourse that interacts with other discourses set by the sociocultural context.

Thus, a model of the dynamics of architectural and artistic design is built. According to this model, the development of architectural and artistic design is the formation, change and coexistence of architectural paradigms and discourses, open to interaction, separated or neighboring in the cultural and historical space and time.

REFERENCES

1. Kokarevich, M.N. (2017) Philosophical cognition and architectural planning. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy. Sociology and Political Science.* 39. pp. 13–22. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863X/39/2
2. Popper, K. (1983) *Logika i rost nauchnogo znaniya* [The logic of scientific discovery. The growth of scientific knowledge]. Translated from English. Moscow: Progress.
3. Kuhn, T. (1977) *Struktura nauchnykh revolyutsiy* [The structure of scientific revolutions]. Translated from English. Moscow: Progress.
4. Lakatos, I. (1978) *Istoriya nauki i ee ratsional'nye rekonstruktsii* [History of science and its rational reconstructions]. Translated from English. In: Gryaznov, B.S. & Sadovskiy, V.N. (eds) *Struktura i razvitiye nauki. Iz bostonskikh issledovaniy po filosofii nauki* [Structure and development of science. From Boston Studies in Philosophy of Science]. Moscow: Progress. pp. 203–235.
5. Feyerabend, P. (1986) *Izbrannye trudy po metodologii nauki* [Selected works on the methodology of science]. Translated from English. Moscow: Progress.
6. Kokarevich, M.N. (2019) Philosophical and Architectural Discourses in Culture. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal.* 440. pp. 53–58. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/440/7
7. Holton, G. (1981) *Tematiceskiy analiz nauki* [Thematic Origins of Scientific Thought]. Translated from English. Moscow: Progress.
8. Toulmin, St. (1984) *Chelovecheskoe ponimanie* [Human understanding]. Translated from English. Moscow: Progress.
9. Jencks, Ch. (1985) *Yazyk arkhitektury postmodernizma* [Language of Postmodern Architecture]. Translated from English. Moscow: Stroyizdat.

Received: 03 September 2020

С.Г. Селиванова

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИМЕНИ СОБСТВЕННОГО В ЛОГИКЕ РАННИХ СТОИКОВ

Анализируются концептуально-теоретические, историко-антропологические особенности имени собственного в философии ранней Стои. Заключается, что Имя принадлежит «чистым смыслам» лишь формально. Оно отличается от предикатов, которые выражают собой событийно-номадические структуры языка. Имя, напротив, образует устойчивую конstellацию, своеобразную характерологию субъекта и знак и его отличия.

Ключевые слова: имя собственное; лектон; смысл; предикат; телесное; бестелесное; диалектика; обозначаемое; обозначающее; стоики.

Введение

Антрапологические взгляды стоиков сложились в рамках определенной культурно-исторической ситуации. А.Ф. Лосев указывает на такие основополагающие и во многом новоявленные черты эллинизма, как космополитизм, универсализм, субъективизм, индивидуализм, единичное, ощущимость, приоритет практики над теорией, этики над логикой [1. С. 8–24]. Различие между классическим эллинским и эллинистическим типами, как указывает А.С. Степанова, состоит в том, что в эллинистическо-римскую эпоху впервые встает вопрос о «существовании», в то время как Платон и Аристотель акцент ставили на сущем и его постижении, разыскивание первоначала доминирует в их познавательной установке, отсюда и разница в вопрошании классического грека и эллина эпохи эллинизма: первый задается вопросом о причине, о том «почему»; второй же ищет ответ на вопрос «как», «каким образом» [2. С. 136]. Впервые в центре философского рассмотрения оказывается конкретный и реальный человек, а учение о душе, детально и подробно разработанное стоиками, как считает А.С. Степанова, позволяет говорить о психологическом аспекте их учения [3. С. 134].

Другая важная особенность стоического учения, которая определяет собой не только логическое учение и связанные с ним стратегии именования, но также физический и этический корпусы учения, – это дихотомия телесного / бестелесного. Н.С. Трубецкой, указывая на то, что философия Аристотеля не смогла преодолеть раздвоение между формой и материей, духом и природой, а у Платона дух и материя – бестелесны, считает, что для стоиков сама проблематика перестает быть актуальной, поскольку дух и материя ими полагаются телесными: «стоики признавали телесность не только души, но и самих свойств и качеств вещей, т.е. “формы” Аристотеля; мало того, сами состояния и деятельности существ, даже аффекты и добродетели души представлялись им телесными» [4. С. 42]; логика, логическое познание в том числе, «развивается непосредственно из телесного аффекта ощущения» [4. С. 42]. Таким образом, рассмотрение вопроса о статусе имени в философии стоиков затрагивает не только непосредственно логическое учение, но теорию познания стоиков, которая является своеобразной пропедевтикой ко всему учению

школы. В данной статье мы подробно остановимся на логике, в рамках которой стоики впервые различили имена собственные и нарицательные.

Имя и лектон: атрибутивная диалектика

Стоики подразделяли логику на диалектику и риторику. Нас прежде всего интересует диалектика, которая непосредственно соотносится с «философией языка» стоиков. Так, диалектика охватывает две сферы: обозначающее и обозначаемое, где обозначающее есть знак, а обозначаемое – то, что «имеется в виду», стоики вводят понятие «лектон», которое условно можно свести к понятию «смысл» или «значение». А.А. Столяров считает, что отношение между обозначающим и обозначаемым является фундаментом стоической диалектики, он приводит трехчленное деление: знак, «обозначаемый смысл» (то, что высказывается) и, наконец, реальная чувственная предметность, раскрывающая себя в «каталептическом представлении» [5. С. 69–70]. Четырехчленное деление мы находим у Х. Штейнталя: вещь, представление, звучащее слово и лектон. А.С. Степанова также указывает на четырехчленное деление, иллюстрирующее отношение обозначаемого и обозначающего: «к трем началам, признавшимся Аристотелем, – предмет, соответствующее ему представление в душе и звук – стоики добавили еще четвертое начало – смысловую сторону речи, т.е. лектон» [6. С. 176]. Иллюстрацией этого деления является следующий фрагмент: «...обозначающим, как правило, бывает слово, например, Дион. Обозначаемое – та предметность, выявляемая в слове, которую мы воспринимаем в слове как становившуюся в нашем сознании и которую не все принимают варвары, хотя они и слышат слово. Наконец, реальный предмет – это внешний объект, например сам Дион» [7. Фр. 166]. А.Ф. Лосев дает эпистемологию слова лектон: «adjectivum verbale (т.е. отлагольное прилагательное), от греческого глагола legein, обозначающего не только процесс говорения, но и нечто более осмысленное, а именно процесс «имеения в виду» [1. С. 105]. Таким образом, в качестве слова имя собственное, например Теон, – это знак, Теон как субъект – предмет (денотат) и, наконец, Теон как мыслимая предметность – лектон.

Различие обозначающего и обозначаемого имеет еще одну немаловажную составляющую: если звук, предмет и представление для стоиков телесны, то

лектон бестелесен. Лектон лишен онтологического статуса, это «как-бы-бытие». В этой связи стоики, для которых бытием в полной мере обладает только телесное, говорят о невозможности лектон каким-либо образом влиять на телесное – вещь, предмет, ощущения и представления, поскольку «все воздействующее – это тело» [7. Фр. 140]; речь идет о некотором уподоблении, телесное порождает и влияет на телесное, бестелесное – на бестелесное. Таким образом, не являясь частью бытия, лектон лишь при-частен ему посредством человеческой речи, сама речь может быть определена только через лектон, она представляет собой сугубо осмысленно-человеческий способ сообщения и общения «человек отличается от неразумных животных не внешней [произносимой] речью, – ибо вороны, попугаи и сорок тоже издают членораздельные звуки, – а внутренней» [7. Фр. 135]; в другом месте: «... тот, кто начинает говорить, произносит отдельные буквы и прочие звуки задолго до того, как научится расставлять все по своим “местам”... это еще не речь, но “как бы” речь. Ведь подобно тому как изображение человека не является человеком, точно также у воронов, ворони маленьких детей, слова – это еще не [настоящие] слова, ибо они не говорят [осмысленно]» [7. Фр. 143]. Имя собственное, тем самым, в качестве знака и предметности предстает как телесность, имя как мысль о предмете получает статус бестелесного, «как-бы-бытия».

Индикатором осмысленности речи служат такие ее атрибуты, как истинность и ложность. Для стоиков принципиально отличие истинности и истины. Истинность как свойство высказывания (лектона) также бестелесна, в то время как истина обладает телесной природой, поэтому высказываем мы не истину, но истинное положение, т.е. нечто, что соответствует / не соответствует вещи или предмету, телу в тот или иной момент времени. Свойство быть истинным или ложным высказывание получает только в контексте, в то время как денотативная связь всегда телесна. Здесь логика переплетается с теорией познания – мы видим предмет, который сам по себе есть тело и истина, например Теон, предмет этот воздействует на нас и наши чувства, которые схватывают нечто от этого предмета (представление о той или иной вещи также есть истина, поскольку мы схватываем нечто посредством телесных ощущений); однако когда высказывается предметность, то она не имеет к истине никакого отношения, поскольку ее содержание не обладает аподиктической достоверностью, цельностью и неизменностью; высказывание, по сути, является реальностью совершенно другого порядка, оно опосредует собой мысль и смысл. Вывод: имя собственное в качестве лектон не есть истина и знание.

Классификация лектон на полные и неполные, или завершенные и незавершенные, призвана схематизировать различные типы и виды высказываний. А.А. Столяров, ссылаясь на свидетельства, предлагает деление лектон на неполные, выраженные либо субъектом, либо предикатом, и полные, являющиеся либо высказыванием в собственном смысле, либо высказыванием в форме вопроса, клятвы, пожелания, предположения, обращения, а также мнимые высказывания

[5. С. 73]. Отсюда, вывод: всякое имя (высказывание, выраженное только субъектом) относится к неполным лектон. Однако отличие полных и неполных касается не только формальной структуры высказывания. А.Ф. Лосев, определяя лектон как систему смысловых отношений, указывает на своего рода смысловую стратификацию, ступенчатость осмысленности, лектон – «не просто предмет высказывания, но еще и взятый в своей соотнесенности с другими предметами высказывания. Сама же эта соотнесенность может быть выражена в лектон то более ярко, то менее ярко. Если мы говорим “Сократ”, то предмет такого высказывания обязательно есть известного рода система смысловых отношений, но только система эта в данном случае неполная, несовершенная, неокончательная. Когда же мы говорим “Сократ пишет”, то в результате этого нашего словесного высказывания мы тоже получаем определенную систему смысловых отношений, но только богатую, и в некотором смысле завершенную...» [1. С. 126]. Содержательный потенциал неполных лектон образует собой несовершенную, неотчетливую мысль. Можно ли говорить здесь о мысли в становлении? Возьмем два высказывания, например «Пишет» и «Дион». Оба представляют собой неполные, незавершенные лектон. Если вернуться к ранее процитированным словам А.Ф. Лосева, то можно говорить, что и в первом, и во втором случае речь идет о наличии некоторого рода смысловых отношений, однако будут ли эти отношения качественно тождественны для высказываний «Дион» и «Пишет»? Прежде чем ответить на этот вопрос вернемся к неполному лектон.

Дошедшие до нас свидетельства фрагментарны и рождают больше вопросов, чем ответов, однако рецептивный анализ некоторых из них позволяет усомниться в данной А.А. Столяровым классификации лектон. Так, мы не найдем непосредственно того деления на субъектные (выраженные именем) и предикатные неполные лектон (выраженные глаголом). У Филона Александрийского читаем: «незавершенное бестелесное делится ближайшим образом на так называемые предикаты, привходящие и все остальное, что имеет меньшее значение» [7. Фр. 182]; у Диогена Лаэртия: «к незаконченным “лектон” относятся предикаты (κατηγορίατα)» [7. Фр. 183]; предикат он определяет как «то, что высказывается о чем-либо, или то, что синтаксически связывается с одной или многими вещами, или неполный лектон, в синтаксическом соединении с субъектом образующий высказывание» [7. Фр. 183]. Примеры, иллюстрирующие незавершенные лектон, как правило, предикативные: «пишет», «слышит», «видит», «разговаривает», «плыть между скал», «я слышусь», «я вижусь» у Диогена Лаэртия, «жал», «жалеет», «им жаль» у Порфиря. Однако ни один из них не приписывает именам статуса лектон, единственное упоминание, которое мы можем отнести к имени, – это цитата из Филона Александрийского: «привходящее и все остальное, имеющее меньшее значение». Таким образом, мы не можем с полным на то основанием утверждать, что высказанное имя, а тем более имя собственное всецело принадлежит лектон.

Имя собственное есть лектон?

Первое основание для сомнения возникает, когда речь заходит о противоположностях. Когда Симпликий в Комментариях к «Категориям» Аристотеля пишет, что о противоположностях говорится только в отношении смысловой предметности, он указывает на то, что только состояния могут быть противоположными [7. Фр. 173]. Состояния, в свою очередь, могут быть выражены, как предикатами, так и именами нарицательными либо простыми понятиями [7. Фр. 174]. Об именах собственных ничего не говорится. Но если рассмотреть, например, имя Дион, то вряд ли кому пришла бы мысль называть состоянием то, что выражено именем собственным. И даже если мы попытаемся вывести из имени Дион его противоположность – не-Дион, то мы сразу же попадаем в область телесного, а одна вещь никак не может быть противоположна другой вещи, поскольку в данном случае речь бы шла о различных индивидуальных качествах, об отличных индивидах, Дионе и Теоне например. Отдельного внимания заслуживает стоическая этимология. Практически все имена собственные стоики выводят из неких базовых понятийных конструктов, которые в свою очередь возникают в связи с представлением, т.е. имеют чувственную природу. Прежде всего это затрагивает божественный пантеон [7. Т. 2. Фр. 1095, 1098, 1100; 8. Т. 1. Фр. 540-542, 546, 547].

Интерес представляет определение имени, данное А.С. Степановой: «Имя – это слово, в котором закреплено понятие, оторванное от наглядно-чувственного образа вещи» [9. С. 230]; имя оказывается формальной структурной единицей, мыслью, которая нашла свое выражение в речи, не утратив родство с самой вещью. И если имя в именительном падеже, это своего рода «архетип» (*αρχέτυπον*)¹, первообраз звукового выражения [7. Фр. 164], то тем самым оно получает некоторое срединное, промежуточное положение между мыслью и вещью. Как указывает А.С. Степанова, имя все более сращивается с понятием, перестает непосредственно отсылать к вещи и становится отражением содержания мысли, опосредуя представление о вещи [9. С. 231]. Однако имя собственное сложно соотнести с понятием (*εννοϊα*), оно выражает скорее индивидуальное качество, уникальное своеобразие. Его невозможно причислить ни к архетипическому выражению, ни к общему понятию, ни к вещи, оно подобно крючку, на который нанизывается «субъектная» характерология. Оно остается еще во многом телесно продуцируемым образом, чувственным представлением о вещи. Когда Бенсон Мэйтс определяет имя собственное как часть речи, которая обозначает качество, принадлежащее по большей части одной индивидуальности [10. Р. 17], он одновременно фиксирует связь между телесным (знаком) и бестелесным (лектон), которые, по идее, не могут соприкасаться, непосредственно взаимодействовать.

В примере с Сократом у А.Ф. Лосева, который мы привели ранее, само имя Сократ практически не несет смысловой нагрузки; здесь мы имеем «нулевое значение», мы не можем сказать, что это высказывание, скорее это указание на предмет, полная соотнесенность, где не может быть непонимания и многозначности. Лектон как система отношений проблематизируется в контексте многозначности и неопределенности. Высказывание «пишет» устанавливает некоторого рода точку отсчета, когда одна неопределенность генерирует новые смысловые контуры определенности, одни атрибуты отсылают к другим типам атрибутивности, обогащаясь всеми новыми смысловыми оттенками, такая «предметность» становится все более подвижной, динамичной, полисемантичной. А поскольку лектон – это всегда смысловые отношения (А.Ф. Лосев), то имя образует скорее неподвижную структурную единицу, неизменчивую и субстанциально себе тождественную, определенный констант. Событийность, подвижность присущи предикатам, отглагольным выражениям, будь они незавершенными или завершенными, именно они образуют коннотативное поле, поле события. Субъективно-избыточный характер истолкования состояний как событий противостоит атомарности лингвистических телесностей, полноте имен. Таким образом, предикативное выражение все более дистанцируется по смыслу от имени. И если глагол как часть речи, по словам Делёза Ж., «конституирует кольцо предложения, налагая сигнификацию на дессигнацию, а семанту на фонему» [11. С. 242], то имя, в том числе имя собственное, образует его ядро.

Заключение

Таким образом, вопрос относительно статуса имени собственного в логическом учении Стои пока не может быть решен определенным образом. Хотя большинство исследователей относят имя собственное к мыслимой предметности (лектон), учитывая сохранившиеся фрагменты, мы не осмеливаемся этого утверждать. Проведенный анализ имени собственного в контексте логического учения позволяет нам утверждать, во-первых, что имя собственное амбивалентно: с одной стороны, оно принадлежит лектон, хотя и формальным образом, а значит, относится к бестелесному; с другой стороны, имя собственное, в отличие от предикативных выражений, смысловые отношения практически не затрагивают, они образуют своеобразные «телосы», некоторые промежуточные телесно-бестелесные предметности, не принадлежа непосредственно ни телу, ни бестелесному. (Возможно, что именно с именами связано различие толкований лектон у отдельных авторов, когда лектон отождествляется то со знаком, то с мыслью, то с представлением².) Во-вторых, имя собственное имеет отношение к такой категории стоической физики, напрямую касающейся антропологической части учения, как индивидуальное качество, которое представляет собой определенную устойчивую систему связей внутри субъектной самореференции.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Термин, который, по словам А.С. Степановой, впервые употребили стоики для обозначения первообраза речевого выражения [9. С. 224].
² Бенсон Мэйтс приводит слова Галена, который утверждает, что есть три рода нечувственных представлений: мысль (νόησις), общие понятия (έννοια) и пропозиция (άξιομα), причем именно последнее является лектон. Секст Эмпирик также утверждает, что пропозиция – это полный лектон, и в то же время говорит о том, что индикативный знак (indicative sign) также является примером пропозиции [10. Р. 12–13].

ЛИТЕРАТУРА

1. Лосев А.Ф. Стоицизм // История античной эстетики. Ранний эллинизм. М. : Фолио, 2000. С. 97–202.
2. Степанова А.С. Критерий «существующего» и «существование» как основные парадигмы эллинистической философии // Credo new. 2002. № 2 (30). С. 135–145.
3. Степанова А.С. Антропология Стои: коммуникативный аспект // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2005. Т. 5 (10). С. 134–143.
4. Трубецкой С.Н. Учение о логосе в его истории. Философско-историческое исследование. М. : Типография Г. Лисснера и А. Гешеля, 1900. Т. 1. 461 с.
5. Столляр А.А. Стоя и стоицизм. М. : АО Ками Групп, 1995. 444 с.
6. Степанова А.С. Философия древней Стои. СПб. : KN, 1995. 272 с.
7. Столляр А.А. Фрагменты ранних стоиков. М. : Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина, 1999. Т. 2. 280 с.
8. Столляр А.А. Фрагменты ранних стоиков. М. : Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина, 1998. Т. 1. 234 с.
9. Степанова А.С. Философия Стои как феномен эллинистическо-римской культуры. СПб. : Петрополис, 2012. 400 с.
10. Mates B. Stoic logic. Berkeley ; Los Angeles : University of California Press, 1961.
11. Делёз Ж. Логика смысла. М. : Академический Проект, 2011. 472 с.

Статья представлена научной редакцией «Философия» 8 августа 2020 г.

Anthropological Aspects of the Proper Name in the Logic of the Early Stoics

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 459, 94–97.

DOI: 10.17223/15617793/459/11

Svetlana G. Selivanova, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation). E-mail: s.selivanovamag@gmail.com

Keywords: proper name; lekton; sense; predicate; corporeal; incorporeal; dialectics; signified; signifier; Stoics.

The article analyzes the conceptual-theoretical and historical-anthropological features of the proper name in the philosophy of the Early Stoics. The problem of the genesis of the proper name is a milestone in the historical and cultural discourse of ancient philosophy. It affects both the logical and anthropological issues. Although the Stoics were interested in concepts and predicates, names and notions, the status of proper names remains unclear. This article bridges the formal and semantic gaps in the Stoic doctrine. Since this is a study of the logic of the development of philosophical knowledge concerning the very subject of the history of philosophy, the principle of the unity of the logical and the historical is used. The interpretation of concepts, terms, and theories requires applying a hermeneutic method owing to fragmented sources based on the evidence of later commentators. The proper name is considered to be part of logic, within which the Stoics were first to state the difference between proper and common names. The division of logic into dialectics and rhetoric and the further division of dialectics by spheres of thing, lekton, and sign illustrate the formal approach of the Stoics to the language. On the one hand, the name refers to an incomplete lekton, it is cogitable objectivity; plus, the name is incorporeal, which means that it is neither truth, nor knowledge. On the other hand, the name, being a condition (as cogitable objectivity), can correlate with its opposite. But, unlike predicates, concepts, and common nouns, proper names do not have such a quality. Predicates and propositions convey the connection between things, i.e. purely incorporeal liaison, while proper names connect a thing and a thought about that thing, i.e. the corporeal with the incorporeal. Therefore, the proper name does not completely coincide with lekton, it has a different substance. The name is associated with “pure sense” only technically. It confronts predicates which express event-driven nomadic structures of the language. The proper name, on the contrary, constitutes a stable constellation, a peculiar characterology of the subject and it marks his/her distinction. As a result, name ontology is designed through the relation to both the corporeal and the incorporeal; it is the Stoic “truth”, subjective “telos”, and the zero-point sense layer, a kind of pre-sense. All this allows claiming that the name desacralization process began in antiquity.

REFERENCES

1. Losev, A.F. (2000) *Istoriya antichnoy estetiki. Ranniy ellinizm* [History of Ancient Aesthetics. Early Hellenism]. Moscow: Folio. pp. 97–202.
2. Stepanova, A.S. (2002) Kriteriy “sushchestvuyushchego” i “sushchestvovaniye” kak osnovnye paradigmы ellinisticheskoy filosofii [The criterion of “existing” and “existence” as the main paradigms of Hellenistic philosophy]. *Credo new*. 2 (30). pp. 135–145.
3. Stepanova, A.S. (2005) Antropologiya Stoi: kommunikativnyy aspekt [Anthropology of Stoicism: The communicative aspect]. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena – Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*. 5 (10). pp. 134–143.
4. Trubetskoy, S.N. (1900) *Uchenie o logose v ego istorii. Filosofsko-istoricheskoe issledovanie* [The doctrine of logos in its history. A philosophical and historical study]. Vol. 1. Moscow: Tipografiya G. Lissnera i A. Geshelya.
5. Stolyarov, A.A. (1995) *Stoya i stoitsizm* [Stoics and Stoicism]. Moscow: AO Kami Grupp.
6. Stepanova, A.S. (1995) *Filosofiya drevney Stoi* [The philosophy of ancient Stoicism]. St. Petersburg: KN.
7. Stolyarov, A.A. (1999) *Fragmenty rannikh stoikov* [Fragments from the early Stoics]. Vol. 2. Moscow: Greko-latinskiy kabinet Yu.A. Shichalina.
8. Stolyarov, A.A. (1998) *Fragmenty rannikh stoikov* [Fragments from the early Stoics]. Vol. 1. Moscow: Greko-latinskiy kabinet Yu.A. Shichalina.
9. Stepanova, A.S. (2012) *Filosofiya Stoi kak fenomen ellinistichesko-rimskoy kul'tury* [Stoic philosophy as a phenomenon of Hellenistic-Roman culture]. St. Petersburg: Petropolis.
10. Mates, B. (1961) *Stoic logic*. Berkeley; Los Angeles: University of California Press.
11. Deleuze, G. (2011) *Logika smysla* [The logic of sense]. Translated from French. Moscow: Akademicheskiy Proekt.

Received: 08 August 2020

СОЦИОЛОГИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 314.723

Ю.Г. Бюраева, Е.Ю. Пискунов

МИГРАЦИОННЫЕ УСТАНОВКИ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО РЕГИОНА (НА МАТЕРИАЛАХ РЕСПУБЛИКИ БУРЯТИЯ)

Исследуются миграционные намерения студентов вузов как фактор, создающий риски для приоритетного развития Дальнего Востока. Информационной базой послужили данные социологического опроса студентов выпускных курсов, проведенного авторами в 2018 г. в Республике Бурятия. На основе описательного анализа данных и модели упорядоченной проприетарной регрессии делаются выводы о факторах и мотивах потенциальной миграции молодежи по окончании вуза.

Ключевые слова: миграция молодежи; человеческий капитал; рынок труда; качество образования; упорядоченная проприетарная регрессия.

Постановка проблемы

Сегодня Дальнему Востоку как приоритетной гео-стратегической территории уделяется особое внимание. На государственном уровне происходит осознание необходимости изменения темпов и направлений его пространственного развития. В то же время формирование условий для опережающего социально-экономического роста дальневосточных регионов наталкивается на множество ограничений, одно из которых связано с миграционным оттоком и ухудшением человеческого капитала в целом. В связи с этим в Стратегии пространственного развития Российской Федерации до 2025 г. от 13 февраля 2019 г. в числе основных направлений развития дальневосточных регионов обозначено «создание условий и стимулов для сокращения миграционного оттока постоянного населения и привлечения специалистов из других субъектов Российской Федерации на территорию, испытывающие дефицит трудовых ресурсов» [1. С. 26].

В инструменте реализации этой стратегии – Государственной программе Российской Федерации «Социально-экономическое развитие Дальневосточного федерального округа» от 29 марта 2019 г., обеспечение потребности в трудовых ресурсах и закрепление населения в Дальневосточном федеральном округе (ДФО) определено в качестве одной из главных целей. Кроме того, в данном документе особое внимание уделяется развитию отдельных территорий. Так, для Республики Бурятия и Забайкальского края предусмотрена специальная подпрограмма по содействию реализации инвестиционных проектов на их территории [2. С. 4]. Вполне очевидно, что без квалифицированных кадров их успешное выполнение невозможно.

Республика Бурятия представляет собой уникальный по своим характеристикам регион, к числу которых можно отнести трансграничное положение, природно-ресурсный потенциал, многонациональный состав, малонаселенность и др. Поэтому такой объект представляет большой исследовательский интерес и может рассматриваться как модель для изучения социально-экономических процессов в периферийных регионах Дальнего Востока. Более того, особый режим хозяйственной деятельности (большая часть тер-

ритории республики входит в Байкальскую природную территорию) накладывает ограничения на развитие отраслей первичного сектора, поэтому человеческий капитал становится одним из ключевых ресурсов развития республики.

Однако ряд не решаемых длительное время жизненно важных для Республики Бурятия проблем, обусловливающих низкое качество жизни, ведет к непрекращающемуся миграционному оттоку населения, усилившемуся в последние годы (рис. 1). Ежегодное миграционное снижение населения варьируется в пределах 3,5–4,5 тыс. человек. В 2018 г. коэффициент миграционной убыли составил –4,7 промилле, что превышает среднее значение по ДФО (–4 промилле) и является одним из самых высоких среди его регионов (выше только в Магаданской, Еврейской областях и Забайкальском крае). В целом по РФ республика занимает 15-е место по уровню миграционного оттока¹. С начала 1990-х гг. республику покинуло 402,7 тыс. человек². Приток из других регионов (преимущественно Забайкальского края) и естественный прирост не смогли компенсировать эти потери. В итоге население республики сократилось на 6,1% и составляет на данный момент 983,3 тыс. человек.

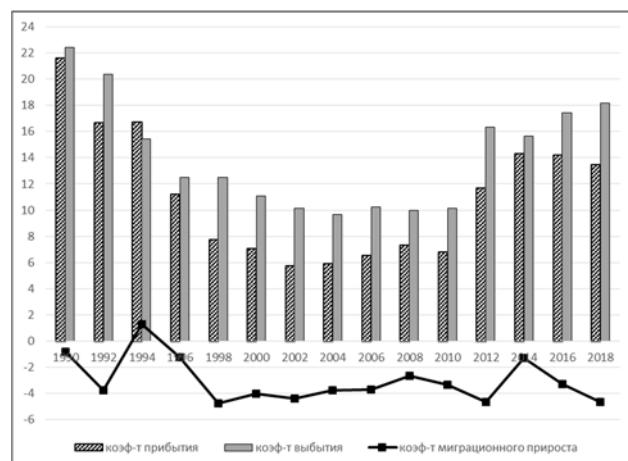

Рис. 1. Коэффициенты миграции населения Республики Бурятия, промилле³

Отток населения из республики важно рассматривать с позиции качественных последствий. Уезжают и

планируют переезд, как правило, активные, молодые, хорошо подготовленные кадры, в то время как среди прибывших преобладают лица с низкой профессиональной квалификацией, что влечет за собой снижение качества рабочей силы.

Так, в числе выбывших основную часть занимает молодежь (в возрасте от 15 до 29 лет) – 40,5% (7,2 тыс. чел.) (рис. 2). Более того, происходит рост миграционной убыли молодежи, который составил за последние пять лет 79%. К 2018 г. отрицательное сальдо миграции достигло –1,5 тыс. человек⁴. Таким образом, сложившиеся тенденции свидетельствуют о драматичности миграционных процессов для республики.

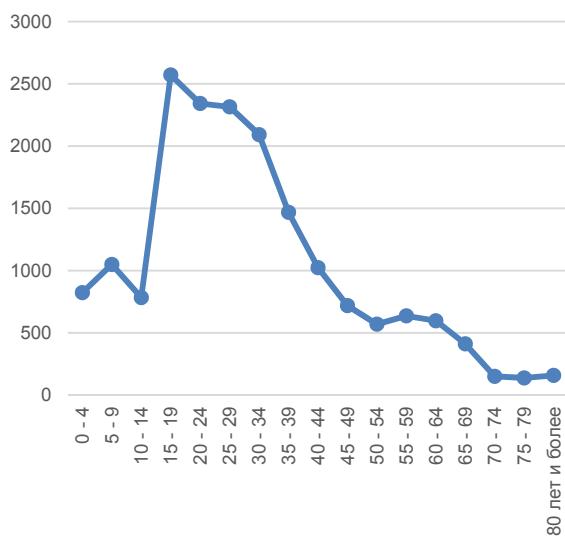

Рис. 2. Миграция населения по возрастным группам за пределы Республики Бурятия в разрезе возрастных групп в 2018 г., чел.

Обзор литературы

В рамках данной статьи наибольший интерес вызывают исследования подготавительной стадии миграционного процесса, результатом которых являются представления о прожективном и реальном поведении, потенциальной миграции и миграционной подвижности [3–5 и др.]. При этом миграционные настроения и установки (намерения) относят к разным уровням готовности личности, связанной с территориальным перемещением в пространстве – смений места жительства. Согласимся с исследователями Северного федерального университета, определяющими миграционные настроения как обобщенное желание покинуть нынешнее место жительства или остаться на месте, в то время как миграционные намерения носят более рациональный характер и связаны с планами по переезду [6].

Особенно актуально данное направление исследований для отдаленных территорий, для которых характерна повышенная миграционная подвижность [7, 8 и др.]. Наиболее интенсивно миграционные намерения проявляются в молодежной среде. Ранее проведенные исследования указывают на достаточно высокую долю молодежи, желающую покинуть сибирские и дальневосточные регионы [9, 10].

Значительное внимание уделяется выявлению факторов, влияющих на миграционные установки молодежи, в том числе студенческой. Наиболее изученными являются социально-экономические факторы (жилищные условия, трудоустройство, заработка плата, развитость социальной инфраструктуры и пр.) [11, 12 и др.]. Социально-психологические и информационно-образовательные факторы исследуются реже [6, 7, 13].

Весьма своевременными представляются работы по анализу миграционных настроений и намерений молодежи в контексте реализуемости целей и задач стратегического развития Дальнего Востока и Байкальского региона [14–16].

Несмотря на всю проработанность, данная тематика не теряет своей актуальности. Исследование миграционных намерений необходимо для оценки масштаба и структуры потенциальной миграции в контексте конкретного региона. Внимательного изучения требуют миграционные установки молодежи, поскольку в ближайшие годы ее качество станет одним из определяющих факторов развития республики. В этой связи в данной статье основной упор сделан на изучение качественных характеристик потенциальной миграции молодежи Республики Бурятия.

Исходные данные и методология исследования

Информационной базой исследования послужили данные территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Республике Бурятия с 1990 по 2018 г.⁵; результаты социологического исследования студенческой молодежи Республики Бурятия⁶. К концу обучения студенты имеют уже осознанные планы и возможности и, следовательно, в состоянии объективно и полноценно выразить свою позицию относительно миграционных намерений, поэтому в качестве объекта исследования выбраны студенты выпускных курсов. Для проведения опроса были отобраны все организации высшего образования республики, где имеется очная форма обучения: Бурятский государственный университет, Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления (ВСГУТУ), Бурятская государственная сельскохозяйственная академия (БГСХА), Восточно-Сибирский государственный институт культуры и искусств (ВСГИК). Таким образом, в исследовании приняли участие студенты-выпускники программ бакалавриата (72,5%), специалитета (6,1%), магистратуры (21,4%) в четырех вузах республики.

В ходе опроса в числе прочих респондентам задавался вопрос: «После окончания вуза Вы планируете жить и работать в Республике Бурятия?», с вариантами ответов «да», «еще не решил(а)», «нет». Ответы на данный вопрос позволяют квантифицировать интенсивность миграционных намерений студентов Республики Бурятия: ответ «да» соответствует наименьшей интенсивности, ответ «нет» – наибольшей. Выборочное распределение ответов представлено на рис. 3. Значительное изменение распределения в пользу ответов «да» или «нет» в различных подгруппах респондентов можно считать признаком наличия связи миграционных настроений с

оценками и индивидуальными характеристиками опрашиваемых.

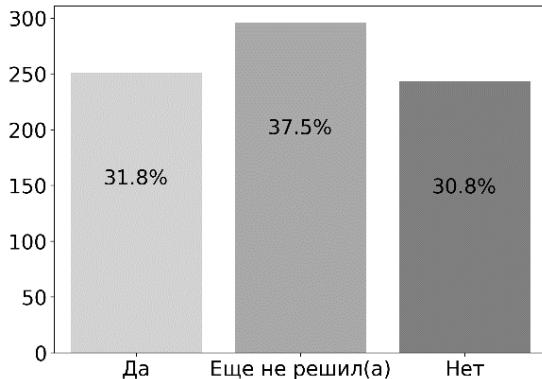

Рис. 3. Распределение ответов респондентов на вопрос «После окончания вуза Вы планируете жить и работать в Республике Бурятия?», чел.

Предполагается, что для каждого индивида i ($i = 1, \dots, 790$) в основе полученного ответа y_i лежит ненаблюдаемая непрерывно меняющаяся в диапазоне $-\infty < y_i^* < \infty$ сила намерений мигрировать из региона, которая в результатах опроса представлена в цензированной форме:

$$\begin{aligned} y_i = & \text{«да»} = 1, \text{ если } -\infty < y_i^* \leq \mu_1, \\ y_i = & \text{«Еще не решил (a)»} = 2, \text{ если } \mu_1 < y_i^* \leq \mu_2, \\ y_i = & \text{«нет»} = 3, \text{ если } \mu_2 < y_i^* \leq \infty, \end{aligned}$$

где μ_1 и μ_2 – пороговые значения, разделяющие диапазон наблюдаемых намерений y_i^* на интервалы, соответствующие наблюдаемым значениям y_i .

Для анализа связи переменной y с различными индивидуальными характеристиками респондентов по имеющимся данным оценивалась модель порядковой пробит-регрессии в форме латентной регрессии вида [17. Р. 88]:

$$y_i^* = x_i' \beta + \varepsilon_i, \quad (1)$$

где x_i' – вектор индивидуальных характеристик респондента i , включающий ответы на вопросы относительно правильности выбора вуза, планов работать по специальности, качества получаемого образования, ожидаемого размера заработной платы и ответы на ряд вопросов, характеризующих вуз, получаемую квалификацию, пол, национальность, материальное положение семьи и прочие характеристики (полный перечень вопросов представлен в первой графе табл. 1); β – вектор параметров модели; ε_i – нормально распределенные ошибки регрессии с нулевым средним и единичной дисперсией.

Следуя логике модели (1), механизм цензурирования зависимой переменной можно представить так:

$$\begin{aligned} y_i = & 1, \text{ если } -\infty < x_i' \beta + \varepsilon_i \leq \mu_1, \\ y_i = & 2, \text{ если } \mu_1 < x_i' \beta + \varepsilon_i \leq \mu_2, \\ y_i = & 3, \text{ если } \mu_2 < x_i' \beta + \varepsilon_i \leq \infty, \end{aligned}$$

где пороговые значения μ_1 и μ_2 наряду с параметрами β оцениваются с помощью метода максимального правдоподобия.

Для учета коррелированности ответов респондентов внутри каждого вуза стандартные ошибки полу-

ченных оценок $se(\hat{\beta})$ рассчитывались по методу Уайта [18. Р. 152, 330] с соответствующей группирующей переменной.

Каждый вопрос анкеты с k вариантами ответов делит совокупность респондентов на k категорий. Для анализа связи принадлежности респондента к одной из k категорий с выбором им конкретной опции переменной y по каждому вопросу анкеты было сформировано $k - 1$ dummy-переменных с соответствующими базовыми категориями, относительно которых делались выводы о направлении и размере эффекта принадлежности к категории сравнения. Например, вопрос «Уровень материального положения Вашей семьи» предполагает три варианта ответа: «выше среднего», «средний» и «ниже среднего». Для анализа связи ответов на данный вопрос с зависимой переменной y было сформировано две dummy-переменные с базовой категорией «средний»:

$$\begin{aligned} D_{i \text{ выше среднего}} &= \begin{cases} 1, & \text{если дан ответ Выше среднего} \\ 0, & \text{если дан любой другой ответ,} \end{cases} \\ D_{i \text{ ниже среднего}} &= \begin{cases} 1, & \text{если дан ответ Ниже среднего} \\ 0, & \text{если дан любой другой ответ.} \end{cases} \end{aligned}$$

Таким образом, все регрессоры x_i' в модели (1) представляют собой набор dummy-переменных, описывающих ответы респондентов на упомянутый ранее перечень вопросов анкеты.

В отличии от классической МНК-регрессии оценки параметров β в порядковой пробит-регрессии не могут интерпретироваться в духе эластичностей или полуэластичностей, однако по знаку перед оценкой можно судить о направлении связи между зависимой переменной и регрессорами. При этом переменная y специфицирована так, что ее рост означает усиление намерений мигрировать по окончании вуза.

Модель (1) описывает связь между y_i и x_i' в терминах условных вероятностей выбора конкретной опции зависимой переменной:

$$\begin{aligned} \Pr[y_i = 1 | x_i'] &= F(\mu_1 - x_i' \beta), \\ \Pr[y_i = 2 | x_i'] &= F(\mu_2 - x_i' \beta) - F(\mu_1 - x_i' \beta), \\ \Pr[y_i = 3 | x_i'] &= 1 - F(\mu_2 - x_i' \beta), \end{aligned}$$

где $F(\cdot)$ – интегральная функция нормального распределения.

Варьируя значения интересующих нас регрессоров D при фиксировании остальных на среднем уровне, были получены приrostы условных вероятностей выбора j -й опции переменной y данной категорией респондентов в сравнении с базовой категорией соответствующего регрессора:

$$\begin{aligned} \Delta_1(D) &= [F(\hat{\mu}_1 - \bar{x}'\hat{\beta} + \hat{\gamma})] - [F(\hat{\mu}_1 - \bar{x}'\hat{\beta})], \\ \Delta_2(D) &= [F(\hat{\mu}_2 - \bar{x}'\hat{\beta} + \hat{\gamma})] - F(\hat{\mu}_1 - \bar{x}'\hat{\beta} + \hat{\gamma}) - [F(\hat{\mu}_2 - \bar{x}'\hat{\beta})] - F(\hat{\mu}_1 - \bar{x}'\hat{\beta}), \end{aligned}$$

$$\Delta_3(D) = [1 - F(\hat{\mu}_3 - \bar{x}'\hat{\beta} + \hat{\gamma})] - [1 - F(\hat{\mu}_2 - \bar{x}'\hat{\beta})],$$

где $\Delta_j(D)$ при $j = \{1, 2, 3\}$ – прирост условной вероятности выбора j -й опции переменной y при изменении dummy-переменной D с нуля на единицу; $\hat{\gamma}$ – оценка параметра при переменной D в регрессии (1); $\hat{\mu}_1, \hat{\mu}_2, \hat{\beta}$ – оценки пороговых значений μ и параметров β в уравнении (1), исключая оценку $\hat{\gamma}$; \bar{x} – средние значения регрессоров, исключая регрессор D .

Таблица 1

Результаты упорядоченной пробит-регрессии миграционных намерений студентов Республики Бурятия

Вопрос из анкеты	Категория сравнения	Базовая категория	$\hat{\beta}$	$se(\hat{\beta})$	Значимость	\bar{x}
Считаете ли Вы правильным выбор вуза?	Нет	Да	0,520	0,110	***	0,057
	Скорее нет		0,717	0,076	***	0,149
	Скорее да		0,289	0,040	***	0,420
Оцените качество полученного образования в целом по пятибалльной шкале	1	3	0,361	0,190	*	0,066
	2		0,151	0,143		0,075
	4		-0,028	0,048		0,339
	5		-0,112	0,046	**	0,328
Собираетесь ли Вы работать по специальности?	Да	Нет	-0,126	0,094		0,690
Какую заработную плату Вы рассчитываете получать сразу после окончания вуза (в месяц)?	Менее 15 тыс. руб.	20–30 тыс. руб.	-0,537	0,188	***	0,051
	15–20 тыс. руб.		-0,368	0,060	***	0,225
	30–40 тыс. руб.		0,086	0,035	**	0,139
	Более 40 тыс. руб.		0,256	0,108	**	0,175
Ваш вуз	БГСХА	БГУ	0,272	0,069	***	0,135
	ВСГИК		0,169	0,030	***	0,042
	ВСГУТУ		0,200	0,026	***	0,124
Квалификация	Магистр	Бакалавр	-0,320	0,028	***	0,214
	Специалист		0,032	0,169		0,061
Где вы окончили школу?	Не в РБ	В РБ	0,466	0,063	***	0,237
Ваш пол	Мужской	Женский	-0,184	0,143		0,287
Ваша национальность	Бурят(ка)	Русский(ая)	0,052	0,106		0,466
	Другая		0,315	0,144	**	0,094
Уровень материального положения Вашей семьи	Выше среднего	Средний	0,121	0,066	*	0,178
	Ниже среднего		0,055	0,064		0,139
	μ_1		-0,284	0,149	*	
	μ_2		0,821	0,134	***	

***, **, * – достигаемые уровни значимости не хуже 0,01, 0,05 и 0,1 соответственно

Таблица 2

Предельные эффекты $\Delta_i(D)$, полученные по результатам регрессии (1)

Вопрос из анкеты	Категория сравнения	Базовая категория	$\Delta(D)$	s.e.		$\Delta_2(D)$	s.e.		$\Delta_3(D)$	s.e.	
Считаете ли Вы правильным выбор вуза?	Нет	Да	-0,165	0,033	***	0,004	0,001	***	0,161	0,032	***
	Скорее нет		-0,228	0,023	***	0,006	0,001	***	0,222	0,022	***
	Скорее да		-0,092	0,012	***	0,002	0,001	***	0,089	0,011	***
Оцените качество полученного образования в целом по пятибалльной шкале	1	3	-0,115	0,059	*	0,003	0,002		0,112	0,057	*
	2		-0,048	0,045		0,001	0,001		0,047	0,043	
	4		0,009	0,015		0,000	0,000		-0,009	0,015	
	5		0,036	0,014	**	-0,001	0,001	*	-0,035	0,014	**
Собираетесь ли Вы работать по специальности?	Да	Нет	0,040	0,030		-0,001	0,001		-0,039	0,029	
Какую заработную плату Вы рассчитываете получать сразу после окончания вуза (в месяц)?	Менее 15 тыс. руб.	20–30 тыс. руб.	0,170	0,058	***	-0,005	0,002	**	-0,166	0,056	***
	15–20 тыс. руб.		0,117	0,018	***	-0,003	0,001	***	-0,114	0,017	***
	30–40 тыс. руб.		-0,027	0,011	**	0,001	0,000	*	0,027	0,011	**
	Более 40 тыс. руб.		-0,081	0,034	**	0,002	0,001	*	0,079	0,033	**
Ваш вуз	БГСХА	БГУ	-0,087	0,022	***	0,002	0,001	***	0,084	0,022	***
	ВСГИК		-0,054	0,009	***	0,001	0,000	***	0,052	0,009	***
	ВСГУТУ		-0,064	0,008	***	0,002	0,000	***	0,062	0,008	***
Квалификация	Магистр	Бакалавр	0,102	0,009	***	-0,003	0,000	***	-0,099	0,009	***
	Специалист		-0,010	0,054		0,000	0,001		0,010	0,052	
Где вы окончили школу?	Не в РБ	В РБ	-0,148	0,018	***	0,004	0,001	***	0,144	0,017	***
Ваш пол	Мужской	Женский	0,059	0,045		-0,002	0,001		-0,057	0,044	
Ваша национальность	Бурят(ка)	Русский(ая)	-0,017	0,034		0,000	0,001		0,016	0,033	
	Другая		-0,100	0,046	**	0,003	0,001	**	0,098	0,044	**
Уровень материального положения Вашей семьи	Выше среднего	Средний	-0,038	0,021	*	0,001	0,001		0,037	0,020	*
	Ниже среднего		-0,017	0,020		0,000	0,001		0,017	0,020	

***, **, * – достигаемые уровни значимости не хуже 0,01, 0,05 и 0,1 соответственно.

Ранжирование регрессоров по величине полученных приростов условных вероятностей позволило выявить факторы, оказывающие наиболее существенное воздействие на миграционные намерения респондентов. Важно также учитывать, что размеры полученных приростов, помимо самой природы изучаемо-

го явления, определяются выбором базовой категории, в сравнении с которой они оцениваются.

Факторы миграционных намерений

Анализ факторов миграции (табл. 1) показал, что сила миграционных намерений слабо связана с уров-

нем материального положения семьи респондента и статистически незначимо отличается по половому признаку. Намерения мигрировать русских и бурят также незначимо отличаются друг от друга, чего нельзя сказать о респондентах других национальностей. Их склонность мигрировать, как и тех, кто окончил школу не в Республике Бурятия, по понятным причинам, выше (как правило, иностранные студенты и студенты из других регионов покидают республику по окончании вуза), чем у респондентов из соответствующих базовых категорий. Намерения мигрировать у магистров значимо ниже, чем у бакалавров.

Уверенность респондента в правильности выбора вуза отрицательно связана с миграционными намерениями. Это также видно по рис. 4, а – доля респондентов, желающих мигрировать по окончании вуза, значительно выше среди тех, кто отвечал «скорее нет» и «нет» на вопрос «Считаете ли вы правильным выбор вуза».

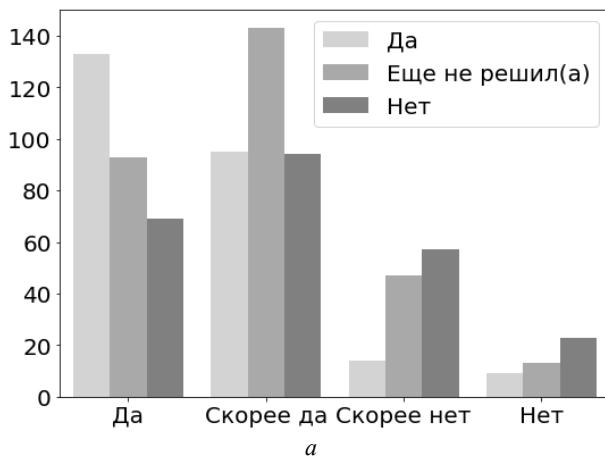
Оценки респондентов относительно качества получаемого образования также отрицательно связаны с намерениями мигрировать. Чем более высокую оценку дает респондент, тем выше вероятность того, что

он выберет опцию «да» зависимой переменной. Вместе с тем значимыми оказались только коэффициенты при переменных, характеризующих крайнее недовольство (оценка «1») и крайнее восхищение (оценка «5») качеством образования, что можно объяснить выбором оценки «3» в качестве базовой категории. На рис. 4, б видно, как со снижением оценки растет доля респондентов, предпочитающих уехать из республики, и наоборот, с ростом оценки растет доля планирующих остаться.

Наличие планов работать по специальности отрицательно, но незначимо коррелирует с намерениями мигрировать. На рис. 4, в видно, что среди респондентов, не планирующих работать по специальности, значительно ниже доля желающих остаться жить и работать в Республике Бурятия.

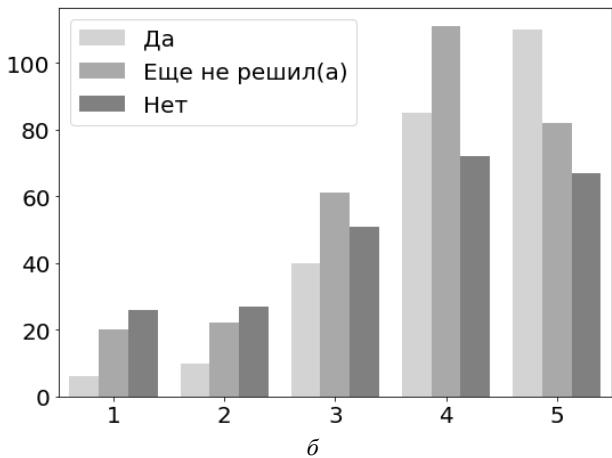
Ожидаемый размер заработной платы положительно связан с миграционными намерениями – чем выше размер ожидаемой зарплаты, тем выше вероятность выбора опции «нет» зависимой переменной. На рис. 4, г видно, как с ростом размера ожидаемой зарплаты распределение зависимой переменной меняется в пользу пожелавших мигрировать по окончании вуза.

Считаете ли Вы правильным выбор вуза?

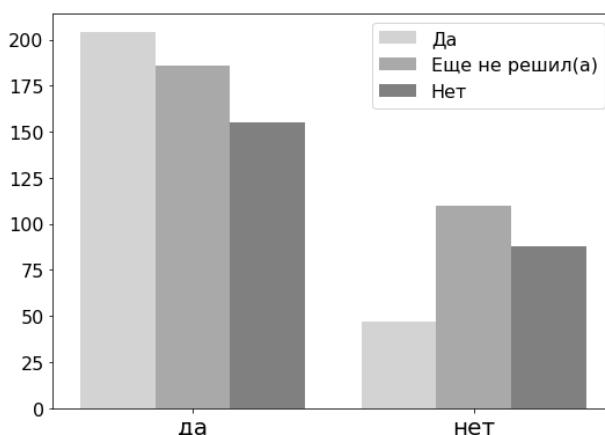
а

Оцените качество получаемого образования в целом

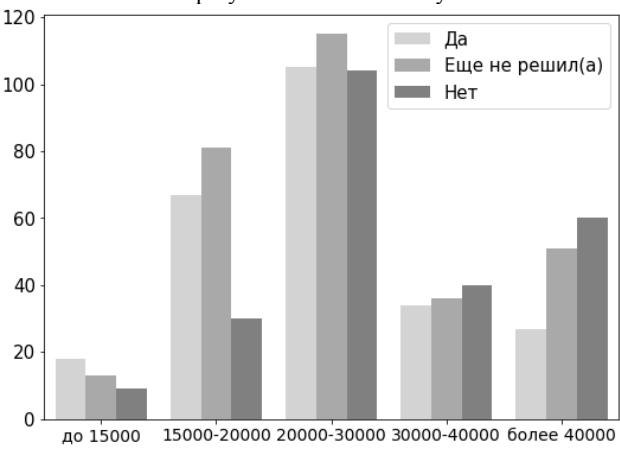
б

Собираетесь ли Вы работать по специальности?

в

Какую заработную плату Вы рассчитываете получать сразу после окончания вуза?

г

Рис. 4. Распределение зависимой переменной внутри различных категорий респондентов, чел.

В табл. 2 представлены оценки приростов условных вероятностей для каждой из трех опций зависимой переменной. Оценки в столбцах $\Delta_1(D)$, $\Delta_2(D)$ и $\Delta_3(D)$ соответствуют ответам «да», «еще не решил(а)» и «нет» зависимой переменной. Приросты $\Delta_1(D)$ и $\Delta_3(D)$ ожидаются похожи по абсолютной величине и противоположны по знаку. Каждую оценку $\Delta_j(D)$ можно интерпретировать как разность вероятностей выбора j -й опции зависимой переменной респондентами из категории сравнения и базовой категории при прочих равных условиях.

На рис. 5 в порядке убывания представлены приrostы $\Delta_3(D)$ по всем участвующим в анализе регрессорам. В названиях регрессоров в скобках указано: категория сравнения / базовая категория. По графику видно, что наибольшие положительные приросты, исключая эффекты национальности и школы, присущи негативным ответам на вопросы о правильности выбора вуза и качестве получаемого образования. То есть одной из главных причин намерений студентов мигрировать в другой регион является неудовлетворенность полученными знаниями и, как следствие, стремление продолжить обучение в более рейтинговых вузах других регионов.

В подтверждение этому можно привести отрицательный прирост для магистров (-0,099), который интерпретируется как нежелание мигрировать у респондентов, доверяющих вузам республики в получении второго уровня высшего образования.

Наибольшие отрицательные приросты (рис. 5) соответствуют ответам «15–20 тыс. руб.» и «менее 15 тыс. руб.» относительно ожидаемого размера заработной платы по окончании вуза. То есть заниженные ожидания относительно размера будущей зарплаты снижают вероятность выбора опции «нет» зависимой переменной. Это непосредственным образом связано со структурой рынка труда в республике. По данным Республиканского агентства занятости населения, большая часть вакантных мест (57%) предназначена для специалистов со средним профессиональным образованием, а почти четверть вакансий не требует специального образования. На специалистов высшей квалификации приходится всего 19% вакансий⁷, в то время как половина выпускников имеет вузовский диплом, среди которых преобладают экономисты и юристы. То есть предлагаемые рабочие места не соответствуют запросам соискателей по уровню оплаты и условиям труда и обладают низким социальным потенциалом, который не устраивает активных молодых людей.

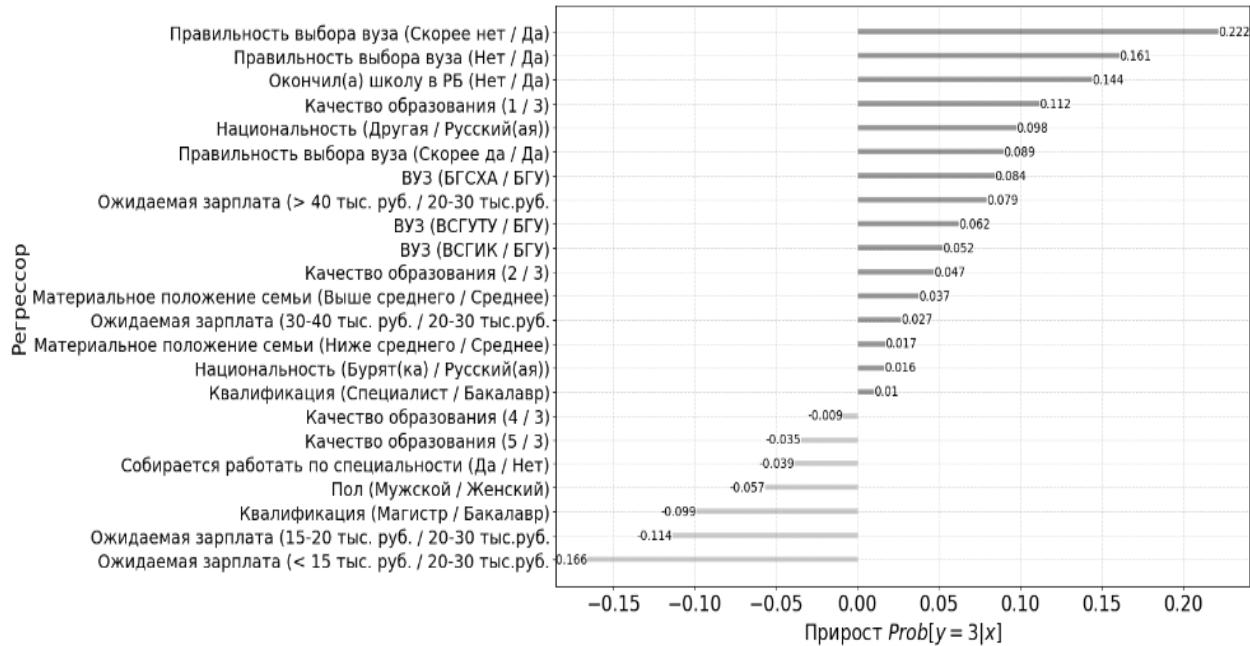

Рис. 5. Приросты условных вероятностей выбора опции «Нет» зависимой переменной

Получив образование, значительная часть молодежи остается невостребованной на рынке труда и вынуждена либо занимать места, требующие более низкой квалификации, постепенно утрачивая полученные знания и навыки, либо мигрировать в более развитые регионы в поисках подходящей работы. Косвенным подтверждением данного тезиса является отрицательный, хоть и незначительный (-0,039) прирост, соответствующий ответу «Да» на вопрос «Собираетесь ли Вы работать по специальности?». Вероятность потенциальной миграции для респондентов, планирующих работать по специальности, ниже, чем

у респондентов, не видящих применения полученных в вузе знаний на практике.

В контексте дисбаланса спроса и предложения на рынке труда также необходимо отметить вариацию миграционных настроений между вузами республики. Наибольший прирост вероятности потенциальной миграции (рис. 5) характерен для студентов БГСХА (0,084) и ВСГУТУ (0,062) в сравнении со студентами БГУ. Наличие такой разницы можно объяснить номенклатурой специальностей, представляющейся каждым вузом. БГУ исторически является кузницей кадров по гуманитарным и педагогическим специальностям.

стям, выпускники которых реализуют себя в сфере государственного управления, науки и образования республики. Выпускникам БГСХА и ВСГУТУ в условиях деградации обрабатывающей промышленности и сельского хозяйства на порядок сложнее найти работу по специальности в пределах республики, что побуждает их мигрировать в другой регион.

Среди других причин потенциальной миграции, отмеченных респондентами в ходе опроса, следует выделить низкий уровень жизни в республике, отсутствие перспектив, неразвитость социальной инфраструктуры и культурной жизни, распространенность кумовства и неформальных каналов трудоустройства, консерватизм местного менталитета. Кроме того, имеют место психологические факторы. Молодежь как наиболее мобильная группа выказывает желание пожить в другом регионе или стране, испытать себя на новом месте.

Заключение

Проведенное исследование позволило выявить основные мотивы миграционных намерений студенческой молодежи Республики Бурятия, среди которых важно выделить желание продолжить обучение в вузах других регионов страны и стремление найти вы-

сокооплачиваемую работу. В результате можно сформировать образ студента – потенциального мигранта. Это выпускник, недовольный качеством полученного образования, разочарованный выбором вуза, рассчитывающий на высокооплачиваемую и высококвалифицированную работу, и возможность применения полученных в вузе знаний и умений на практике. Среди возможных дополнительных характеристик можно выделить факт окончания школы за пределами Республики Бурятия, другую национальность, обучение в любом вузе республики, кроме БГУ.

В таких условиях в качестве мер по снижению молодежной миграции резонно предложить повышение качества услуг в сфере высшего профессионального образования, развитие сектора услуг в целом и отраслей обрабатывающей промышленности. Стимулирование отраслей перспективных экономических специализаций (для Бурятии это в первую очередь отрасли добывающей промышленности), отраслей социальной сферы и приграничного сотрудничества с сопредельными государствами, предусмотренные Стратегией пространственного развития Российской Федерации в качестве мер социально-экономического развития геостратегических территорий, в наименьшей степени повлияют на решение проблемы молодежной миграции в Республике Бурятия.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Рассчитано по: Коэффициенты миграционного прироста. URL: https://gks.ru/bgd/regl/b19_14p/Main.htm (дата обращения: 02.03.2020).

² Рассчитано по: Общие итоги миграции населения Республики Бурятия. URL: <https://burstat.gks.ru/demo#> (дата обращения: 22.02.2020).

³ Составлено по: Демография. URL: <https://burstat.gks.ru/demo> (дата обращения: 28.02.2020).

⁴ По данным Бурятстата, предоставленным по официальному запросу № 269-05-06/440 от 17.10.2019.

⁵ Население. URL: <https://burstat.gks.ru/people> (дата обращения: 22.02.2020).

⁶ Исследование с целью выявления жизненных и трудовых стратегий студенческой молодежи проведено авторами в 2018 г. Генеральная совокупность – 2 143 студента выпускных курсов очной формы обучения вузов Республики Бурятия. Опрошено 790 выпускников на основе целенаправленной выборки. Метод отбора – «сплошной массив» (опрашивались все присутствующие на занятиях студенты).

⁷ Вакансии. URL: <https://trudvsem.ru/vacancy/> (дата обращения: 16.03.2020).

ЛИТЕРАТУРА

1. Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 13 февраля 2019 г. № 207-р. URL: <http://gov.garant.ru/SESSION/PILOT/main.htm>
2. Государственная программа Российской Федерации «Социально-экономическое развитие дальневосточного федерального округа». Постановление Правительства Российской Федерации от 29 марта 2019 г. № 361. URL: <https://minvr.ru/activity/gosprogrammy/sotsialno-ekonomicheskoe-razvitiye-dalnevostochnogo/>
3. Заславская Т.И., Рыбаковский Л.Л. Процессы миграции и их регулирование в социалистическом обществе // Социологические исследования. 1978. № 1. С. 56–66.
4. Зайончковская Ж.А., Ноздрина Н.Н. Миграционная подвижность населения России и ее территориальная дифференциация (по результатам обследования в 10 городах) // Демографические перспективы России : материалы междунар. науч.-практ. конф. М. : Academia, 2008. С. 397–402.
5. Миграция населения: теория и практика / под ред. О.Д. Воробьевой, А.В. Топилина. М. : Экономическое образование, 2012. 364 с.
6. Зайков К.С., Каторин И.В., Тамицкий А.М. Миграционные установки студентов, обучающихся по образовательным программам высшего образования арктической направленности // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018. Т. 11, № 3. С. 230–247.
7. Кутовая С.В. Миграционные настроения населения Еврейской автономной области // Социологические исследования. 2014. № 6. С. 134–136.
8. Скрипник Е.О. Миграционные намерения городского населения Хабаровского края // Пространственная экономика. 2010. № 4. С. 42–57.
9. Байков Н.М., Березутский Ю.В. Дальневосточная молодежь как субъект миграционных настроений // Власть и управление на Востоке России. 2008. № 4. С. 107–114.
10. Данилова З.А. Миграционные настроения населения Байкальского региона (по материалам социологического исследования) // Проблемы прогнозирования. 2010. № 3. С. 115–118.
11. Заусаев В.К., Сафонов М.Г., Кручак Н.А., Воробьева А.И. Миграционные настроения на Дальнем Востоке: жить нельзя уехать // ЭКО. 2013. № 2. С. 22–35.
12. Мкртчян Н.В. Миграция молодежи из малых городов России // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2017. № 1. С. 225–242.
13. Кузнецова С.А. Миграционные установки как предмет социально-психологических исследований // Социальная психология и общество. 2013. № 4. С. 34–45.
14. Зубков В.В. Миграционные представления населения: декларируемая тенденция или объективная реальность // Власть и управление на Востоке России. 2019. № 3. С. 85–92.

15. Богомолова Т.Ю., Глазырина И.П., Сидоренко Н.Л. Приграничье Востока России: миграционные настроения студенческой молодежи // Регион: экономика и социология. 2013. № 4. С. 154–173.
16. Петрук Г.В., Ким А.Г. Миграционные настроения молодежи как индикатор социально-экономического положения Дальневосточного региона России // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2019. Т. 8, № 4. С. 300–303.
17. Green W.H., Hensher D.A. *Modeling Ordered Choices: A Primer*. Cambridge : University Press, 2010. 382 p.
18. Wooldridge J.M. *Econometric Analysis of Cross Section and Panel Data*. Cambridge, Mass : MIT Press, 2001. 288 p.

Статья представлена научной редакцией «Социология и политология» 20 сентября 2020 г.

The Migrational Intentions of Student Youth of the Far Eastern Region (On the Materials of the Republic of Buryatia)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 459, 98–106.

DOI: 10.17223/15617793/459/12

Yulia G. Byuraeva, Buryatia Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Ulan-Ude, Russian Federation). E-mail: julbur@yandex.ru

Evgeniy Yu. Piskunov, Buryatia Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Ulan-Ude, Russian Federation). E-mail: piskunovey@gmail.com

Keywords: migration; youth; Republic of Buryatia; intentions; graduates.

The incessant migration outflow, especially of youth, from the regions of the Far East is considered as one of the risk factors for the implementation of the goals and objectives of its priority development, which are enshrined in the Strategy for Spatial Development of the Russian Federation until 2025. Human capital is becoming one of the key development resources for the Republic of Buryatia as a peripheral region of the east of the country with severe environmental restrictions. Therefore, the leak of educated youth is very painful in terms of staffing and the formation of regional elites. In this regard, this article focuses on the study of the qualitative characteristics of the potential migration of youth of the Republic of Buryatia in order to assess the threat of its leakage, which can be used to improve the management of the territory. The main conclusions are based on data of a sociological study of graduate students of universities of the Republic of Buryatia on a targeted sample of N = 790 and the statistical analysis of the relationship of intentions to migrate with value judgments and individual characteristics of respondents. The data analysis showed that the greatest positive effects are inherent in the respondents' negative answers to questions about the correctness of the choice of a university and the quality of education received. That is, one of the main reasons for students' intentions to migrate to another region is their dissatisfaction with the gained knowledge and, as a result, the desire to continue their education at higher-ranking universities in other regions. The greatest negative effects correspond to the answers "15–20 thousand rubles" and "less than 15 thousand rubles" relative to the expected size of a salary upon graduation. That is, low expectations regarding the size of a future salary reduce the likelihood of choosing the option "No" of the dependent variable. This is directly related to the structure of the labor market in the republic when jobs offered on the labor market do not meet applicants' requirements for wages and working conditions and have low social potential that does not suit active young people. The probability of potential migration for respondents planning to work in their specialty is slightly lower than for respondents who do not see the practical application of the knowledge acquired at the university. The revealed motives make it possible to form the image of a student planning to migrate to another region after graduation: s/he is not satisfied with the quality of education, is disappointed with the choice of a university, expects highly paid and highly qualified work and the possibility of applying the knowledge and skills acquired at the university in practice. Improving the quality of services in the field of higher professional education, developing the service sector as a whole and manufacturing industries are proposed as measures to reduce youth migration.

REFERENCES

1. Garant. (2019) *Strategiya prostranstvennogo razvitiya Rossiyskoy Federatsii na period do 2025 goda. Rasporyazhenie Pravitel'stva Rossiyskoy Federatsii ot 13 fevralya 2019 g. № 207-r* [Strategy for the spatial development of the Russian Federation for the period up to 2025. Order of the Government of the Russian Federation of February 13, 2019, No. 207-r]. [Online] Available from: <http://gov.garant.ru/SESSION/PILOT/main.htm>.
2. Ministry for the Development of the Russian Far East and Arctic. (2019) *Gosudarstvennaya programma Rossiyskoy Federatsii "Sotsial'no-ekonomicheskoe razvitiye dal'nevostochnogo federal'nogo okruga". Postanovlenie Pravitel'stva Rossiyskoy Federatsii ot 29 marta 2019 g. № 361* [State program of the Russian Federation "Social and economic development of the Far Eastern Federal District". Resolution of the Government of the Russian Federation of March 29, 2019, No. 361]. [Online] Available from: <https://minvr.ru/activity/gosprogrammy/sotsialno-ekonomicheskoe-rазвитие-далевосточного/>.
3. Zaslavskaya, T.I. & Rybakovskiy, L.L. (1978) Protsessy migratsii i ikh regulirovanie v sotsialisticheskem obshchestve [Migration processes and their regulation in a socialist society]. *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*. 1. pp. 56–66.
4. Zayonchkovskaya, Zh.A. & Nozdrina, N.N. (2008) [Migration mobility of the population of Russia and its territorial differentiation (based on the results of a survey in 10 cities)]. *Demograficheskie perspektivy Rossii* [Demographic prospects of Russia]. Proceedings of the International Conference. Moscow: Academia. pp. 397–402. (In Russian).
5. Vorob'eva, O.D. & Topilin, A.V. (eds) (2012) *Migratsiya naseleniya: teoriya i praktika* [Population migration: Theory and practice]. Moscow: Ekonomicheskoe obrazovanie.
6. Zaykov, K.S., Katorin, I.V. & Tamitskiy, A.M. (2018) Migration attitudes of the students enrolled in Arctic-focused higher education programs. *Ekonomichekie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz – Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. 11 (3). pp. 230–247. (In Russian). DOI: 10.15838/esc.2018.3.57.15
7. Kutovaya, S.V. (2014) Migratsionnye nastroeniya naseleniya Evreyskoy avtonomnoy oblasti [Migration moods of the population of the Jewish Autonomous Oblast]. *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*. 6. pp. 134–136.
8. Skripnik, E.O. (2010) Migratsionnye namereniya gorodskogo naseleniya Khabarovskogo kraya [Migration intentions of the urban population of Khabarovsk Krai]. *Prostranstvennaya ekonomika – Spatial Economics*. 4. pp. 42–57. DOI: 10.14530/se.2010.4.042-057
9. Baykov, N.M. & Berezutskiy, Yu.V. (2008) Dal'nevostochnaya molodezh' kak sub'ekt migratsionnykh nastroenii [Far Eastern youth as a subject of migration sentiments]. *Vlast' i upravlenie na Vostoche Rossii – Power and Administration in the East of Russia*. 4. pp. 107–114.
10. Danilova, Z.A. (2010) Migratsionnye nastroeniya naseleniya Baykal'skogo regiona (po materialam sotsiologicheskogo issledovaniya) [Migration sentiments of the population of the Baikal region (based on a sociological study)]. *Problemy prognozirovaniya*. 3. pp. 115–118.
11. Zausaev, V.K., Safronov, M.G., Kruchak, N.A. & Vorob'eva, A.I. (2013) Immigration Sentiment in the Far East: Cannot Live Away. *EKO – ECO*. 2. pp. 22–35.

12. Mkrtchyan, N.V. (2017) The Youth Migration From Small Towns in Russia. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*. 1. pp. 225–242. (In Russian).
13. Kuznetsova, S.A. (2013) Migration Attitudes as the Subject of Social Psychological Research. *Sotsial'naya psichologiya i obshchestvo – Social Psychology and Society*. 4. pp. 34–45. (In Russian).
14. Zubkov, V.V. (2019) Migration Intentions of Residents of the Khabarovsk Territory: Declared the Trend or the Objective Reality. *Vlast' i upravlenie na Vostoke Rossii – Power and Administration in the East of Russia*. 3. pp. 85–92. (In Russian). DOI: 10.22394/1818-4049-2019-87-2-85-92
15. Bogomolova, T.Yu., Glazyrina, I.P. & Sidorenko, N.L. (2013) Prigranich'e Vostoka Rossii: migratsionnye nastroeniya studencheskoy molodezhi [Borderlands of the East of Russia: Migratory attitudes of student youth]. *Region: ekonomika i sotsiologiya*. 4. pp. 154–173.
16. Petruk, G.V. & Kim, A.G. (2019) Youth Migration Moods as Indicator of Socio-Economic Situation of Russia's Far Eastern Region. *Azimut nauchnykh issledovaniy: ekonomika i upravlenie – Azimuth of Scientific Research: Economics and Administration*. 8 (4). pp. 300–303. (In Russian).
17. Green, W.N. & Hensher, D.A. (2010) *Modeling Ordered Choices: A Primer*. Cambridge: University Press.
18. Wooldridge, J.M. (2001) *Econometric Analysis of Cross Section and Panel Data*. Cambridge, Mass: MIT Press.

Received: 20 September 2020

A.B. Голофаст

СИНЕРГЕТИКА ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ

*Работа выполнена при поддержке РФФИ в рамках проекта № 19-311-90023
«Политический морфогенез: синергетический подход».*

Представлена систематизация представлений о природе политических процессов с опорой на синергетическую методологию. Достижения синергетики использованы для описания политических феноменов и международных отношений. Проведенный анализ позволяет заключить, что синергетика способна вывести политические исследования на уровень сложности, соответствующий степени сложности изучаемых явлений.

Ключевые слова: агенты; лидеры; лица; принимающие решения; параметры порядка; паттерны поведения; самоорганизующаяся система; синергетика; тропа зависимости.

Введение

Мир все чаще сталкивается с неожиданными событиями, влекущими за собой глобальные последствия. Достаточно вспомнить финансовый кризис 2007–2008 гг., Арабскую весну, которая разразилась в декабре 2010 г., или землетрясение в марте 2011 г., которое привело к ядерной катастрофе на Фукусиме. Они характеризуют тип событий, которые на протяжении истории меняли структуру и функции экологических и социальных систем. Эти явления носят как природный, так и человекомерный характер, но их влияние определяется связанностью нашего мира и взаимозависимостью природных, социальных и искусственных систем.

Описывая такие явления теория сложности, или синергетика обычно преподносится как подход к науке, посредством которого можно объяснить системы или процессы, где недостает порядка, необходимого для производства универсальных правил и законов поведения [1]. Поведение, происходящее согласно закону, непросто идентифицировать, поскольку политический процесс управляетя совокупностью сил. X будет иметь воздействие на Y только при определенных обстоятельствах контекста. Политические действия, успешные в одном контексте, могут иметь негативный эффект в другом [1]. «Контексты бывают простыми (simple), сложными (complicated), сложностными (complex), хаотическими (chaotic)» [2].

Наука о сложности – это интеллектуальная традиция, уходящая корнями в теорию систем и информационную теорию. Общей предпосылкой этих теорий выступает утверждение о том, что разные типы систем проявляют одинаковые свойства в структуре и организации, что дает возможность проводить параллели между разнорядковыми феноменами. Одно из ключевых достижений этого подхода датируется 1970-ми гг., когда американский биолог Джеймс Грир Миллер сузил организацию живых систем до следующих компонентов: границы, субъекты-репродукторы, субъекты, обрабатывающие информацию, субсистемы [3].

У теории сложности есть пересечения с некоторыми направлениями политической науки. Так, довольно сильна связь между теорией сложности и дискур-

сом о тропе зависимости, а фокус на начальных условиях, предлагаемый синергетикой, также является одним из основополагающих для исторического институционализма. (Исторический институционализм интересуется тем, почему возникают институты и каким образом их «история» попадает на определенную тропу развития [4].) Тропа зависимости обозначает, что когда было принято решение придерживаться определенного политического направления и на него направлены ресурсы, с течением времени отдача повышается, и выбрать другое направление развития становится затратно [4]. Акцент на стратегических интеракциях и непредусмотренных последствиях делает теорию сложных систем подходящей для изучения глобальной политики. «На первый взгляд, теория сложности кажется теорией, которая подходит для понимания того, что из себя представляет глобальная политика сегодня», пишут политологи Дэвид Эрнест и Джеймс Розенбаум. Политолог Роберт Аксельрод называет теорию сложности третьей методологией, позволяющей преодолеть ограничения индуктивизма и дедуктивизма и расширить горизонт прогноза политических процессов [5].

Как указывает исследователь сложности John Holland, последние 400 лет в науке преобладал редукционизм. Он основывался на идеи, что можно понять весь мир посредством изучения его фрагментов. Сложностное мышление и наука о сложности помогают выстроить связи между различными специальностями и дисциплинами. Это дает возможность проанализировать взаимосвязанные и взаимозависимые системы, с которыми традиционная наука не может справиться. Вот лишь несколько практических сфер, к которым применялась наука о сложности: разработка военных стратегий, дизайн экономических мотиваций, развитие компьютерных технологий, выработка способов избегания конфликтов или снижения интенсивности их последствий.

Определение и свойства сложных систем

Концепт системы ключевой в новейших исследованиях теории сложности. Определяющим качеством системы выступает самовоспроизведение. В работах биологов Maturana и Varela процесс репродукции си-

стемы предстает в контексте самоорганизации. Внутри системы происходят процессы, которые связывают ее изнутри и воспроизводят ее. Каждая система содержит определенное количество структурной (избыточной) информации, которое позволяет судить о стабильности системы. О вероятности изменений говорит количество энтропической (непредсказуемой) информации [6].

Процесс интеракции между системой и средой включает в себя селекцию и темпоральность. Селекция обозначает, что система должна выбрать, на какие феномены она будет реагировать. Темпоральный лаг в изменениях внутри систем является ключевым для понимания природы социальных изменений, которые могут носить как инкрементальный, так и шоковый характер [7]. Сложные системы изменяют поведение с учетом положительной или отрицательной обратной связи – некоторые формы энергии или деятельности подавляются (негативная обратная связь), а другие усиливаются (позитивная обратная связь). Сложные системы чувствительны к начальным условиям. Такие системы порождают эмерджентные (непредсказуемые) эффекты или поведение, которое эволюционирует из взаимодействия между элементами на локальном уровне, а не управляемо централизованно. Вероятность каскадных эффектов зависит от степени взаимосвязанности систем. Слабо связанные системы обладают большим количеством времени, чтобы оправиться от сбоев, и поэтому могут более успешно амортизировать потенциальные каскады, тогда как у сильно связанных систем нет времени на отложенные действия, поэтому риск каскадных эффектов в них возрастает [8].

Системы состоят из индивидуальных адаптивных агентов, действующих для достижения собственных целей. Некоторые из них ориентированы на цель, они осуществляют попытки контроля над средой для ее достижения. Некоторые могут предсказывать будущие состояния и возможности системы, основываясь на интернализированных (ранее воспринятых и осмысленных) моделях изменений. В ситуациях, характеризующихся высокой степенью непредсказуемости, адаптивное поведение агентов может усиливать стрессоустойчивость системы. Так, исследования адаптивных систем показывают, что самоорганизация имеет отношение не только к изменениям, но и к устойчивости перед лицом изменений.

Основные генеративные характеристики сложных систем – это самоорганизация, взаимозависимость, наличие обратной связи, удаленность от равновесия, история интеракций и тропа зависимости. Некоторые из основных вопросов, связанных со сложностью – это эпидемии, изменение климата, эскалация конфликтов, управление социальными системами, потенциальные коллапсы и сдвиги в экосистемах, иррациональные аспекты финансовых спекуляций, деятельность террористов, самоорганизация сетей массовых восстаний.

Традиционное понимание лидерства основано на видении организаций, т.е. институционализированных групп, как систем, построенных на прецриптивных наборах практик, формализованном контроле и

иерархических структурах. Целью такой организации является порядок. Лидер способствует порядку посредством директивных действий, основанных на планировании будущего и контроле над ответом организации на вызовы среды. Лидеры самоорганизующихся систем характеризуются способностью менять модели поведения и производить новые смыслы, облегчая создание новых параметров порядка системы. Лидеры придают смысл эмерджентным (внезапным и не вытекающим из предыдущих реакций) событиям посредством рефрейминга на основе принципов организации. Лидеры называют события и стили поведения таким образом, чтобы обеспечить связность и общее понимание процессов [6].

Одним из основных вызовов лидерам выступает способность подготовить природные, социальные и искусственные системы к восстановлению от внезапного шокового события. Поскольку мы не знаем природы и времени следующего такого события, превентивно выстроить для него статичную защиту невозможно. Необходимо учиться распознавать ранние сигналы грядущих шоков и адаптировать аналитический фокус соответствующим образом. Это подчеркивает потребность в создании дублирующих структур, чтобы заменять функции, которые нарушены или больше не выполняются. Если у многих функций есть дублеры, то нарушения не приведут к потере функциональности всей системы. В таком случае говорят о системе как толерантной к шоку. Если система способна выдерживать множество шоковых событий, эту систему называют прочной. Когда шок, который испытывает система, превосходит то, что она способна толерировать, количество функций, выполняемых системой, может значительно сократиться. Когда шоковое событие закончилось, сложная система восстанавливается, ее функции снова выполняются, но другим способом.

Устойчивая сложная система – это система, в которой существует экология функций для восстановления к оригинальному уровню или уровню, близкому к оригинальному, либо возникают модифицированные функции, которые помогают адаптироваться к меняющейся среде. Процесс восстановления работает по логике «снизу вверх». Сначала восстанавливаются локальные функции на коротких временных промежутках. Устойчивость к одному типу шоков может сделать систему более уязвимой к другому типу шоков. Адаптация – только первая стадия динамического процесса. Когда система адаптируется и меняет свое поведение, она влияет на всех агентов, которые с ней взаимодействуют. Если они меняют свое поведение и это изменение снова влияет на поведение системы-инициатора, мы наблюдаем коэволюцию систем.

Синергетические эффекты в политике

Сложная адаптивная система может быть описана как система, чьи агенты, преследующие стратегические цели, проявляют эмерджентные свойства, нелинейную динамику и взаимно адаптируются. В контексте глобальной политики, как писал политолог Kenneth Waltz, эмерджентные свойства означают, что ат-

рибуты международной системы не могут быть объяснены на основании свойств ее элементов [5]. Осторожные государства, стремящиеся к безопасности, дестабилизируют международную систему, поскольку им недостает информации о мотивах поведения остальных и они боятся предупредительной атаки. Воинственные государства создают мирную систему, потому что их воинственность сдерживает агрессию. В мире сильных государств любые достижения победы одного из них могут быть нивелированы перспективой долгосрочной войны. Каузальность в политике может действовать не по линейным законам, а в соответствии с собственными закономерностями. Например, как пишет американский политический философ Harvey Mansfield, вероятность войны меньше, когда властный ресурс в масштабе мировой политической арены либо сильно сконцентрирован, либо сильно рассредоточен и война наиболее вероятна при средней концентрации власти [5].

Нелинейность интеракций заключается в том, что одна и та же причина способна вызвать и укрепляющую, и подавляющую динамику в самоорганизующейся системе. Противоположные результаты могут иметь одинаковые объяснятельные механизмы. Теоретики международных отношений Robert Gilpin и Paul Kennedy утверждают, что имперское расширение великих держав задает условия для дальнейшего расширения империй, повышая их материальные возможности. Однако по прохождении определенного рубежа расширение приводит к перерастяжению империи, стагнации центра и подъему членников (агентов, претендующих на лидерство). Хотя экспансия и упадок – качественно разные феномены, это элементы одного и того же процесса. Подъем и упадок империй могут быть определены как эндогенный цикл чередования процессов позитивной и негативной обратной связи в сложной адаптивной системе [9].

Лица, принимающие решения (ЛПР) действуют в среде бесконечного количества информационных сигналов. Поскольку они обладают ограниченной рациональностью действия и не могут обработать все сигналы одновременно, они упрощают принятие решений посредством игнорирования большей части входящих сигналов. Селективное внимание ЛПР объясняет, почему некоторые проблемы стоят на повестке, но по ним не производится действий. Любой изменение требует критической массы внимания, чтобы преодолеть консерватизм ЛПР и отвлечь их от конкурирующих проблем. Если уровень внешнего давления достигает критической точки, повышенное внимание интенсифицирует коммуникацию между ЛПР [1].

В большей части случаев новая проблема не решается до тех пор, пока ее уровень не достигнет кризисных величин, потому что политические системы характеризуются инерцией. Идеология и групповые идентификации придают направление поведению агентов в сложных обстоятельствах, но с другой стороны, служат источником ригидности системы. Второй источник инерции – институциональные нормы, ограничивающие политическое действие. Изменения в институциональной системе происходят либо тогда,

когда сигнал из внешней среды по силе преодолевает инерцию, либо когда сигналы аккумулируются с течением времени. Механизмы принятия решений остаются стабильными до тех пор, пока не появится четкий сигнал к действию [10]. Там, где один элемент системы не может измениться, пока не изменятся несколько остальных, малые и медленные изменения невозможны. Пример из международной политики: государства отказались бы от озабоченности национальными интересами, если бы все остальные поступили так же. Но чтобы такое изменение произошло хотя бы единожды, должны измениться все, поэтому силовая политика существует, и пока она существует, ни одно государство не может этого изменить.

Представляется, что при прямом контакте одного агента системы с другим агентом непредвиденные последствия не возникнут. Однако, например, если агент финансирует из-за рубежа слабое государство с целью обеспечить предоставление базовых услуг населению страны-получателя, это с высокой вероятностью приведет к снижению эффективности государственного управления в стране-получателе, что является прямо противоположным результатом исходной цели взаимодействия агентов. Непредвиденные последствия взаимодействия агентов также описывает «эффект Титаника», названный по действиям капитана корабля, который пожертвовал безопасностью ради повышения скорости движения судна. Агенты в основном убеждены, что контроль над одним элементом приведет к желаемым изменениям в системе, чего на самом деле не происходит. Например, без учета взаимосвязанности и самоорганизующейся природы международных процессов снятие эмбарго на вооружение для Боснии в период Боснийской войны (1992–1995 гг.) укрепило бы это государство. Но Сербия и Хорватия, вероятно, отреагировали бы закупкой новых вооружений и повышением уровня агрессии. По той же причине тактики, укрепляющие переговорную позицию агента, могут не привести к реализации его интересов, если способность других агентов отстаивать свои интересы повышается симметрично [11].

Режимная сложность и международные процессы

Распространение трансграничных управляемых соглашений создало взаимно пересекающиеся, конкурирующие наборы правил, которые действуют без единого источника власти. Сложность обеспечивается увеличивающимся числом типов вовлеченных субъектов и разнообразием в природе и масштабах производимых правил. Полицентричные регуляторные режимы меняют природу международного права [12]. Рост количества международных институтов сопровождается усилением, а не снижением правовой неопределенности. Правила в рамках одного режима часто не скоординированы с правилами в других, что приводит к правовым нестыковкам. Точки сопряжения между пересекающимися режимами становятся локусами стратегической деятельности для государств, стремящихся либо управлять правовой неопределенностью на этапе выполнения правил, либо,

если такие попытки оказываются безуспешными, менять режимные правила в своих интересах [13].

Международная политика – это повторяющаяся игра, участники которой укрошают свою склонность к уклоняющемуся поведению. Исследователи международных процессов George Downs и Michael Jones ввели понятие сегментированной репутации, чтобы обозначить идею о том, что неспособность к подчинению в одной области не несет последствий для репутации государства в других сферах. Добавочная ценность, продуцируемая конкретными отношениями, влияет на меняющиеся издержки послушания. Если какое-либо отношение дает малую добавочную выгоду, самое малое приращение издержек послушания приведет к уклоняющемуся поведению. Тип отношений, в котором большая добавочная выгода, не будет поставлен под сомнение малой флуктуацией издержек, потому что послушание приносит большую итоговую прибыль. Поэтому государства с большей вероятностью будут нарушать соглашения с малой добавочной выгода, чем соглашения с большой добавочной выгода.

Чтобы вести себя оптимально, государство должно отслеживать надежность различных соглашений, оценивать их соответствие ожидаемому уровню добавочной выгода, а также учитывать факторы, которые определяют вариативность издержек следования соглашению [14]. Сложность влияет на репутацию государства следующим образом: она создает контекстное окружение, что преумножает репутационные эффекты; она уплотняет политическое пространство, повышая репутационные награды. Американский политолог Michael Tomz выделяет три типа агентов на международной арене: стойкие игроки, не нарушающие правил как в благоприятных, так и в неблагоприятных обстоятельствах, ненадежные игроки, играющие по правилам только в благоприятных условиях, и «лимоны», которые всегда ведут себя, не соответствуя ожиданиям. Игрок может сменить свой тип, если нарушает внешние обещания в отношении своего поведения [15].

Гонка вооружений – пример снижения отдачи от вложений ввиду сложности. Любая конкурентоспособная экономика быстро достигает уровня вооружений своего оппонента, однако эти инвестиции не приносят долгосрочного преимущества. Издержки на то, чтобы быть конкурентоспособным государством, постоянно увеличиваются, однако отдача со временем уменьшается. Так, в Европе XV в. новый вид вооружений окончил период преимущества каменных замков. Развивалось строительство крепостей, которые могли укрывать пушку и продержаться при бомбардировке. Они были эффективными, но дорогими: Съена построила такие укрепления против Флоренции, но была аннексирована, поскольку у нее не осталось средств на армию. У некоторых европейских государств между 1500 и 1700 гг. размер армии увеличился в 10 раз. Европейская гонка вооружений стимулировала повышение сложности в форме технологических нововведений, политических трансформаций и глобальной экспансии. Концентрация мировых ресурсов позволила конфликту интересов внутри Европы достичь высокого уровня сложности, который никогда не был бы достигнут исключительно за счет европейских ресурсов [3].

Заключение

В политической науке системный подход является общепризнанным, тогда как синергетика пока далека от мейнстрима, несмотря на наличие связей как с политологией, так и с международными отношениями. В политической науке эта связь проходит через исторический институционализм, в международных отношениях – через концепции многоуровневого управления и взаимного наложения управлеченческих режимов. Синергетика позволяет искать ответ на один из основополагающих вопросов науки о политическом – на вопрос, почему целенаправленные действия могут порождать неожиданные результаты, иногда противоположные искомым. Синергетика дает обоснование того, как можно сравнивать нерядоположные процессы и явления. Закономерности, действующие для одних систем, можно перенести на смежные области, что полезно в случаях, когда прямой эксперимент невозможен. Явления, которые изучают международные отношения и политологию, относятся к таковым.

Политический процесс – это сложный процесс в сложной среде. Поэтому когда система получает стимул из среды, он не всегда оказывает искомое воздействие. Среда корректирует ответ системы, что сужает горизонт прогноза системного поведения. Система обладает динамическими границами, в ее внутреннем поле действуют два вида субъектов – это агенты и лидеры. Если цели субъектов совпадают с целями системы, то это агенты, если субъект изменяет правила, на основании которых действует система, то это лидер. Основной целью системы выступает поддержание и воспроизведение самой себя. На это направлены основные ресурсы, поэтому ресурсы на изменения ограничены. Любой субъект, действующий внутри системы, сам представляет собой микросистему, выстраивающую динамические связи со средой.

Сигналов, поступающих из среды, настолько много, что система не отвечает на большинство из них, не придавая им статуса информации. Однако в процессе накопления неотвеченных сигналов наступает переломный момент, когда незначительное событие может привести к масштабным последствиям. На этапе бытия система обладает большим количеством структурной информации и относительно стабильна, на этапе становления система характеризуется избытком энтропической информации и проходит через череду трансформаций. Недостаток формализованного контроля в системе маркирует принцип, что проблемы должны решаться на минимальном уровне.

В теории сложности системы это интерфейсы сопряжения между порядком и хаосом. Система наблюдаема, пока в ней преобладают параметры порядка и сдерживаются элементы хаоса. Изменения в системе носят инкрементальный характер, если способствуют поддержанию гомеостаза, и носят шоковый характер, если принципы, на основании которых работает система, подвергаются радикальному переформатированию.

Синергетика изучает неустойчивые процессы и явления, придавая большое значение контексту. Никакие политические процессы не происходят в вакуум-

ме, отсюда каждое действие влечет за собой целый спектр последствий, причем не только непосредственно для искомых субъектов. В этих условиях повышается уровень значимости фрейминга – процесса приписания феноменам смысла. В результате фрейминга происходит проблематизация явлений: вопрос, сформулированный как политическая проблема, должен быть отделен от контекста и побочных явлений. Однако появление на повестке вопроса не означает, что проблема сразу получит свое решение. Для этого необходимо накопление критической доли внимания лиц, принимающих решения. Поэтому мировая политика знает немало примеров кризисных ситуаций, когда система находится на границе хаоса.

Как любые макросистемы, политические системы обладают высокой инерцией, и вызвать в них изменения, действующие в необходимом русле, особенно трудно. Чем больше данных политическая система способна обрабатывать, тем более высок шанс рационального поведения, максимизирующего выгоду и минимизирующего издержки. Вместе с тем не стоит переоценивать возможности директивного контроля за траекториями системного ответа. Субъект влияет на параметры порядка системы либо в качестве лидера, либо в случае наличия точек доступа к лицам, принимающим решения.

Система существует в качестве таковой до тех пор, пока не утрачивает возможность селективно открывать и закрывать границы, а также задействовать их в качестве фильтров. Чем дольше система существует, тем выше шансы, что она продолжит свою деятельность в будущем при соответствующем распоряжении ресурсами. Система функционирует во времени и

пространстве, где время маркирует регулярность или внезапность трансформаций, а пространство указывает, в связке с какими внешними системами или явлениями протекают системные процессы. Система устойчива, если ее параметры порядка определены и структурная информация преобладает над энтропической. Степень устойчивости системы маркируется регулярностью происходящих в ней процессов.

Синергетика позволяет по-новому взглянуть на случайное в политико-правовой деятельности, понять, что случайность – не побочное, второстепенное, а устойчивое свойство и условие существования и развития политической жизни [16]. В пространстве политического синергетика реализует себя как контактную сферу деятельности, подразумевающую контакты разных дисциплин [17]. Аутентичное направление синергетического анализа политических процессов имеет перспективы дальнейшего развития на стыке нелинейного моделирования, практической философии и предметного знания по политическим наукам и международным отношениям [18]. Понять принципы, которые управляют сегодняшним миром, можно только посредством междисциплинарного сотрудничества. Чтобы развивать новые подходы к управлению городами, нациями, а также социоэкономическими и социоэкологическими системами, необходимо осознать те принципы, которые управляют сложностью современного мира. Физик Heinz Pagels сказал: «Нации и народы, которые освоят новые науки сложности, станут экономическими, культурными и политическими сверхдержавами XXI века». По выражению Стивена Хокинга, XXI в. будет веком сложности [19].

ЛИТЕРАТУРА

1. Cairney P. Complexity Theory in Political Science and Public Policy // Political Studies Review. 2012. Vol. 10. P. 346–358.
2. Аршинов В.И., Свирский Я.И. Сложностный мир и его наблюдатель. Часть вторая // Философия науки и техники. 2016. Т. 21, № 1. С. 78–91.
3. Tainter J. Social complexity and sustainability // Ecological Complexity. 2006. № 3. Р. 91–103. URL: http://wtf.tw/ref/tainter_2006.pdf (дата обращения: 20.09.2019).
4. Патцель В. Эволюция институтов, морфология и уроки истории. Можно ли извлекать уроки из истории? // Политическая наука. 2012. № 3. С. 50–68.
5. Gunitsky S. Complexity and theories of change in international politics // International Theory. 2013. Vol. 5, is. 1. P. 35–63.
6. Ramalingam B. et al. Exploring the science of complexity: ideas and implications for development and humanitarian efforts. Working Paper 285. URL: <https://www.odi.org/sites/odi.org.uk/files/odi-assets/publications-opinion-files/833.pdf> (дата обращения: 20.09.2019).
7. Сапронов М.В. Синергетический подход в исторических исследованиях: новые возможности и трудности применения // Общественные науки и современность. 2002. № 4. С. 158–172.
8. Walby S. Complexity theory, globalization and diversity. Paper presented to conference of the British Sociological Association. URL: https://pdfs.semanticscholar.org/4db6/271cff7381fc9c4b873809e2cd2ce395d6a2.pdf?_ga=2.11890548.1366763162.1570875592-1455967017.1570875592 (дата обращения: 25.09.2019).
9. Duit A., Galaz V. Governance and Complexity – Emerging Issues for Governance Theory // Governance: An International Journal of Policy, Administration and Institutions. 2008. Vol. 21, № 3. P. 311–335.
10. Holling C. Understanding the Complexity of Economic, Ecological, and Social Systems // Ecosystems 2001. № 4. P. 390–405.
11. Jones B., Baumgartner F. From There to Here: Punctuated Equilibrium to the General Punctuation Thesis to a Theory of Government Information Processing // The Policy Studies Journal. 2012. Vol. 40, № 1. P. 1–19.
12. Jervis R. Complexity and the Analysis of Political and Social Life // Political Science Quarterly. 2011. Vol. 112, № 4. P. 569–593.
13. Quack S. Regime complexity and expertise in transnational governance: strategizing in the face of regulatory uncertainty // Law, legislation and power in the global political economy. 2013. Vol. 3, № 4. P. 647–678.
14. Downs G., Jones M. Reputation, Compliance, and International Law // Journal of Legal Studies. 2002. Vol. XXXI. P. 95–114. URL: <https://pdfs.semanticscholar.org/8494/5bfcea1eb33ec123049f4a6ae7eb5989bc6c.pdf> (дата обращения: 20.09.2019).
15. Carneiro Ch. Complexity and Compliance: How do Complex International Regimes Perform? // Paper prepared for 2014 ISA Conference Buenos Aires. URL: <http://web.isanet.org/Web/Conferences/FLACSO-ISA%20BuenosAires%202014/Archive/16a68f38-1ddd-493a-8c1c-777598c7b535.pdf> (дата обращения: 20.09.2019).
16. Венгеров А. Синергетика и политика // Общественные науки и современность. 1993. № 4. С. 55–69.
17. Аршинов В.И. Синергетика как феномен постнеклассической науки. М. : Институт философии РАН, 1999. 203 с.
18. Буданов В.Г. Методология синергетики в постнеклассической науке и в образовании. М. : Институт философии РАН, 2009. 240 с.
19. Perspectives on a hyperconnected world. Insights from the Science of Complexity. World Economic Forum. URL: http://www3.weforum.org/docs/WEF_GAC_PerspectivesHyperconnectedWorld_ExecutiveSummary_2013.pdf (accessed: 25.09.2019).

Статья представлена научной редакцией «Социология и политология» 15 октября 2020 г.

Synergetics of Political Processes

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 459, 107–112.

DOI: 10.17223/15617793/459/13

Anastasia V. Golofast, Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: golofast.anastasia@gmail.com

Keywords: agents; controllers; leaders; parameters or order; patterns of behavior; path dependence; self-organizing system; synergetics.

The study is supported by the Russian Foundation for Basic Research, Project No. 19-311-90023 “Political Morphogenesis: Synergetic Approach”.

Complexity science is an intellectual tradition which is deeply rooted in systems theory and information theory. The common premise of these two theories is that different types of systems portray the same qualities in structure and organization, which makes it possible to draw parallels between heterogeneous phenomena. Complexity theory offers terminology and methodology for political science studies, it can give a prism to analyze political institutions and processes. Despite several common junctures with political science, the potential of synergetics for political studies remains underestimated. The advantage of a synergetic approach resides in the fact that it can be used for the analysis of processes at all abstraction levels, from individual to macrosystem. The aim of this article is the systematization of the views on political processes based on synergetic methodology. The article offers the definition and characteristics of complex systems, analyzes the trajectories of their evolutionary development. Agents and leaders in the internal environment are regarded separately. The main characteristics of complex systems are self-organization, interdependence, positive and negative feedback processes, history of interactions, and path dependence. Complex adaptive systems, the main objects of synergetic analysis, change through self-organization, not through guided transformations. Those are non-linear systems, in which a minor change can lead to global consequences. The stronger the connections between the systems are, the higher the probability of cascade effects is. System innovations are introduced under the conditions of low control and high uncertainty. In most cases political problems do not get solutions until they reach crisis levels because political systems are characterized by inertia. Though ideology and group identification provide guidance for the agents' behavior under complex circumstances, they also contribute to system rigidity. Institutional norms that give a frame to political action become the second source of system rigidity. System change occurs either when the external signal is stronger than the inertia, or when the signals accumulate. In politics, complexity is revealed in the following forms: non-linear causality, uneven selection of problems for the agenda, majority veto effect, context effect, and the Titanic effect. Synergetic methodology has an applied character and can lead the political studies to the complexity level, consistent with the complexity level of the phenomena in question.

REFERENCES

1. Cairney, P. (2012) Complexity Theory in Political Science and Public Policy. *Political Studies Review*. 10. pp. 346–358.
2. Arshinov, V.I. & Svirskiy, Ya.I. (2016) Complexity World and Its Observer. Part 2. *Filosofiya nauki i tekhniki – Philosophy of Science and Technology*. 21 (1). pp. 78–91. (In Russian).
3. Tainter, J. (2006) Social complexity and sustainability. *Ecological Complexity*. 3. pp. 91–103. [Online] Available from: http://wtf.tw/ref/tainter_2006.pdf (Accessed: 20.09.2019).
4. Pattsel't, V. (2012) Institutional Evolution, Morphology and Lessons From History. *Politicheskaya nauka*. 3. pp. 50–68. (In Russian).
5. Gunitsky, S. (2013) Complexity and theories of change in international politics. *International Theory*. 5 (1). pp. 35–63.
6. Ramalingam, B. et al. (2008) *Exploring the science of complexity: ideas and implications for development and humanitarian efforts*. Working Paper 285. [Online] Available from: <https://www.odi.org/sites/odi.org.uk/files/odi-assets/publications-opinion-files/833.pdf> (Accessed: 20.09.2019).
7. Sapronov, M.V. (2002) Sinergeticheskiy podkhod v istoricheskikh issledovaniyah: novye vozmozhnosti i trudnosti primeneniya [Synergetic Approach in Historical Research: New Opportunities and Difficulties of Application]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. 4. pp. 158–172.
8. Walby, S. (2004) Complexity theory, globalization and diversity. Paper presented to conference of the British Sociological Association. [Online] Available from: https://pdfs.semanticscholar.org/4db6/271cff7381fc9c4b873809e2cd2ce395d6a2.pdf?_ga=2.11890548.1366763162.1570875592-1455967017.1570875592 (Accessed: 25.09.2019).
9. Duit, A. & Galaz, V. (2008) Governance and Complexity – Emerging Issues for Governance Theory. *Governance: An International Journal of Policy, Administration and Institutions*. 21 (3). pp. 311–335.
10. Holling, C. (2001) Understanding the Complexity of Economic, Ecological, and Social Systems. *Ecosystems*. 4. pp. 390–405.
11. Jones, B. & Baumgartner, F. (2012) From There to Here: Punctuated Equilibrium to the General Punctuation Thesis to a Theory of Government Information Processing. *The Policy Studies Journal*. 40 (1). pp. 1–19.
12. Jervis, R. (2011) Complexity and the Analysis of Political and Social Life. *Political Science Quarterly*. 112 (4). pp. 569–593.
13. Quack, S. (2013) Regime complexity and expertise in transnational governance: Strategizing in the face of regulatory uncertainty. *Law, Legislation and Power in the Global Political Economy*. 3 (4). pp. 647–678.
14. Downs, G. & Jones, M. (2002) Reputation, Compliance, and International Law. *Journal of Legal Studies*. XXXI. pp. 95–114. [Online] Available from: <https://pdfs.semanticscholar.org/8494/5bfcea1eb33ec123049f4a6ae7eb5989bc6c.pdf> (Accessed: 20.09.2019).
15. Carneiro, Ch. (2014) Complexity and Compliance: How do Complex International Regimes Perform? *2014 ISA Conference*. Buenos Aires. [Online] Available from: <http://web.isanet.org/Web/Conferences/FLACSO-ISA%20BuenosAires%202014/Archive/16a68f38-1ddd-493a-8c1c-777598c7b535.pdf> (Accessed: 20.09.2019).
16. Vengerov, A. (1993) Sinergetika i politika [Synergetics and politics]. *Obshchestvennye nauki i sovremenost'*. 4. pp. 55–69.
17. Arshinov, V.I. (1999) *Sinergeika kak fenomen postneklassicheskoy nauki* [Synergetics as a phenomenon of post-non-classical science]. Moscow: Institute of Philosophy RAS.
18. Budanov, V.G. (2009) *Metodologiya sinergetiki v postneklassicheskoy nauke i v obrazovanii* [Methodology of synergetics in post-non-classical science and education]. Moscow: Institute of Philosophy, RAS.
19. World Economic Forum. (2013) *Perspectives on a hyperconnected world. Insights from the Science of Complexity*. [Online] Available from: http://www3.weforum.org/docs/WEF_GAC_PerspectivesHyperconnectedWorld_ExecutiveSummary_2013.pdf (accessed: 25.09.2019).

Received: 15 October 2020

ЭЛЕМЕНТЫ ТЕОРИИ РАЦИОНАЛЬНО-СМЫСЛОВЫХ СИСТЕМ

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского научного фонда, грант № 19-18-00210
«Политическая онтология цифровизации: исследование институциональных оснований
цифровых форматов государственной управляемости».

Описывается основные принципы и структура рационально-смысовых систем – таких, которые в структуре имеют свой смысл в качестве одного из элементов; источник смысла системы при этом вынесен за пределы самой системы, однако структура мотивации поведения системы не сводится к внешним источникам, а представляет собой органический комплекс внешних и внутренних стимулов. Автор полагает, что теория рационально-смысовых систем представляет собой дополнение к общей теории систем и синергетики.

Ключевые слова: система; рационально-смысловая система; теория систем; смысловой объект; рационально-смысовой комплекс.

Современный исследователь политических проблем знаком не понаслышке с такими понятиями, как «хорошее управление», «устойчивое развитие» и «инициативное бюджетирование», а возможно, является в этих областях серьезным специалистом. Но маловероятно, что он задумывался о том, что объединяет эти стратегии развития, к которым можно добавить еще добрый десяток. Однако если посмотреть повнимательнее на эти термины, то совсем несложно в них обнаружить «указующий перст», отсылающий нас в некотором смысле от их собственного содержания. Так, в «хорошем управлении» мы обнаруживаем модель управления, функционирующую для граждан, в «устойчивом развитии» – будущие поколения, а в «инициативном бюджетировании» – возможность участия граждан в формировании бюджета. В данных понятиях присутствует не только денотат, но и смысл этого денотата, что существенным образом отличает такие понятия от чисто символических.

Исследовательский вопрос, который при известной степени абстрагирования довольно логично вытекает из предыдущего рассуждения, звучит достаточно просто: *зачем существуют системы?* Вопрос, надо полагать, не является праздным и поверхностным, поскольку он применим к системам рационально-смысолового типа, что существенно ограничивает методологию общей теории систем и синергетики, которые за отправную точку берут системы живой и неживой природы, существующие как данность.

Рационально-смысовые системы отличаются от иных систем наличием смысла своего существования. Пусть это не кажется исследователям чисто философской проблемой: такая постановка вопроса серьезно меняет системологические ракурсы рассмотрения данной темы, посвященные в рамках сложившейся в XX в. традиции поискам ответов на вопросы о сущности, структуре, функциях и свойствах систем, а также об их поведении, развитии, динамике и пр. Позиция наблюдателя за системой утрачивает свою актуальность, что показали еще У. Матурана и Н. Луман [1. С. 148]. Однако У. Матурана, помещая наблюдателя в саму наблюданную область, остается верным «принципу невмешательства»: наблюдатель в его системе не становится деятелем; исследователь остается соизерцателем, пусть теперь он созерцает не только и не

столько внешние по отношению к себе системы, сколько системы, частью которой является сам наблюдатель. Надо полагать, что наш подход *действительно* способен из наблюдателя сделать актора.

Под смыслом рационально-смысовой системы мы *изначально* будем понимать внешние объекты, определяющие структуру, свойства, функции и поведение рационально-смысовой системы; для краткости в дальнейшем мы обозначим их как *смысловые объекты*. Человек также является рационально-смысовой системой, способной самостоятельно принимать решение о делении внешних по отношению к себе систем на смысловые объекты и системы-данности. Искусственные рациональные системы такого деления на данный момент производить не в состоянии, однако они при некотором усовершенствовании могли бы создаваться как рационально-смысовые.

Ввиду такой постановки вопроса мы не можем, следуя известной системологической традиции, обозначить рационально-смысловую систему как S, поскольку такое обозначение не предполагает наличие рациональности в системе. Обозначим пока для простоты рациональные системы RS-системами, смысловые объекты – S-объектами, и рационально-смысловое отношение RS-системы к S-объекту – RS-отношением. Графически изобразить получившийся рационально-смысовой комплекс несложно (рис. 1).

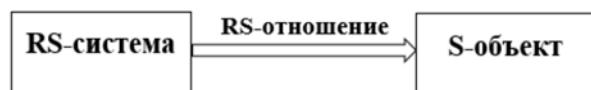

Рис. 1. Элементарная схема рационально-смысолового комплекса

Итак, определимся с набором базовых понятий:
– элементарная система (Е-система) – базовая категория общей теории систем; система, существующая как данность и не предполагающая наличие смысла в своем составе;

– рационально-смысоловая система – система, изначально подчиненная смысловым объектам и, как следствие, не являющаяся элементарной системой;

– смысловой объект – объект внешнего мира (границы внешнего и внутреннего мира задаются самой

рационально-смысловой системой), являющийся самоцелью для рационально-смысловых систем и способный быть как рационально-смысловой системой, так и элементарной системой (что, впрочем, не мешает поместить за скобки вопрос о системности смыслового объекта);

– рационально-смысловой комплекс (RS-комплекс) – совокупность рационально-смысловых системы и смыслового объекта, объединенных рационально-смысловым отношением;

– рационально-смысловый массив (RS-массив) – сетевая форма взаимодействий множества рационально-смысловых комплексов, имеющих в качестве «вершин» отдельные рационально-смысловые системы или множества рационально-смысловых систем, изначально подчиненных одному смысловому объекту.

Здесь необходимо сделать разъяснения. Комплекс – аналог горнопромышленного комплекса; метафора, необходимая для того, чтобы отделить сети элементарных систем, расположенных на плоскости, от сетей RS-массивов. Горизонтальное измерение сетей Е-систем описано Б. Латуром, М. Деландой, Г. Харманом, Дж. Но, А. Мол, Я. Богостом, Л. Брайнтом, Т. Мортоном и получило название «плоская онтология» (flat ontology) [2–12]. Однако интеракцию RS-системы и S-объекта сложно описать «плоским» измерением, и, кроме того, такой комплекс не является системой, поскольку предполагает контингентность смысловой модели RS-системы и S-объекта, о чем речь пойдет далее. Понятие «рационально-смысловой массив» мы также заимствовали из геологии, где несложно обнаружить понятие «горный массив». Теория рационально-смысловых систем в этом смысле свободна от холизма и предполагает онтологическое множество RS-систем и S-объектов. При этом RS-массив напрямую связан с сетями Е-систем и в каком-то смысле «вырастает» из них.

Остановимся подробнее на «орогенезе» RS-комплекса. Что является его «вершиной»? С одной стороны, это S-объект, поскольку RS-система подчинена S-объекту. С другой стороны, RS-система качественно отличается от Е-системы, в отличие от S-объекта, который может принимать самые различные формы. Таким образом, подчинение RS-системы S-объекту подразумевает их онтологическое неравенство в пользу RS-системы; это возвеличивание через принижение. Поэтому более логично обозначить их взаимосвязь вертикально, а не горизонтально (рис. 2).

Рис. 2. Уточненная схема RS-комплекса

Такая модель хорошо объясняет, в частности, интеракцию «человек-компьютер». Человек, выступая в качестве потребителя работы компьютера, является смысловым объектом, компьютер в свою очередь, – RS-системой. Компьютер работает для человека, комфорт и удобство человека – цель и смысл машины; в этом смысле он подчиняется человеку. Но в то же время компьютер, обладая смыслом, отличным от самого компьютера, возвышается над потребителем, смыслом которого является сам потребитель.

Отсюда вытекает еще один «онтологический аргумент» в пользу неравенства RS-системы и S-объекта. В конечном счете, RS-система – это идеальный тип систем. Система способна обнаружить смысл как в себе, так и в других системах. Но смысл, замкнутый на самом себе, создает эффект так называемой двойной структуры, т.е. расщепляет сам себя на систему-производителя и систему-потребителя. Термин «двойная структура» введен А.Н. Леонтьевым в 1940 г. Им же впервые была высказана идея приоритета смысла деятельности над самой деятельностью [13. С. 48–49]. Это различие вполне подходит и к данной теории: системы, производящие деятельность (т.е. системы-данности), отличаются от систем, производящих осмыслившую деятельность. При этом осмыслившая деятельность указывает на отсутствие саморазделения системы, подчеркивает ее целостность.

Существенным моментом в данной концепции являются компоненты RS-системы. Надо полагать, что основные компоненты системы можно обозначить следующим образом:

– смысловой блок (S-блок), создающий и поддерживающий смысловую модель (S-модель), которую в широком смысле можно трактовать как ценность;

– рациональный блок (R-блок), отвечающий за решения и действия, т.е. за непосредственную связь с S-объектом;

– блок моделирования, состоящий из набора правил конструирования и поддержки S-модели, формируемый RS-массивами;

– поведенческий блок, представляющий собой совокупность правил поведения RS-системы и также формируемый RS-массивами. Схематично это представлено на рис. 3.

Рассмотрим R-блок RS-системы более подробно. Исходя из этой модели, мы можем выделить три различных способа взаимодействия RS-системы и S-объекта, напоминающие герменевтические круги:

– «малый круг», в котором RS-система сводится к выполнению требований S-объекта; S-блок практически не участвует в интеракции; помимо R-блока в «малый круг» вовлечен также поведенческий блок, формируемый RS-массивом. Такая модель описывает взаимоотношение RS-системы и S-объекта на основе принципа «стимул-реакция»; ее можно характеризовать как *модель подчинения* или *модель рационально-механистической детерминации*;

– «средний круг», связанный с первичным формированием S-модели. Здесь наблюдается активизация блока моделирования, RS-массива, отвечающего за данный блок, а также S-блока. В данном случае RS-массив определяет репертуар решений.

RS-система

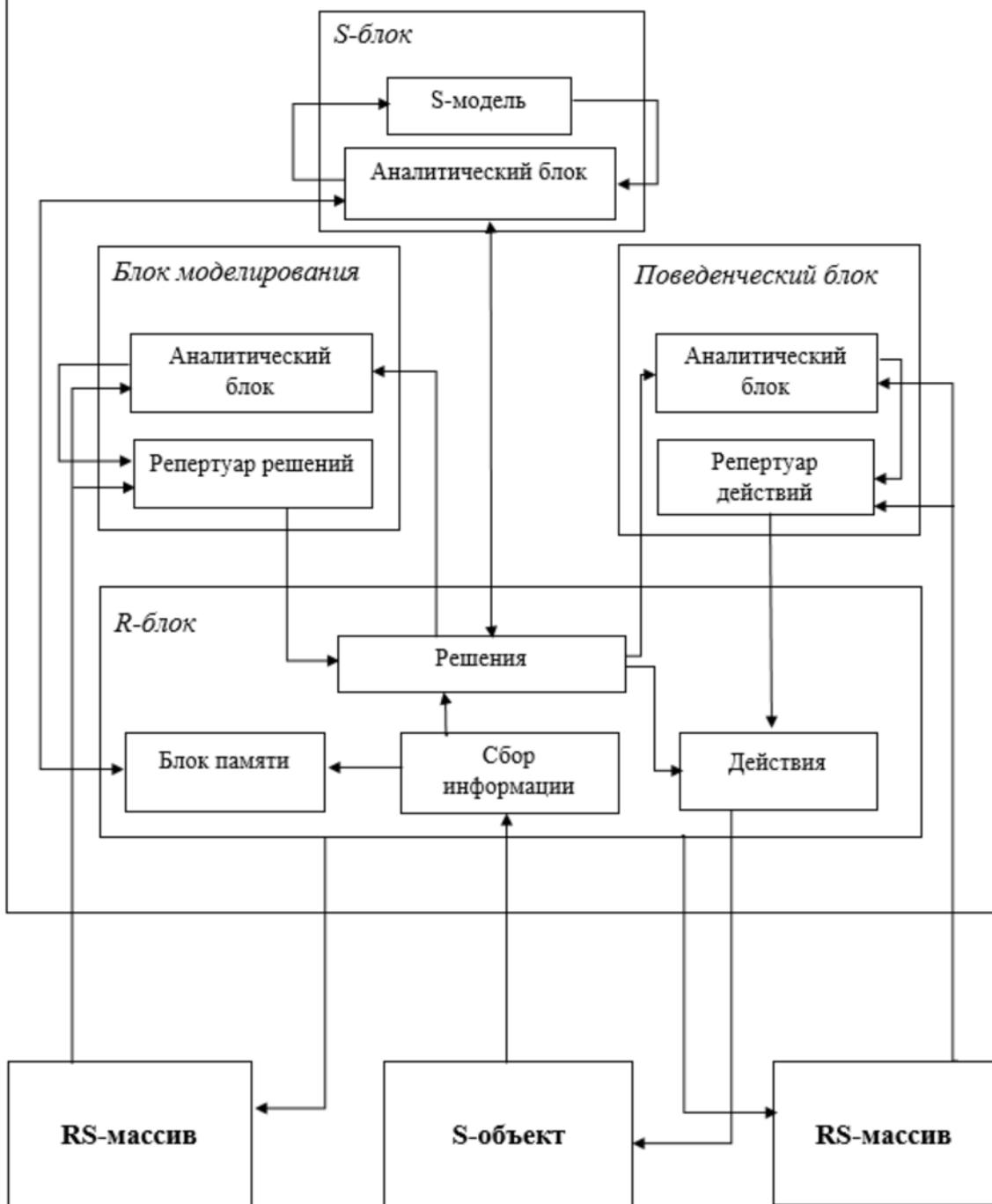

Рис. 3. Основные компоненты RS-комплекса

Репертуар поведения при этом существенно расширяется. RS-система становится, скорее, *помощником* S-объекта. Такая помощь основана преимущественно на анализе заложенного в блок моделирования репертуара известных практик;

– «большой круг», в котором S-модель смоделирована в S-блоке. Теперь RS-система работает в полной мере как *понимающая* система, постоянно собирающая данные о S-объекте и изучающая его поведение, самостоятельно делая вывод о необходимых действиях. Активность RS-массивов снижается, равно как и нагрузка на блок моделирования и поведенческий

блок. В каком-то смысле RS-система «большого круга» работает на *опережение* требований и запросов S-объекта.

Названия этих кругов отражают не столько степень понимания или осознавания, сколько количество технологических операций, выполняемых RS-системой. Опишем их подробнее:

1. Модель подчинения:

- S-объект задает требование;
- R-блок принимает данное требование;
- требование отправляется в поведенческий блок и сравнивается с репертуаром действий, на основании

чего система принимает решение о выполнимости или невыполнимости требования;

д) требование выполняется или система сообщает о невозможности выполнить данное требование.

2. *Модель помощника:*

а) S-объект задает запрос;

б) R-блок принимает запрос;

с) запрос отправляется в блок моделирования и сравнивается с репертуаром решений, на основании чего система принимает решение о наиболее предпочтительном решении проблемы;

д) решение отправляется в R-блок и демонстрируется S-объекту;

е) S-объект принимает или не принимает решение;

ф) в случае принятия решения запускается модель подчинения;

г) в случае непринятия решения повторно запускается модель помощника.

3. *Модель опережающего действия:*

а) S-объект производит действие, не направленное на RS-систему;

б) R-блок принимает сигнал о происходящем действии;

с) сигнал перенаправляется в S-блок и сравнивается с имеющейся на данный момент S-моделью S-объекта, на основании чего R-блок принимает решение о необходимости опережающего действия или отсутствии такой необходимости;

д) в случае принятия решения о необходимости опережающего действия решение отправляется в блок моделирования и далее к п. 2с.

R-блок должен содержать блок памяти, который записывает полученные отчеты от S-объекта о корректности представленных RS-системой решений и выполненных действиях. Сам по себе R-блок лишь ведет статистику в блоке памяти. Накапливаясь, отчеты могут отправляться в блок моделирования или поведенческий блок для корректировки репертуаров или работы системы по извлечению из репертуаров искомых решений и действий. При этом положительные отчеты отправляются в S-блок, и на основании каждого полученного отчета принимается решение о необходимости или отсутствии этой необходимости корректировки S-модели. То есть сам по себе блок памяти находится только в рациональном блоке, а во всех прочих компонентах присутствуют аналитические блоки.

Наибольший интерес в описанном выше S-блоке представляет S-модель. Интерес вызван несколькими причинами:

– во-первых, сложно понять, что из себя представляет S-модель;

– во-вторых, какие компоненты превалируют в S-модели – S-объекта или же технологий моделирования S-модели;

– в-третьих, является ли S-модель типовой или уникальной, т.е. вопрос о дизайне этой модели;

– в-четвертых, как именно она связана с поведением RS-системы, сводится ли она к R-блоку требований и решений, т.е. является редукционной или же сама способна отдавать требования R-блоку, т.е. является концептуальной.

1. Сложность представления S-модели заключается в том, как именно коррелируются S-модель и S-объект. С одной стороны, модель должна отражать все существенные и несущественные проявления объекта, зафиксированные R-блоком; с другой – модель должна быть *рабочей*, т.е. выполнять свою функцию, иначе она утрачивает значение в RS-системе. Но S-объект не является рабочей областью. В этом и состоит сложность – соединить несоединимое.

а) Мы можем представить S-модель как точную копию S-объекта, примерно так же, как картину, написанную с натуры. В этом случае корреляция сохраняется, но утрачивается функциональность – действительно, каков смысл в смыслоподобии, кроме созерцательного и чисто эстетического?

б) Возможно представить модель принципиально не похожей на объект, скажем, соорудить мысленного робота, похожего на объект примерно так же, как компьютер напоминает строение человеческого мозга. Такая модель будет более функциональной, однако возможность прямой корреляции утрачивается.

с) S-модель может быть представлена как условное обозначение S-объекта, примерно так же, как дорожные знаки обозначают реальные дорожные объекты. В таком случае мы сохраним корреляцию модели и объекта, и при этом такая модель будет функциональной. Но в ней обнаруживается один изъян – такая модель будет обладать *слабыми* коррелятивностью и функциональностью.

д) Наконец, можно представить S-модель как *символическую*, т.е. состоящую из математических символов и являющуюся символическим отражением S-объекта. В таком случае любой фиксируемый R-блоком феномен S-объекта может быть записан в смоделированную формулу S-модели. Кроме того, эта модель – наиболее пригодная для обработки. Представить ее можно самыми различными способами – например, как дизьюнктивную нормальную форму, открытую для добавления новых членов. Однако открытость и обработка не должны проходить одновременно: либо формула открыта и в нее вписываются новые сигналы, либо формула закрыта и пригодна для обработки.

Такая модель, помещенная внутрь системы, является примером расшифровки слов Лейбница о «бестелесных автоматах» [14. С. 416]. С другой стороны, это хорошая иллюстрация слов А. Бадью о тождестве онтологии и математики, понятых, правда, немного в другом ключе [15. С. 11]: S-объект остается «черным ящиком», а его символическая копия, что является не чем иным, как *ценностью* RS-системы, полноправно существует только в математическом виде. В данном случае онтология ценностей – это математика.

2. Если принять во внимание тезис спекулятивных реалистов о контингентности бытия и мышления [16], то проблема скорее усложняется, чем упрощается, поскольку объективный мир выносится в пространство индетерминизма, а субъективный поглощают трансцендентальные схемы. С другой стороны, эти трансценденталии могут сыграть на руку.

Попробуем описать схему формирования смысловой модели:

– рецепторы рационального блока непрерывно принимают и записывают исходящие от S-объекта сигналы, т.е. объект находится под непрестанным наблюдением;

– записанные сигналы классифицируются, систематизируются и помещаются в библиотеку R-блока, т.е. в блок памяти;

– аналитический блок S-модели непрерывно сканирует сигналы, хранящиеся в библиотеке;

– на основании того, содержат ли эти сигналы новую для S-модели информацию, аналитический блок S-блока делает вывод о целесообразности или нецелесообразности включения данных результатов в S-модель.

Иными словами, проблема контингентности может быть решена только благодаря включению посредника в рационально-смысловой комплекс. Таким посредником является R-блок, выполняющий, в том числе, функцию простой записи входящих сигналов (такие средства записи удачно описаны Б. Латуром [17. С. 55–63]). Однако контингентность мы обнаруживаем и внутри RS-системы, поскольку записанные сигналы и S-модель напрямую также не связаны – их разделяет аналитический блок S-блока.

3. Теория рационально-смысловых систем подчиняется теории множеств в том смысле, что рациональных систем, ориентированных на один и тот же объект, может быть несколько. В этом случае S-модели, вероятно, являются изоморфными друг другу. Но этот вопрос все же следует решать эмпирическим путем сравнительного анализа и выявления стилевых различий между моделями.

Однако не данный момент это составляет ключевую проблему. Ведь если мы признали ранее состоятельность идеи контингентности S-модели и S-объекта, то мы должны признать и тот факт, что S-модель тоже является объективным фактом. Она может существовать и без объекта. Ее форма обусловлена объектом, и, тем не менее, ее жизненный цикл подчиняется другим законам – законам RS-системы. В каком-то смысле эта математическая формула является *живой*, т.е. способной к самостоятельному существованию. Возможно, S-модель сама поддерживает жизнеспособность, определяя работу всей RS-системы.

Такое положение дел также усложняет наше понимание S-модели. Признание S-модели как живой влечет за собой:

– невозможность сбора исчерпывающего объема информации об S-модели;

– сложность предсказания поведения RS-системы, детерминированной внутренними стимулами;

– неопределенность прогнозирования рисков RS-системы, вызванных внутренними причинами;

– затруднительность определения места S-модели в RS-системе, поскольку RS-система, исходя из конкретного репертуара действий, может осуществлять одно и то же действие, вызванное разными стимулами, которые породят как S-модель или S-объект, так и, вероятно, другие причины. RS-система – это развитая форма E-системы, способная к поведению E-системы. В таком случае в системе вообще *может и не быть* S-модели. Наличие S-модели в системе лишь увеличивает неопределенность поведения системы и только больше запутывает исследователя, вынужденного считаться с S-моделью как объективным фактом.

4. Проблема редукционизма и концептуализма вытекает из развития S-модели, и, казалось бы, могла быть решена через рассмотрение ее становления. По мере накопления информации об S-объекте S-модель пытается ориентироваться на объект и в конечном счете сводится к объекту, но после своего усложнения ориентируется в большей степени на саму себя.

Однако такой план рассмотрения кажется очень поверхностным, поскольку решает проблему через причинность, а не динамику. S-модель, судя по всему, формируется через конфликт с объектом – это конфликт требований, сигнализирующий о противоречивости представления об объекте и самого объекта. Такая проблема упирается в процедуру принятия решений R-блоком и влечет за собой усложнение процесса принятия решений. Если же речь идет о реальных онтологических противоречиях, то в таком случае конфликт решается введением темпоральной перспективы: противоречия «здесь-и-сейчас» решаются R-блоком, а отсутствие противоречий моделируется S-блоком через память или проекцию в будущее. Что-то подобное можно наблюдать в феноменах «исторической памяти», о которой так любят рассуждать консерваторы, а также в устремленности к образам великой и могучей страны будущего, составляющей идейную основу либералов.

Получается, что совершенство R-блока состоит в адекватном ответе на требования S-объекта по принципу «стимул-реакция» и одновременно с этим работе по усовершенствованию S-модели. Конфликт для R-блока есть не только вызов его возможностям, но и способом открытия граней нового, открытия истины, достойной для вписывания в формулу S-модели. Это «технэ» [18. С. 221–238] красноречиво говорит о том, что техника по определению является частью RS-системы и, подчиняясь S-модели, не только не противостоит ей, но, напротив, работает вместе с прочими компонентами на открытие нового знания об объектах внешнего мира, внешнего, разумеется, как предустановленной RS-системой границей. Надо полагать, эту границу устанавливают рациональные компоненты системы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Матурана У., Варела Ф. Древо познания: биологические корни человеческого понимания. М. : Прогресс-Традиция, 2001. 223 с.
2. Луман Н. Введение в системную теорию. М. : Логос, 2007. 360 с.
3. DeLanda M. Intensive Science and Virtual Philosophy. L. ; N.Y., 2002. 252 р.
4. Speculative Turn: Continental Materialism and Realism. Melbourne, 2011. 440 р.
5. Харман Г. Четвероякий объект: Метафизика вещей после Хайдеггера. Пермь : Гиле Пресс, 2015. 152 с.
6. Harman G. Prince of Networks: Bruno Latour and Metaphysics. Melbourne, 2009. 258 р.

7. Латур Б. Когда вещи дают отпор: возможный вклад «исследований науки» в общественные науки // Социология вещей : сб. ст. М. : Территория будущего, 2006. 392 с.
8. Ло Дж. После метода: беспорядок и социальная наука. М. : Изд-во Института Гайдара, 2015. 352 с.
9. Мол А. Множественное тело // Социология власти. 2015. № 1. С. 232–247.
10. Bogost I. *Alien Phenomenology, or What It's Like to Be a Thing*. Minneapolis, London, 2012. 168 p.
11. Bryant L. *Onto-Cartography. An Ontology of Machines and Media*. Edinburgh, 2014. 300 p.
12. Morton T. *Realist Magic: Objects, Ontology, Causality*. Ann Arbor, 2013. 232 p.
13. Леонтьев А.Н. Философия психологии. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1994. 228 с.
14. Лейбниц Г.-В. Сочинения в четырех томах. М. : Мысль, 1982. Т. 1. 636 с.
15. Бадью А. Манифест философии. СПб. : Machina, 2003. 184 с.
16. Мейасу К. После конечности: Эссе о необходимости контингентное. Екатеринбург ; Москва : Кабинетный ученый, 2015. 196 с.
17. Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. 382 с.
18. Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления. М. : Республика, 1993. 447 с.

Статья представлена научной редакцией «Социология и политология» 19 мая 2020 г.

Elements of the Theory of Rational-Sensible Systems

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 459, 113–118.

DOI: 10.17223/15617793/459/14

Konstantin S. Kondratenko, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation). E-mail: kondratenoks@inbox.ru

Keywords: system; rational-sensible system; theory of systems; sensible object; rational-sensible complex.

The study is supported by the Russian Science Foundation, Project No. 19-18-00210.

The article raises the question of the sense of the existence of systems—a topic raised in existential philosophy and psychology and undeservedly untouched by researchers of systems. Sense can change the system, its motivation, structure, etc., i.e. change the ratio of basic components. In this regard, it was proposed to consider, in addition to the traditional rational block, a sensible block, i.e. block of values. The value is indicated in the article as a “sensible object” because, on the one hand, it is taken out of the system, on the other hand, the issue of the consistency of a sensible object is not considered in the article. At the same time, it was decided to include a sensible object and a rational-sensible system in a rational-sensible complex. The sensible component is represented in the system as a “sensible model”—a logical and mathematical description of a sensible object, but not identical to it. The mathematical apparatus is necessary for the rational-sensible system, first of all, for modeling the value structure; therefore, mathematics and ontology in this regard are close to each other. On the other hand, the sensible model is contingent on the sensible object, which explains the difference in the motivation of rational-sensible systems aimed at one sensible object. The main objective of this article is to present elements of the theory of rational-sensible systems for their possible subsequent mathematization. However, without preliminary fundamental research, such attempts would be unreasonable. The article also discusses the possibility of predicting the behavior of a rational-sensible model. It shows that, on the one hand, the possibilities of prediction based on a detailed study of a sensible model are significantly increasing, on the other hand, the presence of an internal component resembling a thing-in-itself only increases uncertainty in such forecasts. Finally, the article raises the problem of developing a sensible model. In the development, presumably, an essential point is the conflicts of the sensible model and the sensible object, capable of transforming the status and content of the sensible model in the structure of the rational-sensible system. Despite all of the above, the theory of rational-sensible systems needs a more detailed study; therefore, it is probably not worth drawing conclusions at this stage of the research.

REFERENCES

1. Maturana, H. & Varela, F. (2001) *Drevo poznaniya: biologicheskie korni chelovecheskogo ponimaniya* [The Tree of Knowledge: The Biological Roots of Human Understanding]. Translated from English by Yu.A. Danilov. Moscow: Progress-Traditsiya.
2. Luhmann, N. (2007) *Vvedenie v sistemnyu teoriyu* [Introduction to systems theory]. Translated from English. Moscow: Logos.
3. DeLanda, M. (2002) *Intensive Science and Virtual Philosophy*. London; N.Y.: Continuum.
4. Bryant, L., Srnicek, N. & Harman, G. (eds) (2011) *Speculative Turn: Continental Materialism and Realism*. Melbourne: re.press.
5. Harman, G. (2015) *Chetyveroyakiy ob "ek": Metafizika veshchey posle Khaydeggera* [The Quadruple Object]. Translated from English. Perm: Gile Press.
6. Harman, G. (2009) *Prince of Networks: Bruno Latour and Metaphysics*. Melbourne: re.press.
7. Latour, B. (2006) *Kogda veshchi dayut otpor: vozmozhnyy vklad "issledovaniy nauki" v obshchestvennye nauki* [When things strike back: a possible contribution of “science studies”]. Translated from English. In: Vakhshayn, V.S. (ed.) *Sotsiologiya veshchey* [Sociology of things]. Moscow: Territoriya budushchego.
8. Law, J. (2015) *Posle metoda: besporyadok i sotsial'naya nauka* [After Method: Mess in Social Science Research]. Translated from English. Moscow: Izd-vo Instituta Gaydara.
9. Mol, A. (2015) *Mnozhestvennoe telo* [The Body Multiple]. Translated from English. *Sotsiologiya vlasti – Sociology of Power*. 1. pp. 232–247.
10. Bogost, I. (2012) *Alien Phenomenology, or What It's Like to Be a Thing*. Minneapolis, London: University of Minnesota Press.
11. Bryant, L. (2014) *Onto-Cartography. An Ontology of Machines and Media*. Edinburgh: Edinburgh University Press.
12. Morton, T. (2013) *Realist Magic: Objects, Ontology, Causality*. Ann Arbor: Open Humanities Press.
13. Leont'ev, A.N. (1994) *Filosofiya psikhologii* [Philosophy of Psychology]. Moscow: Moscow State University.
14. Leibniz, G.W. (1982) *Sochineniya v chetyrekh tomakh* [Works in 4 vols]. Translated from German. Vol. 1. Moscow: Mysl'.
15. Badiou, A. (2003) *Manifest filosofii* [Manifesto for Philosophy]. Translated from French by V. Lapitskiy. St. Petersburg: Machina.
16. Meillassoux, Q. (2015) *Posle konechnosti: Esse o neobkhodimosti kontingentnoe* [After Finitude: An Essay on the Necessity of Contingency]. Translated from French. Yekaterinburg: Kabinetnyy uchenyy.
17. Latour, B. (2014) *Peresborka sotsial'nogo: vvedenie v aktorno-setevuyu teoriyu* [Reassembling the social: An introduction to actor-network theory]. Translated from English. Moscow: HSE.
18. Heidegger, M. (1993) *Vremya i bytie: Stat'i i vystupleniya* [Time and Being: Articles and Speeches]. Translated from German. Moscow: Respublika.

Received: 19 May 2020

Т.А. Подшибякина

КОГНИТИВНАЯ КОММУНИКАЦИЯ ПАМЯТИ И ИДЕОЛОГИИ В АТТИТЮДАХ СТУДЕНТОВ: ВОЗМОЖЕН ЛИ КОЛИЧЕСТВЕННЫЙ НARRATIVНЫЙ АНАЛИЗ?

Статья выполнена при финансовой поддержке РФФИ, грант № 18-011-00906 А.

Предпринята попытка соединения преимуществ качественного нарративного анализа с количественной формой опроса. Проведено теоретико-методологическое обоснование предложенного метода; описана методика проведения; дана оценка возможностей и пределов использования метода в политической когнитивистике; с его применением обоснован концепт когнитивной коммуникации памяти и идеологии.

Ключевые слова: память; идеологема; нарратив; нарративный анализ; коммуникация памяти и идеологии; когнитивистика.

Введение

Память – феномен человеческого сознания, обладающий высокой социальной значимостью и привлекающий своей закрытостью для познания. Как добраться до глубин бессознательного, не беспокоя Фрейда вопросами о психоаналитических возможностях исследования памяти? Одним из таких инструментов является активно набирающий сторонников в России, давно и хорошо известный на Западе нарративный анализ. Зачастую алгоритм применения этого метода не отличим от приемов дискурс-анализа, да и воспринимается он прежде всего лишь как одно из его направлений. Общепризнанным является отнесение нарративного исследования к видам качественного анализа, в котором самыми распространенными приемами выступает написание эссе, проведение устной беседы, предложение перевоплотиться в литературного или исторического героя, или даже сетевого персонажа интернета. В данном исследовании представлены результаты своего рода эксперимента по имплементации нарративного анализа в форме количественного метода исследования идеологии. Безусловно, при этом нарратив как дискурс потеряет часть своих достоинств, связанных с традиционной формой: рассказом, повествованием, свободным изложением. Вместе с тем он приобретет преимущества коллективных методов исследования, связанных с репрезентацией не индивидуального, а группового сознания. Прежде чем его использовать в этом качестве, необходимо доказать, что при всей лаконичности свободных ответов на открытые вопросы анкеты как исходного эмпирического материала он остается нарративным по своей сути.

В результате многолетнего исследования идеологического сознания молодежи юга России учеными Южного федерального университета были получены результаты, свидетельствующие о нечеткости и подвижности идеологических установок у большинства студентов, и пришло понимание необходимости освоения приемов работы с докогнитивным уровнем группового сознания для объяснения этого идеологического феномена [1]. Предположение заключалось в том, что в этих целях может быть использован нарративный анализ в не свойственном ему количественном выражении.

Целью данной работы является оценка возможностей применения количественной формы нарративного анализа по результатам апробации метода на материале проведенного в 2019 г. эмпирического исследования когнитивно-идеологических установок студенческой молодежи юга России с охватом респондентов в 2 500 человек.

Теоретическим основанием исследования выступает предложенное С.П. Поцелуевым и М.С. Константиновым авторское понятие когнитивно-идеологической матрицы, рассматриваемой «по аналогии с понятием матрицы в физике – как нейтральной (когнитивной) среды, в которую помещены изолированные активные частицы (идеологемы как «протоидеологические» концепты) с целью предотвращения их взаимодействия между собой и с окружающей средой. При констелляции определенных внешних факторов когнитивная среда перестает быть нейтральной, начинается связывание идеологем. Термин «идеологема» наиболее соответствует когнитивистскому подходу к изучению идеологии, так как в его основе лежит понятие знания (когниции). Идеологема – это когнитивная единица идеологии, представленная в сознании (мышлении) ее носителей. Для объяснения концептной динамики идеологем понадобилось прояснить смыслообразующую функцию нарратива. «Когнитивистское понимание идеологии должно включать в себя не только морфологию идеологий, но также ее подсознательный уровень с его спонтанным воображением, рождающим нарративы. Нарратив обеспечивает постоянное вибрирование идеологической концептной структуры, упомянутое «мерцание» концептов как реакцию на актуальную социально-политическую повестку дня. Подобно тому как смысл создается не отдельным словом, а предложением, так и идеологический смысл создается не простым набором концептов, а концептным нарративом» [2. Р. 812]. Наиболее близкое понятие к нарративному выражению идеологемы – «неявная идеологема», то, что Бахтин называл смутной (зыбкой, сумбурной) идеологемой или «неясной и неготовой мыслью».

Гипотеза исследования строится на предположении, что рождению идеологемы предшествуют бессознательные имплицитные процессы превращения нарратива как воплощенного в ментальных схемах социального опыта в докогнитивные концептные нар-

ративы под воздействием внешней среды. Фокус исследования смешен на периферийное взаимодействие элементов когнитивно-идеологической матрицы с внешней (социальной) средой, где формируется дорефлексивный уровень сознания, порождающий идеологемы. Поскольку изучению подлежат когнитивные процессы, в качестве предмета исследования выбраны наиболее значимые их составляющие, изучаемые когнитивистикой: память и передача памяти, а также когнитивные элементы идеологических установок (аттитюдов).

Теоретико-методологическое обоснование нарративного подхода к исследованию коммуникации памяти и идеологии

Теоретическую основу исследования составили идеологические концепции М. Фридена, идеи основоположников нарративного подхода к истории Х. Уайта и Ф. Акерсмита, теория когнитивной метафоры Дж. Лакоффа. Взаимосвязь идеологии и памяти предполагается рассмотреть, опираясь на два вида периферийности идеологем – маргинальную (смысловую) и периметровую (пространственно-временную) [3. Р. 78], описанных одним из самых авторитетных исследователей идеологии М. Фриденом. Процесс коммуникации памяти и идеологии, как представляется, относится к пространственно-временному виду периферийности, взаимодействующему с историческим временем и пространством, помещающему ядерные и периферийные концепты в конкретные культурно-исторические контексты.

Нарративный подход имеет свою специфику репрезентации в зависимости от сферы приложения, поскольку предметом нашего исследования является культурно-историческая память, то наиболее целесообразно обратиться к работам его самых видных представителей в области философии истории, а именно Х. Уайта и Ф. Анкерсмита. Х. Уайт непосредственно связывал нарратив с идеологией, или парадигмой объяснения, создающей специфическую форму аргументов и тип артикуляции [4. С. 67]. Тропологический подход к истории Х. Уайта очерчивает границы метода нарративного анализа риторическими приемами тропологии (фигурации, т.е. преобразования, и дискурсивного построения сюжета), тропы при этом рассматриваются как аналог «фигур мысли», аналогичных докогнитивным формам сознания. Основными формами фигурации в историческом дискурсе, по его мнению, являются метафора, метонимия, синекдоха, ирония.

Нарративы и нарративные концепты для исследования памяти необходимо поместить в конкретный культурно-исторический контекст (пространственно-временная идеологема); нужно оговориться, мы не ставили цель установить объем исторических знаний у студентов, нас интересовало только актуальное прошлое в их сознании, реально влияющее на формирование идеологических установок. Методологическим основанием такого сепарирования памяти послужили две категории анализа, предложенные Х. Уайтом: историческое прошлое и практическое

прошлое [5]. Историческое прошлое – объект изучения историков с целью расширения научного знания. «Практическое прошлое – это то, что относится к представлениям о “прошлом”, которые всегда присутствуют в повседневной жизни. Человек опирается на данное прошлое неосознанно, в целях получения информации, идей, моделей и стратегий для решения всех практических проблем, встречающихся в нынешней ситуации, – от личных дел до грандиозных политических программ. Практическое прошлое сохраняется в виде памяти, воображения, фрагментов информации, формул и практик, выполняемых механически, расплывчатых представлений об истории...» [6. С. 201].

В соответствии с целями нашего исследования метафора из всех риторических тропов является наиболее подходящей для анализа когнитивных процессов, так как непосредственно связана с процессом познания и передачи смыслов. Ф. Анкерсмит, представляя роль метафоры в историческом опыте, утверждает, что «метафора становится, по существу, эквивалентной индивидуальной (метафорической) точке зрения, с которой нас приглашают смотреть на часть исторической действительности» [7. С. 82]. Ф. Анкерсмит считал, что «метафора весьма эффективна в организации знаний способами, которые могут обслуживать наши социальные и политические цели (и это также объясняет, почему социальный, политический и, следовательно, исторический миры являются приоритетной сферой метафоры)» [7. С. 85].

Джордж Лакофф и Марк Джонсон, основоположники современного когнитивного подхода к исследованию метафоры, непосредственно связывали ее с понятийной системой человека и категориями мышления. Для изучения когнитивной составляющей аттитюдов важно понимание Дж. Лакоффом и М. Джонсоном связи когниций с деятельностью: «Наша обыденная понятийная система, в рамках которой мы думаем и действуем, по сути своей метафорична. Однако в обычном случае концептуальная система не осознается. Один из способов изучения этого – наблюдение за особенностями функционирования языка. Так как коммуникация основывается на той же концептуальной системе, которая используется и в мышлении, и в деятельности языка оказывается важным источником данных об этой системе» [8. С. 25].

Важным для исследования скрытых когнитивных процессов является обоснование Дж. Лакоффом и М. Джонсоном роли концептуальных метафор в экспликации понятий, данных человеку в опыте. «Так как множество понятий, важных для человека, либо абстрактно, либо нечетко определено в опыте (эмоции, идеи, время и т.п.), возникает необходимость использовать для их понимания другие концепты, которые осознаются более четко (пространственная ориентация, объекты и т.п.). Это приводит к определению понятий концептуальной системы с помощью метафор» [8. С. 147]. Принципиальное значение для установления связи когнитивно-идеологической матрицы с внешней средой имеет гипотеза Джорджа Лакоффа о связи посредством метафоры ментального пространства и физического пространства опыта. Для

составления программы эмпирического исследования отчасти мы опирались на модель, предложенную Джорджем Лакоффом: «сбор представительного корпуса контекстов употребления метафор; выявление метафорических моделей; установление доконцептуальных структур и типа непосредственного (физического) опыта взаимодействия с миром; выявление стратегий действий человека при использовании данных метафор» [9. С. 27].

Методика проведения количественного нарративного анализа в программе эмпирического исследования

Цель эмпирической части исследования – эксплицировать и описать процесс превращения нарративов в концептные нарративы, затем в идеологемы. Для проведения эмпирического исследования в виде опроса вначале необходимо операционализировать понятие нарратива. Если в теоретическом выражении нарратив – воспроизведение последовательной и завершенной картины истории или сюжета, то в массиве ответов нарратив воплощен в когнитивной метафоре, а нарративный концепт представляет собой совокупность нарративов единой смысловой направленности (область метафор). Метафору в современной когнитивистике принято определять как «(основную) ментальную операцию, как способ познания, категоризации, концептуализации, оценки и объяснения мира» [10. С. 2]. Следует уточнить, что в данном исследовании под метафорой иногда понимается «любой способ косвенного и образного выражения смысла» в соответствии с ее самой широкой трактовкой [11. С. 6].

Основной особенностью нарративного количественного анализа является использование в качестве единицы наблюдения не развернутого текста эссе, а предложения в несколько строк – ответа на открытые вопросы анкеты. Поскольку на ответ отводится не более 2–3 минут, возникает темпоральная особенность такого текста – очень короткие, емкие и образные высказывания в своем большинстве – это то, что называется тропом, или риторической фигурой. Следствием провокативного воздействия вопросов-триггеров стал ответ метафорой на метафору, а также эффект стереотипного мышления, проявляющийся в приведении известных метафор и поэтических сравнений. Особенностью является также преобладание реакции «согласен / не согласен» на предложенную метафору и метафоричных ответов как некого подражания предлагаемой метафоре. Анализ проводился на основе метафор, но в ответах респондентов можно найти и примеры других тропов: синекдохи, иронии, метонимии.

В результате исследования предполагается установить закономерности трансформации нарративов и нарративных концептов в идеологемы «свобода», «справедливость», «патриотизм», «индивидуализм», «солидаризм», являющиеся элементами нескольких идеологий, а также описать механизм коммуникации памяти и идеологии как процесс превращения нарратива в нарративный концепт и далее в идеологему.

Изначально предполагался другой прием нарративного анализа – предложение сравнить себя с со-

временным киногероем и развить его высказывание, но в ходе проведения фокус-групп при разработке анкеты выяснилось, что в студенческой среде нет единого понимания образа главного героя нашего времени, что впоследствии подтвердилось в ходе анкетирования, только 6% опрошенных предложили своего киногероя, что составило 152 разных ответа. Тогда решено было выстроить образы в исторической ретроспективе, поскольку темой нарративных вопросов стала тема культурно-исторической памяти, соответственно, были выбраны киногерои от 1930-х гг. до современности. 40,2% респондентов затруднились с ответом в отношении предложенных героев, но целью не являлась проверка знаний о прошлом для подтверждения расходящего мнения, о том, что молодое поколение растет «иванами, не помнящими родства», не интересующегося культурой своей страны. Имеет значение только то, что на самом деле существует в сознании и реально влияет на формирование мировоззренческой и идеологической позиции молодых людей, а стало быть, определяет их поведение в социуме. Вывод, который можно было уже сделать на этом этапе исследования: передача культурно-исторической памяти в данном случае не связана с образами или паттернами. Можно предположить, что значение имеет только то, что сделало этих персонажей героями своего исторического времени: их высказывания, отразившие настроения эпохи и, возможно, существующие вне времени.

Стесненные временные рамки заставили молодых людей выражать свою мысль коротко, и не все респондентыправлялись, отвечая: «Слишком сложно вместить в одну фразу», и тогда соглашались с приведенным высказыванием. Были и ответы (изложены в авторской редакции) вполне в ключе когнитивистики: «Какие-то напряженные у вас вопросы, не думаю я об этом». «Я сюда деградировать пришел, а не ребусы ваши разгадывать». «Извините, у меня не осталось мозгов думать». «Если вы тут в Достоевского решили поиграть, тогда я пошел». Много было ответов «Не знаю», «Затрудняюсь ответить», чтобы отсечь осознанный выбор беспамятства как способа ухода от реальности, в анкету был включен вопрос с высказыванием «Хочу туда, где нет памяти», таких оказалось 4,4% опрошенных.

К категории нарративных относился вопрос «Выберите из приведенных ниже высказываний одно из наиболее близких Вам и продолжите это высказывание применительно к современным событиям». Приведем иерархию предпочтений выбора метафор, а в скобках укажем процент выбравших данного героя и проиллюстрируем продолжение высказываний героя наиболее яркими метафорами.

1. «Сила в правде: у кого правда, тот и сильней!» (Данила Багров, х/ф «Брат 2». 7,8%) – 25%. – *Только правда поможет нам обрести истинную свободу.*

2. «Человеку всегда кажется, что в его силах намного меньше, чем он может на самом деле!» (Хоккеист Харламов, х/ф «Легенда № 17». 7,4%) – 23,3%. – *Человек может все. Вставай и меняй свою жизнь.*

3. «За державу обидно!» (таможенник Верещагин, х/ф «Белое солнце пустыни». 1,5%) – 6,8%. – *Такая власть при таком народе погубит Россию.*

4. «Я не буду устанавливать правила. Я мечтатель. Я придумываю миры» (Джеймс Холлидей, х/ф «Первому игроку приготовиться (Ready Player One)». 3,9%) – 6,2%. – *Мы в ответе за то, что мы строим.*

5. «На войне не надо думать. Думать надо до войны. А на войне нужно выживать. А чтобы выживать – надо убивать» (Иван Ермаков, х/ф «Война». 1,0%) – 4,2%. – *Война – зло. Главное – чтобы не было войны.*

6. «В трудные времена мудрые строят мосты, а глупцы – стены» (Т'Чалла, х/ф «Черная пантера (Black Panther)». 6,4%) – 18,2 %. – *И не дают мудрым выбраться за эти стены.*

7. «Хочу туда, где тепло и нет памяти» (Энди Дюфрейн, х/ф «Побег из Шоушенка». 5,0%) – 4,4%. – *Плохо в России-матушке. В России холодно, хочу, чтобы «тепло» было в России.*

8. «Вор должен сидеть в тюрьме» (Глеб Жеглов, х/ф «Место встречи изменить нельзя». 2,4%) – 8,6%. – *Но вообще-то, после вашего теста мы все там будем.*

9. «Я верую! Что-то произойдет! Не может не произойти, потому что за что же, в самом деле, мне послана пожизненная мука?» (Маргарита, х/ф «Мастер и Маргарита». 12,4%) – 2,5%. – *Когда-нибудь весь этот треш закончится, и люди смогут лучшие жить.*

10. «Я скорее обману, украду или убью, но я не буду голодать!» (Скарлетт О'хара, х/ф «Унесенные ветром». 6%) – 0,9%. – *Принципы священны.*

Концепт когнитивной коммуникации памяти и идеологии: эмпирическое обоснование

Как уже было сказано, процесс коммуникации памяти и идеологии идет по каналу: социальный опыт – нарратив – нарративный концепт – идеологема – идеологические установки (аттитюды). Результаты количественной обработки эмпирического материала можно представить в виде облака метафорических слов и словосочетаний.

Идеологема «справедливость» набрала наибольшее количество ответов: 817 слов и предложений (1 вопрос – 265, 3 – 212, 5 – 76, 8 – 264). Метафора вопроса-триггера «Сила в правде: у кого правда, тот и сильней!» вызвала следующий отклик: «Правда – самое главное оружие. Правды у нас нет, поэтому мы и слабы. Как бы народ не травили, сила за нами. В современных реалиях правду от нас зарывают все глубже. Только за правдой может пойти народ». Были и альтернативные ответы, построенные на противопоставлении: сила в деньгах, в связях, во власти. В третьем вопросе-триггере «За державу обидно» реакция была связана с перечислением того, за что еще обидно: «За власть обидно! За нищету обидно. В России людей не любят. Обидно, что все так плохо. Своих не ценят. Для остальных все, а для своего народа – ничего!!! Мы должны жить, а не выживать. Но правительство все больше и больше вытирает ноги о нас, обычных работяг-граждан. Обидно, что такая держава расстраивает свои ресурсы на обеспечение других государств». В пятом вопросе ответы выстраивались вокруг темы несправедливого характера власти: «Нужно срочно менять власть. Законы в России не работают.

Все проблемы от негативного отношения к людям в стране. Богатые живут хорошо, и их ничего не волнует». Восьмой вопрос выяснил самую большую проблему, которая воспринимается как несправедливость – коррупцию. «Коррупция должна быть наказуема. «Для коррупционеров нужно выделять места на кладбище, а не в тюрьме» (И.В. Сталин). Проблему коррупции никто не скрывает, но и никто не хочет решать».

Нarrативный концепт справедливости может быть выражен следующим образом: «В мире должна быть справедливость. Богатый становится еще богаче, бедный – беднее. Нашей стране не хватает справедливости. Мы живем, как при императоре, достойно живущих и богатых людей никчемный процент от основной массы». Ответы показали готовность к действию, очень важную составляющую идеологических установок (аттитюдов): «Перемен требуют наши сердца! Хоть это и тяжело, но за правду можно и умереть. Нужно бороться за свою правду. Сильнее не тот, у кого денег больше или лучше машина, а тот, кто стоит за правду, не жалея себя. Благодаря правде человек может повести за собой народ». Наиболее распространенные ответы: «Все должны отвечать за свои поступки. Не должно быть такого: «прав не тот, кто прав, а у кого больше прав». Известные метафоры: «Везде воруют, а нигде не отбиваются. Умом Россию не понять. Богатая ресурсами страна, а люди бедные. Каждому по заслугам. Ветер перемен. Законы для всех одинаковые! Против правды не попрешь». Уникальная метафора: «Правда должна быть доступной».

Идеологема «Солидаризм» пронизывает практически весь контент ответов: 786 слов и словосочетаний (1 вопрос – 199, 2 – 85, 3 – 21, 5 – 118, 7 – 363). В отличие от темы «справедливость», практически показавшей тождество нарративного концепта и идеологемы по ключевому понятию, в этом случае мы фиксируем определенный набор нарративов. Нарративный концепт «солидарность как единение граждан страны»: «Всей страной мы можем изменить все. Человек является частью своего общества и своего государства. В его силах в единстве со своим народом прогрессировать и вести страну в светлое будущее». В ряде ответов «мы» противопоставляется «я». «мы способны на многое! Мы – одна семья. Мощная толпа состоит из отдельных «слабых» индивидов». Подчеркиваются добрые намерения солидаризирующихся: «Сильный тот, кто нашел свое место в мире, не нанося вред другим людям! Мы можем сделать намного больше, если доверимся друг другу. Стоит относиться к другим с пониманием, добротой, любовью и уважением».

Нарративный концепт «солидарность с гражданами мира»: «Люди способны менять мир. Поэтому нужно делать все, что в наших силах, для дальнейшего благополучного развития общества как у нас в стране, так и во всем мире. Если объединить силы стран и встать на путь взаимопомощи и поддержки, можно не только повысить уровень стабильности в мире, но и снизить угрозу таким опасностям мирового масштаба, как ядерная война и экологическая катастрофа. В наших силах сохранить и обезопасить

окружающий мир, чтобы будущим поколениям было лучше». Как глобальные проблемы можно выделить темы войны и санкций. «Ради мира во всем мире. Нет войне. Война – это кровопролитие. Война будет. Война приближается. Возможность третьей мировой войны реальна. Либо человечество покончит с войной, либо война покончит с человечеством». Санкции связаны с ощущением, что Россия тоже отгораживается от остального мира: «Постройка “железного занавеса” не приведет Россию к успеху. Россия ограждается ото всех, в том числе и от своего народа, не идя на разговор. Санкции-стены, союзы-мосты».

Нarrативный концепт «солидарность власти с гражданами»: «Надо не ограничивать и запрещать все, а налаживать отношения и советоваться с новым поколением. Надо строить дружбу, а не стены в виде изоляции Интернета. Власть должна сотрудничать с гражданами своей страны». Призыв к действиям здесь отражен в позитивном ключе: «Надо действовать, а не сидеть и ждать перемен к лучшему! Нужно меняться, как и меняется мир».

Идеологема «свобода» встречается во многих вопросах анкеты: 426 слов и предложений (1 – 57, 2 – 180, 3 – 23, 4 – 15, 6 – 26, 7 – 83, 9– 28, 10 – 14). В большинстве своем свобода представлена нарративным концептом «свобода информации»: «Правда под запретом. Правда – залог успешного гражданско-го общества, ее в наше время порой не хватает. Правда равна информации». Достаточно широко представлен и нарративный концепт «свобода слова и мысли»: «Сила зависит от мышления. Сила в образе мышления. Люди должны высказывать свое мнение. Человек способен на большее, если чуть-чуть подумает. Для познания нужно понимать, кто ты есть на самом деле. Люди не всегда выражают свою мысль из-за страха. Люди с лучшим воображением смогут привнести много нового в этот мир. Я живу так, как я хочу. Правила ограничивают человеческое мышление». Можно также выделить нарративные концепты, связывающие два понятия, например, «свобода / справедливость»: «Скоро проблем дно потому что люди, находящиеся “сверху”, и обычные россияне – это разные люди, обладающими разными правами и свободами» и «свобода / право»: «Каждый человек имеет право жить. Мы способны сами выбирать себе условия жизни, средства реализации уже есть внутри нас с рождения». Стоит отметить, наиболее радикально действием выражена именно борьба за свои права: «И на обломках самовластия напишут наши имена. Что-то в стране обязательно должно поменяться. Это просто затаище перед бурей. И это будет гражданское движение. Мы можем бороться за свои права, но боимся. Меньше думай, больше действуй. Каждый рассуждает, но не делает».

Идеологема «индивидуализм» концентрируется в ответах на второй вопрос-триггер, что означает не спросили бы – не узнали, нет желания выразить при первой возможности свой манифест индивидуализма: 369 слов и словосочетаний (2 – 316, 4 – 53). В основном это нарративный концепт «роль одного человека»: «Человек способен на многое, нужно только захотеть». Большинство ответов вылилось в призывы к

действию: «Человек самостоятельно управляет своей жизнью. Нужно делать все, что в наших руках, чтобы что-то изменить, а не ждать пока это сделает кто-то другой. Необходимо увеличивать границы своих возможностей. Люди должны сами ковать свое счастье. Работайте над собой, все в наших руках! Возможности каждого человека безграничны. Я думаю, что большинству людей просто не хватает уверенности в себе и в своих силах, но душа русского человека имеет такие широкие просторы, что мы точно должны быть уверены в своих силах и возможностях. Изменения возможны всегда, но надо понимать, что ты меняешь, а для того начало должно быть положено с себя. Я верю, что все изменится, но порой мне кажется, что одной веры недостаточно... Сколько можно это терпеть. Нужно бороться. Каждый может наладить свою жизнь в любой стране, если прикладывать достаточно усилий. Люди бездействуют, потому что думают, что у них ничего не выйдет». Известные метафоры «Дорога возникает под шагами идущего».

Идеологема «патриотизм»: 304 слов и предложений (1 – 21, 2 – 137, 3 – 27, 7 – 35, 9 – 84). Есть видимое разделение на патриотический нарратив (144) и критический нарратив в отношении к родине (160). Критика выражена следующими метафорами: «В России правды нет. Империя лжи не может долго существовать. Терпеть наш народ любит, ведь боятся палки государства. Россия ничего не может и не хочет». Патриотический нарративный концепт сводится к следующим смыслам: «Россия – великая держава. В стране все будет хорошо. За родину, за страну! Нам нужно приложить все силы, чтобы за державу испытывали радость. Необходимо жить в правде и жить во благо своей стране! Сила страны зависит от каждого из нас. И каждый может сделать нашу страну лучше. Для страны нет и не может быть ничего важнее людей, населяющих ее. В России должна процветать правда и свобода».

Полученные данные количественного нарративного анализа позволяют перепроверить и подтвердить данные закрытого вопроса «Как бы Вы характеризовали свои идеино-политические убеждения?» (рис. 1).

Выбранный метод подтверждает устойчивый леволиберальный тренд в развитии идеологий в групповом сознании студентов (кейс Ростовской области) и сужение базы национально-патриотической идеологии по сравнению с 2015 г., проявившийся через идеологическую самопрезентацию студентов (20,3% – либерализм, 10,2% – социал-демократические установки, 9,3% – коммунистические). Нарративные концепты являются общей средой для возникновения идеологем, используемых различными идеологиями, нам необходимо было выявить общий тренд, т.е. связать нарратив с тремя основными идеологиями, отраженными в самопрезентации. Леволиберальная идеология в целом опирается на идеологемы «справедливость» (817) и «солидаризм» (796), «свобода» (426) и «индивидуализм» (369), взятые в количественном выражении нарративов. Ярко выраженной тенденцией также можно назвать отказ от установки на радикальные формы протesta и готовность действовать только в рамках закона.

Как бы Вы охарактеризовали свои идеально-политические убеждения?

(в процентах от общего количества)

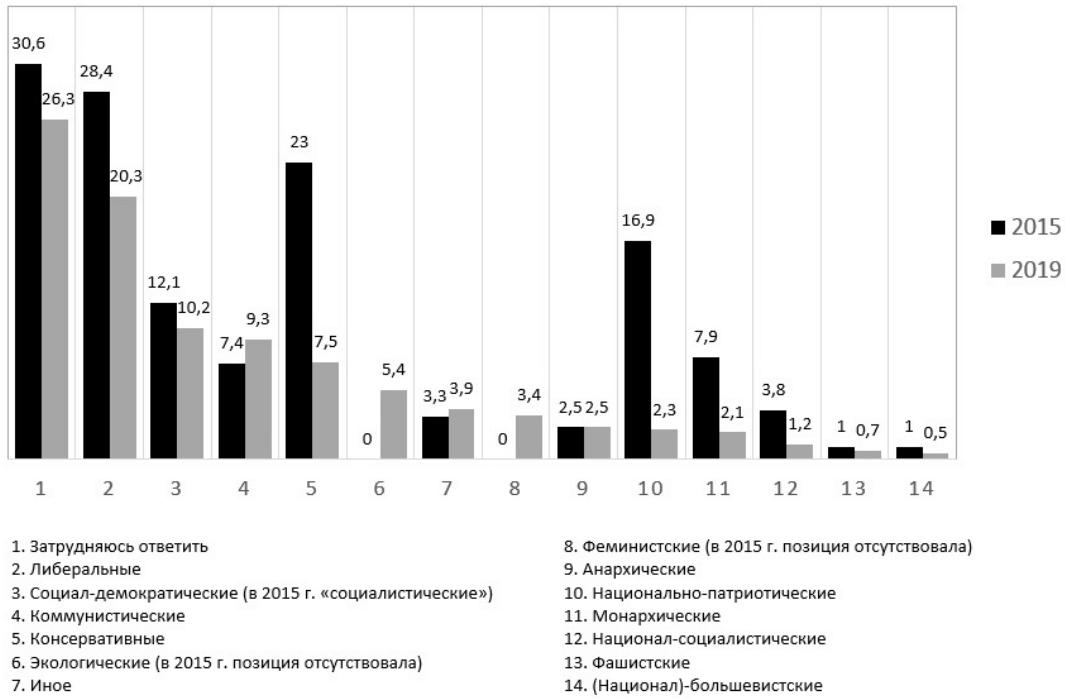

Рис. 1. Динамика идеологических репрезентаций студенческой молодежи юга России (район Ростовской области)

Маргинальные, т.е. незначительно представленные в репрезентации, идеологии также нашли отражение в полученных данных, но объем статьи не позволяет включить их полностью. Подтверждено минимальное представительство праворадикального нарратива, относительно небольшое – экологического и феминистского нарративов. Из основных принципов консервативной идеологии наиболее представлены ценности семьи, ее ставят даже выше значимости материального благосостояния, но основной лозунг «стабильности» проиграл ожиданию реформ, отсутствие которых отождествлялось с кризисом не только политической системы, но и с угрозой для личного жизненного пространства. Чтобы установить корреляцию между конкретными идеологиями и нарративными концептами, необходимо произвести статистический анализ анкет и получить сопряжения по данным вопросам, но в настоящее время эмпирические материалы еще находятся в обработке, и это станет предметом другого исследования.

Анализ нарративных концептов трех ведущих идеологий позволяет выяснить причины сложившегося расклада идеологических предпочтений, объясняемые осмыслиением меняющейся социально-экономической ситуации и дать развернутую характеристику основных идеологем, вызванных к жизни из широкого контекста нарративных концептов.

Заключение

Эмпирический опыт использования метода количественного нарративного анализа в политической когнитивистике позволяет прийти к заключению о

возможности его применения в области идеологической коммуникации. Безусловным преимуществом можно назвать открывающиеся возможности работы с обширными данными по проблемам скрытых форм проявлений группового сознания и идеологических установок (аттипов). Верификация результатов проведена в форме сопоставления выводов, полученных посредством применения данной методики с выводами, полученными приемами традиционного количественного анализа в ходе эмпирического исследования. Ограничением применения метода является субъективизм оценок на этапе интерпретации полученных результатов, впрочем, это уязвимое место всех качественных методов анализа, каковым наполовину данный метод все-таки остается, а также трудоемкость процесса квантификации. Рекомендациями по использованию метода в других предметных областях будет необходимость надежного теоретико-методологического обоснования и обязательное использование проверочных вопросов при анкетировании.

Проведенное эмпирическое исследование позволило обосновать концепт когнитивной коммуникации памяти и идеологии. Результатом нарративного анализа процесса идеологической коммуникации стало выявление ядерных и периферийных идеологем в конкретном культурно-историческом контексте (М. Фридлен). Ядерными идеологемами могут считаться «справедливость», «солидарность» и во вторую очередь «свобода» и «индивидуализм». Их совокупность подтверждает превалирующую идеологическую самопрезентацию как социал-демократическую, коммунистическую и либеральную, либерализм при этом носит ярко выраженный социальный характер. Инди-

видуализм, практически не представленный как идеал, нашел воплощение в установке на индивидуальную деятельность как альтернативу деятельности коллективной. Периферийной идеологемой можно назвать «патриотизм», что подтверждается резким падением наличия этой идеологической установки у студентов по результатам пятилетнего наблюдения. Опираясь на тезис о том, что нарратив есть отражение социального опыта, можно утверждать, что такая ми-ровоззренческая картина сложилась в групповом сознании как ответная реакция на изменения в новейшем историческом контексте, проявляющаяся в ожидании надвигающегося социально-экономического

кризиса, экологической катастрофы и роста вовлеченности России в военные конфликты.

Перспективы дальнейшего исследования темы квантификации данных нарративных исследований непосредственно связаны с поиском решения актуальной общемировой научной проблемы отсутствия баз качественных данных в отличие от многочисленных банков количественных данных, за исключением, пожалуй, eHRAF World Cultures. Основное направление, консолидирующее возможности исследователей разных стран, – преодоление субъективизма количественной интерпретации результатов, способы кодировки данных и поиска информации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Игры на идеологической периферии. Праворадикальные установки студенческой молодежи Ростовской области / [С.П. Пощелуев, М.С. Константинов, П.Н. Лукичев и др.]; отв. ред. С.П. Пощелуев. Ростов н/Д : Изд-во ЮНЦ РАН, 2016. 396 с.
2. Potseluev S.P., Konstantinov M.S., Podshibyakina T.A. Flickering Concepts of cognitive ideological matrices (based on a series of sociological studies in 2015–2020) // Revista Genero e Direto. 2020. Vol. 9, № 2. P. 807–826.
3. Freedon M. Ideologies and Political Theory: A Conceptual Approach. Oxford : Oxford University Press, 2006. 592 p.
4. Уайт Х. Метаистория: Историческое воображение Европе XIX века. Екатеринбург : Изд-во Урал. уни-та, 2002. 528 с.
5. White H. The Practical Past. Evanston : Northwestern University Press, 2014. 118 p.
6. Потамская В.П. Философия истории Х. Уайта: прошлое и нарратив // Вестник ТвГУ. Серия Философия. 2019. № 3 (49). С. 195–205.
7. Анкерсмит Ф.Р. История и тропология: взлет и падение метафоры / пер. с англ. М. Кукарцева, Е. Коломоец, В. Катаева. М. : Прогресс-Традиция, 2003. 496 с.
8. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем: пер. с англ. / под ред. и с предисл. А.Н. Баранова. М. : Едиториал УРСС, 2004. 256 с.
9. Артамонова Ю.Д., Демчук А.Л. Когнитивная теория метафоры в современной Российской политологии: методологические проблемы // Политическая наука. 2017. № 2. С. 16–29.
10. Чудинов А.П., Будаев Э.В. Становление и эволюция когнитивного подхода к метафоре // Новый филологический вестник. 2007. № 1 (4). С. 8–17.
11. Арутюнова Н.Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры : сб. / пер. с англ., фр., нем., исп.,польск.; вступ. ст. и сост. Н.Д. Арутюновой; общ. ред. Н.Д. Арутюновой, М.А. Журинской. М. : Прогресс, 1990. 512 с.

Статья представлена научной редакцией «Социология и политология» 20 сентября 2020 г.

Cognitive Communication of Memory and Ideology in Student Attitudes: Is Quantitative Narrative Analysis Possible?

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 459, 119–126.

DOI: 10.17223/15617793/459/15

Tat'yana A. Podshibyakina, Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russian Federation). E-mail: tan5@bk.ru

Keywords: memory; ideologeme; narrative; narrative analysis; communication of memory and ideology; cognitive science.

The study is supported by the Russian Foundation for Basic Research, Project No. 18-011-00906 A.

The study is devoted to the urgent scientific problem of finding the possibilities of using Big Data in processing results of qualitative analysis. The article attempts to combine the advantages of qualitative narrative analysis with the quantitative form of a sociological survey. This study presents the results of an experiment on the implementation of narrative analysis in the form of a quantitative method for studying ideology. The goal is to assess the possibilities of using the quantitative form of narrative analysis based on the results of its testing on the basis of an empirical study of cognitive and ideological attitudes of students of the south of Russia in 2019 with the number of respondents in 2,500 people. The method of quantitative narrative analysis is given a theoretical and methodological substantiation. The theoretical basis was the ideological concepts of Michael Freedon; the ideas of Hayden White and Frank Ankersmit, the founders of the narrative approach to history; George Lakoff's theory of cognitive metaphor. To conduct an empirical study, the concept of narrative as a cognitive metaphor was operationalized. The research methodology, which consists in using questions requiring narrative answers in the questionnaire and the method for their quantitative processing and interpretation of the results, is described. Methods for verifying the findings are proposed. The empirical experience of using the method of quantitative narrative analysis in political cognitive science has led to the conclusion that it can be applied to the study of ideological communication. The undoubted advantage is the new opportunities for working with Big Data on the problems of hidden forms of group consciousness and ideological attitudes. A limitation of the application of the method is the subjectivity of the estimates at the stage of interpreting the results and the complexity of the quantitative processing of the answers. An empirical study made it possible to substantiate the concept of cognitive communication of memory and ideology. The result of a narrative analysis of the process of ideological communication was the identification of nuclear and peripheral ideologies in a specific cultural and historical context. Based on the thesis that narrative is a reflection of social experience, it was concluded that respondents had such ideas as a response to changes in the modern political process, manifested in the anticipation of a socioeconomic crisis, environmental catastrophe and fears of an increase in Russia's involvement in military conflicts. The assumption is made that the prospects for further research on the topic of quantification of narrative research data are directly related to the search for a solution to the urgent global scientific problem of the lack of qualitative databases unlike the availability of numerous quantitative data banks.

REFERENCES

1. Potseluev, S.P. (ed.) (2016) *Igry na ideologicheskoy periferii. Pravoradikal'nye ustanovki studencheskoy molodezhi Rostovskoy oblasti* [Games on the ideological periphery. Right-wing radical attitudes of student youth in Rostov Oblast]. Rostov-on-Don: SSC RAS.
2. Potseluev, S.P., Konstantinov, M.S. & Podshibyakina, T.A. (2020) Flickering Concepts of cognitive ideological matrices (based on a series of sociological studies in 2015–2020). *Revista Genero e Direto*. 9 (2). pp. 807–826.
3. Freedon, M. (2006) *Ideologies and Political Theory: A Conceptual Approach*. Oxford: Oxford University Press.
4. White, H. (2002) *Metaistoriya: Istoricheskoe voobrazhenie v Evrope XIX veka* [Metahistory: The Historical Imagination in the 19th-Century Europe]. Yekaterinburg: Ural State University.
5. White, H. (2014) *The Practical Past*. Evanston: Northwestern University Press.
6. Potamskaya, V.P. (2019) H. White's Philosophy of History: The Past and Narrative. *Vestnik TGU. Seriya Filosofiya – Tver State University Vestnik. Series: Philosophy*. 3 (49). pp. 195–205. (In Russian).
7. Ankersmit, F.R. (2003) *Istoriya i tropologiya: vzlet i padenie metafory* [History and tropology: The rise and fall of metaphor]. Translated from English by M. Kukartsev, E. Kolomoets, V. Kataev. Moscow: Progress-Traditsiya.
8. Lakoff, G. & Johnson, M. (2004) *Metafory, kotoryimi my zhivem* [Metaphors We Live By]. Translated from English. Moscow: Editorial URSS.
9. Artamonova, Yu.D. & Demchuk, A.L. (2017) Cognitive Metaphor Theory in Contemporary Russian Political Science: Methodological Problems. *Politicheskaya nauka*. 2. pp. 16–29. (In Russian).
10. Chudinov, A.P. & Budaev, E.V. (2007) Stanovlenie i evolyutsiya kognitivnogo podkhoda k metafore [Formation and evolution of the cognitive approach to metaphor]. *Novyy filologicheskiy vestnik – New Philological Bulletin*. 1 (4). pp. 8–17.
11. Arutyunova, N.D. (1990) Metafora i diskurs [Metaphor and discourse]. In: Arutyunova, N.D. & Zhurinskaya, M.A. (eds) *Teoriya metafory* [Metaphor theory]. Translated from English, French, German, Spanish, Polish. Moscow: Progress.

Received: 20 September 2020

ИСТОРИЯ

УДК 623.4.052.5

В.П. Кирьянов

СРАВНИТЕЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ОПТИЧЕСКИХ ПРИЦЕЛОВ КРАСНОЙ АРМИИ И ВЕРМАХТА ВРЕМЕН ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Подробно рассматриваются процессы создания и модернизации винтовок и оптических прицелов к ним вермахта и Рабоче-крестьянской Красной армии. Сравнительно-историческое исследование характеризует подготовку сторон к боевым действиям, оценивает результаты работы конструкторов и инженеров. В качестве материалов исследования были использованы научно-технические пособия и учебники, освещающие тактико-технические характеристики снайперских прицелов, военная литература, описывающая боевые действия.

Ключевые слова: оптические прицелы; винтовка; сравнительно-правовой аспект; Рабоче-крестьянская Красная армия; вермахт.

Искусство снайперского дела – естественный процесс современного военного мастерства: в ходе истории камни были заменены на копья, копья на луки, луки на арбалеты, арбалеты на огнестрельное оружие. Каждый такой технологический прорыв сопровождался увеличением диапазона поражения противника, увеличивал точность и аккуратность выстрела. Главная цель всегда оставалась без изменения – выжить и убить врага раньше, чем это сделает он, а еще лучше – остаться при этом незамеченным.

Сравнительная характеристика оптических прицелов времен Второй мировой войны Третьего рейха и Советского Союза представляется актуальной с исторической и военной точек зрения. С военной точки зрения актуальность заключается в необходимости дальнейшего усовершенствования вооружения российской армии, повышения ее боеспособности, учета недостатков советского вооружения при разработке новых видов оптического оружия. С исторической же точки зрения сравнение систем оптических прицелов позволяет сделать объективные выводы о реальном соотношении сил во времена Второй мировой войны.

Целью данного исследования является рассмотрение качественных и тактико-технических характеристик оптических прицелов фашистской Германии и Советского Союза, в том числе при подготовке сторон к Второй мировой войне.

Как Советский Союз, так и фашистская Германия еще задолго до начала Второй мировой войны начали развивать системы оптических прицелов и усовершенствовать их. С началом Второй мировой войны вермахт располагал достаточным количеством снайперов, которые были хорошо подготовлены, и винтовок с оптическими прицелами. Однако повода для их применения долгое время не находилось. Ни в Польше, ни во Франции, ни на Балканах и Крите целей для массового применения снайперов не было. Характер блицкрига – молниеносной войны – делал нецелесообразным длительное участие снайперов в боевых действиях. Они выполняли лишь штатные и уставные задачи, которые в обычных наступательных боях не особо выделялись. Вследствие этого немецкое командование не имело потребности увеличивать штаты снайперов, а иногда и вовсе сокращало их численность.

В Советском Союзе только в 1930-х гг. началось массовое развитие стрелкового спорта и усиление огневой подготовки военнослужащих Рабоче-крестьянской Красной армии. Были приняты специальные нормативы, а лучших стрелков стали награждать знаком Осоавиахима и РККА двух степеней «Ворошиловский стрелок», который был введен в 1932 г. В отличие от фашистской Германии, Советский Союз имел прямой опыт испытания винтовок с современными оптическими прицелами. В 1938 г. в боях на берегах озера Хасан советские снайперы показали безупречную боевую подготовку и высокое качество вооружений. К началу Второй мировой войны в Красной армии насчитывалось до 60 тысяч хорошо обученных снайперов, что было больше, чем у всех остальных стран, участвующих в боевых действиях [1. С. 50–55]. Начало Великой Отечественной войны для Советского Союза сопровождалось большими потерями личного состава и вооружения, в том числе большого числа винтовок с оптическими прицелами.

Германская армейская инструкция гласила, что оружие с оптическим прицелом очень точно действует на расстоянии до 300 м. Выдавать его нужно только обученным стрелкам, которые в состоянии ликвидировать противника в его окопах, преимущественно в сумерках и ночью. Снайпер не приписан к определенному месту и определенной позиции. Он может и должен перемещаться и занимать позицию так, чтобы произвести выстрел по важной цели. Он должен использовать оптический прицел для наблюдения за противником, записывать в блокнот свои замечания и результаты наблюдения, расход боеприпасов и результаты своих выстрелов. Снайперы были освобождены от дополнительных обязанностей. Они имели право носить специальные знаки отличия в виде скрещенных дубовых листьев над кокардой головного убора. Немецкие снайперы сыграли особую роль именно в позиционный период войны. Даже не атакуя, войска противника несли потери в живой силе. Стоило только солдату или офицеру неосторожно высунуться из-за бруствера окопа, как мгновенно со стороны немецких траншей щелкал выстрел снайпера. Моральный эффект от таких потерь был чрезвычайно велик. Именно немецкий опыт практического применения снайпинга в условиях установившихся долго-

временных позиций послужил толчком для появления и развития этого вида военного искусства в войсках союзников. Кстати, когда с 1923 г. тогдашняя германская армия – рейхсвер начала оснащаться новыми карабинами «Маузер» версии 98К, то каждая рота получила по 12 единиц такого оружия, оснащенных оптическими прицелами.

В межвоенный период развитию снайперского дела в германской армии уделяли недостаточно внимания. Почти во всех европейских армиях (за исключением РККА) снайперское искусство считали просто интересным, но незначительным экспериментом позиционного периода Большой войны. Будущая война виделась военным теоретикам прежде всеговойной моторов, где моторизированная пехота будет только следовать за ударными танковыми клиньями, которые при поддержке фронтовой авиации смогут проломить вражеский фронт и устремятся туда с целью выхода во фланг и оперативный тыл врага. В таких условиях для снайперов практически не оставалось реальной работы. Эта концепция применения моторизированных войск в первых опытах вроде бы подтвердила свою правильность: германский блицкриг прокатился по Европе с устрашающей быстротой, сметая армии и укрепления.

Однако с началом вторжения гитлеровских войск на территорию Советского Союза ситуация стала быстро меняться. Красная армия хотя и отступала под натиском вермахта, но оказывала такое ожесточенное сопротивление, что немцам неоднократно приходилось переходить к обороне, чтобы отбивать контратаки. А когда уже зимой 1941/1942 г. на русских позициях появились снайперы и стало активно развиваться снайперское движение, поддержанное политуправлениями фронтов, немецкое командование вспомнило о необходимости подготовки и своих «сверхметких стрелков». В вермахте стали организовываться снайперские школы и фронтовые курсы, постепенно стал расти «удельный вес» снайперских винтовок по отношению к другим видам легкого стрелкового оружия, снайперскую версию (7,92-миллиметровую) карабина «Маузер» 98К испытывали еще в 1939 г., но серийно эта версия начала производиться только после нападения на СССР. С 1942 г. 6% всех производимых карабинов имело кронштейн для оптического прицела, однако на протяжении всей войны в немецких войсках наблюдалась нехватка снайперского оружия. Например, в апреле 1944 г. вермахт получил 164 525 карабинов, но оптические прицелы имели только 3 276 из них, т.е. около 2%.

Впрочем, согласно послевоенной оценке немецких военных специалистов, «оснащенные стандартной оптикой карабины типа 98 ни в коем случае не могли отвечать требованиям боя. По сравнению с советскими снайперскими винтовками они существенно отличались в худшую сторону. Поэтому каждая захваченная в качестве трофея советская снайперская винтовка сразу же использовалась солдатами вермахта» [2. С. 13–17].

Никто и никогда не подвергал сомнению качество конструкции немецкой техники, и уж тем более в этом плане вне всяких подозрений всегда была немецкая оптика. Однако есть исключение. Рассмотрим

основной немецкий оптический прицел ZF-41. Он представляет собой оптическую систему, смонтированную на боковом кронштейне обычной конструкции, с увеличением в полтора раза. Прицел очень легкий и компактный, устанавливался на оружии на Т-образной шине, находящейся на левой стороне прицельной колодки карабина Mauser 98K. Главное внешнее отличие этого прицела от большинства известных образцов – это большое удаление выходного зрачка – порядка 400–450 мм, что с учетом места установки прицела позволяет заряжать оружие из обоймы. В принципе, все оптические прицелы устроены одинаково: корпус, объектив, каретка с прицельной маркой и механизмами вертикального и горизонтального перемещения, оборачивающая система, окуляр. У прицела ZF-41 слишком малый диаметр корпуса – всего 13,5 мм. Если учесть оправу окуляра, то диаметр линзы был еще меньше, а угол обзора невелик. Наверняка наблюдать через ZF-41 за полем боя было трудно. Установка дальности до цели производилась муфтой, врачающейся вокруг корпуса прицела. Механизм регулировки прицела в горизонтальной плоскости имеется, но осуществляется за счет эксцентрикситета оптической оси объектива. Оптическая система объектива смонтирована в корпусе со смещением в сторону в 1,5–2 мм от геометрической оси корпуса. Вращая корпус объектива в ту или иную сторону, можно переместить его оптическую ось вправо или влево, но это перемещение осуществляется за счет эксцентрикситета кольцевого выступа на внутренней поверхности дистанционной муфты. Большинство решений спорные. Регулировка за счет эксцентрикситета ведущих узлов позволяет избавиться от винтов, полозков и прочих деталей, характерных для прицелов классической конструкции. Но как быть с тем, что при вращении корпуса объектива ось оптической системы перемещается по некой дуге? Наверняка приведение к нормальному бою винтовки с прицелом ZF-41 было непростым делом. Большинство деталей прицела производят впечатление очень хрупких, изготовлены они из вязкого и непрочного алюминия, но выполнены с филигранной точностью. Линзы очень маленького размера, самая большая – объектив – имеет диаметр всего 12 мм, остальные – не более 5 мм диаметром. Наблюдение через него крайне затруднительно. Неудивительно, что немцы с большой охотой использовали советские снайперские винтовки. Наш оптический прицел ПУ-40 к СВТ был более техничным, по сравнению с ZF-41 [3. С. 40–43]. Учитывая все нарекания, уже в 1942 г. немцы приняли на вооружение оптический прицел ZF-42, а в 1944 г. – еще более совершенный образец прицела ZF-4. Тем не менее снайперские винтовки с прицелом ZF-41 использовались в вермахте на всех фронтах до самого конца войны.

В 1943 г., после череды серьезных поражений, когда экономика Третьего рейха уже не могла эффективно обеспечивать все нужды фронта, появился дешевый и надежный телескопический прицел ZF 4 или, как его по-другому называли, ZF 43, ZFK 43 и ZFK 43/1 с четырехкратным увеличением, спроектированный под влиянием советского прицела ПУ. Он предназначался для самозарядной винтовки G43, но наладил

дить выпуск G43 в достаточном количестве не удалось и прицел пришлось приспособливать к винтовке Kar.98k. Прицел ставился над затвором на стреловидном креплении, принятом за несколько месяцев до конца войны и выпускавшемся ограниченной серией. По ряду оценок, телескопическими прицелами было оснащено около 200 тыс. винтовок Kar.98k [4. С. 20–23]. Примерно половина этого количества находилась на прицел ZF-41, а другая половина – на прицелы остальных типов.

Вряд ли можно оспорить тот факт, что на Восточном фронте снайперскую войну германская армия проиграла. Это подтверждают слова бывшего подполковника вермахта Эйке Миддельдорфа, автора известной книги «Русская кампания: тактика и вооружение» о том, что «руssкие превосходили немцев в искусстве ведения ночного боя, боя в лесистой и болотистой местности и боя зимой, в подготовке снайперов, а также в оснащении пехоты автоматами и минометами» [5. С. 50–53].

Известный поединок русского снайпера Василия Зайцева с руководителем берлинской снайперской школы Коннингсом, имевший место во время Сталинградской битвы, стал символом полного морального превосходства наших «сверхметких стрелков», хотя до конца войны было еще очень далеко и еще очень много русских солдат унесли в могилу пули немецких стрелков [6. С. 63–65].

Таблица 1
Тактико-тактические характеристики
немецких винтовок [7. С. 2]

Характеристики оружия	Винтовка Mauser 98k с прицелом ZF-41	Винтовка G41 с прицелом ZF-41	Винтовка G43 с прицелом ZF 4	MP-43/1
Калибр	7,92 мм	7,92 мм	7,92 мм	7,92 мм
Патрон	7,92×57 мм	7,92×57 мм	7,92×57 мм	7,92×33 мм
Скорострельность	15 выстр./мин	30 выстр./мин	30 выстр./мин	500 выстр./мин
Емкость магазина	5 патронов	10 патронов	10 патронов	10 патронов
Начальная скорость полета пули	760 м/с	745 м/с	745 м/с	685 м/с
Прицельная дальность стрельбы	1 500 м	800 м	1 200 м	800 м

Основным оружием советского снайпера времен Великой Отечественной войны являлась винтовка системы Мосина образца 1891–1930 гг., серийно выпускавшаяся с 1932 г. Она отличалась улучшенным качеством обработки канала ствола, наличием оптического прицела ПЕ, ПБ и отогнутой вниз рукоятью затвора. Винтовка зарекомендовала себя как эффективное оружие еще со времен пограничных боев с Японией и советско-финской войны. Она постоянно улучшалась, и на момент начала Великой Отечественной войны в Красной армии уже были образцы, модернизированные для ведения снайперского огня.

Снайперская винтовка Мосина отличалась от обычной наличием оптического прицела ПЕ с кратностью 3,85 и измененной формой ручки затвора. Она была изогнута для того чтобы не задевать прицел при

перезарядке. Некоторые снайперы предпочитали использовать винтовку вместе со штыком. Он играл роль своеобразного утяжелителя и обеспечивал большую точность попадания.

Винтовка Мосина имела хорошую баллистику и высокую мощность патрона. Большая живучесть ствола и затвора оказались очень полезными в реальных боевых условиях. Предельная дальность стрельбы в 2 тыс. м и патрон калибра 7,62 позволяли вести эффективный снайперский огонь на большой дистанции.

Она заряжалась одним патроном, что не позволяло снайперам добить раненого противника. Винтовка была оснащена оптическим прицелом 4×ПТ производства немецкой фирмы Карл Цейс. Их Советский Союз в тридцатых годах закупал у Германии. Впоследствии было наложено создание копий под обозначениями ВП и ПЕМ [8. С. 20–23].

Винтовка зарекомендовала себя как высококачественное изобретение, в том числе из-за оптического прицела. Винтовочный оптический прицел образца 1931 г., или ПЕ (прицел Емельянова), – разновидность советских оптических прицелов, созданных для установки на снайперские винтовки отечественного производства на базе штатных винтовок Мосина, Симонова (АВС) и Токарева (СВТ). Прицелы были разработаны Всесоюзным объединением оптико-механической промышленности для замены устаревшего оптического прицела ПТ. Главной целью модернизации признавалось введение механизмов горизонтальных и вертикальных поправок. В течение 1932 г. система прицела ПЕ претерпела несколько серьезных модификаций, внесенных в узел введения поправок и в форму трубы объектива. Оптическая система, состоящая из девяти линз, была позаимствована у разработок фирмы «Цейс» и отработана на советском прицеле ПТ. Однако имелись недостатки в виде плохой герметизации прицельной трубы и ненадежного механизма фокусировки. Кроме того, замечания вызывала также прицельная сетка прицела ПЕ, которая обладала невысокой информативностью для стрелка, что являлось серьезным недостатком на поле боя [9. С. 8–12].

Таблица 2
Тактико-технические характеристики
советских винтовок [10. С. 1]

Характеристики оружия	Винтовка Мосина образца 1891–1930 гг.	ABC-36	СВТ-40	СКС-45
Калибр	7,62 мм	7,62 мм	7,62 мм	7,62 мм
Патрон	7,62×54 мм	7,62×54 мм	7,62×54 мм	7,62×39 мм
Скорострельность	10 выстр./мин	800 выстр./мин	50 выстр./мин	40 выстр./мин
Емкость магазина	4+1	15 патронов	10 патронов	10 патронов
Начальная скорость полета пули	870 м/с	870 м/с	840 м/с	735 м/с
Прицельная дальность стрельбы	800 м	1 500 м	1 500 м	1 000 м

Начало Великой Отечественной войны Красная армия встретила с двумя основными типами оптических прицелов. Производившийся с 1930-х гг. прицел ПЕ (прицел Емельянова) дополнял изначально разработанный для установки на снайперскую винтовку СВТ, а затем установленный и на «трёхлинейку» прицел ПУ.

Прицел ПЕ – винтовочный оптический прицел образца 1931 г. Его история заслуживает отдельного внимания. Прицельная сетка ПЕ – *German Post* является немецкой разработкой и была «позаимствована» советскими инженерами и использована в последующих моделях советской стрелковой оптики. Она представляет собой *полукрест* или так называемый *пенек*, образованный тремя разомкнутыми стальными нитями. Фактическая толщина нитей 0,2 мм. Однако в прицеле при увеличении они выглядят довольно крупными, что может сказываться на удобстве и точности прицеливания. Главная особенность такой конфигурации – возможность приблизительно определять расстояние до цели, используя толщину линий и просветы между элементами сетки, видимые в окуляре прицела.

Несмотря на внешнюю простоту, она дает удобный набор дальномерных функций. А на средних и дальних дистанциях стрелку необходимо знать расстояние до цели, чтобы сделать необходимые баллистические корректировки перед выстрелом. Таким образом, во время Великой Отечественной войны разработка немцев успешно работала против них самих же.

Таблица 3
Тактико-технические характеристики винтовочного оптического прицела образца 1931 г. (ПЕ) [10. С. 1]

Кратность увеличения	3,9
Диаметр выходного зрачка	7,6 мм
Удаление выходного зрачка	85 мм
Поле зрения	5,5°
Светосила	59

Прицел ПУ стал дальнейшим этапом в развитии советской оптики. Прицел приобрел некоторые изменения и упрощения по сравнению с аналогами. Аббревиатура ПУ означает *прицел укороченный*, поскольку он, действительно, короче ПЕ. Он был легче, имел меньшую кратность и светосилу. С самого начала ПУ изготавливались под винтовку Токарева. Прицелы производили на Ленинградском заводе «Прогресс». Но снайперская винтовка Мосина (СВМ) сохраняла лидерство. Конструктор Д.М. Кочетов создал для нее боковой кронштейн под прицел ПУ. Следовательно, ПУ стал универсальным, так как мог крепиться и на винтовку Мосина. Именно такой вариант оружия позволял опытному стрелку во время войны «добывать врага» с 800 м.

Классификация прицелов ПУ по типу корпуса проста и соответствует истории производства прицела под 2 винтовки – СВМ и СВТ. Корпус трубки СВМ имеет стандартный посадочный диаметр 2,6 мм только в передней части трубки, а корпус СВТ – по обе стороны от барабанчиков ввода поправок. Поэтому первый вариант подходит только для установки на

кронштейн винтовки Кочетова, а СВМ – более универсальный – он устанавливается и на винтовки Кочетова, и на винтовки Токарева, т.е. на кронштейны обоих типов.

Таблица 4
Тактико-технические характеристики оптического прицела ПУ [10. С. 2]

Диаметр выходного зрачка	6 мм
Кратность увеличения	3,5
Поле зрения	4°30'
Удаление выходного зрачка	72 мм
Длина	169 мм
Вес	270 г

Таблица 5
Сравнительная таблица немецких и советских оптических прицелов [11. С. 2]

Название прицела	Кратность увеличения	Поле зрения, °	Удаление выходного зрачка, мм	Вес, г
ПУ (прицел укороченный)	3,5	4,3	72	270
ПЕ (прицел Емельянова)	3,9	5,5	85	280
ZF-41	1,5	2,7	450	450
ZF-42	4	3	80	852

Из данных табл. 5 четко видно, что тактико-технические характеристики у советских и немецких прицелов отличаются. У советских прицелов больше поле зрения, что позволяет лучше осуществлять захват и сопровождение цели. Кратность увеличения у советских прицелов оптимальна для обнаружения цели, у немецкого прицела ZF-41 она недостаточна для дальнего выстрела. Мы видим, что у прицела ZF-42 кратность увеличения была доведена до четырех, но сделано это было к концу войны. Кроме того, вес прицела имел значение. Советские прицелы были в два раза легче, что существенно облегчало жизнь снайперу.

Таким образом, оптические прицелы винтовок и другого вооружения являлись важной составляющей боевых действий во время Второй мировой войны. Благодаря им произошло значительное усовершенствование вооружений обеих армий. Успешная модернизация и развитие данного вида вооружения сыграли значительную роль в ходе боевых действий и предопределили победу советского оружия в войне. Сравнение характеристик снайперских прицелов противоборствующих сторон показывает, что прицелы, которыми оснащались советские винтовки, были лучше прицелов немецких. Лишь к концу Великой Отечественной войны оптические прицелы вермахта приблизились к советским по качественным характеристикам.

Следует добавить к сказанному грамотную подготовку снайперов накануне и во время Второй мировой войны. На основании приведенных данных можно сделать объективный вывод о преимуществе стрелкового советского оружия, что во многом и предопределило исход войны.

ЛИТЕРАТУРА

- Попенкер М.Р., Милчев М.Н. Вторая мировая: Война оружейников. М. : Яузा; Эксмо, 2008.
- Потапов А. Армейские оптические прицелы // Искусство снайпера. М. : Фаир-Пресс, 2005.
- Лидшун Р., Воллер Г. Стрелковое оружие вчера. Минск : Поппур, 2003.

4. Иванов С.В. Солдат на фронте № 59. Германская винтовка Kar 98k. Белорецк, 2005. 64 с.
5. Миддельдорф Э. Русская кампания: тактика и вооружение. СПб. : Полигон ; М. : АСТ, 2000. 448 с., ил. (Военно-историческая библиотека).
6. Давыдов Б., Савенко С. Советские оптические прицелы 1920–1940-х // Мир оружия. 2005. Т. 8, № 5 (май). 59 с.
7. 4 лучшие немецкие винтовки во Второй мировой войне. URL: <https://zen.yandex.ru/media/oruzhie/4-luchshie-nemeckie-snaiperskie-vintovki-vo-vtoroi-mirovoi>. (дата обращения: 06.02.2020).
8. Уланов А. Прицел для снайпера-истребителя (рус.) // Калашников. 2016. № 03 (март).
9. Болотин Д.Н. История советского стрелкового оружия и патронов. СПб. : Полигон, 1995.
10. ТОП-5 снайперских винтовок СССР в Великой Отечественной войне. URL: <https://zen.yandex.ru/media/historicalfacts/top5-snaiperskih-vintovok-sssr-v-velikoi-otechestvennoi-voine-5a9c9468482677f3732c678f>. (дата обращения: 06.02.2020).
11. Сравнительные характеристики снайперских прицелов РККА и Вермахта. URL: <https://istorya.pro/opticheskie-pritsely-velikoy-otechestvennoy-voyny-2-t> (дата обращения: 06.02.2020).

Статья представлена научной редакцией «История» 24 февраля 2020 г.

Comparative Characteristics of the Optical Sights of the Red Army and the Wehrmacht During the Second World War

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 459, 127–131.

DOI: 10.17223/15617793/459/16

Victor P. Kirianov, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: kirianov1970@gmail.com

Keywords: optical sights; rifle; comparative aspect; Workers' and Peasants' Red Army; Wehrmacht.

The article presents a detailed analysis of the processes of creating and modernizing rifles and their optical sights in the Wehrmacht and the Workers' and Peasants' Red Army. The aim of this research is to study the comparative qualitative and tactical-technical characteristics of the optical sights of fascist Germany and the Soviet Union before and during the Second World War. The comparative analysis showed that, in the interwar period, insufficient attention was paid to the development of musketry in the German army: it was considered that mainly military equipment would be used during the war and that Germany would not need a large number of snipers during the seizure of Europe because their value during the blitzkrieg was minimal; while in the Soviet Union during the pre-war years musketry was developing rapidly, the number of snipers increased. With the beginning of the invasion of Nazi troops on the territory of the Soviet Union, the situation began to change rapidly. Though the Red Army was retreating under the onslaught of the Wehrmacht, it continued to exert fierce resistance, and the Germans repeatedly had to go over to defence in order to fight off counterattacks. Positional war indicated that the Germans had to develop musketry. The comparison of weapons showed that the Wehrmacht's rifles and sniper sights were significantly inferior in quality to the Soviet ones. Germans willingly used Soviet sniper rifles and sights. Our PU-40 to SVT rifle scope was a masterpiece of technical thought, compared to the German ZF-41. Considering disadvantages of ZF-41, the Wehrmacht adopted the ZF-42 optical sight already in 1942 and an even more advanced model of the ZF-4 sight in 1944. Nevertheless, the Wehrmacht used sniper rifles with the ZF-41 sight on all fronts until the very end of the war. The main weapon of the Soviet sniper during the time of the Second World War was the Mosin rifle, which was constantly modernized. The Red Army met the beginning of the Second World War with two main types of optical sights. The PE sight (Emelyanov's sight), manufactured since the 1930s, supplemented the original sight designed for the SVT sniper rifle and then the PU sight mounted on the Mosin rifle. In conclusion, the author inferred that rifle sights were an important component of small arms during the Second World War. The advantage of the Soviet small arms, including sniper weapons, largely predetermined the end of the war. On the eastern front, the German army lost the sniper war due to imperfect weapons and underestimation of snipers' preparation.

REFERENCES

1. Popenker, M.R. & Milchev, M.N. (2008) *Vtoraya mirovaya: Voyna oruzheynikov* [World War II: A War of Gunsmiths]. Moscow: Yauza; Eksmo.
2. Potapov, A. (2005) *Iskusstvo snaypera* [The art of snipers]. Moscow: Fair-Press.
3. Lidshun, R. & Vollert, G. (2003) *Strelkovoe oruzhie vchera* [Small arms yesterday]. Minsk: Popuri.
4. Ivanov, S.V. (2005) *Soldat na fronte № 59. Germanskaya vintovka Kar 98k* [Soldier at Front no. 59. German rifle Kar 98k]. Beloretsk: [s.n.].
5. Middel'dorf, E. (2000) *Russkaya kampaniya: taktika i vooruzhenie* [Russian campaign: Tactics and weapons]. St. Petersburg: Poligon; Moscow: AST.
6. Davydov, B. & Savenko, S. (2005) Sovetskies opticheskie pritsely 1920–1940-kh [Soviet optical sights of the 1920s–1940s]. *Mir oruzhiya*. 8 (5) (May).
7. Oruzhie. (2020) *4 luchshie nemetskie vintovki vo Vtoroy mirovoy voyno* [The 4 best German rifles in World War II]. [Online] Available from: <https://zen.yandex.ru/media/oruzhie/4-luchshie-nemeckie-snaiperskie-vintovki-vo-vtoroi-mirovoi>. (Accessed: 06.02.2020).
8. Ulanov, A. (2016) *Pritsel dlya snaypera-istrebitelya* [Sight for a fighter sniper]. *Kalashnikov*. 03 (March).
9. Bolotin, D.N. (1995) *Istoriya sovetskogo strelkovogo oruzhiya i patronov* [History of Soviet small arms and ammunition]. St. Petersburg: Poligon.
10. Historical Facts. (2018) *TOP-5 snaiperskih vintovok SSSR v Velikoy Otechestvennoi voyno* [TOP-5 sniper rifles of the USSR in the Great Patriotic War]. [Online] Available from: <https://zen.yandex.ru/media/historicalfacts/top5-snaiperskih-vintovok-sssr-v-velikoi-otechestvennoi-voine-5a9c9468482677f3732c678f>. (Accessed: 06.02.2020).
11. Istorya.pro. (n.d.) *Sravnitel'nye kharakteristiki snayperskikh pritselov RKKA i Vermakhta* [Comparative characteristics of sniper sights of the Red Army and the Wehrmacht]. [Online] Available from: <https://istorya.pro/opticheskie-pritsely-velikoy-otechestvennoy-voyny-2-t> (Accessed: 06.02.2020).

Received: 24 February 2020

С.Ю. Колесникова, А.А. Девякович

РЫБОЛОВЕЦКАЯ И КАЛЕНДАРНАЯ ЛЕКСИКА СЕЛЬКУПОВ. МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Обозначается проблема изучения лексики селькупского языка. Отмечается, что традиционные методы лингвистики не всегда эффективны при анализе бесписьменного языка исчезающего этноса. Описываются и апробируются авторские методики. Констатируется, что предложенные авторами схемы анализа лексики позволяют выявить и уточнить многие особенности языка селькупов, а также любого бесписьменного языка исчезающего (исчезнувшего) этноса.

Ключевые слова: бесписьменный язык; методология; исследование; семантическое значение; реконструкция.

Исследование языка ранее бесписьменного этноса – задача невероятно сложная, вытекающая из двух составляющих факторов: особенности языка не были письменно отражены, и на сегодняшний день нет возможности зафиксировать их полно и качественно по причине отсутствия носителей.

Хорошо известные на сегодняшний день методы исторического и системно-структурного направлений в лингвистике, несмотря на их целесообразность и бесспорную эффективность, не лишены погрешностей и не позволяют полностью раскрыть многие языковые феномены. В частности, спорные выводы можно увидеть при анализе лексики селькупов по теме «Времячисление». Рассмотрим некоторые из них.

1. В языках большинства народов Сибири зафиксированы термины, обозначающие слово «месяц»: хант. *ики*, манси *этпос*, нен. *иры*, *ирий*, эн. *дири*, нг. *кичеда*, сельк. *ирэти*, кет. *гип*, *кип*, як., долг. *ыј*, ороч. *биани*, нан. *бия*, удз *бя*, нивх. *лонг* и др. На основании данного факта отдельные авторы высказывают предположение, что календари указанных народов в прошлом были лунными. Другие же исследователи полагают, что термин «месяц» в применении к этим календарям являлся условным. Добавление этого термина объясняется русским влиянием, хорошимзнакомством коренных сибирских народов с русским календарем [1. С. 201, 218, 222]. Не совсем понятно, отражают ли зафиксированные слова со значением «месяц» особенности селькупского языка и традиционной культуры народов (и был ли у этих народов месяц, лунный месяц, лунный календарь), либо эти слова являются заимствованиями и служат для обозначения привнесенной системы счета времени и пр.

2. Некоторое противоречие наблюдается также при этимологическом анализе селькупского слова «год» (*ро*). В селькупском языке и во многих других уральских языках зафиксированы слова со значениями «год», «осень». По мнению К. Редеи, слова с этим значением реконструируются до прауральского *ägn – «год» (*wotj* – *ar*, *arm* – год; *sutj* – *ar* – осень; *wog* – *oarem* – время; *jur* – *äer6* – осень; *twg* – *narro* – осень; *selk* – *ara*, *ära* – осень; *kam* – *ere* – осень; *koib* – *ire*; *mot* – *iriu*; *karag* – *урью*) [2. Р. 26]. Однако непонятно, каким образом реконструированный корень имеет значение «год», если реконструируемые лексемы имеют, в основном, значение «осень».

Вызывает вопрос и наличие (наряду с уральской основой для слов со значением «год») совсем иной

реконструированной основы с этим же значением «год» финно-угорского лексического пласта: *ole* (*phiLe*) – «Jahr» («год») [2. Р. 335]. Не исключено, что приведенные лингвистические реконструкции являются неточными.

3. Еще один пример, приводимый уже неоднократно, в предыдущих работах, касается изучения соответствия между словами со значениями «весна», «зима» в селькупском и кетском языках. По поводу возникновения этих слов существуют разные мнения.

А. Весна. Для обозначения данного понятия селькупы использовали лексему *Ytid* (и ФВ), кеты – *yed'*. По мнению Haidu P., селькупская лексема является заимствованием из енисейских языков: нен. *jotti*, сельк. *odeD* < кет. *yed* (весна). Joki A. отмечает, что самодийские лексемы со значением «весна» (нен. *djotti*, сельк. *odaD*) заимствованы из енисейских языков, причем наблюдается соответствие: сельк. *odaD* – весна, кет. – *yed*, *yedi*, тиб. – *dryuid* [3. С. 261, 265]. Противоположной точки зрения относительно направления заимствования придерживается K. Bouda: Jen. *yed(i)*; kott. *iji* – *Frühling* (весна) < sam. *ytid* [4. Р. 74].

Б. Зима. Лексемы со значением «зима» отмечены в языках самодийцев и енисейцев, где сельк. *ka*, *ke*, *ка*-масс. *kha* заимствованы из енисейских языков. Lewy E. отметил также следующие соответствия: кет. *kete* – зима, кот. *keti* – зима, и тиб. *dgun* [3. С. 265, 270]. Некоторые авторы высказывают, однако, противоположное мнение: не самодийский корень заимствован из енисейских, а наоборот [5. С. 91].

Есть третье мнение, заключающееся в том, что самодийские корни со значением «зима» (сельк. *ka*, *ка*-масс. *kha*), вероятнее всего, никак не связаны с енисейским корнем *gate – «зима» [6. С. 144–237].

Видно, что исследование появления календарных названий со значением «весна», «зима» в селькупском и кетском языках приводит к противоречивым выводам. Исходя из вышеизложенного, в данной статье предлагается провести анализ рыболовецкой и календарной лексики селькупского языка в рамках нового в лингвистике направления – лингвокультурологии – с использованием общизвестных лингвистических методов, а также частных методик авторов.

Основными лингвистическими методами исследования являются широко применяемые методы:

– сравнительно-исторический (лингвистический), обеспечивающий исследование от исторически зафиксированного состояния языка к первоначальному

(включающий в себя обзор этимологических исследований);

– словообразовательный анализ, включающий определение структуры слова, выявление значения составляющих его морфем, а также связей и отношений между ними и последующее установление деривационного значения слова.

Суть частных методик авторов заключается в соответствующем привлечении и анализе данных смежных наук.

1. Так, в процессе исследования рыболовецкой лексики селькупского языка был разработан и применен метод комплексной реконструкции семантики слова. Сама по себе семантическая реконструкция представляет собой процедуру восстановления древнего или предшествующего значения слова, которая тесно связана с формально-фонетической, словообразовательно-лексической и пражзыковой реконструкцией в целом [7. С. 197]. Однако изучение семантики селькупской рыболовецкой лексики представляется несущественным без привлечения этнографического и ихтиологического материала ввиду того, что многие факты этнографии и ихтиологии помогают понять и объяснить лингвистический материал. Так, лингвист сосредотачивает свое внимание на этимологии лексемы, рассматривает внутреннюю форму слова [8. С. 48], его словообразовательные элементы, а для прояснения семантического значения той или иной лексической единицы обращается к сведениям, накопленным этнографами и ихтиологами.

Рассмотрим некоторые примеры применения метода комплексной реконструкции семантики.

В селькупском языке существует выражение ел. *сэ́кий қылаймы* буквально «белая рыба». Данные ихтиологии помогают нам конкретизировать значение этого выражения. По материалам А.Е. Аникина и Б.Г. Иоганзена устанавливаем, что в понятие «белая рыба» включается вся белая частиковая рыба, заходящая из моря [9. С. 351], а также некоторая речная рыба, которая представляет семейство лососевые [10. С. 49].

Семейство лососевые делится на 3 подсемейства: сиговые (3 рода), собственно лососевые (7 родов) и хариусовые (1 род) [11]. В реках Западной Сибири встречаются представители всех трех подсемейств.

Из сигов в Оби и прилегающих реках селькупы промышляли:

- собственно сига или пыжьяна – таз. *сиqur*;
- тугуна – таз. *tukun*, таз. *щенка*;
- пелядь или сырка – таз. *šity*, об. Ш *шэ́ды*, *шо́д*, об. Ч *шэ́д*, об. С *со́т*, тым. *шк”д*;
- чира или щокура – таз. *урqu*;
- муксuna – об. С, ел. *кур*, таз. *коры*, об. Ш. *кор*, об. Ч *кодор*, тым. *ѣ’бр*; и
- нельму – таз. *wәntu*, ел. *мендя*, тур. *түңтү*, об. Ш *шэ́д*, об., кет., тым., вас. *ванж ~ ванжэ*.

Из лососевых в реках Западной Сибири можно встретить:

- тайменя – таз. *тини*,
 - ленка – тым. *тиро*,
- а из хариусов – собственно хариуса – тур. *пүля қылы*, таз. *qfsan moqir*.

Представители семейства лососевые относятся к проходным и пресноводным формам рыб. Некоторые из них – нельма, муксун, тугун, сиг (пыжьян) – обитают в Обской губе и заходят в Обь и ее притоки только для нагула и нереста. Причем некоторые даже не достигают среднего течения Оби, оставаясь в ее низовьях. Так, нерест муксуна проходит выше Нарыма по Оби, а сиг и тугун совсем отсутствуют в пределах Нарыма, нельма для нагула не проходит дальше низовья Оби, а для нереста поднимается в р. Катунь [10. С. 49–51].

Что касается пресноводных представителей семейства лососевые, то чир, хариус, пелядь и таймень обитают преимущественно в местах не выше устья Северной Сосьвы, обычно в этих же широтах проходит их нерест. Исключение составляет лишь ленок, который обитает в реках Горного Алтая и в верховьях Оби [12].

На основании этих данных Б.Г. Иоганзен приходит к выводу, что большая часть лососевых добывается в низовьях Оби, а в Нарыме их вылов достигает 3–4% от веса всей добываемой там рыбы [10. С. 49]. Особенности обитания данных видов рыб отражены в диалектах селькупского языка. Так, в диалектах южного ареала отсутствуют лексемы, обозначающие таких рыб, как тугун, таймень, хариус, сиг (пыжьян), чир (щокур), и, напротив, в диалектах северного ареала не встречается лексического эквивалента названию рыбы ленок. Данный факт имеет место по причине того, что селькупы северного и южного ареалов проживания не встречались в хозяйстве с данными видами рыб.

В тазовском диалекте селькупского языка также была зафиксирована лексема *selča* – сельдь, которая также может быть отнесена к «белой рыбе» согласно определению А.Е. Аникина [9. С. 351]. Небольшие популяции данного вида рыбы были обнаружены в 30-х гг. XX в. вблизи устья Оби. Быстрый прогрев мелководий летом создает удовлетворительные условия нагула молоди и взрослых рыб [13], соответственно, селькупы северного ареала знали эту рыбу и могли промышлять ее. Отсутствие лексемы в диалектах южного ареала подтверждает тот факт, что данная порода рыбы была неизвестна южным селькупам.

Таким образом, материалы ихтиологии помогают нам не только прояснить семантику составного наименования ел. *сэ́кий қылаймы* «белая рыба», но и дают возможность объяснить наличие и отсутствие лексем, обозначающих некоторые виды рыб в диалектах селькупского языка в зависимости от ареала проживания.

Еще один пример, демонстрирующий различия в наименованиях рыб, был обнаружен нами в ходе исследования. В южном ареале селькупы различают белого карася или карася серебристого – тым. *тиզэХ тут*, об. Ч *тиз тут* и красного или карася золотистого – тым. *pada*, об. Ш, Ч *пада*, кет. *патта*. В основу данного противопоставления заложен дифференциальный признак «цвет рыбы», который отразился в процессе номинации: лексема об. Ч *тиз*, тым. *тизэХ* означает «белый», в то время как об. Ч, Ш, тым. *пад* – падэ «желтый», «зеленый» – цвета, которыми отлива-

ет чешуя данной рыбы. В северном ареале подобного разграничения нет, возможно, ввиду того, что северные селькупы большей частью промышляли на реках и добывали белого (серебристого) карася, в то время как красный (золотистый) карась предпочитает застойную воду в мелких озерах [14. С. 20–23], а посему его промышляли в большей степени в южном ареале расселения селькупов.

Интерес в селькупском языке представляют лексические единицы, выражающие понятия «мелкая рыба» и «малёк». Первое понятие представлено выражением кет. *нырсаи қвэХл*, которое восходит к слову об. С, тым., тур. *нырса*, тым. *ныриша*, вак. *нэришЭХ*, кет. *нэХрса*, об. Ч, тым. *нэХриша*, таз. *ηjřšä* «ёрш» и буквально переводится как «ершовая рыба». Размер ерша довольно мал, около 10 см [15], поэтому селькупы могли расценивать ерша и любую другую рыбу подобного размера как мелкую. В подтверждение данной гипотезы может служить наличие слов со схожей семантикой в родственных селькупскому языках: низям. *NmхъКкэ* «ёрш», манс. *Nirkwe ~ Nirk ~ Nirkų ~ Nhrk3 ~ Nərk ~ Nirkm ~ Nirki* «мальки, маленькие рыбки» [9. С. 412].

Аналогичная ситуация обнаруживается в паре синонимов со значениями «малёк» тур. *нёня*, вак. *нёйз*, кет. *нёра*, об. Ч *нీа*, кет. *нюора* и «мелочь» таз. *нёня*, кет. *n̥orrä*, тым. *пöъ@B*. Кет. *нёра* «малёк» созвучно с кет. *нёrrä* «чебак», также согласно записям Кастрена кет. *Norra* «мелкая рыба, чебак» [16. С. 235], который достигает в длину в среднем лишь 20–22 см [17], поэтому вероятно, что рыба такого размера ассоциировалась у селькупов с молодью и мелкой промысловой рыбой. Возможен и вариант связи кет. *нюора* с кет., вак., об. С, Ч *нюор* «заливной пойменный луг» – излюбленное место молоди для нагула.

Материалы этнографии нам пригодились в процессе реконструкции семантики лексем, обозначающих орудия рыбной ловли, их компоненты, а также сам процесс добычи.

Понятие «рыболовное снаряжение / ловушка» представлено в диалектах селькупского языка варианто-синонимическим рядом: тым. *поќэ* *челэХмла* «рыболовное снаряжение» = вак. *лаџа* «ловушка для рыбы» = об. С, Ч, тым. *tayp*, об. С, Ч *tavur* «ловушка для рыбы».

Проведем реконструкцию семантики данных синонимов. Составное наименование тым. *поќэ* *челэХмла* «рыболовное снаряжение» включает лексему тым. *поќ* «сеть», из чего делаем вывод, что под этим словосочетанием понимаются сетные ловушки. Об. С, Ч, тым. *tayp*, об. С, Ч *tavur* означает «ловушка для рыбы» или «запор». Под запором селькупы понимали плетеную из прутьев рыбозаградительную стенку, служащую для задержания рыбы, с целью ее последующего вылова другими рыболовными приспособлениями, запор лишь повышал эффективность действия орудий лова, но таковым сам не являлся [9. С. 512; 18. С. 48; 19. С. 5]. Этимология лексемы вак. *лаџа* «ловушка для рыбы» не установлена, хотя не исключена связь с лексемой вак. *ла* «язь», поэтому может обозначать орудие для ловли этой промысловой рыбы.

Проанализируем лексему со значением «грузило к неводу» об. Ч *кибас* – элемент рыболовного снаряда, обычно изготавливаемый из камня, зашитого в бересту, или из глины в виде сплюснутого шарика с отверстием в середине. Представленная лексема имеет эквиваленты во многих языках, диалектах и говорах:

- тобол., сиб., том., обск.-енис., забайк., камч., арх., беломор., вят., печор. и др. *кибас*;
- заур., нарым., ирк., прибайк., урал. *кибасъ*;
- ирк., бурят., урал. *ки* “бус”;
- том. *кы* “бас”;
- прибайк. *кибас*;
- тобол. *ки* “вес (= ки “бас”);
- ст.-рус. *хibus*.

Первоначальная форма *ки* “вес < п.-фин., ср. фин. *kives* «грузило на сети» (хант. *kew* «камень», олонец. *kives*, вепс. *k* “ive “z «камень») [9. С. 286]. В соответствии с представленной этимологией слова об. Ч *кибас* можем предположить развитие его значения: «камень» > «грузило на сети» > «грузило к неводу».

Интерес также представляет синонимический ряд со значением «колышек для укрепления самолова» / «сопка для самолова», представленный в диалектах селькупского языка лексемами: об. С *қаддэќайпо* = об. С *карбай по* = об. С *поңгэХпо*, вак. *поќолбо*. Реконструкция семантики указанных лексем выявила следующие особенности. Первая лексема об. С *қаддэќайпо* «колышек для укрепления самолова» имеет общий корень с глаголом *қаддыйгу* «замёрзнуть, окоченеть», а также согласно несохранившемуся селькупскому источнику родственна с нарымским глаголом *qandepitgū* «морозить, охлаждать». Исходя из этого факта, А.Е. Аникин предполагает, что слово *қаддэќайпо* дословно переводится как «примороженная палка» [9. С. 256]. Возможно, данное наименование закрепилось за орудием промысла в процессе подледной рыбалки самоловами.

Второй компонент данного синонимического ряда об. С *карбай по* «сопка для самолова» – это составное наименование, включающее лексему об. Ш, нар. *карба* «самолов» + об. *по* «палка» > «палка, сопка для самолова».

Третий элемент об. *поңгэХпо*, вак. *поќолбо* «сопка для самолова» имеет в своем составе лексему кет. *поңгэХ*, об. С *поќ* «сеть» + об. *по* «палка», что в свою очередь конкретизирует семантику приведенных синонимов – «колышек для укрепления сети самолова».

Проследим развитие значения в лексеме со значением «поплавок к неводу» об. С *кáзъ*, об. Ч *ка*, нар. *ка*:. Сама лексема восходит к слову *qasə* «кора», также ср. сев. *kaas* «древесная кора» – материал, который являлся основным для изготовления поплавков [20. С. 201]. Таким образом, можно установить, что значение лексемы об. Ч *ка* развивалось в направлении: «кора» > «поплавок из коры» > «поплавок» > «поплавок к неводу» [9. С. 271].

Проанализируем несколько глаголов селькупского языка, обозначающих процесс рыбной ловли. Например, таз. *piру'пүрqо* (*piру'пүрqо*) «удить рыбу». Данный глагол образован от существительного *piр* «рыболовный крючок, удочка» при помощи формантов *-пүр-* и *-А-*, добавляющих деривату значение «производить

заготовки чего-либо», «промышлять, готовить запасы» [21. С. 44–45, 47]. Согласно «Очеркам по селькупскому языку» тазовский глагол *тиру'пуро* (*тиру́ьдо*) выражает процесс ловли при помощи удочки в проруби, причем данная семантическая особенность конкретизируется видом рыбы: обычно так происходит ужение налима [22. С. 345]. При этом этнографические данные подтверждают, что в зимний период крючковые снасти играли заметную роль в промысле данного вида рыбы [23. С. 22, 37].

Рассмотрим еще один глагол – таз. *купудо* «поставить, растянуть сеть». Компонентный анализ глагола показывает на возможную связь с существительным *кису* «запор», который, как уже указывалось выше, обозначает рыбозаградительное сооружение, используемое для удержания рыбы и последующего ее вылова сетью, неводом или другими орудиями [18. С. 48; 19. С. 5]. Таким образом, данный факт позволяет нам сделать вывод, что значение тазовского глагола *купудо* «поставить, растянуть сеть» развились в результате схожести действий – «запирать реку», т.е. ставить заградительное сооружение и «растягивать сеть» поперек реки, т.е. заграждать реку сетью.

Представленный анализ рыболовецкой лексики доказывает, что материалы смежных наук – этнографии и ихтиологии – играют значительную роль при изучении селькупского языка, помогают реконструировать семантику лексических единиц, объяснить причины отсутствия или присутствия некоторых лексем в тех или иных диалектах селькупского языка.

2. Календарная лексика селькупов исследуется в данной статье с помощью авторской методики, представляющей собой совокупность трех методов исследования.

А. В рамках лингвистического исследования используется следующая методика: в работе рассматриваются, с одной стороны, интерпретации информантами того или иного временного промежутка, а с другой стороны, дословные переводы названий этих временных промежутков, даваемых автором. При этом дословные переводы принимаются за базовые при ведении анализа, как наиболее приближенные к исконному смыслу. Дословные переводы, в силу неразрывности пространственно-временных представлений у народов рассматриваемой системы хозяйствования, максимально полно отражают мировоззренческий аспект носителей и позволяют исследователю приблизиться к его пониманию. Интерпретации информантов позволяют выявить динамику процессов, происходивших при формировании календарных названий. Наблюдаемые несоответствия между дословным переводом и интерпретацией информанта указывают на закономерности, сопровождающие процесс образования специфического календарного массива. Это, в свою очередь, будет способствовать как возможности реконструкции, так и прогнозирования наполнения календаря на различных этапах развития данного общества.

Б. Применяется частная методика «сравнения с реалиями», направленная на детальное исследование всех необходимых реалий, окружающих носителей селькупской культуры и являющихся обязательной составляющей жизнедеятельности селькупов. Под

понятием «реалии» понимаются: экологическое окружение носителей языка (флора, фауна, географическая локализация и климатические особенности), общественно-социальный строй, материальная и духовная культура, хозяйственная деятельность и образ мышления селькупов и соседствующих с ними этносов. Рассмотрение календарной лексики сопровождается детальным сопоставлением с теми реалиями, которые имели место в разные периоды существования селькупского общества: климатические изменения, миграции представителей животного мира (птиц, рыб, промысловых животных), сезонные колебания в растительном мире, смена приоритетов в хозяйственной деятельности, возможные изменения в образе мышления и восприятия окружающей действительности в связи с усложняющейся системой хозяйствования, контакты со схожими и принципиально различными по хозяйственному укладу народами (кеты, тюрки, русские и пр.). Рассмотрение таких реалий, как особенности социально-общественного строя, культурного типа, особенно важно при изучении вопроса об осознании и счете времени, ибо «человек не рождается с чувством времени, его временные и пространственные понятия всегда определены той культурой, к которой он принадлежит» [24. С. 27]. Время как объективная форма существования материи по-разному отражается в сознании людей, и «это прежде всего зависит от конкретно-исторических условий и от общего уровня исторического развития данного народа» [25. С. 250].

В. Метод «этнографических аналогов» заключается в том, что «при сходном уровне приобретения «жизненных средств», сходной экологии, принадлежности к одному хозяйственно-культурному типу можно сопоставлять однотипные общества независимо от их пространственного расположения и культурной преемственности» [26. С. 42; 27. С. 26–42; 28. С. 60–107]. Этот метод находит широкое применение по той причине, что селькупы являлись ранее бесписьменным этносом, а проследить особенности исконной культуры селькупов крайне сложно. Многие элементы культуры селькупов можно восстановить по лексическим данным, археологическим находкам и пр., но они не дают полной картины культурного своеобразия этноса.

Указанный этнографический метод позволит расширить границы познания особенностей утраченной селькупской культуры. При проведении реконструкции календаря селькупов рассматриваются особенности счета времени членами обществ с традиционной культурой, но которые сравнительно хорошо исследованы на сегодняшний день. Характерные черты их понимания времени и берутся за базовые. На этой основе реконструируются предположительные типичные черты селькупского времязчисления.

С помощью описанной авторской методики проведем детальный анализ селькупского слова «ро», которое в словарях и экспедиционных записях переводится как «год».

Слово «ро» (и его варианты *рии*, *потъ*, *рф*, *рфту*, *рио*, *потъ*) зафиксированы в XVIII–XX вв. в разных местах проживания селькупов. Опираясь на эти дан-

ные, можно было бы утверждать, что селькупы опирались указанным понятием. Учитывая, что селькупы (ранее бесписьменный этнос) к моменту сбора материала были уже достаточно сильно ассимилированы русскими переселенцами, факт наличия у селькупов понятия «год» можно поставить под сомнение. Причина возникших сомнений заключается в том, что обширный этнографический материал по народам мира позволяет рассуждать о проблеме: было ли на самом деле типичным для обществ с традиционной системой хозяйствования представление о «годе» (лунном, солнечном).

Проанализировав имеющиеся данные о времячислении, календарях традиционных обществ, мы считаем, что для членов этих обществ понятие «год» не являлось необходимостью, и поэтому «год» не мог быть сформирован в недрах обществ с традиционной культурой, а был характерен для земледельческих обществ. Иными словами, можно говорить о том, что понятия «год» (солнечный, лунный) и слова со значением «год» (как мы себе представляем это понятие и значение слова) у селькупов – традиционного этноса – не должно было быть. Понятие «год», вероятно, было заимствовано из русской культуры. В результате тесных контактов с пришлым населением возникла необходимость соотнести свою хозяйственную деятельность с русским хозяйственным укладом, что и привело к заимствованию элементов русской культуры. Привнесенная новая система отсчета времени колонизаторов (в том числе григорианский календарь) способствовала процессу возникновения новых понятий, связанных с временными категориями. Следствием этих процессов и стало появление понятия «год».

Что касается появления селькупской лексемы «ро» для обозначения понятия «год», то можно предположить, что слово со значением «год» явилось результатом семантического развития иной селькупской лексемы. В основе слов с этим значением лежит корень «ро». Возможно, некогда этот корень имел в селькупском языке (самодийских языках) вполне конкретное значение, связанное совсем не с абстрактным понятием «год», а с каким-либо конкретным явлением жизни, но в результате семантического развития произошла замена этого конкретного значения на более абстрактное. Такое явление имеет место и в других языках, например:

- (нем.) *Jahr*, (англ.) *year* (год), (греч.) *ηρα* (сезон) < **ei* – «идти»;
- (фр.) *année* (год) < (лат.) *annus* < **at-nos* (идти, идущий) [29. С. 28].

Учитывая, что слово «ро» имеет два значения – «год», «дерево, дрова» [30. С. 151], возможно предположить, что значение «год» является результатом семантического развития «дерево; нечто, связанное с деревом, ростом дерева и т.д.» → «год». Известно, что после похорон селькупы втыкали в землю (возле могилы) небольшое деревце или ветку [31. С. 296]. Кроме этого, у селькупов отмечен обычай – на протяжении всей жизни «следить» за тем деревом, под которым родился человек [32. С. 404]. Не исключено, что есть связь между годом, деревом и жизненным циклом человека. При этом исходным мотивом семанти-

ческого развития является заимствование понятия «год», вероятно, у русского населения.

На основании сказанного можно говорить о том, что, скорее всего, понятие «год» является заимствованием из русской культуры, а механизмом появления селькупского слова со значением «год» представляется возможная семантическая эволюция лексемы «ро» – «дерево».

Возвращаясь к этимологическому анализу слова «ро» К. Редеи, можно согласиться, что слово прослеживается до прауральской основы **āgn*, но очевидно, что ее значения «год», «осень» ошибочны.

Аналогичным образом можно провести анализ слова *iřeä* (и его вариантов). Лингвистические данные свидетельствуют, что слово *iřeä* – «месяц» восходит к самодийскому лексическому слову и имеет значения «месяц, луна». Видимо, это слово изначально возникло для наименования небесного объекта (луны), служащего самодийцам для ориентации в пространстве и для координации по времени их совместной деятельности. В процессе эволюции общества (под влиянием чуждой культуры) появилось новое абстрактное понятие – месяц как часть года, результатом чего стало расширение значения селькупского слова *iřeä*, которое приобрело абстрактное значение «месяц».

В экспедиционных записях ученых Томского государственного педагогического университета встречается большое количество примеров с употреблением слова «месяц», в частности:

- 1) *ter ēsan mat'oUkn okki ir'ē* – «он пробыл на промысле один месяц»;
- 2) *mat erét paroUot kBkIkViUa* – «я весь месяц рыбачил» и пр.

Можно предположить, что данные предложения могли возникнуть сравнительно давно, но значение их было несколько иное: не «он пробыл на промысле **один** месяц», а «он пробыл на промысле **одну** луну», не «я **весь** месяц рыбачил», а «я **всю** луну рыбачил». Эти фразы могли сформироваться в далекие времена, когда счет времени селькупами велся именно с помощью отсчета «лун». Переводы фраз с употреблением слова «месяц» могли быть осуществлены неверно по причине влияния русской культуры.

На основании вышесказанного можно резюмировать, что слово *iřeä* обозначало изначально небесный объект «луна (месяц)». В результате заимствования, вероятно, из русской календарной системы понятия «месяц» – временной промежуток григорианского календаря – произошло семантическое расширение лексемы: *iřeä* – луна (месяц) → месяц, период времени, равный 1/12 года.

Приведенные примеры подтверждают мысль Э. Сепира о том, что «слово из фонда культурной лексики может быть, безусловно, древнего происхождения, но из-за изменений в значении оно может обозначать вовсе не настолько древнее, по крайней мере в его современном виде, культурное понятие» [33. С. 544].

Итак, мы продемонстрировали, что слова «ро», *iřeä* могли происходить от очень древних корней (прауральского и прасамодийского языков-основ) с первоначальными значениями «дерево», «месяц, лу-

на – небесные объекты», но понятия и значения «год» и «месяц – 1/12 часть года» привнесены из другой культуры, возможно русской.

В статье представлен анализ селькупской лексики в рамках лингвокультурологического подхода, на основе общеизвестных лингвистических методов и авторских методик.

Проведенное исследование рыболовецкой и календарной лексики селькупов показало следующее:

1. По составу рыболовецкая лексика в диалектах селькупского языка неоднородна, что является следствием различий в укладе жизни этнических групп и ведении хозяйства в зависимости от ареала проживания. Имеющиеся семантические особенности лексем удалось установить благодаря применению авторского метода комплексной реконструкции семантики. Сопоставление языкового материала с данными ихтиологии и этнографии помогло нам не только объяснить наличие лексических лакун в диалектах селькуп-

ского языка, но и проследить развитие значений слов и составных наименований.

2. Календарные лексемы «ро», «ireä» являются типичными для языка селькупов; изначально имели значения: «дерево; нечто, связанное с деревом, ростом дерева», «месяц, луна (небесные объекты)». Появление новых значений этих слов «ро» – «год», «ireä» – «месяц как 1/12 часть года» можно рассматривать как результат семантического развития лексем под влиянием иной (русской) системы времязчисления. Применение авторской методики позволило выявить особенности календарной лексики и времязчисления селькупов.

3. Предложенная совокупность лингвистических методов и авторских методик является достаточно эффективной для выявления языковых особенностей селькупского языка, и может быть применена в качестве схемы исследования лексики любого бесписьменного языка исчезающего или исчезнувшего этноса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Календарь в культуре народов мира. М. : Наука, 1993. 272 с.
2. Rede K. Uralisches Etymologisches Wörterbuch. Lieferung 1–3. Budapest, 1986. 593 s.
3. Топоров В.Н. Библиография по кетскому языку // Кетский сборник. М. : Наука, 1969. С. 243–283.
4. Bouda K. Die Sprache der Jenissejer. Genealogische und morphologische Untersuchungen. Anthropos, 1957. Bd. 52. 134 s.
5. Поляков В.А. Способы лексической номинации в енисейских языках. Новосибирск : Наука, 1987. 117 с.
6. Старостин С.А. Праенисейская реконструкция и внешние связи енисейских языков // Кетский сборник. Л. : Наука. 1982. С. 144–237.
7. Трубачёв О.Н. Приемы семантической реконструкции // Сравнительно-историческое изучение языков разных семей. Теория лингвистической реконструкции. М., 1988. С. 197–222.
8. Кулланда С.В. Системы терминов родства и пражзыковые реконструкции // Алгебра родства. СПб., 1998. С. 47–74.
9. Аникин А.Е. Этимологический словарь русских диалектов в Сибири: заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. Москва ; Новосибирск : Наука, 2000. 768 с.
10. Иоганцен Б.Г. Рыбы бассейна реки Оби : научно-популярный очерк. Томск : Изд. Том. гос. ун-та, 1948. 62 с.
11. Семейство лососевые // Растения и животные. 2003–2009. URL: <http://www.floranimal.ru/families/3318.html> (дата обращения: 04.04.2020).
12. Энциклопедия рыб. URL: <http://fish-book.ru/> (дата обращения: 05.04.2020).
13. Сельдь восточная // Растения и животные. 2003–2009. URL: <http://floranimal.ru/pages/animal/s/3274.html> (дата обращения: 05.04.2020).
14. Иоганцен Б.Г. Рыбные ресурсы Томской области и культура их освоения // Рыбное хозяйство Томской области и продуктивность водоемов / отв. ред. В.Т. Макаров. Томск : Изд. Том. гос. ун-та, 1951. С. 9–40.
15. Ёрш // Растения и животные. 2003–2009. URL: <http://www.floranimal.ru/pages/animal/jo/3963.html> (дата обращения: 04.04.2020).
16. Кастрен М.А. Лапландия. Карелия. Россия // Сочинения в двух томах / под ред. С.Г. Пархимовича. Тюмень : Изд-во Ю. Мандрики, 1999. Т. 1. 256 с.
17. Чебак // Растения и животные. 2003–2009. URL: <http://www.floranimal.ru/pages/animal/ch/3509.html> (дата обращения: 04.04.2020).
18. Иоганцен Б.Г., Петкевич А.Н. Промысел рыбы ловушками на водоемах Сибири. Новосибирск : Изд-во Главсибрыбпрома, 1948. 71 с.
19. Иоганцен Б.Г., Петкевич А.Н. Запорный промысел рыбы в Западной Сибири и его рационализация. Томск : Красное знамя, 1945. 38 с.
20. Кулемзин В.М. Васюган и Вах: от Сирелиуса до современности // Труды музея археологии и этнографии Сибири им. В.М. Флоринского ТГУ. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2002. Т. 1. С. 199–207.
21. Кузнецова Н.Г. Сuffixes отымённой глагольной деривации в диалектах селькупского языка // Linguistica Uralica. Tallinn, 1990 (1). XXVI. С. 43–56.
22. Кузнецова А.И., Хелимский Е.А., Грушкина Е.В. Очерки по селькупскому языку. Тазовский диалект. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1980. Т. 1, Вып. 8. 411 с.
23. Головнёв А.В. Историческая типология хозяйства народов Северо-Западной Сибири. Новосибирск : Изд-во Новосиб. ун-та, 1993. 204 с.
24. Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. М. : Искусство, 1972. 318 с.
25. Токарев С.А. Проблемы общественного сознания доклассовой эпохи // Охотники, собиратели, рыболовы. Проблемы социально-экономических отношений в доземледельческом обществе. Л. : Наука, 1972. 288 с.
26. Файнберг Л.А. О возможных этнографических аналогах первобытного общества охотников и собирателей // Советская этнография. 1981. № 6. С. 42–51.
27. Першиц А.И. Этнография как источник первобытноисторических реконструкций // Этнография как источник реконструкции истории первобытного общества. М. : Наука, 1979. С. 26–42.
28. Кабо В.Р. Теоретические проблемы реконструкции первобытности // Этнография как источник реконструкции истории первобытного общества. М. : Наука, 1979. С. 60–107.
29. Кормушин И.В. К методике сравнительного изучения алтайских языков // Проблема общности алтайских языков. Л. : Наука, 1971. С. 22–30.
30. Кузнецова А.И., Казакевич О.А., Иоффе Л.Ю., Хелимский Е.А. Очерки по селькупскому языку. Тазовский диалект : учеб. пособие. М., 1993. 196 с.
31. Гемуев И.Н., Пелих Г.И. О погребальной обрядности селькупов // Acta Ethnographica Hungarica. 1983. № 38 (1–3). Р. 287–308.
32. Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Томск : Изд-во ТГУ, 1994. Т. 2. 475 с.
33. Сепир Э. Избранные труды по языкоznанию и культурологии. М. : Прогресс, 1993. 655 с.

Статья представлена научной редакцией «История» 26 августа 2020 г.

Fishing and Calendar Vocabulary of the Selkup Language. Methodology of Research

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 459, 132–139.

DOI: 10.17223/15617793/459/17

Svetlana Yu. Kolesnikova, Siberian State Medical University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: Svetlana_kolesnikova_64@mail.ru

Anna A. Deviakovich, United Toll Systems LLC (Moscow, Russian Federation). E-mail: annadeviakovich@gmail.com

Keywords: unwritten language; methodology; research; semantic meaning; reconstruction.

The well-known methods of historical and systemic-structural linguistic domains do not allow revealing many linguistic phenomena of the unwritten Selkup language in their entirety. The article presents an analysis of fishing and calendar vocabulary of the Selkup language within the new linguistic approach called linguoculturology using the original authors' methods and well-known linguistic ones. The main linguistic methods of the research are comparative historical method and word formation analysis. The essence of the original authors' methods is the involvement of data from the related sciences. Within the study of the Selkup fishing vocabulary the method of complex semantic reconstruction was developed and applied including the restoration of the ancient/prior lexical meanings with the involvement of ethnographic and ichthyological materials that help to clarify semantics. The analysis of calendar vocabulary includes the combination of three methods: (A) the interpretation of time intervals by informants and word-based translation of these time intervals by the authors; (B) an original method of "comparison with realities" aimed at a detailed study of all realities that are an integral part of the Selkup vital activities; (C) a well-known method of "ethnographic analogues". The research showed the following results. The representation of fishing vocabulary in the Selkup dialects is varying, which is the consequence of different ways of life and housekeeping depending on the area of residence. The features of semantic meanings were clarified due by applying the authors' method of complex semantic reconstruction. The juxtaposition of language data with ichthyological and ethnographic materials helped both explain the lexical gaps in the Selkup dialects and trace the development of semantic meanings of words and compound units. Calendar lexemes "po" and "ireä" are typical for the Selkup language. Their initial meaning was "tree; something related to a tree or tree growth" and "moon" respectively. The appearance of new meanings: "year" in "po" and "month, 1/12 of a year" in "ireä" can be a result of semantic development affected by a different (Russian) calendar system. The application of the author's methods made it possible to identify the peculiarities of the Selkup calendar vocabulary and time reckoning. The proposed set of linguistic approaches and original authors' methods is effective enough to identify the Selkup language features and can be applied in research of vocabulary of any unwritten language of an endangered or extinct ethnic group.

REFERENCES

1. Frolov, B.A. et al. (1993) *Kalendar' v kul'ture narodov mira* [Calendar in the culture of the peoples of the world]. Moscow: Nauka.
2. Redei, K. (1986) *Uralisches Etymologisches Wörterbuch*. Lieferung 1–3. Budapest: Akademia Kiado.
3. Toporov, V.N. (1969) Bibliografiya po ketskomu jazyku [Bibliography on the Ket language]. In: Ivanov, Vyach.Vs. et al. (eds) *Ketskiy sbornik* [Ket collection]. Vol. 2. Moscow: Nauka. pp. 243–283.
4. Bouda, K. (1957) *Die Sprache der Jenissejer. Genealogische und morphologische Untersuchungen*. Bd. 52. Anthropos.
5. Polyakov, V.A. (1987) *Sposoby leksicheskoy nominatsii v eniseyskikh jazykakh* [Methods of lexical nomination in the Yenisei languages]. Novosibirsk: Nauka.
6. Starostin, S.A. (1982) Praeniseyskaya rekonstruktsiya i vneshnie svyazi eniseyskikh jazykov [Proto-Yenisei reconstruction and external relations of the Yenisei languages]. In: Ivanov, Vyach.Vs. et al. (eds) *Ketskiy sbornik* [Ket collection]. Vol. 3. Leningrad: Nauka. pp. 144–237.
7. Trubachev, O.N. (1988) Priemy semanticheskoy rekonstruktsii [Methods of semantic reconstruction]. In: Mel'nicuk, A.S. et al. *Sravnitel'nistoricheskoe izuchenie jazykov raznyy semej*. Teoriya lingvisticheskoy rekonstruktsii [A comparative-historical study of languages of different families. The theory of linguistic reconstruction]. Moscow: Nauka. pp. 197–222.
8. Kullanda, S.V. (1998) Sistemy terminov rodstva i prayazykovye rekonstruktsii [Systems of kinship terms and proto-linguistic reconstructions]. In: *Algebra rodstva* [Algebra of kinship]. Vol. 2. St. Petersburg: Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography of the Russian Academy of Sciences. pp. 47–74.
9. Anikin, A.E. (2000) *Etimologicheskiy slovar' russkikh dialektov v Sibiri: zaimstvovaniya iz ural'skikh, altayskikh i paleoaziatskikh jazykov* [Etymological dictionary of Russian dialects in Siberia: Borrowings from the Uralic, Altai and Paleo-Asian languages]. Moscow; Novosibirsk: Nauka.
10. Iogansen, B.G. (1948) *Ryby basseyna reki Obi: nauchno-populyarnyy ocherk* [Fish of the Ob River Basin. A Popular Science Essay]. Tomsk: Tomsk State University.
11. Rasteniya i zhivotnye. (2003–2009) *Semeystvo lososevye* [Salmonidae]. [Online] Available from: <http://www.floranimal.ru/families/3318.html> (Accessed: 04.04.2020).
12. *Entsiklopediya ryb* [Encyclopedia of fish]. [Online] Available from: <http://fish-book.ru/> (Accessed: 05.04.2020).
13. Rasteniya i zhivotnye. (2003–2009) *Sel'd vostochnaya* [Pacific herring]. [Online] Available from: <http://floranimal.ru/pages/animal/s/3274.html> (Accessed: 05.04.2020).
14. Iogansen, B.G. (1951) Rybnye resursy Tomskoy oblasti i kul'tura ikh osvoeniya [Fish resources of Tomsk Oblast and the culture of their development]. In: Makarov, V.T. (ed.) *Rybnoe khozyaystvo Tomskoy oblasti i produktivnost' vodoemov* [Fish industry of Tomsk Oblast and the productivity of water bodies]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 9–40.
15. Rasteniya i zhivotnye. (2003–2009) *Ersh* [Ruffe]. [Online] Available from: <http://www.floranimal.ru/pages/animal/jo/3963.html> (Accessed: 04.04.2020).
16. Kastren, M.A. (1999) Laplandiya. Kareliya. Rossiya [Lapland. Karelia. Russia]. In: Parkhimovich, S.G. (ed.) *Sochineniya v dvukh tomakh* [Works in two volumes]. Vol. 1. Tyumen: Izd-vo Yu. Mandriki.
17. Rasteniya i zhivotnye. (2003–2009) *Chebak* [Siberian roach]. [Online] Available from: <http://www.floranimal.ru/pages/animal/ch/3509.html> (Accessed: 04.04.2020).
18. Iogansen, B.G. & Petkevich, A.N. (1948) *Promysel ryby lovushkami na vodoemakh Sibiri* [Fishing with traps in the reservoirs of Siberia]. Novosibirsk: Izd-vo Glavbibrybproma.
19. Iogansen, B.G. & Petkevich, A.N. (1945) *Zapornyy promysel ryby v Zapadnoy Sibiri i ego ratsionalizatsiya* [Blocking type of fishery in Western Siberia and its rationalization]. Tomsk: Krasnoe znamya.
20. Kulemin, V.M. (2002) *Vasyugan i Vakh: ot Sireliusa do sovremennosti* [Vasyugan and Vakh: From Sirelius to the present]. In: *Trudy muzeya arkheologii i etnografii Sibiri im. V.M. Florinskogo TGU* [Proceedings of the TSU V.M. Florinsky Museum of Archeology and Ethnography of Siberia]. Vol. 1. Tomsk: Tomsk State University. pp. 199–207.
21. Kuznetsova, N.G. (1990) Suffixsy otymennoy glagol'noy derivatsii v dialektaakh sel'kupskogo jazyka [Suffixes of the nominal verb derivation in dialects of the Selkup language]. *Linguistica Uralica*. (1) XXVI. pp. 43–56.

22. Kuznetsova, A.I., Khelimskiy, E.A. & Grushkina, E.V. (1980) *Ocherki po sel'kupskomu yazyku. Tazovskiy dialekt* [Essays on the Selkup language. Taz dialect]. Vol. 1 (8). Moscow: Moscow State University.
23. Golovnev, A.V. (1993) *Istoricheskaya tipologiya khozyaystva narodov Severo-Zapadnoy Sibiri* [Historical typology of the economy of the peoples of North-West Siberia]. Novosibirsk: Novosibirsk State University.
24. Gurevich, A.Ya. (1972) *Kategorii srednevekovoy kul'tury* [Categories of medieval culture]. Moscow: Iskusstvo.
25. Tokarev, S.A. (1972) Problemy obshchestvennogo soznaniya doklassovoy epokhi [Problems of public consciousness of the pre-class era]. In: Reshetov, A.M. (ed.) *Okhotniki, sobirateli, rybolovy. Problemy sotsial'no-ekonomicheskikh otnosheniy v dozemledel'cheskom obshchestve* [Hunters, gatherers, fishermen. Problems of socio-economic relations in a pre-agricultural society]. Leningrad: Nauka.
26. Faynberg, L.A. (1981) O vozmozhnykh etnograficheskikh analogakh pervobytnogo obshchestva okhotnikov i sobirateley [Possible ethnographic analogues of the primitive society of hunters and gatherers]. *Sovetskaya etnografiya*. 6. pp. 42–51.
27. Pershits, A.I. (1979) Etnografiya kak istochnik pervobytnostnoistoricheskikh rekonstruktsiy [Ethnography as a source of primitive historical reconstructions]. In: Pershitz, A.I. (ed.) *Etnografiya kak istochnik rekonstruktsii istorii pervobytnogo obshchestva* [Ethnography as a source of reconstruction of the history of primitive society]. Moscow: Nauka. pp. 26–42.
28. Kabo, V.R. (1979) Teoreticheskie problemy rekonstruktsii pervobytnosti [Theoretical problems of the reconstruction of primitiveness]. In: Pershitz, A.I. (ed.) *Etnografiya kak istochnik rekonstruktsii istorii pervobytnogo obshchestva* [Ethnography as a source of reconstruction of the history of primitive society]. Moscow: Nauka. pp. 60–107.
29. Kormushin, I.V. (1971) K metodike srovnitel'nogo izucheniya altayskikh yazykov [On the method of a comparative study of the Altaic languages]. In: Sunik, O.P. (ed.) *Problema obshchnosti altayskikh yazykov* [Problem of the commonality of the Altai languages]. Leningrad: Nauka. pp. 22–30.
30. Kuznetsova, A.I., Kazakevich, O.A., Ioffe, L.Yu. & Khelimskiy, E.A. (1993) *Ocherki po sel'kupskomu yazyku. Tazovskiy dialekt: ucheb. posobie* [Essays on the Selkup language. Taz dialect: A textbook]. Moscow: Moscow State University.
31. Gemuev, I.N. & Pelikh, G.I. (1983) O pogrebal'noy obryadnosti sel'kupov [On the burial rituals of the Selkups]. *Acta Ethnographica Hungarica*. 38 (1–3). pp. 287–308.
32. Lukina, N.V. (ed.) (1994) *Ocherki kul'turogeneza narodov Zapadnoy Sibiri* [Essays on the cultural genesis of the peoples of Western Siberia]. Vol. 2. Tomsk: Tomsk State University.
33. Sapir, E. (1993) *Izbrannye trudy po yazykoznaniyu i kul'turologii* [Selected works on linguistics and cultural studies]. Translated from English. Moscow: Progress.

Received: 26 August 2020

M.O. Пискунов

«БОЛЬШАЯ» ИСТОРИЯ АКАДЕМГОРОДКА: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОЕ ПОЛЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ КУЛЬТУРАЛЬНОЙ ИСТОРИИ СОВЕТСКИХ ГОРОДОВ НАУКИ

Результаты были получены в рамках выполнения гранта Российского научного фонда, проект № 20-68-46044 «Воображаемый антропоцен: производство и трансферы знания об окружающей среде в Западной Сибири в XX–XXI вв.».

Приведен анализ историографии новосибирского Академгородка. Анализируется сложившаяся литература вопроса и предлагаются три контекста, в которые стоит поместить дальнейшие исследования Академгородка: проектно-менеджерийный, социально-антропологический, социально-экологический. Значительное место уделено рефлексивной роли, которую история науки и техники может играть для социально-гуманитарного знания.

Ключевые слова: культуральная история науки и техники; STS; Big Science; Академгородок; наукограды; экологическая история; Обнинский проект.

Научное знание – один из двигателей современного мира. Формирование нововременной науки и рождение модерной цивилизации пересекаются по времени в начале-середине XVII в. Исследования истории научных исследований имеют ценность не только для самой науки или ее отдельных частей, но и для всего широкого социального контекста, в котором существует институт Академии. В этом тексте я хочу проанализировать такой объект исследования, как советские города науки, особенно случай новосибирского Академгородка, оценить историографическое состояние поля и наметить возможные направления исследований, которые были бы перспективны не только для истории науки как отдельной субдисциплины, но и для плодотворной трансформации отечественной исторической науки в целом.

Мой тезис в том, что, изучая сибирские академгородки и наукограды через призму подходов культуральной истории науки, мы можем продвинуть не только историографию советских исследований или славистику, но и внести серьезный вклад в мировое обсуждение тех контекстов и перемен, частью которых является наука. При этом обращение к социальной или культуральной истории науки для историков важно в том числе для рефлексии собственного положения в процессе производства социально-гуманитарного знания. Для этого я предлагаю три возможных контекста обсуждения академгородков: 1) проектно-менеджерийный, проблематизирующий их как определенный проект советской политической и административной организации Big Science; 2) социально-антропологическое измерение науки и научности – искать отражение «больших» социальных вопросов и конфликтов (связанных с гендером, классом, этносом и прочими «большими» категориями) в многообразии явлений научной жизни академгородков; 3) социально-экологический контекст – проблематизацию феномена советских научных городов через сюжеты их взаимодействия с окружающей средой в широком смысле – от городских лесов и парков до микро- и макромира.

Но прежде чем говорить о советских академгородках, я хочу затронуть сторонний сюжет о том, почему история науки и техники в России оказалась на периферии исследовательского интереса по сравнению с

политической историей и почему эту ситуацию нужно изменить. Начавшись в 1910–1920-е гг. в общемировой логике как вспомогательная дисциплина для научных-естественников, история науки под идеологическим воздействием марксизма быстро вышла на передовые экстерналистские позиции. Но политическая вовлеченность (первым директором Института по истории науки и техники АН СССР был опальный Н.И. Бухарин) не только давала передовую по тем временам исследовательскую оптику, но и ставила развитие дисциплины в зависимость от отношения государства к ее проблематике – в том числе в смысле репрессий и следования в фарватере партийно-государственной политики [1]. В этой ситуации наиболее рациональной моделью поведения для исследователей, стремившихся сохранить остатки своей автономии, становится уход в частные проблемы истории отдельных научных дисциплин, биографии выдающихся исследователей и летописи открытий.

Вынужденное возвращение к позитивистским подходам в истории науки и стремление к автономии от государственной политики логически вело к восстановлению элитарной научной идеологии, имплицитно свойственной взгляду ученых на самих себя. Эта идеология предполагает существование изолированного от общества научного сообщества, которое обладает сверхкомпетенцией в вопросах истинности той или иной теории. Внешнее по отношению к научному сообществу вмешательство в вопросы научной истины или даже научной политики воспринимается как насилие и нарушение общественного договора между Академией и остальным обществом. Поскольку подобный взгляд подразумевает существование самодостаточных изолированных друг от друга сфер общественной жизни, социальных групп и индивидов, то можно осторожно обозначить его как либеральный. Само по себе существование идеологии внутри академического сообщества не должно удивлять – здесь можно вспомнить классическую работу Ф. Рингера о том, как научное сообщество немецких университетов десятилетиями существовало в ситуации конфликта либералов и националистов [2].

Наиболее ярко либеральная идеология проявилась в самом крупном историографическом сюжете отечественной истории науки – теме лысенковщины в ста-

линском / хрущевском СССР. С самого падения Т. Лысенко в 1964 г. советские биологи и генетики пробовали себя в роли историков и рефлексировали трагедию советской биологии 1930–1960-х гг. и свою роль или своих учителей в тех событиях. Пиком исследовательских и мемуарных публикаций на эту тему стали последовавшие за перестройкой годы [3–6], затем интерес к лысенковщине постепенно угасал (впрочем, еще в 2008 г. комиссия по лженауке РАН сочла необходимым указать на лженаучность апологии лысенковщины [7]). Особенностью большинства отечественных профессиональных¹ публикаций в этом поле является их «активистский» характер – они написаны с позиций научного сообщества (как отдельной социальной группы) и для научного сообщества. В этом качестве исследования лысенковщины воспроизводят указанную элитистскую идеологию ученых как «круга достойных», в который недопустимо внешнее вмешательство. Характерно, что зарубежная историография лысенковщины, для которой эти события были менее политически актуальны, в гораздо большей степени вписывает эту тему в общие исследовательские проблемы славистики и советологии. Например, с точки зрения Л. Грэма [9], реализующего одновременно интерналистский подход в истории науки и ревизионистский в советских исследованиях, Лысенко и его сторонников едва ли стоит воспринимать как просто агентов государства (или тем более идеологических агентов Коммунистической партии) в стане аполитичной науки. Более справедливым было бы видеть в них группу ученых-карьеристов, которым в условиях и атмосфере сталинизма определенными практиками удалось получить политическую протекцию и санкцию на устранение или устрашение своих оппонентов. При таком подходе наука и ученые не существуют отдельно, а являются частью общественной или политической жизни. Похожую интерпретацию уже более предметно в 1990-е гг. высказал Н. Кременцов [10].

Хотя сюжет лысенковщины сам по себе располагает к элитистскому взгляду на науку, опасность такого способа выстраивать нарратив в целом, помимо отрыва науки от больших общественных процессов, заключается еще и в фетишизации авторитетов настоящего времени. Последнее особенно опасно для истории науки, в которой авторитеты могут меняться даже быстрее, чем в политике, благодаря особенностям научного поиска. Я убежден, что замечательным источником сюжетов для отработки более современных подходов к истории науки и научности могут стать советские города науки 1950–1980-х гг., академгородки и наукограды, т.е. такие пространства жизни и науки, в которых сгущено множество социальных и культурных контекстов, а политика не проявляется столь односторонне как в теме лысенковщины.

Начинать обсуждение академгородков нужно с модельного их экземпляра – новосибирского. За 60 лет своего существования новосибирский Академгородок оставил заметную историографию [11]. Этую историографию можно условно разделить на две неравные части. Первая, самая многочисленная, это так называемый академгородковский миф – представле-

ния первых поколений «аборигенов» о себе и своем городе как о пространстве свободы, творчества и научного поиска посреди тайги и тоталитарного государства. Этот миф жанрово и органично вплетается в более общий интеллигентский миф об «оттепели» [12]. Из идеи о золотом веке конца 1950-х – начала 1970-х гг. логично вытекает идея «железного века» конца 1980–1990-х гг., когда поколение отцов-основателей умерло, талантливая молодежь мигрировала, финансирование уменьшилось, атмосфера стала более душной или безысходной. В основном академгородковский миф представлен в мемуарных и публицистических сочинениях; из работ профессионалов нужно упомянуть классическую монографию Пола Джозефсона [13], особенно ценную, так как это единственное обобщающее тему Академгородка историческое сочинение. Однако подход, который Джозефсон использует для того, чтобы соединить множество локальных сюжетов, – это устаревшая теория тоталитаризма и отлично размещающейся в ней «академгородковский миф». С известной долей осторожности можно сказать, что этот миф – частный случай отмеченной выше специфической либеральной идеологии отечественного научного сообщества.

Вторая часть историографии Академгородка – это работы историков-профессионалов, использующих академгородковские источники для разработки дисциплинарных историографических сюжетов. В основном речь идет о работах институционалистского толка, в фокусе которых лежат вопросы государственной научной политики на востоке страны [14, 15], строительства Академгородка [16] и истории научно-исследовательских институтов СО РАН [17, 18]. Особняком стоят работы И.С. Кузнецова о традициях диссидентства и политического разномыслия в местной академической среде [19], которые затрагивают темы тоталитаризма и сопротивления ему. Проблема этих работ в том, что взятые как целое они дают фрагментарную картину, в которой Академгородок распадается на множество отдельных контекстов, ни один из которых не объясняет его феномен. Определенную проблему для такого феноменологического взгляда представляют традиционные для отечественной исторической науки институционалистские подходы, когда историк идет вслед за своими преимущественно государственными по происхождению источниками и воспроизводит ведомственный взгляд на явления общественной жизни. Отсюда некоторая бедность «персонажей» исторических исследований – это либо утверждающее (или, наоборот, неспособное утвердить) свою власть государство (или его эрзац в лице Академии наук), либо сопротивляющиеся ему «лучшие люди» (диссиденты или ушедшие в «чистую науку» ученые). Вольно или невольно такой нарратив воспроизводит тоталитарный подход, развернутая критика которого, пожалуй, сегодня будет излишней [20].

Историческому цеху, научному и экспертным сообществам, наконец, самим жителям многочисленных постсоветских «городов науки» требуется новая социальная, культуральная и сравнительная история академгородков. Такие исследования, которые бы обращались к их материалам не ради них самих, а ради

того, чтобы решать большие вопросы историографии, научного знания в целом, социальной и экономической практики. Например, новосибирский Академгородок в экспертных публикациях уже почти четверть века называют сибирской Кремниевой долиной. Эта метафора, видимо призванная быть самосбывающейся, раз за разом разбивается об ограниченный успех частных и государственных попыток перезапустить здесь масштабное производство инноваций, вернуть «золотой век» Академгородка. С точки зрения профессионалов-гуманитариев, в этих неудачах нет ничего удивительного: государственные, корпоративные и академические менеджеры пытаются перезапустить явление, сущности которого они не понимают и подменяют либо собственными мифами, либо метафорами из американского контекста. Об Академгородке часто говорят как о проекте, но по сей день нет сочинения, которое бы содержательно оценило и сильные, и слабые стороны проекта.

Я полагаю, что объяснение феномену Академгородка стоит искать в трех контекстах: социально-антропологическом, менеджеральном и экологическом. Антропологический подход означает изучать человека академгородков. Какой дискурс, какую идеологию воспроизводил Академгородок среди своих обитателей? Что значило быть ученым в Академгородке, как происходила интеграция и конкуренция разных научных дисциплин? В чем специфика труда и досуга в городе науки, какие смыслы он продуцировал внутрь и вовне? Почему в конце 1950-х гг. здесь сумели укорениться гонимые науки вроде генетики, а десятилетием позже зацвели цветы советского «нью-эйджа» и даже лженauk (о нью-эйдже в советском научно-популярном дискурсе см. [21])? Отчасти «академгородковский миф» отвечает на эти вопросы, но он отвечает идеологически, т.е., говоря словами Альтуссера, выражает «воображаемые отношения индивидов с реальными условиями их существования» [22]. Для того чтобы превратить «академгородковский миф» в научное знание, требуется его критика, причем критика именно с точки зрения теорий субъекта – расщепить идеологическое единство на сложность и пестроту акторов реальной жизни². При этом мало просто заявить о социальной сложности феномена Академгородка, он должен быть объяснен в том числе через «большие» категории социальных наук – класс, гендер, этнос, институты, идентичность, профессию и пр. Причем такое объяснение должно вестись не только с точки зрения тех людей, которые выиграли от создания СО АН в 1957 г., но и тех, которые проиграли – в их числе приехавшие на новое место, но вынужденные уехать по ряду причин³.

Менеджеральный подход смещает акцент на проектность Академгородка в самом широком контексте. Вторая мировая война знаменовала новый этап в функционировании науки как социально-экономического института. Появляется так называемая Big Science [24], наука, покинувшая тесные стены университетских и институтских «башен из слоновой кости», интегрированная в производство, решающая большие экономические и политические задачи. Первым примером такой науки был Манхэттенский про-

ект в США, которому в СССР в 1940–1950-е гг. соответствовали советские ядерный и космические проекты, объединявшие сотни тысяч человек по всей стране – политиков, ученых, инженеров, рабочих и т.д. Академгородок возник именно в этом ряду – как принципиально новый способ пространственной междисциплинарной интеграции естественно-научных дисциплин и одновременно сочетание их фундаментальных исследований с потребностями народного хозяйства (преимущественно военно-промышленного комплекса). Отсюда «треугольник Лаврентьева», менеджерский принцип, которым часто описывают специфику Академгородка, в котором вершинам треугольника соответствуют фундаментальная наука, производство и образование [25]. Впрочем, реализация этого принципа на практике – отдельный вопрос, еще ждущий своего скрупулезного исследователя. Кроме того, не стоит забывать, что проект Академгородка имеет минимум четыре воплощения – в Новосибирске, Томске, Иркутске, Красноярске, каждое из которых имеет свою специфику и результаты. Анализируя академгородки, историку важно избавиться от празднично-торжественного тона, столь свойственно «юбилейной историографии», осветить сильные и слабые стороны, т.е. работать собственно в залоге проекта, а не наследия.

Институционально, в виде государственной политики, эта тема достаточно широко освещена в историографии. Однако не хватает более широкого контекста, идеи социалистической Big Science с акцентами на все эти три слова. Big Science в том смысле, что Академгородок это часть глобального процесса трансформации научных институтов, процесса, который не завершен и по сей день и который, вероятно, будет определять социальные ландшафты XXI и XXII столетий. А социалистическая в том смысле, что академгородки имели важное значение для перезапуска социалистических идей после разоблачения Сталина на XX съезде КПСС. Уже не столько классовая борьба, сколько наука должна была пробить путь к коммунизму, и этот путь требовал новых общественных форм и новых людей [26]. Наконец, прилагательное социалистический указывает на целый ряд советских специфик Академгородка и академической науки в 1950–1980-е гг. Прежде всего, это политическая и административная роль АН СССР – с одной стороны, уникальная в мировой истории, с другой стороны, отвечающая на вызовы времени. Академия наук СССР – это одновременно и могущественное «министерство науки», часть социалистического государственного аппарата, и общественная организация с традициями цеховых средневековых университетов (идеи самоуправления и автономии, которые особенно расцвели в Академии в период перестройки и после крушения СССР). А советский академик мыслился одновременно как лидер научного направления, человек, способный решать максимально фундаментальные научные задачи⁴, и административный лидер, зачастую директор института, важный человек в партийно-государственной иерархии. Первое должно было вести ко второму (но не всегда вело), знание – прямо к власти, и эта особенность советского опыта

до сих пор не осмыслена научным сообществом в достаточно абстрактном и аналитическом виде. Несмотря на то, что современность ребром ставит перед нами вопросы о сочетании научного лидерства и административного руководства. Не говоря уже о том, что идеи о философах-правителях были высказаны еще Платоном в своем «Государстве», и уже две с половиной тысячи лет волнуют мировую политическую мысль.

Третий важный контекст, который может изменить наши представления о советских академгородках, – контекст экологической истории (Environmental History). Вопрос о взаимодействии ученых с окружающей средой в рамках этого становящегося все более влиятельным направления поднимается сам собой, так как последние три-четыре столетия именно ученые по большей части ответственны за наше воображение природы [27]. Но в случае сибирских академгородков есть и более приземленный повод посмотреть на них с этой стороны. Во-первых, все они более или менее погружены в лесной массив, более или менее отделены им от своих городов. Контекст леса важен для выстраивания идентичности местных жителей. В этом жителей академгородков зачастую поддерживают жители прочих отечественных наукоградов (отмечу, что даже их гербы зачастую характеризуются доминированием зеленого).

Наконец, сибирские академики М.А. Лаврентьев и А.А. Трофимук были теми, кто в середине 1960-х гг. начинал (вместе с иркутскими учеными и писателями-почвенниками) дискуссию о Байкальском ЦБК – первую в нашей стране большую дискуссию по проблемам влияния промышленного развития на экологию. А уже в 1990-е гг. В.А. Коптюг, сменивший М.А. Лаврентьева и Г.И. Марчука на посту председателя президиума СО АН, прославился отстаиванием концепции устойчивого развития как на уровне Академии, так и на уровне страны. Долгий «роман» сибирской Академии с экологическими вопросами еще ждет исследователя, который бы раскрыл его причины и сопутствующие контексты.

Эти подходы и контексты находятся в общем соответствии с новейшими тенденциями как исследований науки, так и социально-гуманитарного знания в целом. Более того, указанные проблемы отечественной мысли уже преодолевались мировой историей науки. Исторически рефлексия научного знания и научной деятельности лежала скорее в области интересов философов-эпистемологов. Начиная с Галилея и Декарта, ключевым вопросом науки был вопрос о правильном методе, который отделил бы точное научное знание от неточного, обыденного. При этом сами ученые оставались элитарной социальной группой и не солидаризировались с какими-либо общественными субъектами. Поэтому первые сочинения по истории науки воспроизводили уже описанный нами идеологический взгляд – наука это внутреннее дело ученых и для ученых [28].

Доклад Б. Гессена [29] о социально-экономических корнях физики Ньютона, последовавшая за

ним борьба экстернализма и интернализма при объяснении научного мышления и научных открытий, наконец, прорывное сочинение Т. Куна [30] о том, что смена научных парадигм связана не столько с культурой академических дискуссий, сколько с общей циркуляцией идей в обществе и сменой поколений ученых – все это поколебало прежние представления о науке как простом накоплении кирпичиков позитивных знаний и об ученых как о бескорыстных обжигателях этих кирпичиков.

За последние полвека экстернализм продвинулся далеко за пределы концепции Куна. В середине 1970-х гг. Эдинбургская школа социологии знания [31] предложила рассматривать научное знание как разновидность культуры, что означало попадание в область исследовательского интереса не только успешных, но и ошибочных концепций. Десятилетием позже Бруно Латур и его коллеги продолжили это направление и одновременно бросили ему вызов. Вместо того чтобы искать социальную или политическую функцию науки, Латур предложил смотреть на то, из чего состоят научные практики и как научные результаты операционализируются обществом. Таким образом, наука из инструмента политики у раннего Латура превращается в саму политику: изощренную борьбу ученых за признание и ресурсы, в которой лабораторные исследования и выстраивание аргументов – это не более чем попытка максимально усилить свою позицию в глазах сторонников и противников [32].

Формулируя акторно-сетевую теорию, латурианцы снижают критические акценты ради метафоры нового абстрактного языка: науку и технологии нельзя описывать повседневным идеологическим языком науки и технологий, удобнее было бы представить этот мир как сеть, в котором действуют акторы с более ярко выраженной агентностью и актанты с менее. Этот поворот обеспечил скандальную известность Латура – автора тезиса о том, что действуют не только люди, но и вещи, и даже нематериальные объекты [33].

Перемены в поле исследований науки происходили на фоне глобального культурального (структурно-исторического и постструктурно-исторического) поворота в социогуманитарных науках. Интерес исследователей смешается с поиском детерминирующих факторов исторического или социального развития (преимущественно экономических или макросоциальных) на работу механизмов культурного производства и воспроизводства [34]. Идеология, язык, специфические формы культуры, дискурсы и их сложное взаимодействие формируют нашу картину социального мира, в том числе академического. Развитие политически окрашенных проектов постколониальной и феминистской критики подорвало прежде господствующий нарратив «магистрального пути» из прошлого в будущее, который сменился калейдоскопом «тропинок», тесно связанных с интересами, практиками и языками различных социальных групп [35].

Глобальный процесс трансформации социогуманитарной парадигмы, разумеется, затронул и проблемное поле «наук о науке». Тот же актантный подход Латур заимствовал из Парижской школы семиотики, наследие, временами придающее его анализу сетей

структураллистское звучание [36]. Философ Джозеф Роуз в своей программной статье объединяет большое количество различных исследователей, пишущих о науке, в движение культуральных исследований науки. Слово «культуральные» он использует для того, чтобы «включить различные исследования практик, посредством которых научное знание выражается и помещается в специфический культурный контекст, а также переводится и расширяется в новые контексты» [37]. Культуральные исследования науки сочетают в себе современные представления о конструктивистском характере знания с междисциплинарными подходами к культуре как метапространству социогуманитарных наук. В некотором смысле это квинтэссенция современного социального знания, в которой максимально сокращена дистанция между конкретным исследованием и большой социальной теорией.

Впрочем, новые подходы, а тем более методы нельзя создать абстрактно, они появляются в практике конкретных пионерских исследований. В этом смысле показателен пример Обнинского цифрового проекта – одного из самых прорывных новейших исследований в отечественной историографии. Начавшись в 2012–2015 гг. как серия полевых исследований атомного наукограда Обнинска в Калужской области [38], он продолжается как дигитальный проект (<http://obninsk-project.net>) и по сей день, более того, именно в последние годы, после первичной обработки собранных данных, он стал приносить все более интересные плоды. В арсенале междисциплинарного коллектива исследователей охват самых разных тем и проблематик – эмпирических, теоретических и даже эпистемологических. Например, постревизионистское исследование партийной организации Обнинска, демонстрирующее как разнообразие стратегий партийного политического участия советских людей, так и то, что специфика секретной Big Science репрессировала сам партийно-политический режим управления научными институтами [39]. Или исследование пространственной топологии институтов внутри наукограда с выходом на возможности их научной и промышленной кооперации в советское время и провалы такой кооперации в наши дни [40]. Нarrативное исследование способов физиков-ядерщиков сегодня претендовать на причастность к советской космической про-

грамме, выход в публичную историю [41]. Наконец, за эпистемологию отвечает серия статей об источниковедческой специфике качественных источников (интервью и их транскриптов) и цифровых (дигитальных) источников, а также о том, как эти новые виды и новый формы старых видов источников меняют исследователя, вплоть до того, что размывают прежде столь прочную (если не сказать плотную) фигуру автора-исследователя, отбирающего или создающего исторический источник [42–47]. Вплоть до того, что проблематизация не избежала и публичная презентация (в форме выставки) коллегами результатов собственной исследовательской деятельности [48].

Эти исследования были бы невозможны без принципиально рефлексивной позиции участников Обнинского проекта, но думаю, этим дело не ограничивается. Сам предмет их изысканий, ядерный (но далеко не только ядерный!) город, пространство отечественной Big Science, в каком-то смысле пространство производства будущего – все это само по себе требует неортодоксальных подходов к историческому и социальному исследованию⁵. Люди, создающие, воспроизводящие и воспроизводимые этим пространством, зачастую находятся в той же исследовательской рефлексивной позиции, но только их интерес направлен не на себя, а вовне, на тайны природы. Их культура создает новые виды источников; участвуя в создании источников, они хотят играть какую-то роль в их использовании – в каком-то смысле они используют исследующих их гуманитариев не меньше чем те их. Для историка это принципиально новый способ взаимодействия со своими героями – не секрет, что историки в основном предпочитают иметь дело с уже мертвыми людьми, теми, кто не сможет оспаривать результаты их работы.

Таким образом, культуральные исследования науки и технологий меняют не только наше виденье истории или общества, они меняют нашу профессию. Расширить этот интерес до комплексных социальных объектов вроде академгородков и наукоградов – это способ модернизировать историческую науку. Хотя бы потому, что наука как способ мышления принципиально устремлена в будущее (не существует момента, в котором познание исчерпает себя), и писать историю прошлого, исходя из ожиданий будущего, а не настоящего – это настоящему амбициозная задача.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ То есть претендующих на научность изложения, обеспеченных справочно-ссыльным аппаратом и изданных в академических издательствах. Уже в постсоветское время возникло заметное количество сочинений в защиту лысенковщины, но они носят преимущественно маргинальный публицистический характер, смыкаясь с конспирологической литературой. Исключение составляет разве что изданная научным издательством работа биолога Л.А. Животовского [8].

² Ученые-естественники и гуманитарии, инженеры, рабочие, партийные руководители и активисты, мужчины и женщины, носители традиций дореволюционной интеллигенции и советские интеллигенты – все эти социальные группы неизбежно имели разный опыт, который скрывается в утопическом нарративе о «республике ученых».

³ А в их числе находится, например, один из отцов-основателей СО АН академик С.А. Христианович, который из-за конфликта с М.А. Лаврентьевым в 1965 г. покинул Академгородок [23].

⁴ Даже не столько способный, а скорее призванный продвигать теорию, в отличие от более «молодых» коллег, которые должны были решать локальные вопросы проблемных полей. Здесь можно вспомнить роль академиков Б.Д. Грекова, В.В. Струве, Н.И. Конрада, Б.А. Рыбакова и других в советской исторической науке. В еще большей степени это было свойственно плеяде крупных физиков, вышедших из советского ядерного проекта: А.Ф. Иоффе, И.В. Курчатов, П.Л. Капица, М.А. Лаврентьев, Б.Я. Зельдович, А.Д. Сахаров, А.П. Александров и др.

⁵ Помимо Обнинского цифрового проекта стоит упомянуть в этом ряду интересные исторические работы уральской школы историков об уральских атомных городах [49–53]. Можно констатировать, что отдельные части «империи» бывшего Минсредмаша СССР находятся в авангарде исторической рефлексии по сравнению с остальными городами советской Big Science (см. проект История Ростата (bibliotom.ru), чья библиотека насчитывает сотни мемуарных, публицистических и научных изданий).

ЛИТЕРАТУРА

1. Колчинский Э.И. Историко-научное сообщество в Ленинграде – Санкт-Петербурге в 1950–2010-е годы: люди, традиции, свершения. СПб., 2013.
2. Рингер Ф. Закат немецких мандаринов. М., 2008.
3. Медведев Ж.А. Взлет и падение Лысенко. М., 1993.
4. Александров В.Я. Трудные годы советской биологии. Записки современника. СПб., 1993.
5. Шноль С.Э. Герои и злодеи российской науки. М., 1997.
6. Сойфер В. Власть и наука. Разгром коммунистами генетики в СССР. М., 2002.
7. Корочкин Л.И. Неолысенковщина в российской биологии // В защиту науки. 2008. № 3. С. 115–125.
8. Животовский Л.А. Неизвестный Лысенко. М., 2014.
9. Грэм Л. Естествознание, философия и науки о человеческом поведении в Советском Союзе. М., 1991.
10. Кременцов Н.Л. Принцип конкурентного исключения // На переломе. Советская биология в 1920–30-х годах. СПб., 1997.
11. Кузнецов И.С. Современная историография новосибирского Академгородка // Вестник НГУ. История, филология. 2014. № 1. С. 130–140.
12. Zubok V. *Zhivago's Children: the last Russian Intelligentsia*. Harvard University Press, 2009.
13. Josephson P. *New Atlantis revisited: Akademgorodok, the Siberian City of Science*. Princeton, 1997.
14. Артемов Е.Т. Научно-техническая политика в советской модели позднеиндустриальной модернизации. М., 2006.
15. Водичев Е.Г. Наука на востоке СССР в условиях индустриализационной парадигмы. Новосибирск, 2012.
16. Кузнецов И.С. У истоков Академгородка: строительство города науки в Сибири (1957–1964). Новосибирск, 2007.
17. Куперштхой Н.А. Кадры академической науки Сибири (середина 1950-х – 1960-е гг.). Новосибирск, 1999.
18. Куперштхой Н.А. Научные центры Сибирского отделения РАН. Новосибирск, 2006.
19. Кузнецов И.С. Новосибирский Академгородок в 1968 году: «Письмо сорока шести». Новосибирск, 2007.
20. Kotkin S. 1991 and the Russian Revolution: Sources, Conceptual Categories, Analytical Frameworks // Journal of Modern History. 1998. № 2. Р. 384–425.
21. Кукулин И.В. Периодика для ИТР: советские научно-популярные журналы и моделирование интересов позднесоветской научной интелигенции // НЛО. 2017. № 3.
22. Альтюссер Л. Идеология и идеологические аппараты государства // Неприкосновенный запас. 2011. № 3.
23. Куперштхой Н.А. Академик С.А. Христианович и его роль в организации Сибирского отделения АН СССР // Советская региональная культурная политика: проблемы изучения. Новосибирск, 2004. С. 169–190.
24. De Solla Price D. *Little science, Big Science*. Columbia University Press, 1962.
25. Добрецов Н.Л. «Треугольник Лаврентьев»: принципы организации науки в Сибири // Вестник РАН. 2001. № 5. С. 428–436.
26. Фокин А.А. «Коммунизм не за горами». Образы будущего у власти и населения СССР на рубеже 1950–60-х годов. М., 2017.
27. Латур Б. Где приземлиться. Опыт политической ориентации. СПб., 2019.
28. Коевников А. *The Phenomenon of Soviet Science // Osiris*. 2008. Vol. 23. Р. 115–135.
29. Гессен Б.М. Социально-экономические корни механики Ньютона. М.; Л., 1933.
30. Кун Т. Структура научных революций. М., 1977.
31. Bloor D. *Knowledge and Social Imagery* (2nd edition). Chicago, 1991.
32. Латур Б. Наука в действии: следя за учеными и инженерами внутри общества. СПб., 2013.
33. Латур Б. Нового времени не было. СПб., 2006.
34. Берк П. Что такое культуральная история? М., 2015.
35. Потапова Н.Д. Лингвистический поворот в историографии. СПб., 2015.
36. Напреенко И.В. Делегирование агентности в концепции Бруно Латура: как собрать гибридный коллектив киборгов и антропоморфов? // Социология власти. 2015. № 1. С. 108–121.
37. Rose J. What are Cultural Studies of Scientific Knowledge? // Configurations. 1992. № 1. Р. 57–94.
38. Орлова Г.А. Собирая проект. От составителя раздела // ШАГИ/STEPS. 2016. № 1. С. 154–166.
39. Ханджко Р.И. Территория политической аномалии: партийная жизнь в советском атомном городе 1950–60-х годов // ШАГИ/STEPS. 2016. № 1. С. 167–199.
40. Орлова Г.А. Город институтов. Заметки о ядерной топологии // Социология власти. 2017. № 4. С. 68–103.
41. Орлова Г.А. Физики-ядерщики в борьбе за космос. Апокриф // Вестник ПНИПУ. Культура. История. Философия. Право. 2018. № 2. С. 108–126.
42. Касаткина А.К. «ВКонтакте» с историей: историческая культура соучастия в группе «Ретро Обнинск» // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2017. № 7.
43. Касаткина А.К. На пути к открытым качественным данным // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2016. № 7.
44. Орлова Г.А. Е-Оксюморон: дигитальное как качественное // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2016. № 7.
45. Орлова Г.А. Со-авторизация, но не соавторство: приключение транскрипта в цифровую эпоху // ШАГИ/STEPS. 2016. № 1. С. 200–223.
46. Орлова Г.А. Как смотреть на «город мирного атома» из социальной сети? Или в поисках утраченной современности // Социология власти. 2018. № 3. С. 93–126.
47. Kasatkina A., Orlova G. Wide open qualitative data: the Obninsk digital problem as ethical dispositive // Russian Journal of communication. 2017. № 3. Р. 328–335.
48. Орлова Г.А. Цифровой проект в пространстве галереи: репетируя сборку // Практики и интерпретации: журнал филологических, образовательных и культурных исследований. 2016. № 4. С. 94–100.
49. Артемов Е.Т., Бедель А.Э. Укрощение урана. Страницы истории Уральского электрохимического комбината. Екатеринбург, 1999.
50. Артемов Е.Т. Атомный проект в координатах сталинской экономики. М., 2017.
51. Мельникова Н.В. Феномен закрытого атомного города. Екатеринбург, 2006.
52. Мельникова Н.В. Формирование образа «атомного» СССР на Западе в 1945–50 гг. // Военно-исторический журнал. 2016. № 23. С. 38–44.
53. Мельникова Н.В. Женская занятость в советском атомном проекте // Российская история. 2017. № 2. С. 65–77.

Статья представлена научной редакцией «История» 31 августа 2020 г.

Akademgorodok's "Big" History: Soviet Science Cities Historiography and Perspectives for Cultural History
Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 459, 140–147.

DOI: 10.17223/15617793/459/18

Mikhail O. Piskunov, University of Tyumen (Tyumen, Russian Federation), E-mail: mpiskunov@eu.spb.ru

Keywords: cultural studies of science; STS; environmental history; Novosibirsk Akademgorodok; science cities; Obninsk digital project.

The study is supported by the Russian Science Foundation, Project No 20-68-46044: Imaginary Anthropocene: Environmental Knowledge Production and Transfers in Siberia in the XX–XXI Centuries.

The aim and genre of the article is historiographic analysis and reflection on the potential history of Soviet science cities through the case of Novosibirsk Akademgorodok. The author reviews different approaches and theories to find an appropriate one for a modern study of Akademgorodok and social history of Soviet/post-Soviet science. It is quite a difficult problem because Akademgorodok is a complex space in which different contexts and social subjects intersect. The interest of traditional historiography in both Akademgorodok and Russian/Soviet history of science is pretty often connected with institutional questions (history of organizations, state policy, political dissidence) or chronicles of discoveries. The author's view is that the shift of research interest in the urban space of Akademgorodok, in micropolitics within scientific organizations, in laboratory studies within STS could give historians new contexts for big problem sets in the USSR (e.g. restart of a communist perspective in Khrushchev's time) or even in the world (e.g. forms of the Big Science stage). The author's research methodology is based on a broad field of modern cultural studies of science (including traditional externalist approaches to the history of science and specific Bruno Latour's actor-network theory or Donna Haraway's cyberfeminist perspective). The article consists of two parts describing historiographic contexts of world and Soviet/Russian studies of science. In the first part, the author observes the connection between Russian/Soviet history of science and "big" social/political history and discusses two historiographic cases: (1) the case of Lysenkoism, which is the richest field of the Russian discipline that shows strong and weak sides of Russian history of science historiography; (2) the case of Akademgorodok and perspective research directions this field could initiate. The author proposes three possible contexts of new Soviet science cities history: (1) Akademgorodoks (not just in Novosibirsk but in Tomsk, Krasnoyarsk, and Irkutsk) as "Big Science" late-Soviet managerial projects; (2) the social anthropology of Novosibirsk Akademgorodok, search for its social, gender, academic diversity; (3) the environmental history of Akademgorodok's forests and parks, and the entire role of the Siberian Academy in raising ecological issues since the 1960s (Baikal discussion). The second part of the article is a schematic description and discussion of world science studies trajectories from first semi-philosophical works to the field of cultural studies of science. Summing up, the author makes an emphasis in Russian that the history of science is a historical discipline, it should proceed from historiographic contexts of "big" history and change them by its own contexts. The author finishes the article with a brilliant example of the Obninsk digital project and its consequences for the renovation of history as a science; such studies of science reflect the position of an academic scholar and relation to his/her sources.

REFERENCES

1. Kolchinskiy, E.I. (2013) *Istoriko-nauchnoe soobshchestvo v Leningrade – Sankt-Peterburge v 1950–2010-e gody: lyudi, traditsii, sversheniya* [Historical scientific community in Leningrad–St. Petersburg in the 1950s–2010s: People, traditions, achievements]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya.
2. Ringer, F. (2008) *Zakat nemetskikh mandarinov* [The Decline of the German Mandarins]. Translated from English. Moscow: NLO.
3. Medvedev, Zh.A. (1993) *Vzlet i padenie Lysenko* [The rise and fall of Lysenko]. Moscow: Kniga.
4. Aleksandrov, V.Ya. (1993) *Trudnye gody sovetskoy biologii. Zapiski sovremennika* [Difficult years of Soviet biology. Notes of a contemporary]. St. Petersburg: Nauka.
5. Shnol', S.E. (1997) *Geroi i zlodei rossiyskoy nauki* [Heroes and villains of Russian science]. Moscow: Kron-press.
6. Sofyer, V. (2002) *Vlast' i nauka. Razgrom kommunistami genetiki v SSSR* [Power and Science. The defeat of genetics by the communists in the USSR]. Moscow: CheRo.
7. Korochkin, L.I. (2008) *Neolysenkovshchina v rossiyskoy biologii* [Neo-Lysenkoism in Russian biology]. V zashchitu nauki. 3. pp. 115–125.
8. Zhivotovskiy, L.A. (2014) *Neizvestnyy Lysenko* [The unknown Lysenko]. Moscow: T-vo nauchnykh izdanij KMK.
9. Graham, L. (1991) *Estestvoznanie, filosofiya i nauki o chelovecheskom povedenii v Sovetskem Soyuze* [Science, philosophy, and human behavior in the Soviet Union]. Translated from English. Moscow: Politizdat.
10. Krementsov, N.L. (1997) *Printsip konkurentnogo isklyucheniya* [The principle of competitive exclusion]. In: Kolchinskiy, E.I. (ed.) *Na perelome. Sovetskaya biologiya v 1920–30-kh godakh* [At the turning point. Soviet biology in the 1920s and 1930s]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya.
11. Kuznetsov, I.S. (2014) Modern historiography of Novosibirsk Academgorodok. *Vestnik NGU. Istoryya, filologiya – Vestnik Novosibirsk State University. Series: History and Philology*. 1. pp. 130–140. (In Russian).
12. Zubok, V. (2009) *Zhivago's Children: The last Russian Intelligentsia*. Harvard University Press.
13. Josephson, P. (1997) *New Atlantis revisited: Akademgorodok, the Siberian City of Science*. Princeton: Princeton UP.
14. Artemov, E.T. (2006) *Nauchno-tehnicheskaya politika v sovetskoy modeli pozdneindustrial'noy modernizatsii* [Scientific and technical policy in the Soviet model of late industrial modernization]. Moscow: ROSSPEN.
15. Vodichev, E.G. (2012) *Nauka na vostoke SSSR v usloviyah industrializatsionnoy paradigm* [Science in the East of the USSR in the context of the industrialization paradigm]. Novosibirsk: Geo.
16. Kuznetsov, I.S. (2007) *U istokov Akademgorodka: stroitel'stvo goroda nauki v Sibiri (1957–1964)* [At the origins of Akademgorodok: Construction of a city of science in Siberia (1957–1964)]. Novosibirsk: Novosibirsk State University.
17. Kupershokh, N.A. (1999) *Kadry akademicheskoy nauki Sibiri (seredina 1950-kh – 1960-e gg.)* [Personnel of the academic science of Siberia (mid-1950s–1960s)]. Novosibirsk: SB RAS.
18. Kupershokh, N.A. (2006) *Nauchnye tsentry Sibirskogo otdeleniya RAN* [Scientific centers of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences]. Novosibirsk: Geo.
19. Kuznetsov, I.S. (2007) *Novosibirskiy Akademgorodok v 1968 godu: "Pis'mo soroka shesti"* [Novosibirsk Akademgorodok in 1968: "Letter of the forty-six"]. Novosibirsk: Klio.
20. Kotkin, S. (1998) 1991 and the Russian Revolution: Sources, Conceptual Categories, Analytical Frameworks. *Journal of Modern History*. 2. pp. 384–425.
21. Kukulin, I.V. (2017) Periodika dlya ITR: sovetskie nauchno-populyarnye zhurnaly i modelirovaniye interesov pozdnesovetskoy nauchnoy intelligentsii [Periodicals for engineers and technicians: Soviet popular science journals and modeling of the interests of the late Soviet scientific intelligentsia]. NLO. 3.
22. Al'tyusser, L. (2011) Ideologiya i ideologicheskie apparaty gosudarstva [Ideology and ideological apparatus of the state]. *Neprikosnovennyj zapis*. 3.
23. Kupershokh, N.A. (2004) Akademik S.A. Khristianovich i ego rol' v organizatsii Sibirskogo otdeleniya AN SSSR [Academician S.A. Khristianovich and his role in the organization of the Siberian branch of the USSR Academy of Sciences]. In: Krasil'nikov, S.A. (ed.) *Sovetskaya regional'naya kul'turnaya politika: problemy izucheniya* [Soviet regional cultural policy: Problems of study]. Novosibirsk: [s.n.]. pp. 169–190.
24. De Solla Price, D. (1962) *Little Science, Big Science*. Columbia University Press.
25. Dobretsov, N.L. (2001) "Treugol'nik Lavrent'eva": printsipy organizatsii nauki v Sibiri [The "Lavrent'ev triangle": Principles of organizing science in Siberia]. *Vestnik RAN*. 5. pp. 428–436.

26. Fokin, A.A. (2017) "Kommunizm ne za gorami". *Obrazy budushchego u vlasti i naseleniya SSSR na rubezhe 1950–60-kh godov* [“Communism is not far off.” Images of the future in power and the population of the USSR at the turn of the 1960s]. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya.
27. Latour, B. (2019) *Gde prizemlit'sya. Opyt politicheskoy orientatsii* [Down to earth : politics in the new climatic regime]. Translated from French by A. Shestakov. St. Petersburg: European University at St. Petersburg.
28. Kojevnikov, A. (2008) The Phenomenon of Soviet Science. *Osiris*. 23. pp. 115–135.
29. Gessen, B.M. (1933) *Sotsial'no-ekonomicheskie korni mekhaniki N'yutona* [The Social and Economic Roots of Newton's Principia]. Moscow; Leningrad: GTTI.
30. Kuhn, T. (1977) *Struktura nauchnykh revolyutsiy* [The Structure of Scientific Revolutions]. Moscow: Progress.
31. Bloor, D. (1991) *Knowledge and Social Imagery*. 2nd ed. Chicago: University of Chicago Press.
32. Latour, B. (2013) *Nauka v deystviyakh: sleduya za uchenymi i inzhenerami vnutri obshchestva* [Science in Action: How to Follow Scientists and Engineers Through Society]. Translated from French. St. Petersburg: European University at St. Petersburg.
33. Latour, B. (2006) *Novogo vremeni ne bylo* [We Have Never Been Modern]. Translated from French. St. Petersburg: European University at St. Petersburg.
34. Berke, P. (2015) *Chto takoe kul'tural'naya istoriya?* [What Is Cultural History?]. Translated from English. Moscow: HSE.
35. Potapova, N.D. (2015) *Lingvisticheskiy poverot v istoriografii* [A linguistic turn in historiography]. St. Petersburg: European University at St. Petersburg.
36. Napreenko, I.V. (2015) Delegation of agency in the concept of Bruno Latour: How to build up a heterogeneous collective of cyborgs and anthropomorphs?. *Sotsiologiya vlasti – Sociology of Power*. 1. pp. 108–121. (In Russian).
37. Rose, J. (1992) What are Cultural Studies of Scientific Knowledge? *Configurations*. 1. pp. 57–94.
38. Orlova, G.A. (2016) Foreword to the cluster: Assembling the project. *Shagi – Steps*. 1. pp. 154–166. (In Russian).
39. Khandozhko, R.I. (2016) Territory of political anomaly: Party life in a soviet atomic city in the 1950s–1960s. *Shagi – Steps*. 1. pp. 167–199. (In Russian).
40. Orlova, G.A. (2017) The city of research institutes: Notes on the nuclear topology. *Sotsiologiya vlasti – Sociology of Power*. 4. pp. 68–103. (In Russian).
41. Orlova, G.A. (2018) Nuclear physicists in the struggle for the right to outer space. Apocrypha. *Vestnik PNIPU. Kul'tura. Istorya. Filosofiya. Pravo – Bulletin of PNIPU. Culture. History. Philosophy. Law*. 2. pp. 108–126. (In Russian). DOI: 10.15593/perm.kipf/2018.2.09
42. Kasatkina, A.K. (2017) Contacting History in the “VKontakte”: Participatory Historical Culture in the Social Networking Group “Retro Obninsk”. *Istorya*. 7. (In Russian).
43. Kasatkina, A.K. (2016) Towards open qualitative data. *Istorya*. 7. (In Russian).
44. Orlova, G.A. (2016) E-oxymoron: Digital as qualitative. *Istorya*. 7. (In Russian).
45. Orlova, G.A. (2016) Co-authorization, not co-authorship: The adventures of transcript in the digital age. *SHAGI – STEPS*. 1. pp. 200–223. (In Russian).
46. Orlova, G.A. (2018) How to look at “the city of the peaceful atom” from the perspective of the social network? Or: In search of lost modernity. *Sotsiologiya vlasti – Sociology of Power*. 3. pp. 93–126. (In Russian).
47. Kasatkina, A. & Orlova, G. (2017) Wide open qualitative data: The Obninsk digital problem as ethical dispositif. *Russian Journal of Communication*. 3. pp. 328–335.
48. Orlova, G.A. (2016) Digital project in the gallery: Coaching the assemblage. *Praktiki i interpretatsii: zhurnal filologicheskikh, obrazovatel'nykh i kul'turnykh issledovanii – Practices & Interpretations. A Journal of Philology, Teaching and Cultural Studies*. 4. pp. 94–100. (In Russian).
49. Artemov, E.T. & Bedel', A.E. (1999) *Ukroshchenie urana. Stranitsy istorii Ural'skogo elektrokhimicheskogo kombinata* [The taming of uranium. Pages of the history of the Ural Electrochemical Plant]. Yekaterinburg: Ural State University.
50. Artemov, E.T. (2017) *Atomnyy proekt v koordinatakh stalinskoy ekonomiki* [The atomic project in the coordinates of the Stalinist economy]. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya.
51. Mel'nikova, N.V. (2006) *Fenomen zakrytogo atomnogo goroda* [The closed nuclear city phenomenon]. Yekaterinburg: Bank kul'turnoy informatsii.
52. Mel'nikova, N.V. (2016) Shaping by the West of the nuclear Soviet Union's image from 1945 to 1950. *Voenno-istoricheskiy zhurnal*. 23. pp. 38–44. (In Russian).
53. Mel'nikova, N.V. (2017) Zhenskaya zanyatost' v sovetskoy atomnom proekte [Women's employment in the Soviet atomic project]. *Rossiyskaya istoriya*. 2. pp. 65–77.

Received: 31 August 2020

B.B. Расколец, A.H. Сорокин

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ НАУКИ В ТОМСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ В 1991–1999 гг. (ПО МАТЕРИАЛАМ ГАЗЕТЫ «ALMA MATER»)

Работа выполнена при поддержке гранта Президента РФ, проект № МК-2449.2020.6 «Третья роль университетов Западной Сибири: историческая динамика, проблемы и ответы на вызовы современности»; гранта РФФИ, проект № 18-39-20008 «Университетское сообщество Западной Сибири как основа интеллектуального капитала территории и драйвер социокультурной и экономической модернизации страны в XIX–XX вв.».

Выявляется источниковый потенциал органа периодической печати «Alma Mater» для реконструкции истории развития науки Томского государственного университета в 1991–1999 гг. По итогам исследования авторы приходят к выводу, что газета «Alma Mater» обладает высоким источниковым потенциалом, позволяя реконструировать научную политику ректората, положения основных научных подразделений; грантовую и проектную деятельность исследователей.

Ключевые слова: Томский государственный университет; «Alma Mater»; 1990-е гг.; научное развитие; вузовская наука; научно-исследовательские институты.

Ректор Высшей школы экономики Я.И. Кузьминов в работе «Наши университеты», вышедшей в кризисный 2008 г., дал следующую оценку их современному положению: «...только исследовательский университет, независимо от своего конкретного типа, способен сохранять коренные черты университета вообще. Эволюция “преимущественно образовательных” форм университетов ведет к размыванию академического ядра их деятельности и, в конечном счете, превращению такой организации в псевдофирму, клуб или госучреждение при сохранении “пустой формы” университета» [1. С. 46]. При этом исследовательский университет противопоставляется другим довольно распространенным типам: предпринимательскому университету, университету-супермаркету, дистанльному университету, университетскому клубу. Главным недостатком первых трех является чрезмерный перекос в сторону коммерческой деятельности и всесилье университетской администрации, которые приводят (в совокупности) к размыванию университетской корпорации и исчезновению самого университета. Недостатком же последнего является отсутствие связей между преподавателями, раздробленность университета на сотню небольших автономных коллективов. Всесилье этих коллективов, заботящихся только о своих привилегиях, со временем делает университет архаичным, консервативным и в конечном итоге обрекает его на отставание.

Появление этих нежизнеспособных форм университетов, согласно Я.И. Кузьминову, обусловлено среди прочего недофинансированием со стороны государства. В связи с этим исследовательский интерес представляет изучение положения высшей школы, в особенности ее исследовательской составляющей в 1990-е гг., когда финансирование со стороны государства резко упало, а вузы были вынуждены разрабатывать собственные адаптивные стратегии развития в условиях становления рыночной экономики.

В качестве объекта исследования был выбран Томский государственный университет – успешный пример развития регионального исследовательского университета, оказавшегося, так же как и другие университеты, в непростых социально-экономических

условиях 1990-х гг. Материалом для реконструкции истории выступила университетская газета «Alma Mater», освещавшая все важнейшие события в жизни университета, его проблемы и достижения. Изучение материалов этой газеты позволяет исследователю реконструировать научное развитие ТГУ с позиции «значимых» для современников событий. Таким образом, цель предстоящего исследования – реконструкция научного развития Томского государственного университета в 1991–1999 гг. через выявление и реализацию источникового потенциала газеты «Alma Mater».

Университетская газета «Alma Mater» до середины апреля 1991 г. являлась органом парткома, ректората, месткома, комитета ВЛКСМ и профкома Томского государственного университета им. В.В. Куйбышева и носила название «За советскую науку». Смена названия во многом стала отражением трансформации общества и высшей школы. Объем выпуска «Alma Mater» разился в зависимости от конкретного года. Если в 1991–1994 гг. номер университетской газеты по сравнению с 1970–1980 гг. не изменился и составлял четыре полосы (за исключением выпусков, приуроченных к приемной кампании университета), то в 1995 г. он возрос до 8 полос, а с 1998 г. составлял от 8 до 16 полос или больше (в зависимости от цели выпуска). В зависимости от этого менялся источниковый потенциал газеты. Однако для исследуемой нами проблемы это значение не было столь ощутимым, поскольку вопросам научного развития университета в газете отводилось значительное место.

Научная политика ректората ТГУ и общее состояние университета

Одной из важных проблем, прослеживаемой в публикациях «Alma Mater», являлась научная политика ректората Томского государственного университета. В 1990-е гг. университет возглавляли три ректора: профессор Ю.С. Макушкин (до октября 1992 г.), профессор М.К. Свиридов (январь 1993 г. – февраль 1995 г.) и профессор Г.В. Майер (с марта 1995 г. до конца изучаемого в статье периода) [2. С. 154–178]. Анализ

публикаций «Alma Mater» позволяет составить представление о стратегии развития университета, заявленной каждым ректором и его командой (проректор по учебной работе, проректор по научной работе, проректор по международным связям и др.). Для всех упомянутых выше ректоров главным являлось сохранение ТГУ в качестве университета классического типа с мощной исследовательской составляющей. Преемственность этого курса, очевидно, выходила за нижнюю хронологическую границу рассматриваемого периода. Не случайно в день празднования 120-летнего юбилея ТГУ бывший ректор ТГУ (1967–1983) профессор А.П. Бычков напомнил о сути классического университета: «Надо, чтобы все в университете постоянно помнили: ТГУ – это центр науки, образования и культуры. Если хоть один из этих компонентов будет отсутствовать, то вывеску “Университет” надо снять. Ведь наука, образование и культура – это то, на чем мы должны держаться и что должны развивать» [3].

Преемственность в области стратегии развития университета была обусловлена в том числе и преемственностью профессиональной: М.К. Свиридов был первым проректором при Ю.С. Макушкине, Г.В. Майер на протяжении ректорства М.К. Свиридова занимал должность проректора по науке. Тоже можно сказать и о других проректорах университета: М.Д. Бабанский (первый проректор в 1993–2013), А.С. Ревушкин (проректор по учебной работе в 1993–2013), Г.Е. Дунаевский (проректор по производственно-экономической работе в 1993–2003), А.Г. Тимошенко (проректор по международным связям в 1992–1998, 2000–2003) и др. [4. С. 414]. В итоге получилось так, что основной костяк «команды» по развитию ТГУ сформировался практически полностью уже в 1993 г. Исключением стала должность проректора по научной работе. С 1995 по 1998 г. ее занимал заведующий отделом механики реагирующих сред НИИ ПММ профессор В.И. Зинченко, а с 1998 г. до конца изучаемого периода – директор НИИ ББ профессор В.Н. Стегний. Но смена проректоров по научной работе кардинальным образом не повлияла на преемственность курса.

Сохранение за ТГУ статуса классического университета исследовательского типа означало для ректоров противостояние деструктивным внешним и внутренним процессам и выработку грамотной тактики развития в условиях ограниченности ресурсов. Носятелем этого классического университета являлся его профессорско-преподавательский и научный состав, а главный приоритет руководства в этот период – сохранение учебного и научно-исследовательского потенциала вуза, сконцентрированного в научных школах. В меньшей степени это относится к периоду ректорства Ю.С. Макушкина (срок его ректорства закончился уже осенью 1992 г.). Здесь стоит выделить публикацию под названием «Университет, как центр образования, науки и культуры», вышедшую по итогам доклада ректора на заседании ученого совета ТГУ. В нем Ю.С. Макушкин выделил основные успехи университета, связанные, по его мнению, с главным направлением развития высшей школы в этот период – гуманизацией и гуманитаризацией об-

разования, т.е. «формирования целостной системы научных знаний об окружающем мире (природе), человеке и обществе в гармонии с общечеловеческими моральными ценностями» [5]. Несмотря на то что напрямую о классическом университете в докладе сказано не было, сама установка на создание системы, основанной на ценностях человека, балансе гуманистической и естественно-научной составляющей, перекликалась с тремя принципами Гумбольдта,ложенными в основу модели классического университета [6. С. 46–47].

Первое интервью М.К. Свиридова в качестве ректора, напечатанное на страницах университетской газеты, так и называлось: «Сохранить классический тип университета». Констатировав серьезные трудности, возникшие перед ТГУ в период перехода к рынку, ректор, тем не менее, отметил, что ТГУ за счет наличия трех уникальных блоков – гуманитарного, естественно-научного, физико-математического (каждый из которых был обеспечен НИИ) – был способен заложить фундаментальную основу для дальнейшего саморазвития человека – специалиста не с «замкнутыми мозгами», а с гуманитарным и экологическим мышлением, без которых, по его мнению, было не обойтись. Этот пассаж ректора опять-таки отсылает нас к модели классического университета Гумбольдта [7].

Очевидно, что устойчивость развития научных школ университета мог обеспечить только университет, обладающий разнообразными каналами финансирования. Однако «сохранение университета», с точки зрения М.К. Свиридова, подразумевало противодействие его сползанию на положение «корпорации по зарабатыванию денег» (к чему прибегали многие региональные университеты). Спустя год после вступления на должность он по-прежнему отмечал, что судьба университета будет зависеть от того, сможет ли он «сохранить свою основу – фундаментальные научные школы, ту особую университетскую атмосферу, которая его всегда отличала. В этом, – указывал М.К. Свиридов, – я вижу главную проблему. Молодые профессора и преподаватели уже не те, что были раньше. Не секрет, что некоторые из них, не уходя из университета, реализуют весь свой потенциал на стороне, зарабатывая несравнимые с университетским жалованием средства. Мне трудно винить их в этом, хотя это опасная, разрушительная для университета тенденция. Поэтому наряду с фундаментальными научными коллективами мы должны иметь и структуры, способные дать возможность дополнительного заработка преподавателям» [8].

В первый период ректорства Г.В. Майера преемственность в области научной политики сохранилась. В программе нового ректора первые три места заняли: 1) сохранение ведущих научно-педагогических школ университета; 2) создание условий для роста талантливой молодежи; 3) укрепление системы подготовки кадров высокой квалификации на основе интеграции учебного процесса и фундаментальных научных исследований [9]. В целом же в рассматриваемый период в «Alma Mater» не публиковалось статей, в которых бы развернуто и целостно излагались взгляды

Г.В. Майера. Несмотря на то, что уже в 1998 г. выходят первые работы Г.В. Майера, посвященные различным проектам, осуществляемым в ТГУ [10–11]. Это достаточно резко контрастирует с периодом 2000-х гг., когда вышло достаточно трудов, где ректор рассуждал о стратегии развития университета и проблемах, связанных с этим [12–13].

Вместо этого в газете отразилось множество статей Г.В. Майера, посвященных преимущественно текущим проблемам развития университета. Примечательна здесь статья «О концепциях очередного этапа реформирования системы высшего образования и задачах и направлениях деятельности Томского университета», опубликованная в «*Alma Mater*» 10 октября 1997 г. В ней ректор рассуждал о тенденциях развития высшей школы РФ в связи грядущей реформой высшего образования со стороны правительства (которая не состоялась по причине экономического кризиса в 1998 г.). В частности, он указал на следующие процессы, протекающие в высшей школе, которые было необходимо учесть при формировании стратегии развития университета: 1) востребование обществом в целом и рынком труда в частности науки через практически значимые научные результаты; 2) ограничение финансирования университета из центра федеральным заказом, который не в состоянии удовлетворить в полной мере задачи развития университета; 3) устойчивая тенденция на интеграцию в целом в сфере образования и науки; 4) формирование такой ситуации в высшей школе, когда есть конкуренция во всем и на всех уровнях (федеральном, региональном, муниципальном); 5) усиление требований в области оптимизации и экономии всех видов ресурсов в университете.

Последним по списку, но не по значению был «вызов» для научно-исследовательских университетов ТГУ. Проблема заключалась в том, что в бюджете правительства наука и образование финансировались из разных строк: по строке «Наука» финансировалась преимущественно РАН и другие академии, по строке «Образование» – Минобразование. Такое финансирование фактически создавало две формы науки в России: академическую и вузовскую. Последняя получала намного меньше денег. «Руководство Минобразования, – отмечал Г.В. Майер, – это хорошо понимают, но достаточно могущественные силы противодействуют получению вузами бюджетных средств из строки бюджета “Наука”» [14]. Выходом для НИИ в такой ситуации мог быть только один – усиление внебюджетной научно-исследовательской деятельности, а также создание «реально действующих, интегрированных по существу, а не формально, учебно-научных комплексов».

В остальном же в «*Alma Mater*» за авторством Г.В. Майера печатались материалы преимущественно отчетно-аналитического характера (о них пойдет речь ниже), отличающиеся pragmatичностью и строгостью изложения. Это отвечало его профессиональным качествам. Корреспондент «*Alma Mater*» в день 50-летия ректора писал: «...сочетание здорового консерватизма (как приверженности традициям) и открытости всему новому, идет на пользу университету, мо-

бильность и жесткий pragmatism в решении проблем помогают ему справиться с этой нелегкой задачей – руководить таким вузом, как наш» [15].

Адаптация классического университета к условиям рынка, таким образом, требовала диверсификации источников финансирования. В устах ректоров и проректоров ТГУ, в связи с этим, часто фигурировал тезис о сочетании в развитии университета «традиций и инноваций». Например, в качестве одной из таких «инноваций», по мнению проректора по учебной работе ТГУ А.С. Ревушкина, было введение в университете платного обучения [16]. Возможности коммерческой реализации научных результатов в стенах ТГУ должна была послужить и созданная летом 1993 г. производственно-экономическая служба. Новая структура, курируемая ректоратом, должна была включать в себя четыре отдела, отвечающих: 1) за «учебный бизнес» с участием профессорско-преподавательского состава университета; 2) научно-производственную и внедренческую деятельность; 3) коммерческую деятельность, а также создание учебных структур. Четвертый отдел должен был включать «Совет попечителей» и «Ассоциацию выпускников» как потенциальных заказчиков, спонсоров и бизнес-партнеров [17].

Частью стратегии развития вуза в годы ректорства М.К. Свиридова стала либерализация внутри университета по линии «ректорат – учебные и научные подразделения». Эта политика была обусловлена не только всеобщей либерализацией общественной жизни в стране или институциональными особенностями молодого российского университета, но подразумевала под собой конкретные прагматичные задачи руководства.

Идея усиления самостоятельности факультетов (вплоть до придания им статуса юридического лица) отчетливо прозвучала в программном выступлении М.К. Свиридова при его избрании на должность ректора. Руководство ТГУ в эти годы не раз отмечало, что структура университета, состоящая из автономных учебно-научных институтов, – это идеал, к которому надо стремиться [16]. При этом ссылались на опыт развития зарубежных университетов, а также МГУ. Результатом направленной политики стала новая редакция Устава университета (апрель 1994 г.), в которой структурные подразделения университета, осуществляющие по доверенности университета правомочия юридического лица, могли иметь дополнительные права по распоряжению имуществом и финансами, которые закрепляются в положениях [18. С. 24].

Следующий шаг в хозяйственной самостоятельности факультетов был сделан в октябре 1994 г., когда ректором был подписан приказ о поэтапном расширении хозяйственной самостоятельности структурных подразделений университета. Для подразделений вводился частичный хозрасчет, что подразумевало частичное погашение ими расходов, составлявших ранее заботу университета [19]. Таким образом, усиление хозяйственной и административной самостоятельности факультетов отвечало не только духу либерализации, но и работало на «стратегию выживания» вуза.

Эти выводы подтверждаются воспоминаниями современников. По мнению профессора Г.Е. Дунаевско-

го (проректор по производственно-экономической работе ТГУ в 1993–2003 гг.), к середине 1990-х гг. в Томском государственном университете были сформированы основные принципы организации научной деятельности, основу которых составляли самостоятельность и активность исследователя (или коллектива), автономность финансовой, бухгалтерской и кадровой служб науки в структуре общеуниверситетского управления. Важно, что в период самой напряженной для вузовской экономики середины 1990-х гг. руководство университета сохранило все эти принципы. А во многих вузах руководство старалось ликвидировать финансово-кадровую автономию вузовской науки с весьма эфемерной целью – сократить штат сотрудников. Другие же вузы пытались увеличить долю «накладных расходов» для подразделений в пользу университета, что также никак не способствовало росту научной активности преподавателей и научных работников [4. С. 327–328].

Вопросы тактики (текущей политики) научного развития отразились в ежегодных отчетах и докладах ректоров ТГУ, в которых подводились итоги прошедшего года и ставились задачи на следующий. Эти доклады стали регулярно печататься в «Alma Mater» с 1996 г. [19–20]. Доклады проректоров по научной работе печатались реже и нерегулярно [21–22]. До 1996 г. о проблемах развития ТГУ позволяют составить представление публикации, посвященные аттестации университета Госкомвузом в 1991 и 1996 гг. [23–25]. Целью этих публикаций, было, разумеется, не только ознакомление университетского сообщества с проблемами и задачами университета, но и демонстрация успешности развития ТГУ в столь непростой период развития, правильности выбранного ректоратом курса. В условиях стремительного сужения научно-исследовательской сферы в России и падения социального статуса профессорско-преподавательского и научного состава такое моральное вознаграждение играло большую роль.

Положение основных научных подразделений

Важное место на страницах «Alma Mater» занимали сюжеты, связанные с деятельностью подразделений университета: научно-исследовательских институтов, лабораторий и кафедр. К началу 1992 г. при Томском государственном университете функционировало пять основных НИИ: Сибирский физико-технический институт (СФТИ), Научно-исследовательский институт прикладной математики и механики (НИИ ПММ), Научно-исследовательский институт биологии и биофизики (НИИ ББ), Ботанический сад университета, а также Институт социально-экономических и гуманитарных проблем Сибири.

Принято считать, что в годы перестройки экономики вузовские НИИ оказались в условиях практически полного отсутствия заказов со стороны государства и промышленных предприятий. Отраслевой заказчик исчез как в плане формулирования проблем или отбора готовых решений, так и в плане возможного внедрения результатов завершенных НИР. Даже в тех отраслях, где научно-направленные подразделе-

ния сохранялись (оборона, космос, атомная энергетика и др.), финансирование исследований в университетах было резко сокращено, исключение составляли разве что немногочисленные «подведомственные» вузы [4. С. 319]. Поток хоздоговоров иссяк, в крайне редких случаях отдельные предприятия были готовы купить полностью завершенную и готовую к немедленному использованию разработку или технологию. При этом средства на доведение НИР до стадии конечного пользования вуз должен был изыскать сам. С НИИ же, ориентированными на фундаментальные исследования, не имеющими возможности создания коммерческих продуктов, ситуация оказалась еще хуже – они фактически оказались на грани ликвидации.

Являлось ли исключением положение НИИ Томского государственного университета в 1990-е гг.? Возьмем для примера НИИ ББ, проведя диахронный сравнительно-исторический анализ. В 1970-х – начале 1980-х гг. базовое финансирование института составляло 700 тыс. руб. Примерно такую же сумму он зарабатывал за счет хоздоговоров. При плате за тепло или электроэнергию в среднем 24 тыс. руб. в год институт вел безбедное существование. Его штат составлял 250 человек со средней зарплатой 180 руб. в месяц. Институт имел деньги на материалы и приборы, экспедиции и содержание своего автопарка из 12 машин.

В 1993 г. общий объем средств НИИ ББ с учетом многолетней гиперинфляции составил 188 млн руб. (общий объем научно-исследовательских работ ТГУ в этот год составил 1 млрд 214 млн руб.), из которых базовое финансирование от государства – 57 млн руб. Если бы институт не сократил расходы на теплоэнергию, то эти 57 млн руб. из федерального бюджета целиком ушли бы на оплату счетов.

В 1990–1992 гг. НИИ ББ стремился не утратить статус-кво, полностью сохранив научные коллективы института. Однако к концу 1992 г., по словам директора НИИ ББ Г.Ф. Плехнова, стало очевидно, что социально-экономический кризис затягивается на неопределенный срок. В этих условиях советом института было принято решение о реальном сокращении численности персонала и о переводе значительной его части на прикладные работы. Зарплата же 160 сотрудников (столько их осталось после сокращения) с начислениями равнялась 166 млн руб. Таким образом, весь бюджет НИИ ББ почти целиком поглощали заработка плата и накладные институтские расходы. О каком-либо совершенствовании исследовательской базы, проведении широкомасштабных комплексных экспедиций речи не шло.

В 1993–1998 гг. число сотрудников в НИИ ББ сократилось со 160 до 100 человек (включая 10 докторов и 27 кандидатов биологических наук). Руководство НИИ старалось восполнить сокращения сотрудников подготовкой собственных кадров: с 1995 по 1997 г. в НИИ ББ было защищено пять докторских и восемь кандидатских диссертаций.

В 1998 г. (в год 30-летнего юбилея НИИ ББ) его работа велась в составе трех отделов: молекулярной биологии, физиологии и экологии. Научные направления НИИ ББ охватывали в этот период основные проблемы биологии и экологии Сибири: молекуляр-

ные и популяционно-генетические механизмы адаптации эволюции организмов при экстремальных воздействиях; физиологические механизмы устойчивости организма человека и животных к действию неблагоприятных факторов; типологию и пространственно-временную организацию ландшафтно-экологических систем лесной зоны Западной Сибири; структурно-фундаментальные механизмы адаптивных реакций биосистем в экстремальных ситуациях.

На чем же базировалась адаптивная стратегия НИИ ББ? По меткому замечанию Г.Ф. Плеханова, у коллектива института уже в период перестройки выработалось три принципа хозяйствования: 1) постоянный поиск дополнительных доходов; 2) всемерная экономия расходов; 3) внутренний хозрасчет подразделений института в качестве механизма осуществления первого и второго.

Первый принцип обусловил стремление сотрудников института к заключению хоздоговорных работ по любой тематике, даже косвенно относящейся к институту.

В 1990-е гг. одной из таких проблем стала ликвидация дефицита производства «сладкого» в Томской области. В основу программы ученых НИИ ББ было положено развертывание малотоннажного производства биокатализаторов-ферментов, необходимых для осахаривания крахмала. Показательным для оценки взаимодействия вузов и промышленности являлся тот факт, что для продвижения этого проекта замдиректору НИИ ББ Е.В. Евдокимову пришлось буквально ходить «в люди» – встречаться с руководителями промышленных, сельскохозяйственных и коммерческих фирм, доказывая прибыльность предложения института [26].

Второй принцип вынудил институт экономить в первую очередь на тепловой энергии и вывозе мусора. В первом случае были установлены счетчики, позволившие сократить оплату энергии в шесть раз. Во втором случае институту удалось сократить количество вывозимых контейнеров мусора с 30 до 2 в неделю, что дало возможность сэкономить на годовую зарплату трем сотрудникам.

Наконец, третий принцип подразумевал введение хозрасчета для всех подразделений института. Каждое подразделение стало жить по своим средствам. Базовое финансирование стало рассматриваться только как «база» для обеспечения возможности заниматься наукой. Это привело к тому, что в институте (как, впрочем, и во всем ТГУ) возникли бедные и богатые подразделения. Одни сотрудники здесь получали 300–400 тыс. руб. в год, другие – 15–20 тыс. руб. Неравенство в доходах способствовала исторически неравная материально-техническая база подразделений. В целом же по институту в конце 1992 г. из 160 сотрудников 70 получали среднюю зарплату в размере свыше 70 тыс. руб., около 20 сотрудников – свыше 50 тыс. руб.

Финансовый кризис университета усугубил разрыв науки и учебного процесса между НИИ ББ и биологопочвенным факультетом университета. Институт не смог помочь факультету в проведении экспедиционных работ, оплате командировочных расходов, при-

обретении материалов и оборудования. Институт практически не принимал участия в учебном процессе. Не имея возможности подобрать себе молодую смену, он «катастрофически быстро» старел. На повестке дня, таким образом, стояло создание структуры, способной вновь, как и в предыдущие десятилетия, осуществить плодотворный союз научного и учебного процессов. Г.Ф. Плеханов предположил, что это будет некое подобие учебно-научного центра, где объединят свое усилие преподаватели факультета и сотрудники института [27].

С трудом развивались при НИИ ББ и малые предприятия. В основном их вклад в развитие института заключался в полном возмещении всех институтских расходов на их пребывание и оплату части институтских расходов (дополнительно). Реальную прибыль давали только те предприятия, которым удалось занять свою нишу на рынке.

«Что же можно сказать в итоге, – отмечал Г.Ф. Плеханов. – Может ли вузовский институт жить и работать в современных условиях? Да, может. Но для этого необходимо иметь дополнительное финансирование, составляющее 80 процентов от базы, экономить на всем и во всем, а главное, чтобы эти «условия» или правила игры государства с институтом были более или менее постоянными» [28].

Успех адаптивной стратегии развития НИИ ББ принес ему плоды в последующие годы. С 1995 по 1998 г. его научные коллективы выиграли девять грантов Фонда Сороса, 10 грантов РФФИ и 14 грантов Минобразования РФ. По результатам научных исследований сотрудники института ежегодно публиковали около 70 научных работ, делали доклады на научных конференциях и съездах. Одной из наиболее крупных стала международная конференция «Фундаментальные и прикладные проблемы охраны окружающей среды – ПООС-95».

Главным же достижением НИИ ББ стала сложившаяся за годы его работы ведущая научная школа в области эволюционной цитогенетики профессора В.Н. Стегния, получившая грант Президента РФ по государственной поддержке ведущих научных школ России. В числе ее известных разработок стал знаменитый «Абисиб», за который коллектив института получил диплом и медаль на Всемирном салоне изобретений «Брюссель Эврика-97» [29].

В аналогичном положении оказался НИИ ПММ. Его развитие получило отражение в докладе его директора И.Б. Богоряда на ученом совете ТГУ в феврале 1995 г., а также в юбилейных публикациях «Alma Mater». Наибольший урон в этом подразделении понесли структуры, занимающиеся теоретическими исследованиями, а также те, чья продукция не являлась конечной или без которой возможно было обойтись в критический период. Если в 1988 г. в институте работало 786 человек, то в 1995 г. численность сократилась более чем в два раза – до 350 человек (в том числе 75 кандидатов и 19 докторов наук), а к началу 1998 г. (в год 30-летнего юбилея) – в три раза. Финансирование исследований в институте к 1998 г. сократилось более чем в 25 раз. Средняя зарплата сотрудников НИИ на 1994 г. составила 142,6 тыс. руб. – в два раза

меньше, чем в самом университете. «Если раньше мы думали о расширении, об укреплении института, то сейчас ставится задача – выжить», – с тревогой отмечал И.Б. Бороряд [30].

Несмотря на тяжелое материальное положение НИИ ПММ, в течение 1991–1998 гг. им были получены научные результаты высокого уровня: экспериментальные и теоретические исследования в области создания средств высокоскоростного метания; математические модели и высокоточные численные методы исследования пространственного гиперзвукового обтекания вязким газом химически активных поверхностей; аэромеханика запыленных потоков и создание на ее основе исследований гаммы пневмонических аппаратов для переработки и анализа порошковых материалов субмикронного диапазона; интегрированная система «Градиент» для выбора оптимальных проектных параметров космического аппарата с герметичным приборным отсеком; процессы высокоскоростного разрушения материалов и конструкций; небесная механика; создание адекватных математических моделей и комплекса программ для исследования внутрикамерных процессов и проектирования перспективных схем двигателей на твердом топливе; разработка уточненных математических моделей динамики космических аппаратов [31]. В публикации «Alma Mater» «НИИ ПММ 30 лет», кроме этого, отразились фамилии исследователей, работавших по каждому направлению, а также тезисный перечень полученных каждым коллективом результатов.

Руководству НИИ ПММ удалось не только сохранить материально-техническую базу, но и частично модернизировать ее. За шесть лет работы (с 1992 по 1998 г.) коллективам института удалось выиграть 19 грантов РФФИ. Международные контакты были заключены с фирмами Франции (В.С. Пейгин), Китаем (В.А. Архипов, И.Г. Боровской), в рамках программы «Ассоциация» (лаборатория Ю.А. Бирюкова) и др.

Каковы же были практики адаптации института в период перехода к рынку? К примеру, на страницах «Alma Mater» отразилась такая проблема, как подготовка кадров при НИИ ПММ. С подачи председателя Госкомитета по высшему образованию В.Г. Кинелева в институте возникла идея создания «Центра исследований и образования в области ракетных и артиллерийских наук» на базе НИИ ПММ, физико-технического и механико-математического факультетов ТГУ при поддержке Российской академии ракетно-артиллерийских наук.

Создание нового учреждения, по оценке его основателей, положительно сказалось на притоке молодых кадров. «Здесь мальчишки и девчонки чувствуют, что они кому-то нужны. Они видят, что есть люди, которые занимаются наукой и сейчас, что не все еще потеряно и имеет смысл повышать свое профессиональное мастерство», – отметил заместитель директора НИИ ПММ Ю.П. Хоменко [32]. Опыт создания и первых лет деятельности ЦИОРАН получил хорошую оценку в ходе работы коллегии Минобразования в марте 1998 г. К тому времени в институте, по данным «Alma Mater», вели исследования 25 аспирантов, 21 докторант и более 50 студентов.

Вопреки нарастающему кризису в высшей школе России, дирекция НИИ ПММ не пошла на раздробление коллектива на малые предприятия, не встала на путь коммерциализации его деятельности. Оба пути, по заявлению И.Б. Бороряда, были отвергнуты с самого начала как несовместимые с настоящей наукой. Это позволило сохранить ценные фундаментальные наработки учреждения. Однако обратной стороной этого стало падение трудовой дисциплины в научных коллективах НИИ ПММ, ввиду нехватки материального стимулирования. Итог, подведенный директором института, как нельзя более удачно описывает положение российской науки в 1990-е гг.: «Институт держится только на таких качествах сотрудников, как чувство долга, ответственности перед коллективом, приверженности к научной работе. Но таких людей с каждым годом становится все меньше» [30].

Сложный период переживал первый НИИ на территории Сибири – Сибирский физико-технический институт им. В.Д. Кузнецова. В «Alma Mater» его развитию были посвящены две юбилейные публикации: «Первому НИИ в Сибири. От прошлого к настоящему» и «Исполнилось 70 лет. Праздник сибирской науки». В первой из них содержался небольшой исторический очерк СФТИ. Вторая была посвящена конференции, организованной в честь его 70-летнего юбилея.

«Сегодня СФТИ, как и другие его собратья, переживает не лучшие времена – констатировалось в одной из публикаций. – Невостребованными остаются многие уникальные разработки. И не потому, что они никому не нужны. Постоянные заказчики – промышленные предприятия и ВПК не имеют средств, чтобы их приобрести. Уходят люди – высококвалифицированные кадры, а молодежь не торопится устраиваться сюда на работу – ни приличных денег, ни квартиры, ни ясного будущего...» [33].

Но даже в этих условиях институт вел активную научно-исследовательскую и организационную работу. В рассматриваемый период при СФТИ был образован Институт медицинских материалов и конструкций с памятью форм, разрабатывающий и реализующий биосовместимые имплантаты и конструкции, медицинские инструменты и другие изделия, которые нашли широкое применение в травматологии, нейрохирургии, челюстно-лицевой и общей хирургии.

Для добывающей промышленности были разработаны индивидуальные датчики обнаружения метана в подземных шахтах. Не имели мировых аналогов полученные в институте монокристаллы бинарных и тройных сплавов с памятью формы на основе никелида титана. Достижения СФТИ в сфере лазерной техники имели применение как в медицине, так и развлекательном бизнесе (лазерные шоу). Эта разработка заинтересовала американских коллег на международной ярмарке в Ганновере, где СФТИ, по данным «Alma Mater», представил наибольшее количество разработок от ТГУ [33].

Анализ публикации университетской газеты позволяет сделать вывод, что в СФТИ самым серьезным образом относились к подготовке кадров. В ее основу была заложена система непрерывного образования

«студент – магистрант – аспирант – докторант», реализуемая за счет интеграции с базовыми факультетами ТГУ и академическими НИИ. Например, СФТИ тесно взаимодействовал с радиофизическим факультетом ТГУ, который по причине нехватки учебных площадей целиком был переведен в здание института на Южной.

В институте была создана система фондов поддержки молодежи и перспективных научных исследований. О приоритете этой проблемы говорит следующий факт: из 12 центров элитарного образования, созданных в рамках проекта «Академический университет» (о нем еще будет сказано далее), СФТИ участвовал в работе девяти.

По данным «Alma Mater», научными коллективам СФТИ только за 1995–1997 гг. было выиграно 32 гранта РФФИ, 3 гранта INTAS по проектам «Mid-IR Laser applications», «Development of high radiation resistance detectors in GaAs», «Экспериментальные и теоретические исследования фазовых переходов в новых керамических оксидах», 35 грантов Минобразования, а также грант «The Moscow representative office of the Open Society Institute (OSI-Moskov)» [34].

Нельзя обойти стороной и такое немаловажное подразделение, как Сибирский ботанический сад (СибБС). Согласно отчету директора СибБС В.А. Морякиной, в апреле 1996 г. в подразделении функционировало 9 научных лабораторий в составе 20 сотрудников (в том числе 11 кандидатов наук). В числе разрабатываемых сотрудниками СибБС проблем была интродукция растений по различным направлениям: декоративных древесных, кустарниковых и цветочных растений для озеленения городов и сел; тропических и субтропических для интерьеров офисов; редких и исчезающих растений лесной зоны Западной Сибири; лекарственных растений; защита интродуцентов от вредителей. Все эти научные достижения нашли применение в сельском хозяйстве (корма), а также в лекарственных препаратах (золотой корень, маралий корень, девясил). Кроме того, сотрудниками СибБС был разработан ассортимент декоративных зимостойких деревьев и кустарников, позволяющих осуществить различные ландшафтно-архитектурные замыслы как в южной, так и в северной части Томской области.

База растительных экспозиций СибБС стала отличным местом для учебно-воспитательного процесса биологического факультета ТГУ. За 1991–1996 гг. здесь было защищено 15 дипломных и 22 курсовые работы [35]. Посетившие в апреле 1996 г. оранжерею и научные лаборатории СибБС члены методического совета ТГУ высоко оценили работу ботанического сада и пожелали его сотрудникам успехов в дальнейшей работе.

Что касается Института социально-экономических и гуманитарных проблем Сибири, то в ходе анализа подборки материалов «Alma Mater» за 1991–1999 гг. была выявлена лишь одна публикация, посвященная основанию этого института. В соответствии с установкой ректора ТГУ Ю.С. Макушкина Институт был призван содействовать гуманитаризации образования университета, являющейся частью стратегии развития ректората в те годы.

Иное положение, по сравнению с НИИ, существовало в научно-исследовательской части (НИЧ), представляющей собой научно-исследовательские разработки факультетов университета. В среднем на 1994 г. базовое финансирование со стороны государства составляло здесь 72% от суммы всего бюджета. Гранты составили 2,7%, остальные 25,3% доходов были получены от различных программ и хоздоговорных работ. Столь эффективное, на первый взгляд, соотношение переставало быть таким, когда показатели НИЧ приводили в сравнение с показателями НИИ. В общем объеме хоздоговорных работ университета доля НИЧ составляла всего 5% (для сравнения в НИИ ПММ этот показатель равнялся 37%, в СФТИ – 24%, в НИИ ББ – 12%) [36]. Это являлось основной причиной тяжелого финансового положения НИЧ на протяжении всей первой половины 1990-х гг.: часть подразделений существовала, ориентируясь только на базовое бюджетное финансирование, не стремилась пополнить свой лабораторный бюджет из других источников финансирования – грантов, программ, хоздоговоров, международных контрактов.

По мнению, Г.В. Майера (занимавшего в 1993–1995 гг. пост проректора по научной работе ТГУ), такие показатели были обусловлены низкой ответственностью руководителей лабораторий НИЧ за вверенные им подразделения, их ничем не обоснованные надежды на государственное финансирование. На их фоне сотрудники НИИ, положение которых в такой области, как оплата коммунальных платежей, было намного более серьезным (НИИ самостоятельно оплачивали эти расходы), проявляли большую самостоятельность в области хоздоговорной тематики [37].

Одним из главных препятствий в самостоятельном добывании денежных средств был психологический барьер – традиционная, во многом советская форма мышления сотрудников университета. «В ректорат и, в частности, ко мне очень часто приходят ученые, рассказывают о своих интересных замыслах и просят деньги на их реализацию, – отмечал в одном из своих докладов Г.В. Майер. – Причем все хотят получить именно бюджетные деньги. Их нет и не будет – это ясно. Проблема выживаемости университета замкнулась на каждого сотрудника. И когда посетителя спрашиваешь, сколько проектов им подано, в ответ слышишь: 2–3, а то и вообще говорят, что это бесполезно, мол, все решается в Москве. Становится ясно, что этот человек или не хочет или не может активно работать в науке...» [38].

Другим препятствием была низкая координация исследовательских усилий между факультетами университета и НИЧ. НИЧ создавалась как организационная структура для проведения фундаментальных исследований на кафедрах, однако на некоторых факультетах элементы такой структуры оказались нарушенными. Часть лабораторий постепенно отдалась от факультетов и стала самостоятельной в выборе тематики и в финансовом плане. Ряд факультетов же, наоборот, включил в свою структуру подразделения НИЧ, выпав из структуры организации научной работы университета. Эта несогласованность негативно влияла на грантовую и хоздоговорную активность

университета: «На прошлой неделе, – приводил пример Г.В. Майер в публикации от 15 апреля 1993 г., – когда возникла необходимость в течение двух дней подготовить предложения ТГУ в межвузовскую научно-техническую программу, все эти недостатки проявились очень остро» [39].

Во второй половине 1990-х гг. положение НИЧ в области научно-исследовательской деятельности (в особенности хоздоговорной тематике) заметно улучшилось. К таким выводам позволяет прийти анализ отчетно-аналитической документации, в частности материалов к отчету ректора ТГУ Г.В. Майера о деятельности университета в 1995–1999 гг. Если в 1994 г. доля НИЧ в общем объеме хоздоговоров составляла 5%, то в 1999 г. – 38% [40. С. 15]. На страницах же университетской газеты успехи НИЧ не получили должного освещения. По-видимому, газета в большей степени была сосредоточена именно на проблемах подразделений университета, нежели на победах, о которых читатель узнавал из сводных публикаций отчетного характера, где результаты, как правило, представлялись обобщенно по всему университету.

Грантовая и проектная деятельность исследователей университета

«Alma Mater» размещала на своих страницах многочисленные объявления о предстоящих грантах и проектах, на победу в которых могли претендовать исследователи университета. Одна из первых публикаций здесь датирована 25 сентября 1992 г. Примечателен в ней сам факт пояснения правил грантовой системы для российских ученых, которые, работая в период существования СССР, не были знакомы с ними. «Что же такое грант? – отмечалось в публикации. – Это форма государственной поддержки фундаментальных научных исследований, которая сильно отличается от базового и программного финансирования научно-исследовательских работ. Средства гранта дают возможность выполнять исследователям научные работы сверх основной программы. Состав научного коллектива по гранту формируется руководителем научного проекта с возможным привлечением специалистов из других научных организаций. Система оплаты – любая» [41].

На страницах «Alma Mater» размещалась информация о грантах Госкомвуза, РФФИ, РГНФ и др. [42–44]. Позднее в них появилась информация о грантах Администрации Томской области.

18 апреля 1997 г. на страницах газеты была опубликована статья о проведении в ТГУ сессии РФФИ, руководство которого заинтересовало опыт университета, обеспечивший ему высокие показатели побед в конкурсе грантов (третье место после МГУ и СПбГУ). В статье отразились основные моменты доклада заместителя председателя РФФИ, члена-корреспондента РАН М.В. Алфимова: статус и положение фонда (в том числе финансовая возможность спонсирования грантов), планируемые фондом региональные программы («Байкал», «Камчатка»), проблема соотношения «столичных» и региональных специалистов в экспертных советах РФФИ. Последний момент ока-

зался особенно актуален для Томска, который, несмотря на его солидный научный потенциал, был плохо представлен в экспертных советах¹.

Что касается ТГУ, то М.В. Алфимов дал согласие на выделение фондом средств на проект под названием «Создание региональной компьютерной сети для учебных и научных учреждений Томска», а также пообещал поддержать еще три проекта, связанных с оснащением и развитием компьютерной сети автоматизированной системы научных исследований ТГУ [45].

Одно из центральных мест во второй половине 1990-х гг. занимал проект под названием «Академический университет». Публикации «Alma Mater» позволяют реконструировать историю создания этой программы, основные этапы и важные события, связанные с ее развитием, а также результаты и значение в обобщенном виде с позиции организаторов и исполнителей проекта.

Как известно, российская наука вступила в последнее десятилетие XX в. с советским наследием на своих плечах, будучи разделенной на академическую, вузовскую и отраслевую. Вузовская наука в сравнении с академической не получала столь большого финансирования и не обладала сильной материально-технической базой (прежде всего лабораториями и оборудованием уровня институтов РАН). Академические институты, в свою очередь, не располагали возможностями интенсивной подготовки кадров, в результате состав их сотрудников очень быстро старел. Это было осознано в правительстве уже в начале 1990-х гг., однако практические шаги в этом направлении последовали позднее. В 1996 г. был разработан пакет документов по организации и финансированию федеральной целевой программы «Государственная поддержка интеграции высшего образования и фундаментальной науки на 1997–2000 годы» (далее «Интеграция»).

Программа «Интеграция» вызвала широкий резонанс вузовского и академического сообщества во всех регионах России. На конкурс по трем направлениям программы было подано 857 проектов, подготовленных совместно с научными организациями и высшими учебными заведениями.

Академические институты Томского научного центра СО РАН органично «выросли» из университета. Поэтому здесь достаточно легко появился проект «Развитие фундаментальной науки и элитарного высшего образования на основе интеграции ТГУ и академических учреждений» (далее «Академический университет»). В ходе отбора проектов «Академический университет» вошел в пятерку лучших проектов по направлению «Развитие и поддержка системы совместных учебно-научных центров, филиалов университетов и кафедр университетов» (всего в этом направлении было представлено 269 проектов) и отмечен как положительный пример выполнения работ по данной программе.

Исполнителями этого проекта выступили ведущие научные школы Томского научного центра СО РАН, некоторых московских академических институтов и ТГУ (всего 15 учреждений) [46]. В 1997 г. в НИЧ ТГУ было создано подразделение «Академический универ-

ситет» в составе 12 центров фундаментальных исследований и элитарного образования (ЦФИЭО). В его задачу вошло решение кадровых вопросов; экономическая и финансовая деятельность по проекту, организация и проведение работы с академическими партнерами по экспертизе и подготовке отчетов и совместных проектов, организация работы технической и издательской групп по подготовке отчетов и научно-технических изданий. Кроме того, была создана Ассоциация «Открытый академический университет» для решения образовательных задач высшей школы на основе информационных ресурсов центров коллективного пользования и дистанционной формы обучения.

В работе «Академического университета» приняли участие 603 человека, в том числе 143 доктора и 232 кандидата наук, 140 аспирантов, 79 докторантов. Уже в 1997 г. участниками проекта было защищено 16 докторских и 35 кандидатских диссертаций, опубликовано 693 научных статьи, 15 монографий, 55 учебников и учебных пособий. Было создано 25 новых филиалов кафедр, подготовлено 126 новых учебных курсов (в том числе электронных). «Общие итоги работы этих 12 центров впечатляют, – отметил А.С. Ревушкин в мае 1997 г., – может, потому, что у нас уже давно сложились крепкие связи с академическими институтами» [47].

Продолжая работу по данному направлению, в 1997 г. ТГУ представил на рассмотрение совета программы «Интеграция» новый большой комплексный проект «“Система выявления и поддержки талантливой молодежи на основе интеграции фундаментальной науки и высшего образования” на базе “Академический университет”». Итоговым результатом стала организация при университете Молодежного центра (МЦ) под руководством В.И. Масловского. В рамках «Академического университета» также был профинансирован проект «Поддержка экспедиционных и полевых исследований» [48].

Анализ публикаций в «Alma Mater» демонстрирует, что «Академический университет» не раз высоко оценивался правительством и научной общественностью. В ноябре 1999 г. В.Н. Стегний принял участие в работе Всероссийской конференции «Интеграция фундаментальной науки и высшего образования: состояние и перспективы», которая проходила в МГУ. К ней была приурочена выставка, на которой ТГУ представил «Академический университет». Уровень конференции был очень высоким – на ней присутствовали спикер Госдумы Г.Н. Селезnev, а также министр образования В.М. Филиппов. Последний в своем выступлении определил развитие программы «Интеграция» как единственно возможной для сохранения науки и образования в нынешних условиях, поскольку, по его мнению, именно она давала реальные научные результаты.

С обстоятельным докладом на конференции выступил исполнительный директор программы «Интеграция» академик В.П. Шорин. Среди 10 ведущих интеграционных систем России им был назван и «Академический университет» – один из лучших и по организационной структуре, и по эффективности работы [49].

20–21 апреля 2000 г. на базе ТГУ состоялась Всероссийская конференция «Интеграция учебного процесса и фундаментальных научных исследований в университетах: инновационные стратегии и технологии», на которой были подведены итоги проекта «Академический университет». Конференция стала местом обмена опыта его участников. Были представлены отчеты ученых ТГУ, Томского научного центра Сибирского отделения Академии наук, рассказано о деятельности Омского университета, ученых ТУСУРа, а также других вузов и научных центров. Специалисты констатировали активную динамику развития проектов интеграционной направленности, что подтвердилось увеличением в 1,5 раза федерального бюджета в 1998–2000 гг. за последние два года. В 1999 г. по программе «Интеграция» в г. Томск поступило 6,7 млрд руб., из которых 5,5 млрд руб. получил ТГУ [50].

В разных городах формы интеграции науки и образования оказались различными. Так, в г. Томске проект во многом получился «университетоцентрическим», ибо объединяющую функцию на себя взял ТГУ. В г. Новосибирске в центре оказалось Сибирское отделение Академии наук, объединившее вокруг себя НГУ, Красноярский и Алтайский университеты. В других городах (Омске, Владивостоке, Красноярске) разрабатывались преимущественно локальные проекты, направленные на интеграцию научных исследований в более узких областях.

Современники высоко оценивали «Академический университет» в первый период его реализации. По их мнению, в результате реализации проекта заметно возросла активность студентов и аспирантов в учебной и научной работе. В рамках проекта были выделены специальные деньги на отбор и испытания талантливой научной молодежи на специальных конкурсах и конференциях молодых ученых. Финансировались поездки молодых ученых ТГУ в ведущие академические центры России, а также за рубеж. Увеличилось число публикуемых и разрабатываемых учебных пособий, монографий, защит докторских и кандидатских диссертаций. Эти оценки совпали с оценками, высказанными современниками десятилетия спустя [4. С. 302, 312–313].

Что касается зарубежных грантов, то в «Alma Mater» распространялась информация о победах ученых ТГУ в грантах Сороса, в проектах программы «Темпс», проектах фонда Карнеги и др. [51–54].

Общая статистика о победах в грантах и проектах, а также текущие результаты их выполнения отразились в сводных отчетах, о которых уже шла речь в разделе о научной политике. Стоит отметить, что на основе их анализа возможно осуществить реконструкцию динамики научного развития в области грантовой деятельности (МОПО, РНФ, РФФИ).

Заключение

Обилие публикаций, их разнородность и разновариленность не позволяют нам осветить все многообразие материала в одной статье. Авторы сосредоточились лишь на наиболее важных сюжетах, связанных с историей научного развития ТГУ в 1991–1999 гг.

Потенциал «Alma Mater» как источника по истории Томского государственного университета в 1990-е гг. столь велик, что авторы данной работы старались (насколько это было в их силах) разграничить проблемы научного развития с теми проблемами, которые оказывали влияние на развитие науки в университете, но не являлись собственно научными (например, социально-экономическое положение ТГУ). Осуществить же полную демаркацию материалов «Alma Mater» по проблемам не представляется возможным, поскольку солидная часть публикаций носит многоаспектный, «многоуровневый» характер.

Материалы «Alma Mater» позволяют реконструировать множество сюжетов, связанных с научным развитием Томского государственного университета. Среди них мы выделили научную политику ректората, положение основных научных подразделений в 1991–1999 гг., а также грантовую и проектную деятельность исследователей университета.

Научная политика ректората в 1991–1999 гг. характеризуется преемственностью проводимого курса на протяжении всего периода. Главным приоритетом руководства было сохранение ТГУ в качестве классического университета исследовательского типа, что означало поддержку носителей его этоса, в первую очередь научных школ. Достижению этой стратегической цели должно было способствовать решение ряда тактических задач, направленных на препятствование оттоку квалифицированных кадров и излишней коммерциализации университета.

Положение основных подразделений университета (в первую очередь НИИ) в рассматриваемый период серьезно ухудшилось экономически, что привело к существенному сокращению численности научных кадров. Адаптивные стратегии НИИ ТГУ базировались преимущественно на принципах строгого хозрасчета подразделений, а также усиленной подготовке кадров. Серьезную роль в сохранении научного потенциала университета играл этот университетского сообщества, характеризующегося преданностью научному делу. Вместе с тем советское наследие мешало российским ученым принять новые «правила

игры», базирующиеся на законах рынка и отказа государства от привычной роли «патрона» – спонсора, организатора и заказчика научных исследований. В особенности это относилось к НИЧ университета в первой половине 1990-х гг. В связи с этим авторам представляется перспективным изучение институциональной среды Томского государственного университета в 1990-е гг. и ее влияние на развитие вуза.

Не будет преувеличением констатация того факта, что без грантовой поддержки российских и зарубежных фондов НИИ университета были бы безвозвратно потеряны в 1990-е гг. На страницах «Alma Mater» широко освещались грантовые и проектные возможности для исследователей университета. Наиболее же важным проектам ТГУ (таким как «Академический университет») уделялось на страницах университетской газеты существенное внимание, что позволяет включить эти публикации в проблемное поле изучения науки университета.

Таким образом, в 1991–1999 гг. Томскому государственному университету удалось сохранить положение классического исследовательского университета благодаря рациональной и последовательной политике ректората и руководства НИИ и работе профессорско-преподавательского и научного состава университета, проникнутой чувством долга. В результате университет смог реализовать свой потенциал в условиях становления и развития модели конкурентных рыночных отношений в высшей школе.

Разумеется, как и всякое исследование, данная работа обладает ограничениями. Поскольку она построена преимущественно на материалах периодической печати, необходима верификация этих материалов другими видами источников, например, делопроизводственной документацией ТГУ, материалами интервью с современниками событий и др. Полученные же авторами выводы требуют синхронного и диахронного сравнительно-исторического анализа с положением других университетов России (прежде всего, томских и новосибирских) для возможности построения более верифицируемых и более широких теоретических конструкций.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Об этой проблеме говорил Г.В. Майер в своем докладе еще в 1993 г. на заседании ученого совета (см.: Ученые ТГУ решают «научные» проблемы // Alma Mater. 1993. 26 февраля). Таким образом, можно сделать вывод о том, что, несмотря на усилия ректората, изменить представительство ученых ТГУ в экспертных советах РФФИ к весне 1997 г. не удалось.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кузьминов Я.И. Наши университеты // Экономика образования. 2008. № 4. С. 37–46.
2. Ректоры Томского университета : биографический словарь (1888–2003) / отв. ред. С.Ф. Фоминых. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2003. Т. 5. 188 с.
3. Интервью по поводу... // Alma Mater. 1998. 8 сентября.
4. Майер Г.В., Фоминых С.Ф., Бабанский М.Д. и др. Из XX в XXI век. Хроники Томского университета, 1995–2013 гг. / под ред. Г.В. Майера, С.Ф. Фоминых. Томск : Издательский Дом ТГУ, 2018. 468 с.
5. Университет как центр образования, науки и культуры. Из доклада ректора ТГУ на ученом совете 31 августа 1991 г. // Alma Mater. 1991. 6 сентября.
6. Лихович Е.С., Ревушкин А.С. Университеты в истории и культуре дореволюционной России. 2-е изд., испр. и доп. Томск, 1998. 580 с.
7. Сохранить классический тип университета // Alma Mater. 1992. 22 января.
8. Год спустя после избрания на должность ректора профессор М.К. Свиридов отвечает на вопросы корреспондента «Альма Матер» // Alma Mater. 1994. 28 января.
9. Выбора ректора // Alma Mater. 2000. 27 января.

10. Майер Г.В., Зинченко В.И., Ревушкин А.С. «Академический университет» как модель интеграции фундаментальной науки и элитарного образования // Известия высших учебных заведений. Физика. 1998. Т. 41, № 9. С. 3–7.
11. Майер Г.В., Демкин В.П. Создание открытой системы образования в Сибири // Интернет. Общество. Личность. Международная конференция. 1999. С. 206–207.
12. Университет и время: публикации, интервью, воспоминания. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2008. 248 с.
13. Исследовательский университет / под ред. Г.В. Майера. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2007. Вып. 2. 156 с.
14. О концепциях очередного этапа реформирования системы высшего образования и задачах и направлениях деятельности Томского университета // Alma Mater. 1997. 10 октября.
15. У нашего ректора – юбилей // Alma Mater. 1998. 20 ноября.
16. Должны быть традиции и новации // Alma Mater. 1993. 12 февраля.
17. Зеленый свет предпринимательству. Этому должна способствовать новая – производственно-экономическая служба // Alma Mater. 1993. 21 мая.
18. Устав Томского государственного университета. Томск, 1994. 36 с.
19. «Итоги 1997 года и задачи развития Томского университета в 1998 году». Отчет ректора ТГУ на заседании ученого совета ТГУ 24 декабря 1997 года // Alma Mater. 1998. 26 января.
20. Итоги 1998 года и задачи развития ТГУ в 1999 году (из отчета ректора на ученом совете ТГУ 30 декабря 1998 г.) // Alma Mater. 1999. 25 января.
21. Итоги 1996 г. и задачи деятельности ТГУ развития в 1997 году. Из доклада проректора по НР В.И. Зинченко на ученом совете ТГУ // Alma Mater. 1997. 18 апреля.
22. Итоги научной деятельности ТГУ за 9 месяцев 1997 года. Из доклада проректора по НР В.И. Зинченко на совещании руководителей структурных подразделений НИЧ и деканов факультетов ТГУ // Alma Mater. 1997. 14 ноября.
23. О государственной аттестации ТГУ // Alma Mater. 1992. 10 января.
24. ТГУ глазами аттестационной комиссии // Alma Mater. 1996. 31 мая.
25. Аттестация стала хорошей школой // Alma Mater. 1996. 31 мая.
26. Ученые НИИ ББ предлагают области свою программу // Alma Mater. 1992. 9 октября.
27. Будет ли взята «четвертая высота»? // Alma Mater. 1993. 14 мая.
28. Может ли вузовский НИИ выжить в современных условиях? // Alma Mater. 1994. 18 февраля.
29. НИИ биологии и биофизики – 30 лет! // Alma Mater. 1998. 23 октября.
30. Институты держатся только на чувстве долга своих сотрудников // Alma Mater. 1995. 17 февраля.
31. НИИ ПММ 30 лет // Alma Mater. 1998. 29 мая.
32. Кому передать институт в наследство? В НИИ ПММ открыт центр элитной подготовки студентов // Alma Mater. 1995. 19 апреля.
33. Первому НИИ в Сибири исполнилось 70 лет. От прошлого к настоящему // Alma Mater. 1998. 9 октября.
34. Первому НИИ в Сибири исполнилось 70 лет. Праздник сибирской науки // Alma Mater. 1998. 9 октября.
35. На методическом совете ТГУ // Alma Mater. 1996. 12 апреля.
36. Из доклада первого проректора «Итоги финансовой деятельности в 1994 году», прозвучавшего 31 мая на заседании ученого совета ТГУ // Alma Mater. 1995. 9 июня.
37. Живем не по средствам // Alma Mater. 1994. 4 ноября.
38. Наука в ТГУ – 1993 год // Alma Mater. 1994. 11 марта.
39. Многое зависит от самих ученых // Alma Mater. 1993. 15 апреля.
40. Материалы к отчету ректора ТГУ Г.В. Майера о деятельности университета в 1995–1999 гг. Томск, 1999. 31 с.
41. Второй конкурс грантов // Alma Mater. 1992. 25 сентября.
42. Конкурс научных проектов для молодых исследователей из России и СНГ // Alma Mater. 1995. 13 октября.
43. Поздравляем с успехом! // Alma Mater. 1995. 13 октября.
44. В числе победителей наши ученые // Alma Mater. 1997. 15 января.
45. Сессия РФФИ в Томске // Alma Mater. 1997. 18 апреля.
46. «Академический университет»: подводим итоги интеграции // Alma Mater. 2000. 14 апреля.
47. «Академический университет»: предстоящие задачи // Alma Mater. 1998. 10 июня.
48. Научная деятельность ТГУ // Alma Mater. 1998. 8 сентября.
49. От первого лица // Alma Mater. 1999. 29 ноября.
50. Подвели итоги интеграции // Alma Mater. 2000. 28 апреля.
51. Фонд Сороса выделяет науке СНГ 100 миллионов долларов // Alma Mater. 1992. 18 декабря.
52. Два автора одного проекта // Alma Mater. 1994. 28 октября.
53. Гости из европейских университетов // Alma Mater. 1994. 28 декабря.
54. Грант, еще один грант // Alma Mater. 1994. 1 декабря.

Статья представлена научной редакцией «История» 31 августа 2020 г.

Some Problems of the Scientific Development of Tomsk State University in the Period From 1991 to 1999 (Based on Alma Mater)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 459, 148–160.

DOI: 10.17223/15617793/459/19

Viktor V. Raskolets, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: predator-101@mail.ru

Alexander N. Sorokin, University of Tyumen (Tyumen, Russian Federation). E-mail: soranhist@yandex.ru

Keywords: Tomsk State University; *Alma Mater*; 1990s; scientific development; university science; research institutes.

The study is supported by the grant of the President of the Russian Federation, Project No. MK-2449.2020.6, and by the Russian Foundation for Basic Research, Project No. 18-39-20008.

The article explores the scientific development of Tomsk State University (TSU) in the period from 1991 to 1999 based on the periodical *Alma Mater*. The novelty of this work lies in the formulation of the problem and in the sources involved in exploring it. The limitations of the research stem from the specificity of the topic; verification by other types of sources is required. Also, the conclusions obtained by the authors need to be verified by research literature. The authors note that the quality of *Alma Mater* publications varied from year to year as a crisis of higher education impaired TSU's publishing activity greatly. However, it had little effect on this study, since problems of the university's scientific development were an important topic in the newspaper. The following problems are highlighted by the newspaper in the period under review: the science policy of the administration; the situation of the

main scientific departments; researchers' grant program participation and project activities. The authors emphasize that a characteristic feature of the scientific policies of the administration in the period from 1991 to 1999 was the continuity of the policies throughout the entire period. The main priority of the administration was to preserve TSU as a classical research university. To achieve this, the ethos of science schools and its bearers needed support. The adaptive strategies of the TSU research center were based mainly on the principles of department cost accounting, as well as intensive staff training. The ethos of the university community, characterized by dedication to the cause of science, played a significant role in preserving the scientific potential of the university. At the same time, the "Soviet legacy" was hindering Russian scientists from adopting new "game rules", which were based on the laws of free market where the government refused to play the usual role of the "patron"—a sponsor, organizer and customer of scientific research. *Alma Mater* widely covered grants and project opportunities for university researchers. TSU's most important projects, e.g., "Academic University", were given a considerable coverage in the newspaper, which allows including these articles in the problem field of studying the scientific development of the university. The authors conclude that Tomsk State University maintained its position as a classical research institution largely due to the competent policy of the administration and the research center's management, as well as the selfless work of the faculty members and research staff over the period from 1991 to 1999. As a result, the university was able to realize its potential in a competitive market environment.

REFERENCES

1. Kuz'minov, Ya.I. (2008) Nashi universitetы [Our Universities]. *Ekonomika obrazovaniya*. 4. pp. 37–46.
2. Fominykh, S.F. (ed.) (2003) *Rektory Tomskogo universiteta: biograficheskiy slovar'* (1888–2003) [Rectors of Tomsk University: A biographical dictionary (1888–2003)]. Vol. 5. Tomsk: Tomsk State University.
3. *Alma Mater*. (1998) Interv'yu po povodu... [Interview about . . .]. 8 September
4. Mayer, G.V. et al. (2018) *Iz XX v XXI vek. Kchroniki Tomskogo universiteta, 1995–2013 gg.* [From the 20th to the 21st century. Chronicles of Tomsk University, 1995–2013]. Tomsk: Tomsk State University.
5. *Alma Mater*. (1991) Universitet kak tsentr obrazovaniya, nauki i kul'tury. Iz doklada rektora TGU na uchenom sovete 31 avgusta 1991 g. [University as a center of education, science and culture. From the report of the TSU rector at the academic council on August 31, 1991]. 6 September.
6. Lyakhovich, E.S. & Revushkin, A.S. (1998) *Universitet v istorii i kul'ture dorevoljutsionnoy Rossii* [Universities in the history and culture of pre-revolutionary Russia]. 2nd ed. Tomsk: Tomsk State University.
7. *Alma Mater*. (1992) Sokhranit' klassicheskij tip universiteta [To preserve the classical type of university]. 22 January.
8. *Alma Mater*. (1994) God spustya posle izbraniya na dolzhnost' rektora professor M.K. Sviridov otvechaet na voprosy korrespondenta "Al'ma Mater" [A year after being elected to the post of rector, Professor M.K. Sviridov answers the questions of the correspondent of "Alma Mater"]. 28 January.
9. *Alma Mater*. (2000) Vybora rektora [The election of the rector]. 27 January.
10. Mayer, G.V., Zinchenko, V.I. & Revushkin, A.S. (1998) "Akademicheskiy universitet" kak model' integratsii fundamental'noy nauki i elitarnogo obrazovaniya ["Academic University" as a model for the integration of fundamental science and elite education]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Fizika*. 41 (9). pp. 3–7.
11. Mayer, G.V. & Demkin, V.P. (1999) [Creation of an open education system in Siberia]. *Internet. Obshchestvo. Lichnost'* [Internet. Society. Person]. Abstracts of the International Conference. St. Petersburg: Otkrytoe obshchestvo. pp. 206–207. (In Russian).
12. Mayer, G.V. (2008) *Universitet i vremya: publikatsii, interv'yu, vospominaniya* [University and time: Publications, interviews, memoirs]. Tomsk: Tomsk State University.
13. Mayer, G.V. (ed.) (2007) *Issledovatel'skiy universitet* [Research University]. Vol. 2. Tomsk: Tomsk State University.
14. *Alma Mater*. (1997) O kontseptsiyakh ocherednogo etapa reformirovaniya sistemy vysshego obrazovaniya i zadachakh i napravleniyakh deyatel'nosti Tomskogo universiteta [On the concepts of the next stage of reforming the higher education system and the tasks and directions of Tomsk University]. 10 October.
15. *Alma Mater*. (1998) U nashego rektora – yubilej [Our rector is celebrating an anniversary]. 20 November.
16. *Alma Mater*. (1993) Dolzhny byt' traditsii i novatsii [There should be traditions and innovations]. 12 February.
17. *Alma Mater*. (1993) Zelenyy svet predprinimatel'stva. Etomu dolzhna sposobstvovat' novaya – proizvodstvenno-ekonomiceskaya sluzhba [Green light for entrepreneurship. This should be facilitated by a new production and economic service]. 21 May.
18. Tomsk State University. (1994) *Ustav Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Charter of Tomsk State University]. Tomsk: Tomsk State University.
19. *Alma Mater*. (1998) "Itogi 1997 goda i zadachi razvitiya Tomskogo universiteta v 1998 godu". Otchet rektora TGU na zasedanii uchenom soveta TGU 24 dekabrya 1997 goda [Results of 1997 and development objectives of Tomsk University in 1998]. Report of the rector of TSU at the meeting of the Academic Council of TSU on December 24, 1997]. 26 January.
20. *Alma Mater*. (1999) Itogi 1998 goda i zadachi razvitiya TGU v 1999 godu (iz otcheta rektora na uchenom sovete TGU 30 dekabrya 1998 g.) [Results of 1998 and tasks of TSU development in 1999 (from the rector's report at the Academic Council of TSU on December 30, 1998)]. 25 January.
21. *Alma Mater*. (1997) Itogi 1996 g. i zadachi deyatel'nosti TGU razvitiya v 1997 godu. Iz doklada prorektora po NR V.I. Zinchenko na uchenom sovete TGU [Results of 1996 and tasks of TSU development in 1997. From the report of V.I. Zinchenko at the Academic Council of TSU]. 18 April.
22. *Alma Mater*. (1997) Itogi nauchnoy deyatel'nosti TGU za 9 mesyatsev 1997 goda. Iz doklada prorektora po HP V.I. Zinchenko na soveshchanii rukovoditeley strukturnykh podrazdeleniy NICH i dekanov fakul'tetov TGU [Results of TSU scientific activity for 9 months of 1997. From the report of V.I. Zinchenko, the vice-rector for research, at the meeting of the heads of the structural divisions of the research and development department and the deans of the faculties of TSU]. 14 November.
23. *Alma Mater*. (1992) O gosudarstvennoy attestatsii TGU [About the state certification of TSU]. 10 January.
24. *Alma Mater*. (1996) TGU glazami attestatsionnoy komissii [TSU through the eyes of the certification commission]. 31 May.
25. *Alma Mater*. (1996) Attestatsiya stala khorshey shkoloy [Certification has become a good school]. 31 May.
26. *Alma Mater*. (1992) Uchenye NII BB predlagayut oblasti svoyu programmu [Scientists of the Research Institute of Biological Sciences offer the region their program]. 9 October.
27. *Alma Mater*. (1993) Budet li vzyata "chetvertaya vysota"? [Will the "fourth height" be taken?]. 14 May.
28. *Alma Mater*. (1994) Mozhet li vuzovskiy NII vyzhit' v sovremennykh usloviyakh? [Can a university research institute survive in modern conditions?]. 18 February.
29. *Alma Mater*. (1998) NII biologii i biofiziki – 30 let! [The Research Institute of Biology and Biophysics is 30!]. 23 October.
30. *Alma Mater*. (1995) Instituty derzhatsya tol'ko na chuvstve dolga svoikh sotrudnikov [Institutions only survive due to the sense of duty of their employees]. 17 February.
31. *Alma Mater*. (1998) NII PMM 30 let [The Research Institute of Applied Mathematics and Mechanics is 30]. 29 May.
32. *Alma Mater*. (1995) Komu peredat' institut v nasledstvo? V NII PMM otkryt tsentr elitnoy podgotovki studentov [Who should inherit the institute? A center for elite training of students was opened at the Research Institute of Applied Mathematics and Mechanics]. 19 April.

33. *Alma Mater*. (1998) Pervomu NII v Sibiri ispolnilos' 70 let. Ot proshloga k nastoyashchemu [The first research institute in Siberia is 70. From the past to the present]. 9 October.
34. *Alma Mater*. (1998) Pervomu NII v Sibiri ispolnilos' 70 let. Prazdnik sibirskoy nauki [The first research institute in Siberia is 70. The big day of Siberian science]. 9 October.
35. *Alma Mater*. (1996) Na metodicheskem sovete TGU [At the methodological council of TSU]. 12 April.
36. *Alma Mater*. (1995) Iz doklada pervogo prorektora "Itogi finansovoy deyatel'nosti v 1994 godu", prozvuchavshego 31 maya na zasedanii uchenego soveta TGU [From the report of the first vice-rector "Results of financial activity in 1994", made on May 31 at the meeting of TSU Academic Council]. 9 June.
37. *Alma Mater*. (1994) Zhivem ne po sredstvam [We live beyond our means]. 4 November.
38. *Alma Mater*. (1994) Nauka v TGU – 1993 god [Science at TSU: 1993]. 11 March.
39. *Alma Mater*. (1993) Mnogo zavisit ot samikh uchenykh [Much depends on scholars themselves]. 15 April.
40. Tomsk State University. (1999) *Materialy k otchetu rektora TGU G.V. Mayera o deyatel'nosti universiteta v 1995–1999 gg.* [Materials for the report of Rector of TSU G.V. Mayer on the activities of the university in 1995–1999]. Tomsk: Tomsk State University.
41. *Alma Mater*. (1992) Vtoroy konkurs grantov [Second Grant Competition]. 25 September
42. *Alma Mater*. (1995) Konkurs nauchnykh proektov dlya molodykh issledovateley iz Rossii i SNG [Competition of scientific projects for young researchers from Russia and the CIS]. 13 October.
43. *Alma Mater*. (1995) Pozdravlyayem s uspekhom! [Congratulations on success!]. 13 October.
44. *Alma Mater*. (1997) V chisle pobediteley nashi uchenye [Our scientists are among the winners]. 15 January.
45. *Alma Mater*. (1997) Sessiya RFFI v Tomske [RFBR session in Tomsk]. 18 April.
46. *Alma Mater*. (2000) "Akademicheskiy universitet": podvodim itogi integratsii ["Academic University": Summing up the results of integration]. 14 April.
47. *Alma Mater*. (1998) "Akademicheskiy universitet": predstoyashchie zadach ["Academic University" : Challenges ahead]. 10 June.
48. *Alma Mater*. (1998) Nauchnaya deyatel'nost' TGU [TSU scientific activity]. 8 September.
49. *Alma Mater*. (1999) Ot pervogo litsa [From the first person]. 29 November.
50. *Alma Mater*. (2000) Podveli itogi integratsii [The integration results summed up]. 28 April.
51. *Alma Mater*. (1992) Fond Sorosa vydelyaet nauke SNG 100 millionov dollarov [Soros Foundation allocates \$ 100 million to CIS science]. 18 December.
52. *Alma Mater*. (1994) Dva avtora odnogo proekta [Two authors of one project]. 28 October.
53. *Alma Mater*. (1994) Gosti iz evropeyskikh universitetov [Guests from European universities]. 28 December.
54. *Alma Mater*. (1994) Grant, eshe odin grant [Grant, another grant]. 1 December.

Received: 31 August 2020

К.С. Шаров

ВИЗАНТИЙСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ И РЕЛИГИОЗНАЯ ОРТОДОКСИЯ В ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ ТЕОРИИ ИСААКА НЬЮТОНА

Исследована историографическая концепция византийской политической и религиозной ортодоксии, разработанная английским ученым, теологом и историком Исааком Ньютоном. Материал представляет собой попытку систематизации и осмысливания взглядов Ньютона на данный предмет, выраженных в нескольких неопубликованных рукописях мыслителя, хранящихся в архивах Кейнса, Яхуды, Бодмера, Грейса Бабсона, в библиотеке мемориала Уильяма Эндрюса Кларка, а также в первом прижизненном издании книги Ньютона «Замечания на книгу пророка Даниила и Апокалипсис святого Иоанна».

Ключевые слова: Византийская империя; Исаак Ньютон; цивилизационная теория; Вселенские соборы; цезарепапизм; христианская церковь; ереси; отцы церкви.

Введение

Английский ученый Исаак Ньютон был не только талантливым математиком, физиком и натуралистом, но и разработал собственную цивилизационную теорию, в которой сформулировал своеобразный взгляд на схему развития всемирной истории [1. Р. 65; 2. Р. 22, 51; 3. Р. 37, 74, 120–122]. Как мы увидим в статье, основанной на анализе ньютоновских архивных рукописей, ключом к пониманию Ньютоном процессов всемирной истории служит история религий. В частности, история Византийской империи, с его точки зрения, предстает в истинном свете только при исследовании развития восточного христианства. Интересным фактом является то, что около двух третей ньютоновского наследия касается именно историографии, а не науки или философии [4. Р. 104; 5. Р. 372].

Почему же Ньютон считал, что, проанализировав историю развития христианства, мы приблизимся к пониманию истории развития византийской цивилизации?

Согласно Ньютону, весь мировой исторический процесс был запланирован и управляем Богом, а отдельные люди, государства, этнические группы, народы, цивилизации в своем развитии могут как исполнять Божью волю, так и противиться ей [6. Р. 82; 7. Р. 538; 8. Р. 99–100; 9. Р. 77]. В случае если они понимают замысел Бога о них, обращаются к Нему и стремятся соответствовать Его планам, то они благословляются Богом и процветают. Если же они не желают понять путей божественного пророчества и предопределения (открытых, например, в пророчествах), то они начинают испытывать лишения, войны, эпидемии, голод и прочие бедствия, а если будут упорствовать в своем противлении Богу, то совсем исчезнут с карты мира [6. Р. 83; 10. Р. 117].

В такой ньютоновской точке зрения самой по себе еще нет большой оригинальности. Исследователи новоевропейской науки И.Б. Коэн и Дж.Э. Смит отмечают, что многие христианские богословы – как отцы церкви первых веков (такие как, например, Августин Блаженный или Амвросий Медиоланский), так и теологи Нового времени (скажем, епископ Эдвард Стиллингфлит, Генри Мор, сэр Роберт Филмер) – высказывали примерно те же идеи [11. Р. 528; 12. Р. 44]. Однако

Ньютон вполне оригинален в том, что рассматривает мировой исторический процесс, исходя из развития религий и церквей. Для английского ученого именно изучение характеристик, путей развития и трансформаций человеческих религиозных верований и культов, а также религиозных организаций является основой понимания места и роли тех или иных государств, народов и цивилизаций в мировой истории (с точки зрения телесофии, их божественного предназначения).

Как я упомянул чуть выше, ньютоновская точка зрения на историю Византии и ее роль во всемирном историческом процессе является весьма необычной и, по-видимому, не имеющей аналогов. В данной статье проанализирована та часть цивилизационной теории Ньютона, которая касается Византии, ее истории и связи с деятельностью Вселенских соборов. Данная тема до настоящего времени, по-видимому, не привлекала внимания ни византологов, ни исследователей творчества Ньютона, поэтому работа обладает новизной. Учитывая большой авторитет Ньютона в историографической науке Англии XVII–XVIII вв. и тот факт, что ньютоновские идеи касательно Византийской империи привели к появлению целой традиции определенного восприятия византийской истории (Н.Ф. де Дюье, Ж.Т. Дезагюльер, У. Уистон, У. Стыкли, Дж. Стиллинг, Г. Сандерс, Р. Гейл, Э. Апторп) [13. Р. 73, 128, 314; 14. Р. 538; 15. Р. 13–14], данная работа могла бы обладать определенной теоретической и практической значимостью не только для историков-византологов, но и для исследователей развития исторической науки новоевропейского периода. Например, на основании исследования ньютоновской рукописи *Of the Church* [16], хранящейся в Библиотеке Общества Мартина Бодмера, есть основания предполагать, что восходящее к XVII в. английское выражение *byzantine affairs* (коварные, секретные, предательские дела), имеющее очевидные негативные конnotationes, могло быть связано с ньютонианской историографической традицией.

Методология

При написании статьи использовались приемы и принципы архивных исследований, а также системного, структурного методов, метода анализа и синтеза. Я опирался на анализ следующих неопубликованных

рукописей Ньютона, в той или иной степени посвященных теме Византии:

– из архива Дж.М. Кейнса в Библиотеке Кингс-колледжа Кембриджского университета:

1) *Theological Notebook* (Теологический дневник) (Keynes Ms. 2);

2) *Irenicum, or Ecclesiastical Polity tending to Peace* (Иреникум, или экклесиастическая полития, стремящаяся к миру) (Keynes Ms. 3);

3) *Notes from Petavius on the Nicene Council* (Заметки из Петавия относительно Никейского собора) (Keynes Ms. 4);

4) *Three paragraphs on religion, with drafts* (Три положения о религии, с черновиками) (Keynes Ms. 9);

5) *Paradoxical Questions concerning the morals and actions of Athanasius and his followers* (Парадоксальные вопросы, касающиеся этики и поступков Афанасия и его последователей) (Keynes Ms. 10);

– из архива А.Ш.И. Яхуды в Национальной библиотеке Израиля в Иерусалиме:

6) *Drafts on the history of the Church* (Заметки по истории церкви) (Yahuda Ms. 15);

7) *Copies of second and third "professions of faith" by early Church Councils* (Копии второго и третьего «символов веры», принятых на первых Церковных соборах) (Yahuda Ms. 22);

8) *Fragment on Church history, mainly concerning Athanasius* (Фрагмент церковной истории, в основном касающийся Афанасия) (Yahuda Ms. 29);

9) *Notes on early Church history and the moral superiority of the 'barbarians' to the Romans* (Заметки по ранней церковной истории и моральном превосходстве «варваров» над римлянами) (Yahuda Ms. 39);

– из архива Грейс Бабсон в Хантингтонской библиотеке (Калифорния, США):

10) *Draft notes on Athanasian doctrines* (Черновые заметки о доктрине Афанасия) (Babson Ms. 436);

– из Библиотеки мемориала Уильяма Эндрюса Кларка (Калифорния, США):

11) *Paradoxical Questions concerning the morals and actions of Athanasius and his followers* (Парадоксальные вопросы, касающиеся этики и поступков Афанасия и его последователей) (Clark Ms. N 563M3 P222) – эта рукопись неслучайно называется так же, как и рукопись в Кейсианском архиве за № 10. Обе этих рукописи посвящены одному и тому же вопросу, однако в результате аукционных распродаж оказались в настоящее время в различных ньютоновских архивах;

– из Библиотеки Фонда Мартина Бодмера в Швейцарии:

12) *Of the Church* (О Церкви) (Bodmer Ms), а также на первое издание «Замечаний на книгу пророка Даниила» (Лондон, 1733 г.);

13) *Observations upon the Prophecies of Daniel, and the Apocalypse of St. John.*

При цитировании архивных рукописей Ньютона сокращения следующие: f – folio (лист), r – recto (основной разворот листа), v – verso (обратная сторона листа).

Византия и пророчество Даниила

Ньютон связывает появление и развитие Византии как независимого государства с несколькими проро-

чествами из ветхозаветной Книги Даниила. Однако делает он это в необычном ключе. Историк Кирилл Манго отмечает, что традиционной богословско-историографической практикой отцов церкви (например, Василия Великого, Иоанна Златоуста, Ипполита Римского, Кирилла Александрийского, Августина Блаженного и ряда других) было отождествлять Византию и Западную Римскую империю с ногами истукана из сна Навуходоносора [17. Р. 35]. Пророк Даниил пишет на этот счет следующее (Дан. 2: 41–43):⁴¹ А что ты видел ноги и пальцы на ногах частью из глины горшечной, а частью из железа, то будет царство разделенное, и в нем останется несколько крепости железа, так как ты видел железо, смешанное с горшечной глиною.⁴² И как персты ног были частью из железа, а частью из глины, так и царство будет частью крепкое, частью хрупкое.⁴³ А что ты видел железо, смешанное с глиною горшечной, это значит, что они смешаются через семя человеческое, но не сольются одно с другим, как железо не смешивается с глиною. (Библейские цитаты здесь и далее приводятся по Русскому синодальному переводу 1876 г. – *Прим. К.С.*)

Карл Саган и Энн Дрюян, наряду с К. Манго, указывают, что в традиции отцов церкви обычно железные части ног и пальцы на ногах отождествлялись с Византией (крепким царством), а глиняные – с Западной Римской империей, в V в. не выдержавшей натиска германских и иных племен и распавшейся в 476 г. [17. Р. 35; 18. Р. 181].

Ньютон рассуждает совсем по-другому. В его понимании железо и глина не являются пророчеством об образовании Византии, а относятся к варварским государствам, возникшим на территории бывшей Западной Римской империи:

Они (римляне. – *Прим. К.С.*) правили с большим могуществом до дней Феодосия Великого. Затем, «...по вторжении многих северных народов, они (римляне) распались на множество мелких королевств, которые представлены ногами и пальцами Истукана (*Image*), состоящими частично из железа, а частично – из глины. Поскольку тогда, как говорит Даниил, царство будет разделено, и в нем останется несколько крепости железа» [16. Р. 26–27].

Относительно образования Византии Ньютон полагает, что оно описано Даниилом в пророчестве о косматом Козле (Дан. 8: 5–8) и о четырех зверях, выходящих из моря (Дан. 7: 1–12) [16. Ch. IV, IX; 19–20].

Ньюトン уделяет большое, можно сказать – избыточное внимание таксономии географических и политических атрибуций толкований этих пророчеств, поскольку, по-видимому, не хочет попасть в капкан двусмыслистостей, при которых Византия будет обозначаться разными символами в пространстве одного пророчества. Так, чтобы избежать такой двусмыслистности в отношении Византии, английский мыслитель отделяет ее от четвертого зверя Даниила и его десяти рогов и считает, что Византийская империя является генетически и структурно связанный лишь с третьим зверем, выходящим из моря, – барсом (в английской традиции переводов Библии – леопардом), а также с Козлом, идущим по лицу земли с запада. Четвертый зверь – это государства, народы, религии, цивилиза-

ции и культуры, связанные с Римской империей. Но Ньютон рассматривает Византию в большей степени преемницей Македонской державы Александра Великого, чем преемницей Рима («латинян») [21. Р. 33]. На этот счет Ньютон в «Замечаниях» более подробно пишет следующее:

Что касается остальных зверей, у них была отнята власть (И у прочих зверей отнята власть их, и продолжение жизни дано им только на время и на срок (Дан. 7:12). – *Прим. К.С.*), однако жизни их не прервались, а были сохранены. А значит, все четыре зверя живы до сих пор (до времен Ньютона, т.е. XVII в. – *Прим. К.С.*), хотя прежнее могущество первых трех зверей у них уже отнято. Народности Ближнего Востока (халдеи и ассирийцы), например Турция и арабские племена, все еще до сих пор составляют образ первого зверя. Те, которые исторически связаны с Мидией и Персией (например, нынешняя Персия, народы Средней Азии, Индия, Афганистан), – все еще представляют собой второго зверя. Народности Македонии, Греции, Фракии, Малой Азии, Сирии и Египта – это все еще третий зверь. Таким образом, тело третьего зверя ограничено нациями по эту сторону Евфрата. И следовательно, мы не должны считать Греческую империю (Византию) со столицей в Константинополе в числе рогов четвертого зверя, поскольку она принадлежит телу третьего [16. Р. 31–32].

Итак, как можно понять из вышеприведенного фрагмента, Ньютон связывает символы зверей из пророчества Даниила не с *государствами* и не с конкретными *народностями*, но с *географическими регионами* и разными нациями, живущими в тот или иной временной период в этом регионе, на что также обратил внимание известный исследователь ньютоновской историографии Фрэнк Мануэль [22. Р. 116]. Поэтому Ньютон трактует пророчество Даниила максимально широко, и символ третьего зверя (барса) может относиться: 1) к державе Александра Македонского и древним народам, проживавшим на ее территории; 2) Византийской империи и ее гражданам.

В то время, когда английский ученый писал эти строки, Византии как независимого государства уже давно не существовало – по словам Ньютона из его «Теологического дневника», «...первый зверь завладел частью третьего, и Турецкая империя вытеснила до времени Византийскую» [23. Part 2, f. 26r]. Однако Ньютон подчеркивает, что греческий народ и православная вера оставались живы, а значит, был жив и третий зверь (барс) [23. Part 2, f. 28r], а в «Трех заметках о религии с черновиками» пишет: «в настоящее время... могущество Греческой империи скрыто под покрывалом власти турок, но оно живо и действительно» [20. F. 3v; cf.: 16. Р. 122].

Ньютон полагает, что Даниил предсказал не только появление, но и расцвет могущества Византии, уподобив ее разросшемуся небольшому рогу Козла. Здесь Ньютон говорит о преемственности политической власти в Византии от Рима, но преемственности византийской культуры, права и традиций политического администрирования от античной единой эллинистической державы Александра Македонского: «...Латиняне не подразумеваются среди наций, пред-

ставленных Козлом в этом пророчестве: их власть над греками упоминается только для того, чтобы различить времена, когда Козел был силен своим собственным могуществом (во времена Александра. – *Прим. К.С.*), и когда... его власть происходила не от него самого, а досталась ему от латинян (при перенесении столицы в Константинополь. – *Прим. К.С.*). Он был силен своею властью до тех пор, пока ее не отобрали латиняне; после того его жизнь продолжалась под их управлением, и это продолжение его жизни идет (в том числе. – *Прим. К.С.*) до дней его (т.е. Козла. – *Прим. К.С.*) последнего рога: поскольку во время дней этого рога Козел вновь стал могущественным, но не благодаря только своей собственной власти» [16. Р. 119].

Итак, под разросшимся рогом Ньютон имеет в виду именно Византию, которой политическая власть досталась от Рима, но которая сохранила этническую и культурную преемственность от единой Греции эллинистического периода, поскольку хорошо известно, что Ахея как римская провинция всегда сохраняла достаточно большую степень административной самостоятельности и культурной индивидуальности, а греческий язык считался необходимым для изучения образованной части Римской империи, по крайней мере в II–IV вв. [24. Р. 127, 204; 25. Р. 45]. К тому же Ньютон подчеркивает, что распространение греческого языка в Восточном Средиземноморье, на Ближнем и Среднем Востоке было постоянным явлением после образования державы Александра и никогда не прекращалось вплоть до образования Византии. Во времена римского подчинения, как пишет Ньютон, греческий язык был *lingua franca* наиболее образованной части населения территории «тела третьего зверя», а после падения Рима в 476 г. стал единственным официальным языком Византийской империи [26. F. 105r].

Ньютон приводит обоснования своей идентификации Византии не только с инкарнацией третьего зверя, но и рогом Козла – другого символа, взятого из пророчества Даниила:

Поскольку этот рог был рогом Козла, мы должны искать его среди наций, составлявших тело Козла (державу Александра Великого. – *Прим. К.С.*). Среди этих наций возникла Константинопольская империя (Ньютон исключительно редко называет Византию «Византией» или «Византийской империей». Для него характерны названия «Новая Греция», «Константинопольская империя», «Греческая империя». – *Прим. К.С.*). Мы читаем в Писании, что рог разросся могущественно к югу, и к востоку, и к прекрасной стране (Дан. 8:9), а значит, он находился в северо-западной части описываемых стран и распространил свою территорию на Египет, Сирию и Иудею. Это и была империя Константинополя. В царстве четырех рогов (Дан. 8:8) один из рогов подчинил себе все остальные, но не сам по себе, не своей властью. Ему дало возможность сделать это наличие иноземного могущества, могущества большего, чем его собственное, – власти четвертого зверя, отбравшего господство у третьего зверя, т.е. власти Рима [16. Р. 119].

Итак, Ньютон идентифицировал Византию с государством, подразумеваемым в Книге пророка Даниила под барсом (леопардом) и рогом Козла.

Возникает закономерный вопрос: зачем английский ученый тратит столько времени и сил на такую запутанную экзегезу древнего ветхозаветного пророчества, которая генетически связывает традиции политического управления в Византии в большей степени не с Римом, а с государством Александра Македонского? Ньютон сам приводит объяснение этого в другой своей рукописи:

В Риме не было традиции государственной власти подчинять себе власть религиозную, не было привычки устанавливать религиозные каноны и выдумывать догматы. Но преемники и потомки великого царя Греции поступали не так. Они устанавливали свои законы поклонения и понимания религии. Антиох Эпифан разграбил Храм, заставив иудеев предать закон под страхом смерти, исказил истинную религию... Императоры Константинополя несколько столетий подряд искали правильное поклонение Богу, организовывая Соборы и сделав церковь своей служанкой [27. F. 32r].

С первого взгляда, эту фразу Ньютона нелегко поставить в историческом контексте. Он связывает династии Селевкидов, Кассандра и Лисимаха и несколько императорских династий Византии, при которых собирались Вселенские соборы, но хорошо известно, что никакой династической преемственности между ними нет.

Для того, чтобы лучше разобраться в ньютоновской точке зрения, следует подчеркнуть, что его понимание развития Византийской империи теснейшим образом связано с деятельностью Вселенских соборов. С его точки зрения, политическая власть в Византии формировалась византийскую (новогреческую) национальную и культурную идентичность, исходя из некоторой «искусственной религии», основанной на апостольском христианстве, но крайне сильно исаженном. Византийское христианство, по Ньютону, с течением времени и проведением новых Соборов все менее напоминало истинную религию, данную людям Иисусом Христом [26. F. 142r]. Заседания и решения Соборов понимаются английским мыслителем в весьма неортодоксальном и негативном ключе: он полагал, что все Соборы в большинстве своих пунктов искали истинное христианство [28–29]. При этом, с его точки зрения, императорской власти принадлежала лидирующая роль в этом процессе. По сути, в схеме Ньютона она являлась заказчиком таких искаений и часто, вмешиваясь в богословские споры, сама вносила затемняющие истинную религию тезисы.

Ньютон генетически связывает политику императорской власти Византии в отношении церкви с религиозной политикой преемников Александра Македонского, четырех диадохов, правителей четырех эллинистических государств. Действительно, нужно признать, что большинство потомков и / или правопреемников всех четырех диадохов – Кассандра, Лисимаха, Птолемея и Селевка – проводили весьма жесткую и агрессивную политику насаждения греческой олимпийской религии на завоеванных территориях, что подробно описано рядом историков (например, Жильбером Дагроном, Антонием Калделлисом или Бенджамином Нунаном) [30. P. 272, 275; 31. P. 41, 48;

32. P. 580]. Но вряд ли есть исторические основания полагать, что религиозная политика византийских императоров в целом была сходной, например, с политикой Селевкидов. Разумеется, история Византии знает немало случаев прямого вмешательства императорской власти в дела церкви, например, при императорах Константине Великом, Констанции, Юлиане Отступнике, Феодосии Великом, Феодосии II, Льве Исаврянине и пр. Однако, как убедительно показывает Джон Мейендорф, по большей части такое вмешательство носило характер политических, административных и социальных конфликтов государства с иерархами церкви и в значительно меньшем количестве случаев затрагивало догматы христианства, изменение самой религии [33. P. 54, 116].

Тем не менее тезис об искусственности религии, созданной по воле византийской государственной власти, и ее радикальном отличии от «истинного христианства», т.е. примитивного христианства апостольских времен, является центральным для понимания ньютоновского цезарепапизма.

Византийский цезарепапизм в понимании Ньютона

Ньютон не использует термин «цезарепапизм» – этот термин появился в начале XVIII в. в европейском континентальном праве, еще около ста лет практически не использовался в английской социально-политической мысли, и его создание по наиболее распространенной версии приписывается немецкому правоведу Й.Ю.Х. Бемеру (1674–1749) (см., напр.: [34. P. 22]). Однако концепция Ньютона взаимоотношений власти и церкви в Византии, по сути, является необычной версией цезарепапистской точки зрения, тесно связанной с его неортодоксальным пониманием развития христианства. Таким образом, можно считать, что идеи Ньютона являются частью англиканской и – в более широком смысле – протестантской историографической мысли, критикующей католичество и православие за злоупотребление властью и наличие вертикали власти как неотъемлемой части церковной иерархии. В этом контексте мы можем говорить о Ньютоне как об одном из протестантских мыслителей, участвовавших в становлении концепции цезарепапизма.

Вместо термина «цезарепапизм» английский ученый использует выражение «ортодоксия» – ортодоксия политическая и ортодоксия церковная (православие). Обе ортодоксии исторически напрямую связываются Ньютоном с деятельностью Вселенских соборов. Ньюトン усматривает в деятельности Соборов в большей степени не богословские дебаты, а вмешательство государственной власти в жизнь христианской церкви с таким изменением религиозных догматов и истин, которые были бы выгодны императорам для формирования единого культурного пространства Византийской империи. Доказательства того, что победившая на теологических спорах церковная сторона становилась полностью преданной императорской власти, Ньютон находит в письме патриарха Константинопольского Антония Московскому Великому князю Василию I: «И мы узнаем о том,

что глаза иерархов церкви были обращены к императорскому трону, как глаза рабыни к рукам госпожи ее, хотя бы из письма Константинопольского патриарха Антония от 1393 г.... Этот Антоний ищет большего почтения к его императору Мануилу II Палеологу (1391–1425). – *Прим. К.С.*) и пишет, что христиане не могут иметь церковь и не иметь империи, что церковь и империя имеют большое единство и сотрудничество; они не могут быть отделены друг от друга, поскольку святой император не один из многих королей или правителей других стран. Объясняет он это тем, что императоры Константинополя с самого начала установили и укрепили истинную религию во всем обитаемом мире. Они созвали Вселенские Соборы, на которых мужественно боролись с ерсями... Но ерсами каждый император считал и называл только то, что сам хотел посчитать» [27. F. 44г].

Налицо желание Ньютона доказать влияние политической власти Византии не только на организацию церкви, но и на формирование и эволюцию самого христианства в виде запланированного изменения религиозных догматов. Он хочет продемонстрировать связь между волей государства и религией, признавая ведущую роль первой, т.е. фактически Ньютон настаивает на том, что византийские императоры выстраивали христианство в том ключе, в каком им было удобно и выгодно, и православие к XV в. представляло собой «политическую религию», весьма далекую от апостольского христианства, – Ньютон называет ее «политической ортодоксией», часто не проводя разницы между православием как религией и ортодоксией как верностью власти [29; 35–37].

Ньютон ссылается на тот факт, что византийские императоры, начиная с Флавиев и заканчивая падением Константинополя в 1453 г., официально считались покровителями и защитниками веры, принятой первым христианским императором Константином [38. Р. 219]. Джеймс К. Скедрос отмечает, что императорам обычно требовалось в торжественной манере исповедовать свою приверженность догматам христианской веры при вступлении на престол, и первое такое исповедание веры было проведено при коронации императора Анастасия I (491–518) [38. Р. 220]. Только императоры имели право созывать Вселенские соборы, при этом они могли утверждать или отменять решения, принятые иерархами церкви на Соборах. Некоторые императоры могли публично обнародовать законодательство, касающееся церковных и / или религиозных вопросов [39. Р. 132].

Для обоснования своей концепции тождества двух ортодоксий Ньютон прибегает к обсуждению того обстоятельства, что границы между церковью и государством в Византии были достаточно размыты [40. Р. 884; 41. Р. 68]. Ньютон не соглашается с тем, что в доктринальных вопросах императоры защищали церковь от ерсей. Он весьма радикален в своих выводах. С точки зрения Ньютона, императоры сами формировали ереси и искажения Писаний, а параллельно с этим ставили клеймо религиозных еретиков на людях, им неугодных, чтобы отстранить их от участия в будущей возможной борьбе за власть [36. F. 3г–4г]. Более того, сами Соборы с пространными выступлениями

и дебатами церковных иерархов и богословов, по Ньютону, инспирировались государством, поскольку многословие на таких дебатах часто уводило людей в сторону от сути вещей и являлось инструментом создания доктринальной неопределенности, которую в своих целях могла использовать – и часто использовала – власть [36, 42]. Он пишет следующее: «Нам заповедано апостолом держаться крепко образца здравого учения, которое мы слышали и приняли от апостолов (2 Тим. 1:13). Соревнования в языке, который не был получен от пророков и апостолов, – это нарушение данной заповеди, и те, которые нарушили ее, также повинны в возмущениях и схизмах, за этим логично последовавших. Этими людьми являлись константинопольские императоры... Они умело использовали то, что люди склонны к изменениям, дискуссиям и осуждениям друг на друга на таких дискуссиях. Все древние ереси начинались с пространных дискуссий; тогда как истинная вера заключается в тексте» [42. Part 1, f. 11г].

Судя лишь по этому отрывку, можно было бы предположить, что Ньютон не высказывает ничего более обычного протестантского тезиса примата текста Писаний над доктринальными спорами. Однако нет, Ньютон, похоже, столь же далек от классического протестантизма, сколь и от католицизма: «Недостаточно выводить статью веры из Писаний. Она должна быть выражена именно в форме здравого учения, в которой она была выражена апостолами» [42. Part 1, f. 11г]. То есть мы видим, что Ньютон, по-видимому, считает неуместными не сами дебаты на Соборах (как обычно полагают протестанты), а политизированные дебаты, начатые государственной властью.

Английский мыслитель во многих рукописях подчеркивает недопустимость деяний государственной власти Византии по отношению к религии. Он как либеральный мыслитель критикует политические преследования властью «еретиков» и связывает такие преследования с искажениями самой христианской веры. Например, в «Заметках по ранней церковной истории» он пишет: «Правление Феодосия начало традицию большой порочности и греховности светской власти в Константинопольской империи. Преследования выдавили вон (*squeezed out*) совестливых и наполнили церковь лишь лицемерной частью империи. Каждый преследователь есть волк (Мф. 10: 16–17), а каждый христианин, который поддерживает преследования (инакомыслящих в вере. – *Прим. К.С.*), есть один из лжепророков, названных волками в овечьей шкуре (Мф. 7)» [19. F. 1г–1в].

Ньютон осуждает византийскую политическую и церковную ортодоксию в том, что с его точки зрения именно она привела к искажениям истинного христианства, а Соборы являлись лишь инструментами религиозно-политических игр государственной власти: «Константинопольские императоры, созывая Соборы, инициировали введение новых религиозных статей и догматов веры в виде положений, не полученных от апостолов, и смоделировали христианскую религию так, чтобы она служила наилучшим образом интересам их империи, для того, чтобы все люди (язычники,

еретики и христиане) объединились бы и стали разделять одни и те же религиозные воззрения. Это так, поскольку печально известно, что Соборы всегда утверждали мнения императоров, их созывавших» [42. Part 7, f. 190r].

Апостольское христианство и «политическая религия» византийских императоров

Как мы убедились, Ньютон неоднократно подчеркивал, что государственная власть Византийской империи с помощью деятельности Вселенских соборов сформировала собственную «искусственную религию», имеющую мало общего с учением Иисуса Христа и Его апостолов. В чем же заключается, с точки зрения английского мыслителя, это искусственное, искаженное христианство? Почему он был так уверен, что большинство догматов, принимаемых на Соборах, противоречит апостольскому посланию и словам Самого Христа?

Чтобы это понять, нужно принять во внимание, что Ньютон на протяжении большей части жизни был унитариистом, т.е. с позиций тринитарного христианства – фактически еретиком. Хотя арианином в прямом смысле он не являлся, но арианство, как предполагают Коэн и Смит, было близко Ньютону по духу [43. P. 366]. Нет ничего удивительного в том, что английский мыслитель воспринимал большинство догматов, принятых на Вселенских соборах, как ереси. К тому же, разбирая деяния Первого Собора в Никее, Ньютон сильно критиковал государственную власть в лице Константина Великого, который под видом помощи омоусианам (последователям Александра и Афанасия) начал масштабные гонения на приверженцев Ария [44. V. 2, p. 215]. На этом примере Ньютон пытался показать единые схемы вмешательства власти в религию с целью изменения доктрины: чем больше христианство бы отдалось от послания самого Христа, тем в большей степени его можно было бы использовать для политических целей [35. F. 1r; 36. F. 2r-3r; 44. V. 2, p. 215].

Из исследования рукописей «О церкви» (Бодмеровский манускрипт) и «Заметки по истории церкви» (рукопись в коллекции Яхуды № 15) становится понятно, что Ньютон в целом подразделяет истины христианской веры на две части: «молоко для младенцев» и «твёрдую пищу для умудренных людей» (ср. 1 Кор. 3:2) [26. F. 28r, 53r; 42. Part 3, f. 43r–46r; 42. Part 4, f. 67r]. Первая часть, по Ньютону, ограничивается самыми простыми истинами веры (апостольским кredo) и предназначается для большинства христиан, в то время как вторая является уделом исключительно малого количества тех людей, кто способен вкушать «твёрдую пищу», т.е. посвятивших себя изучению теологии и философии, твердых в вере и добродетели [26. F. 30r, 162r]. Прения на византийских Вселенских соборах Ньютон сравнивает не с рассуждениями людей, способных вкушать твёрдую пищу, а со спорами, приведшими к тому, что к молоку для младенцев было добавлено множество искусственных доктринических положений [42. Part 1, f. 11r]. Как Ньютон пишет в «Иреникуме», христианский катехизис, появивший-

ся после Соборов и вобравший в себя основные результаты их деятельности, стал обязательным для каждого человека, желающего креститься, и исповедание веры от искреннего расположения души превратилось в Византийской империи ко временам Македонской династии (т.е. согласно Ньютону, ко времени возрождения могущества Греции, сопоставимого с могуществом Александра Великого) в экзамен с пристрастием на знание положений, далеких от веры, но интегрирующих человека в единое политико-правовое пространство [33. F. 210r–210v; cf.: 21. F. 39–40].

Становится понятно, что дуализм Ньютона по отношению к религии (разделение на «молоко для младенцев» и «твёрдую пищу для умудренных людей»), наряду с его гетеродоксальной унитарной верой, являются концептуальной основой его учения о византийской ортодоксии, исказившей первоначальное христианство. Государственная власть в империи использовала «молоко для младенцев» в политических целях, добавляя к апостольскому кredo желаемые доктринические положения и удаляя для нее нежелаемые. Христианство для Ньютона – это в первую очередь естественная религия, основанная на моральных заповедях. В Бабсоновском манускрипте № 436 он настаивает на тезисе, что с помощью деяний Вселенских соборов византийской государственной власти удалось за несколько столетий сформировать свое собственное, по его словам, «искусственное» христианство [35. F. 1r–2v], непохожее на учение Христа – вот конечный вывод Ньютона.

Заключение

Центральным моментом цивилизационной теории Ньютона в отношении Византии является то, что императорская власть с помощью умелого использования доктринических прений на Вселенских соборах якобы сама выдумала и закрепила учения о Троице, о двойной природе Христа, о Боговоплощении, о двух волях Иисуса и еще ряд основополагающих докториев и принципов христианской веры, а потом с помощью механизма катехизации населения Византийской империи заставила несколько миллионов людей (как греков, так и негреческого населения) массово принять это новое, «искусственное» христианство. Ньютон видит в византийском цезарепапизме управление коллективным сознанием, которое не только сформировало приверженность новой религии (искаженному христианству), но и ко временам Комнинов утвердило принципы византийской «политической ортодоксии» [29, 37].

Эта «политическая ортодоксия», как считает Ньюトン, составляя с религиозной ортодоксией две стороны одной медали, явилась одной из причин долгого господства Византии в восточном Средиземноморье и даже ее скрытого, непобежденного могущества под властью турок («третий зверь под временной властью первого», о чём мы упоминали выше) [37. F. 13r]. Английский мыслитель подчеркивает, что понимание императора как религиозного авторитета, могущего устанавливать доктрины и религиозное законодательство в стране, находящейся выше еписко-

пов в церковной иерархии, делало императорскую власть прочной и легитимной в глазах жителей империи даже в эпоху ее заката, в течение последних двух столетий ее существования, во времена правления Палеологов [37. F. 29г–29v].

Таким образом, с точки зрения Ньютона, императорская власть через изменение сущности христианской религии смогла добиться того, что политическая ортодоксия в Византийской империи стала маркером культурной и национальной идентичности в XIII–XV вв. – именно в то время, когда государственным и культурным основам Византии как никогда ранее угрожали внешние силы (турки и крестоносцы). Византийским императорам удалось добиться такой верности трону и сплоченности населения перед лицом внешних угроз не сразу, а за сотни лет воздействия на христианскую религию, которая наряду с прочими «искусственными» доктринаами стала включать и верность императору [26. F. 98г]. Как указывают Джед Бухвальд и Мордехай Фейнгольд в своей монографии «Ньютон и происхождение цивилизаций», критика Ньютоном греческого православия – диаметральная противоположность его критики католичества [45. Chap. 4]. Действительно, если в католицизме английский ученый усматривает факт, что церковная власть папы («власть лжепророка, зверя из земли с рогами агнчими») подчинила себе все светские государства Европы («десять рогов четвертого зверя Даниила»), то в византийском православии он находит обратное злоупотребление властью – превращение христианской веры в инструмент церкви как социального института, который в свою очередь стал инструментом государственного имперского аппарата.

Для Ньютона религиозная верность правительству сближает различные династии византийских императоров с древними преемниками Александра Македонского, управлявшими четырьмя государствами Греческой державы (наследниками Селевка, Кассандра, Лисимаха и Птолемея), и этого достаточно, чтобы говорить о генетической и структурной связи Византийской империи с державой Александра – «третьим зверем, выходящим из моря» в пророчестве Даниила. Так, четыре головы третьего зверя Ньютон трактует весьма оригинальным образом. В ветхозаветные времена эти головы соответствовали четырем частям Греческой державы Александра Великого, на которые она распалась после войн диадохов. Но во времена нашей эры эти головы соответствуют четырем главным группам династий византийских императоров [28. F. 2г]. При этом Ньютон делит все династии 1) на великие в могуществе (первые династии включая Ираклийскую; 2) слабые (промежуточные по времени до Македонской); 3) Македонскую династию («возрождение величия Александра»); 4) закатные династии [28. F. 2г–3г].

Данное исследование, как надеется автор, может пролить определенный свет на достаточно малоизученную часть ньютоновской цивилизационной теории – трактовку византийской истории, политики и православия как части греческого мира – «тела» третьего зверя Даниила с четырьмя головами и четырьмя крылами (Дан. 7:6), а также косматого Козла (Дан. 8:5–8). В таком понимании византийской истории английский ученый стоит особняком не только в новоевропейской историографии, но и в общественно-политической мысли Англии XVII–XVIII вв.

Исследуемая историографическая концепция Ньютона тесно связана с его теологическими убеждениями, а именно гетеродоксальной унитарной верой. Ньютон аксиоматически принимает положение, что разделяемый им самим унитаризм был истинным, неискаженным учением Христа, которое Тот передал апостолам, а они – своим ученикам. При этом он рассматривает учение о Троице, о природе Христа, о Боговоплощении и прочие центральные доктрины христианства, свойственные всем христианским деноминациям, как искусственные, выдуманные для политических нужд, являющиеся результатами бесплодных споров на Соборах и приводящие только к массовым репрессиям и гонениям на инакомыслящих со стороны, опять же, византийской государственной власти. Именно унитаристские доктрины являются тем эпистемологическим фундаментом, на котором английский ученый возводит здание своего понимания византийской истории.

Действительно, можно утверждать, что Ньютон необычайно кропотлив в приводимых им данных. С его глобальными выводами относительно политической и религиозной ортодоксии можно соглашаться или нет, но нельзя отнять у его исследований византийского общества, религии и власти, методичности и доскональности: он изучает чуть ли не каждый тезис, приводимый на Соборах, подвергает критическому анализу правовые нормы и религиозное законодательство империи более чем за тысячу лет ее существования, подробнейшим образом останавливается на переписке церковных иерархов, политических и военных лидеров Византии, исследует касающиеся ее (с его точки зрения) древние библейские пророчества. Более того, Ньютон постоянен в своем методе: при исследовании Византии он не отступает от своего глобального историографического принципа, согласно которому история государств, народов, цивилизаций и культур объясняется ходом истории религий и церквей.

Проведенный анализ ньютоновских архивных рукописей, посвященных истории, культуре и обществу Византии, является первым исследованием подобного рода на русском языке и может стать основой дальнейшего изучения особенностей и характеристик цивилизационной теории великого английского мыслителя.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ackroyd P. Newton (Ackroyd's Brief Lives). London, 2008. 176 p.
2. Christianson G.E. Isaac Newton (Lives and Legacies Series). Oxford, 2005. 159 p.
3. Iliffe R. Priest of Nature: The Religious Works of Isaac Newton. Oxford, 2017. 500 p.
4. Koyre A. Newtonian Studies. Chicago, 1968. 288 p.

5. More L.T. Isaac Newton. A biography. New York, 1962. 710 p.
6. Force J. Newton's God of Dominion: The Unity of Newton's Theological, Scientific, and Political Thought // Essays on the Context, Nature, and Influence of Isaac Newton's Theology / ed. by E.J. Force, R.H. Popkin. International Archives of the History of Ideas. 1990. Vol. 128. P. 75–102.
7. Snobelen S.D. «A time and Times and the Dividing of Time»: Isaac Newton, the Apocalypse and 2060 AD // Canadian Journal of History. 2003. Vol. 38. P. 537–551.
8. Snobelen S.D. «The Mystery of This Restitution of All Things»: Isaac Newton on the Return of the Jews // J.E. Force, R.H. Popkin (eds). Millenarianism and Messianism in Early Modern European Culture: The Millenarian Turn. Dordrecht, 2001. P. 95–118.
9. Snobelen S.D. The Unknown Newton: Cosmos and Apocalypse // The New Atlantis: A Journal of Technology and Society. 2015. № 44. P. 76–94.
10. McGuire J.E. Tradition and Innovation: Newton's Metaphysics of Nature. Dordrecht : Kluwer, 1995. 312 p.
11. Austen W.H. Isaac Newton on science and religion // Journal of the History of Ideas. 1970. Vol. 31. P. 521–542.
12. Cohen I.B., Smith G.E. Newton: Texts, Backgrounds, Commentaries. London, 1995. 488 p.
13. Aphor E.D.D. Discourses on Prophecy (in 2 vols). Boston, 1786. 1120 p.
14. Baillon J.-F. Early eighteenth-century Newtonianism: the Huguenot contribution // Studies in the history and philosophy of science. 2004. Vol. 35. P. 533–548.
15. Bechler Z. Introduction: Some Issues of Newtonian Historiography // Contemporary Newtonian Research / ed. by Zev Bechler. Studies in the History of Modern Science. Dordrecht : Kluwer, 1982. Vol. 9. P. 1–20.
16. Newton I. Observations upon the Prophecies of Daniel, and the Apocalypse of St. John. London, 1733. 324 p.
17. Mango C. Byzantinism and Romantic Hellenism // Journal of the Warburg and Courtauld Institutes. 1965. Vol. 28. P. 29–43.
18. Sagan C., Druyan A. The Varieties of Scientific Experience: A Personal View of the Search for God. New York, 2006. 304 p.
19. Newton I. Notes on early Church history and the moral superiority of the 'barbarians' to the Romans. N.d. Yahuda Ms. 39. National Library of Israel. Jerusalem, Israel.
20. Newton I. Three paragraphs on religion, with drafts. 1710s. Keynes Ms. 9. King's College Library. Cambridge University, Cambridge, UK.
21. Newton I. Irenicum, or Ecclesiastical Polity tending to Peace. 1710s. Keynes Ms. 3. King's College Library. Cambridge University, Cambridge, UK.
22. Manuel F. Isaac Newton, Historian. Cambridge, MA : Belknap Press, 1963. 328 p.
23. Newton I. Theological Notebook. 1685–1690. Keynes Ms. 2. King's College Library. Cambridge University, Cambridge, UK.
24. The History of Science and Religion in the Western Tradition: An Encyclopedia / ed. by Gary B. Ferngren. New York, 2000. 608 p.
25. Westfall R.S. Science and Religion in Seventeenth-century England. New Haven, 1958. 254 p.
26. Newton I. Of the Church. 1700s. Martin Bodmer Foundation Library. Cologny, Switzerland.
27. Newton I. Notes from Petavius on the Nicene Council. 1670s. Keynes Ms. 4. King's College Library. Cambridge University, Cambridge, UK.
28. Newton I. Copies of second and third "professions of faith" by early Church Councils. Late 1680s. Yahuda Ms. 22. National Library of Israel. Jerusalem, Israel.
29. Newton I. Paradoxical Questions concerning the morals and actions of Athanasius and his followers. Early 1690s. Keynes Ms. 10. King's College Library. Cambridge University, Cambridge, UK.
30. Dagon G. Emperor and Priest: The Imperial Office in Byzantium / trans. by J. Birrell. Cambridge : Cambridge University Press, 2003. 356 p.
31. Kaldellis A. Hellenism in Byzantium: The Transformations of Greek Identity and the Reception of the Classical Tradition. Cambridge : Cambridge University Press, 2007. 482 p.
32. Noonan B.J. Daniel's Greek Loanwords in Dialectal Perspective // Bulletin for Biblical Research. 2018. Vol. 28, № 4. P. 575–603.
33. Meyendorff J. Byzantium and the Rise of Russia: A Study of Byzantino-Russian Relations in the Fourteenth Century. Cambridge : Cambridge University Press, 1981. 326 p.
34. Swedberg R., Agrell O. Caesopapism // The Max Weber Dictionary: Key Words and Central Concepts. Stanford Social Sciences Series. Palo Alto, CA : Stanford University Press, 2005. P. 22–23.
35. Newton I. Draft notes on Athanasian doctrines. Early 1690s. Babson Ms. 436. Grace K. Babson Archive. Huntington Library. San Marino, CA, USA.
36. Newton I. Fragment on Church history, mainly concerning Athanasius. 1675–1685. Yahuda Ms. 29. National Library of Israel. Jerusalem, Israel.
37. Newton I. Paradoxical Questions concerning the morals and actions of Athanasius and his followers. Early 1690s. Clark Ms. N 563M3 P222. William Andrews Clark Memorial Library. Los Angeles, California, USA.
38. Skedros J.C. «You Cannot Have a Church Without an Empire»: Political Orthodoxy in Byzantium // Christianity, Democracy, and the Shadow of Constantine / ed. by George E. Demacopoulos, Aristotle Papanikolaou. New York : Fordham University Press, 2017. P. 219–231.
39. Ware T. The Orthodox Church, rev. ed. New York : Penguin Books, 1980. 352 p.
40. Snobelen S.D. «Isaac Newton, historian: redivivus»: Essay review of Jed Z. Buchwald and Mordechai Feingold, Newton and the origin of civilization (2013) // Isis. 2015. Vol. 106. P. 880–888.
41. Chaliand G. The Grand Strategy of the Byzantine Empire // G. Chaliand. A Global History of War. From Assyria to the Twenty-First Century. Oakland, CA : University of California Press, 2014. P. 55–99.
42. Newton I. Drafts on the history of the Church. 1710s. Yahuda Ms. 15. National Library of Israel. Jerusalem, Israel.
43. The Cambridge Companion to Newton / ed. by I.B. Cohen, G.E. Smith. Cambridge : Cambridge University Press, 2016. 530 p.
44. The Correspondence of Isaac Newton : in 8 vols. / ed. by H.W. Turnbull. Published for the Royal Society. Cambridge, 1961.
45. Buchwald J.Z., Feingold M. Newton and the Origin of Civilization. Palo Alto, CA : Princeton University Press, 2012. 544 p.

Статья представлена научной редакцией «История» 7 октября 2019 г.

Byzantine Political and Religious Orthodoxy as a Constituent of Isaac Newton's Civilisation Theory

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 459, 161–170.

DOI: 10.17223/15617793/459/20

Konstantin S. Sharov, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation). E-mail: const.sharov@mail.ru

Keywords: Byzantine Empire; Isaac Newton; civilisation theory; Ecumenical (Ecumenical) Councils; Cæsaropapism; Christian Church history; heresies; Church fathers.

The article is devoted to a historiographic theory of Byzantine Cæsaropapism developed by Sir Isaac Newton. The aim of the work is to determine the structure and characteristics of his theory and describe its most important elements. The research is highly relevant because, in Russian historiography, it is the first study of Newton's thoughts on Byzantine history. In the foreign academic community, works of Newton as a historian began to be thoroughly studied only during the past twenty years. However, even in the foreign research literature, there are almost no studies of Newton's civilisation theory dedicated to the Byzantine Empire. Therefore, this work can be considered a pioneer one. The methods and principles of archival research, as well as system and structural methods, the method of analysis and synthesis, were applied. The manuscripts of Cambridge, Jerusalem, Switzerland, US libraries are studied.

The first lifetime edition of the book *Observations upon the Prophecies of Daniel, and the Apocalypse of St. John* (London, 1733) is also taken into account. A number of Newton's unpublished manuscripts concerning the history of Byzantine politics, society, culture and religion to some or other extent are studied in the article. Newton's point of view is subjected to a critical analysis, and the potential vulnerability of his theory from the historical and theological perspectives is demonstrated. It is shown that, according to Newton, the history of Byzantine society, culture and politics may be understood only by understanding the history of the development of Eastern Christianity, mainly the history of the Ecumenical Councils. At the same time, Newton puts forward an idea that the major characteristic feature of Byzantine Caesopapism was not only managing the Church, but also modelling "artificial" politicised Christianity by the state power. According to Newton, this version of Christianity had little in common with the teachings of Jesus Christ and His Apostles. By the time of the Komnenos dynasty, this politicised Christianity gave rise to the "political Orthodoxy" in the collective consciousness of the inhabitants of the empire. In this "political Orthodoxy", the Byzantine emperor was perceived by his subjects as a divine figure, standing above the bishops in the church hierarchy, as well as a source of political power, absolutely legitimate and requiring an absolute loyalty. It is concluded that Isaac Newton believed political and religious Orthodoxy to be an artificial construction. Newton may be also regarded as one of the Protestant New European thinkers who developed the concept of Caesaropapism.

REFERENCES

1. Ackroyd, P. (2008) *Newton*. Ackroyd's Brief Lives. London: Knopf Doubleday Publishing Group.
2. Christianson, G.E. (2005) *Isaac Newton*. Lives and Legacies Series. Oxford: OUP.
3. Iliffe, R. (2017) *Priest of Nature: The Religious Works of Isaac Newton*. Oxford: OUP.
4. Koyre, A. (1968) *Newtonian Studies*. Chicago: University of Chicago Press.
5. More, L.T. (1962) *Isaac Newton. A Biography*. New York: Dover Publications.
6. Force, J. (1990) Newton's God of Dominion: The Unity of Newton's Theological, Scientific, and Political Thought. In: Force, E.J. & Popkin, R.H. (eds) *Essays on the Context, Nature, and Influence of Isaac Newton's Theology*. International Archives of the History of Ideas. Vol. 128. Dordrecht: Kluwer. pp. 75–102.
7. Snobelen, S.D. (2003) "A time and Times and the Dividing of Time": Isaac Newton, the Apocalypse and 2060 AD. *Canadian Journal of History*. 38. pp. 537–551.
8. Snobelen, S.D. (2001) "The Mystery of This Restitution of All Things": Isaac Newton on the Return of the Jews. In: Force, J.E. & Popkin, R.H. (eds) *Millenarianism and Messianism in Early Modern European Culture: The Millenarian Turn*. Dordrecht: Kluwer. pp. 95–118.
9. Snobelen, S.D. (2015) The Unknown Newton: Cosmos and Apocalypse. *The New Atlantis: A Journal of Technology and Society*. 44. pp. 76–94.
10. McGuire, J.E. (1995) *Tradition and Innovation: Newton's Metaphysics of Nature*. Dordrecht: Kluwer.
11. Austen, W.H. (1970) Isaac Newton on science and religion. *Journal of the History of Ideas*. 31. pp. 521–542.
12. Cohen, I.B. & Smith, G.E. (eds) (1995) *Newton: Texts, Backgrounds, Commentaries*. London: W. W. Norton.
13. Aphorop, E.D.D. (1786) *Discourses on Prophecy*. In 2 vols. Boston: J. F. and C. Rivington.
14. Baillon, J.-F. (2004) Early eighteenth-century Newtonianism: the Huguenot contribution. *Studies in the History and Philosophy of Science*. 35. pp. 533–548.
15. Bechler, Z. (1982) Introduction: Some Issues of Newtonian Historiography. In: Bechler, Z. (ed.) *Contemporary Newtonian Research*. Studies in the History of Modern Science. Vol. 9. Dordrecht: Kluwer. pp. 1–20.
16. Newton, I. (1733) *Observations upon the Prophecies of Daniel, and the Apocalypse of St. John*. London: Printed by J. Darby and T. Browne.
17. Mango, C. (1965) Byzantinism and Romantic Hellenism. *Journal of the Warburg and Courtauld Institutes*. 28. pp. 29–43.
18. Sagan, C. & Druryan, A. (2006) *The Varieties of Scientific Experience: A Personal View of the Search for God*. New York: Penguin Books.
19. Newton, I. (n.d.) *Notes on early Church history and the moral superiority of the 'barbarians' to the Romans*. Yahuda Ms. 39. National Library of Israel. Jerusalem, Israel.
20. Newton, I. (1710s) *Three paragraphs on religion, with drafts*. Keynes Ms. 9. King's College Library. Cambridge University, Cambridge, UK.
21. Newton, I. (1710s) *Irenicum, or Ecclesiastical Polity tending to Peace*. Keynes Ms. 3. King's College Library. Cambridge University, Cambridge, UK.
22. Manuel, F. (1963) *Isaac Newton, Historian*. Cambridge, MA: Belknap Press.
23. Newton, I. (1685–1690) *Theological Notebook*. Keynes Ms. 2. King's College Library. Cambridge University, Cambridge, UK.
24. Ferngren, G.B. et al. (eds) (2000) *The History of Science and Religion in the Western Tradition: An Encyclopedia*. New York: Routledge.
25. Westfall, R.S. (1958) *Science and Religion in Seventeenth-Century England*. New Haven: Yale University Press.
26. Newton, I. (1700s) *Of the Church*. Martin Bodmer Foundation Library. Cologny, Switzerland.
27. Newton, I. (1670s) *Notes from Petavius on the Nicene Council*. Keynes Ms. 4. King's College Library. Cambridge University, Cambridge, UK.
28. Newton, I. (Late 1680s) *Copies of second and third "professions of faith" by early Church Councils*. Yahuda Ms. 22. National Library of Israel. Jerusalem, Israel.
29. Newton, I. (Early 1690s.) *Paradoxical Questions concerning the morals and actions of Athanasius and his followers*. Keynes Ms. 10. King's College Library. Cambridge University, Cambridge, UK.
30. Dagron, G. (2003) *Emperor and Priest: The Imperial Office in Byzantium*. Trans. by J. Birrell. Cambridge: Cambridge University Press
31. Kaltsellis, A. (2007) *Hellenism in Byzantium: The Transformations of Greek Identity and the Reception of the Classical Tradition*. Cambridge: Cambridge University Press.
32. Noonan, B.J. (2018) Daniel's Greek Loanwords in Dialectal Perspective. *Bulletin for Biblical Research*. 28 (4). pp. 575–603.
33. Meyendorff, J. (1981) *Byzantium and the Rise of Russia: A Study of Byzantino-Russian Relations in the Fourteenth Century*. Cambridge: Cambridge University Press.
34. Swedberg, R. & Agevall, O. (2005) Caesaropapism. In: *The Max Weber Dictionary: Key Words and Central Concepts*. Stanford Social Sciences Series. Palo Alto, CA: Stanford University Press. pp. 22–23.
35. Newton, I. (Early 1690s) *Draft notes on Athanasian doctrines*. Babson Ms. 436. Grace K. Babson Archive. Huntington Library. San Marino, CA, USA.
36. Newton, I. (1675–1685) *Fragment on Church history, mainly concerning Athanasius*. Yahuda Ms. 29. National Library of Israel. Jerusalem, Israel.
37. Newton, I. (Early 1690s) *Paradoxical Questions concerning the morals and actions of Athanasius and his followers*. Clark Ms. N 563M3 P222. William Andrews Clark Memorial Library. Los Angeles, California, USA.
38. Skedros, J.C. (2017) "You Cannot Have a Church Without an Empire": Political Orthodoxy in Byzantium. In: Demacopoulos, G.E. & Papanikolaou, A. (eds) *Christianity, Democracy, and the Shadow of Constantine*. New York: Fordham University Press. pp. 219–231.
39. Ware, T. (1980) *The Orthodox Church*. Rev. ed. New York: Penguin Books.
40. Snobelen, S.D. (2015) "Isaac Newton, historian: redivivus": Essay review of Jed Z. Buchwald and Mordechai Feingold, Newton and the origin of civilization (2013). *Isis*. 106. pp. 880–888.

41. Chaliand, G. (2014) *A Global History of War. From Assyria to the Twenty-First Century*. Translated from French. Oakland, CA: University of California Press. pp. 55–99.
42. Newton, I. (1710s) *Drafts on the history of the Church*. Yahuda Ms. 15. National Library of Israel. Jerusalem, Israel.
43. Cohen, I.B. & Smith, G.E. (eds) (2016) *The Cambridge Companion to Newton*. Cambridge: Cambridge University Press.
44. Turnbull, H.W. (ed.) (1961) *The Correspondence of Isaac Newton: In 8 vols.* Published for the Royal Society. Cambridge University Press.
45. Buchwald, J.Z. & Feingold, M. (2012) *Newton and the Origin of Civilization*. Palo Alto, CA: Princeton University Press.

Received: 07 October 2019

Э.Э. Шульц

К ВОПРОСУ О МЕТОДАХ И ПОДХОДАХ В ИЗУЧЕНИИ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Обсуждаются подходы к изучению Русской революции, в историографии которой продолжается идеологическая борьба «красных» и «белых». С точки зрения автора, современный этап развития науки и общества настоятельно требует иных подходов к изучению и анализу Русской революции как части мирового исторического процесса, связанного с переходом в состояние современных цивилизаций Нового (и Новейшего) времени.

Ключевые слова: Русская революция; революция 1917; теория революции; социология революции; Гражданская война в России.

В 2017 г. отпраздновали столетие Русской революции. Конечно, 1917 г. – это условная привязка, так как в этом году революция в России не началась и не закончилась, но именно в этом году произошли два государственных переворота в ходе революции, которые изменили политическую систему в стране и задали вектор дальнейшего развития и революции, и страны. Всплеск интереса общества и общественных наук к своей Великой революции, отразившийся в повышившемся уровне печатных работ и дискуссионных мероприятий, посвященных этой революции, лишний раз обнажил существующий накал страстей в обществе (который вызывает резонный вопрос: а закончилась ли гражданская война, вызванная революцией начала прошлого века?), со всей четкостью проявил сильное влияние оценочных подходов к событиям Русской революции. Оценочных подходы превалируют над научным анализом и подчеркивают методологический кризис в общественных науках с точки зрения революциологии в целом (теории революции) и отдельной национальной революции (революции в отдельном государстве) в частности.

Важно понимать, что переосмысление Русской революции имеет не только научное, но и общественное значение. Во-первых, проблема отношения к Русской революции до сих пор разделяет общество на два лагеря, «белых» и «красных», и изменить это положение вещей не может вся многочисленная научная и научно-популярная литература, которая сама делится по тому же принципу.

Французский ученый Франсуа Фюре, приступая к анализу Великой французской революции (книга вышла в Париже в 1978 г.), предварил исследование специальным замечанием, что историк во Франции может изучать любую проблему, для этого ему достаточно быть дипломированным специалистом, но этого недостаточно, когда дело касается Французской революции: «...историк Французской Революции должен подтверждать свою компетентность иными свидетельствами. Он обязан объявить о своей политической принадлежности, о своих мыслях и намерениях. То, что он пишет о Революции, имеет лишь предварительное значение, главное заключено в его оценке, которая совершенно не обязательна, если речь идет о Меровингах, но абсолютно необходима для событий 1789 или 1793 г. Как только она выражена, этим уже все сказано – автор роялист, либерал или якобинец. Только при наличии такого пароля его история что-то

значит, получает свое место и свидетельство о законнорожденности» [1. С. 11]. С той же проблемой мы сталкиваемся в России, когда дело касается Великой русской революции.

«У Французской Революции есть истории монархические и либеральные, якобинские и анархические» [1. С. 19]. Споры в обществе, а не только научные дискуссии по поводу Великой французской революции продолжаются по сей день во Франции: «По прошествии почти двухсот лет история Французской Революции продолжает заниматься проблемой происхождения и, следовательно, национальной самоидентификации. В XIX в. эта история почти сливалась с самим описываемым предметом, поскольку начавшаяся в 1789 г. драма разыгрывается вновь и вновь, с каждым новым поколением, и вокруг одних и тех же ставок, одних и тех же символов и превращается или в идола, или вызывает лишь ужас и отвращение» [1. С. 16]. Эти слова о Великой французской революции как нельзя точно отражают состояние дел в изучении Великой русской революции.

У Великой русской революции есть множество историй, среди которых коммунистические, монархические, либеральные и др. Эта революция является слишком значимым идеологическим полем, чтобы читатель позволил кому-то разбирать ее как научный предмет исследования, если автор, конечно, не разделяет и не отстаивает политические взгляды самого читателя. Однако без движения дальше (которое невозможно при сегодняшних подходах и полярном отношении общества к своей революции) нас ждет мучительный долгоиграющий процесс национальной и исторической самоидентификации.

Современный этап развития науки и общества настоятельно требует изменения подходов в изучении Русской революции [2. С. 77–84; 3. С. 28–35; 4. С. 5–40, 61–72], а для этого, с нашей точки зрения, необходимо понять, что это за явление и каково его место в истории.

С точки зрения историографии Русской революции существует два больших пласта: 1) конкретно историческое исследование самой революции (или серии революций 1905–1922 гг.); 2) изучение закономерностей революций, в череде которых Русская революция была одной из ярчайших и относится к категории «великих».

Что касается первого направления, то история между февралем и октябрьем 1917 г. имеет две край-

ние тенденции в описании. Первая – устоявшаяся в советской идеологии – об объективном переходе Февральской буржуазной революции в Октябрьскую социалистическую, неизбежность Октябрьской революции. Вторая – цепь нелепостей и случайностей, приведших к большевистскому перевороту. Последний подход более характерен для произведений эмигрантской литературы и популярных современных трактовок в России. Это историография продолжающейся идеологической борьбы «красных» и «белых», «тех, кто за Ленина» и «антисоветчиков». Эти две крайности в изучении революции, это наследие и призраки прошлого еще долго будут преследовать нас.

Отечественная историография Октябрьской революции 1917 г., с одной стороны, вслед за Лениным, связывала ее с европейскими революциями и теорией Маркса, с другой – выдвигала самобытность Русской революции, ее необычность, основываясь на концепции Маркса о пролетарской революции. Подобный подход вводил Русскую революцию в узкую колею классовой борьбы и победы пролетарской революции и вырывал ее из общего контекста исторических событий, истории европейских революций. Устав от шаблонов изложения истории XX в., особенно русских революций и так называемой эпохи сталинизма советского периода, отечественные авторы возложили надежды на зарубежные исследования. Потребовался значительный период для осознания того, что зарубежная историография в своих основополагающих принципах повторяет советскую историографию: наличие таких же заказов – социального и политического – и идеологической нагрузки. Если в СССР в качестве источников базы приводили «подчищенные» воспоминания победивших революционеров, то зарубежная историография – воспоминания и суждения проигравших контрреволюционеров. Зарубежная историография во многих вопросах оказалась вторичной в сравнении с отечественной, следуя той же парадигме со сходными или прямо противоположными оценочными суждениями.

Основная заслуга данного направления исследовательской мысли – достаточно хорошо собранные исторические факты, последовательность событий трех русских революций и опубликованный основной массив источников. Главный недостаток, кроме обозначенного противостояния по политическим и мировоззренческим принципам, – споры вокруг вопросов о причинах, характере, периодизации, последствиях, социальной базе революции, которые ведутся до сих пор.

Второе направление – теория революции – определение закономерностей всех революций и изучение Русской революции в контексте революций различных стран.

Здесь первенство принадлежит зарубежным исследователям. К сожалению, после работы Питирима Сорокина «Социология революции» (1925 г.) [5, 6] обстоятельный теоретических работ в отечественной историографии не было. Зарубежная же историография в XX в. породила четыре волны массового исследовательского интереса к данной проблематике [7; 8. Р. 3914–3923].

В 1930-е гг. созданы труды Лайфорда Эдвардса («Естественная история революции»), Крэйна Бrintона («Анатомия революции») и Джорджа Петти («Процесс революции»). В конце 1950-х – начале 1960-х гг. появляется новая волна интереса к революциям. Эта волна захлестнула 1960-е и 1970-е гг., в результате чего вышли исследования: «О революции» Ханны Арендт (1963), «Революция и социальная система» Чалмерса Джонсона (1964), «Политический порядок в меняющихся обществах» Самуэля Хантингтона (1968), «Революция» и «Изучение революции» Питера Калверта (1970), «Почему люди бунтуют?» Тэда Гарра (1970), «Автопсия революции» Жака Эллюля (1971), «Современные революции» Джона Данна (1972), «Стратегия политической революции» (1973) Мостафы Реджай (и «Сравнительное изучение революционной стратегии», 1977), «Феномен революции» Марка Хэгопиана (1975), «Революция и преобразование обществ» Шмуэля Эйзенштадта (1978), «Государства и социальные революции» Теды Скокпол (1979), коллективные труды «Революция» (К. Фридрих, 1967), «Битвы в государстве. Источники и образцы мировой революции» (Дж. Келли и К. Браун, 1970), «Революция в истории» (Рой Порттер и Микулаш Тейх) и многие другие [9. С. 11–24].

Это было время оценки революций первой половины XX в., феномена фашизма, послевоенного обустройства мира и последовавших в связи с этим китайской, кубинской и множества национально-освободительных революций, а также краха колониальной системы. Пожалуй, это была самая мощная волна интереса к революциям (как и создания системного научного подхода к этому социальному явлению), которая продолжала питать энтузиазм исследователей, потихоньку затухая в 1980-е гг. Новый взрыв интереса возник вместе с революциями конца 1980-х – начала 1990-х гг. в Восточной Европе, вызвав к жизни новые размышления и дискуссии о феномене революции в истории человечества. С началом 2000-х гг. этот интерес был подогрет событиями и данными для анализа «цветных революций» в ряде государств постсоветского пространства и «арабской весны» в европейских странах, что, естественно, вызовет к жизни новые обобщающие работы.

Ситуацию, которая сложилась с 1980-х гг., можно классифицировать как методологический кризис: существующие методологии и методики исследований не удовлетворяют, а новые не появляются. Дефицит новых разработок приводит к тому, что аналитические модели исследователей, одни и те же определения и схемы с небольшими модификациями кочуют из исследования в исследование, несмотря на то что вызывают множество вопросов и нареканий.

Одной из отличительных черт современной историографии является эклектизм – объединение различных точек зрения и положений под одной крышей, невзирая на их очевидные противоречия в предпосылках и принципах. Сумма мнений в данном случае – это эклектическая картина, а не объективный подход, позволяющий приблизиться к пониманию проблемы. Подобную методику беспощадно критиковал Макс Вебер: «Самым же решительным образом сле-

дует бороться с довольно распространенным представлением, будто путь к научной “объективности” проходит через сопоставление различных оценок и установление как бы некоего “дипломатического” компромисса между ними» [10. С. 557].

Что касается Русской революции, то изменение методологии и подходов должно быть связано, как представляется, с пониманием того, что Русская революция стоит в общем ряду цивилизационных революций. Более того, Русская революция находится в общем поле закономерностей, присущих всему роду явлений «революция», закономерностей и разнообразия, формирующихся в видах и типах подобных явлений. Русская революция относится не только к категории «великих» (на что указывают ведущие зарубежные исследователи – Ш. Эйзенштадт, Т. Сокпол, С. Хантингтон, Д. Голдстоун и др.), но и принадлежит к революциям классического типа, развивавшихся в разных странах по сходным сценариям и алгоритмам.

Научная база для упразднения превалирующего субъективного оценочного отношения к Русской революции (связанного с мировоззренческо-политическими позициями) и методологического кризиса, на наш взгляд, лежит в поле формирования объективного подхода к анализу Русской революции как части мирового исторического процесса, связанного с переходом в состояние современных цивилизаций Нового (и Новейшего) времени (*Modern civilizations, Modern States*). Уникальность и всемирно-историческое значение Русской революции базируется не на новом типе / виде революций («пролетарская» и т.д.) (марксизм) и не на том, что это была революция почти в стране третьего мира (Т. Сокпол, Д. Форан и др.), а на том, что, являясь классической революцией наравне с английской и французской, она, в силу социально-экономических и иных причин, произошла значительно позже, но при этом в стране с многонациональным населением и различным уровнем развития регионов (в отличие от Англии, Франции, США, Германии 1918 г.), с сильными местными особенностями, но благодаря чему установила новый шаблон модернизации и пример для подражания (сменив этим Великую французскую революцию) для стран так называемого третьего мира.

Проблема заключается в том, что существующие методологии и подходы к исследованию Русской революции (что во многом повторяет общий тренд в анализе всех революций) не ведут к решению даже первостепенных вопросов об определении революционного феномена, о причинах Русской революции, ее датировке (что имеет не просто значение абстрактных или конкретных дат, а определяет принципы и глубинную логику в изучении Русской революции), социальной базе революции и ее октябрянского этапа и т.д. Одни и те же дискуссии фактически идут уже столетие, ни на шаг не приближаясь к научному или к общественному консенсусу. Все стороны диспутов предъявляют примерно равнозначные аргументации противоположных подходов и оценок (при этом зачастую на одном и том же историческом материале и фактах), что ведет в конце концов не к выбору объективности, а к выбору аргументации и фактов в зависи-

симости от личностного эмоционального отношения исследователя или рядового читателя.

В связи с этим необходима смена парадигмы.

Деление революций на буржуазные и пролетарские является идеологией Русской революции, но не имеет отношения к научной классификации. Это позволяет отойти от тупика невозможности сравнительного анализа, так как Русская революция в этой парадигме выступает как явление уникальное. Сравнительный анализ с большим количеством революций в других странах позволяет определить закономерности рода явлений «революция» и выделить виды и типы этого рода. Закономерным в Русской революции является однозначно то, что являлось закономерным для близких к ней революций (революций классического типа). Расхождения являются вариативностью исторического развития. Существование во всех революциях причинно-следственных связей (причины, вызывающие данный феномен) должны обязательно проявляться в последствиях. Общие последствия для всех революций являются закономерными; расхождения – сопутствующие причины, которые оказывали или могли оказывать влияние, но не являлись основными и даже необходимыми.

Революция по сути своей является сложным и составным социально-политическим феноменом. По своим задачам революция – это цивилизационный лифт, толчок к трансформации общества на другие принципы: создание общества большинства, окончательное формирование наций (так как нация – это весь народ, а не благородное сословие и интеллигенция), развитие демократии.

Если принять образ, что человечество в своей истории движется через периоды младенчества, детства и юности к зрелости, то можно сказать, что степень зрелости общества определяла готовность к революции. Важную роль играл и субъективный фактор – личность правителя и представителей элиты. Эти личности могли провести необходимые изменения до того времени, когда система окончательно превратится вrudiment и возникнет брожение в государстве, провести их более или менее мирно или довести страну до состояния масштабной гражданской войны. Первый и второй случаи могли проявляться в «волеизъявлении монарха» (Скандинавские страны), путем военного переворота (Япония). Третий случай считается «классическим каноном» революций и действительно является доминирующим в истории революций. Этот путь прошли революции Нидерландов, Англии, Франции, серия революций в Мексике, Испании, Португалии, целого ряда других стран. В этой череде и Великая русская революция.

Мы наблюдаем революции там и тогда, где и когда ненасильственным эволюционным путем нельзя было решить накопившиеся проблемы и противоречия. Степень радикальности революции зависела от степени запущенности социальных пережитков, соотношения сил внутри страны и роли международного фактора.

Все революции с различной степенью глубины процесса привносили внешние атрибуты новизны на фоне обязательной революционной риторики, которые могли проявляться во введении нового календаря,

религии, идеи нового типа человека, новых форм союзов (от семьи до государственных образований), новых социальных форм взаимодействия и др. Революция пропагандирует «светлое будущее» – более совершенное и справедливое общество. Его можно видеть в пуританских идеалах Английской революции, в культе Разума (как Робеспьер), коммунистических идеалах русской и китайской революций, в обществе по Корану Исламской революции [4. С. 111–142].

Множество расхождений в понимании революций основано на оценке внешних проявлений и ярких символов. Постановка и Декорации могут быть разными. Задача революции – это переход к новой системе – социальной и политической, что позволяет войти в новую стадию развития, которая по времени связана с Новым и Новейшим временем – Modern state. Драматургия же этого явления зависит от многих привходящих факторов и разнится от страны к стране.

Более столетия идет спор двух точек зрения на Русскую революцию: 1) в России существовал тот же капитализм, что и на Западе, только неразвитый и запоздавший, 2) в России был качественно иной, чем на Западе, капитализм (его законы не во всем совпадают с законами западного капитализма). Ни тот ни другой подход не позволяют выйти из уже векового бега по кругу в оценках и характеристиках Русской революции. То, что Россия отставала в экономическом, социальном и политическом развитии в начале XX в. от США и некоторых стран Европы, утверждение бесспорное. Однако выглядела ли Россия отсталой страной в сравнении с США, Англией и Францией на тот период времени, когда там произошли революции? Нет. И капитализм России во многом повторял капитализм в этих странах.

Этот диспут вызван тем, что все стороны вынесли октябрьский этап Русской революции из ее общей логики и алгоритма. Одни заявили, что это новый тип революции (пролетарский / коммунистический), а другие – что это лишний элемент, как и якобинство в Великой французской революции.

Обе точки зрения политизированы и расходятся с конкретным историческим материалом. Великая русская революция 1905–1922 гг. повторяет алгоритм всех классических революций: Английской 1640–1653 гг., Великой французской 1789–1799 гг., Мексиканской 1854–1867 гг., Иранской 1905–1911 гг., Турецкой 1908–1923 гг., Германской 1918–1923 гг. и ряда других [11]. То, что крайне левые не были устраниены по примеру якобинцев во Франции, дало лишь вариативность развития, в которой этим крайне левым (большевикам) самим пришлось устраивать свой Термидор. Эти примеры, разобранные в данной работе, позволяют лишний раз убедиться, что история обладает закономерностями, но абсолютных повторов не допускает.

Бесспорно, что каждая страна несет в своем историческом развитии долю индивидуальности, но это не отменяет общие исторические законы и закономерности. Нарастающий информационный обмен и идеиные заимствования создают иные, порой причудливые формы, но, во-первых, они сами сразу же создают свои закономерности, а во-вторых, в них, в любом случае, через определенный исторический промежу-

ток можно будет разглядеть уже знакомые черты и шаблоны. Так, отличающийся от западного «путь России» повторился в революциях Юго-Восточной Азии и Латинской Америки, а вместе они через несколько десятков лет снова «вернулись» к тем принципам и движению, которое осуществили и осуществляют страны Северной Америки и Западной Европы, и что условно можно назвать «мэнстриром» периода Новой и Новейшей истории.

Постулат о неизбежности и объективности победы Октябрьской революции в советское время заставлял искать все больше и больше объективных причин, создавая все более и более застывшую модель, всесторонне определенную обстоятельствами и оторванную от живой политической борьбы, от многообразия действительности. Отстаивание идей случайности (как неприятие октябрьского этапа изначально или как реакция на навязчивое продвижение идей объективности и предопределенности) тоже заставляет искать все больший набор случайных обстоятельств. И то и другое движение обречены.

Все революции «рукотворные» (т.е. не настоящие, а сымитированные, и все дело всего лишь в активной небольшой группе, которая эту имитацию и произвела в своих целях). В каждой революции наличествует группа, которая прилагает усилия к разжиганию и направлению социального протesta и организации госпереворота. Нет такой модели революции, в которой «низы» (рабочие, крестьяне и т.д.) сами по себе взбунтовались и голыми руками опрокинули вооруженные формирования, стоящие на страже режима, а потом еще и воплотили все протестные лозунги в четкие формулировки законов и добились их исполнения, управляя процессами неким огромным коллективным подобием Вече или постоянно действующим съездом Советов. В каждой революции будет идти речь о технологиях управления социальным протестом в борьбе за власть, технологиях организации госпереворота и управления страной после взятия власти. Борьба за власть различных группировок в ходе революции, стратегия и тактика, методы и приемы этой борьбы не имеют никакого отношения к определению «настоящей» или «ненастоящей», «правильной» и «неправильной» революции, революции, которая была объективной, и следующей, которой можно было бы избежать, и т.д.

Исторический процесс – это всегда сумма разнообразных объективных и субъективных факторов, векторов различных индивидуальных и коллективных действий, и в корне неверно рассуждать о том, что если из этой суммы убрать некий набор составляющих, то «все могло быть иначе». Именно поэтому История не терпит сослагательного наклонения. Одно из любимых занятий при рассуждениях о революции 1917 г. – оценивать альтернативы революции и перевороту 25 октября. Оценивать перспективы самодержавия и сохранения им власти – вообще дело неблагодарное. Не смог Николай II приспособиться к новым реалиям в революции 1905–1907 гг., более того, как только спала революционная активность, повел борьбу с «демократиями» во всех их проявлениях. Неспособность самодержавия эволюционировать

привела к Английской буржуазной революции, к Великой французской и к Русской революции. Ничего необычного, выбивающегося из исторических закономерностей, здесь нет. Царь понимал только аргумент силы, перед которой сразу шел на уступки, но как только угроза миновала, сразу же снова начинал строить из себя великого, сильного и властного самодержца. Если бы сила самодержавия была реальной, революция была бы отсрочена до времени следующего слабого, но властного и самодержавного правителя.

Одним из аргументов в споре альтернатив является утверждение, основанное на том, что если бы революция не произошла, а Россия продолжила довоенный путь рыночной модели после войны, то показатели роста ее экономики были бы никак не меньшими, чем до войны, и темпы ее развития опережали бы среднеевропейские [12. С. 249]. Оставляя в стороне важность экономики для революций (хотя для нас экономика вторична в результатах революций, на первом месте стоят изменения в социальной и политической сферах), заметим, что никто и никогда не рассматривал экономику отдельно от социальной составляющей – как некую самодостаточную доминанту для рождения революции: социальные факторы в той или иной степени важности и значимости всегда выступали совместно с экономикой. Так вот, в России в начале XX в. социальная структура и политическая система выступали крайним анахронизмом. Реформы велись плохо и непоследовательно. Власть в лице императора оказалась абсолютно не гибкой и не способной к модернизации в длительной перспективе, идя на короткие периоды реформ, быстро меняя их на периоды консерватизма.

Авторов, считающих, что в октябре 1917 г. была альтернатива, – достаточно. Если разобрать наиболее аргументированные доводы, то такими представляются те, что приводит Ю.А. Поляков: «Альтернативы существуют всегда. Их множество. Любая революция (коль скоро речь идет о революциях) может остановиться на половине пути, на трети или четырех пятых его (кстати, как определить, где конец пути?), может свернуть влево или вправо. Дело не в количестве вариантов и возможностях альтернатив и их теоретическом обосновании, а в их реальности. Можно ответить с уверенностью, что путь перевода революции на мирные, эволюционные, демократические, парламентские рельсы имел твердую почву. Народ получил полную политическую свободу, существовало демократическое правительство, функционировали более или менее представительные учреждения (Советы, Предпарламент), активно действовали достаточно мощные политические партии, отстаивавшие парламентскую демократию» [13. С. 36].

Однако тут же автор вынужден признать, что Временное правительство («существовавшая демократия» – в терминах автора) не сумело разрешить существующие противоречия и ответить на народные требования. Как вывод: «Массы не были удовлетворены достигнутым, их радикализация происходила с огромной быстротой и приобретала под влиянием политической агитации целенаправленный, классово-отчетливый характер» [13. С. 37]. Таким образом, все

же к октябрю 1917 года альтернативы у большевиков не стало. Если массы продолжали быть недовольными, происходила радикализация, значит, революция не могла уже остановиться на трети или на четырех пятых.

Монархизм однозначно стал невозвратным вчерашним днем, и идеи реставрации почти не находили отклика даже в Белом движении. Более умеренные, нежели большевики, социалисты, меньшевики и эсэры, не желали резких перемен и поддерживали «буржуазные правительства» – курс, который на год позднее возьмут немецкие социал-демократы в Веймарской республике, что не дало избежать Гражданской войны в Германии 1918–1923 гг. Но в России Временное правительство являлось тупиковым путем развития. Этого пути развития дальше не существовало (его можно выстраивать, только абсолютно абстрагируясь от реалий 1917 г., в некой вымышленной реальности).

Большевики оказались сильнее: в уровне социальной поддержки, в технологиях борьбы за власть, в своих лидерах [4. С. 143–170, 257–271]. Смещать большевиков в России оказалось просто некому. В Германии коммунисты в 1918–1923 гг. не смогли захватить власть по примеру России, а социалисты взяли курс на сотрудничество с буржуазными правительствами, объявив о мирной трансформации к социализму и коммунизму. Это, среди многих других факторов, стало причиной оттока поддержки немецких рабочих от СДПГ к Компартии Германии и в конце концов прихода к власти нацистов в 1933 г. То, что в 1933 г. к власти пришли нацисты, во многом стало закономерным результатом развития Немецкой революции 1918–1923 гг. [11]. В Италии это случилось на десятилетие раньше, но со сходной логикой: угроза прихода левых – правые националисты у власти. В Испании и Чили именно правые националистические режимы были призваны скинуть левых и взять власть. Эта логика развития дает основания рассуждать о том, что в XX в. на смену крайне левым (якобинцам, большевикам) в целом ряде революций пришли не обычные Термидор и Бонапартизм классических революций XVIII–XIX вв., а весьма специфическая модель.

Конечно, нам с высоты иной точки на шкале времени трудно представить, что в России могли найтись какие-нибудь правые сродни указанным европейским и южноамериканским примерам, но метод аналогий исторического развития позволяет такую альтернативу считать более реальной, чем альтернативу большевикам в виде Временного правительства или реставрации монархии.

Видеть в Русской революции «русский бунт» (предложенный Пушкиным как феномен), в котором все или почти все списывается на временное помутнение и темноту масс, – это не только не понять сути произошедших в 1917-м и после него событий, но и обречь себя на повторение уроков. Отношение к Русской революции, как и к любой другой революции, сквозь призму поиска и акцентирования внимания на событиях и действиях, которые в обычное время могут рассматриваться как конфликтующие с общепризнан-

ными нормами морали, не имеет никакого смысла и абсолютно контрпродуктивно. Революции – это кризис системы и серьезное социальное противостояние, которое носит бескомпромиссный характер ввиду непримиримого столкновения мировоззрений и образа жизни.

Кроме того, в любой период нестабильности в государстве (социальных катастроф) поднимается на поверхность все, что лежит на дне в спокойное время, как в психике отдельного индивида, так и на уровне социальных групп. И это характерно не только для давно прошедших революций, но и для сегодняшнего дня, и для самых развитых и цивилизованных государств планеты. Яркий пример – наводнения и ураганы начала XXI в. в США, которые выявили проблему мародерствующих групп и преступлений на территории бедствий. И это в такой благополучной стране, как США, с высоким уровнем жизни населения! Следует учитывать и тот фактор, что степень неизбежности наказания от системы правосудия США, устойчивое общественное мнение о высокой степени такой неизбежности не остановили эти преступные элементы. Что говорить о ситуации бессилия власти и анархии в стране?..

Взвешенный подход и базирование на исторических реалиях должны быть основополагающими в анализе как группового, так и личностного поведения. В оценке того или иного политического деятеля всегда необходимо учитывать исторический контекст и тот факт, что политика – это искусство возможного. Тем более когда речь идет о переломных эпохах. Необходимо понимать, что гражданская война (а революция – это и есть акт гражданской войны) разделяет общество не потому, что в этой борьбе есть «правые» и «виноватые», а потому что общество (и его элиты) не смогло решить накопившиеся проблемы, переводя это решение в поле радикальных форм социального протesta и социального столкновения.

В 1930-е гг. русский мыслитель Г.П. Федотов, ставший эмигрантом Русской революции, пророчески предсказал: «Если Россия не развалится, а будет жить как великое государство и великий народ, то ее рево-

люция войдет тоже как “великая” на скрижали истории. Партия, которая провела эту “великую” революцию, актеры великой исторической драмы будут жить в веках, несмотря на все разоблачения их подлинного роста, как “великие” исторические деятели» [14. С. 20].

Великая русская революция 1905–1922 гг. стоит в цивилизационном ряду так называемых великих революций: Нидерландской 1566–1609 гг. и Английской 1640–1653 гг., которые открыли эру революций, Нового времени, цивилизации Модерна, и Великой французской 1789–1799 гг., которая создала эталон революции и само представление об этом явлении для всех современников и потомков. В этом ряду стоят и другие революции, которые определили эпоху и оказали сильнейшее воздействие на мировую цивилизацию: Американская (1776–1783 гг.), Мэйдзи исин (1868–1869), Великая китайская революция 1911–1949 гг. и др.

Великая русская революция, как и Великая французская за столетие до нее, стала событием эпохальным в мировой и российской истории, изменившим историю, географию, политику и международные отношения XX в. Конечно, такие переломные явления (и особенно их действующие лица) всегда будут вызывать противоположные оценки в общественном мнении, вплоть до резких и бескомпромиссных, однако это не имеет (и не будет иметь) отношения к науке и объективности. С точки зрения исторического развития Русская революция была явлением закономерным во всех своих этапах и обеспечила цивилизационный скачок в развитии России (как до нее такие скачки обеспечили другие классические революции для стран, где они произошли). Иной оценочный взгляд имеет, безусловно, право на жизнь, но, к сожалению, продолжит продуцировать мировоззренческие миры «монархического», «коммунистического», «демократического», «либерального» и другого содержания. Каждый из них примерно одинаково искажает сущность Великой русской революции, как и любой национальной революции, и в целом революции как явления.

ЛИТЕРАТУРА

1. Фюре Ф. Постижение Французской революции / пер. с фр. СПб. : Инапресс, 1998. 219 с.
2. Коваленко В.И. От Февраля к Октябрю: логика и противоречия политического процесса // Столетие Революции 1917 года в России : науч. сб. Ч. 1 / отв. ред. И.И. Тучков. М. : Изд-во АО «РДП», 2018. С. 77–84.
3. Черняховский С.Ф. Конструктор будущего // Изборский клуб. 2017. № 4. С. 28–35.
4. Шульц Э.Э. Великая русская революция (1905–1922 гг.): Причины. Последствия. Технологии. События и люди. М. : ЛЕНАНД, 2019. 400 с.
5. Сорокин П.А. Социология революции. М. : РОССПЭН, 2005. 704 с.
6. Sorokin P.A. The Sociology of Revolution. J.B. Lippincott. 1925. 428 р.
7. Голдстоун Д. К теории революции четвертого поколения // Логос. 2006. № 5 (56). С. 58–103.
8. Foran J. Revolutions // The Blackwell Encyclopedia of Sociology / ed. by George Ritzer. Blackwell Publishing, 2007. P. 3914–3923.
9. Шульц Э.Э. Теория революции: революции и современные цивилизации. М. : ЛЕНАНД, 2016. 400 с.
10. Вебер М. Смысл «свободы от оценки» в социологической и экономической науке // Избранные произведения / пер. с нем. М. : Прогресс, 1990. С. 547–600.
11. Шульц Э.Э. Ноябрьская революция 1918 г. в Германии и проблемы возникновения, развития и падения Веймарской республики // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 426. С. 223–228.
12. Грегори П. Экономический рост Российской империи (конец XIX – начало XX в.). Новые подсчеты и оценки / пер. с англ. М. : РОССПЭН, 2003. 253 с.
13. Поляков Ю.А. Гражданская война в России: возникновение и эскалация // Отечественная история. 1992. № 6. С. 32–42.
14. Федотов Г.П. Судьба и грехи России. СПб. : София, 1992. Т. 2. 352 с.

Статья представлена научной редакцией «История» 14 марта 2020 г.

On Methods and Approaches in Russian Revolution Studies

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 459, 171–177.

DOI: 10.17223/15617793/459/21

Eduard E. Shults, Moscow State Regional University (Moscow, Russian Federation). E-mail: nuap1@yandex.ru

Keywords: Russian Revolution; Revolution of 1917; theory of revolution; sociology of revolution; Civil War in Russia.

The article discusses approaches to the Russian Revolution studies. The author notes that the overwhelming part of the century-long historiography of the Russian Revolution is a historiography of the continuing ideological fight of the “Red” and the “White”, the two extremes in revolution studies inherited from the Revolution and the Civil War and pursuing both the Russian and world science till today. The author also notes that there is a methodological crisis in the scientific direction of the theory of revolution and in the Russian Revolution studies, which started in the 1980s, in both domestic and foreign research: the existing methodologies and techniques of research do not meet the researchers’ needs, new ones do not appear. A characteristic feature of modern historiography is eclecticism: connection of various positions and provisions, sometimes opposite and mutually exclusive. The present stage of the development of science and society presses for changes of approaches in the Russian Revolution studies. The existing methodologies and approaches do not offer solutions even to the paramount problems of the definition of the phenomenon, of the reasons of the Russian Revolution, its dating, social basis, etc. Similar discussions are century-long, and they have not reached a scientific or public consensus. In this regard, a shift in the paradigm is required. The scientific basis for an abolition of the prevailing subjective evaluative attitude to the Russian Revolution and the methodological crisis, in the author’s opinion, lies in the formation of an objective approach to the analysis of the Russian Revolution as part of the world historical process connected with the transition of civilizations to a condition of modern civilizations of Modern (and Contemporary) History. The Russian Revolution lies in the general field of the regularities inherent in the totality of the “revolution” phenomena, the regularities and diversity formed in sorts and types of revolution. The Russian Revolution is a classical revolution, like English and French ones. Owing to social, economic and other reasons, it occurred much later than in Europe: it took place in the country with a multinational population and regions with a different level of development and strong local features. In terms of historical development, the Russian Revolution was a phenomenon natural in all its stages and provided a civilization jump in Russia’s development. The Great Russian Revolution, like the Great French one a century prior to it, became an epoch-making event in world and Russian history, changed the history, geography, policy, and international relations of the 20th century. Due to its features, the Russian Revolution established a new pattern of modernization and a model for imitation replacing the Great French Revolution for the countries of the so-called Third World.

REFERENCES

1. Furet, F. (1998) *Postizhenie Frantsuzskoy revolyutsii* [Understanding the Revolution]. Translated from French. St. Petersburg: Inpress.
2. Kovalenko, V.I (2018) *Ot Fevralya k Oktyabryu: logika i protivorechiya politicheskogo protsessa* [From February to October: The logic and contradictions of the political process]. In: Tuchkov, I.I. (ed.) *Stoletie Revolyutsii 1917 goda v Rossii* [Centenary of the Revolution of 1917 in Russia]. Vol. 1. Moscow: Izd-vo AO “RDP”. pp. 77–84.
3. Chernyakhovskiy, S.F. (2017) Konstruktor budushchego [Designer of the future]. *Izborskij klub*. 4, pp. 28–35.
4. Shul’ts, E.E. (2019) *Velikaya russkaya revolyutsiya (1905–1922 gg.): Prichiny. Posledstviya. Tekhnologii. Sobytiya i lyudi* [The Great Russian Revolution (1905–1922): Reasons. Effects. Technology. Events and people]. Moscow: LENAND.
5. Sorokin, P.A. (2005) *Sotsiologiya revolyutsii* [Sociology of revolution]. Moscow: ROSSPEN.
6. Sorokin, P.A. (1925) *The Sociology of Revolution*. J.B. Lippincott.
7. Goldstone, J. (2006) Towards a Fourth Generation of Revolutionary Theory. Translated from English by N. Edel’mann. *Logos*. 5 (56), pp. 58–103. (In Russian).
8. Foran, J. (2007) Revolutions. In: Ritzer, G. (ed.) *The Blackwell Encyclopedia of Sociology*. Blackwell Publishing. pp. 3914–3923.
9. Shul’ts, E.E. (2016) *Teoriya revolyutsii: revolyutsii i sovremennye tsivilizatsii* [The theory of revolution: Revolutions and modern civilizations]. Moscow: LENAND.
10. Weber, M. (1990) *Izbrannye proizvedeniya* [Selected works]. Translated from German. Moscow: Progress, pp. 547–600.
11. Shul’ts, E.E. (2018) The November Revolution of 1918 in Germany and problems of emergence, development and falling of the Weimar Republic. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 426. pp. 223–228. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/426/27
12. Gregori, P. (2003) *Ekonomicheskiy rost Rossiyskoy imperii (konets XIX – nachalo XX v.). Novye podschety i otseinki* [Russian National Income, 1885–1913]. Translated from English. Moscow: ROSSPEN.
13. Polyakov, Yu.A. (1992) *Grazhdanskaya voyna v Rossii: vozniknovenie i eskalatsiya* [Civil War in Russia: The emergence and escalation]. *Otechestvennaya istoriya*. 6, pp. 32–42.
14. Fedotov, G.P. (1992) *Sud’ba i grekhi Rossii* [The fate and sins of Russia]. Vol. 2. St. Petersburg: Sofiya.

Received: 14 March 2020

A.B. Якуб

СТАНОВЛЕНИЕ СОВЕТСКОГО ФИЛАТЕЛИСТИЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ В 1917–1941 ГГ.: ИДЕНТИФИКАЦИЯ «СВОИ» И «ЧУЖИЕ» ГЛАЗАМИ СОВРЕМЕННИКОВ

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-09-00153.

Рассмотрены представления отечественных филателистов об основных периодах становления советского филателистического движения в 1917–1941 гг. На основе анализа публикаций в официальном советском филателистическом журнале «Советский филателист» / «Советский Коллекционер» выделяются основные периоды становления советского этого движения с точки зрения современников – организаторов филателии. Даётся анализ взаимодействия государственных и общественных организаций в области филателии.

Ключевые слова: РСФСР, СССР, филателия; государственные и общественные организации; «Свой» и «Чужой».

В своем желании систематизировать исторический процесс любой исследователь склонен к попыткам определить основные периоды, этапы развития того или иного исторического процесса или даже отдельно взятого исторического события. Исследователь фактически разрезает ткань истории и заменяет пусты и неуловимую, но единую нить времени отдельными временными структурами, которые представляют собой разрыв, нарушение преемственности. В итоге возникает потребность не только определить хронологические рамки каждого такого отрезка, но и идентифицировать его внутреннее содержание и специфику, которые отличаются как от предыдущего периода, так и от периода последующего.

Следует помнить о том, что само время является прямым участником познания. Любой историк изучает прошлое с позиции современной ему общественной среды, на основе современного опыта. В частности, в советский период историческая наука исходила из принципа объективности, который понимался как принцип партийности. Ученый должен был стоять на позиции единственно прогрессивного рабочего класса и, выражая его интересы, решать все встающие перед наукой задачи. Поскольку аксиологичное, ценностно ориентированное по своей природе историческое знание несет не только информацию об объекте, но и о субъекте познания, выражая отношение последнего к познаваемому объекту, фиксируя его позицию, постольку при любой попытке построения периодизации истории, в том числе более конкретной, частной исторической проблемы, всегда неизбежно возникает стремление дать свою, субъективную оценку как исследуемого отрезка исторического развития в целом, так внутреннего содержания основных этапов конкретной проблемы в частности.

Специфика нашего сюжета – история становления филателистического движения в РСФСР / СССР в 1920–1930-е гг. заключается в том, что попытки каким-то образом систематизировать материал предпринимались совсем не историками. Основная масса статей, которые с большой натяжкой можно отнести к научным публикациям, появились на страницах единственного советского официального филателистического журнала, издававшегося с 1922 по 1932 г. Это, как правило, передовые или юбилейные статьи, при-

уроченные к тому или иному праздничному событию. Их авторы – не профессиональные историки, которые могли бы попытаться в рамках исторического подхода проанализировать ход и становление филателистического движения в Советской России, выделив и охарактеризовав специфику основных его этапов. Это были люди, часто имевшие весьма отдаленное отношение к филателии как области коллекционирования и оказавшиеся у руля филателистического движения, как правило, по партийному приказу. Их представления не выходили за рамки тогдашних партийно-политических установок, поэтому они и в теории филателии, и на практике стремились следовать «генеральной линии партии». Но сама эта «линия» за два десятилетия претерпевала серьезные колебания, а отсюда и их представления об основных этапах развития филателистического движения в РСФСР / СССР колебались вместе с официально принятой «линией». Такая ситуация подкрепляется уникальностью источников базы, поскольку единственным источником, на основе которого можно попытаться реконструировать понимание современниками процесса развития филателии в 1920–1930-е гг., является специализированный филателистический журнал, являвшийся фактическим проводником государственной политики в области филателии среди отечественных коллекционеров.

Первая попытка периодизации становления и развития советского филателистического движения была предпринята на страницах первого номера журнала «Советский филателист» осенью 1922 г. Предложенный Ф.Г. Чучиным вариант фактически представлял собой рабочую схему для всех последующих попыток систематизировать историю филателистического движения в России. Уже здесь для объяснения развития российской филателии был заложен принцип традиционной бинарной оппозиции, где категории «Свой» и «Чужой» представляют собой оппозицию двух культурных феноменов в истории российского общества.

Итак, все, что относится в истории филателистического движения к периоду до Октябрьской революции 1917 г., принадлежит категории «Чужой». Филателия в то время не была фавориткой культурной жизни в России, ее распространение заметно уступало

странам Европы и Америки, она оставалась уделом для занятий либо представителей царской семьи, либо дворянства, буржуазии и чиновничества. Для широких народных масс филателия оставалась терра инкогнита, что объяснялось общим бескультурьем большинства населения. Одним из доказательств такого положения дел, по мнению редакции, было полное отсутствие специализированных каталогов знаков почтовой оплаты на русском языке. Это еще более усугубилось в годы Первой мировой войны и последующих событий в России, когда «...у людей не было ни времени, ни желания, ни возможностей заниматься филателией» [1. С. 1].

Однако дата, когда, собственно, начинается советская филателия, фактически отодвигается именно на 1922 г. Таким образом, восьмилетний период, с 1914 по 1922 г., предстает как некое единое целое, в рамках которого существует и старое, и новое, но значение Октябрьской революции как некоего водораздела между «Чужим» и «Своим» полностью исчезает. Вероятно, такая утрата «большевизма в филателии» объяснялась в том числе тем, что первый номер журнала, предоставивший свои страницы для программных статей в области филателии, вышел без согласования с уполномоченным ЦК Помгол (Правительственная Центральная комиссия помощи голодающим) при ВЦИК по марочным пожертвованиям в России и за границей Ф.Г. Чучиным, старым партийцем-большевиком, назначенным на эту государственную должность с целью использования потенциала филателии как инструмента для решения политических и социально-экономических задач, стоявших перед Советской Россией в тот период.

Ситуация была исправлена уже во втором номере журнала. Во-первых, на обложке появился лозунг «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», что прямо указывало на фактическое установление контроля со стороны партийно-советского руководства страны. Это превращало журнал «Советский филателист» в монополиста в области филателистической периодики тех лет и очень быстро привело к исчезновению любой несоветской коллекционерской прессы. Во-вторых, назначение Ф.Г. Чучина ответственным редактором журнала должно было способствовать укреплению государственного подхода к филателии и к расширению возможностей использовать прессу для решения задач социалистического строительства в стране.

Меняется и содержание передовых статей журнала, в которых в периодизацию истории филателистического движения в России определяет Октябрьская революция 1917 г. Именно революция – ключевое событие, отделяющее дореволюционный этап от этапа начала строительства социализма, в том числе и в филателии. Теперь уже сам Ф.Г. Чучин публикует первую из своих установочных статей, озаглавленную весьма красноречиво: «Октябрьская революция и филателия». Предложенный принцип членения исторического процесса в целом и филателистического движения в частности основывается теперь исключительно на классовом, пролетарском подходе. Первый период характеризуется им как буржуазно-

дворянский, царский период, в котором «...авансцену у рампы, при свете прожекторов, занимали короли, князья, дворяне, помещики, банкиры и их вензеля и гербы». Октябрьская революция начинает новый этап в истории филателии в России, именно ее победа поднимает филателию «на небывалую в мире идеиную и научную высоту», задача которой «служить ликвидации последствий голода и улучшению жизни детей, восходя постепенно до уровня настоящей прикладной (вспомогательной) пролетарской науки» [2. С. 1–5].

Мнение Ф.Г. Чучина о характере и содержании первого, дооктябрьского периода развития филателистического движения в России разделял Б. Раевский, представитель так называемых идеиных филателистов, коллекционеров. Это был, по его мнению, период, когда филателия «...если не была в загоне, то во всяком случае рассматривалось как занятие детское, имеющее целью исключительно развлечение. Если ею занимались взрослые люди, то на последних смотрели как на чудаков, не знающих, чем убить свое время и свои деньги» [3. С. 7].

Чуть позднее Ф.Г. Чучин, в свойственной ему эмоциональной и красочной манере публициста, вновь обращается к теме дореволюционной российской филателии. Исходя из приоритета государственного и общественного над индивидуальным, он констатирует факт, что в царской России общественной и государственной филателии не существовало. Действовавшие самостоятельно российские филателисты-одиночки «находились под влиянием немецкой авторитарно-буржуазной филателии» и слабо были связаны между собой. Вывод Ф.Г. Чучина весьма красочен: «Понятно, что в девственном лесу обширной российской равнины у невежественного и некультурного населения не могло развиться нормального разумного увлечения коллекционированием, а общественно-дикие и суровые условия самодержавного режима позволили вырасти на филателистическом поле одной крапиве и чертополоху» [4. С. 2].

К характеристике дореволюционного этапа развития филателистического движения в России уже в начале 1930-х гг., после смены внутриполитического курса в конце 1920-х гг., значительно изменившего лицо как государственной, так и общественной филателии в СССР, возвращается новый руководитель Всероссийского общества филателистов и ярый оппонент Ф.Г. Чучина и его соратников К. Дунин-Борковский. Однако его представления о развитии филателии в царской России мало чем отличались от идеиных установок предшественников.

По его мнению, при царском режиме в России не было ни сколько-нибудь заслуживающих внимания общественных филателистических организаций, ни научного подхода к филателии, ни признания ее широкой общественностью. Два-три малочисленных филателистических кружка, громко именовавших себя «обществами» и напоминавших самые захудальные отделы нынешнего Всероссийского общества филателистов (ВОФ), два-три чахлых, худосочных спекулятивных листка, изображавших «периодические журналы», и полное пренебрежение со стороны общественности составляли весь актив дореволюционной филателии.

Тем не менее К. Дунин-Борковский вынужден признать существование в этот период немногочисленных серьезных коллекционеров почтовых марок, которые, однако, были вынуждены таиться от общества и семьи со своими занятиями. Такая ситуация превращала филателию в предосудительное занятие и загоняло ее в подполье.

Однако вывод, к которому приходит К. Дунин-Борковский, весьма интересен. Если Ф.Г. Чучин видел *царский режим* в бескультурье широких масс, что, по его мнению, ограничивало возможности распространения филателии, то К. Дунин-Борковский фактически обвиняет *сами массы* в дореволюционной России в присущем им бескультурье. Это приводило, на его взгляд, к ситуации, когда непосвященные и особенно малокультурные слои встречали занятие филателией с враждебностью и насмешкой: «Надо ли удивляться, что филателия, занятие глубоко культурное, но не имевшее ввиду своей молодости корней в массах, – встречалось этими массами в штыки и выставлялось нередко на посмешище». Этот интеллектуальный сnobизм, проявляемый К. Дунином-Борковским не только в оценке дореволюционной ситуации в филателии в России, по-видимому, в том числе, дополнительно сыграл свою отрицательную роль в дальнейшем развитии общественного филателистического движения в СССР, начиная с 1930-х гг., кардинально повлияв и на его собственную судьбу [5. С. 291].

Таким образом, в периодизации истории отечественной филателии характеристика первого, дореволюционного, периода ее развития среди тогдашних «идейных филателистов-коллекционеров» не вызывала каких-либо разнотечений. Этот период трактовался исключительно как «чужой», который необходимо было предать ostrакизму ввиду его непролетарской сущности. Единственное, но ключевое разнотечение в понимании его сущности среди «идейных филателистов-коллекционеров», заключалось в определении даты отсчета именно *советской* филателии. Все говорило о том, что такой датой должен стать 1922 г., когда появилось специальное постановление ВЦИК и СНК по филателии и вышел в свет первый номер общероссийского специализированного журнала «Советский филателист».

Однако возникал вопрос, что делать с первым пятилетием существования Советской России и как следует характеризовать процессы в российском филателистическом движении, пусть и весьма аморфным, в эти годы. Первая попытка дать системный анализ развития филателистического движения уже в Советской России была предпринята Б. Розовым. Он предложил особо выделить период с ноября 1917 по февраль 1921 г. Б. Розов определяет этот период как «период бури и натиска». Это период сосуществования самых разных представлений о месте и роли филателии в повседневной и общественной жизни того времени.

Как указывает Б. Розов, для «филателистов-собственников» этот период является «самым мрачным периодом российской филателии». Самые же эти филателисты распадались на две группы. Первую представляли «филателисты-мародеры», которые пополняли свои коллекции за счет богатых коллекций

представителей буржуазии и дворянства, преимущественно эмигрировавших за границу. Не гнушались они и открытым расхищением государственных запасов филателистического материала. Вторую группу составляли такие же мародеры, которые со временем и в силу разных обстоятельств либо подверглись экспроприации со стороны первых, либо просто напросто уничтожили свои коллекции.

В целом Б. Розов определяет «период бури и натиска» как время «...тяжелых сомнений, потрясений, неуверенности, боязни за свои коллекции – для одних, счастливой возможности поживиться за чужой счет для других, для третьих же – временем проявления гражданского мужества в борьбе за революцию рука об руку с пролетариатом и крестьянством России». Но последние, по его мнению, заметно уступали первым двум категориям. Причины этого, на его взгляд, коренились в двух обстоятельствах. Первое – это сохранение представления о том, что филателия является искривлением буржуазной психики, настолько сильным, что «...целью шесть лет советского режима никак не могут его исправить» (статья Б. Розова была опубликована в мае 1924 г.).

Вторая причина такого положения дел заключалась в неумении тогдашних филателистов «...направить филателию в надлежащее русло государственности и общественности, благодаря чему филателия в лучшем случае создавала впечатление ловкой и непонятной для непосвященных спекуляции за счет государства».

Б. Розов подчеркивал, что первое обстоятельство, к сожалению, не исчезло и к моменту написания данной статьи, т.е. к 1924 г. За второе обстоятельство, по его мнению, несет созданное в марте 1918 г. Московское общество филателистов и коллекционеров (МОФИК). Это общество, по Б. Розову, не сумело и не смогло понять и учсть значимость Октябрьской революции и вплоть до своего распуска в феврале 1921 г. оставалось по своей природе старым буржуазным обществом, замкнутой цеховой организацией. Однако он признает, что по своему составу МОФИК все же не было однородной организацией. Часть его членов стремилась к определенной, в том числе идейной перестройке, но большинство, которое до революции входило в состав Московского общества собирателей знаков почтовой оплаты, было пропитано буржуазной идеологией, крайним индивидуализмом, рассматривая себя как круг избранных, заинтересованных лишь в пополнении своих коллекций.

Следующий период, по Б. Розову, это «период отрезвления». Он охватывает временной промежуток с февраля 1921 по апрель 1923 г. Этот период имеет принципиальное отличие от предыдущего, поскольку его основу составляет деятельность группы «идейных филателистов-коллекционеров» по созданию принципиально нового филателистического общества, построенного на идеалах Октябрьской революции. Характерной особенностью этого периода было сложившееся в филателистическом сообществе своеобразное двоевластие, когда фактически одновременно появляются две государственные структуры, отвечавшие за развитие советской филателии. Первым

было созданное при Народном комиссариате почт и телеграфов Российское бюро филателии. Второй была появившаяся чуть позднее Организация уполномоченного ЦК Помгол при ВЦИК по марочным пожертвованиям в России и за границей. Такое государственное двоевластие, по мнению Б. Розова, в итоге привело к шатаниям среди «идейных филателистов». Проблема заключалась в том, что Российское бюро филателии (РБФ) очень быстро проявило себя как организация, в которой преобладали сторонники традиционного, индивидуального, подхода к филателии, а, следовательно, РБФ оказалось ничем иным, как тем же МОФИК, «мертворожденной отрыжкой старой безыдейной филателии». С другой стороны, организация уполномоченного с традиционной филателией имела мало общего, сосредоточившись на решении сугубо практических задач по накоплению филателистических запасов с целью их последующей реализации за рубежом и отстаиванием марочной монополии государства в целом. Такое двоевластие двух государственных организаций долго продолжаться не могло, и уже с середины 1922 г., когда практически все полномочия в области филателии были переданы организации уполномоченного, ориентация филателистов сменилась в направлении последней [6. С. 12–14].

Несколько позднее Ф.Г. Чучин дал весьма образное описание этих пяти лет. События Октябрьской революции, по его мнению, стали очистительным огнем, в результате которого на месте дореволюционной филателии «...остались только обгорелые пни, гниющие группы деревьев и не поддающийся очистительному действию революционного пламени колючий бурьян, который после расчистки пожарища пришлось вырубать, выкорчевывать, сваливать в специальные кучи и сжигать методически по всем правилам уголовного кодекса на раскаленных горнах пролетарского правосудия». Последующие после революции пять лет стали, таким образом, периодом «подсечного хозяйства», где главным инструментом стала возглавляемая им организация уполномоченного, которая «...посеяла на образовавшейся гари первые семена общественной и государственной филателии, приличествующие рабоче-крестьянской стране» [4. С. 1–3].

С апреля 1923 г. начинается третий период – «период строительства». Главной движущей силой этого строительства, по Б. Розову, должно было стать созданное 6 апреля 1923 г. Всероссийское общество филателистов. Этот день ознаменовал окончательную победу «идейной филателии», облаченной в одежду общественной организации, над приверженцами старой буржуазной филателии, и, следовательно, его можно считать днем рождения советской общественной филателии [6. С. 14].

Однако, следует учитывать тот факт, что предложенная Б. Розовым периодизация развития филателистического движения в Советской России в конце 1910-х – начале 1920-х гг. была представлена советской филателистической общественностью тогда, когда РБФ уже практически утратило какое-либо значение. Двоевластие закончилось победой Организации уполномоченного, которая превратилась в монополиста в обла-

сти филателии как внутри страны, так и за ее пределами. Дореволюционный «чужой» был побежден и в теории, и на практике.

Исходя из этого, вся предлагаемая периодизация развития филателистического движения в Советской России теперь была подчинена государственному подходу, а основным системообразующим органом развития филателии становилась Организация уполномоченного по филателии и бонам (ОУФБ), во главе которой стоял Ф.Г. Чучин. В данном случае Б. Розов лишь развивал точку зрения Ф.Г. Чучина о том, что переломным годом в развитии советской филателии стал 1922 г. Ф.Г. Чучин исходил из того, что в течение этого года организация переживала два этапа: первый – с апреля по сентябрь, второй – с октября по декабрь. Первый этап Ф.Г. Чучин характеризует как несамостоятельный, где роль организации сводилась исключительно к организации сбора марочных пожертвований и разъяснению смысла этого сбора. Реализация и обработка собранных пожертвований была возложена тогда на Наркомат внешней торговли, а общее руководство филателистической жизнью должно было осуществлять РБФ. Начало самостоятельного этапа в деятельности организации Ф.Г. Чучин связывает с опубликованием 21 сентября 1922 г. специального постановления ВЦИК и СНК по филателии, на основании которого Организация уполномоченного получила от государства право на монополию в области филателии как внутри страны, так и за рубежом [7. С. 1–5].

Деятельность Организации уполномоченного в начальный период ее существования Ф.Г. Чучин описал достаточно красноречиво: «Тернист и труден был путь новой организации в течение первого года ее существования. Много у нее было недругов по личным и ведомственным мотивам, и с этими недругами ей пришлось выдержать упорную борьбу, отстаивая свое право на существование. Мало друзей, способных поддержать и защитить ее в трудную минуту. А больше всего – невежества, непонимания и равнодушия, встречавших леденящим холдом, мертвящей скучой и снисходительным безразличием все ее живые благотворные порывы...» [8. С. 2].

Мнение Ф.Г. Чучина о значении событий 1922 г. и факта создания Организации уполномоченного полностью разделял еще один из функционеров от филателии Б. Раевский, который писал: «Признав филателию не пустой забавой, не пережитком буржуазных прихотей, она (Организация. – А.В.) легализовала коллекционирование марок и тем вывела коллекционеров из чрезвычайно стеснительного положения. Легализовав филателию, Организация не могла не обратить внимание и на работу фальсификаторов. Она приняла широкие и действительные меры к ликвидации их работы и – надо сказать – успешно выполнила свою задачу. Этим она подняла заграницей доверие к русской марке».

Особая заслуга ОУФБ, по мнению Б. Раевского, заключалась в установлении марочной монополии и создании системы контроля за заграничным обменом российских коллекционеров. Кроме того, именно организация способствовала появлению первой совет-

ской общественной организации в области филателии – ВОФ. Наконец, важной вехой в организационном укреплении филателистического движения в Советской России стало создание специализированного журнала «Советский филателист», главным редактором которого был назначен Ф.Г. Чучин. «Наконец, – подытоживает Б. Раевский, – всей своей деятельностью Организация всколыхнула коллекционеров, толкнула их к общественности и, напомнив, что филателисты должны не только собирать марки, но и двигать филателию, как науку, вызвала их к работе в области научной филателии» [3. С. 7–10].

К середине 1920-х гг., в условиях изменяющейся в условиях нэпа общественно-политической и экономической ситуации внутри страны, позиция фактического руководителя советской филателии Ф.Г. Чучина становится все более жесткой и бескомпромиссной по отношению к любым, как ему казалось, проявлениям буржуазных пережитков в отечественном филателистическом движении. События мировой и российской истории Ф.Г. Чучин напрямую ассоциирует с событиями, имевшими место в Российской филателии 1917–1925 гг., которые пережили свой Февраль и Октябрь. Февраль разрушил диктатуру немецкого каталога почтовых марок Зенфа, столь популярного среди русских филателистов дооктябрьского периода. Советская власть запустила механизм переоценки ценностей в филателии. Общественность сменила авторитеты, индивидуальный интерес среди коллекционеров начинает уступать коллективному. Большую роль в этом, по мнению Ф.Г. Чучина, сыграли проведенные в начале 1925 г. I Съезд ВОФ и Первая всесоюзная выставка по филателии, бонистике и нумизматике. Итоги двух этих мероприятий вовлекли филателистическое движение в СССР в свой Октябрь, когда начинает формироваться программа подлинной советской филателии.

Для этой филателии, как считает Ф.Г. Чучин, мало «пассивного объяснения» существующего мира, она должна активно способствовать его переустройству на коммунистических началах. Его тезис о советской филателии обретает четкость и определенность: «Никогда не существовало и быть не может аполитичной филателии, как никогда не было и быть не может “чистого искусства”, “чистой науки”». Филателия может быть инструментом пропаганды и прикладным средством либо для сохранения буржуазного общества, либо для строительства нового социалистического общества. Середины в этой диспозиции в условиях сохранения империалистических государств и ожесточенной классовой борьбы быть не может, а, следовательно, всем коллекционерам необходимо самоопределиться и занять ту или иную сторону по отношению к ней [9. С. 2–3].

Спустя год меняющаяся советская действительность вновь вторгается в попытки Ф.Г. Чучина объяснить ход развития советского филателистического движения. Теперь в качестве идеологического основания отдельных периодов его развития используются лозунги, которые должны были объединить коллекционеров страны в единое целое. Все началось в 1922 г., когда был выдвинут лозунг «Сберегая почто-

вую марку – даешь кусок хлеба голодному!» В основном в этот год филателия играла сугубо пропагандистскую роль, создавая за счет системы марочных пожертвований филателистические запасы, которые затем реализовывались за рубежом с целью получения валюты для приобретения необходимых стране продуктов питания. На смену ему пришел лозунг «Филателия – детям!», под которым 19 августа 1922 г. на Московском почтамте был проведен «День филателиста» и выпущена первая благотворительная серия марок в пользу детей. Выручка от ее реализации, как указывает Ф.Г. Чучин, частично была использована как материальная основа для создания самостоятельной советской филателистической организации.

Следующим лозунгом был лозунг «Филателия – труящимся!», появившийся 1 мая 1923 г. и сопровождавшийся выпуском очередной благотворительной серии почтовых марок. Однако более существенным было создание Всероссийского общества филателистов, что означало появление, наряду с государственной, общественной филателии. Это создало возможность выдвинуть следующий лозунг, содержание которого касалось интересов как Советского государства, так и отдельных филателистов-общественников: «Долой фальсификаторов и спекулянтов-марочников!».

1924 г. ознаменовался работой по созданию первой международной филателистической организации на пролетарской основе. Выдвигается лозунг «Филателисты всех стран, объединяйтесь!», создается Филателистический интернационал, который проводит свой первый учредительный съезд в начале 1925 г.

Однако такая бурная деятельность со стороны организаторов филателистического движения в СССР, по-видимому, не встречала, с точки зрения Ф.Г. Чучина, должного понимания среди руководства страны. Обида сквозит в его словах, когда он пишет: «Начав свою работу без всяких материальных средств, с одними добрыми намерениями, при бесплатном труде немногих энтузиастов, среди презрительных насмешек окружающих невежд и равнодушном скептицизме знатоков, с одною верою в успех начатого дела, но без должных навыков и опыта, неслышно и незримо для широкой публики проходили мы свой тернистый путь, постепенно шаг за шагом отвоевывая свое право на существование и добиваясь всеобщего признания. Ежегодно меняя своих хозяев (НКВТ, ЦК Помгол, ЦК Последгол, Особая секция), которые мало интересовались нами, мы пришли теперь к обслуживанию фонда имени В.И. Ленина помощи беспризорным детям и бросаем в массы очередной лозунг “Филателия – беспризорным!”».

У руководителя Организации уполномоченного еще сквозит надежда на лучшие времена, когда он заявляет, что «мы надеемся, что в дальнейшем – при более лучших объективных условиях – наша скромная работа будет протекать не менее успешно и плодотворно» [10. С. 1–3].

Однако пессимистические нотки об итогах развития советского филателистического движения проскальзывают у другого функционера от филателии Б. Розова. Он называет период 1922–1926 гг. самым трудным в развитии советской филателии. Главная же

трудность, по его мнению, вытекала из-за того факта, что Организация уполномоченного не имела статуса юридического лица, и это существенно ограничивало ее возможности в осуществлении разного рода экономических операций [11. С. 1]. Ситуацию должно было исправить создание Советской филателистической ассоциации (СФА) 25 октября 1926 г., которая стала правопреемником, но с расширенными полномочиями, Организации уполномоченного ВЦИК по филателии и бонам [12. С. 1].

Таким образом, в развитии советского филателистического движения самими современниками события достаточно четко выделяется период 1922–1926 гг., который в качестве рубежей имеет два постановления ВЦИК и СНК – о филателии и о создании Советской филателистической ассоциации. Однако эйфория начала периода, связанная с созданием государственной и общественной организаций в области филателии и их достаточно мирном сосуществовании, проведение двух съездов ВОФ, Всесоюзной выставки по филателии, бонистике и нумизматике, создание международного Филателистического интернационала, к концу периода сменяется появлением пессимистических ноток в заявлениях руководителей филателистического движения и жалобами на отсутствие должного внимания со стороны руководства партии и страны. Но, тем не менее, это период, когда доминируют исключительно «Свои», а «Чужие» отправлены на свалку истории, когда оптимизм еще преобладает над пессимизмом в реальной практике филателистического движения.

Этот нарастающий пессимизм очень скоро обозначился в реальной практике дальнейшего развития филателистического движения в СССР, столкнувшегося с оппозицией «современники – потомки». Если события в филателистическом движении до 1926 г., как мы видели, пытались уложить в определенные периоды сами современники, руководители этого филателистического движения, то для 1927 г. такие попытки полностью отсутствуют. Стремление создать некую периодизацию процесса переходит в руки потомков, которые современниками тех событий уже не были, да и работы подобного рода, за небольшим исключением [13. С. 17–26], в филателистической литературе практически отсутствуют.

Все статьи и заметки 1927–1932 гг., напечатанные на страницах главного филателистического журнала, были напрямую связаны с последствиями расширенного Пленума ВОФ, состоявшегося в июне 1927 г., III съезда ВОФ (декабрь 1927 г.) и изменения руководства ВОФ и СФА в 1928 г. – начале 1929 г. и оценивались противоборствующими сторонами исключительно как повседневная борьба между прошлым и настоящим. Полюса поменялись, бывшая так называемая вофовская оппозиция стала у руководства Общества Ф.Г. Чучин покинул пост руководителя СФА, а Л.К. Эйхфус – пост руководителя Филинтерна [14. С. 1–6; 15. С. 1–3; 16. С. 1–3; 17. С. 1–3; 18. С. 4–5]. Страна, согласно решениям XVI съезда ВКП(б) (1930 г.), вступала в реконструктивный период [19. С. 398–443], и влияние партийной риторики находило свое прямое отражение как в названиях отдельных

опубликованных статей, так и в их содержании. Прямо констатировался факт, что советская филателия сохраняет еще слишком много буржуазных черт, что она страдает аполитичностью, хотя должна бы быть тесно связана с почтовыми марками, которые являются политическими документами и играют важную роль в международном обмене как символ советской страны [20. С. 265–266; 21. С. 29–33; 22. С. 78]. Филателия, по мнению М. Сюзюмова, должна была стать массовым явлением, одним из каналов, проводящим массы «...к победам на культурном фронте, средством развития кругозора и интернациональных связей» [23. С. 120].

Свообразным резюме задач советской филателии в реконструктивный период на основе решений XVI съезда ВКП(б) стало заявление Э. Нуркаса, председателя президиума Московского отдела ВОФ: «Советская филателия, являющаяся орудием агитации и пропаганды в интересах рабочего класса и соцстроительства, отражая все моменты борьбы и достижений рабочего класса на фронте построения социалистического общества, должна в своем существовании соответствовать большевистским темпам и задачам, стоящим перед советской филателией» [24. С. 200].

Нараставший скептицизм со стороны руководства страны в отношении роли общественных организаций, особенно тех, которые явно несли на себе «отметины прошлого», усугублялся непростыми отношениями между государственными органами в сфере филателии СФА и пытавшегося выйти из состояния внутреннего кризиса ВОФ. Так, в очередной юбилейной статье К. Дунин-Борковский призывает приложить все усилия, чтобы филателия (а значит, ВОФ) не осталась на задворках истории, чтобы лозунг «догнать и перегнать» стал основой существования филателистического движения. «Роль филателистической общественности – внедрить филателию в массы, осмыслить ее в глазах этих масс и тем самым пронизать Октябрь самое бытие филателии... Да здравствует филателия как орудие классовой борьбы, классового воспитания, научно-технической и политической пропаганды, углубления культурной революции, повышения оборонспособности страны трудящихся и помощи социальному строительству!» [5. С. 293].

В свою очередь, руководитель СФА М.В. Миллердов прямо указывал на факт весьма сложных отношений между СФА и ВОФ в последние годы, которые проявлялись во взаимном недоверии, а порой непонимании и даже озлобленности. Преодоление этого возможно, по его мнению, только в случае если СФА и ВОФ будут работать в теснейшем контакте, выдвигая на первый план *государственные интересы*. Он призывает отказаться от старых привычек, прежде всего индивидуализма, которые характерны для некоторых членов ВОФ. Он фактически указывает руководству ВОФ: «Пора уже перестать смотреть на СФА как на организацию, якобы проводящую враждебную ВОФ политику. Смешно вообще думать, что государственная организация, какой является СФА, вообще может встать на этот путь. Надо всегда иметь в виду, что СФА осуществляют серьезные государственные задачи и ни в какой мере не заинтересована в порче

отношений с ВОФ. И если в своей работе она твердо и неуклонно ограждает интересы марочной монополии и политику максимального увеличения валютных фондов, то в этой области она не может идти и не пойдет ни на какие уступки во имя личных интересов коллекционеров» [25. С. 4].

Руководство ВОФ практически сразу отреагировало на данное указание со стороны государственного органа филателии. Все тот же глава Московского отдела ВОФ Э. Нуркас поспешил заверить представителя государственной организации в том, что ВОФ предпримет все дальнейшие шаги по нормализации отношений между двумя организациями и постарается ликвидировать все проявления несработанности и взаимного недопонимания задач, стоящих перед советской филателией. Однако руководство ВОФ не было полностью уверено в том, что преодолеть состояние конфронтации между двумя организациями в ближайшее время будет возможно, поскольку «...в единичных случаях начинания встретят недоброжелательное или хотя бы недоверчивое отношение со стороны отдельных членов ВОФ или работников СФА, которые при оценке новых веяний будут руководствоваться впечатлениями прошлого и которые настолько проникнуты духом антагонизма, что по-просту неспособны верить в возможность дружеских отношений между ВОФ и СФА» [26. С. 5–8].

Такие судорожные попытки сохранить само существование ВОФ как организации, предпринимаемые его руководством, найти компромисс с государственной структурой, а значит, и с руководством страны лишь на время оттянули реальное, де-факто, свертывание ее деятельности. ВОФ удалось сохранить де-юре. 20 мая 1932 г. Президиум ВЦИК СССР принял решение о нецелесообразности ликвидации ВОФ. Слова благодарности со стороны ВОФ прозвучали незамедлительно и полностью передавали складывавшуюся к тому времени общую атмосферу в СССР: «В этом сказывается особая глубина и мудрость высшего правительства, который на фоне крайне неблагоприятной для ВОФ обстановки, в свете его собственных ошибок и упущений, а также при наличии ряда определенно тенденциозных моментов, о которых здесь нет нужды говорить, – без особого труда и усилия сумел определить сущность нашей организации как культурного звена в советской системе и в силу этого дать ему возможность исправить в дальнейшем свои недочеты и повести работу в нужном для нашей страны направлении» [27. С. 163].

Однако спасти общественное филателистическое движение в СССР в итоге не удалось. Так завершился еще один период советского филателистического движения, характеризующийся жесткой конфронтацией между государственным и общественным видением места филателии в социалистическом строительстве, период, который начался с поиска «врагов» среди прежнего руководства всех ранее созданных структур, отвечавших за развитие филателии как внутри страны, так и за рубежом. Для самих участников этой борьбы этот конфликт, выплеснувшийся на страницы единственного официального филателистического журнала, вполне укладывался в рамки против-

остояния «Чужих» и «Своих». Однако, исходя из этой бинарной оппозиции, с точки зрения современных представлений о ходе исторического развития советского государства и общества мы можем попытаться уточнить это противостояние с несколько иных позиций.

Понятие «Чужие» в данном случае, в том числе с точки зрения самих современников этих процессов, к началу 1930-х гг. четко ассоциировалось с представителями дореволюционной отечественной филателии. Такой взгляд окончательно сложился к концу 1926 г. и более не изменялся. Однако оценить краткий период кризиса 1927–1932 гг. современникам было сложнее. Часть тех, кто был «Своим», теперь уже выходил за эти рамки, но не укладывался в понятие «Чужие». Зачастую огульная критика прежних руководителей филателии еще не отрицала их принадлежность к советской и партийной элите. Они превращались в каких-то «Других», они уже не одни из «Своих», они отличаются от «Своих», но еще не превратились в «Иных», а поэтому агрессия по отношению к ним пока не переходит границ литературной полемики, лишь частично проявляясь в реальной практике. Они своеобразные «Свои – Другие». Но это их состояние временное, которое совсем скоро превратится в состояние «Бывшие Свои – Чужие», и, как и классическим «Чужим», им не должно было найти свое место в советской филателистической действительности.

Наконец, последний период развития советского филателистического движения охватывает 1933–1941 гг. Этот период весьма трудно оценивать с точки зрения его восприятия современниками, поскольку последние фактически лишились какой-либо возможности высказывать свое мнение. С 1933 г. прекращается издание журнала «Советский коллекционер», который был единственной площадкой для обмена мнений среди советских филателистов. В 1934 г. ре-прессиям подвергается председатель ВОФ К. Дунин-Борковский, начинают сворачивать свою деятельность региональные отделы ВОФ. Давление со стороны государства усиливается, и это было связано с общей политикой, направленной на закрытие организаций и общественных объединений, носящих политico-просветительский характер. В 1938 г. была ликвидирована СФА, на смену которой пришли Главная филателистическая контора, реализовывавшая почтовые марки внутри страны, и «Международная книга», отвечавшая, в том числе, за внешнеэкономическую деятельность в области филателии. В конце 1930-х гг., многие члены ВОФ, особенно связанные с заграничным филателистическим обменом, подверглись ре-прессиям, охватившим страну. Само общество прекратило свое существование в июле-августе 1941 г.

Таким образом, когда речь идет о периодизации развития филателистического движения в России, следует исходить из того, что предлагаемые периоды ее развития и их хронологические рамки обусловливались общим состоянием дел в стране и меняющейся общественно-политической и экономической обстановкой. Часть периодов предложили сами современники, взяв за основу первоначально ключевые даты в истории развития филателистического движения, а затем

связав эти даты и периоды с появлением и ролью основных государственных и общественных организаций в области филателии. При характеристике первых четырех этапов (с дореволюционного до 1933 г.) сами современники стояли на ярко выраженном принципе партийности в оценке происходившего как в прошлом, так и настоящем. Однако сам принцип партийности во многом определялся политико-идеологическими и практическими установками съездов РКП(б) – ВКП(б), которые вплоть до 1930 г. отражали борьбу и внутри

самой Коммунистической партии. Такая ситуация порождала крайне формы субъективизма в оценке основных периодов становления советского филателистического движения, меняя, таким образом, и содержание бинарной оппозиции «Свой – Чужой». Последний, заключительный, период развития довоенной советской филателии уже не оценивается самими современниками, а может быть выделен исключительно исходя из знаний потомков о развитии филателистического движения в СССР в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Наши задачи // Советский филателист. 1922. № 1. С. 3–4.
2. Чучин Ф.Г. Октябрьская революция и филателия // Советский филателист. 1922. № 3–4. С. 1–6.
3. Раевский Б. К годовщине советской филателии // Советский филателист. 1923. № 9–10. С. 7–10.
4. Чучин Ф.Г. Вторая годовщина // Советский филателист. 1924. № 10 (26). С. 1–3.
5. Дунин-Борковский К. Филателия и Октябрь // Советский коллекционер. 1931. № 11 (123). С. 291–293.
6. Розов Б. Взгляд назад. (К юбилею ВОФ) // Советский филателист. 1924. № 5 (21). С. 12–14.
7. Чучин Ф.Г. Итоги и перспективы // Советский филателист. 1923. № 1–2. С. 1–6.
8. Чучин Ф.Г. Наша годовщина // Советский филателист. 1923. № 9–10. С. 1–6.
9. Чучин Ф.Г. Октябрь в филателии // Советский коллекционер. 1925. № 5 (33). С. 2–3.
10. Чучин Ф.Г. Филателия и беспризорность. (К итогам за первые 4 года) // Советский филателист – Советский коллекционер – Radio de Filintern. 1926. № 5 (57). С. 1–3.
11. Розов Б. Советская филателистическая ассоциация // Советский филателист – Советский коллекционер – Radio de Filintern. 1926. № 12 (64). С. 1.
12. Постановление ВЦИК и СНК РСФСР об образовании Советской филателистической ассоциации // Советский филателист – Советский коллекционер – Radio de Filintern. 1926. № 11 (63). С. 1.
13. Кулаков В.В. Основные вехи истории филателии в нашей стране // 25 лет Союзу филателистов СССР. М., 1991. 31 с.
14. Редакционная. Вофовский актив и вофовская оппозиция // Советский филателист – Советский коллекционер – Radio de Filintern. 1927. № 8 (71). С. 1–6.
15. Чучин Ф.Г. Накануне двух юбилеев // Советский филателист – Советский коллекционер – Radio de Filintern. 1927. № 9 (72). С. 1–3.
16. Чучин Ф.Г. Десятилетие Октября и пятилетие ОУ и СФА // Советский филателист – Советский коллекционер – Radio de Filintern. 1927. № 10 (74). С. 1–3.
17. Геррес Ю. Первоочередные задачи СФА // Советский коллекционер. 1929. № 1–3 (89–91). С. 2–3.
18. Френкель А. Неотложные задачи ВОФ // Советский коллекционер. 1929. № 1–3 (89–91). С. 4–5.
19. Шестнадцатый съезд ВКП(б). Москва, 26 июня – 13 июля 1930 г. // ВКП(б) в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Часть II: 1925–1935. 5-е изд. М., 1936. 694 с.
20. Дунин-Борковский К. Надо решительно подтянуться // Советский коллекционер. 1930. № 11 (111). С. 265–266.
21. Сюзюмов М. Задачи ВОФ в реконструктивный период (Тезисы в порядке обсуждения) // Советский коллекционер. 1931. № 2 (114). С. 29–33.
22. Сюзюмов М. О соревновании в ВОФ // Советский коллекционер. 1931. № 3 (115). С. 78.
23. Сюзюмов М. Об юридическом членстве // Советский коллекционер. 1931. № 5 (117). С. 120–121.
24. Нуркас Эд. Работу на социалистические рельсы (К перестройке работы Президиума МО ВОФ) // Советский коллекционер. 1931. № 7 (119). С. 200–202.
25. Милюсердов М.В. Рука об руку // Советский коллекционер. 1932. № 1 (125). С. 4–5.
26. Нуркас Эд. За дружную работу // Советский коллекционер. 1932. № 1 (125). С. 5–8.
27. Каплан В.П. Оправдать доверие // Советский коллекционер. 1932. № 6 (130). С. 163.

Статья представлена научной редакцией «История» 10 августа 2020 г.

Formation of the Soviet Philatelic Movement in 1917–1941: Identification of “Friends” and “Foes” Through the Eyes of Contemporaries

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 459, 178–186.

DOI: 10.17223/15617793/459/22

Alexey V. Yakub. Dostoevsky Omsk State University (Omsk, Russian Federation). E-mail: avy59@mail.ru

Keywords: RSFSR; USSR; philately; state and public organizations; “friend” and “foe”.

The study is supported by the Russian Foundation for Basic Research, Project No. 20-09-00153.

The specificity of the history of the formation of the philatelic movement in the RSFSR/USSR in the 1920s–1930s is that it was not historians but people who often had a very distant relation to philately as a field of collecting that made attempts to systematize the material and identify the main periods of its development. Such people did not go beyond the then party-political guidelines in their ideas, thus seeking to follow the “general line of the party” defined by party documents both in the theory of philately and in practice. The situation is supported by the uniqueness of the source base, since the only source that can be used to reconstruct contemporaries’ understanding of the development of philately in the 1920s–1930s is a specialized philatelic journal that acted as a guide to the state policy in the field of philately. The author came to the following conclusions. Identifying the pre-revolutionary period of the development of Russian philately (before 1917), representatives of “ideological philatelists-collectors” interpreted it exclusively as a “foe” period, which had to be ostracized due to its non-proletarian nature. A characteristic feature of the 1917–1921 period is a kind of a “dual power” that developed in the philatelic community with two state structures simultaneously responsible for the development of Soviet philately: the Russian Philately Bureau and the Organization of the Commissioner of the Central Committee of

Pomgol under the All-Russian Central Executive Committee for stamp donations in Russia and abroad. The 1922–1926 period is characterized by the overcoming of the “dual power” and the creation of the first public organization, the All-Russian Society of Philatelists (VOF). However, the euphoria of the beginning of the period (associated with the intense activity of VOF; holding of two congresses and an all-Union exhibition of philately, bonistics and numismatics; creation of Philatelic International) gave way to the emergence of pessimistic tones in the philatelic movement leaders’ statements about the lack of proper attention from the leadership of the party and the country by the end of the period. During this period, “friends” dominated in philately, “foes” were consigned to the ash heap of history, and optimism still prevails over pessimism in the actual practice of the philatelic movement. The following period, 1927–1932, was a period of crisis: relations between the Soviet Philatelic Association and VOF became very tense, and there were serious disagreements within VOF itself. The situation in the country was changing, pressure from the state was increasing, political and educational organizations were beginning to close, which fully affected the philatelic movement in the USSR.

REFERENCES

1. Sovetskiy filatelist. (1922) Nashi zadachi [Our tasks]. 1. pp. 3–4.
2. Chuchin, F.G. (1922) Oktyabr'skaya revolyutsiya i filateliya [The October Revolution and Philately]. Sovetskiy filatelist. 3–4. pp. 1–6.
3. Raevskiy, B. (1923) K godovshchine sovetskoy filatelii [On the anniversary of Soviet philately]. Sovetskiy filatelist. 9–10. pp. 7–10.
4. Chuchin, F.G. (1924) Vtoraya godovshchina [Second anniversary]. Sovetskiy filatelist. 10 (26). pp. 1–3.
5. Dunin-Borkovskiy, K. (1931) Filateliya i Oktyabr' [Philately and October]. Sovetskiy kollektcioner. 11 (123). pp. 291–293.
6. Rozov, B. (1924) Vzglyad nazad. (K yubileyu VOF) [Looking back. (To the anniversary of the All-Russian Society of Philatelists)]. Sovetskiy filatelist. 5 (21). pp. 12–14.
7. Chuchin, F.G. (1923a) Itogi i perspektivy [Results and prospects]. Sovetskiy filatelist. 1–2. pp. 1–6.
8. Chuchin, F.G. (1923b) Nasha godovshchina [Our anniversary]. Sovetskiy filatelist. 9–10. pp. 1–6.
9. Chuchin, F.G. (1925) Oktyabr' v filatelii [October in philately]. Sovetskiy kollektcioner. 5 (33). pp. 2–3.
10. Chuchin, F.G. (1926) Filateliya i besprizornost'. (K itogam za pervye 4 goda) [Philately and homelessness. (To the results of the first 4 years)]. Sovetskiy filatelist – Sovetskiy kollektcioner – Radio de Filintern. 5 (57). pp. 1–3.
11. Rozov, B. (1926) Sovetskaya filatelisticheskaya assotsiatsiya [Soviet Philatelic Association]. Sovetskiy filatelist – Sovetskiy kollektcioner – Radio de Filintern. 12 (64). p. 1.
12. Sovetskiy filatelist – Sovetskiy kollektcioner – Radio de Filintern. (1926) Postanovlenie VTsIK i SNK RSFSR ob obrazovanii Sovetskoy filatelisticheskoy assotsiatsii [Resolution of the All-Russian Central Executive Committee and the Council of People's Commissars of the RSFSR on the formation of the Soviet Philatelic Association]. 11 (63). p. 1.
13. Kulakov, V.V. (1991) Osnovnye vekhi istorii filatelia v nashey strane [The main milestones in the history of philately in our country]. In: 25 let Soyuzu filatelistov SSSR [25 years of the Union of Philatelists of the USSR]. Moscow: [s.n.].
14. Sovetskiy filatelist – Sovetskiy kollektcioner – Radio de Filintern. (1927) Redaktsionnaya. Vofovskiy aktiv i vofovskaya oppozitsiya [Editorial. All-Russian Society of Philatelists' active and opposition]. 8 (71). pp. 1–6.
15. Chuchin, F.G. (1927) Nakanune dvukh yubileev [On the eve of two anniversaries]. Sovetskiy filatelist – Sovetskiy kollektcioner – Radio de Filintern. 9 (72). 33. 1–3.
16. Chuchin, F.G. (1927) Desyatiletie Oktyabrya i pyatiletie OU i SFA [The tenth anniversary of the October and the fifth anniversary of the Organisation of the Commissioner for Philately and Scripophily and the Soviet Philatelic Association]. Sovetskiy filatelist – Sovetskiy kollektcioner – Radio de Filintern. 10 (74). pp. 1–3.
17. Gerres, Yu. (1929) Pervoocherednye zadachi SFA [Priority tasks of the Soviet Philatelic Association]. Sovetskiy kollektcioner. 1–3 (89–91). pp. 2–3.
18. Frenkel', A. (1929) Neotlozhnye zadachi VOF [Urgent tasks of the All-Russian Society of Philatelists]. Sovetskiy kollektcioner. 1–3 (89–91). pp. 4–5.
19. VKP(b). (1936) Shestnadtsaty s'ezd VKP(b). Moskva, 26 iyunya – 13 iyulya 1930 g. [Sixteenth Congress of the VKP(b). Moscow, June 26 – July 13, 1930]. In: VKP(b) v rezolyutsiyakh i resheniyakh s'ezdov, konferentsiy i plenumov TsK [VKP(b) in resolutions and decisions of congresses, conferences and plenums of the Central Committee]. Vol. II: 1925–1935. 5th ed. Moscow: [s.n.].
20. Dunin-Borkovskiy, K. (1930) Nado reshitel'no podtyanut'sya [We must resolutely catch up]. Sovetskiy kollektcioner. 11 (111). pp. 265–266.
21. Syuzumov, M. (1931a) Zadachi VOF v rekonstruktivnyy period (Tezisy v poryadke obsuzhdeniya) [Tasks of the All-Russian Society of Philatelists in the reconstruction period (theses in discussion)]. Sovetskiy kollektcioner. 2 (114). pp. 29–33.
22. Syuzumov, M. (1931b) O sorevnovanii v VOF [On competition in the All-Russian Society of Philatelists]. Sovetskiy kollektcioner. 3 (115). p. 78.
23. Syuzumov, M. (1931c) Ob yuridicheskem chlenstve [On juridical membership]. Sovetskiy kollektcioner. 5 (117). pp. 120–121.
24. Nurkas, Ed. (1931) Rabotu na sotsialisticheskie rel'sy (K perestroyke raboty Prezidiuma MO VOF) [Putting work on socialist rails (On restructuring the work of the Presidium of the Moscow Division of the All-Russian Society of Philatelists)]. Sovetskiy kollektcioner. 7 (119). pp. 200–202.
25. Miloserdov, M.V. (1932) Ruka ob ruku [Hand in hand]. Sovetskiy kollektcioner. 1 (125). pp. 4–5.
26. Nurkas, Ed. (1932) Za druzhnyu rabotu [For joint work]. Sovetskiy kollektcioner. 1 (125). pp. 5–8.
27. Kaplan, V.P. (1932) Opravdat' doverie [To meet expectations]. Sovetskiy kollektcioner. 6 (130). p. 163.

Received: 10 August 2020

ПЕДАГОГИКА

УДК 37.013.42

З.А. Аксютина, О.А. Озерова

РИСКИ СОЦИАЛЬНОГО ВОСПИТАНИЯ ДЕТЕЙ, ОБУСЛОВЛЕННЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИМИ РЕПРЕССИЯМИ 30-Х ГГ. XX В.

Статья выявляет риски социального воспитания детей мусульман, родители которых были репрессированы в 30-е гг. ХХ в. Доказано, что политические репрессии, направленные на детей, влияют на деструктивность всей последующей жизни человека и отражаются на социальном развитии следующих поколений. Обобщены приемы социального воспитания. Сделан вывод о том, что политические события прошлого влияют на последующие поколения этнических групп и общество в целом.

Ключевые слова: социальное воспитание; виктимизация; риски; приемы воспитания; политические репрессии; мусульмане; социальная стигматизация; буллинг.

Под рисками социального воспитания подразумеваются условия и обстоятельства, способствующие неблагоприятному протеканию социализации и адаптации развивающейся личности в обществе.

Современное общество сталкивается с множеством социальных, психологических, политических и иных проблем. Эти проблемы затрагивают как взрослых, так и детей. Основные риски заключаются в социальных условиях, существующих на конкретном этапе исторического развития общества.

Негативные общественные явления, происходящие с детьми, приводят их к кризису существования. Полагаем, что причиной, вызывающей этот распад, являются последствия социального воспитания в условиях тоталитарного социализма.

Публикаций, посвященных детям – жертвам политических репрессий, в социально-педагогических исследованиях не обнаружено. Это связано с тем, что социально-педагогическая виктимология находится в стадии своего формирования. Вместе с тем есть ряд публикаций, посвященных проблематике социально-педагогической виктимологии.

Одной из первых работ, поднявших проблему виктимности детей, был научный труд А.В. Мудрика. Им введено в научный оборот понятие «жертва социализации» и выделен диссоциальный тип воспитания. Диссоциальное воспитание препятствует благоприятному процессу социализации [1]. И.В. Журлова обобщила результаты публикаций по социально-педагогической виктимологии и опубликовала работу с аналогичным названием. В указанной работе были выделены основные группы социально уязвимых категорий детей, даны их социально-виктимологические характеристики, обозначены особенности и проблемы социализации [2]. Н.А. Барановский демонстрирует становление виктимологии как отрасли научного знания, выделяет основные разделы, обосновывает актуальность и необходимость исследований в данной области [3]. А.И. Тесля обращает внимание на социальную виктимологию, раскрывая ее как новое научное направление в социальной работе, приводит основные методологические компоненты ее изучения и демонстрирует возможности применения научного знания на практике [4]. Социальная и социально-педагогическая виктимология тесно взаимосвязаны.

П.Ю. Уткин обращает внимание на необходимость специальной подготовки социальных педагогов в вузах по предотвращению преступлений в отношении детей и защите их законных интересов [5].

В.Н. Наумчик и М.А. Паздников обращаются к проблеме ненасильственного воспитания подрастающего поколения. Главным в их исследовании выступает категория «свобода» [6].

Н.К. Плавник, раскрывая характеристики «трудных» детей, выявил основные причины, приводящие к затруднениям в ходе их социализации [7].

Е.Н. Волкова предприняла попытку обобщения зарубежного и отечественного опыта по предотвращению насилия в отношении детей. Основной упор в исследовании был сделан на межведомственное взаимодействие при решении вопросов профилактики насилия в отношении детей. Кроме того, были проанализированы правовые аспекты насилия над детьми [8].

Имеющиеся работы не дают представления о существующих рисках социального воспитания в условиях тоталитарного социализма, что усиливает потребность в научном осмыслении этих рисков.

Для достижения задач исследования в работе был использован историографический анализ, который позволил обобщить исторический опыт, связанный с репрессиями в отношении мусульман и их детей, проживавших в Западной Сибири, и преломить исследование исторических фактов в русло социально-педагогического исследования. Одними из первых к историческому анализу этой проблемы обратились З.Е. Кабульдинов (Казахстан) и О.А. Озерова (Россия) [9]. Кроме того, историографический анализ позволяет на основе принципа территориальности выявить характерные особенности социального воспитания детей мусульман в условиях преследований. В качестве единицы анализа был взят конкретный случай, который является тем эмпирическим материалом, который подвергается научному анализу.

Авторы исследования, обращаясь к традициям философии и опираясь на труды Х. Патнэма и Дж. Беркли, провели мысленный эксперимент для осмыслиния и понимания произошедших событий в 1930-е гг. За основу были взяты субъективные переживания жертв репрессий, что дало возможность выполнить анализ исходного эмпирического материала.

Интервьюирование, направленное на сбор информации о переживаниях событий, последовавших в отношении детей мусульман, родители которых были репрессированы, осуществлялось как с отдельно взятыми респондентами, так и с малыми группами. Метод позволил выявить последствия политических репрессий для конкретных людей, жертв тех событий во втором и последующих поколениях.

Рассмотрим в качестве причины, приводящей к виктимизации детей мусульман, политические преследования их родителей в 1930-х гг. на территории Омской области. Отследим, как ситуация социального воспитания в условиях политических преследований отражается на социальном развитии детей.

Участь мусульманского населения, с одной стороны, не желавшего выполнять непосильные требования местных властей, а с другой – желавшего сохранить традиционные этнорелигиозные ценности, не сопрягавшиеся с идеологией советской власти, была трагична. Взрослым присваивалась социальная стигма «враг народа». Дети же в полной мере испытывали все тяготы притязаний со стороны официальных органов власти. Как указывает экс-губернатор Омской области Л.К. Полежаев, обличая официальную власть: «...это продумано в Кремле: дети старше 15-летного возраста могли быть арестованы и расстреляны, може – размещались в спецдетдомах, им меняли фамилии, разлучали с братьями и сестрами. Делали все, чтобы ребенок не знал, кто он и откуда» [10. С. 4]. Этот факт находит отражение и в официальных документах. В соответствии с оперативным приказом НКВД СССР № 00486 от 15 августа 1936 г., подписанным Н. Ежовым, детей, родители которых были осуждены, дифференцировали по степени социальной опасности. Детей из числа особо социально опасных подвергали заключению, отправляя в лагеря или исправительно-трудовые колонии, находящиеся в ведении НКВД. Там дети, наравне со взрослыми, испытывали все тяготы тюремной жизни. Дети младше пятнадцатилетнего возраста направлялись в детские дома особого режима, созданные специально для этой категории детей [11]. А приказом НКВД СССР № 00447 от 30 июля 1937 г., имеющим гриф «Совершенно секретно», утверждается плановое количество людей, подлежащих репрессиям. Так, для Омской области это 1 000 чел. I категории и 2 500 чел. II категории [12].

Дифференциация детей по степени социальной опасности выступает в качестве антигуманного отношения к детям, и вполне очевидно, что она является одним из ключевых рисков социального воспитания. Стигматизация по степени социальной опасности нашла отражение в травматизации психики детей. Особенно чувствительными к этой ситуации были дети подросткового возраста и старше.

На первый план идеологической работы с детьми выходила необходимость формирования ненависти как к социально стигматизированным взрослым с ярлыком «враг народа», так и к их детям. Как вспоминает жертва тех событий Риза Кажимович Мадинов, отец которого был репрессирован, такого рода ненависть имела двусторонний характер и передавалась как от взрослых к детям, так и от детей к взрослым.

Травля детей более выраженно происходила на вербальном уровне. И взрослые и дети обзывают Риза волчонком. Нестерпимой болью для растущего еще человека были унижающие достоинство слова учитель в его адрес: «волчонок – сын волка». Мальчик, ощущая унижение, пытаясь избежать агрессии со стороны людей, убежал в другой населенный пункт, потеряв при этом постоянное место проживания и связь с родственниками. В последствии Ризе Кажимовичу было отказано в приеме в пионерию и комсомол [13. С. 300–308]. Такие поступки учителей глубоко травмировали ребенка, откладывались в сознании, хранились в памяти не преодоленной болью долгие годы. Мальчик попал в ситуацию социальной дезадаптации.

Психологические травмы, полученные в детстве от значимых педагогов, оставляют отпечаток на последующее социальное развитие человека и его жизненный путь. Основные эмоции детей, испытавших на себе психотравмы от несправедливой травли учителей и окружения, – это обида и чувство несправедливости. Слова и выражения, оформленные в вербализованные агрессивные формы, часто инициировались взрослыми, что не давало возможности ребенку восстановить свой статус.

Г. Гентинг в работе «Преступник и его жертва. Исследование по социобиологии преступности» отмечал, что дети, национальные меньшинства и «ино-верцы» имеют особую притягательность для преступников [14]. В ситуации детей мусульман все эти характеристики в суммарной совокупности стали ключевыми. Национальность ребенка, выступавшая физиологически обусловленной данностью, становилась источником попадания в группу жертв.

Гонимым общественным осуждением стал и восьмилетний мальчик Хамит Иноятов, проживавший в д. Рачапово (Тарский район Омская область). Он бежал на рудник Жолымбет (Казахстан), не выдержав осуждения и косых взглядов соседей после ареста отца Сафара Иноярова. О непростой судьбе своего отца Хамита Сафаровича, ставшего жертвой сложившихся обстоятельств, рассказал его сын Асхат Хамитович Иноятов (г. Астана, Казахстан) [15]. Историческая память, связанная с унижением детского достоинства, передается от поколения к поколению и накладывает отпечаток на восприятие мира всеми членами семьи Иноятовых. Это проявляется в чувстве обиды и униженности по отношению к официальной власти тех времен, кроме того, ярким проявлением последствий гонений является недоверие к официальной власти со стороны жертв репрессий. Борьба с детьми имела вербальные и невербальные проявления. Это способствовало повышению виктимности детей, попавших в ситуацию социального риска.

Трагедия политических репрессий привела к тому, что дети, проживавшие на территории степных районов Омской и Новосибирской областей, начали массово мигрировать в соседний Казахстан. Плохое владение или полное незнание русского языка стало причиной массовой миграции детей мусульман в сторону Казахстана. Анализ архивных данных показывает, что в течение первых четырех месяцев 1933 г. на улицах казахских поселений задержали около 25 тыс. детей,

бежавших из Западной Сибири. Общее число детей в детских домах за период с января 1932 г. по май 1933 г. увеличилось с 7 446 до 69 100 чел. Социальная ситуация массового бегства детей усугублялась голodomором, распространявшимся на территории Казахстана в этот период. Приведенные факты позволяют утверждать, что дети, попадая в ситуацию рисков, обусловленных политическими и социальными событиями, пытались покинуть родные места проживания для преодоления давления общества, стигматизации и прямой агрессии. Сложившаяся социальная ситуация привела детей мусульман к их виктимизации, проявившейся в движении от массового социального сиротства до физической гибели.

В 1932 г. житель д. Черноусовка (Омская область) Устин Дробатенко писал в письме, отправленном председателю ЦКК-РКИ (центральная контрольная комиссия рабоче-крестьянской инспекции) Я. Рудзутаку: «У нас за первый квартал умерло от голода 90 человек. Рядом у нас, 10 километров, – Казахстан. Там еще “лучше” обстоит дело. По дорогам валяются кости людей, и детишки оставлены в юртах» [16. С. 59]. Честные партийцы также обращали внимание на положение детей. К. Савченко, руководивший Деткомиссией при ВЦИК, писал из Казахстана об ужасающем положении детей: «Дети голодные и голье, в отдельных детдомах смертность в течение одного месяца доходила до 50%. Например, в Аулиз-Ата за 27 дней умерло 218 детей из 428, в другом – из 484-х умерло 212... Категорически настаиваю перед прокуратурой и полпредством ОГПУ немедленно расследовать количество смертей в детдомах и больницах. Причины смертности и виновных в гибели детей карать самыми суровыми мерами» [9; 17. С. 81]. Бездействие, игнорирование устройства детей, оставшихся без попечения родителей, стали характерной чертой социальной политики официальной власти того периода. Последствиями рисков социального воспитания стали голод детей и резкое увеличение смертности среди них. Общеизвестны медицинские данные о том, что голод и недоедание в детстве сказываются на последующем соматическом развитии человека, формировании хронических заболеваний. При этом статистические данные по смертности детей в период 1930-х гг. столь устрашающие, что полной картины трагедии не представляется возможным восстановить. В настоящее время имеются лишь мозаичные архивные данные.

Политические репрессии начала 1930-х гг. привели к бедственному социальному положению детей казахской и татарской национальностей в силу ряда обстоятельств. Первое заключалось в том, что в тюркоязычных семьях были крепкие традиции этнического воспитания, связанные с сохранением национального языка как части культуры мусульман Сибири, и конфессионального воспитания, связанного с тесным влиянием ислама на весь уклад жизни. Эти традиции выхолащивались властью как не свойственные и чуждые для советской ментальности. Дети же, оставшиеся без попечения родителей и забытые местными властями, интуитивно шли в сторону Казахстана, где была родная для них языковая среда.

Вторым обстоятельством было то, что климатические условия в Казахстане были более мягкие по сравнению с Сибирью. Предполагалось, что в таких климатических условиях детям будет значительно легче выжить, найти хоть какой-то кров и пищу. Распространенным среди детей был своего рода девиз «Там тепло, там яблоки». Но именно в 1930-е гг. в Казахстане начинается массовый голод (охвативший и обширные территории СССР), вызванный официальной политикой уничтожения кулачества как класса, коллективизацией и конфискацией скота. Все это усугубило ситуацию гонимых детей.

Третье обстоятельство диктовалось тем, что часть детей рассчитывала на воссоединение с родственниками, проживающими на территории Казахстана. Дети надеялись, что родственники их примут и приютят, что было характерно для людей, исповедующих ислам.

Требование борьбы с детьми как с социально опасной категорией было дано «сверху». Доказательством этого является ограничение детей «врагов народа» в получении профессионального образования в области авиации, оборонной сферы, военного дела. В другие учебные заведения дети репрессированных могли быть приняты при условии публичного отказа от родителей. В дальнейшем их не принимали в пионерскую и комсомольскую организации, за ними осуществляли длительный тотальный контроль различные партийные и фискальные органы советского государства. Таким образом, официальные власти стремились к ограничению последующей социальной активности детей «врагов народа», опасаясь сопротивления и протестных действий с их стороны.

Особый контроль за детьми, родители которых считались «врагами народа», осуществляли комсомольские активисты. В подростково-молодежной среде учреждений просвещения формировалась и всячески поддерживалась атмосфера доносительства. Для исключения из вуза было достаточно лишь одного доноса. По инициативе бдительных комсомольцев создавались комиссии, проводившие «чистки» студентов. Например, в г. Омске была выявлена «засоренность студенчества социально-чуждыми элементами в вузах», что повлекло отчисление десяти человек – «детей служителей культа» и двух человек из числа «торговцев» [18], и это лишь за один рейд.

Данное обстоятельство формировало чувство страха, отчужденности и способствовало социальной отстраненности детей «врагов народа» от социальных событий, происходящих в стране. Социальная политика по отношению к детям «врагов народа» приводила к ограничению их социальной активности, формированию пассивности и нарушению дальнейшего социального развития целого поколения.

По свидетельствам Амины Альмухаметовны Нигматуллиной, полученным в ходе интервьюирования, дети «врагов народа», став взрослыми, продолжали быть социально стигматизированными, и это находило отражение в том, что им не удавалось продвигаться на руководящие должности. Так, ее супруг Н. Нигматуллин в 1979 г. был рекомендован педагогическим коллективом на должность директора Омского педагогического училища № 1, где работал длительное

время. Однако на эту должность он не был назначен из-за наличия социальной стигмы – сын «врага народа». Этот факт на протяжении всей жизни вызывал чувство несправедливости, униженности и морально-го страдания. Нигматулла говорил своим детям: «Вы люди второго сорта, поэтому должны получить хорошее образование, чтобы хоть немного быть равными им (русским. – Прим. авт.)». Всю жизнь в душе он нес глубокую психологическую травму от того, что отказался от репрессированного отца, дабы получить высшее педагогическое образование. Дети Н. Нигматуллина лишь в 1992 г. узнали, что их дед был репрессирован и посмертно реабилитирован. До сих пор семья Нигматуллиных не может принять эти факты без душевной боли.

Сотрудники НКВД пытались использовать детей против родителей, вербую их для осуществления слежки за близкими, доносительства. Поступая в Омский медицинский институт, Галым Кантарбаев не указал, что он сын крупного бая. Такое поведение молодого человека в 1937 г. органами НКВД расценивалось как преступное, и молодой человек был в принудительном порядке вынужден сотрудничать с органами. Спустя некоторое время Галым Кантарбаев тайно встретился со своим отцом и предупредил его об опасности ареста. Галыма арестовали и 28 августа 1938 г. осудили на 10 лет за то, что «преподупредил отца, после чего тот скрылся». В 1939 г. после пересмотра дела он был освобожден, однако в 1949 г. следствие вновь вернулось к этому делу. Лишь 28 февраля 2002 г. Омская прокуратура полностью реабилитировала Галыма Кантарбаева. Данний случай демонстрирует деструктивное влияние официальной власти на детско-родительские отношения, а именно на вмешательство государства в семью и разрушение существующих семейных отношений. История развития человечества была направлена на формирование единения внутри семьи по принципу кровного родства, а в период репрессивной политики эта ценность семьи подверглась жесткой ревизии и разрушению как несоответствующая существующей идеологии. Полагаем, что эта политика нашла отражение в коренном изменении отношения к семье. Семья стала чем-то неопределенным, имеющим тенденцию к разрушению.

В сельских поселениях силами преданных советской системе учителей осуществлялась плановая педантическая система психологической обработки детей, призванная сформировать непримиримых борцов с заклятыми врагами советской власти. Детям внушалась классовая ненависть к баям, кулакам и муллам. Во внимание власти не входило понимание тысячелетней истории развития ислама, не учитывалось то, что традиции татар и казахов были тесно переплетены с религиозностью, а семейные ценности выступали ключевыми. В газете «Красный Алтай», выпускавшейся в Барнауле, писали, что таких людей надо «бить дублем» и «рублем» [19].

По свидетельству А.А. Нигматуллиной, в священный месяц Рамадан жителям сельской местности, исповедующим ислам, которые работали на полях, насильно вливали воду в рот, дабы «отвадить от ве-

ры» и остановить пост, а затем их публично высмеивали. Таким образом, в сознании детей формировали негативный образ не только к мусульманскому духовенству, но и к родителям, исповедующим ислам. Свидетельства очевидцев позволяют говорить о том, что именно в тоталитарном обществе началось разрушение традиционных устоев семьи и нравственности, базирующихся на религиозном сознании. Раскол отношений между поколениями усугублялся социально-политическими условиями, в которых развивалось поколение детей 1930-х гг.

Глубоко верующие родители в страхе быть арестованными по религиозным мотивам в периоды постов плотно завешивали окна домов, чтобы снаружи не было видно огня печей, где пища готовилась в ночное время. Мать А.А. Нигматуллиной просила своих шестерых детей на все вопросы других взрослых отвечать «не знаю». Категорически запрещалось читать молитвы вслух, поэтому было необходимо проговаривать их про себя. По ее свидетельствам, ситуацию устрашения использовали руководители сельских поселений в личных целях. Так, председатель колхоза д. Ашаван (Усть-Ишимский район Омской области) принуждал детей работать на своем подворье, обещая им трудодни. Если дети отказывались от работы, то он их всячески запугивал. Тем же, кто работал, никаких трудодней не давал, тем самым формируя в детских душах недоверие к советской власти, страх, раболепство и угодничество.

По данным Ж. Фазлыева, только в 1929–1930-х гг. уничтожено большинство мечетей, расстреляно 40 тыс. мулл. Религию отделили от государства. Общение в учреждениях религиозного культа, само религиозное мировоззрение, традиционные ритуалы, заменили на «общение с кружкой пива или стопкой водки» [20. С. 222–223]. Свидетельства участников фокус-группы, являющихся представителями семей, где были репрессированы родственники, показывают, что представителям власти было выгодно спаивать представителей татарской и казахской национальностей, чтобы они безропотно трудились в отдаленных от места постоянного проживания районах Севера. Таким образом, стимулировали распространение пьянства, не характерного для мусульман, и разрыв семейных отношений. В этой атмосфере росли дети, которые в дальнейшем уже не считали распитие алкогольных напитков недопустимым поведением. Сегодня распространение пьянства и алкоголизма в молодежной среде представителей тюркских народов стало повседневной практикой.

Обыденной практикой стало сокрытие от близких родственников информации об арестованных. Те же всячески пытались добиться истины, писали в Москву, ожидая информационной помощи. Исследователь А.К. Бескемпирова приводит пример семьи Саптаева. Глава семьи Г. Саптаев был арестован 24 сентября 1937 г. и расстрелян на следующий день. Его безуспешно искал сын Майкы, писавший в разные инстанции с просьбой сообщить – вплоть до 3 марта 1940 г. – хоть что-то о судьбе отца [13. С. 276–277]. Были случаи и открытой лжи. Репрессированный Мухамед Иноятов (г. Тара, Омская область) расстрелян 17 ноября

1937 г. Однако сотрудник милиции сообщил его сыну о смерти в лагере, датировав ее 11 апреля 1942 г. Шаукат Иноятов, не поверивший в эту информацию, продолжал искать правду. Лишь в 1958 г. Омская областная прокуратура сообщила истинную дату смерти его отца [21]. Многие годы ЦК ВКП(б), органы ОГПУ, а затем и НКВД держали в строгой секретности данные о приговорах и расстрелах. В результате чего многие дети не владели информацией о судьбах своих родителей, не знали, живы они или нет. Так осуществлялась попытка предупреждения социального взрыва недовольства политикой власти. Большая часть населения, особенно в отдаленных северных районах Омской области, оставалась в полном неведении. Произошла потеря чувства справедливости в отношениях между властью и гражданином. Стоит ли удивляться закрытости тюркских народов, проживающих на территории Западной Сибири, их нежеланию «впускать» в свою жизнь людей извне, избеганию тесного взаимодействия с чужаками?

Репрессии в отношении детей имели широкую распространенность. Под пристальное внимание органов ОГПУ-НКВД незамедлительно попадали даже те из них, кто осмеливался говорить об ошибках ареста их родителей или незаконности. Например, после ареста А.З. Сабитова все его несовершеннолетние дети были арестованы 25 октября 1937 г. А.З. Сабитов был осужден по пп. 2, 6, 8, 9, 11 ст. 58 УК РСФСР и расстрелян 2 ноября 1937 г. Его дети Габдин и Вагиза провели в местах лишения свободы по 10 лет [22]. Этот же срок отбывал в лагерях несовершеннолетний Аптрахим, сын расстрелянного по ст. 58 С. Авалова, жителя д. Ильчебага (Усть-Ишимский район Омской области) [23]. Несовершеннолетний Зариф, проживавший в д. Юйсково (Колосовский район Омской области), был осужден по ст. 58 и отправлен в ссылку в северный район [24. С. 83]. Эти дети навсегда были лишены возможности получить образование, соответствующее их возможностям, быть избранными в органы власти, подвергались осуждению со стороны окружающих и т.д. Такой надлом в социальном развитии трудно оценить в полном объеме.

Трагическая судьба репрессий была уготована целым семьям. Житель г. Тара (Омская область), семидесятичетырехлетний глава семьи Шарип Бакирович Кулеев была арестован 1 октября 1937 г. и расстрелян в ноябре по ст. 58. Следом арестован его несовершеннолетний сын – Гаям, которого приговорили к 10 годам [25. С. 368]. Спустя годы его сын – Булат (1935 г.) стал учителем, а после выхода на пенсию – священнослужителем Тарской мечети. Дочь, родившаяся после ареста отца, много лет занималась педагогической деятельностью в г. Казани [26]. Это редкий случай становления во взрослой жизни, который можно назвать исключением из правил. Высшее педагогическое образование для детей «врагов народа» оставалось условно доступным.

Федеральный закон № 26-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Закон Российской Федерации “О реабилитации жертв политических репрессий”» от 9 февраля 2003 г., подписанный Президентом Российской Федерации В. Путиным, доказывает, что в период сталинизма дети были жертвами политических

репрессий [27]. В нем указано, что дети, подвергшиеся репрессиям, должны быть реабилитированы.

Проблема политических репрессий детей остается практически не изученной. Может быть, еще не наступило то время, которое дает импульс к исследованию этого вопроса. Одной из робких попыток обращения к этому стала публикация книг памяти жертв политических репрессий. В частности, жителям Омской области, подвергшимся сталинским репрессиям, посвящено одиннадцатитомное издание «Забвению не подлежит. Книга Памяти жертв политических репрессий Омской области». В одном из томов есть 133 фамилии детей мусульман. Очевидно, что это неполный список [28. С. 33, 36, 79, 112, 150, 156].

Репрессии в отношении мусульманского населения нашли продолжение и в дальнейшем. Ревизия национальных движений в начале 50-х гг. прошлого века привела к дальнейшему разрушению культуры и традиций «малых народов». Национальный фольклор мусульманских народов был стигматизирован клерикальностью и антисемитизмом [29. С. 262].

Тоталитарное развитие общества сказывается не только на непосредственных участниках тех событий, но и на последующих поколениях. До сих пор члены семей, родственники которых были репрессированы, испытывают последствия тех событий на своей психике. Они живут в страхе официальной власти, насторожены в общении с незнакомыми людьми, предпочитают говорить тихо и др.

Проведенный исторический дискурс в исторические события 1930-х гг. позволяет выделить приемы социального воспитания, которые влияют на виктилизацию человека в условиях этнорелигиозной травли, обусловленной тоталитарным социализмом. Нами условно выделены две группы приемов: социально-психологические и правовые.

К социально-психологическим приемам относятся: нетерпимость со стороны социального окружения; исключение из рядов пионерии (комсомола); ограничение в получении образования; создание невыносимых условий существования; лишение родительского попечения; сужение круга социальных контактов; психологическая обработка (осуждение, оскорблении, избиения, внушения); пристальный контроль; преследование вступления в брак с иноверцами и из числа семей репрессированных; разрушение социальных контактов; утрата социального статуса; игнорирование; разлучение с семьей; разрушение семейного единства; скрытие информации о членах семьи; разжигание ненависти по различию в материальном положении, этнической принадлежности, вероисповеданию; доносительство; трансформация семейных ценностей путем освещения «героических подвигов» детей, выступавших против родителей (напр., подвиг Павлика Морозова). Указанные приемы разрушительно влияют на психику человека и приводят к деструктивному социальному развитию детей, как и социальному искажению развития последующих поколений.

Вторая группа включает следующие правовые приемы: арест; заключение в лагере; ссылку в необжитые районы Сибири; заключение в исправительно-трудовую колонию; передачу в спецдом; отчисление

из образовательного учреждения; отказ в трудоустройстве; расстрел; слежку, смену персональных данных ребенка; увольнение; лишение права голоса; выселение; ограничение в переписке; раскулачивание; задержание; обыск; допрос; вербовку органами НКВД. Влияние правовых приемов способствовало разрушению всего уклада жизни человека, формированию установок страха, тревоги, подавления, вплоть до уничтожения.

Обнаруженные социально-психологические приемы находят отражение в явлениях, свойственных современности. Например, в буллинге, характерном не только для детской среды, но и для мира взрослых. Для профилактики буллинга требуется как обращение к его историческим истокам, так и консолидация усилий психологов, педагогов и социологов.

К. Бергер понимает буллинг как форму агрессивного поведения, характеризующуюся повторяемостью, умышленной направленностью на причинение любого вреда другому человеку с целью достижения власти над жертвой [30]. Эти характеристики полностью совпадают с протеканием виктимных явлений, описанных выше. Зарубежные исследователи обращают внимание на снижение негативных переживаний в случае наличия других жертв в сообществе [31]. Нами при исследовании виктимизации детей мусульман данный факт не обнаружил подтверждения.

Для предупреждения данных явлений необходимо информировать детей о буллинге, формировать понимание бедственности жертвы, обучать приемам поддержки жертв [32]. Эта проблема вызвала интерес ученых, а девять лет назад была опубликована финская антибуллинговая программа, направленная на преодоление насилия в детской среде [33]. Сегодня требуется такая работа и в России. Подобное исследование, выстроенное на исторической фактологии, может стать иллюстрацией того, как выстоять в условиях разрушительного влияния извне. Исторический опыт необходимо подвергнуть ревизии в социально-педагогическом аспекте, с тем чтобы не повторять ошибок прошлого. Отметим, что проблема буллинга имеет свойство проявляться не только в детском социуме, но и в профессиональной сфере, на рабочих местах [34].

Резюмируя вышесказанное, отметим, что в научных исследованиях указывается цифра – 6 млн граждан, изгнанных со своей земли [35. С. 337]. Очевидно, что в этой статистике учтены не все жертвы политических репрессий. Дети, чаще всего, таковыми не считались, поэтому масштабы трагедии можно лишь представлять. «Национальные операции», проводившиеся на территории нашей страны, имели две цели: военно-политическую (заключавшуюся в уничтожении враждебных официальной власти социальных слоев) и социальную (заключающуюся в «выравнивании» уклада, образа жизни и материального благополучия, «стирания» многообразия национального проявления и культурного своеобразия). Социальная цель привела к массовой виктимизации детей мусульман и надлому их во всей последующей жизни. Социальное развитие детей претерпевало существенную трансформацию, которая проявлялась в изменениях социальной идентификации, нарушениях социальной адаптации, в вытравливании национального самосознания тюркского населения (в том числе по причине резкого сокращения численности), а также в неблагоприятном прохождении социализации, формировании подчинения вышестоящему руководству на основе страха расправы и др. Дети были наиболее уязвимыми, так как не могли противостоять государственной системе с ее огромным диапазоном приемов социально-психологического и правового воздействия на личность. Проблема рисков социального воспитания в условиях различных общественных систем не нашла должного рассмотрения в научно-педагогических работах, поэтому хотелось бы надеяться, что проведенное исследование актуализирует указанную проблематику.

Результаты данного исследования: актуализирована ситуация социального воспитания детей мусульман в условиях политических преследований их родителей 1930-х гг. на территории Омской области (обусловленных тоталитарным социализмом); выявлено влияние социальной ситуации указанного исторического периода на социальное развитие детей, а также последующие поколения; впервые описаны приемы социального воспитания, влияющие на виктимизацию человека в условиях политических репрессий; описано явление буллинга как продолжение развития явления социальной травли.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мудрик А.В. Основы социальной педагогики. М. : Академия, 2006. 208 с.
2. Журлова И.В. Социально-педагогическая виктимология. Мозырь : УО МГПУ им. И.П. Шамякина, 2010. 172 с.
3. Бараповский Н.А. Введение в виктимологию. Минск : Амалфея, 2002. 186 с.
4. Тесля А.И. Социальная работа: введение в социальную виктимологию. Минск : БГПУ, 2009. 134 с.
5. Уткин П.Ю. Роль и место социально-педагогической виктимологии в процессе подготовки специалистов с высшим образованием // Юридическое образование и наука. 2007. № 1. С. 15–16.
6. Наумчик В.Н., Паздников М.А. Социальная педагогика. Проблема трудных детей. Теория. Практика. Эксперимент. Минск : Адукацыя і выхаванне, 2005. 400 с.
7. Плавник Н.К. Почему дети становятся трудными // Народная асвета. 2009. № 4. С. 89–92.
8. Проблемы насилия над детьми и пути их преодоления / под ред. Е.Н. Волковой. СПб. : Питер, 2008. 240 с.
9. Кабульдинов З.Е., Озерова О.А. Дети мусульман подвергались преследованию. URL: https://e-history.kz/ru/publications/view/deti_musulman_podvergalis_presledovaniu_4540 (дата обращения: 01.11.2019).
10. Полежаев Л.К. По воле Кремля: [Обращение губернатора области] // Забвению не подлежит: Книга Памяти жертв политических репрессий Омской области : в 11 т. / ред.-изд. совет: А.И. Казанник (гл. ред.), С.А. Алексеенко (зам. гл. ред.) и др. Омск : Омское кн. изд-во, 2001. Т. 4. С. 3–4.
11. Приказ № 00486 народного комиссара внутренних дел СССР Н. Ежова от 15.08.1936. URL: https://ru.wikisource.org/wiki/_15.08.1937_96_00486 (дата обращения: 16.02.2019).

12. Приказ № 00447 народного комиссара внутренних дел СССР Н. Ежова от 30.07.1937. URL: <http://istmat.info/node/32818> (дата обращения: 16.02.2019).
13. Бескемпирова А.К. Боль и память. Петропавловск : Северный Казахстан, 2007. 332 с.
14. Hentig H. The Criminal and His Victim (Studies in the Sociobiology of Crime). New York, 1948. 461 p.
15. Татарский мир (Омск). 2007. № 1 (январь).
16. Папков С.А. Сталинский террор в Сибири. 1928–1941. Новосибирск : СО РАН, 1997. 273 с.
17. Папков С.А. ...Дети гибнут тысячами (материалы руководителя детской комиссии ВЦИК о жертвах голода в Казахстане) // Гуманитарные науки в Сибири. 1996. № 2. С. 80–83.
18. Центр документации новейшей истории Оренбургской области. Ф. 7. Оп. 5. Д. 31. Л. 8.
19. Красный Алтай (Барнаул). 1928. 16 октября.
20. Фазлыев Ж. Йе зда бер вәгазы. Казан : Хузур, 2010. 544 б.
21. Татарский мир (Омск). 2006. № 7 (июль).
22. Архив УФСБ по Омской области. П-№ 6534, П-№ 1039.
23. Архив УФСБ по Омской области. П-№ 9698, П-№ 11735.
24. Забвению не подлежит. Книга Памяти жертв политических репрессий Омской области : в 11 т. Омск : Омск. кн. изд-во, 2003. Т. 8. 407 с.
25. Забвению не подлежит. Книга Памяти жертв политических репрессий Омской области : в 11 т. Омск : Омск. кн. изд-во, 2001. Т. 4. 429 с.
26. Тарское Прииртышье. 2001. 21 февраля.
27. ФЗ от 9.02.2003 г. № 26-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Закон Российской Федерации “О реабилитации жертв политических репрессий”». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_40917/ (дата обращения: 16.02.2019).
28. Забвению не подлежит. Книга Памяти жертв политических репрессий Омской области : в 11 т.. Омск : Омск. кн. изд-во, 2004. Т. 11. 297 с.
29. Данилов А.А., Косулина Л.Г. История России. XX век. М. : Просвещение, 2013. 336 с.
30. Berger K. Invitation to the Life Span. New York : Worth Publishers, 2014.
31. Collins N.R. Bullying. Stop the Cycle: Childhood and Adult Bullying: A comprehensive guide of proven strategies and techniques for defeating the culture of bullying for children, teens and adults. Lebanon, OH : MPB Publishing, 2014. 47 p.
32. Poyhonen V., Juvonen J., Salmivalli C. What does it take to stand up for the victim of bul6 lying? The interplay between personal and social factors // Merrill Palmer Quarterly. 2010. Vol 56, № 2. P. 143–163. DOI: 10.1353/mpq.0.0046.
33. Salmivalli C., Karna A., Poskiparta E. Development, evaluation, and diffusion of a national anti6bullying program (KiVa) // Handbook of youth prevention science / eds. by B. Doll, W. Pfohl, J. Yoon. New York : Routledge, 2010. P. 238–252.
34. Jensen I.B. et al. The impact of bystanding to workplace bullying on symptoms of depression among women and men in industry in Sweden // International Archives of Occupational and Environmental Health (Springer Berlin Heidelberg). 2013. Vol. 86, № 6. P. 709–716. DOI: 10.1007/s0042060126081361.
35. Политический режим и преступность / под ред. В.Н. Бурлакова, Ю.Н. Волкова, В.П. Сальникова. СПб. : Юридический центр Пресс, 2001. 365 с.

Статья представлена научной редакцией «Педагогика» 16 января 2020 г.

Risks of Children's Social Upbringing Caused by the Political Repression of the 1930s

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 459, 187–194.

DOI: 10.17223/15617793/459/23

Zulfia A. Aksyutina, Omsk State Pedagogical University (Omsk, Russian Federation). E-mail: aksutina_zulfia@mail.ru

Olga A. Ozerova, Omsk State Pedagogical University (Omsk, Russian Federation). (Omsk, Russian Federation). E-mail: ozerovaolga@bk.ru

Keywords: social upbringing; victimization; risks; tricks of education; political repression; Muslims; social stigma; bullying.

Totalitarian society leaves an indelible imprint on the development of an individual, and the situation is especially difficult for children who are victims of political and social processes in the totalitarian context. Risks that exist in social upbringing lead to a pronounced victimization of children. One of these risks is a totalitarian society and the “purges” in it. The aim of the study is to identify the risks of social upbringing on the example of Muslim children of repressed parents in Omsk Oblast in the 1930s. The main method was the historiographic analysis of data obtained during the collection and processing of facts and statistics on political repression. A thought experiment, widely used in philosophical research, was applied. This method allowed “plunging” into the atmosphere of those years, recreating the experiences and traumas the victims of political and social events suffered, and identifying their social consequences. Interviewing allowed updating the historical facts caused by the childhood memories of repression and the repressed. A new methodological perspective of studying the history of the issue of children as victims of socialization included in the process of political repression is substantiated. The choice of Western Siberia as a territory for the study is due to the remoteness from the central government and the fact that the obtained empirical data are characteristic for the 1930s. The examination of the problems of socio-pedagogical victimology reveals the peculiarities of children’s behavior in the face of deteriorating conditions of socialization and the goals of the political events and their perniciousness for children’s socialization. The careless attitude of the authorities towards the fate of children left without parental care and their arrangement is assessed. The main value and significance of the study are that, for the first time, it analyzes the influence of children’s political persecution on religious and ethnic grounds on the fate of people in the present. It has been proved that political repressions aimed at children influence the destructiveness of their whole subsequent life and affect the psyche of subsequent generations. The authors conclude that the political events of the past are reflected in modern negative behavioral manifestations, for example, in bullying, alcoholism, and changes in the assessment of the value of families and children.

REFERENCES

1. Mudrik, A.V. (2006) *Osnovy sotsial'noy pedagogiki* [Foundations of social pedagogy]. Moscow: Akademiya.
2. Zhurlova, I.V. (2010) *Sotsial'no-pedagogicheskaya viktimologiya* [Socio-pedagogical victimology]. Mozyr: UO MGPU im. I.P. Shamyakina.
3. Baranovskiy, N.A. (2002) *Vvedenie v viktimologiyu* [An introduction to victimology]. Minsk: Amalfeya.
4. Teslya, A.I. (2009) *Sotsial'naya rabota: vvedenie v sotsial'nyu viktimologiyu* [Social work: An introduction to social victimology]. Minsk: Belarusian State Pedagogical University.
5. Utkov, P.Yu. (2007) *Rol' i mesto sotsial'no-pedagogicheskoy viktimologii v protsesse podgotovki spetsialistov s vysshim obrazovaniem* [The role and place of social and pedagogical victimology in training specialists with higher education]. *Yuridicheskoe obrazovanie i nauka*. 1. pp. 15–16.

6. Naumchik, V.N. & Pazdnikov, M.A. (2005) *Sotsial'naya pedagogika. Problema trudnykh detey. Teoriya. Praktika. Eksperiment* [Social pedagogy. The problem of difficult children. Theory. Practice. Experiment]. Minsk: Adukatsyya i vykhavanne.
7. Plavnik, N.K. (2009) Pochemu deti stanovyatsya trudnymi [Why children become difficult]. *Narodnaya asveta*. 4. pp. 89–92.
8. Volkova, E.N. (ed.) (2008) *Problemy nasiliya nad det'mi i puti ikh preodoleniya* [Problems of violence against children and ways to overcome them]. St. Petersburg: Piter.
9. Kabul'dinov, Z.E. & Ozerova, O.A. (2018) *Deti musul'man podvergalis' presledovaniyu* [Muslim children were persecuted]. [Online] Available from: https://e-history.kz/ru/publications/view/deti_musulman_podvergalis_presledovaniju_4540 (Accessed: 01.11.2019).
10. Polezhaev, L.K. (2001) Po volе Kremlja: [Obrashchenie gubernatora oblasti] [By the will of the Kremlin: [Address of the Governor of the Region]]. In: Kazannik, A.I. et al. (eds) *Zabveniyu ne podlezhit. Kniga Pamyati zhertv politicheskikh repressiy Omskoy oblasti: v 11 t.* [Not subject to oblivion: The Book of Memory of the Victims of Political Repression of Omsk Oblast: In 11 volumes]. Vol. 4. Omsk: Omskoe kn. izd-vo. pp. 3–4.
11. Ezhov, N. (1936) *Prikaz № 00486 narodnogo komissara vnutrennikh del SSSR N. Ezhova ot 15.08.1936* [Order No. 00486 of 15 August 1936 by N. Yezhov, People's Commissar of Internal Affairs of the USSR]. [Online] Available from: https://ru.wikisource.org/wiki/_15.08.1937_96_00486 (Accessed: 16.02.2019).
12. Ezhov, N. (1937) *Prikaz № 00447 narodnogo komissara vnutrennikh del SSSR N. Ezhova ot 30.07.1937* [Order No. 00447 of 30 July 1937 by N. Yezhov, People's Commissar of Internal Affairs of the USSR]. [Online] Available from: <http://istmat.info/node/32818> (Accessed: 16.02.2019).
13. Beskempirova, A.K. (2007) *Bol'i pamyat'* [Pain and memory]. Petropavlovsk: Severnyy Kazakhstan.
14. Hentig, H. (1948) *The Criminal and His Victim (Studies in the Sociobiology of Crime)*. New York: Yale University Press.
15. *Tatarskiy mir*. (2007) 1 (January). Omsk.
16. Papkov, S.A. (1997) *Stalinskiy terror v Sibiri. 1928–1941* [Stalinist terror in Siberia. 1928–1941]. Novosibirsk: SB RAS.
17. Papkov, S.A. (1996) ...Deti gibnut tysyachami (materialy rukovoditelya detskoj komissii VTsIK o zhertvakh goloda v Kazakhstane) [Children die by the thousands (Materials of the head of the children's commission of the All-Russian Central Executive Committee on the victims of famine in Kazakhstan)]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. 2. pp. 80–83.
18. Documentation Center of the Modern History of Orenburg Oblast. Fund 7. List 5. File 31. Page 8.
19. *Krasnyy Altay*. (1928). 16 October. Barnaul.
20. Fazlyev, Zh. (2010) *Ye zdə ber vəgəz'*. Kazan: Khuzur.
21. *Tatarskiy mir*. (2006) 7 (July). Omsk.
22. Archive of the Federal Security Service Department for Omsk Oblast. P-No. 6534, P-No. 1039.
23. Archive of the Federal Security Service Department for Omsk Oblast. P-No. 9698, P-No. 11735.
24. Kazannik, A.I. et al. (eds) (2003) *Zabveniyu ne podlezhit. Kniga Pamyati zhertv politicheskikh repressiy Omskoy oblasti: v 11 t.* [Not subject to oblivion: The Book of Memory of the Victims of Political Repression of Omsk Oblast: In 11 volumes]. Vol. 8. Omsk: Omskoe kn. izd-vo.
25. Kazannik, A.I. et al. (eds) (2001) *Zabveniyu ne podlezhit. Kniga Pamyati zhertv politicheskikh repressiy Omskoy oblasti: v 11 t.* [Not subject to oblivion: The Book of Memory of the Victims of Political Repression of Omsk Oblast: In 11 volumes]. Vol. 4. Omsk: Omskoe kn. izd-vo.
26. *Tarskoe Priirtysh'e*. (2001) 21 February.
27. Consultant Plus. (2003) *FZ ot 09.02.2003 g. № 26-FZ: O vnesenii izmeneniy i dopolneniy v Zakon Rossiyskoy Federatsii "O reabilitatsii zhertv politicheskikh repressiy"* [Federal Law of 09 February 2003 No. 26-FZ: On Amendments and Addenda to the Law of the Russian Federation "On Rehabilitation of Victims of Political Repression"]. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_40917/ (Accessed: 16.02.2019).
28. Kazannik, A.I. et al. (eds) (2004) *Zabveniyu ne podlezhit. Kniga Pamyati zhertv politicheskikh repressiy Omskoy oblasti: v 11 t.* [Not subject to oblivion: The Book of Memory of the Victims of Political Repression of Omsk Oblast: In 11 volumes]. Vol. 11. Omsk: Omskoe kn. izd-vo.
29. Danilov, A.A. & Kosulina, L.G. (2013) *Istoriya Rossii. XX vek* [Russian history. 20th century]. Moscow: Prosveshchenie.
30. Berger, K. (2014) *Invitation to the Life Span*. New York: Worth Publishers.
31. Collins, N.R. (2014) *Bullying. Stop the Cycle: Childhood and Adult Bullying: A comprehensive guide of proven strategies and techniques for defeating the culture of bullying for children, teens and adults*. Lebanon, OH: MPB Publishing.
32. Poyhonen, V., Juvonen, J. & Salmivalli, C. (2010) What does it take to stand up for the victim of bul6 lying? The interplay between personal and social factors. *Merrill Palmer Quarterly*. 56 (2). pp. 143–163. DOI: 10.1353/mpq.0.0046
33. Salmivalli, C., Karna, A. & Poskiparta, E. (2010) Development, evaluation, and diffusion of a national anti6bullying program (KiVa). In: Doll, B., Pfohl, W. & Yoon, J. (eds) *Handbook of youth prevention science*. New York: Routledge. pp. 238–252.
34. Jensen, I.B. et al. (2013) The impact of bystanding to workplace bullying on symptoms of depression among women and men in industry in Sweden. *International Archives of Occupational and Environmental Health* (Springer Berlin Heidelberg). 86 (6). pp. 709–716. DOI: 10.1007/s0042060126081361
35. Burlakov, V.N., Volkov, Yu.N. & Sal'nikov, V.P. (eds) (2001) *Politicheskiy rezhim i prestupnost'* [Political regime and crime]. St. Petersburg: Yuridicheskiy tsentr Press.

Received: 16 January 2020

Е.Л. Богданова, О.Е. Богданова, С.Ю. Киселев

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ПРАКТИК ОЦЕНИВАНИЯ В ДОШКОЛЬНОМ ОБРАЗОВАНИИ: ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ДИАГНОСТИКИ

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-313-51035.

Обозначены тенденции развития практик оценивания в дошкольном образовании и представлены основания разработки инструментов педагогического оценивания, позволяющих на основе оценки динамики детского развития решать образовательные, исследовательские и управленческие задачи. Раскрыты функциональные возможности педагогического оценивания в контексте роли дошкольного образования в решении задач устойчивого развития общества, инвестиций в формирование и развитие человеческого капитала и интеграции достижений современной науки в практику образования.

Ключевые слова: практики оценивания; дошкольное образование; устойчивое развитие; инвестиции; человеческий капитал; наука совершенствования.

Детство – это время множества вопросов, возможностей и последствий.

А. Адлер

Фундаментальные и прикладные вопросы о роли детства как особого этапа в развитии человека являются сегодня самостоятельным предметом междисциплинарных лонгитюдных исследований и дискуссий в профессиональном сообществе. Важная роль детства в развитии человека закрепляется в нормативных документах, регламентирующих направления развития национальных образовательных систем и определяющих глобальные стратегические цели развития современного общества. Одна из семнадцати целей в области устойчивого развития связана с организацией «всеохватного и справедливого качественного образования» и поощрением возможности обучения на протяжении всей жизни для всех. При этом одной из задач по достижению этой цели является обеспечение доступа «к качественным системам развития, ухода и дошкольного обучения детей младшего возраста с тем, чтобы они были готовы к получению начального образования» [1].

В этой связи образовательная практика рассматривается как практика устойчивого развития человека, а детство – как самоценный период этого развития. С одной стороны, в образовательной практике должны быть созданы условия для полноценного гармоничного проживания каждым ребенком этого этапа, обеспечения эмоционального, социального и физического благополучия. С другой стороны, должна быть создана среда, позволяющая наиболее полно раскрывать потенциал каждого ребенка, обеспечивая ему оптимальные условия для развития с учетом индивидуальных особенностей.

Несмотря на то что идея равных возможностей развития для каждого ребенка находит нормативную поддержку в содержании федеральных образовательных стандартов и национальных проектов развития образования (например, федеральный проект «Успех каждого ребенка»), вопрос об условиях эффективной реализации этой идеи в практике дошкольного образования остается открытым. Отметим, что реализация педагогической идеи в практике во многом зависит от

того, насколько эта идея будет принята педагогами на уровне ценностно-смысовых установок, обеспечена инфраструктурной поддержкой и переведена на язык образовательных технологий.

Сложность поставленных перед практикой дошкольного образования задач на современном этапе ее развития заключается в необходимости смещения акцента с достаточно простой, понятной и, главное, «работающей» технологии обучения детей с опорой на бихевиоральные методы формирования навыков на образовательные технологии, которые строятся с опорой на смыслообразующую деятельность с детьми, обеспечивающую «вызов к жизни новых потребностей» (Л.С. Выготский) и достижение развивающих образовательных эффектов. Этот переход предполагает принципиально новый фокус осмысливания содержания педагогической деятельности; ресурсов, необходимых для ее успешной реализации; критерии оценки этой успешности, определяющих направленность и степень достижения развивающих эффектов. Соответственно, появляются новые основания и для осмысливания новых форм и функций оценивания на всех уровнях организации практики дошкольного образования.

С одной стороны, ориентация в педагогической деятельности на технологию смысловой, событийной педагогики предполагает высокий уровень субъектности, рефлексивности педагога, определенную степень свободы в выборе развивающих технологий и (или) разработке авторских методик решения образовательных задач. Так, например, в исследовании отношения педагогов к изменениям в дошкольном образовании выявлен запрос педагогов на: рациональное использование временных ресурсов со смещением акцента на непосредственное взаимодействие с детьми; определение направлений и создание условий развития профессиональных педагогических компетенций; конкретизацию результатов образовательной деятельности и задач, направленных на их достижение [2], что может указывать на развитие рефлексивного отноше-

ния педагогов к предмету и результатам профессиональной деятельности. С другой стороны, нормативное закрепление функциональной роли дошкольного образования в непрерывном образовании человека предъявляет высокие требования к качеству этого образования, что может находить отражение в том числе и в разработке новых инструментов для оценки качества организации образовательных сред, индивидуальных траекторий развития детей, уровня профессиональной компетентности педагогов, а также инструментов для нормирования профессиональной деятельности педагогов и оценки ее эффективности.

Акцент на организации развивающей образовательной среды, обеспечении условий успешности развития каждого ребенка и отказе от оценки образовательных результатов детей как реализации контролирующей функции педагогического оценивания приводит к размытию смысловых границ и необходимости перераспределения уже сложившихся функций между педагогической и психологической диагностиками, а также переосмыслиния роли педагогов и психологов в решении задач диагностического характера.

В решении задач оценки и повышения качества дошкольного образования особое значение имеет интеграция фундаментальных исследований в области психологии детского развития и исследований, посвященных оценке качества образовательной среды. Так, например, одним из направлений фундаментальных психологических исследований является адаптация и стандартизация методического комплекса, направленного на диагностику уровня развития основных компонентов регуляторных функций у детей дошкольного возраста [3]. Возможность использования методического комплекса в условиях образовательной практики с включением параметров, описывающих качество организации образовательной среды, открывает новые возможности для решения задач повышения качества дошкольного образования [4]. Отметим, что в данном случае речь идет о психологической диагностике в условиях образовательной практики, которая проводится для решения исследовательских задач и последующей интеграции научного знания в практику образования. В то же время есть целый ряд задач, для решения которых педагогу необходимо получать информацию о динамике развития ребенка в самом процессе постановки и решения профессиональных задач. Например, задачи индивидуализации образовательного процесса и поддержки инициативы и самостоятельности детей, решение которых, как показывают результаты проведенных исследований, вызывают у педагогов затруднения [5]. Для решения этих задач и создания условий, обеспечивающих достижение развивающих эффектов, педагогу необходимо получать оперативную и информативную обратную связь о динамике развития ребенка и особенностях этого развития в процессе образовательного взаимодействия. Соответственно, меняется представление о роли самого педагога в практиках оценивания и функциональных возможностях этих практик в решении задач, непосредственно связанных с возможностью эффективной организации образовательного взаимодействия с детьми. При этом, видимо,

речь должна идти не о педагогической диагностике в узком смысле этого слова (т.е. с ориентацией на показатели освоения образовательной программы), а о педагогической диагностике, психологически обоснованной, являющейся инструментом профессиональной деятельности педагога и позволяющей оперативно и корректно осуществлять постановку и решение педагогических задач развивающего характера.

Отметим, что для исследований, посвященных оценке качества дошкольного образования, характерны вопросы о роли педагога в этом процессе, содержании используемых инструментов; обращается внимание на значительные объемы информации, которые необходимо собрать и обработать педагогу, и проблематизируется сама возможность эффективного выполнения педагогом столь трудоемкой задачи, а также вклад достигнутых результатов в повышение качества дошкольного образования [6].

В исследованиях, посвященных изменению роли оценивания в современном образовании, отмечается, что разные практики оценки развития детей приобретают новый смысл и значимость в силу их содержательного включения в различные схемы разработки и принятия информированных решений в области детского развития и дошкольного образования, включая решение задачи «совершенствования практики образования» через разработку новых и совершенствование уже реализуемых образовательных программ. При этом отмечается тенденция к разработке инструментов для оценивания разных аспектов организации дошкольного образования в онлайн-формате, что, с одной стороны, отвечает идею цифровизации образования и открывает новые возможности для практики оценивания и анализа результатов этого оценивания, а с другой стороны, предъявляет новые требования к компетенциям педагогов и организационным условиям проведения оценивания. В ряде исследований показано, что онлайн-технологии оценивания разных аспектов организации образования могут быть достаточно эффективными для решения задач, связанных с совершенствованием образовательных программ. Однако интеграция этих технологий в практику работы педагогов сопряжена с рядом трудностей, обусловленных необходимостью перестройки уже сложившихся ценностных и деятельностных установок педагогов и принятием ими новой роли в организации и реализации сбора данных о динамике развития детей [7].

Решение разного рода диагностических задач в дошкольном образовании ассоциируется, прежде всего, с методом наблюдения. Этот метод имеет ряд ограничений, но, тем не менее, с учетом возрастных особенностей участников образовательного взаимодействия это один из немногих методов, которые могут быть использованы для решения исследовательских и практических задач в дошкольном образовании. При этом, наблюдая за ребенком, педагог может фиксировать свое внимание на результате поведения ребенка и (или) процессе достижения этого результата, слушать и слышать «голос ребенка»; предметом наблюдения могут стать естественное поведение детей или их поведенческие реакции в специальным

образом организованных педагогом модельных или диагностических ситуациях. Актуален поиск ответа на вопрос, что именно и почему «попадает» в поле внимания, а затем, возможно, и в поле профессиональной рефлексии педагога.

Изменение в процессе работы с детьми статуса педагогических наблюдений повышает степень ответственности педагога за собранные им данные, позволяющие делать выводы о динамике их развития. При этом важна не только готовность педагога принять эту ответственность, но и его готовность к профессиональному самосовершенствованию. Наличие инструмента оценивания как способа организации корректной обратной связи, позволяющей педагогу своевременно и обоснованно корректировать взаимодействие с ребенком для достижения развивающих эффектов, является необходимым условием успешного решения профессиональных задач, объясняя запрос педагогов на разработку такого инструмента. Однако востребованность инструментов, позволяющих оценивать динамику развития детей в практике дошкольного образования на современном этапе его развития, объясняется не только запросами педагогов.

Решение задачи совершенствования дошкольного образования как практики, которая может вносить значительный вклад в формирование траекторий развития ребенка, обсуждается исследователями с позиции диалога образовательной практики и наук о развитии человека. Принятие информированных решений в дошкольном образовании, оценка эффективности образовательных программ и качества образовательной среды с целью создания условий для развития ребенка и обеспечения его благополучия в детском возрасте являются «методологическим» вызовом для науки и практики, конструктивный ответ на который представляется возможным через преодоление ограничений, связанных с пониманием различных контекстов и сложных траекторий развития ребенка и его жизненного опыта, сложившейся «дефицитарной моделью» детства, не позволяющей в полной мере понять сложную природу и индивидуальные различия в формировании навыков и развитии компетенций в детском возрасте, возможность «слышать голос ребенка» в проводимых исследованиях и интерпретации полученных результатов [8].

В контексте современных междисциплинарных исследований развития человека институт образования рассматривается с позиций инвестирования в формирование ключевых навыков и развитие компетенций как институт формирования и развития человеческого капитала. Результаты исследований показывают, что инвестиции в дошкольное образование, в частности в реализацию программ дошкольного образования, имеют стратегическое значение в решении задач устойчивого развития общества и высокий уровень окупаемости [9, 10]. В этом смысле вопросы, связанные с оценкой качества образовательной среды, эффективности реализуемых образовательных программ, профессиональных компетенций педагогов дошкольного образования приобретают особую актуальность.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что позиционирование особой роли дошкольного образо-

вания в непрерывном образовании человека с позиции инвестиций в формирование и развитие человеческого капитала, достижения целей устойчивого развития и результатов междисциплинарных исследований в области детского развития определяет востребованность разработки инструментов, позволяющих на основе оценки динамики детского развития решать широкий спектр актуальных образовательных, исследовательских и управлеченческих задач в области дошкольного образования. Ключевыми при этом являются вопросы об основаниях разработки этих инструментов и их надежности; степени участия в их разработке и реализации самих педагогов; возможности инструментов педагогического оценивания органично «вписываться» в условия образовательного процесса и при минимизации ресурсных затрат со стороны педагога предоставлять оптимальный объем корректной информации о динамике развития ребенка для последующей интерпретации, разработки или корректировки образовательных программ, тестирования исследовательских гипотез или принятия управлеченческих решений.

Возможность обсуждения в профессиональном сообществе обозначенных выше аспектов разработки инструментов, направленных на оценку различных аспектов развития детей и позволяющих решать актуальные задачи развивающейся практики дошкольного образования, определяет основной замысел данной статьи, и ее цель – представить практикам и исследователям в области дошкольного образования некоторые основания для разработки таких инструментов педагогического оценивания и раскрыть их функциональные возможности в контексте роли дошкольного образования в решении задач устойчивого развития общества, инвестиций в формирование и развитие человеческого капитала и интеграции достижений современной науки в практику образования.

Функциональные возможности педагогического оценивания в решении задач устойчивого развития в условиях дошкольного образования. Идеи и цели устойчивого развития могут быть интерпретированы в дошкольном образовании как создание следующих условий: для минимизации рисков развития, формирования позитивных траекторий развития детей и реализации потенциала каждого ребенка; для развития профессиональной рефлексии педагогов, постановки и успешного решения ими задач профессионального развития, удовлетворенности процессом и результатом профессиональной деятельности; для инновационного развития образовательной практики как социальной практики нового типа, направленной не только на развитие ее участников, но и на совершенствование самой практики.

Практически каждая современная образовательная программа предполагает наличие инструмента, позволяющего оценивать достигнутые эффекты в соответствии с пятью образовательными областями, обозначенными во ФГОС дошкольного образования (например, в качестве такого инструментария могут использоваться диагностические карты). Вопрос в том, что, как правило, этот инструмент ориентирован на тематическое содержание определенной програм-

мы, отражает степень усвоения детьми конкретных знаний и уровень освоения навыков, однако, недостаточно информативен в плане определения особенностей развития детей по направлениям развития, соответствующим образовательным областям, и не позволяет обеспечить содержательную преемственность понимания динамики развития ребенка вне контекста осваиваемой им образовательной программы. В этой связи актуальна разработка инструмента педагогического оценивания, который позволит преодолеть указанные ограничения и оценивать достигнутые развивающие эффекты вне контекста тематического содержания основных или парциальных образовательных программ.

Полагаем, что требования к диагностическим инструментам, отвечающим запросам развивающейся практики дошкольного образования, определяются не только необходимостью функциональной и содержательной интеграции педагогических и психологических оснований в их разработке, но и обоснованностью выбора используемых в инструменте критерииев и показателей детского развития.

В уже сложившейся в дошкольном образовании практике педагогической диагностики используются различные подходы к определению содержания и количества критерииев и показателей детского развития. Например, уровень развития ребенка соотносится с овладением им определенными видами деятельности, определяющими возможность достижения развивающих эффектов в пяти образовательных областях, и, соответственно, в качестве основания для выбора критерииев индивидуального развития предлагаются такие компоненты деятельности, как побуждение к конкретному виду деятельности, представления об этой деятельности и опыт [11].

Для другого подхода к педагогической диагностике характерна ориентация на освоение образовательной программы в соответствии с пятью направлениями развития, и в качестве критериальных оснований диагностики рассматриваются содержательные аспекты каждого из направлений развития. При этом сама диагностика предполагает выполнение ребенком диагностических заданий, которые определяются тематическим содержанием образовательной программы. Например, в одной из образовательных программ дошкольного образования содержание образовательной области «Социально-коммуникативное развитие» конкретизируется в том числе и через развитие игровой деятельности ребенка, а уровень этого развития оценивается через наблюдение за ребенком и фиксацию его успешности в организуемых педагогом дидактических играх и упражнениях, представленных в программе [12].

Отметим, что при своеобразии подходов к оценке индивидуальных траекторий развития ребенка, и, соответственно, качества образования, в различных национальных системах можно выделить общие тенденции в определении целевых ориентиров развития детей дошкольного возраста. Обобщение ценностей детского развития, которые находят отражение в целевых ориентирах национальных систем оценки, позволяет выделить базовые категории, определяющие

систему координат, задающую смысловой контекст глобального понимания направлений детского развития в современном мире. Например, категория «смысл» является системообразующей для целевых ориентиров детского развития в ряде стран, определяя направленность на то, что ребенок в условиях дошкольного образования делает первые шаги по конструированию смысловой картины мира: «освоение и различение смысловых оттенков значения концептов, видения взаимосвязей и открытие новых способов понимания окружающего мира» (Швеция) [13]; «поиск и понимание смысла мира» (Австралия) [14]; «понимание смысла намерений других людей» (Великобритания) [15]. Акцент на смыслообразовании характерен и в определении процессуальных характеристик дошкольного образования в России. Познавательное развитие ребенка ассоциируется, прежде всего, с выраженным исследовательским интересом к окружающей среде, смысловым исследовательским опытом, поиском эффективных способов исследования естественной и искусственной среды и проверки собственных идей.

Полагаем, что разработка инструмента педагогического оценивания, адекватного запросам развивающейся практики дошкольного образования, должна отвечать требованиям федерального государственного образовательного стандарта дошкольного образования, опираться на результаты междисциплинарных исследований в области предикторов развития ключевых компетенций человека, определяющих его способность выстраивать конструктивные отношения с собой и окружающим миром и успешно решать задачи личностной и профессиональной самореализации, и учитывать мировой опыт организации практик дошкольного образования. При этом в осмыслиении различных национальных систем оценки развития ребенка в дошкольном возрасте имеет смысл делать акцент на анализе целевых ориентиров и содержания параметров оценки индивидуального развития детей в странах, являющихся лидерами в определенных направлениях; учитывать особенности национальных культур, образовательных традиций и тенденций развития образовательных систем; конкретизировать содержание критерииев индивидуального развития детей с учетом результатов современных исследований в области детского развития с ориентацией, с одной стороны, на создание наиболее благоприятных условий для формирования позитивной траектории развития ребенка, а с другой – на раннее выявление факторов риска и предупреждение формирования негативных траекторий развития.

Профессиональная деятельность всегда предполагает личную ответственность за достижение определенного результата, оценка которого представляет известную сложность в педагогической профессии, когда результат проявляется в долгосрочной перспективе и зависит от множества взаимодействующих факторов. Каким образом работа с инструментом педагогического оценивания может способствовать развитию профессиональной рефлексии педагогов и предупреждению эмоционального выгорания?

В соответствии с ФГОС дошкольного образования педагог несет ответственности за достижение ре-

бенком определенных образовательных норм, как и норм развития, однако в сфере профессиональной ответственности педагога – качество создаваемых им условий для реализации потенциала развития каждого ребенка в соответствии с обозначенными образовательными областями. Каждый ребенок развивается в соответствии со своими индивидуальными особенностями, и динамика этого развития зависит от множества факторов. Тем не менее педагогу важно получать своевременную и корректную обратную связь в отношении эффективности затраченных им усилий и «иметь в своих руках» надежный и эффективный в реализации инструмент, позволяющий принимать информированные решения в процессе постановки и реализации профессиональных задач.

Как показывает практика взаимодействия с педагогами дошкольных образовательных учреждений в процессе реализации научно-образовательного партнерства, содержательное включение педагогов в процесс оценивания динамики развития их воспитанников способствует расширению поля профессиональной рефлексии, и педагоги начинают обращать внимание на некоторые аспекты поведения детей, которые раньше «не попадали» в поле их внимания. Это согласуется с мнением исследователей о том, что умение педагога соотносить свои действия, задачи детского развития и наблюдения за детьми будет способствовать развитию рефлексивного отношения к предмету и средствам профессиональной деятельности [16]. В этой связи работа педагога с инструментом педагогического оценивания должна позволять ему устанавливать взаимосвязи между целевыми ориентирами детского развития и показателями достижения развивающих эффектов, которые фиксируются с помощью метода наблюдения. При этом акцент с результата образовательной деятельности ребенка переносится на процесс его достижения, акцент с демонстрации навыков – на то, о чем дети говорят и как относятся к тому, что делают. Как следствие, появляются новые вопросы, определяющие зону ближайшего развития уже самого педагога. В этой связи можно говорить о потенциале инструмента педагогического оценивания в реализации его системообразующей функции, если рассматривать рефлексию как системообразующую профессионального сознания и условие развития не только профессиональных компетенций педагогов, но и самой образовательной практики.

Функциональные возможности педагогического оценивания в решении задач инвестирования в формирование и развитие человеческого капитала в условиях дошкольного образования. Целесообразность акцента на раннем периоде развития человека в решении проблемы эффективности инвестиций, в том числе и родителей, в формирование человеческого капитала объясняется тем, что именно дошкольный возраст является сензитивным для формирования ключевых когнитивных и некогнитивных навыков и компетенций, определяющих дальнейшее личностное и профессиональное развитие человека. В междисциплинарных исследованиях роли дошкольного возраста исследователи обозначают ряд специфических ас-

пектов, связанных с природой раннего развития ребенка и реализацией подходов к развитию ребенка как объекту инвестиций со стороны государства, социальных институтов и родителей. При этом важной задачей становится предупреждение рисков формирования негативной траектории развития человека в детском возрасте и, как следствие, повышения эффективности инвестиций.

Международная практика построения и анализа моделей оценки инвестиций в детское развитие, как правило, основана на проверке теоретических моделей на основе анализа уже имеющихся данных масштабных когортных популяционных исследований или исследований по оценке эффективности образовательных программ или иных программ, направленных на достижение конкретных результатов и связанных с конкретными факторами детского развития, в том числе и инвестициями родителей [17, 18]. В этой связи следует отметить важность возможности использования инструмента педагогического оценивания как для проведения масштабных лонгитюдных исследований, так и для оценки эффективности образовательных программ в предположении о том, что инструмент позволяет проводить оценку детского развития вне зависимости от тематического содержания основных или парциальных образовательных программ.

Ориентация в федеральных государственных образовательных стандартах дошкольного образования на содержательное включение родителей в образовательный процесс предполагает решение задачи ценностно-ориентационного единства влияний на развитие ребенка семьи и дошкольного образовательного учреждения (взаимодополняющее влияние). В случае, если влияние образовательного учреждения носит компенсирующий характер, необходимо включение дополнительных мер, гармонизирующих социальную ситуацию развития ребенка в целом.

В этой связи и инвестиции родителей, и дошкольное образование могут рассматриваться как замещающие или взаимодополняющие. Взаимодополняющий характер инвестиций определяется: выбором родителями соответствующего ценностям семейного воспитания дошкольного образовательного учреждения; более высокой степенью вовлеченности родителей в процесс дошкольного образования и взаимодействия с образовательным учреждением; согласованностью содержания образовательной деятельности педагогов и нематериальных инвестиций родителей, что в целом определяет кумулятивный эффект инвестиций родителей и дошкольного образования в развитие человеческого капитала детей. Результаты исследований показывают, что с увеличением продолжительности времени, которое ребенок проводит в детском саду, увеличиваются показатели результатов по тестам на качество чтения и понимания текста; наблюдается замещающий эффект, связанный с тем, что дети родителей, характеризующихся низкими показателями вовлеченности в совместную образовательную деятельность с детьми, получают наибольшее преимущество от детского сада. В исследовании сформулирован и остается от-

крытым вопрос о поиске оптимальных способов обеспечения взаимодополнительности инвестиций родителей и дошкольных образовательных учреждений в человеческий капитал детей и эффективности инвестиций тех родителей, которые уже интенсивно инвестируют в развитие детей и демонстрируют высокий уровень вовлеченности в образовательный процесс ребенка [19].

Поиск ответа на вопрос об обеспечении взаимодополнительности инвестиций родителей и дошкольных образовательных учреждений актуален как в плане соответствия требованиям образовательных стандартов, так и в плане обеспечения благополучия ребенка, условием которого является ценностно-ориентированное единство влияний на развитие ребенка семьи и дошкольного образовательного учреждения. При этом характерно, что в разрабатываемых сегодня опросниках для родителей помимо выявления общей удовлетворенности образовательным процессом родителям предлагается занять экспертную позицию в отношении оценки качества обучения и эффективности развития детей [20]. Исследователи также отмечают готовность современных родителей опираться в вопросах воспитания на научное и экспертное знание, а не на личный опыт или семейные традиции [21]. В этой связи актуально в разработку инструмента оценки динамики развития детей включить разработку модуля для родителей, являющегося, с одной стороны, основанием для объективирования информации о развитии ребенка, а с другой – источником получения информации, значимой для организации содержательного взаимодействия с родителями. Родители имеют возможность наблюдать за детьми в ситуациях, недоступных для наблюдения педагогами, при этом работа родителей с инструментом предположительно будет способствовать переходу в рефлексивную позицию в отношении особенностей развития собственного ребенка и, соответственно, развитию компетенций осознанного родительства.

Исследователи отмечают важность организации работы с родителями по вопросам оценивания как основы для содержательного диалога с ними. Решение этой задачи предполагает: понимание педагогами уже сложившихся представлений и установок родителей в отношении оценивания; информирование родителей о важности оценивания, цели и методах, формате предоставления результатов, который может конкретизировать результаты обучения и сделать динамику развития ребенка «видимой» для педагогов и родителей [22].

Таким образом, в качестве одной из функций инструмента педагогического оценивания динамики развития детей дошкольного возраста можно рассматривать получение корректных оснований для оценки эффективности образовательных программ развивающей направленности и решения задачи совершенствования практики дошкольного образования. Полагаем, что включение родителей не только в содержательные аспекты реализации образовательных программ, но и в оценку динамики и особенностей развития детей будет способствовать обеспечению

согласованности усилий родителей и образовательного учреждения в решении задачи инвестирования в развитие и формирование человеческого капитала в условиях дошкольного образования.

Функциональные возможности педагогического оценивания в решении задачи интеграции науки и практики дошкольного образования. Вопросы интеграции результатов научных исследований в образовательные практики обсуждаются в логике науки совершенствования (improvement science), которая позволяет выстраивать продуктивный диалог между наукой оценивания (evaluation science) и наукой реализации программ (implementation science). Одним из ключевых понятий в оценивании является «аутентичное оценивание» (authentic assessment), которое определяется как «систематическая процедура отбора и анализа важной информации и данных, которые педагоги используют для целостного понимания динамики развития детей во всех областях в естественной среде группы» [22. С. 183]. В качестве основных элементов оценивания в дошкольном образовании выделяются: документирование; оценка; партнерство и коммуникация с родителями, вовлечение родителей в образовательный процесс, получение нового знания и развитие компетенций педагогов и родителей.

В исследованиях отмечается, что на современном этапе развития образовательной практики с учетом все усложняющихся задач, которые ставятся обществом перед институтами образования, накопленный опыт реализации идеи научно обоснованного образования (evidence-based education), отвечающего на вопрос «что работает?», уже недостаточен, так как не позволяет ответить на вопрос «что будет работать в практике конкретного педагога в работе с конкретными детьми?». Для ответа на этот вопрос необходимо интегрировать науку оценивания как основание для разработки исследований по оценке эффективности образовательных программ в соответствии с определенной методологией, позволяющей получать надежные данные, и науку реализации образовательных программ как основание для обеспечения необходимой инфраструктуры для успешной реализации и масштабирования эффективных практик. По мнению исследователей, результатом этой интеграции является наука совершенствования, которая делает акцент на исследовании и понимании различий в результатах реализации программ и разработке стратегий, позволяющих эффективно реализовывать научно обоснованные программы в различных контекстах. Именно такой подход позволяет преодолевать разрывы в генерировании знания (исследователями) и его практическом использовании (педагогами), в причинно-следственных связях, установленных и подтвержденных в исследованиях, и причинно-следственных связях, значимых в образовательной практике, понимание которых позволит улучшить конкретную практику [23]. Принятие ценностей «парадигмы улучшения» предполагает признание «невидимой сложности наших образовательных систем» [24. Р. 469], развитие новых компетенций исследователей и педагогов, позволяющих решать задачи улучшения практики образования,

задействовать потенциал научно-образовательного партнерства в реализации не только научно обоснованных образовательных программ и решений, но и программ и решений, подтвердивших свою эффективность в условиях реальной образовательной практики.

Одним из трендов в дошкольном образовании является организация сопровождения работы педагогов с данными как основание для более глубокого понимания динамики развития ребенка и анализа профессиональной педагогической деятельности. Сопровождение педагогов предполагает выявление мотивации педагогов и оценку актуального уровня профессиональных компетенций в определенных областях развития ребенка; систематическую работу по созданию условий для формирования самоэффективности педагогов в решении задач, связанных со сбором и анализом информации, определением индивидуальных особенностей развития ребенка, постановкой целей и выбором соответствующих технологий их достижения, рефлексией собственной профессиональной деятельности. При этом важным становится то, что данные не только позволяют получать ответы на вопросы о развитии ребенка, но и сформулировать новые вопросы, поиск ответов на которые составляет самостоятельный предмет научных исследований и, в то же время, является условием постоянного совершенствования практики дошкольного образования и развития профессиональной рефлексии педагогов [25].

Все большую востребованность в образовании приобретают достижения в области позитивной психологии, в частности исследования конструкта «благополучие». Благополучие педагогов является одним из ключевых условий создания образовательной среды, способствующей развитию детей дошкольного возраста. При этом благополучие педагогов в современных условиях практики дошкольного образования обсуждается в контексте все возрастающих требований к качеству организации образовательного процесса, необходимости учитывать индивидуальные особенности развития детей, разрабатывать, реализовывать и оценивать эффективность предлагаемых индивидуальных образовательных программ, выстраивать систематическое взаимодействие с родителями и постоянно совершенствовать образовательную практику. Подчеркивается, что особое значение приобретают мотивация педагогов, вовлеченность и смыслообразующий характер профессиональной деятельности. В этом смысле реализация системного подхода к оценке педагогами детского развития может стать ресурсом решения задачи создания условий, способствующих профессиональному развитию, минимизации профессионального выгорания и достижения целей профессиональной деятельности по созданию условий для формирования позитивных траекторий развития детей дошкольного возраста и повышению качества дошкольного образования [26].

Разработка инструмента оценивания с активным участием самих педагогов отвечает ценностям реализации научно-образовательного партнерства и, с нашей точки зрения, способствует тому, что исследователи

будут учиться «смотреть» на практику работы с детьми «глазами» педагогов, а педагоги – «видеть» глубинные основания организации конструктивного взаимодействия с детьми. В силу возрастных особенностей детей в исследованиях в области дошкольного образования часто используются педагогические наблюдения, что определяет особую роль педагогов уже на этапе сбора данных. Возможность оформления полученных результатов исследований в виде новых педагогических идей предполагает опору на педагогический опыт, а разработанные на основе этих идей новые образовательные программы нуждаются в подтверждении их эффективности в условиях образовательной практики.

В таком научно-образовательном партнерстве выигрывают и исследователь и педагог, однако данное взаимодействие предполагает смысловую «перестройку» профессиональных установок его участников и развитие новых компетенций как у педагогов, так и у исследователей. Включение в содержание педагогической деятельности исследовательской и экспертной составляющих может оказать влияние не только на качество проводимых научных исследований и развитие профессиональной рефлексии, но и способствовать решению одной из актуальных задач – интеграции научного знания в образовательную практику на всех уровнях: от принятия педагогом решения об использовании в образовательном процессе тех или иных информационных ресурсов и дидактических материалов до принятия решения о выборе основной или парциальной образовательной программы образовательным учреждением.

Таким образом, включение педагогов дошкольного образования в разработку инструмента «auténtичного оценивания» решает несколько задач: способствует более конструктивному и эффективному переходу от педагогической идеи к ее реализации в педагогической практике, так как уже в процессе разработки инструмент проходит тест на «чувствительность» к специфике практики дошкольного образования и адекватность актуальным запросам педагогов; позволяет «настроить» инструмент на оптимальный способ визуализации результатов, в том числе с использованием потенциала цифровых технологий. Решение этих задач, в свою очередь, позволит: выстраивать эффективные системы оценивания на базе дошкольных образовательных учреждений, интегрирующие различные типы данных; обеспечивать быстрый и надежный ввод этих данных, их обработку с использованием современных методов анализа; интерпретировать полученные результаты на индивидуальном уровне, в контексте группы или образовательного учреждения; конструировать новое междисциплинарное знание и использовать его для решения актуальных задач развивающейся практики дошкольного образования [27].

Обращаясь к рассмотренным выше функциям инструмента педагогического оценивания, отвечающего современным тенденциям развития дошкольного образования, определим еще одну функцию – интегрирующую. Эта функция будет проявляться на всех уровнях содержания и организации дошкольного образования, позволяя системно решать образова-

тельные, исследовательские и управленческие задачи развития образовательной практики и создавая условия объединения профессионального сообще-

ства и родителей для достижения глобальной цели института образования как практики устойчивого развития человека в течение всей жизни.

ЛИТЕРАТУРА

1. Цели в области устойчивого развития. URL: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/education/>
2. Алмазова О.В., Белолуцкая А.К., Веракса А.Н., Волосовец Т.В., Сиднева А.Н. Современное дошкольное образование в России: взгляд изнутри // Вестник Московского университета. Сер. 20. Педагогическое образование. 2019. № 2. С.45–62.
3. Алмазова О.В., Бухаленкова Д.А., Веракса А.Н. Диагностика уровня развития регуляторных функций в старшем дошкольном возрасте // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2019. Т. 16, № 2. С. 94–109. DOI: 10.17323/1813-8918-2019-2-302-317
4. Белолуцкая А.К., Веракса А.Н., Алмазова О.В., Бухаленкова Д.А., Гаврилова М.Н., Шиян И.Б. Связь характеристик образовательной среды детского сада и уровня развития регуляторных функций дошкольников // Психологическая наука и образование. 2018. Т. 23, № 6. С. 85–96. DOI: 10.17759/pse.2018230608
5. Реморенко И.М., Шиян О.А., Шиян И.Б., Шмис Т.Г., Ле-ван Т.Н., Козьмина Я.Я., Сивак Е.В. Ключевые проблемы реализации ФГОС дошкольного образования по итогам исследования с использованием «Шкал для комплексной оценки качества образования в дошкольных образовательных организациях (ECERS-R)»: «Москва-36» // Современное дошкольное образование. 2017. № 2 (74). С. 16–31.
6. Веракса Н.Е., Веракса А.Н. Оценка качества дошкольного образования: зарубежный опыт // Современное дошкольное образование. 2011. № 3. С. 22–31.
7. Коун К. Работа и технологии дошкольных педагогов в эпоху оценивания // Современное дошкольное образование. 2020. № 2 (98). С. 70–79.
8. Tatlow-Golden M., Montgomery H. Childhood Studies and child psychology: Disciplines in dialogue? // Children and Society. 2020. P. 1–15. URL: <https://doi.org/10.1111/chso.12384>
9. Heckman J.J. Skill Formation and the Economics of Investing in Disadvantaged Children // Science. 2006. Vol. 312 (5782). P. 1900–1902. DOI: 10.1126/science.1128898
10. Elango S., Luis García J., Heckman J.J., Hojman A. Early Childhood Education (NBER Working Paper # 21766). 2016. URL: <https://www.nber.org/papers/w21766.pdf>
11. Комплексная оценка динамики развития ребенка и его индивидуальных образовательных достижений. Диагностический журнал. Группа раннего возраста (от 2 до 3 лет) / авт.-сост. Ю.А. Афонькина. Волгоград : Учитель, 2018. 87 с.
12. Комплексная диагностика уровней освоения программы «Детство»: диагностический журнал. Средняя группа / авт.-сост. Е.А. Мартынова. Волгоград : Учитель, 2012. 71 с.
13. Curriculum for the Preschool Lpfö 98. Revised 2010. URL: http://www.svenskaskolan.ch/Foerskolan/Lpfoe98_revised2010_ENG.pdf
14. Belonging, Being and Becoming. The Yearly Years Learning Framework for Australia. URL: https://www.acecqa.gov.au/sites/default/files/2018-02/belonging_being_and_becoming_the_early_years_learning_framework_for_australia.pdf
15. Early years foundation stage profile 2020 handbook. URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/858652/EYFSP_Handbook_2020v5.pdf
16. Шиян О.А., Якшина А.Н., Зададаев С.А., Ле-ван Т.Н. Средства развития профессиональной рефлексии педагогов дошкольного образования // Современное дошкольное образование. 2019. № 4 (94). С. 14–35. DOI: 10.24411/1997-9657-2018-10049
17. Luis García J., Heckman J.J., Leaf D.E., Prados M.J. Quantifying the life-cycle benefits of a prototypical early childhood program (NBER Working Paper # 23479). 2019. URL: <http://www.nber.org/papers/w23479>
18. Francesconi M., Heckman J.J. Child development and parental investment: Introduction // The Economic Journal. 2016. Vol. 126 (October). F1–F27. DOI: 10.1111/ecoij.12388
19. Cebolla-Boado H., Radl J., Salazar L.J. Preschool education as the great equalizer? A cross-country study into the sources of inequality in reading competence // Acta Sociologica. 2017. Vol. 60 (1). P. 41–60. DOI: 10.1177/0001699316654529
20. Собкин В.С., Халтутина Ю.А. Отношение родителей детей дошкольного возраста к образовательному процессу в детском саду: удовлетворенность, оценка качества и эффективности обучения // Современное дошкольное образование. 2018. № 1. С. 6–18.
21. Сивак Е.В. Современная родительская культура и ее значение для взаимодействия родителей и педагогов // Современное дошкольное образование. 2019. № 1 (91). С. 8–17. DOI: 10.24411/1997-9657-2019-10036
22. Pekis A., Gourgiotou E. Parental Perceptions about Children's Authentic Assessment and the Work Sampling System's implementation // International Journal of Assessment Tools in Education. 2017. Vol. 4. P. 182–210. DOI: 10.21449/ijate.318250
23. Joyce K.E., Cartwright N. Bridging the Gap Between Research and Practice: Predicting What Will Work Locally // American Education Research Journal. 2020. Vol. 57 (3). P. 1045–1082. DOI: 10.3102/0002831219866687
24. Bryk A.S. 2014 AERA Distinguished Lecture: Accelerating How We Learn to Improve // Educational Researcher. 2015. Vol. 44 (9). P. 467–477. DOI: 10.3102/0013189X15621543
25. Snyder C.M., Delgado H.P. Unlocking the Potential of Data-Driven Coaching: Child Assessment Evidence as a Guide for Informing Instructional Practices // Young Children. 2019. Vol. 74 (3). P. 44–53.
26. Baker L., Green S., Falecki D. Positive early childhood education: expanding the reach of positive psychology into early childhood // European Journal of Applied Positive Psychology. 2017. Vol. 1 (8). P. 1–12. URL: <http://www.nationalwellbeingservice.org/volumes/volume-1-2017/volume-1-article-8/>
27. Neumann M.M., Anthony J.L., Erazo N.A., Neumann D.L. Assessment and Technology: Mapping Future Directions in the Early Childhood Classroom // Frontiers in Education. 2019. Vol. 4: 116. DOI: 10.3389/feduc.2019.00116

Статья представлена научной редакцией «Педагогика» 29 сентября 2020 г.

Current Developmental Tendencies of Assessment Practices in Preschool Education: Functions of Pedagogical Assessment
Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 459, 195–204.

DOI: 10.17223/15617793/459/24

Elena L. Bogdanova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation); Sirius University of Science and Technology (Sochi, Russian Federation). E-mail: elena_tomsk.tsu@mail.ru

Olga Ye. Bogdanova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation); Sirius University of Science and Technology (Sochi, Russian Federation). E-mail: oy.bogdanova@mail.tsu.ru

Sergey Yu. Kiselev, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin (Yekaterinburg, Russian Federation). E-mail: s.j.kiselev@urfu.ru

Keywords: assessment practices; preschool education; sustainable development; investment; human capital; improvement science.

The reported study was funded by the Russian Foundation for Basic Research, Project No. 19-313-51035.

The article outlines the current tendencies in the development of assessment practices in preschool education and argues for the relevance of developing instruments that, based on the assessment of child development trajectories, allow solving a wide range of educational, research and decision-making tasks. Foundations for the development of such instruments are discussed based on world practice and specific features of Russian preschool education at the current stage of its development; on ensuring the most favorable conditions for shaping positive trajectories of children's development and their social, emotional and physical well-being; on bridging the gap between impact of family and preschool education on child development and ensuring availability and continuity of data about various aspects of children's development throughout the entire period of preschool education. Functions of an instrument for pedagogical assessment of developmental dynamics are discussed in the context of the role of preschool education in addressing the challenges of sustainable development of society, investments in the formation and development of human capital and integration of the advances of science into educational practice. The issues of integrating the results of scientific research into the practice of education are discussed following the logic of a recent interdisciplinary field—improvement science, which allows building a constructive dialogue between evaluation science and implementation science. The article focuses on current trends in organizing work with data on child development as a basis for making informed decisions in preschool education, developing professional reflection of teachers and involving parents in the discussion of issues of child development and preschool education. The authors of the article draw attention to the fact that development of instruments for "authentic" assessment of the development of children implies: realizing the potential of scientific and educational partnership between researchers and teachers, taking into account the "voice of the child" and involving parents in the assessment process; using modern digital technologies in the organization of effective systems for the collection, analysis and visualization of data on child development; changing the status of pedagogical observations and organizing conditions for the development of the competencies of teachers and parents in terms of assessing various aspects of child development.

REFERENCES

1. UN. (2020) *Tseli v oblasti ustoychivogo razvitiya* [Sustainable Development Goals]. [Online] Available from: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/education/>.
2. Almazova, O.V. et al. (2019) Modern preschool education in Russia : A view from the inside. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 20. Pedagogicheskoe obrazovanie*. 2. pp. 45–62. (In Russian).
3. Almazova, O.V., Bukhalenkova, D.A. & Veraksa, A.N. (2019) Assessment of the Level of Development of Executive Functions in the Senior Preschool Age. *Psichologiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki – Psychology. Journal of the Higher School of Economics*. 16 (2). pp. 94–109. (In Russian). DOI: 10.17323/1813-8918-2019-2-302-317
4. Belolutskaya, A.K. et al. (2018) Association between Educational Environment in Kindergarten and Executive Functions in Preschool Age. *Psichologicheskaya nauka i obrazovanie – Psychological Science and Education*. 23 (6). pp. 85–96. (In Russian). DOI: 10.17759/pse.2018230608
5. Remorenko, I.M. et al. (2017) Key issues for the implementation of the federal state educational standard for preschool education according to the results of applying early childhood environment rating scale (ECERS-R): "Moscow-36". *Sovremennoe doshkol'noe obrazovanie – Preschool Education Today*. 2 (74). pp. 16–31. (In Russian).
6. Veraksa, N.E. & Veraksa, A.N. (2011) Otsenka kachestva doshkol'nogo obrazovaniya: zarubezhnyy optyt [Assessment of the quality of preschool education: Foreign experience]. *Sovremennoe doshkol'noe obrazovanie – Preschool Education Today*. 3. pp. 22–31.
7. Koun, K. (2020) Early childhood teachers' work and technology in an era of assessment. *Sovremennoe doshkol'noe obrazovanie – Preschool Education Today*. 2 (98). pp. 70–79. (In Russian).
8. Tatlow-Golden, M. & Montgomery, H. (2020) Childhood Studies and child psychology: Disciplines in dialogue? *Children and Society*. 34 (6). pp. 1–15. DOI: 10.1111/chso.12384
9. Heckman, J.J. (2006) Skill Formation and the Economics of Investing in Disadvantaged Children. *Science*. 312 (5782). pp. 1900–1902. DOI: 10.1126/science.1128898
10. Elango, S., Luis Garcia, J., Heckman, J.J. & Hojman, A. (2016) *Early Childhood Education*. NBER Working Paper # 21766. [Online] Available from: <https://www.nber.org/papers/w21766.pdf>.
11. Afon'kina, Yu.A. (2018) *Kompleksnaya otsenka dinamiki razvitiya rebenka i ego individual'nykh obrazovatel'nykh dostizheniy. Diagnosticheskiy zhurnal. Gruppa rannego vozrasta (ot 2 do 3 let)* [Comprehensive assessment of the dynamics of children's development and of their individual educational achievements. A diagnostic journal. Little group (from 2 to 3 years old)]. Volgograd: Uchitel'.
12. Martynova, E.A. (2012) *Kompleksnaya diagnostika urovney osvoeniya programmy "Detstvo": diagnosticheskiy zhurnal. Srednyaya gruppa* [Comprehensive diagnostics of the levels of mastering the program "Childhood": A diagnostic journal. Medium group]. Volgograd: Uchitel'.
13. Svenskaskolan.ch. (2010) *Curriculum for the Preschool Lpfö 98*. Revised 2010. [Online] Available from: http://www.svenskaskolan.ch/Foerskolan/Lpfoe98_revised2010_ENG.pdf.
14. Belonging, Being and Becoming. (2018) *The Yearly Years Learning Framework for Australia*. [Online] Available from: https://www.acecqa.gov.au/sites/default/files/2018-02/belonging_being_and_becoming_the_early_years_learning_framework_for_australia.pdf.
15. Standards & Testing Agency. (2020) *Early years foundation stage profile. 2020 handbook*. [Online] Available from: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/858652/EYFSP_Handbook_2020v5.pdf.
16. Shryan, O.A., Yakshina, A.N., Zadadaev, S.A., Le-van, T.N. (2019) Means of Developing the Professional Self-Reflection of Early Childhood Education Teachers. *Sovremennoe doshkol'noe obrazovanie – Preschool Education Today*. 4 (94). pp. 14–35. (In Russian). DOI: 10.24411/1997-9657-2018-10049
17. Luis Garcia, J., Heckman, J.J., Leaf, D.E., Prados, M.J. (2019) *Quantifying the life-cycle benefits of a prototypical early childhood program*. NBER Working Paper # 23479. [Online] Available from: <http://www.nber.org/papers/w23479>.
18. Francesconi, M. & Heckman, J.J. (2016) Child development and parental investment: Introduction. *The Economic Journal*. 126 (October). F1–F27. DOI: 10.1111/eijo.12388
19. Cebolla-Boado, H., Radl, J. & Salazar, L.J. (2017) Preschool education as the great equalizer? A cross-country study into the sources of inequality in reading competence. *Acta Sociologica*. 60 (1). pp. 41–60. DOI: 10.1177/0001699316654529
20. Sobkin, V.S. & Khalutina, Yu.A. (2018) Parents of Preschool Children and Their Attitude to the Educational Process in Kindergarten: Satisfaction, Stance on Quality and the Effectiveness of Education. *Sovremennoe doshkol'noe obrazovanie – Preschool Education Today*. 1. pp. 6–18. (In Russian).
21. Sivak, E.V. (2019) Modern parental culture and its importance with regard to interaction between parents and teachers. *Sovremennoe doshkol'noe obrazovanie – Preschool Education Today*. 1 (91). pp. 8–17. (In Russian). DOI: 10.24411/1997-9657-2019-10036
22. Pekis, A. & Gourgiotou, E. (2017) Parental Perceptions about Children's Authentic Assessment and the Work Sampling System's implementation. *International Journal of Assessment Tools in Education*. 4. pp. 182–210. DOI: 10.21449/ijate.318250
23. Joyce, K.E. & Cartwright, N. (2020) Bridging the Gap Between Research and Practice: Predicting What Will Work Locally. *American Education Research Journal*. 57 (3). pp. 1045–1082. DOI: 10.3102/0002831219866687
24. Bryk, A.S. (2015) 2014 AERA Distinguished Lecture: Accelerating How We Learn to Improve. *Educational Researcher*. 44 (9). pp. 467–477. DOI: 10.3102/0013189X15621543

25. Snyder, C.M. & Delgado, H.P. (2019) Unlocking the Potential of Data-Driven Coaching: Child Assessment Evidence as a Guide for Informing Instructional Practices. *Young Children*. 74 (3). pp. 44–53.
26. Baker, L., Green, S. & Falecki, D. (2017) Positive early childhood education: expanding the reach of positive psychology into early childhood. *European Journal of Applied Positive Psychology*. 1 (8). pp. 1–12. [Online] Available from: <http://www.nationalwellbeingservice.org/volumes/volume-1-2017/volume-1-article-8/>.
27. Neumann, M.M., Anthony, J.L., Erazo, N.A. & Neumann, D.L. (2019) Assessment and Technology: Mapping Future Directions in the Early Childhood Classroom. *Frontiers in Education*. 4. 116. DOI: 10.3389/feduc.2019.00116

Received: 29 September 2020

Д.В. Буримская

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ОБУЧЕНИЮ ПРОФЕССИОНАЛЬНО ОРИЕНТИРОВАННОМУ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ НА БАЗЕ ИКТ

Процессы глобализации и информатизации, гармонизации с европейской системой высшего образования, законы и постановления органов управления образованием требуют совершенствования методики обучения иностранному языку в условиях применения ИКТ в вузах. Для осуществления данной задачи предлагается пересмотреть средства обучения и педагогические подходы, которые применяются преподавателями для обучения профессионально ориентированному иностранному языку (ESP – English for Specific Purposes).

Ключевые слова: обучение профессионально ориентированному иностранному языку; ИКТ; педагогические подходы; информационно-образовательная среда.

Введение

Модернизация российского высшего образования в рамках «Концепции модернизации российского образования до 2020 года» и федеральных государственных образовательных стандартов (ФГОС) определяет новые требования к информатизации учебного процесса: совершенствование форм обучения, применение активных и интерактивных методов обучения, в том числе на базе средств ИКТ для дифференциации и индивидуализации в образовательном процессе.

Сегодня изучение иностранного языка как отдельной дисциплины в высшем образовании становится бесполезным, поэтому преподавание профессионально ориентированного иностранного языка (ESP) зависит от интегрированного подхода к процессу обучения, который способствует формированию необходимых языковых компетенций. При этом комплексный подход реализует возможность формировать и развивать все языковые навыки и умения (чтение, письмо, аудирование и говорение) систематически и последовательно. В настоящее время средства ИКТ применяются в обучении иностранному языку в неязыковом вузе фрагментарно, имплицитивно, формируя и развивая *отдельные* навыки (лексические, грамматические, фонетические) или умения иностранного языка (говорение, чтение, письмо, аудирование); при этом преподаватель создает и одновременно использует множество сайтов. Недостатком фрагментарного применения технологий является нарушение концептуального подхода к обучению иностранному языку.

Обзор литературы

В ряде российских педагогических исследований еще до вступления Федерального закона были определены разные методики обучения отдельным языковым компетенциям (говорение, чтение, аудирование, письмо) на базе ИКТ [1–10]. Ряд авторов [11, 12] применяют телекоммуникационные проекты, которые обеспечивают интерактивное взаимодействие, реализуя доступ к массивам информации и проектированию коллективных исследований (парные или групповые).

Анализ литературы показал, что все разработанные электронные авторские ресурсы были направлены

на выполнение главной педагогической цели: формирование и развитие всех основополагающих навыков и умений иностранного языка. Однако все они разрабатывались и применялись для тренировки или формирования *одного* отдельного навыка и умения – фрагментарно, не взаимосвязано, не комплексно [13–15].

Важным методологическим основанием модернизации российского образования стала междисциплинарная интеграция, включающая главные задачи: применение комплексного подхода в процессе обучения, реализуя единство и взаимосвязь целей, содержания, форм и методов обучения; развитие компетентности студента с целью формирования и развития его профессионализма; практическое применение компетенций в профессиональной деятельности студента.

Интеграционная взаимосвязь учебных дисциплин осуществляется на основе целостности, дидактического синтеза и межпредметных связей [16–21]. Принцип междисциплинарной интеграции [16, 22, 23] заложен в понятии «компетенция» для развития профессионализма, включая совокупность знаний, умений, навыков и способностей, а также опыта их реализации. Реализация данного принципа основывается также на проектном и исследовательском подходах при обучении профессионально ориентированному иностранному языку.

Сегодня применение компетентностного подхода продиктовано следующими обстоятельствами: интеграция и глобализация экономики по всему миру; гармонизация с европейской системой высшего образования; смена образовательной парадигмы; разнообразие в толковании «компетентностного подхода»; законы и постановления органов управления образованием [24].

Таким образом, анализ литературы позволяет сделать вывод, что при разработке электронных ресурсов должны учитываться педагогические подходы (комплексный, интегрированный (междисциплинарный), компетентностный, проектный, исследовательский и индивидуальный), которые лежат в основе совершенствования методики преподавания профессионально ориентированного иностранного языка в вузах.

Методология и методы

Ведущим методом данного исследования являлся сравнительно-обобщающий анализ, позволивший со-

брать, изучить и сопоставить различные средства ИКТ для обучения иностранному языку, которые уже применяются сегодня. Данный метод позволил выявить преимущества и недостатки средств ИКТ при обучении.

Также использовался метод формализации педагогических подходов на основании анализа средств ИКТ и целей подготовки выпускников, которые прописаны в последних законах и постановлениях органов управления образованием РФ. Метод интерпретации был использован для обобщения результатов проведенного анализа и определения основных направлений совершенствования методики обучения профессионально ориентированному иностранному языку в вузах.

На основе практического анализа заявленной темы была выдвинута идея, что использование средств ИКТ способствует реализации комплексного, компетентностного, интегрированного, проектного, исследовательского и индивидуального подходов при обучении профессионально ориентированному иностранному языку (ESP), которые должны учитываться при совершенствовании методики обучения иностранному языку в вузах.

Комплексный подход [25] означает принцип проектирования для функционирования педагогических систем и процессов, приводящий во взаимосвязь и взаимодействие все составляющие системы и процессов. Комплексный подход способствует [26, 27] единству и взаимосвязи всех компонентов учебного процесса для формирования всех необходимых профессиональных компетенций; единству всех этапов и структурных составляющих учебного процесса; внутреннему единству компонентов содержания, форм и средств обучения. Данный подход направлен на: формирование и развитие всех системообразующих умений и навыков (чтение, письмо, говорение и аудирование); организацию и осуществление учебной деятельности при использовании одной из информационных систем (lms (e-front), Mooc (edX) или фро (moodle)); создание информационно-образовательной среды; автоматизацию процессов информационного взаимодействия; контроль и самоконтроль эффективности и результатов.

По мнению У. Смита [21], изучение иностранного языка как отдельной дисциплины в высшем образовании становится бесполезным. Интегрированное обучение в настоящее время предусматривает преподавание ряда дисциплин на иностранном языке. В связи с этим некоторые вузы используют предметно-языковое интегрированное обучение (CLIL – Content and Language Integrated Learning). Д. Кайл, Д. Марш, Ф. Худ [18] трактуют предметно-языковое интегрированное обучение как метод обучения, в основе которого – овладение предметной областью через иностранный язык и иностранным языком через предмет.

Данная методика в России используется фрагментарно. Однако интегрированный подход имеет следующие преимущества [17–20, 28]: комплексная направленность изучения нескольких дисциплин одновременно (возможность изучения иностранного языка в рамках неязыковых предметов, возможность

использования иностранного языка как средства для изучения профильного предмета и получения новой профессиональной информации); стимулирующая среда обучения – проектирование профессионального контента на иностранном языке на базе средств ИКТ (возможность освоить и применить предметный контент, что побуждает к изучению иностранного языка, возможность говорить и писать, развивая речевую коммуникацию на иностранном языке); аутентичность учебного материала; активное обучение (практическое применение знаний и навыков разных дисциплин посредством интерактивных форм учебной деятельности).

Итак, реализация методики предметно-языкового интегрированного обучения зависит от *интегрированного подхода* к процессу обучения, который способствует формированию необходимых компетенций.

По мнению И.А. Зимней, *компетентностный подход* является системным и междисциплинарным, он характеризуется личностным и деятельностным аспектами и усиливает практико-ориентированную направленность образования. Основа компетентностного подхода – переход к новой образовательной парадигме, требующей изменений в целях и результатах обучения (формирование базовых социальных и предметных компетенций / компетентностей); в содержании образования (системное, междисциплинарное, практико-ориентированное концептуальное представление о мире и практические действия в нем); в технологическом обеспечении образовательного процесса (использование технологий деятельностного типа для творческого взаимодействия, исследовательской и практической деятельности); в образовательной среде (создание пространственно-предметного окружения), в деятельности преподавателя.

Индивидуальный подход предполагает формирование студентом собственной образовательной траектории, ориентированной на индивидуальные приоритеты и возможности, что способствует дифференцированию содержания учебного материала, ориентированного на формирование коммуникативных навыков и умений.

Реализация данного подхода также взаимосвязана с *проектным и исследовательским подходами*, так как менее подготовленным студентам дифференцированные задания помогают достичь необходимого уровня и включиться в проектную (групповую) работу (прочитать профессиональный аутентичный текст, найти информацию, отобрать релевантный материал, подготовить видео- или аудиоматериал по специальности студента), а для работы с хорошо подготовленными студентами разрабатываются задания с повышенными требованиями (найти оригинальный материал, подготовить презентацию в Power Point по теме, участвовать в дискуссиях, case-study). Индивидуальный подход предусматривает интенсификацию обучения за счет выполнения заданий по чтению, аудированию, письму, проработке лексики и грамматики с комплексным применением ИКТ при самостоятельной работе, так как студент может читать, просматривать, прослушивать материал или выполнять упражнения неоднократно.

Таким образом, реализация комплексного, компетентностного, интегрированного, проектного, исследовательского и индивидуального подходов к обучению юриспруденции на иностранном языке в условиях применения ИКТ ориентирована:

1) на формирование знаний в области: сущности и содержания по всем сферам юриспруденции на английском языке для понимания содержания аутентичных юридических текстов, для поиска значимой / запрашиваемой информации при чтении на английском языке на базе средств ИКТ, обеспечивающих регистрацию, управление элементами пользовательского интерфейса, работу с всплывающими ссылками и гиперссылками; профессиональной терминологии в процессе перевода юридической лексики и грамматических структур по всем сферам юриспруденции на английском языке для использования терминологии, лексики и грамматики в процессе перевода профессиональной лексики и характерных грамматических структур на базе ИКТ, обеспечивающих выполнение промежуточных и контрольных тестов, контроль и самоконтроль, автоматизацию диагностики ошибок; сущности и содержания по всем направлениям юриспруденции на английском языке для восприятия на слух и понимания основного содержания аутентичных юридических текстов, относящихся к различным типам речи (сообщение, рассказ, презентация), а также выделение значимой / запрашиваемой информации в процессе аудирования на базе ИКТ, обеспечивающей скорость записи и субтитров адекватно уровню подготовленности студента; структуры и содержания профессиональных текстов на английском языке для написания разных официальных документов в соответствии со структурой делового письма на базе ИКТ;

2) формирование умений в области: владения новыми знаниями по всем направлениям юриспруденции на английском языке для выделения и восприятия основного содержания аутентичных юридических текстов при чтении и аудировании, для детального понимания всех юридических документов при чтении и аудировании, для выявления значимой / запрашиваемой информации, для анализа и сравнения данных документов на базе ИКТ, обеспечивающих поиск, чтение аутентичных юридических текстов, использование ссылок и гиперссылок, применение скорости записи и субтитров; применения юридической лексики и грамматических структур по всем специализациям юриспруденции на английском языке для перевода профессиональной терминологии и характерных грамматических структур на базе средств ИКТ, обеспечивающих автоматизированный контроль, самоконтроль и диагностику ошибок; составления устной и письменной коммуникации, исходя из целей и ситуации общения и сообщения на английском языке для ведения переговоров, вопросов, выступлений, обменов мнениями, а также для ведения деловой переписки с партнерами и клиентами, составления юридических документов на базе средств телекоммуникаций (email, skype, чаты и форумы в LMS, MOOC, Moodle) и Power Point (презентации);

3) формирование опыта реализации знаний и умений в области: самостоятельного поиска, анализа, обработки и квалификации юридически значимой ин-

формации и юридических фактов по всем направлениям юриспруденции на английском языке для выявления главной и сопутствующей информации при чтении и аудировании аутентичных юридических текстов по всем специализациям юриспруденции на базе средств ИКТ, обеспечивающих реализацию межпредметной связи, работу со специализированными правовыми системами на английском языке (базами данных), визуализацию учебного материала увеличение объема информации, а также оптимизацию поиска необходимой информации; понимания значения неизвестных юридических слов из контекста по всем направлениям специализации юриспруденции на английском языке для нахождения и сопоставления юридической терминологии и грамматических структур при работе с аутентичным материалом по всем специализациям юриспруденции при самостоятельной работе на базе ИКТ, обеспечивающих индивидуализацию и дифференциацию процесса обучения; составления правовых документов и ведения письменной переписки с клиентами в рамках профессионального общения на английском языке для эффективного структурирования различных типов письменных текстов профессиональной направленности с разделением на параграфы, выделением главной мысли и приведением аргументов на базе средств ИКТ для структурированной письменной коммуникации с клиентами; представления результатов профессиональной деятельности в рамках публичных выступлений и дискуссий на английском языке для подготовки сообщений и презентаций на профессиональную тему, понимания вопросов и применения развернутых ответов по презентуемой теме на базе ИКТ, обеспечивающих поиск, отбор и обработку информации для подготовки презентаций.

С учетом сказанного был разработан курс английского языка для студентов ненязыковой специальности – «English for lawyers» («Английский для юристов»), предназначенный для студентов факультета права НИУ ВШЭ на информационно-образовательной платформе ДПО (Dpo (Moodle)). Данное исследование предполагает анализ эксперимента для выявления сформированных языковых компетенций для профессиональных целей студентов при комплексном применении ИКТ.

Для чистоты эксперимента были выбраны два академических года: 2016/17 и 2018/19 гг. Под эксперимент попали три академические языковые группы (38 человек). Курс «Английский для юристов» на втором курсе проводился в одной языковой группе (11 человек) традиционно, без применения средств ИКТ, в двух экспериментальных (27 человек) – тот же курс, но уже на базе ИКТ (смешанное обучение). Перед началом эксперимента были взяты отметки за внутренний экзамен по английскому языку (в конце первого курса обучения), который проводился в формате международного экзамена IELTS (где проверяются все навыки и умения: чтение, аудирование, письмо и говорение, образец варианта; <https://lang-hse.ru/documents>). Контрольная и экспериментальные группы обучались на втором и четвертых курсах у одного и того же преподавателя по одной и той же программе.

Результаты исследования

Автором статьи были проанализированы научно-методические публикации [1–12, 14, 15, 29, 30] для выявления типов электронных образовательных ресурсов, которые уже разработаны и применяются педагогами России для создания информационно-образовательной среды: распределенные информационные образовательные ресурсы, электронные средства учебного назначения, электронные средства образовательного назначения, которые способствуют автоматизации процессов поиска информации по специальности студента, отработки лексических и грамматических структур, визуализации учебного материала, неоднократному прослушиванию аудио- и видеофайлов, автоматическому контролю усвоения знаний и умений, интерактивному информационному взаимодействию между преподавателем, студентами и средствами ИКТ; телекоммуникационные проекты для создания информационно-образовательной среды, интерактивного взаимодействия, автоматизированного исследовательского поиска и обработки информации по заданной теме проекта, индивидуализации обучения, автоматизированного контроля усвоения знаний; социальные сервисы (*блог-технологии* для создания личной страницы в виде дневника или журнала, размещение тематических публикаций и их обсуждения на базе web 2.0, для формирования лексических и грамматических навыков, *веб-форум* для создания сайта, на котором студенты пишут свои сообщения по заданной теме, для развития умений письма с возможностью комментировать общие и отдельные сообщения (темы) веб-форума, с возможностью публичного и приватного общения, синхронной или асинхронной коммуникации, с возможностью хронологического размещения сообщений, *подкасты* для создания персональной страницы, на которой размещаются созданные аудиофайлы и видеофайлы по заданной теме с последующим обсуждением, для развития умений аудирования и говорения); при этом отмечается использование аутентичного материала, (*вики-технологии* для создания единого документа с возможностью менять и сохранять содержание документа по заданной теме на базе web 2.0, не имеющие ограничений для количества изменений в документе, с возможностью анализировать материал до и после корректировки, для развития умения чтения и письма, создания коллективных проектов внутри группы, *Твиттер* для отправления коротких текстовых заметок для использования аудиовизуальной информации, управления учебным процессом, выполнения групповых и индивидуальных заданий и проектов, формирования аутентичной иноязычной среды, увеличения объема учебной информации).

При этом необходимо отметить, что вышеперечисленные возможности средств ИКТ применяются в обучении иностранному языку фрагментарно, имплицитивно, формируя и развивая отдельные навыки или умения иностранного языка (говорение, чтение, письмо, аудирование). Исследование выявило, что для совершенствования методики преподавания профессионально ориентированного иностранного языка в

вузах в условиях применения ИКТ необходимо реализовать одновременно комплексный, интегрированный, компетентностный, проектный, исследовательский и индивидуальный подходы.

С учетом вышеперечисленных преимуществ средств ИКТ был разработан курс «Английский для юристов», чтобы выявить следующее: можно ли реализовать все преимущества средств ИКТ на одной информационно-образовательной платформе, не создавая множество сайтов для формирования / совершенствования всех языковых компетенций, комплексно и с учетом профессиональной дисциплины студентов.

Для эксперимента были взяты три группы (38 человек). Диапазон оценок за внутренний экзамен, в формате международного экзамена IELTS, после первого курса следующий: в контрольной группе (11 человек) – от «4» до «10», в экспериментальной группе 1 (13 человек) – от «4» до «8», в экспериментальной группе 2 (14 человек) – от «4» до «9» (в НИУ ВШЭ десятибалльная система оценивания) (рис. 1).

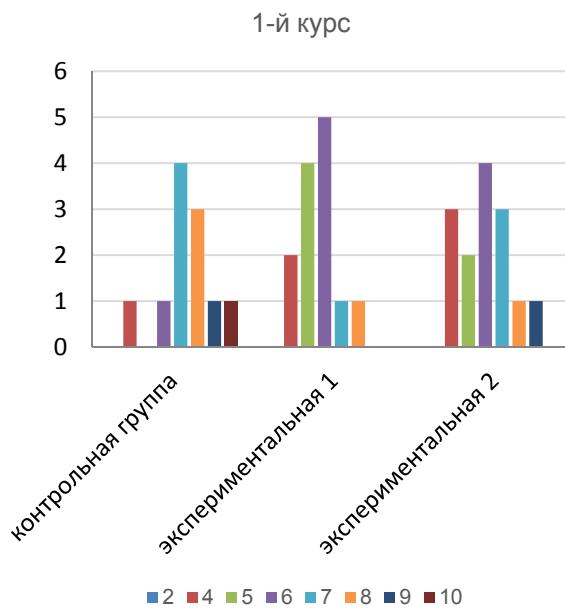

Рис. 1. Диапазон оценок за внутренний экзамен по английскому языку

На втором курсе все три группы обучались у одного преподавателя по одной и той же программе. Обучение контрольной группы шло на базе только учебника, а двух экспериментальных групп – с применением учебника и информационно-образовательной среды (ИОС) Moodle (dpo.hse.ru).

Все три группы вначале читали аутентичный профессиональный текст на английском языке по Англо-саксонскому праву для извлечения знаний. Текст в информационно-образовательной среде тот же, что и в учебнике, единственная разница – возможность увидеть мгновенный перевод слова, если подвести мышку к выделенной терминологии. Перевод выбран педагогам при разработке курса.

Затем выполнялись лексические и грамматические упражнения по той же теме, что и текст (отработка терминологии, предлогов и т.д.). Все лексические и

грамматические упражнения проверяются автоматически в ИОС, в контрольной группе проверяются на занятии. Выполнение упражнений в ИОС можно ограничить одной попыткой, а можно дать две и больше, пока студент не получит за выполнение всех задания «8». При этом студенты моментально видят правильные ответы и пояснения к неправильным ответам, после нажатия кнопки «отправить».

После этого учащиеся прослушивают и просматривают материал по данной теме из американского права. Студенты могут прослушивать несколько раз, включать субтитры, пользоваться онлайн-словарем. Вместе с тем они получают не только знания по юриспруденции американского права, но и формируют / совершенствуют правильное произношение профессиональной терминологии, развивая и формируя навыки и умения аудирования. Аудирование для группы, которая занимается только по учебнику, не предусмотрено (контрольная группа).

Последнее задание в каждом разделе – письмо (ответы на вопросы, составление договоров, написание писем, жалоб, исков и т.д.). Данное задание опять не предусмотрено для контрольной группы, так как все задания разработаны на основе видеоматериала. При этом студенты совершенствуют свои интегративные компетенции (языковую и профессиональную) при составлении договоров, написании исков, жалоб и т.д.

Каждый студент проходит за две недели один раздел в удобное для него время. На занятии преподаватель делает опрос по тексту, видеоматериалу, слушает презентации по соответствующим темам с последующей дискуссией на английском языке, инсценирует профессиональную деятельность студентов (судебное разбирательство, переговоры с клиентами, работодателем и т.д.) на английском языке.

Таким образом, ИОС отвечает всем требованиям ФГОС и ООП, которые прописаны в законе «Об образовании», а также дает возможность преподавателю вуза развивать все навыки и умения иностранного языка (чтение, аудирование, письмо, говорение) на одной паре в неделю. При этом каждый студент активен во всех видах деятельности и подбирает темп самостоятельного обучения (онлайн, используя ИОС) индивидуально – прочитать несколько раз текст, если необходимо, просмотреть несколько раз видео и параллельно воспользоваться словарем; выполнить упражнения и просмотреть комментарии к неправильным ответам; просмотреть комментарии к письменному заданию и рекомендации по грамматическим или лексическим ошибкам.

По итогам применения курса «Английский для юристов» в 2016/17 г., который был разработан в ИОС ДПО (dpo.hse.ru), можно сделать вывод, что результаты практически одинаковы у студентов всех трех групп (рис. 2): отметки у контрольной группы – от «6» до «8», у экспериментальной группы 1 – от «5» до «8», у экспериментальной группы 2 – от «6» до «8» (рис. 2). Студенты второго курса сдают *независимый* экзамен в формате IELTS, где проверяются все навыки и умения *академического* иностранного языка (чтение, письмо, аудирование и говорение). Варианты экзаменационных билетов составляются независимы-

ми экспертами (не преподавателями НИУ ВШЭ), проверка работ также проводится независимыми экспертами.

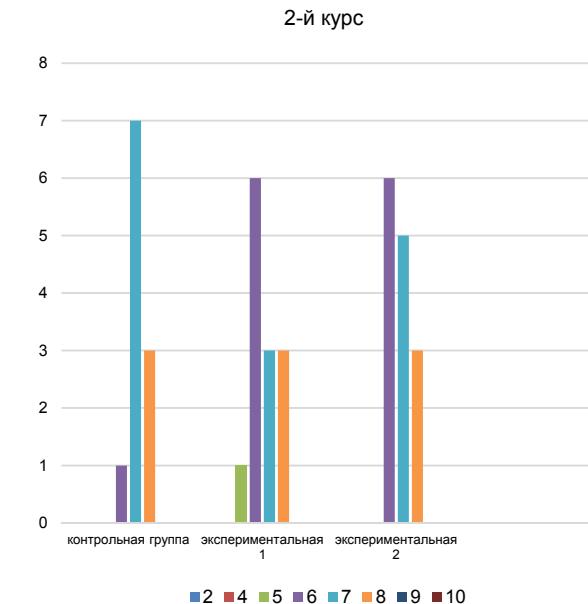

Рис. 2. Диапазон оценок за независимый экзамен по английскому языку

Эти же три группы занимались по ESP (английский для профессиональных целей) у того же преподавателя на четвертом курсе 2018/19 г., который также вел занятия, используя онлайн-курс для двух экспериментальных групп с типичной модульной структурой. Все три группы в апреле защищали свои ВКР (проект дипломной работы по *специальности студента на иностранном языке*). Показатели (отметки) были значительно ниже у контрольной группы, чем у экспериментальных (рис. 3), что доказывает лучшую сформированность профессиональных компетенций в двух экспериментальных группах.

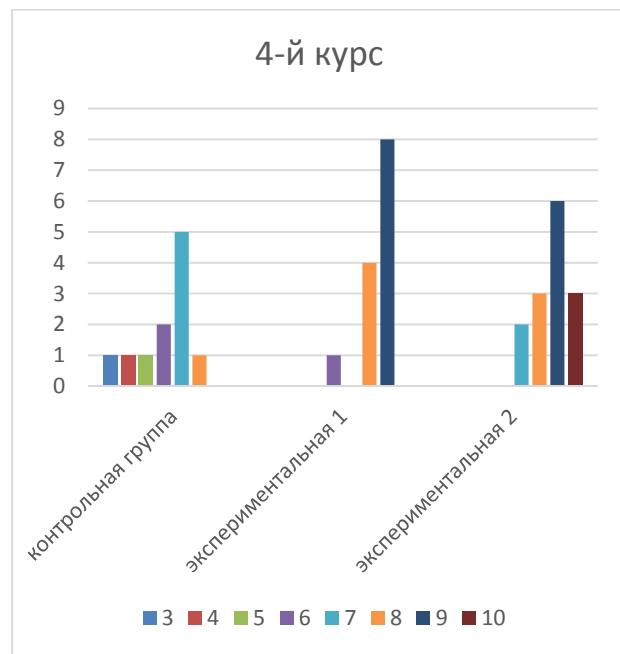

Рис. 3. Диапазон оценок за ВКР на английском языке

На основе исследования, анализа диапазона отметок, анализа средств ИКТ и применения ИОС можно сделать выводы: использование одной ИОС дает нам все преимущества средств ИКТ одновременно, преподаватель создает информационно-образовательную аутентичную среду; реализация основных педагогических подходов (комплексный, компетентностный, интегрированный (междисциплинарный), проектный, исследовательский и индивидуальный) при обучении студентов профессионально ориентированному иностранному языку осуществляется при использовании одной ИОС; совершенствование методики обучения профессионально ориентированному языку с учетом педагогических подходов (комплексный, компетентностный, интегрированный (междисциплинарный), проектный, исследовательский и индивидуальный) в условиях применения одной ИОС ориентировано на создание и использование информационно-образовательной среды, реализацию проектирования контента, реализацию межпредметных связей при интеграции иностранного языка со специализацией студента на базе средств ИКТ, формирование самостоятельности и автономности при поиске и обработке учебной информации для создания проекта, написания курсовых, составления презентаций [29].

Заключение

В ходе проведенного исследования было выявлено, что все дидактические возможности средств ИКТ можно реализовать в условии применения одной информационно-образовательной системы (например, MOODLE). При этом разрабатывать данную ИОС необходимо при реализации комплексного, интегративного, компетентного, проектного, исследовательского и индивидуального подходов.

Для проверки данной темы был разработан курс, который согласуются с требованиями «Концепции модернизации», ФГОСов, закона «Об образовании». При выполнении требований правительственные документов очевидно, что нет необходимости разрабатывать и применять множество сайтов, способствующих усвоению знаний и формированию профессиональных и языковых навыков и умений. Необходимо создавать один ресурс, который обеспечивает применение основных подходов, усиливает практико-ориентированную направленность образования, обеспечивает гармонизацию с европейской системой высшего образования и способствует развитию всех необходимых компетенций у выпускников вузов. Данное утверждение основывается на результатах отметок, которые были получены студентами четвертого курса (бакалаврами) при защите концепции диплома.

ЛИТЕРАТУРА

1. Авраменко А.П. Методика применения мобильных технологий в преподавании иностранных языков: этапы развития и современные тенденции // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2013. Т. 17, № 6. С. 36–42.
2. Агальцова Д.В. Разработка авторских интерактивных приложений по английскому языку средствами Learning Apps // Педагогическая информатика. 2015. № 4. С. 65–69.
3. Алексеева М.П. Интерактивные мультимедийные обучающие программы по английскому языку и возможности их использования в техническом вузе // Информатика и образование. 2006. № 12. С. 90–96.
4. Бекасов И.К. Совершенствование иноязычной коммуникативной компетенции студентов с использованием видеоконференцсвязи // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2007. Т. 17, № 43-2. С. 42–46.
5. Денисова С.А. Этапы формирования учебно-познавательного компонента иноязычной коммуникативной компетенции студентов на основе современных информационных технологий // Социально-экономические явления и процессы. 2014. Т. 9, № 12. С. 269–275.
6. Евстигнеева И.А. Формирование дискурсивной компетенции студентов языковых вузов на основе современных интернет-технологий // Язык и культура. 2013. № 1 (21). С. 74–82.
7. Ежиков Д.А. Методические условия развития речевых умений студентов неязыкового вуза посредством синхронной видео-интернет-коммуникации // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2013. № 6 (122). С. 75–79.
8. Капранчикова К.В. Мобильные технологии в обучении иностранному языку студентов нелингвистических направлений подготовки // Язык и культура. 2014. № 1 (25). С. 84–94.
9. Кондратенко Б.А. Персонализация профессионального обучения с использованием информационных и коммуникационных технологий // Экономика, статистика и информатика. Вестник УМО. 2015. № 5. С. 8–13.
10. Попова А.В. Обучение технике чтения в мультимедийной среде как проблема методики // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2011. № 3 (95). С. 93–96.
11. Алексеева М.П. Метод телекоммуникационных проектов как основа формирования межкультурной коммуникативной компетенции обучающихся // Муниципальное образование: инновации и эксперимент. 2009. № 3. С. 50–52.
12. Колядя М.Г., Носков М.В. Телекоммуникационный проект как эффективная форма организации компьютерно-коммуникационного обучения студентов // Информатика и образование. 2016. № 7 (276). С. 72–74.
13. Буренкова Д.Ю. Инструменты практической реализации CLIL-технологии в вузе // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Педагогика, психология. 2015. № 4 (23). С. 50–56.
14. Герова Н.В., Ежик И.Г. Организация учебного информационного взаимодействия в группе на базе ИКТ при обучении английскому языку курсантов в военном вузе // Педагогическое образование в России. 2013. № 5. С. 210–215.
15. Смирнова Е.В. Электронное средство учебного назначения – современный компонент управления речевой иноязычной деятельностью // Актуальные проблемы экономики и управления. 2017. № 2 (14). С. 90–93.
16. Скибицкий Э.Г., Егоров В.В. Интеграционные процессы в системе высшего профессионального образования // Влияние модернизации общественных и корпоративных финансов на структуру и содержание программ непрерывного профессионального образования в области экономики и менеджмента : сб. науч. тр. по материалам Междунар. науч.-практ. конф. / под общ. ред. Н.В. Фадейкиной. 2012. С. 284–294.
17. Ball Ph. What is CLIL? URL: <http://www.onestopenglish.com/clil/methodology/articles/article-what-is-clil/500453.article>
18. Coyle D., Hood Ph., March D. CLIL: Content and Language Integrated Learning. Cambridge : Cambridge University Press, 2010. 170 p.
19. Mehisto P., Marsh D., Frigols M. Uncovering CLIL: Content and Language Integrated Learning in Bilingual and Multilingual Education. Oxford : Macmillan, 2008.
20. Meyer O. Introducing the CLIL Pyramid: Key Strategies and Principles for Quality CLIL Planning and Teaching. Basic Issues in EFL-Teaching and Learning. 2010. P. 11–29.
21. Smith U. English as a Lingua Franca in Higher Education. A Longitudinal Study of Classroom Discourse. Berlin : De Gruyter Publ., 2010. 150 p.

22. Афанасьева О.Ю. Коммуникативное образование студентов педагогических вузов на основе идеи междисциплинарности // Педагогическое образование и наука. 2006. № 2. С. 24–28.
23. Криворотова Т.А. Интеграция как фактор развития нового качества образования // Экономика. Право. Образование: региональный аспект. Нижний Новгород : Изд-во Гладкова О.В., 2010. С. 233–238.
24. Зимняя И.А. Ключевые компетентности как результативно-целевая основа компетентностного подхода в образовании. М., 2004. 390с.
25. Graham C.R. Blended learning systems: Definition, current trends, and future directions // Bonk C.J., Graham C.R. The handbook of blended learning: Global perspectives, local designs. San Francisco, CA : Pfeiffer Publishing, 2006. Р. 3–21.
26. Поташник М.М. Управление качеством образования: Практикоориентированная монография и методическое пособие. М., 2006. 448 с.
27. Чистобаева А.Ю. Интегративно-целостный подход как методологическая ориентация процесса формирования компетенций в сфере профессионального общения будущих педагогов // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2017. № 8 (август). С. 71–81. DOI: 10.24422/MCITO.2017.8.6965
28. Салехова Л.Л., Григорьева К.С. Content and Language Integrated Learning как основа формирования профессиональной иноязычной компетенции студентов технических вузов // Иностранный язык для профессиональных целей: традиции и инновации : сб. ст. II заоч. республ. симпоз. Казань, 2013. С. 89–94.
29. Буримская Д.В. Обучение студентов иностранному языку на базе ИКТ // Информационное общество. 2017. № 6. С. 61–67.
30. Сысоев П.В. Информационные и коммуникационные технологии в лингвистическом образовании : учеб. пособие. М., 2013.

Статья представлена научной редакцией «Педагогика» 4 июня 2020 г.

Pedagogical Approaches of Teaching ESP Based on ICT

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 459, 205–212.

DOI: 10.17223/15617793/459/25

Diana V. Burimskaya, Higher School of Economics (Moscow, Russian Federation). E-mail: dburimskaya@hse.ru

Keywords: teaching ESP; ICT; pedagogical approaches; information educational environment.

The process of globalization and computerization, harmonization with the European system of higher education, laws and regulations of educational authorities require enhancement of methods of teaching a foreign language in the context of using ICT in higher education institutions. To achieve this goal, it is necessary to review the tools and pedagogical approaches educators use to teach ESP (English for Specific Purposes). The aim of this article is to identify all the advantages of ICT tools (based on the developed online course “English for Lawyers”) for improving the methodology of teaching ESP at a university in the implementation of comprehensive, competency-based, integrated, project-based, research-based, and individual approaches. The research was based on a systematic approach to finding out all electronic learning resources used in Russia and systematizing the advantages of ICT for teaching English. Systematization, analysis, and generalization of the practice of using ICT tools and pedagogical approaches for teaching ESP became the basis for the development of the online course “English for Lawyers” that could help to determine the main pedagogical approaches for improving the methodology of teaching ESP. All electronic educational resources that are currently used by teachers in higher education institutions when teaching ESP in Russia are considered. The advantages and disadvantages of ICT tools were identified. The online course “English for Lawyers” was developed, which demonstrated the feasibility of using one educational platform instead of several web 2.0 resources to create an authentic information and educational environment. The author substantiates pedagogical approaches (complex, competence-based, integrated, project-based, research-based, and individual) that are necessary for training highly qualified and competent specialists with knowledge of a foreign language. At the same time, the advantages of using the information system for the teacher (course modification, course adjustment for the group’s capabilities, automatic verification, development of all types of speech activity) were identified. Results based on the experiment can be useful for university teacher-methodologists when developing and implementing flexible and adaptive differentiated curricula into modern vocational education in Russia.

REFERENCES

1. Avramenko, A.P. (2013) Metodika primeneniya mobil'nykh tekhnologiy v prepodavanii iinostrannyykh yazykov: etapy razvitiya i sovremennye tendentsii [Methods of using mobile technologies in teaching foreign languages: Stages of development and modern trends]. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*. 17 (6). pp. 36–42.
2. Agal'tsova, D.V. (2015) Razrabotka avtorskikh interaktivnykh prilozheniy po angliyskomu yazyku sredstvami Learning Apps [Development of author's interactive applications in English using Learning Apps]. *Pedagogicheskaya informatika – Pedagogical Informatics*. 4. pp. 65–69.
3. Alekseeva, M.P. (2006) Interaktivnye mul'timediyne obuchayushchie programmy po angliyskomu yazyku i vozmozhnosti ikh ispol'zovaniya v tekhnicheskem vuze [Interactive multimedia teaching programs in English and the possibilities of their use in a technical university]. *Informatika i obrazovanie*. 12. pp. 90–96.
4. Bekasov, I.K. (2007) Sovremenstvovanie inoyazychnoy kommunikativnoy kompetentsii studentov s ispol'zovaniem videokonferentsvyazi [Mastering students' foreign language communicative competence using videoconferencing]. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena – Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*. 17:43-2. pp. 42–46.
5. Denisova, S.A. (2014) Stages of formation of educational and informative component of the foreign-language communicative competences of students on the basis of modern information technologies. *Sotsial'no-ekonomicheskie yavleniya i protsessy – Social-Economic Phenomena and Processes*. 9 (12). pp. 269–275. (In Russian).
6. Evstigneeva, I.A. (2013) Formation of high language school students' discursive competence with the help of modern internet technologies. *Yazyk i kul'tura – Language and Culture*. 1 (21). pp. 74–82. (In Russian).
7. Ezhikov, D.A. (2013) Methodological conditions of improving speech skills with means of the synchronous video-internet-communications. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*. 6 (122). pp. 75–79. (In Russian).
8. Kapranchikova, K.V. (2014) Mobile technologies in teaching a foreign language to non-linguistic major students. *Yazyk i kul'tura – Language and Culture*. 1 (25). pp. 84–94. (In Russian).
9. Kondratenko, B.A. (2015) Personalization of vocational learning with the use of information and communication technologies. *Statistika i Ekonomika – Statistics and Economics*. 5. pp. 8–13. (In Russian). DOI:10.21686/2500-3925-2015-5-8-13
10. Popova, A.V. (2011) Teaching to read in multimedia environment as methodology problem. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*. 3 (95). pp. 93–96. (In Russian).
11. Alekseeva, M.P. (2009) Metod telekommunikatsionnykh proektorov kak osnova formirovaniya mezhkul'turnoy kommunikativnoy kompetentsii obuchayushchikhshya [The method of telecommunication projects as the basis for the formation of students' intercultural communicative competence]. *Munitsipal'noe obrazovanie: innovatsii i eksperiment – Municipal Education: Innovation and Experiment*. 3. pp. 50–52.

12. Kolyada, M.G. & Noskov, M.V. (2016) Telekommunikatsionnyy proekt kak effektivnaya forma organizatsii kompyuterno-kommunikatsionnogo obucheniya studentov [Telecommunication project as an effective form of organizing students' computer-based communication learning]. *Informatika i obrazovanie*. 7 (276). pp. 72–74.
13. Burenkova, D.Yu. (2015) The tools of CLIL-technology practical implementation in higher schools. *Vektor nauki Tol'yattinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pedagogika, psichologiya – Science Vector of Togliatti State University. Series: Pedagogy, Psychology*. 4 (23). pp. 50–56. (In Russian).
14. Gerova, N.V. & Ezhik, I.G. (2013) Organization of educational information group interaction on the basis of ICT in teaching English cadets in military higher school. *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii – Pedagogical Education in Russia*. 5. pp. 210–215. (In Russian).
15. Smirnova, E.V. (2017) Electronic means of educational purpose – modern component of management of foreign speech activities. *Aktual'nye problemy ekonomiki i upravleniya*. 2 (14). pp. 90–93. (In Russian).
16. Skibitskiy, E.G. & Egorov, V.V. (2012) Integratsionnye protsessy v sisteme vysshego professional'nogo obrazovaniya [Integration processes in the system of higher professional education]. *Vliyanie modernizatsii obshchestvennykh i korporativnykh finansov na strukturu i soderzhanie programm nepreryvnogo professional'nogo obrazovaniya v oblasti ekonomiki i menedzhmenta* [Influence of modernization of public and corporate finance on the structure and content of continuing professional education programs in the field of economics and management]. Proceedings of the International Conference. Novosibirsk: [SAFBD]. pp. 284–294. (In Russian).
17. Ball, Ph. (n.d.) *What is CLIL?* [Online] Available from: <http://www.onestopenglish.com/clil/methodology/articles/article-what-is-clil/500453.article>.
18. Coyle, D., Hood, Ph. & March, D. (2010) *CLIL: Content and Language Integrated Learning*. Cambridge: Cambridge University Press.
19. Mehisto, P., Marsh, D. & Frigols, M. (2008) *Uncovering CLIL: Content and Language Integrated Learning in Bilingual and Multilingual Education*. Oxford: Macmillan.
20. Meyer, O. (2010) Introducing the CLIL Pyramid: Key Strategies and Principles for Quality CLIL Planning and Teaching. In: Eisenmann, M. & Summer, T. (eds) *Basic Issues in EFL-Teaching and Learning*. Universitätsverlag Winter GmbH Heidelberg. pp. 11–29.
21. Smith, U. (2010) *English as a Lingua Franca in Higher Education. A Longitudinal Study of Classroom Discourse*. Berlin: De Gruyter Publ.
22. Afanas'eva, O.Yu. (2006) Kommunikativnoe obrazovanie studentov pedagogicheskikh vuzov na osnove idei mezhdisciplinarnosti [Communicative education of students of pedagogical universities based on the idea of interdisciplinarity]. *Pedagogicheskoe obrazovanie i nauka*. 2. pp. 24–28.
23. Krivorotova, T.A. (2010) Integratsiya kak faktor razvitiya novogo kachestva obrazovaniya [Integration as a factor in the development of a new quality of education]. In: *Ekonomika. Pravo. Obrazovanie: regional'nyy aspekt* [Economics. Law. Education: A regional aspect]. Nizhniy Novgorod: Izd-vo Gladkova O.V. pp. 233–238.
24. Zimnyaya, I.A. (2004) *Klyuchevye kompetentnosti kak rezul'tativno-tselyevaya osnova kompetentnostnogo podkhoda v obrazovanii* [Key competences as an effective targeted foundation of a competence-based approach in education]. Moscow: Issledovatel'skiy tsentr problem kachestva podgotovki spetsialistov.
25. Graham, C.R. (2006) Blended learning systems: Definition, current trends, and future directions. In: Bonk, C.J. & Graham, C.R. *The handbook of blended learning: Global perspectives, local designs*. San Francisco, CA: Pfeiffer Publishing. pp. 3–21.
26. Potashnik, M.M. (ed.) (2006) *Upravlenie kachestvom obrazovaniya* [Education quality management]. Moscow: Pedagogicheskoe obshchestvo Rossii.
27. Chistobaeva, A.Yu. (2017) Integrativno-tselenyy podkhod kak metodologicheskaya orientatsiya protsessa formirovaniya kompetentsiy v sfere professional'nogo obshcheniya budushchikh pedagogov [An integrative-holistic approach as a methodological orientation of forming competencies in professional communication of future teachers]. *Kontsept – Koncept*. 8 (August). pp. 71–81. DOI: 10.24422/MCITO.2017.8.6965
28. Salekhova, L.L. & Grigor'eva, K.S. (2013) [Content and Language Integrated Learning as the basis for the formation of professional foreign language competence of students of technical universities]. *Inostrannyj jazyk dlya professional'nykh tselyey: traditsii i innovatsii* [Foreign language for professional purposes: Traditions and innovations]. Proceedings of the II Symposium. Kazan: [s.n.]. pp. 89–94.
29. Burimskaya, D.V. (2017) ICT-based Foreign Language Teaching of Students. *Informatsionnoe obshchestvo – Information Society*. 6. pp. 61–67. (In Russian).
30. Sysoev, P.V. (2013) *Informatsionnye i kommunikatsionnye tekhnologii v lingvisticheskem obrazovanii: ucheb. posobie* [Information and communication technologies in linguistic education: A textbook]. Moscow: LIBROKOM.

Received: 04 June 2020

Л.Г. Пашенко

ОЦЕНКА ВОВЛЕЧЕННОСТИ В ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПО ВЫПОЛНЕНИЮ НОРМАТИВОВ ИСПЫТАНИЙ КОМПЛЕКСА ГТО СТУДЕНТОВ ВУЗА

Представлен анализ вовлеченности студенческой молодежи в деятельность по выполнению тестовых испытаний 6-й ступени ГТО как совокупность физической и психической энергии, затрачиваемой для приобретения определенного опыта. Обозначены факторы, содействующие вовлечению студенческой молодежи в мероприятие по подготовке и выполнению нормативов ВФСК ГТО. Отмечается важность формирования осознанной и мотивированной позиции студенческой молодежи по отношению к деятельности, инициируемой на государственном уровне.

Ключевые слова: вовлеченность; физическая подготовленность; физическая активность; студенческая молодежь; эмоциональное реагирование; мотивация; ВФСК ГТО.

Современные социально-экономические условия диктуют повышенные требования работодателей к физическому состоянию и здоровью выпускников вузов, намеревающихся приступить к трудовой деятельности. Важность формирования здоровой личности средствами физической культуры декларируется на государственном уровне и закреплена в нормативно-директивных документах. Утвержденный и принятый к реализации федеральный проект «Спорт – норма жизни» в рамках национального проекта «Демография» направлен на создание для всех категорий и групп населения условий для занятий физкультурно-спортивной направленности, формирование в обществе культуры поведения, основанной на индивидуальной мотивации граждан к физическому развитию, популяризацию физкультурно-спортивных мероприятий, спортивных массовых акций и комплекса ГТО. Одним из индикаторов данного проекта является увеличение доли граждан нашей страны, систематически занимающихся физической культурой и спортом, в том числе путем вовлечения в подготовку к выполнению нормативов Всероссийского физкультурно-спортивного комплекса «Готов к труду и обороне» (ВФСК ГТО) [1].

Аналогом российского проекта по привлечению населения к мероприятиям, направленным на повышение уровня физической подготовленности и его оценку являются государственные программы зарубежных стран. Европейские ученые, проводящие исследования в рамках задач, поставленных Всемирной организацией здравоохранения, констатируют о необходимости обеспечения мониторинга физической активности населения на популяционном уровне с использованием сопоставимых методов количественной оценки, что позволит более эффективно определять целевые группы, разрабатывать и внедрять программы по укреплению здоровья населения [2].

В разных странах для оценивания физической подготовленности населения используют специально подобранные батареи тестов. Примером является «Международный тест», состоящий из 8 испытаний, позволяющий всесторонне оценить физическую подготовленность детей и молодежи в возрасте от 6 до 32 лет. В него вошли бег на 50 метров, прыжок в длину с места, бег на 600–1000 метров, оценка силы кисти с помощью динамометра, подтягивание или вис на согнут-

ых руках, челночный бег 4×10 метров, тест «лечь-сясть» за 30 секунд и наклон вперед из положения стоя [3]. Подобные тесты применяют в странах Европы, в Канаде, Японии и др. В США студенты вузов в процессе физического воспитания выполняют тест Американского союза здоровья, физического воспитания и отдыха, состоящий из семи упражнений и оценивающий физические способности [4].

При этом в настоящее время в США наиболее популярными являются две программы оценивания физической подготовленности: программа «Президентские испытания», предусматривающая тестирование на соответствие программных оценочных нормативов и «FitnessGram», позволяющая оценить индивидуальное состояние здоровья с позиции достаточности уровня физической подготовленности и необходимой физической активности. Если «Президентские испытания» проводятся, чтобы выявить лучшего и показать наилучший результат, то программа «FitnessGram» позволяет каждому соревноваться с самим собой, сравнивая личные результаты и поддерживая физическую активность на уровне «зоны здоровья» [5]. Студенты, участвующие в «FitnessGram» получают информацию о состоянии физической подготовленности, связанной со здоровьем [6]. Программой предусматривается выполнение испытаний по пяти параметрам: оценка аэробной способности путем преодоления дистанции в одну милю бегом или ходьбой; изучение состава тела, а именно количества жира в организме и расчет индекса массы тела; оценка подвижности суставов с применением тестов на гибкость; выполнение заданий на измерение силы и выносливости мышц верхних конечностей, брюшного пресса и спины как имеющих наибольшее значение для сохранения осанки, предупреждения болезней спины и позвоночника, повышения качества жизни [7].

В Великобритании эффективность государственной политики в области физической активности, направленной на повышение массовости занятий физической культурой и спортом населения, решили оценивать не количественными, а качественными показателями, характеризующими изменения в жизни людей от их участия в той или иной программе по вовлечению в занятия физической активностью и массовым спортом: изменения в физическом здоровье, психическом благополучии, личностном разви-

тии, социализации, экономическом развитии. В большей степени за основу берутся объемные показатели физической активности за неделю [8].

В нашей стране для оценки эффективности государственной программы по повышению физической активности населения используют не только индикатор выполнимости нормативов испытаний ВФСК ГТО на соответствующий знак, дифференцированных по гендерному и возрастному признаку, но и показатель вовлеченности жителей страны в мероприятия, предусматривающие подготовку и выполнение возрастно-половых нормативов физической подготовленности [9, 10].

При этом, несмотря на популяризацию массовых акций и активную пропаганду культуры поведения, основанной на формировании мотивации к физическому самосовершенствованию, и в нашей стране и за рубежом возникает проблема вовлечения населения в мероприятия по выполнению нормативов физической подготовленности [11–12]. В связи с чем повышается актуальность изучения вовлеченности студенческой молодежи в деятельность, инициируемую на государственном уровне, а именно участие в мероприятиях по выполнению нормативов испытаний ВФСК ГТО.

Понятие «вовлеченность» не является однозначно определенным в науке. В начале XXI столетия оно отражало примерно то же, что и ангажированность, принадлежность, лояльность [13]. В словаре С.И. Ожегова слово «вовлечь» трактуется как «побудить, привлечь к участию в чем-либо» [14]. В.И. Даль дает характеристику этому слову как «притягивать нравственно, чувством, силою убеждения» [15]. В словаре А.П. Евгеньевой «вовлечь» – «склонить к чему-либо, привлечь к участию в чем-либо с усилием ввести, втащить куда-либо» [16].

Термин «вовлечение» широко применяется в управлеченческой деятельности. Понятия вовлеченности в управлении объединяются наличием положительной эмоциональной и интеллектуальной связи работника с организацией, имеющейся возможностью реализовывать собственные внутренние потребности в процессе работы, осознанием сотрудником общности его индивидуальных ценностных ориентаций и ценностей организации [17]. Это побуждение человека к трудовой деятельности как результат проявления внутренних побудительных элементов (потребностей, интересов, ценностных ориентаций) и внешних стимулов, побуждающих к действию. Вовлеченность позволяет показывать высокие результаты труда, измеряемые эффективностью и результативностью. При этом результативность направлена на измерение достижения поставленных целей посредством учета и измерения количественных показателей труда персонала, а эффективность труда – качественная оценка достигнутых результатов [18].

В правовом аспекте термин «вовлечение» рассматривается как результативное действие, направленное на фактическое втягивание индивида в совершение общественно-опасного действия [19]. При этом акцентируется внимание на проявлении определенных психологических процессов, таких как желание, решимость, стремление, намерение, готовность.

При отсутствии общепринятой теории вовлеченности в общенаучном смысле вовлеченность в психологии рассматривается, по мнению О.В. Лукьянова с соавторами, как главная объяснительная категория, как неизбежность принадлежности порядку определенного уровня, а идентичность, мотивация, поведение, установки и состояния являются ее подчиненными категориями: вовлеченность объясняет идентичность, которая объясняет мотивацию, та, в свою очередь, объясняет поведение, поведение – установку, установка – состояние, которое объясняет тенденцию, а тенденция указывает на вовлеченность [13].

Вовлеченность в деятельность, как утверждает И.Ф. Фильченкова, выражается в признании этой деятельности и стремлении мобилизовать свои усилия (интеллектуальные, физические, волевые и др.) на решение поставленной задачи [20].

Введение понятия «студенческая вовлеченность» зарубежными и отечественными социологами позволило рассмотреть его в академическом (связанном с обучением) и социальном (связанном с интеграцией студента в университетское сообщество) аспектах [21]. В своей работе Н.Г. Малошонок, рассматривая образовательную вовлеченность студентов как одну из главных детерминант качественного образования, констатирует: вовлеченность должна быть высокой одновременно для нескольких видов активности в рамках образовательного учреждения – не только в обучение, но и в сообщества студентов, развлекательные и спортивно-массовые мероприятия и другие, лишь тогда это приведет к эффективной организации обучения и высокой степени развития студентов [22].

Формирование позитивного отношения студенческой молодежи к занятиям физкультурно-спортивной направленности является одной из важных проблем, решаемой практически всеми образовательными учреждениями высшего образования. Одним из критериев оценки эффективности организации физического воспитания в вузе является вовлеченность студентов в сферу этой деятельности [23]. Вовлеченность в занятия по физической культуре рассматривается как совокупность поведенческих и психологических характеристик обучающихся, сопровождающих их участие в деятельности, объединяя воедино осуществляющую деятельность, мотивацию и отношение к ней, затрачиваемые усилия, осмысленность и результативность совершаемых действий [24].

Таким образом, в существующей практике наблюдается противоречие: с одной стороны, отмечается важность повышения физической активности населения, в том числе путем привлечения к мероприятиям по подготовке и выполнению нормативов физической подготовленности, а с другой стороны, наблюдается недостаточная активность участия отдельных категорий граждан, в частности студентов, в этой деятельности, носящей зачастую директивный характер. В связи с этим считаем актуальным проведение дополнительных исследований по изучению вовлеченности студенческой молодежи в деятельность по выполнению нормативов испытаний комплекса ГТО.

Цель исследования – дать оценку вовлеченности студенческой молодежи в деятельность по выполне-

нию нормативов испытаний ВФСК ГТО. Задачи исследования: 1. Изучить проявления компонентов вовлеченности студентов в деятельность по выполнению тестовых испытаний 6-й ступени ГТО. 2. Выделить факторы, содействующие вовлечению студенческой молодежи в мероприятия по подготовке и выполнению нормативов ВФСК ГТО.

Исследование проводилось на базе ФГБОУ ВО «Нижневартовский государственный университет» в период с сентября 2019 г. по январь 2020 г. Использовались методы: педагогическое тестирование (выполнение тестовых заданий, предусмотренных 6-й ступенью ВФСК ГТО), анкетирование (для изучения субъективного отношения студентов к участию в мероприятиях по выполнению нормативных испытаний), математическая статистика. В исследовании приняли участие студенты, обучающиеся на 1–4-х курсах ($n = 128$, юношей – 48, девушек – 80) в возрасте от 18 до 23 лет.

Под вовлеченностью в деятельность по выполнению тестовых испытаний комплекса ГТО понимаем совокупность поведенческих и социально-психологических характеристик индивида, проявляющихся в физической и психологической готовности к выполнению нормативов физической подготовленности, мотивации к выполнению заданий, максимальных (или близких к максимальным) усилий, в положительном эмоциональном отношении к данной деятельности.

Рассмотрение концептуальной основы вовлеченности молодежи в деятельность по выполнению нормативов физической подготовленности требует применения подходящей современной теории изменения поведения, обобщающей имеющиеся эмпирические знания, обосновывающей различные стороны явления, служащей основой для предсказания поведения и объясняющей участие молодежи в мероприятиях, предусматривающих проявление индивидуальных максимальных усилий в связи с выполнением тестовых заданий ВФСК ГТО.

В обзорной статье, подготовленной А.С. King с соавторами, обобщающей эффективные практики продвижения физической активности, отмечается важность при разработке эффективных программ на индивидуальном или групповом уровнях воздействия применения таких поведенческих теорий и моделей, как, например, социальная познавательная теория, транстеоретическая модель, теория планового поведения, теория самоопределения [25]. Отмечая важность учета мотивации и готовности к изменению поведения, необходимости создания условий для свободного выбора и принятия решения, а также планирования и оценки ожидаемого результата, С.И. Логинов к их числу добавляет теорию функциональных систем [26]. А.С. King и М.С. Whitt-Glover видят перспективным в рамках теоретических поведенческих вмешательств предоставление условных и безусловных вознаграждений за посещение занятий физическими упражнениями и понимание последствий достижения целей физической активности в различных возрастных группах [25].

Наиболее подходящая теория для объяснения поведения, связанного с вовлечением в мероприятия по

выполнению нормативов физической подготовленности, – транстеоретическая модель. Ее сущностью является выделение пяти стадий мотивационной готовности для изменения поведения: неосознанность, осознание, подготовка, деятельность, поддержание [27. С. 97]. Предполагаемые вмешательства, направленные на повышение активности и результативности участия студенческой молодежи в мероприятиях по выполнению нормативов испытаний ВФСК ГТО, должны учитывать уровень мотивационной готовности индивида к изменению поведения, связанного с участием в физической деятельности.

Оценка вовлеченности может быть представлена рядом критериев, отражающих процесс и результаты осуществляющейся деятельности. Анализ литературы показал существование различных подходов к выделению критериев вовлеченности. Так, компонентами образовательной вовлеченности студентов, по мнению Т.В. Фуряевой и Т.А. Хацкевич, являются: мотивационно-ценостный, раскрывающий ведущие мотивы участия в деятельности; когнитивный – показатель сформированности знаний; коммуникационный – как проявление инициативности, эмоционального контекста участия; деятельностный – собственно выполнение различных видов деятельности, предусматривающих решение поставленных задач; рефлексивный – удовлетворенность, эмоциональное переживание по отношению к своему опыту и возникающим трудностям, осознание перспектив осуществляющейся деятельности [28].

Для измерения студенческой вовлеченности Н.Г. Малошонок, ссылаясь на работы зарубежных авторов, установивших, что показатель участия студентов в различных видах деятельности, характеризующихся как «хорошие практики», тесно связан с достижениями в них, предложила применение косвенных «индикаторов процесса» [29]. Предложенная Малошонок дифференциация студенческой вовлеченности на поведенческий (участие в мероприятии в рамках образовательного учреждения), эмоциональный (аффективная реакция на ситуацию) и когнитивный (уровень проявляемого усердия) компоненты позволяет измерить каждый из них, установить точки пересечения между ними и в целом оценить многомерный концепт вовлеченности.

Вовлеченность в занятия по физической культуре, по мнению Е.С. Оськиной и Т.Н. Леван, может быть рассмотрена в деятельностном, когнитивном, волевом, мотивационно-ценостном, эмоциональном, социальном и оценочно-рефлексивном аспектах и описана при помощи критериев, отражающих как процесс, так и результат обучения [24].

Как считает Н.Г. Малошонок, при оценке вовлеченности индикаторы процесса являются более предпочтительными, чем индикаторы результата. При этом важно учитывать специфику видов деятельности студентов и ситуации, в которые они могут быть включены. По мнению ученого, следует изучать степень влияния индивидуальных характеристик и различий, а также факторов, обусловленных контекстом ситуации, на вовлеченность [29].

Обобщая предложенные подходы к оцениванию «вовлеченности», нами были выделены следующие

компоненты: эмоциональный, мотивационный, деятельностный и результативный, которые и были подвергнуты анализу.

При оценке «вовлеченности» в деятельность традиционно используются методы, предусматривающие как пассивное, так и активное участие испытуемых в исследовании и предполагающие возможность субъективного и объективного оценивания. В нашем исследовании вовлеченность студентов в деятельность по выполнению нормативов испытаний ВФСК ГТО была оценена субъективным отношением испытуемых к участию в мероприятиях и объективным оцениванием результативности выполнения тестовых заданий, предусмотренных 6-й ступенью комплекса ГТО.

Проведенное анкетирование студентов, пришедших в центр тестирования нормативов комплекса ГТО и зарегистрировавшихся для участия в мероприятии по выполнению испытаний, предусмотренных 6-й ступенью ВФСК ГТО, показало, что эмоциональное реагирование на данное событие имеет как положительный оттенок, так и отрицательный, проявляющийся в нежелании принимать участие в нем. Результаты анкетирования обнаружили неоднородность эмоционального реагирования на участие в мероприятии контингента, пришедшего на пункт сдачи нормативов ГТО: 48% опрошенных отметили преобладание у них положительных эмоций, 52% – отрицательных. Дифференциация участников по гендерному признаку показала, что число положительно отреагировавших юношей и девушек существенно не отличается (49 и 47% соответственно). При этом важность позитивного эмоционального реагирования как фактора, способствующего сделать физическую активность привлекательной, отмечают специалисты Всемирной организации здравоохранения, разработавшие стратегию повышения привлекательности занятий физкультурно-спортивной направленности для детей и молодежи [30]. Неполное понимание запросов молодежи и неучет их пожеланий относительно организации и содержания физической активности, по мнению R. Kelly с соавторами, является одной из проблем недостаточного применения средств физической культуры и спорта в поведении человека [31].

Вовлеченность имеет тесную связь с мотивацией. Мотивировать студента сложнее, чем вовлечь в деятельность. Принятие решения или осуществление выбора, как считают О.В. Лукьянов и другие, объясняется идентификационной мотивацией и описывается осознанными установками: внутренняя мотивация определяет продолжительное устойчивое стереотипное поведение индивида, а внешняя – плохо осознаваемые установки и ситуативное поведение [13]. Понимая под мотивацией поведенческий выбор, затрачиваемые усилия и осуществляющую деятельность, M.R. Weiss в разработанной модели формирования мотивации к физической активности показывает важность социальной поддержки педагогов, сверстников, родных, восприятие собственной компетентности в физической культуре и спорте и удовольствия от занятий [32].

Для анализа мотивационной сферы важна характеристика отношения к деятельности. Изучение моти-

вов участия студентов в мероприятиях по выполнению нормативов ГТО показало, что положительный оттенок мотивов отмечался у 57% участников (52% принимают участие в мероприятии с целью проверки собственных сил, 5% пользуются возможностью повысить собственный статус). Проявление мотивов, связанных с возможностью избегания негативных последствий отмечается у 43%. В таблице представлены проявления мотивов студентов, имеющих различное эмоциональное реагирование на участие в мероприятиях, организованных для массового выполнения нормативов ВФСК ГТО.

Мотивы участия студенческой молодежи в мероприятиях по выполнению нормативов физической подготовленности, %

Мотив участия	Положительное реагирование	Отрицательное реагирование
Проверить собственные силы	70	33
Получить положительные отметки по дисциплине «физическая культура и спорт» (улучшить положение в рейтинге, получить зачет)	23	42
Боязнь возможных негативных последствий со стороны куратора (деканата, преподавателя по физической культуре)	2	22
Возможность повышения собственного статуса	5	3

Влияние мотивации на продуктивность деятельности всегда считалось чрезвычайно существенным. Деятельностный компонент рассматривался нами с позиции субъективной оценки физической готовности студентов к выполнению нормативов, осуществляющей предварительной подготовкой к участию в мероприятии, а также объективными показателями результативности выполнения тестовых нормативов, предусмотренных программой мероприятий.

Ощущение абсолютной физической готовности к выполнению нормативов высказали 24% участников, пришедших в центр тестирования нормативов ГТО, а полную неготовность к проявлению максимальных усилий отметили 28%. При этом студенты, проявившие положительные эмоции в связи с участием в данном мероприятии, по субъективным ощущениям оказались в большей степени готовыми к выполнению тестовых заданий – их число составило 40%, а количество обучающихся из этой группы, считающих недостаточным уровень имеющейся подготовленности, – 10%. У студентов, отрицательно отреагировавших на участие в мероприятии по выполнению нормативов, эти показатели составили 10 и 43% соответственно. Достаточно высокую неоднородность оценок студентами своих возможностей для выполнения нормативов комплекса ГТО для своей возрастной ступени отмечает в исследовании и Ю.М. Пасовец [33].

Анализ ответов об осуществляющей студентами физической активности, включающей в том числе предварительную подготовку к выполнению нормативов комплекса ГТО, показал различия в обеих группах в использовании форм физического воспитания и ее частоты. Помимо обязательных занятий по элективной дисциплине «физическая культура и

спорт» 29% отметили применение самостоятельных занятий в режиме еженедельной физической активности (в группе лиц с положительным отношением к участию в мероприятии показатель составил 37%, с отрицательным – 23%), выполняющих ежедневную утреннюю гимнастику – 17% (соответственно 18 и 15%), занимающихся фитнесом в физкультурно-оздоровительных учреждениях – 11% (соответственно 15 и 7%), в спортивных школах проходят подготовку 8% (соответственно 12 и 6%). Можно отметить факт расширенного объема физической активности у студентов, отрицательно отреагировавших на участие в мероприятии по выполнению нормативов комплекса ГТО. Полученные данные соотносятся с результатами исследования В.А. Кабачкова с соавторами, констатирующими, что число студентов, чьими мотивами является стремление совершенствовать физические качества, составляет лишь 15% из числа опрошенных. В большей степени основным мотивом занятий физкультурно-спортивной деятельностью для студентов является возможность улучшить состояние здоровья [23].

Сравнительный анализ результативности выполнения тестовых заданий юношами, имеющими различное отношение к участию в мероприятиях по выполнению нормативов ГТО, показал достоверно лучшие значения у студентов, проявивших положительные эмоции, в тестах «поднимание туловища из положения лежа на спине за 1 минуту», «челночный бег 3×10 метров», «сгибание-разгибание рук в упоре лежа», «наклон вперед из положения стоя». Юноши, отрицательно отреагировавшие на участие в мероприятии, оказались менее подготовленными либо неожелавшими проявлять максимальные усилия для достижения лучших показателей. У девушек результаты тестиования существенно не отличаются, за исключением теста «сгибание-разгибание рук в упоре лежа» – успешнее его выполнили студентки, положительно отреагировавшие на участие в массовом мероприятии.

Проанализировав успешность выполнения нормативов, а именно достижение минимальных значений, достаточных для получения бронзового знака отличия, оказалось, что 86% участников-юношей преодолели нижнюю границу норматива в испытании «прыжок в длину с места». Меньшее число успешного выполнения было в тестовых заданиях «челночный бег 3×10 метров» (57%), «наклон вперед из положения стоя» (57%), «поднимание туловища из положения лежа на спине» (43%), «бег 30 метров» (21%), «подтягивание на высокой перекладине» (14%). У девушек 88% участниц справились с тестовым заданием «наклон вперед из положения стоя» минимум на бронзовый знак. В teste «поднимание туловища из положения лежа на спине» этот показатель составил 70%, в челночном беге – 69%, в прыжке в длину с места – 35%, в беге на 30 метров – 32%, в teste «сгибание-разгибание рук в упоре лежа» лишь 17% справились с минимальными нормативными требованиями.

Рассматривая вовлеченность в деятельность, следует обращать внимание не только на степень удовлетворенности выполняемой деятельностью, эмоциональные переживания по отношению к ней, а также

трудности, которые необходимо преодолевать в процессе этой деятельности [28]. По мнению студентов, барьерами, препятствующими активному участию молодежи в мероприятиях по выполнению нормативных испытаний комплекса ГТО, являются отсутствие мотивации, неуверенность в своих силах (трудности эмоционально-волевой саморегуляции, страх и разочарование), низкая самооценка своих способностей и опасение за состояние здоровья, нежелание выходить из зоны комфорта, недостаточная престижность данной формы оценки состояния физической подготовленности среди молодых людей. Мнения студентов с положительным и отрицательным реагированием на участие в мероприятии совпадали.

Вместе с тем, по мнению Т. Барановского и других, если иметь правильное представление о фактурах, которые делают физическую активность привлекательной и доставляющей удовольствие, то эта информация должна использоваться при разработке подходов и путей, содействующих положительному влиянию на привлечение населения к физкультурно-спортивной деятельности, в том числе к выполнению нормативов физической подготовленности [34].

Проведя корреляционный анализ между критериями, характеризующими вовлеченность студенческой молодежи в деятельность по выполнению испытаний комплекса, была обнаружена взаимосвязь между эмоциональным отношением к участию в мероприятиях по выполнению нормативов физической подготовленности и субъективным ощущением готовности к ним ($r = 0,57$). Студенты, испытывающие положительные эмоции в связи с участием в ГТО, рекомендуют всем остальным присоединиться к ним ($r = 0,56$). Также обнаружена зависимость между проявлением внутреннего мотива студентов относительно участия в мероприятии – желанием проверить свои силы, и положительным эмоциональным отношением к нему ($r = 0,60$), а также субъективным ощущением готовности к выполнению тестовых заданий ($r = 0,58$). Проявление внешнего мотива, связанного с избеганием неудачи, а именно боязнью последствий со стороны деканата или преподавателей из-за отказа от участия в мероприятии, имеет отрицательную слабую связь с субъективным ощущением готовности к выполнению заданий, предусмотренных программой ГТО ($r = -0,40$), а также с эмоциональным отношением к этому событию ($r = -0,45$). Режим физической активности студентов взаимосвязан с субъективным ощущением готовности к выполнению тестовых заданий ($r = 0,56$) и с имеющимся желанием проверить собственные силы ($r = 0,51$). То есть чем более расширен объем физической активности юношей и девушек (занятия спортом в спортивных школах, фитнесом в клубах или центрах, самостоятельные занятия оздоровительной физической культурой), тем в большей степени они готовы к участию в мероприятиях по выполнению испытаний ВФСК ГТО и стремятся проверить собственную физическую подготовленность в условиях организованного массового мероприятия. Студенты, имеющие опыт спортивных занятий в прошлом и настоящем в большей степени ощущают физическую готовность к выполнению тестовых заданий

($r = 0,68$) и рекомендуют принять участие в подобных мероприятиях всем остальным ($r = 0,66$).

Обобщая полученные результаты с имеющимся опытом вовлечения населения в занятия физкультурно-спортивной деятельностью и отталкиваясь от результатов исследования Т. Барановского и других, констатирующих, что физическая активность зависит от конкретных личностных социальных или физических параметров, имеющих свойство меняться в процессе вмешательства [34], можно выделить факторы, содействующие активному и массовому участию студенческой молодежи в мероприятиях по выполнению нормативов комплекса ГТО.

К их числу относится опыт участия в состязательной деятельности. По мнению ученых, наличие состязательности делает занятия физкультурно-спортивной направленности интересными и привлекательными. При этом существует и противоположное мнение – многих, особенно не спортивных людей атмосфера состязательности может и оттолкнуть от участия в мероприятиях [30]. Это следует учитывать при организации мероприятий, направленных на подготовку студентов к выполнению нормативов комплекса. Наличие опыта физкультурно-спортивной деятельности будет содействовать привлечению молодежи к участию в массовых мероприятиях ГТО, при этом вместо стремления к достижению спортивного результата важно стимулировать сам факт вовлеченности молодежи в занятия физкультурно-спортивной направленности [35]. Также важным является использование различных организованных и самостоятельных форм физкультурно-спортивной деятельности в

еженедельной физической активности. Результативность участия студенческой молодежи в мероприятиях по выполнению нормативов физической подготовленности следует поощрять материальными и моральными методами, тем самым стимулируя физическую активность обучающихся.

Таким образом, оценка вовлеченности в деятельность по выполнению нормативов испытаний комплекса ГТО студентов вуза показала важность учета мотивационного, эмоционального, деятельностного и результативного компонентов. Вовлеченность как совокупность физической и психической энергии, затрачиваемой для приобретения определенного опыта, проявилась в разных контекстах – как привлечение с административным воздействием, так и побуждение к участию внутренними личностными мотивами.

При рассмотрении эффективности вовлечения студентов в мероприятия, характеризуемые как инновационные практики, следует в большей степени обращать внимание не на результат, проявляемый в виде количественных показателей физической подготовленности, выполняемости нормативов, компетентности, а на процесс, в ходе которого происходит формирование отношения (положительного или отрицательного) к данному мероприятию.

Полученные результаты подтверждают важность продолжения поиска путей формирования осознанной и мотивированной позиции студенческой молодежи по отношению к участию в мероприятиях по выполнению нормативов ВФСК ГТО и систематической подготовки к ним.

ЛИТЕРАТУРА

1. Федеральный проект «Спорт – норма жизни» // Утвержден проектным комитетом по национальному проекту «Демография» в ГИИС «Электронный бюджет» 29 апреля 2019 года. URL: <https://www.minsport.gov.ru/activities/fedprosport/>
2. Physical activity and health in Europe: evidence for action / ed. by N. Cavill, S. Kahlmeier, F. Racioppi. URL: <https://www.euro.who.int/ru/health-topics/disease-prevention/physical-activity/publications/2006/physical-activity-and-health-in-europe-evidence-for-action>
3. Мещеряков С.П., Егорычев А.О. Мониторинг физической подготовленности студентов : учеб.-метод. пособие. М. : Издательский центр РГУ нефти и газа (НИУ) имени И.М. Губкина, 2018. С. 6.
4. Головина И.Ю., Николаева В.С. Анализ системы физического воспитания в школах и высших учебных заведениях США // Наука – 2020. Физическая культура, спорт, туризм: проблемы и перспективы. 2019. № 4 (29). С. 54–60.
5. Сычев А.В., Синельников О.А., Хасти П.А. Программы тестирования уровня физической подготовленности школьников в Соединенных Штатах Америки // Физическая культура: воспитание, образование, тренировка. 2006. № 6. С. 21–26.
6. FitnessGram. Health-related fitness components. URL: <https://fitnessgram.net/assessment/#el-cd22cdde>
7. Yang Bai, Pedro F. Saint-Maurice, Gregory J. Welk, Daniel W. Russell, Kelly Allums-Featherston, Norma Candelaria. The Longitudinal Impact of NFL PLAY 60 Programming on Youth Aerobic Capacity and BMI // American Journal of Preventive Medicine. 2017. Vol. 52, is. 3. P. 311–323. DOI: 10.1016/j.amepre.2016.10.009
8. Абалян А.Г., Долматова Т.В., Фомиченко Т.Г. Вовлечение населения в занятия физической культурой и спортом: анализ успешных практик на примере Великобритании // Вестник спортивной науки. 2018. № 5. С. 53–57.
9. Фурсов А.В., Синявский Н.И., Дмитриева Е.В., Герега Н.Н. Взаимодействие центра тестирования и образовательных организаций по внедрению комплекса ГТО // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. 2017. № 6 (148). С. 227–231.
10. Фурсов А.В., Синявский Н.И., Безноско Н.Н., Садыков Р.И. Онлайн-сервис в оценке кондиционного профиля развития физических качеств граждан по нормативам комплекса ГТО // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. 2017. № 11 (153). С. 280–284.
11. Пащенко Л.Г. Физическая активность и мотивы занятий физической культурой и спортом взрослого населения в России и за рубежом // Вестник Нижневартовского государственного университета. 2017. № 3. С. 110–116.
12. Пащенко Л.Г. Субъективное отношение к состязательной деятельности участников студенческих соревнований // Теория и практика физической культуры. 2019. № 8. С. 66–68.
13. Лукьянов О.В., Бронер В.И., Васильев А.В. Категориальный аппарат психологии вовлеченности (аутентификации) // Сибирский психологический журнал. 2020. № 75. С. 39–52.
14. Ожегов С.И. Словарь русского языка / под ред. Н.Ю. Шведовой. М., 1984. С. 521.
15. Даля В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1982. Т. III. С. 403.
16. Евгеньева А.П. Словарь русского языка : в 4 т. М. : Рус. яз., 1999. Т. 1. С. 191.
17. Вельмисова Д.В. Управление на основе ценностей как инструмент повышения вовлеченности персонала // Вестник факультета управления СПбГЭУ. 2017. № 1–2. С. 450–456.
18. Чулanova О.Л., Припасаева О.И. Вовлеченность персонала организаций: основные подходы, базовые принципы, практика использования в работе с персоналом // Науковедение. 2016. Т. 8, № 2. DOI: 10.15862/127EVN216. URL: <http://haukovedenie.ru/PDF/127EVN216.pdf>

19. Шевченко Н.П. Уголовная ответственность за вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2003. 32 с.
20. Фильченкова И.Ф. Методология и технологии вовлечения в инновационную деятельность преподавателей вуза : автореф. дис. ... д-ра пед. наук. Калининград, 2017. 44 с.
21. Малошонок Н.Г. Студенческая вовлеченность: почему важно изучать процесс обучения, а не только его результат? // Мониторинг университета. 2011. № 6. С. 11–21.
22. Малошонок Н.Г. Вовлеченность студентов в учебный процесс в российских вузах // Высшее образование в России. 2014. № 1. С. 37–44.
23. Кабачков В.А., Кузнецов В.А., Васильева Т.Н. Диагностика индивидуальных особенностей студентов, их отношения к физической культуре и осваиваемой профессии как факторов формирования здорового образа жизни // Вестник спортивной науки. 2015. № 6. С. 45–48.
24. Оськина Е.С., Леван Т.Н. Разработка инструментария Всероссийского социологического исследования вовлеченности обучающихся в занятия по предмету (дисциплине) «Физическая культура» // Ученые записки имени П.Ф. Лесгафта. 2016. № 4 (134). С. 198–207.
25. King A.C., Whitt-Glover M.C., Marquez D.X., Buman M.P. et al. Physical Activity Promotion. Highlights from the 2018 Physical Activity Guidelines Advisory Committee Systematic Review // Medicine & Science in Sports & Exercise. 2019. № 6 (51). Р. 1340–1353.
26. Логинов С.И. Физическая активность студентов на Севере и стадии изменения поведения, связанного с выполнением физических упражнений // Теория и практика физической культуры. 2002. № 5. С. 39–43.
27. Логинов С.И. Физическая активность: методы оценки и коррекции. Сургут : Изд-во СурГУ, 2005. 342 с.
28. Фуряева Т.В., Хацкевич Т.А. Интернатура как фактор обеспечения образовательной вовлеченности будущих бакалавров в педагогическом университете // Сибирский педагогический журнал. 2015. № 6. С. 68–73.
29. Малошонок Н.Г. Измерение студенческой вовлеченности: основные методы и их ограничения // Социология: методология, методы, математическое моделирование (4М). 2016. № 36. С. 177–199.
30. Kelly P., Matthews A., Foster C. Young and physically active: a blueprint for making physical activity appealing to youth. 2012. URL: <http://www.euro.who.int/ru/publications/abstracts/young-and-physically-active-a-blueprint-for-making-physical-activity-appealing-to-youth>
31. Kelly P., Cavill N., Foster C. An analysis of national approaches to promoting physical activity and sports in children and adolescents. Copenhagen, WHO Regional Office for Europe, 2009. URL: <https://www.scirp.org/reference/referencespapers.aspx?referenceid=1185082>
32. Weiss M.R. Motivating kids in physical activity // President's Council on physical fitness and sports research digest. Series 3. 2000. № 11. Р. 3–10. URL: <https://doi.org/10.1037/e603522007-001>
33. Пасовец Ю.М. Участие студенческой молодежи во Всероссийском физкультурно-спортивном комплексе «Готов к труду и обороне» (ГТО) // Известия ТулГУ. Физическая культура. Спорт. 2017. № 3. С. 53–63.
34. Baranowski T., Anderson C., Carmack C. Mediating variable framework in physical activity interventions. How are we doing? How might we do better? // American Journal of Preventive Medicine. 1998. № 15(4). Р. 266–297.
35. Foster C., Cowburn G., Allender S. The views of children on the barriers and facilitators to participation in physical activity: a review of qualitative studies. London, National Institute for Health and Clinical Excellence (NICE Public Health Collaborating Centre – Physical Activity), 2007. URL: <https://www.semanticscholar.org/paper/Physical-activity-and-children-%3A-review-3-%3A-the-of-Allender-Cowburn/eff314f7c40af88d9561e19b679758e589fa074a>

Статья представлена научной редакцией «Педагогика» 24 июня 2020 г.

Assessment of University Students' Engagement in the Implementation of Test Standards of the GTO Complex

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 459, 213–220.

DOI: 10.17223/15617793/459/26

Lena G. Pashchenko, Nizhnevartovsk State University (Nizhnevartovsk, Russian Federation). E-mail: lenanv2008@yandex.ru
Keywords: engagement; physical fitness; physical activity; student youth; emotional response; motivation; GTO.

The aim of the study is to assess students' engagement in the activities on performing the standards of the GTO (Ready for Labour and Defence physical culture training program) testing. This engagement implies a set of behavioral and socio-psychological characteristics of an individual manifested in their physical and psychological readiness to meet the standards of physical fitness and motivation to perform tasks while showing maximum (or close to maximum) effort and a positive emotional attitude. Summarizing the proposed approaches to assessing “engagement”, the following components were identified: emotional, motivational, activity-based, and effective. First- to fourth-year university students—48 males and 80 females—participated in the study. The methods employed were: pedagogical testing, questionnaires, mathematical statistics. The results of the survey showed heterogeneous emotional responses of people that came to the GTO standards testing center to participation in the event: 48% of the respondents noted the predominance of positive emotions, 52% of negative ones. The study of motives showed that 57% of the respondents had positive internal motives, and 43% had motives related to the possibility of avoiding negative consequences. A comparative analysis of the performance of test tasks by young men with different attitudes to participation in this event showed significantly better values for students that showed positive emotions. Female test results do not differ significantly. According to the students, the barriers that prevent young people's active participation in the activities to perform the standard tests of the GTO complex are lack of motivation, lack of confidence in their abilities, low self-esteem of their abilities and fear for their health, unwillingness to leave the comfort zone, insufficient prestige of this form of assessment of the state of physical fitness among young people. A correlation was found between the manifestation of students' internal motivation—the desire to test their strength—and a positive emotional attitude to it ($r=0.60$), as well as a subjective sense of readiness to perform test tasks ($r=0.58$). Students who have experience of sports activities in the past and present are more likely to feel physically ready to perform test tasks ($r=0.68$) and recommend that everyone else take part in such activities ($r=0.66$). Factors that contribute to young people's participation in activities to meet the standards of the GTO complex are: experience in competitive activities, experience in physical culture and sports, material and moral incentives. Engagement, as a combination of physical and mental energy expended to acquire a certain experience, has been shown in different contexts: under both administrative influence and internal personal motives.

REFERENCES

1. Minsport.gov.ru. (2019) *Federal'nyy proekt “Sport – norma zhizni”* [Federal project “Sport is the norm of life”]. [Online] Available from: <https://www.minsport.gov.ru/activities/fedprosport/>
2. Cavill, N., Kahlmeier, S. & Racioppi, F. (eds) (2006) *Physical activity and health in Europe: evidence for action*. [Online] Available from: <https://www.euro.who.int/ru/health-topics/disease-prevention/physical-activity/publications/2006/physical-activity-and-health-in-europe-evidence-for-action>

3. Meshcheryakov, S.P. & Egorychev, A.O. (2018) *Monitoring fizicheskoy podgotovlennosti studentov* [Monitoring of students' physical fitness]. Moscow: Gubkin Russian State University of Oil and Gas.
4. Golovina, I.Yu. & Nikolaeva, V.S. (2019) Analiz sistemy fizicheskogo vospitaniya v shkolakh i vysshikh uchebnykh zavedeniyakh SShA [Analysis of the physical education system in schools and higher educational institutions of the USA]. *Nauka – 2020. Fizicheskaya kul'tura, sport, turizm: problemy i perspektivy*. 4 (29). pp. 54–60.
5. Sychev, A.V., Sinel'nikov, O.A. & Khasti, P.A. (2006) Programmy testirovaniya urovnya fizicheskoy podgotovlennosti shkol'nikov v Soedineniyakh Shtatakh Ameriki [Programs for testing the level of physical fitness of schoolchildren in the United States of America]. *Fizicheskaya kul'tura: vospitanie, obrazovanie, trenirovka*. 6. pp. 21–26.
6. FitnessGram. (n.d.) *Health-related fitness components*. [Online] Available from: <https://fitnessgram.net/assessment/#el-cd22cdde>.
7. Yang Bai et al. (2017) The Longitudinal Impact of NFL PLAY 60 Programming on Youth Aerobic Capacity and BMI. *American Journal of Preventive Medicine*. 52 (3). pp. 311–323. DOI: 10.1016/j.amepre.2016.10.009
8. Abalyan, A.G., Dolmatova, T.V. & Fomichenko, T.G. (2018) Involvement of different social groups in physical culture and sports: Analysis of successful foreign practices on the example of Great Britain. *Vestnik sportivnoy nauki – Sports Science Bulletin*. 5. pp. 53–57. (In Russian).
9. Fursov, A.V., Sinyavskiy, N.I., Dmitrieva, E.V. & Gerega, N.N. (2017) Interaction of testing Centre, small commercial enterprises and educational institution while realizing the GTO ("Ready for Labor and Defense" complex). *Uchenye zapiski universiteta im. P.F. Lesgafta*. 6 (148). pp. 227–231. (In Russian).
10. Fursov, A.V., Sinyavskiy, N.I., Beznosko, N.N. & Sadykov, R.I. (2017) On-line service for estimation of conditioning profile of physical abilities development of people in the field of Ready for Labour and Defense standards. *Uchenye zapiski universiteta im. P.F. Lesgafta*. 11 (153). pp. 280–284. (In Russian).
11. Pashchenko, L.G. (2017) Physical activity and motivation of physical culture and sports of the adult population in Russia and abroad. *Vestnik Nizhevertovskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Nizhnevartovsk State University*. 3. pp. 110–116. (In Russian).
12. Pashchenko, L.G. (2019) Sub''ektivnoe otnoshenie k sostyayatzel'noy deyatel'nosti uchastnikov studencheskikh srovnovaniy [Student competition participants' subjective attitude to the competitive activity]. *Teoriya i praktika fizicheskoy kul'tury*. 8. pp. 66–68.
13. Luk'yanov, O.V., Broner, V.I. & Vasil'ev, A.V. (2020) Categories of the Psychology of Involvement (Authentication). *Sibirskiy psichologicheskiy zhurnal – Siberian Journal of Psychology*. 75. pp. 39–52. (In Russian). DOI: 10.17223/17267080/75/3
14. Ozhegov, S.I. (1984) *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian language]. Moscow: Russkiy yazyk. p. 521.
15. Dal', V.I. (1982) *Tolkovyj slovar' zhivogo velkorusskogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language]. Vol. 3. Moscow: Russkiy yazyk. p. 403.
16. Evgen'eva, A.P. (1999) *Slovar' russkogo yazyka: v 4 t.* [Dictionary of the Russian language: In 4 volumes]. Vol. 1. Moscow: Rus. yaz. p. 191.
17. Vel'misova, D.V. (2017) Upravlenie na osnove tsennostey kak instrument povysheniya vovlechennosti personala [Value-based management as a tool for increasing staff involvement]. *Vestnik fakul'teta upravleniya SPbGEU*. 1–2. pp. 450–456.
18. Chulanova, O.L. & Pripasaeva, O.I. (2016) Vovlechennost' personala organizatsii: osnovnye podkhody, bazovye printsipy, praktika ispol'zovaniya v rabote s personalom [Involvement of the organization's staff: basic approaches, basic principles, practice of use in work with staff]. *Naukovedenie*. 8 (2). [Online] Available from: <http://naukovedenie.ru/PDF/127EVN216.pdf>. (In Russian). DOI: 10.15862/127EVN216
19. Shevchenko, N.P. (2003) *Ugolovnaya otvetstvennost' za vovlechenie nesovershennoletnego v sovershenie prestupleniya* [Criminal liability for involving a minor in the commission of a crime]. Abstract of Law Cand. Diss. Stavropol.
20. Fil'chenkova, I.F. (2017) *Metodologiya i tekhnologii vovlecheniya v innovatsionnyu deyatel'nost' prepodavateley vuza* [Methodology and technologies of involving university teachers in innovative activities]. Abstract of Pedagogy Dr. Diss. Kaliningrad.
21. Maloshonok, N.G. (2011) Studencheskaya vovlechennost': pochemu vazhno izuchat' protsess obucheniya, a ne tol'ko ego rezul'tat? [Student engagement: Why is it important to explore the learning process, and not just its result?]. *Monitoring universiteta*. 6. pp. 11–21.
22. Maloshonok, N.G. (2014) Student engagement in learning in Russian universities. *Vysshee obrazovanie v Rossii – Higher Education in Russia*. 1. pp. 37–44. (In Russian).
23. Kabachkov, V.A., Kuznetsov, V.A. & Vasil'eva, T.N. (2015) Diagnosis of Individual Features of Students, Their Attitude to Physical Education and Their Profession as Factors of the Healthy Lifestyle. *Vestnik sportivnoy nauki – Sports Science Bulletin*. 6. pp. 45–48. (In Russian).
24. Os'kina, E.S. & Levan, T.N. (2016) Development of the Tools of All-Russia Sociological Survey of Students Engagement in Physical Culture Classes. *Uchenye zapiski imeni P.F. Lesgafta*. 4 (134). pp. 198–207. (In Russian). DOI: 10.5930/issn.1994-4683.2016.04.134.p198-207
25. King, A.C. et al. (2019) Physical Activity Promotion. Highlights from the 2018 Physical Activity Guidelines Advisory Committee Systematic Review. *Medicine & Science in Sports & Exercise*. 6 (51). pp. 1340–1353.
26. Loginov, S.I. (2002) Fizicheskaya aktivnost' studentov na Severe i stadii izmeneniya povedeniya, svyazannogo s vypolneniem fizicheskikh uprazhneniy [Student physical activity in the North and the stages of behavior change associated with the performance of physical exercises]. *Teoriya i praktika fizicheskoy kul'tury*. 5. pp. 39–43.
27. Loginov, S.I. (2005) *Fizicheskaya aktivnost': metody otsenki i korrektii* [Physical activity: Methods of assessment and correction]. Surgut: Surgut State University.
28. Furyaeva, T.V. & Khatskevich, T.A. (2015) Internatura kak faktor obespecheniya vovzhatel'noy vovlechennosti budushchikh bakalavrov v pedagogicheskem universitete [Internship as a factor in ensuring the educational involvement of future bachelors at a pedagogical university]. *Sibirskiy pedagogicheskiy zhurnal – Siberian Pedagogical Journal*. 6. pp. 68–73.
29. Maloshonok, N.G. (2016) On the Student Engagement Measurement: Basic Methods and Their Restrictions. *Sotsiologiya: metodologiya, metody, matematicheskoe modelirovaniye (4M)* – Sociology: Methodology, Methods, Mathematical Modeling (Sociology: 4M). 36. pp. 177–199. (In Russian).
30. Kelly, P., Matthews, A. & Foster, C. (2012) *Young and physically active: a blueprint for making physical activity appealing to youth*. [Online] Available from: <http://www.euro.who.int/rus/publications/abstracts/young-and-physically-active-a-blueprint-for-making-physical-activity-appealing-to-youth>.
31. Kelly, P., Cavill, N. & Foster, C. (2009) *An analysis of national approaches to promoting physical activity and sports in children and adolescents*. Copenhagen: WHO Regional Office for Europe. [Online] Available from: <https://www.scirp.org/reference/referencespapers.aspx?referenceid=1185082>.
32. Weiss, M.R. (2000) Motivating kids in physical activity. *President's Council on Physical Fitness and Sports Research Digest*. Series 3 (11). pp. 3–10. DOI: 10.1037/e603522007-001
33. Pasovets, Yu.M. (2017) Uchastie studencheskoy molodezhi vo Vserossiyskom fizkul'turno-sportivnom kompleksse "Gotov k trudu i oborone" (GTO) [Participation of student youth in the all-Russian physical culture and sports complex "Ready for Labor and Defense" (GTO)]. *Izvestiya TulGU. Fizicheskaya kul'tura. Sport – Izvestiya TulGU. Physical Culture. Sport*. 3. pp. 53–63.
34. Baranowski, T., Anderson, C. & Carmack, C. (1998) Mediating variable framework in physical activity interventions. How are we doing? How might we do better?. *American Journal of Preventive Medicine*. 15 (4). pp. 266–297.
35. Foster, C., Cowburn, G. & Allender, S. (2007) *The views of children on the barriers and facilitators to participation in physical activity: A review of qualitative studies*. London: National Institute for Health and Clinical Excellence (NICE Public Health Collaborating Centre – Physical Activity), [Online] Available from: <https://www.semanticscholar.org/paper/Physical-activity-and-children-%3A-review-3-%3A-the-of-Allender-Cowburn/eff314f7c40af88d9561e19b679758e589fa074a>.

Received: 24 June 2020

ПРАВО

УДК 343.985, 343.132

О.Ю. Антонов

ПОЛУЧЕНИЕ ИНФОРМАЦИИ О СОЕДИНЕНИЯХ МЕЖДУ АБОНЕНТАМИ И (ИЛИ) АБОНЕНТСКИМИ УСТРОЙСТВАМИ В РОССИИ: СУЩНОСТЬ, ЭТАПЫ И ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ТАКТИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ

Раскрывается комплексная сущность получения информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами. Выделяются стадии его подготовительного этапа: процессуальная, организационная и организационно-техническая. Обосновывается проведение его рабочего этапа в рамках следственного осмотра. Даются рекомендации по реализации стадии оценки и использования результатов данного следственного действия.

Ключевые слова: информация о соединениях между абонентами и(или) абонентскими устройствами; следственное действие; криминалистическая тактика; тактический комплекс.

Среди законов развития криминалистики ее российский патриарх профессор Р.С. Белкин выделял ускорение ее развития в условиях научно-технического прогресса, а также активное творческое приспособление для целей судопроизводства достижений различных наук [1. С. 245–250, 259–261], предоставляющие новые возможности получения криминалистически значимой информации путем введения в уголовно-процессуальное законодательство современных технических способов получения доказательств. Одним из таких новых видов доказательств, рожденных в результате научно-технических достижений в области радиоэлектроники и компьютерной техники, является информация о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами.

В Соединенных Штатах Америки еще в 1996 г. Федеральная комиссия по связи (FCC) приняла решение об отражении сведений о регистрации местоположения вызывающего абонента диспетчерам экстренной связи 911. В связи с этим в 1999 г. сотовые операторы начали производить записи детализации вызовов (CDR) с информацией о местоположении сотового узла (CSLI), которые предоставлялись правоохранительным органам по решениям суда. Информация CDR / CSLI стала важным доказательством в судопроизводстве (CDR) [2].

В России практика получения от операторов связи сведений о соединениях средств электросвязи стала формироваться с начала 2000-х гг. путем проведения выемки, контроля и записи телефонных и иных переговоров или просто путем направления запросов без процессуальной регламентации. Получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами стало новым процессуальным действием после введения в 2010 г. в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации ст. 186.1 [3].

С учетом технической составляющей этого процессуального действия в российской уголовно-процессуальной и криминалистической литературе возникла дискуссия о его сущности.

Так, В.Ю. Стельмах относит получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами к условной группе технико-

специальных следственных действий, выделяя в порядке их производства два относительно обособленных блока: процессуальную деятельность следователя и исследовательскую или техническую деятельность других лиц, результаты которой ему предоставляются [4. С. 44–45]. Действительно, следователь в судебном порядке запрашивает информацию; осуществляющая услуги связи организация в лице конкретного сотрудника ее формирует из автоматизированной базы данных и направляет в установленном виде следователю, который проводит ее осмотр. Соответственно, разработка тактических рекомендаций для указанного способа получения доказательств должна осуществляться с учетом его организационно-технических особенностей проведения. Однако эти особенности, определяющие специфическое содержание этого следственного действия, вызывают дискуссию в научной и учебной литературе.

Наиболее резко и критично к теоретической интерпретации сущности получения информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами как следственного действия подходит Б.Т. Безлекин, считая, что «речь идет в сущности не о новом следственном действии (никаких процессуальных действий по обнаружению, «извлечению» и закреплению доказательств следователь не производит), а о представлении документальных доказательств по требованию органа расследования» [5]. Продолжая свою мысль, он полагает, что «истребовать и получить из соответствующей компетентной организации, будь то бухгалтерия фирмы или оператор сотовой связи, требуемую, надлежащим образом задокументированную, доказательственную информацию – это одно, а произвести лично регламентированное УПК следственное действие в целях личного извлечения такой информации – принципиально другое. Налицо два совершенно различных процессуальных способа уголовно-процессуального доказывания, сформировавшихся в историческом процессе развития уголовного судопроизводства. В ст. 186.1 УПК РФ они перепутаны» [6].

Аналогичной с Б.Т. Безлекиным точки зрения придерживается С.А. Шейфер: «Закон преображает в следственное действие достаточно широко распро-

страненный в следственной практике прием детализации переговоров, ведущихся с мобильных и других телефонов... Но регламентация этого приема в УПК РФ не предусматривает каких-либо познавательных операций, присущих следственным действиям... При этом какие-либо процессуальные отношения между следователем и оператором отсутствуют, не предусмотрена и ответственность оператора за непредоставление сведений» [7. С. 122].

Действительно, в случае формирования информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами не непосредственно следователем, а сотрудником организации, являющимся оператором связи, возникает вопрос о полноте и объективности ее предоставления. Некоторые авторы в это не сомневаются, ссылаясь на технические возможности системы сотовой связи [8. С. 11]. С технической точки зрения все может быть надежно, поскольку данное программное обеспечение разрабатывается организациями, имеющими соответствующие лицензии Федеральной службы безопасности России (на осуществление разработки, производства и распространения шифровальных (криптографических) средств) и Федеральной службы по техническому и экспортному контролю России (на деятельность по технической защите конфиденциальной информации либо по разработке и производству средств защиты конфиденциальной информации). Однако нельзя забывать про «человеческий фактор»: сотрудник оператора связи вполне может вследствие халатного отношения к своим обязанностям, невнимательности либо технической ошибки предоставить информацию не в полном объеме (такие факты упоминаются в научной литературе [9. С. 144]), более того – способен внести в сформированные сведения какие-либо изменения. При этом он, в отличие от судебного эксперта, также действующего по поручению следователя, не несет уголовной ответственности за предоставление заведомо ложной информации, а доказать его корыстную или иную личную заинтересованность, а также преступныйговор с лицами, осуществляющими противодействие расследованию преступлений, практически невозможно. Кроме того, можно спрогнозировать совершение умышленных действий по внесению изменений в информацию, формируемую операторами связи, со стороны нового вида организованной преступности – хакерского сообщества [10] по заказу лиц, совершивших преступления, вину в совершении которых можно доказать путем получения и анализа информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами.

Таким образом, предусмотренный ст. 186.1 УПК РФ процессуальный порядок не позволяет в полном объеме обеспечить достоверность полученных сведений и затрудняет процесс оценки доказательств по требованиям, отраженным в ч. 1 ст. 88 УПК РФ. Зарубежные исследователи уже обратили на это внимание, разрабатывая методы определения того, являются ли сведения, формируемые операторами мобильной связи (MNO) и операторами мобильной виртуальной сети (MVNO), цифровыми доказательствами и поддерживается ли доказательственная целостность при их

передаче следователям правоохранительных органов по уголовным делам [11].

Изложенное обуславливает необходимость определения места получения информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами в системе следственных действий в целях разработки криминалистических рекомендаций по тактике его производства. В связи с этим можно использовать позицию А.С. Князькова, который, основываясь на мнении С.А. Шейфера об организационно-распорядительном, обеспечительном характере некоторых процессуальных действий, относит получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами к числу таковых, ссылаясь на нормы УПК РФ, указывающие о проведении непосредственно за обеспечительными процессуальными действиями следственного осмотра [12. С. 131]. Действительно, проведение именно следственного осмотра сведений о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами вытекает из ч. 5 ст. 186.1 УПК РФ и соответствует сущности самостоятельного следственного действия – следственного осмотра, предусмотренной ст. 176–177, 180 УПК. Из этого можно сделать вывод, что рассматриваемое действие состоит из обеспечительных процессуальных и организационных процедур получения информации и собственного следственного осмотра полученных сведений, т.е. носит комплексный характер. Аналогичного мнения о сущности получения информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами придерживаются В.Ю. Стельмах [4. С. 58–59], Р.А. Дерюгин [13] и Н.А. Архипова [14. С. 10].

Такая нетрадиционная сущность деятельности по получению информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами ставит криминалистику относительно новую задачу – сформулировать тактику трех входящих в него взаимосвязанных между собой процессуального, организационного и следственного действий в рамках единого тактического комплекса:

- 1) направления в суд ходатайства следователя о производстве данного следственного действия (ч. 1, 2 ст. 186 УПК РФ);
- 2) направления следователем в соответствующую осуществляющую услуги связи организацию копии решения суда в случае принятия такого решения (ч. 3 ст. 186 УПК РФ);
- 3) осмотра документов, представленных соответствующей организацией, осуществляющей услуги связи и содержащих информацию о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами (ч. 5 ст. 186 УПК РФ) [15. С. 174].

В связи с этим в криминалистической литературе возникла дискуссия по этапам и стадиям данного комплексного следственного действия. Некоторые исследователи ставят во главу угла наименование следственного действия – «получение информации», относя его к первому рабочему этапу данного следственного действия [16. С. 24] или к первой стадии рабочего этапа [17. С. 129]. Однако, по нашему мнению, целью рассматриваемого следственного действия является ана-

лиз полученной информации, имеющей криминалистическое значение. Поэтому, на наш взгляд, более верной представляется точка зрения Д.В. Мулenkova, А.Б. Соколова, О.Н. Лазаренко о том, что в подготовительный этап должны входить действия следователя по получению сведений о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами от организации, осуществляющей услуги связи [15. С. 173]. Действительно, этот этап оканчивается моментом направления следователем копии решения суда о получении информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами руководителю организации, осуществляющей услуги связи [17. С. 128]. Однако согласно ч. 3 ст. 186.1 УПК РФ сам следователь не может предпринимать действий по получению этой информации и лишь ожидает сопроводительное письмо с прилагаемой в опечатанном виде зафиксированной на любом материальном носителе информацией. Поэтому верной представляется точка зрения Е.С. Лапина, выделяющего среди этапов производства этого следственного действия (на наш взгляд, именно на этапе подготовки) отдельную техническую стадию по исполнению оператором связи действий по предоставлению соответствующей информации [9. С. 40].

Таким образом, подготовительный этап можно разделить на следующие стадии: процессуальную (подготовка и направление в суд ходатайства следователя о производстве следственного действия), организационную (направление следователем решения суда осуществляющей услуги связи организации) и организационно-техническую (действия оператора связи по формированию и предоставлению информации).

Первая стадия подготовительного этапа хотя и называется процессуальной, но требует не только процессуального, но и тактического обеспечения. Основные криминалистические рекомендации по принятию решения о проведении данного следственного действия и его подготовке достаточно подробно рассмотрены в литературе [9. С. 89–116; 15. С. 174–175; 18. С. 39–43], в том числе в зависимости от типичных следственных ситуаций [19], но требуют дальнейшего совершенствования по следующим направлениям.

1. В связи с имеющимися случаями отказа судов в удовлетворении ходатайств следователя, несмотря на наличие предложений с точки зрения уголовного процесса [4. С. 260–261, 286–287], возникает необходимость дальнейшей разработки тактических рекомендаций по составлению мотивированной части таких ходатайств, в первую очередь в части обоснования значения для расследуемого преступления, учитываемого при принятии следователем решения о его проведении. В имеющейся в настоящее время криминалистической литературе иногда встречаются лишь рекомендации «более аргументированно излагать необходимость получения указанной информации за соответствующий период» [20. С. 24].

2. Большое значение имеет выверенное определение временного интервала, за который необходимо получить информацию о соединениях либо срок производства данного следственного действия. Такой период определяется не только предполагаемым временем совершения преступления, но зависит также от

того, совершено ли преступление с внезапно возникшим умыслом или планировалось заранее (период подготовки также необходимо включать), местным жителем или заезжим преступником из другого региона (в таком случае для последующей грамотной выборке запрашивать период предшествующий преступлению и последующий период – несколько дней), единичный ли это преступный эпизод или длиющееся преступление во времени и пространстве и т.п.

3. Отдельные следственные ситуации требуют проведения дополнительного подготовительного следственного действия – следственного осмотра с использованием датчиков оценки радиоэлектронной обстановки либо находящихся в свободном доступе программ Netmonitor, G-nettrack и других в целях установления в конкретном месте или по определенному маршруту базовых станций различных типов сети всех операторов связи одновременно. В результате проведения данного следственного действия определяются базовые станции, осуществляющие соединения в данном месте, а также их принадлежность к конкретным операторам связи, у которых следует запрашивать информацию о соединениях. Это позволяет сформулировать запрос в порядке ст. 186.1 УПК РФ каждой осуществляющей услуги связи организации с указанием идентификационных данных станций, которые необходимо проверить для подготовки интересующей следователя информации в данный период времени. Кроме того, результаты осмотра позволяют указать в ходатайстве не только стандартно запрашиваемые сведения об абоненте, собеседнике, типе соединения, его дате, времени и продолжительности, но и азимут (угол между направлением на север (нулевой показатель компаса) и направлением на место нахождения абонента), time energy (время прохождения сигнала от устройства абонента до базовой станции) [21. С. 28].

Тактика этого нового вида следственного осмотра, проводимого именно в целях подготовки к получению информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами, требует проведения дополнительных криминалистических исследований. Например, М.А. Гудкова полагает, что это следственное действие должно проводиться в то же время, что и проверяемое событие, поскольку в различные периоды в течение суток распределение нагрузки на каждую отдельную базовую станцию, зона покрытия каждой такой станции и, как следствие, возможности соединения устройства с каждой станцией весьма различаются [22. С. 157–158].

В любом случае, даже если данное следственное действие не проводится, на этой стадии подготовительного этапа нужно сформировать конкретные типы сведений о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами, имеющими потенциальное криминалистическое значение, которые необходимо отразить в ходатайстве в суд.

Переходя к последней, организационно-технической стадии подготовительного этапа получения информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами, на первый взгляд, можно признать, что она нуждается не в криминали-

стическом, а лишь в программно-техническом обеспечении. Однако в практике работы Следственного комитета Российской Федерации появилась возможность организации взаимодействия с операторами связи в целях получения информации об абонентах и их соединениях в рамках системы обработки запросов (СОЗ) – комплекса, переводящего процесс бумажного документооборота оператора с государственными уполномоченными органами в формат ЭДО [23]. Так, в отдельных следственных органах СК России в тестовом режиме с 2018 г. используется предоставленный ПАО «МегаФон» доступ к автоматизированной системе обработки запросов (АСОЗ), позволяющей по фамилии, имени, отчеству и дате рождения разыскиваемого лица оперативно получать сведения о зарегистрированных на него абонентских номерах [24. С. 638], а также соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами и иной требуемой информации (по решению суда). Одним из направлений криминалистического обеспечения данного взаимодействия является разработка рекомендаций для программного обеспечения оператора связи в части формирования вида запрашиваемой информации в зависимости от типичных задач расследования преступлений. Например, Инструкция пользователя СОЗ ПАО «МегаФон» позволяет формировать 16 типов запросов: 4 по детализации, 2 по интернету, 9 по местоположению и регистрации, 1 по принадлежности [25], в то же время программное обеспечение ООО «Основа Лаб» предоставляет возможность обработки 24 уникальных типов запросов и получения аналитических данных [23].

Расширение данной практики получения информации об абонентах и их соединениях в рамках СОЗ, на наш взгляд, позволит нивелировать указанные ранее негативные моменты и обеспечить достоверность полученных сведений, поскольку их формирование будет осуществляться не физическим лицом – сотрудником оператора связи, а с помощью данного программного обеспечения. Такая возможность опровергает существующее мнение о том, что требование о проведении такой деятельности в обязательном порядке лично следователем является заведомо невыполнимым и попыткой блокировать достижения научно-технического прогресса в сфере расследования преступлений [4. С. 51]. В то же время сотрудник оператора связи в данном случае должен осуществить проверку наличия в решении суда всех типов сформированных следователем в рамках СОЗ запросов. В связи с этим требуется разработка соответствующих методических рекомендаций как для данных сотрудников по проведению этой проверки, так и для следователей по указанию в ходатайстве в суд сведений, соответствующих типам запросов оператора связи, предусмотренных в его СОЗ.

Рассмотренная практика взаимодействия фактически объединяет в одну стадию выделенные ранее организационную и организационно-техническую стадии подготовительного этапа получения информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами.

Только после поступления данной информации начинается рабочий этап рассматриваемого тактического комплекса – ее следственный осмотр, включающий его последнюю стадию – фиксацию хода и результатов, тактика проведения которого также требует дальнейшего совершенствования, поскольку, по мнению Р.А. Дерюгина и А.А. Жижилевой, субъекты расследования уголовного дела не уделяют должного внимания криминалистическому значению сведений, получаемых от оператора сотовой связи (не производится качественный анализ, обработка полученной информации, что приводит к утере значимых доказательственных сведений, имеющих значение для раскрытия и расследования преступления) [26. С. 221].

В следственных ситуациях, требующих анализа большого объема полученных сведений, а также решения сложных криминалистических задач, к следственному осмотру требуются привлечение специалиста в области компьютерной техники и применение соответствующих аппаратно-программных комплексов. Например, «в 2018 году производителем АПК «Сегмент» выпущена обновленная версия программной части, которая обладает расширенным функционалом, дающим возможность решать более сложные аналитические задачи... и способна автоматически в процессе обработки биллинга получать из открытых источников информацию о координатах, адресах установки, мощности, направлении действия и других параметрах базовых станций» [24. С. 638].

В практике работы следственных органов СК России такой следственный осмотр, как правило, проводится следователем-криминалистом по поручению следователя. Однако требуется разработка тактики взаимодействия указанных лиц как на этапе следственного осмотра, так и на этапе подготовки ходатайства в суд, поскольку формулировка всех возможных задач, которые решаются в ходе следственного осмотра, может быть осуществлена следователем только с учетом понимания технических возможностей анализа, знанием которого обладает сведущее лицо в области компьютерной техники, например, находящееся на должности следователя-криминалиста или эксперта СК России.

Замена такого следственного осмотра назначением так называемой информационно-аналитической судебной экспертизы или более того проведением «аналитического исследования» является на сегодняшний день не совсем приемлемым по следующим основаниям. Если готовить об информационно-аналитической судебной экспертизе, то упоминания о таком виде судебных экспертиз в учебной и научной литературе единично как в России [22], так и за рубежом, где она называется системой криминалистической экспертизы телефонных записей (TRFS) [27]. Фактически сущность данной формы использования специальных знаний – это не проведение исследования, позволяющего получить новые знания, имеющие доказательственное значение, а анализ приобретенных от оператора связи сведений с помощью аппаратно-программных комплексов (АПК), позволяющих выявить закономерности или связи. Для работы с данными АПК, как правило, специальных знаний в

области информатики и компьютерной техники не требуется, а необходимо обладать лишь навыками работы с их интерфейсом. Только в отдельных случаях, для решения сложных задач при применении АПК, необходимы специальные знания в области базовых принципов построения и функционирования сетей мобильной радиосвязи, которыми в следственных органах СК России обладают следователи-криминалисты. Однако в рамках создаваемой в разделе «Криминалистическая техника» российской криминалистики новой отрасли – «Криминалистическое исследование компьютерных средств и систем» [28] дальнейшее развитие криминалистического анализа цифровой информации так называемых больших данных (Big Data) [29], в которые входит информация о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами, а также достижений зарубежной цифровой криминалистики [30, 31] может привести к появлению данного вида судебных экспертиз. В то же время следует иметь в виду, что с процессуальной точки зрения и с постановлением о назначении такой судебной экспертизы, и с ее заключением требуется ознакомить участников уголовного процесса (ст. 206 УПК РФ), а ознакомившись с заключением эксперта, сторона защиты может организовать противодействие расследованию путем опровержения факта использования обвиняемым (подозреваемым) исследуемыми средствами связи.

Спецификой рабочего этапа данного следственного действия является то, что оно может проводиться несколько раз еженедельно (до 27 раз!), поскольку согласно ч. 4 ст. 186.1 УПК РФ получение следователем информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами может быть установлено на срок до шести месяцев. Соответственно, представляется необходимым разработка тактических рекомендаций по частоте и особенностям проведения каждого следственного осмотра в данный период.

Далее необходимо отметить, что в криминалистической тактике в этапы производства следственных действий не всегда включается оценка и использование полученных результатов. Так, особенности оценки результатов следственного действия рассматриваются в тактике следственного эксперимента [32. С. 177–179], а деятельность следователя, дознавателя и суда по оценке и использованию заключения эксперта прямо выделяется в тактике назначения и производства судебной экспертизы [33. С. 144–151]. При этом указывается, что после оценки могут приниматься решения о допросе эксперта либо назначении дополнительной или повторной судебной экспертизы, т.е. появляются дополнительные этапы деятельности следователя, связанной с производством судебной экспертизы. Применительно к рассматриваемому следственному действию оценку и использование в доказывании результатов получения информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами Н.А. Архипова относит к заключительному этапу его проведения, предлагая отдельные криминалистические рекомендации данного этапа [34. С. 5]. Обязательность данного этапа также обусловлена требованиями ч. 6 ст. 186.1 УПК РФ, предусматри-

вающей приобщение к материалам уголовного дела полученных документов на основании постановления следователя в качестве вещественных доказательств.

Учитывая предложения Н.А. Архиповой, можно сформулировать следующие направления дальнейшего совершенствования этапа оценки и использования результатов рассматриваемого следственного действия, а также принимаемых следователем по ее итогам решений, проводя некоторую аналогию с оценкой и использованием заключения эксперта:

1. Оценка информации, полученной от оператора связи с точки зрения ее полноты, т.е. получения сведений по всем типам запросов, сформулированных в судебном решении.

Если оператор связи не представил все запрашиваемые сведения без указания причин (например, отсутствие технической возможности формирования и предоставления данный сведений), то необходимо повторно направлять запрос оператору связи на основании первичного решения суда.

2. Полнота и результативность проведенного следственного осмотра.

Как указано выше, в целях получения максимально возможной интересующей следователя информации в отдельных случаях недостаточно провести следственный осмотр полученных сведений, а требуется назначение судебной информационно-аналитической экспертизы.

3. Достаточность полученных в ходе следственного осмотра сведений для расследования преступления.

С учетом полученных сведений может возникнуть необходимость получения информации об анкетных данных абонентов, с которыми осуществлял соединение первоначальный абонент, или даже о соединениях между новыми абонентами и (или) абонентскими устройствами, например находившимися на месте происшествия или на определенном маршруте. То есть необходимо принятие решения о проведении нового аналогичного следственного действия.

4. Доказывание факта использования конкретным лицом зарегистрированного на него устройства связи.

Следует отметить, что результаты рассматриваемого следственного действия не являются прямым доказательством, поскольку анализу подвергается не непосредственная деятельность конкретного лица, а лишь принадлежащих ему средств связи. Поэтому для привязки этого лица к данному мобильному устройству требуется проведение дополнительных следственных действий: допрос его близких или родственников, а также разговаривавших с ним других абонентов, указанных в детализации; осмотр видеозаписей камер наблюдения, зафиксированных абонентами в зоне его выхода в сеть и т.д.

5. Проверка полученных сведений в сравнении с иными доказательствами, подтверждающими или опровергающими результаты следственного осмотра.

Например, согласно показаниям свидетелей абонент находился в конкретном месте, однако согласно ответу оператора связи находящиеся вблизи базовые станции не принимали сигнал от этого номера. Возможная причина этого – высокая загруженность данных станций, в связи с чем соединения может осу-

ществлять базовая станция, располагающаяся за несколько десятков километров от места нахождения абонента. В данном случае можно рекомендовать проведение следственного осмотра места происшествия с использованием датчика РЭО примерно в то же время суток, что и проверяемое событие, чтобы выявить все базовые станции, которые могут осуществлять соединения, и включить их в новый запрос оператору связи. То есть необходимо проведение дополнительного аналогичного следственного действия.

В отдельных случаях достаточно провести допрос сотрудника организации, предоставляющей услуги связи, который может пояснить технические особенности формирования информации и ее значение. Например, в ходе допроса представитель оператора связи, предоставившего в порядке ст. 186.1 УПК РФ сведения о соединениях абонента (обвиняемого) в зоне действия базовых станций, расположенных в г. Алушта, сообщил, что сигнал от базовой станции идет в виде лепестка примерно на 60 градусов справа и слева от ее азимута; однако существует и обратный лепесток с противоположной стороны от азимута [35].

Кроме того, можно отметить имеющиеся в практике случаи создания заведомо ложного алиби, подтверждаемые геопозиционированием мобильных устройств, принадлежащих подозреваемым или обвиняемым.

Соответственно, необходимо выявить все типичные следственные ситуации, возникающие в ходе оценки информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами, сформулировать типичные версии и предложить рекомендации по планированию расследования.

6. Направления использования полученных сведений в расследовании преступления (в качестве доказательств, разыскной или ориентирующей информации). Действительно, как справедливо отмечает В.А. Азаров, процесс доказывания завершается тогда, когда имеющиеся судебные доказательства систематизированы и «уложены» в обоснование процессуального решения, в том числе итогового, определяющего «судьбу» уголовного дела [36. С. 93].

Таким образом, после проведения оценки могут появляться новые факультативные этапы рассматриваемого процессуального комплекса:

- 1) направление повторного запроса оператору связи;
- 2) получение заключения эксперта по результатам производства информационно-аналитической экспертизы;
- 3) допрос представителя осуществляющей услуги связи организации.

Кроме того, могут приниматься решения о производстве новых следственных действий, в том числе связанных с получением новой информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами.

В заключение сформулируем следующие направления дальнейшего совершенствования тактического обеспечения получения информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами:

- 1) разработка тактических рекомендаций по составлению мотивированной части ходатайств следователя о проведении данного следственного действия;
- 2) определение временного интервала, за который необходимо получить информацию о соединениях либо срок производства данного следственного действия;
- 3) разработка тактики производства дополнительного подготовительного следственного действия – следственного осмотра в целях установления в конкретном месте или по определенному маршруту базовых станций различных типов сети всех операторов связи одновременно;
- 4) формирование типов сведений о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами, имеющих потенциальное криминалистическое значение, которые необходимо отразить в ходатайстве в суд, в том числе с учетом возможностей программного обеспечения операторов связи в рамках системы обработки запросов;
- 5) конкретизация тактики проведения следственного осмотра сведений, полученных от оператора связи;
- 6) разработка тактических рекомендаций по частоте и особенностям проведения каждого следственного осмотра в течение возможных шести месяцев его производства;
- 7) совершенствование этапа оценки и использования результатов рассматриваемого следственного действия;
- 8) разработка тактики взаимодействия следователя со следователем-криминалистом или специалистом на всех этапах рассматриваемого тактического комплекса.

Представляется, что высказанное мнение о комплексном характере получения информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами, выделенные этапы его производства и направления совершенствования тактического обеспечения могут способствовать формированию полноценного тактического комплекса, направленного на получение, анализ и использование данных сведений в расследовании преступлений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белкин Р.С. Курс криминалистики : в 3 т. Т. 1: Общая теория криминалистики. М. : Юристъ, 1997. 408 с.
2. Minor J.B. Forensic Cell Site Analysis: A Validation & Error Mitigation Methodology // Journal of Digital Forensics, Security and Law. 2017. Vol. 12, № 2. Article 7. DOI: 10.15394/jdfs.2017.1474
3. Федеральный закон «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 01.07.2010 № 143-ФЗ // СПС КонсультантПлюс.
4. Стельмах В.Ю. Следственные действия, ограничивающие тайну связи. М. : Юрлитинформ, 2016. 424 с.
5. Безлекин Б.Т. Краткое пособие для следователя и дознавателя. М. : Проспект, 2011 // СПС КонсультантПлюс.
6. Безлекин Б.Т. Уголовный процесс в вопросах и ответах : учеб. пособие. 9-е изд., перераб. и доп. М. : Проспект, 2018 // СПС КонсультантПлюс.
7. Шейфер С.А. Следственные действия – правомерны ли новые трактовки? // Lex russica (Русский закон). 2015. Т. 107, № 10. С. 115–127.

8. Козинкин В.А. Использование в расследовании преступлений информации, обнаруживаемой в средствах сотовых систем подвижной связи. М., 2010. 192 с.
9. Лапин Е.С. Тактика получения информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами. М. : Юрлитинформ, 2014. 192 с.
10. Бегищев И.Р., Хисамова З.И., Никитин С.Г. Организация хакерского сообщества: криминологический и уголовно-правовой аспекты // Всероссийский криминологический журнал. 2020. Т. 14, № 1. С. 96–105. DOI: 10.17150/2500-4255.2020.14(1).96-105
11. Minor J.B. Forensic Cell Site Analysis: Mobile Network Operator Evidence Integrity Maintenance Research // Journal of Digital Forensics, Security and Law. 2019. Vol. 14, № 2. Article 5. URL: <https://commons.erau.edu/jdfs/1/vol14/iss2/5> (дата обращения: 08.02.2020).
12. Князьков А.С. Признаки и система следственных действий // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 352. С. 129–133.
13. Дерюгин Р.А. Криминалистические и процессуальные вопросы производства следственного действия, предусмотренного статьей 186.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации // Вопросы безопасности. 2016. № 5. С. 43–48. DOI: 10.7256/2409-7543.2016.5.20396
14. Архипова Н.А. Организационно-тактические аспекты раскрытия и расследования преступлений в ситуациях использования средств мобильной связи : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2011. 25 с.
15. Муленков Д.В., Соколов А.Б., Лазаренко О.Н. Организационно-тактические особенности в деятельности следователя по получению информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами // Вестник экономической безопасности. 2016. № 1. С. 173–176.
16. Варданян А.А., Цыкора А.А. Правовая природа и тактико-криминалистические особенности производства следственных действий, связанных с получением и анализом информации о телекоммуникационных соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами // Известия Тульского государственного университета. 2013. № 4-2. С. 21–26.
17. Архипова Н.А., Шебалин А.В. К вопросу об этапах получения информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами // Юридическая мысль. 2019. № 1 (111). С. 126–130.
18. Агафонов В.В., Базолин С.А., Васютов В.Ф. Особенности формирования доказательств с использованием информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами: криминалистические и процессуальные аспекты. М. : Юрлитинформ, 2015. 176 с.
19. Антонов О.Ю. Тактика получения и использования криминалистически значимой информации от операторов связи // Российский следователь. 2020. № 4. С. 3–7. DOI: 10.18572/1812-3783-2020-4-3-7
20. Цыкора А.А. Тактико-криминалистические особенности производства следственных действий, связанных с получением и исследованием информации, передаваемой по техническим каналам связи : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2013. 28 с.
21. Скобелин С.Ю. Использование цифровых технологий при доказывании преступной деятельности // Российский следователь. 2019. № 3. С. 26–28.
22. Гудкова М.А. Актуальные вопросы информационно-аналитических исследований // Расследование преступлений. Проблемы и пути их решения. 2018. № 3. С. 155–160.
23. ООО «Основа Лаб». URL: <https://osnovalab.ru/solutions/soz/> (дата обращения: 29.01.2020).
24. Чирков П.С. О практике оценки радиоэлектронной обстановки на месте происшествия, получения и анализа информации об абонентах, абонентских устройствах и их соединениях // Криминалистика – прошлое, настоящее, будущее: достижение и перспективы развития : материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 17 октября 2019 года) / под общ. ред. А.М. Багмета. М. : Московская академия Следственного комитета Российской Федерации, 2019. С. 636–639.
25. Инструкция пользователя. Сервис обработки запросов. Проект «СОЗ» / ООО «Основа Лаб», ПАО «МегаФон» // По материалам отдела криминалистики следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Архангельской области и Ямало-Ненецкому АО.
26. Дерюгин Р.А., Жижилева А.А. О некоторых проблемах производства получения информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами // Криминалистика – прошлое, настоящее, будущее: достижение и перспективы развития : материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 17 октября 2019 года) / под общ. ред. А.М. Багмета. М. : Моск. академия Следственного комитета Российской Федерации, 2019. С. 219–223.
27. Abba E., Aibinu A.M., Alhassan J.K. Development of multiple mobile networks call detailed records and its forensic analysis // Digital Communications and Networks. Vol. 5, is. 4. P. 256–265. URL: <https://doi.org/10.1016/j.dcan.2019.10.005> (дата обращения: 08.02.2020).
28. Россинская Е.Р. К вопросу о частной теории информационно-компьютерного обеспечения криминалистической деятельности // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2016. № 3-2. С. 109–117.
29. Гаврилин Ю.В. Технологии обработки больших объемов данных в решении задач криминалистического обеспечения правоохранительной деятельности // Российский следователь. 2019. № 7. С. 3–8.
30. Mane D., Shibe K. Big Data Forensic Analytics // Balas V., Sharma N., Chakrabarti A. (eds) Data Management, Analytics and Innovation. Advances in Intelligent Systems and Computing. Singapore : Springer, 2019. Vol. 839. DOI: 10.1007/978-981-13-1274-8_9
31. Sachdev H., Wimmer H., Chen L., Rebmam C. A New Framework for Securing, Extracting and Analyzing Big Forensic Data // Journal of Digital Forensics, Security and Law. 2018. Vol. 13, № 2. Article 6. DOI: 10.15394/jdfs.2018.1419
32. Криминалистика : учебник : в 3 ч. Ч. 2. М. : Проспект, 2020. 240 с.
33. Россинская Е.Р. Избранное. М. : Норма, 2019. 680 с.
34. Архипова Н.А. Оценка и использование в доказывании результатов получения информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами // Сборник материалов криминалистических чтений. 2018. № 15. С. 5–6.
35. Уголовное дело № 2016617152 // По материалам следственного отдела по городу Алушта Главного следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Республике Крым и г. Севастополю.
36. Азаров В.А. Отзыв официального оппонента на диссертацию Р.Я. Мамедова «Способы собирания вещественных доказательств в российском уголовном процессе» // Научный вестник Омской академии МВД России. 2017. № 4 (67). С. 89–93.

Статья представлена научной редакцией «Право» 26 мая 2020 г.

Acquiring Information on Connections Between Subscribers and/or Subscriber Devices in Russia: Essence, Stages and Ways to Improve Tactical Support

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 459, 221–229.

DOI: 10.17223/15617793/459/27

Oleg Yu. Antonov, Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation). E-mail: antonov@udm.ru

Keywords: information on connections between subscribers and/or subscriber devices; investigative action; forensic tactics; tactical complex.

After the introduction Article 186.1 into the Criminal Procedure Code of the Russian Federation in 2010, there was a discussion about the essence of acquiring information on connections between subscribers and/or subscriber devices in the Russian criminal

procedural and criminalistic literature. Based on the opinions of A.S. Knyazkov, S.A. Sheyfer, V.Yu. Stelmakh, R.A. Deryugin, and N.A. Arkhipova, the author formulates the conclusion that the acquisition of this information consists of provisional processual and organizational procedures for obtaining information and the investigative examination of the obtained information, i.e., it has a complex character. The author proposes to divide the preparatory stage of information acquisition into steps: processual (the investigator's request is prepared and submitted to the court), organizational (the investigator sends the court decision to the organization performing services of communication), and organizational technical (the communication operator collects and provides information). In some investigative situations, it is necessary to carry out an additional preparatory investigative action, investigative examination, in order to establish base stations of all communication operators' various network types simultaneously in a particular place or on a particular route. The existing practice of interaction between the Investigative Committee of the Russian Federation and telecommunication operators within the framework of the query processing system (in particular, with MegaFon, PJSC) actually combines organizational and organizational technical steps of the preparatory stage. On the basis of a study of the practice of the investigative bodies of the Investigative Committee of the Russian Federation, it is proposed that the working stage of the investigative action under consideration should be conducted within the framework of an investigative examination, including with the involvement of a specialist in the field of computer technology and the use of hardware and software systems, or of a forensic investigator on behalf of the investigator. Developing N.A. Arkhipova's opinion, the criteria for assessing the results of the considered investigative action are formulated. The assessment can result in new optional stages of information acquisition: sending a repeated request to the communication operator; obtaining an expert opinion on the results of the information and analytical examination; interrogating a representative of the organization providing communication services. Moreover, decisions on conducting new investigative actions, including those connected with the acquisition of new information on connections between subscribers and/or subscriber devices, can be made.

REFERENCES

1. Belkin, R.S. (1997) *Kurs kriminalistiki: v 3 t.* [A course in forensic science: In 3 volumes]. Vol. 1. Moscow: Yurist".
2. Minor, J.B. (2017) Forensic Cell Site Analysis: A Validation & Error Mitigation Methodology. *Journal of Digital Forensics, Security and Law*. 12 (2). Article 7. DOI: 10.15394/jdfs1 1474
3. Consultant Plus. (2010) *Federal'nyy zakon "O vnesenii izmeneniy v Ugolovno-protsessual'nyy kodeks Rossiiyskoy Federatsii" ot 01.07.2010 № 143-FZ* [Federal Law "On Amendments to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation" of 01 July 2010 No. 143-FZ]. Moscow: Consultant Plus.
4. Stel'makh, V.Yu. (2016) *Sledstvennye deystviya, ogranicivayushchie taynu syvazi* [Investigative actions limiting the secrecy of communication]. Moscow: Yurlitinform.
5. Bezlepkhin, B.T. (2011) *Kratkoe posobie dlya sledovatelya i doznavatelya* [A short guide for the investigator and interrogator]. Moscow: Prospekt.
6. Bezlepkhin, B.T. (2018) *Ugolovnyy protsess v voprosakh i otvetakh: ucheb. posobie* [Criminal procedure in questions and answers: A textbook]. 9th ed. Moscow: Prospekt.
7. Sheyfer, S.A. (2015) Nvestigative action – the legitimacy of new interpretation? *Lex Russica*. 107 (10). pp. 115–127. (In Russian).
8. Kozinkin, V.A. (2010) *Ispol'zovanie v rassledovanii prestupleniy informatsii, obnaruzhivaemoy v sredstvakh sotovykh sistem podvizhnoy syvazi* [Use of information found in the means of cellular mobile communication systems in the investigation of crimes]. Moscow: Yurlitinform.
9. Lapin, E.S. (2014) *Taktika polucheniya informatsii o soedineniyakh mezhdu abonentami i (ili) abonentskimi ustroystvami* [Tactic for obtaining information about connections between subscribers and (or) subscriber devices]. Moscow: Yurlitinform.
10. Begishev, I.R., Khisamova, Z.I. & Nikitin, S.G. (2020) The organization of hacking community: Criminological and criminal law aspects. *Vsesrossiyskiy kriminologicheskiy zhurnal – Russian Journal of Criminology*. 14 (1). pp. 96–105. (In Russian). DOI: 10.17150/2500-4255.2020.14(1).96-105
11. Minor, J.B. (2019) Forensic Cell Site Analysis: Mobile Network Operator Evidence Integrity Maintenance Research. *Journal of Digital Forensics, Security and Law*. 14 (2). Article 5. [Online] Available from: <https://commons.erau.edu/jdfs1/vol14/iss2/5> (Accessed: 08.02.2020).
12. Knyaz'kov, A.S. (2011) Features and system of investigative actions. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 352. pp. 129–133. (In Russian).
13. Deryugin, R.A. (2016) Criminalistic and procedural issues of investigating activities, specified in the article 186.1 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. *Voprosy bezopasnosti – Security Issues*. 5. pp. 43–48. (In Russian). DOI: 10.7256/2409-7543.2016.5.20396
14. Arkhipova, N.A. (2011) *Organizatsionno-takticheskie aspekty raskrytiya i rassledovaniya prestupleniy v situatsiyakh ispol'zovaniya sredstv mobil'noy syvazi* [Organizational and tactical aspects of disclosing and investigating crimes in situations of using mobile communications]. Abstract of Law Cand. Diss. St. Petersburg.
15. Mulenkov, D.V., Sokolov, A.B. & Lazarenko, O.N. (2016) Organizational and tactical features of investigation aimed to acquiring data on subscribers and (or) subscriber units connections. *Vestnik ekonomicheskoy bezopasnosti*. 1. pp. 173–176. (In Russian).
16. Vardanyan, A.A. & Tsykora, A.A. (2013) Legal nature and basic features production forensic investigation regarding the receipt and analysis of information and telecommunication connection between the subscriber and (or) the subscriber device. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta – Izvestiya Tula State University*. 4-2. pp. 21–26. (In Russian).
17. Arkhipova, N.A. & Shebalin, A.V. (2019) To the question about the stages of obtaining information about connections between subscribers and (or) subscriber devices. *Yuridicheskaya mys'*. 1 (111). pp. 126–130. (In Russian).
18. Agafonov, V.V., Vazyulin, S.A. & Vasyukov, V.F. (2015) *Osnovnosti formirovaniya dokazatel'stv s ispol'zovaniem informatsii o soedineniyakh mezhdu abonentami i (ili) abonentskimi ustroystvami: kriminalisticheskie i protsessual'nye aspekty* [Features of the formation of evidence using information about connections between subscribers and (or) subscriber devices: Forensic and procedural aspects]. Moscow: Yurlitinform.
19. Antonov, O.Yu. (2020) The tactics of receipt and use of criminally important information from communications service providers. *Rossiyskiy sledovatel' – Russian Investigator*. 4. pp. 3–7. (In Russian). DOI: 10.18572/1812-3783-2020-4-3-7
20. Tsykora, A.A. (2013) *Taktiko-kriminalisticheskie osobennosti proizvodstva sledstvennykh deystviy, syvazannykh s polucheniem informatsii, peredavaemoy po tekhnicheskim kanalam syvazi* [Tactical and forensic features of the production of investigative actions related to the receipt and investigation of information transmitted through technical communication channels]. Abstract of Law Cand. Diss. Rostov-on-Don.
21. Skobelin, S.Yu. (2019) Use of digital technologies in proving of criminal activities. *Rossiyskiy sledovatel' – Russian Investigator*. 3. pp. 26–28. (In Russian).
22. Gudkova, M.A. (2018) Aktual'nye voprosy informatsionno-analiticheskikh issledovanii [Topical issues of information and analytical studies]. *Rassledovanie prestupleniy. Problemy i puti ikh resheniya – Criminal Investigation: Problems and Ways of Their Solution*. 3. pp. 155–160.
23. Osnova Lab. (2020) *Obrabotka zaprosov* [Request processing]. [Online] Available from. <https://osnovalab.ru/solutions/soz/> (Accessed: 29.01.2020).
24. Chirkov, P.S. (2019) [On the practice of assessing the radio-electronic situation at the scene of the incident, obtaining and analyzing information about subscribers, subscriber devices and their connections]. *Kriminalistika – proshloe, nastoyashchее, budushchее: dostizhenie i perspektivy*

- razvitiya* [Criminalistics – past, present, future: Achievement and development prospects]. Proceedings of the International Conference. Moscow 17 October 2019. Moscow: Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation. pp. 636–639. (In Russian).
25. Osnova Lab & MegaFon. (n.d.) *Instruktsiya pol'zovatelya. Servis obrabotki zaprosov. Proekt "SOZ"* [User manual. Request processing service. Project SOZ]. Based on the materials of the Criminalistics Department of the Investigative Department of the Investigative Committee of the Russian Federation for Arkhangelsk Oblast and Yamalo-Nenets Autonomous Okrug.
 26. Deryugin, R.A. & Zhizhileva, A.A. (2019) [Some problems of obtaining information on connection between subscribers and (or) subscriber devices]. *Kriminalistika – proshloe, nastoyashchee, budushchee: dostizhenie i perspektivi razvitiya* [Criminalistics – past, present, future: Achievement and development prospects]. Proceedings of the International Conference. Moscow 17 October 2019. Moscow: Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation. pp. 219–223. (In Russian).
 27. Abba, E., Aibinu, A.M. & Alhassan, J.K. (2019) Development of multiple mobile networks call detailed records and its forensic analysis. *Digital Communications and Networks*. 5 (4). pp. 256–265. DOI: 10.1016/j.dcan.2019.10.005
 28. Rossinskaya, E.R. (2016) The issue of private theory of information and computer software criminalistics operations. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomicheskie i yuridicheskie nauki – Izvestiya Tula State University. Economic and Legal Sciences*. 3-2. pp. 109–117. (In Russian).
 29. Gavrilin, Yu.V. (2019) Technologies for processing big data in solution of tasks of criminalistic support of the law-enforcement activity. *Rossiyskiy sledovatel' – Russian Investigator*. 7. pp. 3–8. (In Russian).
 30. Mane, D. & Shibe, K. (2019) Big Data Forensic Analytics. In: Balas V., Sharma N., Chakrabarti A. (eds) *Data Management, Analytics and Innovation. Advances in Intelligent Systems and Computing*. Vol. 839. Singapore: Springer. DOI: 10.1007/978-981-13-1274-8_9
 31. Sachdev, H., Wimmer, H., Chen, L. & Rebman, C. (2018) A New Framework for Securing, Extracting and Analyzing Big Forensic Data. *Journal of Digital Forensics, Security and Law*. 13 (2). Article 6. DOI: 10.15394/jdfs.2018.1419
 32. Bagmet, A.M., Bychkov, V.V. & Antonov, O.Yu. (eds) (2020) *Kriminalistika: uchebnik: v 3 ch.* [Forensic science: A textbook: In 3 vols]. Vol. 2. Moscow: Prospekt.
 33. Rossinskaya, E.R. (2019) *Izbrannoe* [Selected works]. Moscow: Norma.
 34. Arkhipova, N.A. (2018) Otseňka i ispol'zovanie v dokazyvanii rezul'tatov polucheniya informatsii o soedineniyakh mezhdu abonentami i (ili) abonentskimi ustroystvami [Assessment of the results of obtaining information about connections between subscribers and (or) subscriber devices, and their use in proving]. *Sbornik materialov kriminalisticheskikh chteniy*. 15. pp. 5–6.
 35. Investigation Department for Alushta of the Main Investigation Department of the Investigative Committee of the Russian Federation for the Republic of Crimea and Sevastopol. (n.d.) *Ugolovnoe delo № 2016617152* [Criminal case No. 2016617152].
 36. Azarov, V.A. (2017) Official Opponent's Review of R.Ya. Mamedov's Dissertation “Methods of Collecting Evidence in the Russian Criminal Procedure”. *Nauchnyy vestnik Omskoy akademii MVD Rossii – Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the MIA of Russia*. 4 (67). pp. 89–93. (In Russian).

Received: 26 May 2020

ПОНЯТИЕ ЭКОЛОГО-ПРАВОВОГО МЕХАНИЗМА И ЕГО ЭЛЕМЕНТЫ

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ № 18-011-00612.

В результате исследования была выделена эколого-значимая цель, для достижения которой функционирует эколого-правовой механизм. Сделан вывод, что для обеспечения экологического правопорядка важен не только централизованный уровень правового регулирования, но и децентрализованный (характеризуемый принятием актов саморегулирования, локальных актов, подписанием гражданско-правовых договоров и пр.). Названы элементы эколого-правового механизма как с позиции их правовой формы, так и содержания. Дано общая характеристика этих элементов.

Ключевые слова: экологический правопорядок; эколого-правовой механизм; принципы экологического права; эколого-правовая норма; элементы эколого-правового механизма.

Вопросам, проблемам правового механизма посвящено много научных исследований, поэтому и разработка эколого-правового механизма базируется на богатом наследии, прежде всего, представителей теории права (Л.С. Явича, Н.Г. Александрова, В.М. Горшнева, С.С. Алексеева и др.). Эколого-правовой механизм был предметом специальных исследований М.М. Бринчук, О.Л. Дубовик, И.А. Иконицкой, О.С. Колбасова. «Эколого-правовой механизм, – справедливо отмечает М.М. Бринчук, – образует сердцевину правового регулирования общественных отношений по поводу природы» [1. С. 12].

Как известно, правовое регулирование общественных отношений направлено на юридическое упорядочение, стабилизацию, содействие их развитию и осуществляется с помощью правовых средств. Взятую в единстве совокупность юридических (правовых) средств, при помощи которых обеспечивается правовое воздействие на общественные отношения, С.С. Алексеев определил как механизм правового регулирования [2. С. 30].

Поскольку механизм характеризуется движением, то и, говоря об эколого-правовом механизме, необходимо выделять **эколого-значимую цель** его функционирования, для достижения которой все элементы системы должны быть работающими.

Как известно, право устанавливает границы правомерного и определяет критерии противоправного. Цель правового механизма – полезный эффект – устойчивый и определенный порядок взаимоотношений субъектов. Состояние упорядоченности, урегулированности общественных отношений нормами права охватывается термином «правопорядок» [3. С. 307]. Также правопорядок определяется как такое состояние, при котором обеспечивается реальное осуществление субъективных прав и исполнение обязанностей всеми участниками правоотношений [4. С. 217]. «Правопорядок может считаться достигнутым, когда поведение участников конкретных общественных отношений правомерно, противоправное же поведение пресечено, а в отношении виновных лиц реализована юридическая ответственность» [5. С. 66]. Сказанное справедливо и для экологического правопорядка, который непосредственно связан с экологическими правоотношениями, в том числе с экологическими правами и обязанностями.

Международный союз охраны природы (МСОП) констатировал ведущую роль судей и судов в достижении экологического правопорядка путем эффективного применения законов, справедливого и независимого принятия судебных решений [6]. Конечно, экологический правопорядок достигается в результате слаженного функционирования всех элементов и правового, и организационного механизма, в том числе работы судов.

Обязательным структурным элементом эколого-правового механизма являются утвержденные принципы охраны окружающей среды. В РФ эти принципы закреплены в ст. 3 ФЗ от 10.01.2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды». Среди них необходимо особо отметить:

- презумпцию экологической опасности планируемой хозяйственной и иной деятельности;
- обязательность оценки воздействия на окружающую среду при принятии решений об осуществлении хозяйственной и иной деятельности;
- обязательность проведения в соответствии с законодательством РФ проверки проектов и иной документации, обосновывающих хозяйственную и иную деятельность, которая может оказать негативное воздействие на окружающую среду, создать угрозу жизни, здоровью и имуществу граждан, на соответствие требованиям технических регламентов в области охраны окружающей среды;

- обеспечение снижения негативного воздействия хозяйственной и иной деятельности на окружающую среду в соответствии с нормативами в области охраны окружающей среды, которого можно достигнуть на основе использования наилучших доступных технологий с учетом экономических и социальных факторов;

- обеспечение сочетания общего и индивидуального подходов к установлению мер государственного регулирования в области охраны окружающей среды, применяемых к юридическим лицам и индивидуальным предпринимателям, осуществляющим хозяйственную и (или) иную деятельность или планирующим осуществление такой деятельности;

- запрещение хозяйственной и иной деятельности, последствия воздействия которой непредсказуемы для окружающей среды, а также реализации проектов, которые могут привести к деградации естественных экологических систем, изменению и (или) уничтоже-

нию генетического фонда растений, животных и других организмов, источнику природных ресурсов и иным негативным изменениям окружающей среды;

– обязательность финансирования юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями, осуществляющими хозяйственную и (или) иную деятельность, которая приводит или может привести к загрязнению окружающей среды, мер по предотвращению и (или) уменьшению негативного воздействия на окружающую среду, устраниению последствий этого воздействия.

Принципы права – его фундамент, основа. Это определенные стержневые идеи, которые находят реализацию в конкретных правовых положениях. Они обеспечивают сбалансированность и действие разнообразных положений права. Более того, как наиболее стабильные правовые явления они обеспечивают и неизменяемость норм в «угоду» кратковременным желаниям законодателя, а также неизменность (относительную) правопонимания и правоприменения. В основе любых принимаемых принципов права должна быть реальная социально-экономическая обстановка страны. Знание принципов позволяет понять правовую материю, применять на практике отдельные юридические нормы.

Именно названные эколого-правовые принципы в большей степени должны учитываться при определении направлений инновационного развития России, которое подразумевает движение, а иногда и экономический рывок страны в определенной сфере. По сути, все названные принципы обусловлены перманентной целью охраны окружающей среды, которую О.С. Колбасов определял как «установление постоянной гармонии между прогрессивным развитием человека и благоприятным состоянием природы» [7. С. 44].

С учетом того что эколого-правовой механизм имеет стабильную цель, складывается по поводу базовых и конституционно и жизненно важных объектов – природных ресурсов, окружающей среды и ее элементов, вряд ли можно говорить о значительной динамичности этого механизма и о необходимости кардинальных частых изменений, как, например, мы видим в отдельных гражданско-правовых сферах (недвижимость, информационные права). Там, где отношения быстро развиваются, опосредующий их механизм и должен быть достаточно гибким. Напротив, рассматриваемый механизм характеризуется тем, что государство определяет цель правового регулирования, формулирует принципы правового регулирования, на базе которых и обеспечивает неизменяемость (относительную) составляющих его элементов, применение которых (как и, пожалуй, любых элементов публично-значимой отрасли законодательства) требуется стимулировать. Для такой стабильности элементы эколого-правового механизма должны быть глубоко проработаны научным и правоприменительным сообществом. Только при этих условиях эколого-правовой механизм может стать эффективным.

Итак, *еколого-правовой механизм* – интегративное, системное юридическое явление, базирующееся на единых принципах охраны окружающей среды, существующее и функционирующее для обеспечения эко-

логического правопорядка и включающее взаимосвязанные и взаимообусловленные элементы. Единство функциональных связей между элементами механизма, наличие которых определяет существование как определенного целостного организма (статика), его динамику, в том числе во взаимодействии с иными механизмами правового регулирования, и характеризует структуру эколого-правового механизма.

Элементы эколого-правового механизма можно классифицировать с позиции правовой формы: правовая норма, юридический факт, правоотношение, акт реализации, а также с позиции их содержания, обусловленного целевыми установками в обществе и государстве: рациональное использование природных ресурсов, охрана окружающей среды и ее компонентов в интересах настоящего и будущих поколений, на определенные инструменты (инструментальные элементы).

Такой элемент эколого-правового механизма, как юридическая норма, содержится в международных и национальных нормативных правовых актах как собственно источниках экологического законодательства, так и законодательства иной отраслевой принадлежности. Соответственно, можно говорить об экологических и экологизированных правовых нормах.

Здесь стоит еще раз подчеркнуть, что именно разработка и закрепление в федеральном законодательстве принципов, их согласование между собой и дальнейшая реализация в соответствующих нормативных правовых актах позволяют обеспечить функционирование бесперебойного механизма. Необходимость формирования на федеральном уровне взаимосвязанных принципов законодательства обусловлена не только множественностью (в том числе с позиции отраслевой принадлежности) нормативных актов в экологической сфере, но и совместным ведением Российской Федерации и субъектов Российской Федерации по вопросам природопользования; охраны окружающей среды и обеспечения экологической безопасности; особо охраняемых природных территорий; охраны памятников истории и культуры (п. «д» ст. 72 Конституции РФ). Не стоит забывать и то, что на уровне муниципальных образований также происходит правотворчество в части, например, правового регулирования застройки земель. Указание на право органов местного самоуправления регулировать соответствующие отношения содержится в ЗК РФ, ВК РФ, ЛК РФ, Законе РФ «О недрах», ГрК РФ. Кроме того, в ФЗ от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» закреплены вопросы местного значения, для решения которых поселения, муниципальные районы и городские округа обязаны принимать уставы, муниципальные правовые акты. В такой ситуации принципы права выступают стержнем эколого-правового механизма

Правовые нормы как элемент эколого-правового механизма создают условия для реализации как регулятивной, так и охранительной функции права. С учетом многообразия экологических отношений, сложности государственного устройства Российской Федерации эколого-правовой механизм функционирует

как на централизованном, так и децентрализованном уровнях. Особенno это очевидно при анализе правовых норм как первичных элементов данного механизма. Роль децентрализованного регулирования незаслуженно принижается и недооценивается. Экология – «сфера тонкой настройки», и чем ближе правовое регулирование к субъекту, воздействующему на окружающую среду, тем эколого-правовой механизм может быть эффективнее. Значительный потенциал в этой сфере есть у стандартов саморегулируемых организаций, правил саморегулирования, локальных актов организаций. Например, согласно ст. 41 Трудового кодекса РФ в коллективный договор могут включаться взаимные обязательства работников и работодателя по вопросам экологической безопасности. Нормы трудового права, в том числе предусматривающие меры стимулирования и взыскания, способны обеспечивать как рациональное использование природных ресурсов и охрану окружающей среды в процессе хозяйственной и иной деятельности и применения наемного труда, так и выпуск экологически безопасной продукции. Даже гражданско-правовой договор как определенный источник индивидуальных предписаний, устанавливающий права и обязанности конкретных субъектов, через закрепление в нем повышенных (по сравнению с общегосударственными) экологических требований к конкретной деятельности или ее результату будет способствовать достижению экологического правопорядка.

Наличие эколого-правового механизма в любом государстве обусловлено необходимостью «интернализации экстернальных издержек», т.е. «обществу требуется превратить внешние издержки во внутренние и заставить предпринимателя оплатить ущербы окружающей среды, связанные с его деятельностью» [8. С. 29]. Следует согласиться с Е.Н. Абаниной в том, что негативное экологическое воздействие на окружающую среду в процессе осуществления хозяйственной деятельности посредством выбросов, сбросов, образования отходов оказывают как крупные, так и средние и малые предприятия. При этом индивидуальное экологическое воздействие малых и средних предприятий может быть незначительным, но так как они составляют большинство предприятий, их совокупное воздействие на окружающую природную среду становится ощутимым, при этом мало кто из них применяет инструменты экологизации производства и осознает выгоды экологически чистого производства [9. С. 74].

Конечно, в России в последние годы были сделаны определенные «шаги» в сторону стимулирования охраны окружающей среды субъектами хозяйственной и иной деятельности (например, произведена дифференциация регулирования отношений по поводу объектов, оказывающих негативное воздействие на окружающую среду). В то же время предлагаемых мер экономического стимулирования во всех сферах экономики явно недостаточно, о чем уже неоднократно указывалось в юридической литературе [10, 11]. Более того, показателем эффективности деятельности

государственных экологических надзорных органов должен быть не рост собираемости платежей за загрязнение окружающей среды (как сейчас), а рост доли частных инвестиций природоохранного назначения в общей сумме частных затрат, связанных с загрязнением (инвестиции плюс обязательные платежи) [12].

Современный эколого-правовой механизм России содержит целый комплекс специфических *инструментальных элементов*. Среди последних:

- экологическое нормирование (нормативы допустимых выбросов, временно разрешенных выбросов);
- экологические стандарты качества окружающей среды, элементов окружающей среды, продукции, производственных процессов;
- лимитирование и лицензирование;
- разрешение на выбросы вредных (загрязняющих) веществ, комплексное разрешение;
- экологическая и иные экспертизы, осуществляющие оценку соответствия объекта требованиям в области охраны окружающей среды (экологическим требованиям);
- плата за негативное воздействие, ликвидация накопленного ущерба;
- экологическая сертификация;
- меры государственной поддержки деятельности по внедрению наилучших доступных технологий и иных мероприятий по снижению негативного воздействия на окружающую среду;
- экологическое страхование;
- экологический аудит.

Несмотря на многообразие экологических инструментов, определенных в российском законодательстве, не все из них являются реально действующими (экологическое страхование, экологический аудит), некоторые утрачивают свое былое значение (лимитирование, лицензирование), заложенный в других потенциал (меры господдержки) не используется в полную силу.

Как представляется, интерес для государства представляет комплексное использование существующих в эколого-правовом механизме инструментальных элементов. Примером такого использования является относительно недавно введенная в правовое поле конструкция «наилучших доступных технологий» (НДТ). В настоящее время установлен правовой режим НДТ. Это набор отдельных инструментальных элементов эколого-правового механизма (например, нормирование, экспертиза, меры господдержки), объединенных под решение конкретной задачи – технологической модернизации с целью комплексного предотвращения и (или) минимизации негативного воздействия на окружающую среду путем внедрения технологических процессов, оборудования, технических способов, методов в производство. Для дальнейшего развития эколого-правового механизма это направление (комплексное использование инструментальных элементов, причем содержащее как «инструменты кнута, так и пряника») является перспективным.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бринчук М.М. Эколого-правовой механизм: понятие и сущность // Экологическое право. 2013. № 3. С. 12–19.
2. Алексеев С.С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. М. : Юрид. лит., 1966. 187 с.
3. Теория государства и права / под ред. С.С. Алексеева. М. : Юрид. лит., 1985. 479 с.
4. Общая теория государства и права: академический курс : в 3 т. / отв. ред. М.Н. Марченко. М. : Норма, 2010. Т. 1. 556 с.
5. Общее учение о правовом порядке: восхождение правопорядка: монография. Т. 1 / Н.Н. Черногор, Д.А. Пашенцев, М.В. Залоило и др.; отв. ред. Н.Н. Черный. М. : ИЗиСП при Правительстве РФ, Инфра-М, 2019. 348 с.
6. Всемирная декларация МСОП об экологическом правопорядке, принятая на Всемирном конгрессе по экологическому праву. Рио де Жанейро. 29.04.2016.
7. Колбасов О.С. Избранное. М. : РГУП, 2017. 620 с.
8. Наталуха И.А. Моделирование экономических инструментов стимулирования инвестиций в экологические инновации (модель разработки экологических инноваций) // Экономический анализ: теория и практика. 2006. № 24 (81). С. 29–32.
9. Актуальные проблемы теории экологического права / под общ. ред. А.П. Анисимова. М. : Юрлитинформ, 2019. 520 с.
10. Петрова Т.В. Финансирование в сфере охраны окружающей среды: новые и традиционные подходы // Экологическое право. 2010. № 6. С. 28–33.
11. Хлуденева Н.И. Правовое обеспечение экономического стимулирования в области охраны окружающей среды // Журнал российского права. 2013. № 2. С. 5–13.
12. Сироткина Т.А., Пепеляев С.Г. Опыт России и ОЭСР в стимулировании экологичного бизнеса // Закон. 2017. № 5. С. 57–66.

Статья представлена научной редакцией «Право» 19 июля 2020 г.

The Environmental Law Mechanism: Concept and Elements

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 459, 230–234.

DOI: 10.17223/15617793/459/28

Elena S. Boltanova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation); Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics (Tomsk, Russian Federation). E-mail: bes2@sibmail.com

Keywords: environmental rule of law; environmental law mechanism; principles of environmental law; environmental law norm; elements of environmental law mechanism.

The study is supported by the Russian Foundation for Basic Research, Project No. 18-011-00612.

A lot of works on the theory of law examine the mechanism of law, but the environmental law mechanism has not been an object of a separate study. The aim of this study was to define the concept of the environmental law mechanism and identify its elements. The research materials were international acts, acts of environmental legislation of Russia, judicial precedents, scientific literature. To reach the aim, both general and specific methods of scientific knowledge were used: analysis and synthesis, deduction and induction, abstraction, and the formal legal method. As a result of the research, the environmentally significant goal of the environmental law mechanism was identified. This goal is the environmental rule of law. Environmental rule of law is directly related to environmental legal relations: it is a certain order in which the corresponding rights and legal obligations are actually exercised, and illegal behavior is suppressed. The environmental law mechanism is an integrative systemic legal phenomenon. It is based on single principles of environmental protection, exists and functions to ensure environmental rule of law. The article shows the role of the principles of law for the environmental law mechanism. It is proved that principles as the most stable legal structures make it possible to form a stable legal basis essential for the environmental law mechanism. Specific principles are named in the Federal Law “On Environmental Protection”; they directly determine the innovative development of Russia. Any environmental law mechanism consists of a set of certain interrelated and mutually dependent elements. For their productive analysis and understanding of the role of each in the mechanism of legal regulation, a classification of elements is proposed. In terms of the legal form, the legal norm, legal fact, legal relationship, and act of implementation are distinguished. These elements are quite traditional for legal science. Particular attention is paid to the fact that, taking into account the diversity of environmental relations and the complexity of the state structure of the Russian Federation, the environmental law mechanism operates at centralized and decentralized levels. The article also describes specific instrumental elements in terms of the content of the elements of the environmental law mechanism. They are unevenly significant in the mechanism of environmental law regulation, and their integrated use is required.

REFERENCES

1. Brinchuk, M.M. (2013) Eco-legal mechanism: The concept and essence. *Ekologicheskoe pravo – Environmental Law*. 3. pp. 12–19. (In Russian).
2. Alekseev, S.S. (1966) *Mekhanizm pravovogo regulirovaniya v sotsialisticheskem gosudarstve* [The mechanism of legal regulation in a socialist state]. Moscow: Yurid. lit.
3. Alekseev, S.S. (ed.) (1985) *Teoriya gosudarstva i prava* [Theory of state and law]. Moscow: Yurid. lit.
4. Marchenko, M.N. (ed.) (2010) *Obshchaya teoriya gosudarstva i prava: akademicheskiy kurs: v 3 t.* [General theory of state and law: Academic course: In 3 volumes]. Vol. 1. Moscow: Norma.
5. Chernyi, N.N. et al. (eds) (2019) *Obshchee uchenie o pravovom poryadke: vospozhdenie pravoporyadka* [General doctrine of the legal order: The ascent of law and order]. Vol. 1. Moscow: IZiSP pri Pravitel'stve RF; Infra-M.
6. WCEL. (2016) *Vsemirnaya deklaratsiya MSOP ob ekologicheskem pravoporyadke, prinyataya na Vsemirnom kongresse po ekologicheskemu pravu* [IUCN World Declaration on the Environmental Rule of Law adopted at the World Congress on Environmental Law]. Rio de Janeiro: WCEL.
7. Kolbasov, O.S. (2017) *Izbrannoe* [Selected works]. Moscow: Russian State University of Justice.
8. Natalukha, I.A. (2006) Modelirovanie ekonomicheskikh instrumentov stimulirovaniya investitsiy v ekologicheskie innovatsii (model' razrabotki ekologicheskikh innovatsii) [Modeling economic instruments for stimulating investment in environmental innovations (A model for the development of environmental innovations)]. *Ekonomichestsiy analiz: teoriya i praktika*. 24 (81). pp. 29–32.
9. Anisimov, A.P. (ed.) (2019) *Aktual'nye problemy teorii ekologicheskogo prava* [Topical issues of the theory of environmental law]. Moscow: Yurlitinform.
10. Petrova, T.V. (2010) Finansirovaniye v sfere okhrany okrughayushchey sredy: novye i traditsionnye podkhody [Financing in the field of environmental protection: New and traditional approaches]. *Ekologicheskoe pravo – Environmental Law*. 6. pp. 28–33.

11. Khludeneva, N.I. (2013) Pravovoe obespechenie ekonomiceskogo stimulirovaniya v oblasti okhrany okruzhayushchey sredy [Legal support of economic incentives in the field of environmental protection]. *Zhurnal rossiyskogo prava – Journal of Russian Law*. 2. pp. 5–13.
12. Sirotkina, T.A. & Pepelyaev, S.G. (2017) Experience of Russia and the OECD in stimulating environmental business. *Zakon – Law*. 5. pp. 57–66. (In Russian).

Received: 19 July 2020

М.И. Казарина

ОТВОД И САМООТВОД СУДЬИ КАК ГАРАНТИЯ НЕЗАВИСИМОСТИ СУДЕЙ

Анализируются отвод и самоотвод судьи в уголовно-процессуальном законодательстве как гарантии независимости судей и выявлению ее эффективности в правоприменительной практике. Рассмотрены некоторые проблемы законодательной формулировки оснований для отвода судьи, особое внимание уделено категории иных обстоятельств, дающих повод полагать, что судья заинтересован в исходе уголовного дела. Предлагается корректировка нормативного регулирования оснований для отвода судьи.

Ключевые слова: отвод судьи; самоотвод судьи; гарантии независимости судей; конфликт интересов; уголовное судопроизводство.

Принципы уголовного судопроизводства как фундамент уголовно-процессуальной политики и ее лакмус являются предметом исследования многих научных-процессуалистов [1–6]. Именно их система самым наглядным образом демонстрирует приоритеты охраняемых законом интересов, их значимость для определения вектора развития уголовно-процессуальной политики.

Независимость судей в качестве принципа была введена в УПК РФ Федеральным законом «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 02.07.2013 г. № 166-ФЗ¹. Задачей, стоящей перед государством, в лице законодателя закрепившим какой-либо принцип в отраслевом законодательстве, является не столько наличиеование данного принципа формально, сколько его реализация. Такая задача имела место и при закреплении принципа независимости судей в УПК РФ. Так, на Всероссийском съезде судей 2016 г. было отмечено, что одним из основных направлений развития судебной системы России является реализация принципа независимости и объективности при вынесении судебных решений и определений [7].

Ответ на вопрос, обеспечивается ли принцип независимости судей в уголовном судопроизводстве и что необходимо для его реализации государством, можно получить при анализе процессуальных гарантит данного принципа. Проблема определения процессуальных гарантит, выявления их необходимости и достаточности для обеспечения принципа независимости судей в уголовном судопроизводстве является актуальной, поскольку эффективно действующие процессуальные гарантиты непосредственно влияют на самостоятельность и независимость судей и, как следствие, на качество правосудия по уголовным делам.

Значение реализации процессуальных гарантит заключается не только в защите свободы сознания и воли судьи при рассмотрении уголовного дела – обеспечении независимости судьи для самого судьи, но и в предоставлении защиты законных интересов других участников уголовного судопроизводства в случае выявления каких-либо фактов, сигнализирующих о зависимости судьи в конкретном деле – обеспечении независимости судьи для иных участников уголовного судопроизводства. Так, положение ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод гласит: «Каждый в случае спора о его гражданских правах и

обязанностях или при предъявлении ему любого уголовного обвинения имеет право на справедливое и публичное разбирательство дела в разумный срок независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона» [8]. Это правило представляется направленным непосредственно на защиту прав участников уголовного судопроизводства и реализующим независимость судей в контексте обеспечения прав участвующих в деле лиц.

Такой особой процессуальной гарантитой независимости судей, охраняющей права и законные интересы участников уголовного судопроизводства и создающей условия для реализации права на разбирательство беспристрастным, а потому независимым судом, является возможность отвода и самоотвода судьи.

Гарантития отвода является необходимой предпосылкой соблюдения прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства и представляет собой устранение из процесса того субъекта, объективность которого по тем или иным причинам вызывает сомнения [9. С. 78]. Отвод и самоотвод судьи в сравнении с иными процессуальными гарантитами независимости судей (запрет нарушения тайны совещания судей; обязанность непосредственного исследования судьей доказательств по уголовному делу; право судьи, оставшегося в меньшинстве, на особое мнение при коллегиальном рассмотрении дела) является объективированной процессуальной гарантитой: если иные гарантиты создают условия для нормального течения хода уголовного судопроизводства, берегают свободу сознания и воли судьи, то возможность отвода или самоотвода судьи предоставляется, если сознание или воля судьи уже не являются свободными в целях его отстранения.

Законодателем закреплены уголовно-процессуальные нормы, которые определяют обстоятельства, исключающие участие в производстве по уголовному делу и порядок устранения тех или иных участников уголовного процесса от выполнения их процессуальных функций, в том числе и судей.

Судья может быть отстранен от рассмотрения конкретного уголовного дела при наличии определенных обстоятельств. Данные обстоятельства конкретизированы в ст. 61 УПК РФ: судья не может участвовать в производстве по делу, если он: является потерпевшим, гражданским истцом, гражданским

ответчиком или свидетелем по данному уголовному делу; участвовал в качестве присяжного заседателя, эксперта, специалиста, переводчика, понятого, секретаря судебного заседания, защитника, законного представителя подозреваемого, обвиняемого, представителя потерпевшего, гражданского истца или гражданского ответчика, дознавателя, следователя, прокурора в производстве по данному уголовному делу; является близким родственником или родственником любого из участников производства по уголовному делу.

Наряду с общими основаниями для отвода применительно к отдельным субъектам законом установлены и дополнительные основания: в соответствии с положениями ст. 63 УПК РФ судья, постановивший приговор, не может пересматривать его в апелляционном или кассационном порядке, что исключает личную заинтересованность судьи, а также гарантирует независимость судей вышестоящих инстанций.

Анализ 100 судебных актов судов первой инстанции, которыми были удовлетворены ходатайства, заявления об отводе судьи и судебных актов судов апелляционной и кассационной инстанций, которыми были отменены решения судов первой инстанции по основанию незаконного состава суда или нарушения процедуры отвода (табл. 1–4)², показывает следующие результаты.

Таблица 1
Основания отвода и самоотвода судьи в судебных актах российских судов и их доля от общего числа удовлетворенных ходатайств и заявлений

Основания отвода и самоотвода судьи	Доля от общего числа, %
Судья является потерпевшим, гражданским истцом, гражданским ответчиком или свидетелем по данному уголовному делу	4
Судья участвовал в качестве присяжного заседателя, эксперта, специалиста, переводчика, понятого, секретаря судебного заседания, защитника, законного представителя подозреваемого, обвиняемого, представителя потерпевшего, гражданского истца или гражданского ответчика, дознавателя, следователя, прокурора в производстве по данному уголовному делу	0
Судья является близким родственником или родственником любого из участников производства по уголовному делу	18
Судья участвовал в рассмотрении уголовного дела в суде первой, апелляционной, кассационной инстанции (ст. 63 УПК РФ)	0
Иные обстоятельства, дающие основание полагать, что судья заинтересован в исходе уголовного дела	78

Самым распространенным основанием для отвода судьи среди специально закрепленных в УПК РФ (18 отводов из 100) является факт наличия родственных связей судьи с любым из участников производства по указанному уголовному делу. УПК РФ не устанавливает границ применения данного правила, и на практике это основание толкуется расширительно. Анализ судебных актов показал, что родственные отношения судьи могут быть препятствием не только для участников по делу, но и для их представителей³.

Самостоятельным обстоятельством, исключающим участие судьи в рассмотрении дела, является

признание судьи потерпевшим, гражданским истцом, гражданским ответчиком или свидетелем по данному уголовному делу. Другими словами, судья становится носителем двойного статуса: выполняет роль судьи, а также другого участника уголовного судопроизводства, например свидетеля, что может повлиять на объективное вынесение решения. Однако в судебной практике удовлетворялись и ходатайства, и заявления об отводе, когда судья как таковой не имел статуса свидетеля, но являлся фактически очевидцем⁴.

Однако в целом исследование судебных актов показало, что значительное количество оснований для отвода и самоотвода судьи, возникающих в право-применимой практике, не отражено в уголовно-процессуальном законодательстве. Все эти обстоятельства относятся к ч. 2 ст. 61 УПК РФ, где использован общий критерий, ставящий под сомнение объективность и беспристрастность судьи и делающий невозможным его участие в производстве по конкретному делу: судья не может участвовать в рассмотрении уголовного дела в случаях, если имеются иные обстоятельства, дающие основание полагать, что он лично, прямо или косвенно, заинтересован в исходе данного уголовного дела (78 отводов из 100).

Изучение судебных актов, удовлетворенных по основанию наличия иного обстоятельства (кроме закрепленного в УПК РФ), указывающего на заинтересованность судьи в исходе дела, выявило распространенность оснований отвода и самоотвода, указанных в табл. 2.

Таблица 2
Распределение оснований для отвода и самоотвода судьи, не указанных в УПК РФ

Основания отвода и самоотвода судьи	Количество
Обвиняемый, потерпевший, свидетель или их родственники являются сотрудниками суда (судья, председатель, секретарь, помощник, обслуживающий персонал), в том числе бывшими работниками суда	31
Участие судьи в рассмотрении другого уголовного дела в отношении других участников по данному уголовному делу	13
Принятие судьей решения в рамках уголовного судопроизводства в отношении обвиняемого по данному уголовному делу (в т.ч. по жалобе в порядке ст. 125 УПК РФ)	11
Участие судьи в рассмотрении дела в административном, гражданском производстве об обстоятельствах, являющихся предметом рассмотрения в уголовном судопроизводстве	10
Дружеские отношения судьи с какой-либо из сторон, их родственниками	3
Оказание давления на судью, оскорбление судьи, оскорблечение судьей стороны и оказание на нее психологического давления	3
Негативные отношения, сложившиеся ранее между судьей, сторонами или их родственниками	2
Рассмотрение другого уголовного дела по существу в отношении этого же обвиняемого, апелляционной жалобы по другому уголовному делу, не связанному с данным уголовным делом, в отношении этого же заявителя	2
Нарушение судьей процессуальных сроков рассмотрения дела и риск обвинительного уклона	1
Вынесение родственником судьи решения по делу, которое обжалуется	1
Подача стороной жалобы в отношении председателя суда	1
Всего	78

Ситуацию, при которой личная заинтересованность может повлиять на объективное и беспристрастное рассмотрение дела, учёные называют конфликтом интересов [10. С. 155]. Под ним понимается ситуация противоречия между «общественно-правовыми обязанностями и частными интересами государственного должностного лица, при котором его частные интересы способны повлиять на выполнение им официальных обязанностей или функций» [11]. Данное определение представляется наиболее точно отражающим сущность конфликта интересов. Тем не менее на практике возникает проблема установления границ конфликта интересов – при неправильном их установлении судебное решение, принятое судьей, неправомерно не отведенным может быть отменено вышестоящей судебной инстанцией. В целях исключения возможного обжалования итогового процессуального решения ввиду существенного нарушения уголовно-процессуального закона (коим является незаконный состав суда) судьи предпочитают удовлетворять ходатайства или заявления о своем отводе, даже при действительном отсутствии у него частного интереса, заинтересованности в исходе уголовного дела, что, в свою очередь, предусмотрено ч. 2 ст. 61 УПК РФ.

Так, анализ сложившейся судебной практики в части избранной темы позволяет утверждать, что самым распространенным обстоятельством, исключающим производство по делу судьей, но, тем не менее, не закрепленным в УПК РФ в качестве основания для отвода судьи, является факт наличия рабочих отношений между судьей и иными участниками по делу (в том числе и свидетелем по делу) (см. табл. 1). При этом должности, которые занимают участники по делу, могут быть различными – как председатель суда, так и обслуживающий персонал. Рабочие отношения могут выступать основанием для отвода и в случае, если сотрудником суда является родственник кого-либо из участников по делу. Были удовлетворены ходатайства об отводе судьи по основаниям, когда: муж потерпевшей работает в суде, двоюродная сестра потерпевшего работает в суде, двоюродный брат подсудимого – бывший председатель суда, близкий родственник потерпевшего – водитель председателя суда⁵. В перечисленных ситуациях предполагается наличие частного интереса у судьи. Поэтому судья часто удовлетворяет ходатайство об отводе по такому основанию, хотя в действительности заинтересованности в исходе дела у него может и не быть, поскольку родственные связи участникою в деле лица с другим работником суда опосредованно связаны с судьей, рассматривающим конкретное уголовное дело.

Определенная доля судебных решений об удовлетворении ходатайств, заявлений об отводе судьи вынесена в связи с наличием такого основания об отводе, как принятие судьей решения в рамках уголовного судопроизводства в отношении обвиняемого по данному уголовному делу. Согласно правовой позиции Конституционного Суда РФ «участие судьи в рассмотрении дела, если оно связано с оценкой ранее уже исследовавшихся с его участием обстоятельств по делу, является недопустимым». Это правило отно-

сится не только к рассмотрению судьей уголовного дела по существу, но также к случаям, когда судья принимал решения на стадии досудебного производства по уголовному делу: «Судья, ранее высказавший в ходе производства по уголовному делу свое мнение по предмету рассмотрения, не должен принимать участие в производстве по делу, чтобы не ставить под сомнение законность и обоснованность принимаемого решения» [12]. Так, районным судом было удовлетворено ходатайство подсудимой Е. об отводе председательствующего судьи, поскольку данный судья рассматривал ранее жалобу подсудимой Е. в порядке ст. 125 УПК РФ на незаконные действия следователя. Как оказывается в постановлении суда, председательствующим судьей ранее давалась не только оценка действиям следователя, также рассматривалось постановление о привлечении Е. в качестве обвиняемой. Поэтому при таких обстоятельствах председательствующий не может принимать участие в рассмотрении уголовного дела по существу⁶.

В судебной практике возможны случаи удовлетворения ходатайства об отводе судьи, если он ранее принимал участие в рассмотрении другого уголовного дела по существу. Данное обстоятельство специально не предусмотрено УПК РФ, однако косвенно подпадает под ч. 2. ст. 61 УПК РФ. Так, в производстве районного суды находилось уголовное дело по обвинению У. в совершении преступления. В судебном заседании потерпевшим Н. было удовлетворено ходатайство об отводе председательствующего по делу судьи, в связи с тем что ранее данным судьей рассмотрено уголовное дело по обвинению Н. в преступлении⁷. Данный пример говорит об опосредованной связи между судьей и потерпевшим, в то же время вряд ли рассматриваемое обстоятельство способно повлиять на вынесение приговора в отношении обвиняемого.

Так, даже рассмотрение судьей уголовных дел по различным преступлениям, совершенным одним и тем же лицом, является основанием для отказа в удовлетворении ходатайства об отводе судьи. Судьей Е. был вынесен приговор по обвинению А. в совершении преступления, предусмотренного ст. 264.1 УК РФ, однако ранее приговором, вынесенным с участием судьи Е., данный гражданин был осужден за совершение преступления, предусмотренного ст. 264.1 УК РФ. Судом апелляционной инстанции представление прокурора, требующего отмены приговора, оставлено без удовлетворения, поскольку рассмотрение разных дел одним судьей в отношении одного лица не входит в перечень оснований для отвода⁸.

При этом в большинстве случаев судья единолично рассматривает уголовное дело, а значит, принимает решение о своем отводе. Следовательно, судье необходимо проанализировать ходатайство или заявление об отводе по изложенным мотивам и осознать свою способность беспристрастно вынести процессуальное решение. Однако вследствие наличия оценочной характеристики заинтересованности в исходе дела даже в случае действительной беспристрастности судьи суд вышестоящей инстанции может посчитать данное обстоятельство отражающим факт наличия

заинтересованности у судьи. В этом случае судебное решение, вынесенное судьей, подлежит отмене. Судья, рассматривающий дело по существу, в свою очередь, опасается возможной отмены судебного решения, поэтому удовлетворяет ходатайство о своем отводе [13].

Были проанализированы судебные акты об отводе судьи и инициаторы ходатайства (заявления) об отводе (табл. 3); полученные сведения дают наглядное представление о наиболее активных участниках уголовного судопроизводства, выражают недоверие судье.

Таблица 3
Реализация права на отвод судьи отдельными участниками уголовного судопроизводства

Инициатор отвода	Доля, %
Подсудимый	45
Прокурор	36
Потерпевший	7
Осужденный	3
Заявитель по ст. 125 УПК РФ	2

Анализ судебных актов по числу удовлетворяемых ходатайств, заявлений об отводах показывает, что чаще всего инициатором отвода судьи является обвиняемый (45%), далее – прокурор (36%), остальные участники уголовного судопроизводства редко заявляют отводы судье.

Данный факт говорит о проявлении дуалистической направленности гарантии отвода и самоотвода судьи, она состоит не только в обеспечении независимости судьи для самого судьи, но и в предоставлении защиты законных интересов других участников уголовного судопроизводства в случае выявления каких-либо фактов, сигнализирующих о зависимости судьи в конкретном деле. Однако гарантия отвода может стать средством злоупотребления сторонами этим правом с целью затягивания судебного процесса, а также замены «неподходящего» судьи. Так, одним из оснований отвода и самоотвода судьи в судебной практике выступает оказание давления на судью и оскорбление судьи, поступающие от стороны обвинения (см. табл. 2). Цель такого поведения обвиняемого следующая: судья, получивший оскорблений и другие виды психического воздействия, уже не может оставаться беспристрастным, что ставит его в условия заявления самоотвода. К примеру, наличие поданной жалобы в отношении председателя суда в одном из случаев судебной практики явилось основанием для отвода всех судей данного суда, поскольку у стороны возникли сомнения в беспристрастности судей, являющихся, по сути, подчиненными председателя суда, который, в свою очередь, исходя из наличия поданной в отношении его жалобы, относится к заявителю отрицательно⁹.

Были проанализированы судебные акты по удовлетворенным ходатайствам и заявлениям об отводе судьи и их инициаторам (табл. 4).

Выявлено, что в большинстве случаев обвиняемый был осведомлен о том, что у судьи установлены рабочие отношения с потерпевшим, обвиняемым, другими участниками в деле лицами, их родственниками, а

также осведомлен о родственных отношениях судьи с участниками уголовного судопроизводства.

Таблица 4
Анализ оснований для отвода судьи, наиболее часто встречающихся в правоприменительной практике

Основания	Обвиняемый	Прокурор	Судья	Потерпевший	Осужденный	Заявитель по ст. 125 УПК РФ
Судья является потерпевшим, гражданским истцом, гражданским ответчиком или свидетелем по данному уголовному делу	3	0	1	0	0	0
Судья является близким родственником или родственником любого из участников производства по уголовному делу	8	4	3	1	0	2
Обвиняемый, потерпевший, свидетель или их родственники являются сотрудниками суда (судья, председатель, секретарь, помощник, обслуживающий персонал), в том числе бывшими работниками суда	17	9	1	4	0	0
Участие судьи в рассмотрении дела в административном, гражданском производстве об обстоятельствах, являющихся предметом рассмотрения в уголовном судопроизводстве	3	6	1	0	0	0
Негативные отношения, сложившиеся ранее между судьей, сторонами или их родственниками	2	0	0	0	0	0
Дружеские отношения судьи с какой-либо из сторон, их родственниками	2	1	0	0	0	0
Участие судьи в рассмотрении другого уголовного дела в отношении других участников по данному уголовному делу	3	9	1	0	0	0
Принятие судьей решения в рамках уголовного судопроизводства в отношении обвиняемого по данному уголовному делу (в т.ч. по жалобе в порядке ст. 125 УПК РФ)	3	6	0	0	2	0
Оказание давления на судью, оскорбление судьи, оскорбление судьи стороны и оказание на нее психологического давления	1	1	0	1	0	0
Нарушение судьей процессуальных сроков рассмотрения дела и риск обвинительного уклонения	1	0	0	0	0	0
Рассмотрение другого уголовного дела по существу в отношении этого же обвиняемого, апелляционной жалобы по другому уголовному делу, не связанному с данным уголовным делом, в отношении этого же заявителя	1	0	0	1	0	0
Вынесение родственником судьи решения по делу, которое обжалуется	0	0	0	0	1	0
Подача стороной жалобы в отношении председателя суда	1	0	0	0	0	0
Общее число	45	36	7	7	3	2

Тот факт, что судья участвовал в рассмотрении дела в административном и гражданском производстве по обстоятельствам, являющимся предметом рассмотрения в уголовном судопроизводстве, наоборот,

известен прокурору, но обвиняемый об этом не осведомлен. Аналогичная ситуация складывается и с фактом вынесения судьей решения в рамках уголовного судопроизводства в отношении обвиняемого, обвиняемые редко заявляют ходатайства об отводе, это может говорить о том, что они не всегда осведомлены, что имеют право заявить отвод такому судье. Данное обстоятельство свидетельствует о необходимости нормативного регулирования с целью обеспечения независимости судей в части реализации права граждан на судебное разбирательство независимым и беспристрастным судом.

Существование самоотвода является рациональным решением вопроса отстранения судьи от участия в производстве по уголовному делу при выявлении его наличествующего или возможного предубеждения относительно исхода уголовного дела. Возможность заявления самоотвода судьи отражает правильное понимание судьей своей профессиональной функции, а также показывает его высокий профессиональный уровень.

Некоторые ученые полагают, что правомерность самоотвода должна зависеть от волеизъявления сторон («если стороны не высказали возражений относительно дальнейшего участия судьи, самоотвод, следует считать необоснованным») [14. С. 177]. В то же время анализ судебной практики позволяет утверждать, что наблюдается такая ситуация, когда подсудимый возражает против удовлетворения самоотвода судьи (который в силу сложившихся личных, рабочих отношений с подсудимым является заинтересованным в исходе дела лицом), поскольку надеется на «особое» отношение к себе со стороны судьи, а также на более мягкий приговор. В силу этого представляется неверным ориентирование в удовлетворении ходатайства о самоотводе на позиции сторон по делу. Так, в судебном заседании председательствующий по уголовному делу судья Б. заявил самоотвод на том основании, что подсудимый Я. занимал должность в суде, и председательствующий Б. находился с ним в определенных деловых отношениях: подсудимый Я. участвовал в судебных заседаниях по уголовным и гражданским делам, различных совместных совещаниях суда и прокуратуры, в том числе в праздничных мероприятиях. Подсудимый Я. против удовлетворения самоотвода судьи Б. возражал. Тем не менее самоотвод судьи Б. был удовлетворен¹⁰.

Законодатель не разрешает проблему необходимости самоотвода судьи, если судья считает, что может продолжать судебное заседание и способен вынести беспристрастное процессуальное решение по делу. В то же время данный вопрос успешно решается законодательством США: судья может вместо самоустраниния от судебного процесса объявить и зафиксировать основание для дисквалификации. Если стороны и их адвокаты после такого заявления, обсудив без присутствия судьи суть вопроса, признают в письменном виде или записью в реестре (протоколе), что судья не должен быть дисквалифицирован, а судья готов продолжать свое участие в судебном разбирательстве, то он может участвовать в процессе [15]. Аналогичным образом можно решить данный вопрос и в уголовном судопроизводстве РФ. Если существует основание

для отвода, но судья уверен в том, что данное обстоятельство не повлияет на объективность вынесения процессуального решения, а стороны согласны на дальнейшее участие судьи в рассмотрении дела, это должно быть процессуально зафиксировано, а в дальнейшем не может быть основанием для отмены принятого этим судьей судебного акта. Данное предложение при внесении в уголовно-процессуальное законодательство может положительно повлиять на практику отводов и самоотводов.

Необходимо отметить, что отвод, заявленный судье, единолично рассматривающему уголовное дело, или всему составу суда при коллегиальном рассмотрении дела все равно разрешается тем же судьей или составом суда, которому отвод заявляется. Другими словами, положения ч. 2–4 ст. 65 УПК РФ создают ситуацию, при которой даже в случае наличия объективной заинтересованности судьи или состава суда в исходе дела практически невозможно заявить ему отвод, поскольку такое заявление будет рассматривать сам судья и, скорее всего, никогда его не удовлетворит. Так, согласно данным исследования Н.С. Гаспарян, статистика удовлетворяемости отводов судьями в уголовном процессе составляет 0,5% и сопоставима со статистикой вынесения судами оправдательных приговоров [16. С. 23].

Удовлетворение ходатайства об отводе самим судьей или составом суда в некотором роде видится самому судье и сторонам согласием судьи с тем, что он ангажирован, негативно относится к одной из сторон, желает вынести конкретное решение [17. С. 237]. В связи с этим справедливой представляется точка зрения ученых, которые считают, что лицо, разрешающее заявленное в отношении него ходатайство, в том числе и об отводе, неспособно быть объективным в его разрешении. Более объективным и отвечающим принципам независимости судьи в уголовном процессе было бы разрешение вопроса об отводе конкретного судьи или состава суда третьими лицами, не заинтересованными в исходе дела.

На основании вышеизложенного можно констатировать следующее:

1. Наиболее распространенным основанием отвода судьи является обстоятельство, свидетельствующее о том, что судья лично, прямо или косвенно заинтересован в исходе дела. Сложившаяся правоприменительная практика свидетельствует о необоснованно расширенном трактовании указанного основания ввиду необходимости исключения возможного конфликта интересов. Такое положение доказывает наличие фактической презумпции недоверия к носителям судебной власти и должно быть пересмотрено на уровне государственной политики в части определения основных направлений развития судебной системы РФ.

2. Следует дополнить УПК РФ нормой, закрепляющей право сторон не согласиться с заявлением судьи самоотвода, о чем в протоколе судебного заседания должна быть сделана запись, обеспечивающая легитимность судебного состава. Кроме того, отвод, заявляемый судье, рассматривающему дело единолично, должно разрешать третье лицо, например председатель соответствующего суда.

Только в этом случае отвод и самоотвод судьи станут необходимой процессуальной гарантией независимости судей.

висимости судей, обеспечивающей замену пристрастного судьи независимым судьей.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 02.07.2013 г. №166-ФЗ // Российская газета. 2013. № 145.

² Поиск судебных актов осуществлялся из всего массива судебных решений ГАС «Правосудие» по заранее выставленным критериям: дата решения – весь период, одновременное использование ключевых слов «отвод» и «суд», сортировка – по релевантности. Случайным образом были выбраны 100 судебных актов, которыми вопрос об отводе и самоотводе судьи разрешен положительно.

³ Постановление суда № 1-50/2014 // ГАС «Правосудие».

⁴ Постановление суда № 1-104/2012 // ГАС «Правосудие».

⁵ Постановление суда № 1-38/2011 // ГАС «Правосудие»; Постановление суда № 1-34/2019 // ГАС «Правосудие»; Постановление суда № 1-124/2017 // ГАС «Правосудие»; Постановление суда № 1-50/2014 // ГАС «Правосудие»; Постановление суда № 1-17/2016 // ГАС «Правосудие».

⁶ Постановление суда № 1-40/2012 // ГАС «Правосудие».

⁷ Постановление суда № 10-12/2012 // ГАС «Правосудие».

⁸ Апелляционное постановление суда № 1/10-3/2017 // ГАС «Правосудие».

⁹ Постановление суда № 1-1/2016 // ГАС «Правосудие».

¹⁰ Постановление суда № 1-285/2017 // ГАС «Правосудие».

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреева О.И., Зайцев О.А. Допустимые пределы ограничения принципов уголовного судопроизводства (на примере принципа презумпции невиновности) // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 424. С. 193–198.
2. Мазюк Р.В. Обеспечение процессуальных интересов подозреваемого, обвиняемого при реализации принципа языка уголовного судопроизводства // Деятельность правоохранительных органов в современных условиях : сб. материалов 20-й междунар. науч.-практ. конф. : в 2 т. Иркутск : ФГКОУ ВПО ВСИ МВД России, 2015. Т. 1. С. 187–191.
3. Мазюк Р.В. Принцип разумного срока уголовного судопроизводства: сфера защиты процессуальных интересов расширяется // Принципы уголовного судопроизводства и их реализация при производстве по уголовным делам : материалы IV межд. науч.-практ. конф. (г. Москва, 5–6 апреля 2016 г.). М. : Изд-во РГУП, 2016. С. 106–112.
4. Принципы современного российского уголовного судопроизводства / науч. ред. И.В. Смолькова; отв. ред. Р.В. Мазюк. М. : Юрлитин-форм, 2015. С. 299–324.
5. Смолькова И.В., Дрягин М.А. Соотношение понятий «принцип», «презумпция», «преюдиция» в УПК РФ // Россия в современном мире: материалы межвуз. науч.-теор. конф. (Иркутск, 27 апреля 2004 г.). Иркутск : Вост-Сиб. филиал Рос. акад. правосудия, 2004. С. 90–95.
6. Трубникова Т.В. Принцип презумпции невиновности и прекращение уголовного дела / уголовного преследования с назначением судебного штрафа // Правовые проблемы укрепления российской государственности : сб. статей, Томск, 2018. С. 167–181.
7. Об основных итогах функционирования судебной системы Российской Федерации и приоритетных направлениях ее развития на современном этапе: Постановление IX Всероссийского съезда судей от 08.12.2016 г. № 1 // Вестник Высшей квалификационной коллегии судей. 2017. № 1.
8. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Рим, 04.11.1950 г.): ратифицирована Российской Федерацией ФЗ РФ от 30.03.1998 г. № 54-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1998. № 20. Ст. 2143.
9. Уголовный процесс: учебник для бакалавриата юридических вузов / под ред. О.И. Андреевой, А.Д. Назарова, Н.Г. Стойко, А.Г. Тузова. Ростов н/Д: Феникс, 2015. 445 с.
10. Гирин С.А. О соотношении понятий «интерес» и «личная заинтересованность» в конфликте интересов на государственной гражданской службе // Научные ведомости. Серия: Философия. Социология. Право. 2016. № 10. С. 155–160.
11. Руководство ОЭСР по разрешению конфликтов интересов на государственной службе. URL: <http://www.oecd.org/dataoecd/13/26/2957345.pdf> (дата обращения: 15.06.2019).
12. По жалобе Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации на нарушение конституционных прав гражданина Торкова Андрея Авенировича частью второй статьи 63 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Определение Конституционного Суда РФ от 17.06.2008 г. № 733-О-П // Вестник Конституционного Суда РФ. 2009. № 1.
13. Об отказе в принятии к рассмотрению жалоб гражданина Дорофеева Владимира Александровича на нарушение его конституционных прав статьями 295 и 298, частью первой статьи 401.2 и частью первой статьи 412.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Определение Конституционного Суда РФ от 6 декабря 2018 г. № 3105-О // СПС «Гарант».
14. Астафьев А.Ю. Особенности самоконтроля судьи при рассмотрении уголовных дел // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. 2013. № 9 (152). С. 186–194.
15. Кодекс поведения судей США от 02.06.2011 г. URL: <https://www.uscourts.gov/judges-judgeships/code-conduct-united-states-judges> (дата обращения: 18.06.2019).
16. Гаспарян Н.С. Отвод в судопроизводстве. Ставрополь, 2012. Ч. 1. 95 с.
17. Палиева О.Н. Отвод судье: Проблемы правоприменения // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. 2013. № 6 (39). С. 235–238.

Статья представлена научной редакцией «Право» 9 января 2020 г.

Recusal and Self-Recusal of Judges as Guarantees of Their Independence

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 459, 235–241.

DOI: 10.17223/15617793/459/29

Marina I. Kazarina, Baikal State University (Irkutsk, Russian Federation). E-mail: kazarinami@yandex.ru

Keywords: recusal of a judge; judicial self-recusal of a judge; guarantee of judges' independence; conflict of interests; criminal court procedure.

The principle of judges' independence, now known in different forms of court procedure in the Russian Federation, is one of the latest to be introduced into the corresponding criminal procedure system. The task of the state, and of the lawmakers who include one or another principle in special legislation, is not only to introduce this principle formally, “de jure”, but also to implement it and

guarantee it “de facto”. The question of whether the principle of judges’ independence is observed in criminal procedure and what the state should do to enforce it can only be answered through the analysis of the procedural guarantees of this principle. To achieve this aim, the author has analyzed court practice and data of court statistics. Specifically, the author studied 100 acts of the courts of first instance that granted requests, petitions of recusal of a judge and acts of appeal and cassation courts that overrode the decisions of the courts of first instance on the grounds of unlawful composition of the court or violations of the recusal procedure. The study is based on the dialectic method of understanding the objective reality. The author used general and specific research methods during work on this article: systemic, statistical, axiomatic, the method of expert evaluations, questionnaires, etc. In the process of research, the author analyzed such conceptual problems of recusal and self-recusal in court procedures as the practical implementation of lawful grounds for recusal of a judge and their interpretation, as well as the correlation between the institution of recusal (and self-recusal) and the conflict of interests, as well as the methods of overcoming it. Having summarized the obtained results, the author came to the conclusion that it is necessary to improve the institution of recusal and self-recusal of judges by amending the Criminal Procedure Code of the Russian Federation by the norm that gives the sides the right to disagree with the self-recusal of a judge, which should be included in the trial transcript and will ensure the legitimacy of the judicial composition. Moreover, the author believes that the existing law enforcement practice testifies to the unreasonably wide interpretation of such a ground for recusal as the proof that the judge is personally, directly or indirectly, interested in the outcome of the case. This situation proves that there is a presumption of distrust towards those who hold judicial power and that it should be reconsidered at the level of state policy in the part of defining key trends of the development of the Russian Federation’s court system.

REFERENCES

1. Andreeva, O.I. & Zaytsev, O.A. (2017) Allowable limits for restricting the action of criminal proceedings principles (based on the presumption of innocence principle). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 424. pp. 193–198. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/424/27
2. Mazyuk, R.V. (2015) [Ensuring the procedural interests of the suspect, the accused in the implementation of the principle of the language of criminal proceedings]. *Deyatel'nost' pravookhranitel'nykh organov v sovremennykh usloviyakh* [Activities of law enforcement agencies in modern conditions]. Proceedings of the 20th International Conference: In 2 Vols. Vol. 1. Irkutsk: FGKOU VPO VSI MVD Rossii. pp. 187–191. (In Russian).
3. Mazyuk, R.V. (2016) [The principle of a reasonable period of criminal proceedings: The scope of protection of procedural interests is expanding]. *Printsypr ugolovnogo sudoproizvodstva i ikh realizatsiya pri proizvodstve po ugolovnym delam* [Principles of criminal proceedings and their implementation in criminal proceedings]. Proceedings of the 4th International Conference. Moscow. 5–6 April 2016. Moscow: Russian State University of Justice. pp. 106–112. (In Russian).
4. Mazyuk, R.V. (ed.) (2015) *Printsypr sovremennogo rossiyskogo ugolovnogo sudoproizvodstva* [Principles of modern Russian criminal proceedings]. Moscow: Yurlitinform. pp. 299–324.
5. Smol'kova, I.V. & Dryagin, M.A. (2004) [Correlation of the concepts “principle”, “presumption”, “prejudice” in the Criminal Procedure Code of the Russian Federation]. *Rossiya v sovremenном мире* [Russia in the modern world]. Proceedings of the International Conference. Irkutsk. 27 April 2004. Irkutsk: East-Siberian Branch of Russian State University of Justice. pp. 90–95.
6. Trubnikova, T.V. (2018) Printsypr prezumptsiy nevinovnosti i prekrashchenie ugolovnogo dela / ugolovnogo presledovaniya s naznacheniem sudebnogo shtrafa [The principle of the presumption of innocence and the termination of a criminal case/criminal prosecution with the appointment of a court fine]. In: Zhuravlev, M.M., Barnashov, A.M. & Kuznetsov, S.S. (eds) *Pravovye problemy ukrepleniya rossiyskoy gosudarstvennosti* [Legal problems of strengthening the Russian statehood]. Vol. 77. Tomsk: Tomsk State University. pp. 167–181.
7. *Vestnik Vysshey kvalifikatsionnoy kollegii sudey*. (2017) Ob osnovnykh itogakh funktsionirovaniya sudebnoy sistemy Rossiyskoy Federatsii i prioritetynykh napravleniyakh ee razvitiya na sovremennom etape: Postanovlenie IX Vserossiyskogo s"ezda sudey ot 08.12.2016 g. № 1 [On the main results of the functioning of the judicial system of the Russian Federation and the priority directions of its development at the present stage: Resolution of the IX All-Russian Congress of Judges of 08 December 2016 No. 1]. 1.
8. Russian Federation. (1998) Konventsya o zashchite prav cheloveka i osnovnykh svobod (Rim, 04.11.1950 g.): ratifitsirovana Rossiyskoy Federatsiey FZ RF ot 30.03.1998 g. № 54-FZ [Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms (Rome, 04 November 1950). Ratified by the Russian Federation by the Federal Law of the Russian Federation of 30 March 1998, No. 54-FZ]. *Sobranie zakonodatel'stva RF – Collection of Legislation of the Russian Federation*. 20. Art. 2143.
9. Andreeva, O.I. et al. (eds) (2015) *Ugolovnyy protsess: uchebnik dlya bakalavriata yuridicheskikh vuzov* [Criminal process: A textbook for undergraduate law schools]. Rostov-on-Don: Feniks.
10. Girin, S.A. (2016) O sootnoshenii ponyatiy “interes” i “lichnaya zainteresovannost” v konflikte interesov na gosudarstvennoy grazhdanskoy sluzhbe [On the relationship between the concepts “interest” and “personal interest” in the conflict of interest in the public civil service]. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya. Sotsiologiya. Pravo*. 10. pp. 155–160.
11. OECD. (2003) *Rukovodstvo OESR po razresheniyu konfliktov interesov na gosudarstvennoy sluzhbe* [OECD Guidelines for Managing Conflict of Interest in the Public Service]. [Online] Available from: <http://www.oecd.org/dataoecd/13/26/2957345.pdf> (Accessed: 15.06.2019).
12. *Vestnik Konstitutsionnogo Suda RF*. (2009) Po zhalobe Upolnomochennogo po pravam cheloveka v Rossiyskoy Federatsii na narushenie konstitutsionnykh prav grazhdanina Torkova Andreya Avenirovicha chast'yu vtoroy stat'i 63 Ugolovno-protsessual'nogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii: Opredelenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 17.06.2008 g. № 733-O-P [On the complaint of the Commissioner for Human Rights in the Russian Federation on violation of the constitutional rights of the citizen Andrey Avenirovich Torkov by Part 2 of Article 63 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation: Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation of 17 June 2008 No. 733-O-P]. 1.
13. Garant. (2018) *Ob otkaze v prinyatiy k rassmotreniyu zhalob grazhdanina Dorofeeva Vladimira Aleksandrovicha na narushenie ego konstitutsionnykh prav stat'yami 295 i 298, chast'yu pervoy stat'i 401.2 i chast'yu pervoy stat'i 412.1 Ugolovno-protsessual'nogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii: Opredelenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 6 dekabrya 2018 g. № 3105-O* [On the refusal to accept for consideration the complaints of the citizen Vladimir Alexandrovich Dorofeev on violation of his constitutional rights by Articles 295 and 298, Part 1 of Article 401.2 and Part 1 of Article 412.1 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation: Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation of 6 December 2018 No. 3105-O]. [Online] Available from: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72031910/>.
14. Astaf'ev, A.Yu. (2013) Osobennosti samokontrolya sud'i pri rassmotrenii ugolovnykh del [Features of self-control of a judge when considering criminal cases]. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya. Sotsiologiya. Pravo*. 9 (152). pp. 186–194.
15. US Courts. (2011) Kodeks povedeniya sudey SShA ot 02.06.2011 g. [Code of Conduct for United States Judges. 02 June 2011]. [Online] Available from: <https://www.uscourts.gov/judges-judgeships/code-conduct-united-states-judges> (Accessed: 18.06.2019).
16. Gasparyan, N.S. (2012) *Otvod v sudoproizvodstve* [Recusal in legal proceedings]. Vol. 1. Stavropol: Tirazh.
17. Palieva, O.N. (2013) Challenge the judge: Enforcement problems. *Vestnik Severo-Kavkazskogo federal'nogo universiteta*. 6 (39). pp. 235–238. (In Russian).

Received: 09 January 2020

И.А. Кравец

«ЧЕЛОВЕК ДОСТОЙНЫЙ» («HOMO DIGNUS») В СОВРЕМЕННОМ КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМЕ И В ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ СТАТУСА ЛИЧНОСТИ (ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ, СРАВНИТЕЛЬНЫЙ И МЕЖДУНАРОДНЫЙ АСПЕКТЫ)

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, научный проект № 18-011-00761 А.

Рассматриваются homo dignus (человек достойный) как теоретический, конституционный и правовой концепт, проблема юридического оформления человеческого достоинства в отечественном и международном контексте, многогранность термина «достоинство», а также научные подходы к пониманию человеческого достоинства в современной конституционной юриспруденции в сравнительном аспекте, право на человеческое достоинство как субъективное право, основу прав человека и юридическую форму конституционной правосубъектности.

Ключевые слова: homo dignus; человеческое достоинство; конституционализм; право на достоинство; *imago Dei*, правовая концепция личности, конституционный статус личности, равное достоинство.

Основным вопросом было достоинство или его отсутствие, чувство достоинства или самоуважения, которое все мы ищем.
Френсис Фукуяма¹

Введение: человек достойный (*homo dignus*) и правовая концепция личности

Homo sapiens, homo ludens, homo deus, homo dignus – концепты, которые отражают эволюцию человека и его сознания, концептуализируют осознание места человека серди других живых существ и в мире в целом. Homo economicus, legalis-homo – уже более ориентированные на профессиональные, мировоззренческие или статусные позиции характеристики современного человека. Соединение эмоций, интеллекта и различных способностей, их развитие в процессе человеческой деятельности приводят к пониманию отличительной особенности человеческой личности, а именно обладанию достоинством как способности и дара, которым должно дорожить во взаимодействии с окружающим миром и живыми существами. Человек достойный (*homo dignus*) – несомненный атрибут гуманизма и современности, которая апеллирует в философском и этическом значении к гуманистической экзистенции человечества, к моральным и личностным качествам человека. Величайшая заслуга Дж. Мирандолы в том, что он акцентировал свою позицию на понимании достоинства человека одновременно как божественного дара и самотворения человеческих качеств в результате саморазвития в обществе; такое саморазвитие является продолжением божественного творения [2]. Теологическая интерпретация достоинства («по образу Бога», *imago Dei*), характерная для отцов церкви (святой Августин) и яркой речи Дж. Пико дела Мирандолы, отличается от понимания его стоиками, особенно Цицероном, который связывал римское «*dignitas*» с почетным авторитетом и статусом лица². В современных исследованиях человеческого достоинства (в юриспруденции, философии, медицине, биоэтике) преобладает светский, секуляризованный, а не теологический подход; вместе с тем концепт «образ Бога» (*imago Dei*) принимает активное участие в религиозных и светских дискуссиях и, по мнению исследователей (таких как

Andrew Lustig), религиозное понимание темы имиджа / подобия как основы для претензий на достоинство дополняет или корректирует светские описания достоинства [4. Р. 850–851].

Цель статьи – обосновать концепцию «конституционализм человеческого достоинства» с позиций российского, сравнительного и международного контекста, показать взаимоотношения человеческого достоинства и современного конституционализма. Современное право (в частности универсальное международное) и российское конституционное право стремятся секуляризировать человеческое достоинство, сохраняя «божью искру» в природе человека. Понятие достоинства в современную эпоху раскрывает неразрывную связь с понятием человеческой личности. Как отмечает профессор международного права О. Шехтер, «идея человеческого достоинства включает в себя сложное понятие личности», такое понятие «включает признание отдельной индивидуальной личности, отражающей индивидуальную автономию и ответственность» [5. Р. 850–851]. Достоинство также может быть личностной характеристикой, которую люди обычно имеют в разной степени и могут так или иначе индивидуально проявлять в определенных случаях. Обычно достойный человек может иногда вести себя недостойно. В этом смысле достоинство рассматривается как функция состояния человека и его поведения [6. Р. 201]. Идея человеческого достоинства пользуется выдающимся статусом в отечественных конституциях и в международном праве прав человека. Парадокс человеческого достоинства как символа заключается в том, что при широком и весьма разнообразном его использовании в качестве универсальной основы прав человека оно «неволко сочетается с отсутствием точного определения»; «не имеет конкретного значения или последовательного определения» [7. Р. 1]. Правовая концепция личности предполагает осмысливание правовых форм закрепления человеческого достоинства, а также место такого достоинства в структуре как правового положения личности в целом, так и

конституционного статуса человека и гражданина (основ правового положения личности, как предписывают конституционные нормы). В международных правовых актах универсального или регионального характера не формулируется право на достоинство, хотя многие конституции современных государств данное право признают. Отсылка к достоинству во многих международных правовых актах не сопровождается раскрытием содержания этой правовой категории; не закрепляются и правомочия индивида как элементы права на достоинство. Ситуация стала меняться со второй половины XX в. под несомненным влиянием международных правовых актов, доктрины конституционализма и прав человека. Развивая доктрину современного российского и европейского конституционализма, ряд ученых отстаивают в рамках доктринального конструктивизма конституционное право на достоинство личности, опираясь или на конкретные конституционные положения, или на их толкование органом конституционного правосудия. Из российских ученых следует отметить Н.С. Бондаря, И.А. Кравца, которые признают достоинство и как субъективное конституционное право, и как конституционную ценность, основанную на положениях ч. 1 ст. 21 Конституции РФ [8. С. 19–31; 9. С. 14]; В.В. Невинского, отстаивающего возвышение достоинства человека в качестве новой высшей и универсальной общественной ценности в системе ценностей XXI в. [10]. Из зарубежных исследователей следует отметить А. Барака [11], который разграничивает человеческое достоинство как конституционное право и как конституционную ценность, признавая их существование в юриспруденции Израиля; Р.Д. Гленси [12. Р. 65] с видением различной роли человеческого достоинства в правовой системе США и признанием права на достоинство в системе юридических прав; немецкую конституционную доктрину и практику Федерального конституционного суда [13. Р. 39–40], в которых и доктринально, и судебно-практически отстаивается существование конституционного права на достоинство.

Появились исследования в сфере сравнительного конституционного права (основанные на выборке отдельных случаев в разных странах, но не в систематизированном страноведческом плане), в которых подтверждается широта распространения в современных конституциях достоинства как субъективного права. В частности, в книге Эрин Дейли «Права на достоинство: суды, конституции и ценность человеческой личности» рассматривается связь права на достоинство с иными субъективными правами, которые формируют представление о существовании множественных прав на достоинство, вовлекая в анализ конституционные нормы и тексты конституций различных государств и судебные акты [14. Р. 1–2]. Хотя автор и отмечает, что эта книга – «не философское исследование значения человеческого достоинства» [14. Р. 2], она рассматривает отдельные случаи использования, толкования и судебного применения права на достоинство по всему миру, существуют и критические замечания в адрес проведенной работы [15. Р. 150]. Отсюда возникает более значимая роль конституци-

онного права, конституционализма и доктрины прав человека в перспективах теоретического обоснования и юридического оформления права на человеческое достоинство или права на достоинство личности. Это не мешает представителям научной конституционной юриспруденции выступать с методологической критикой признания конституционного права на достоинство, утверждая, во-первых, что такого права нет; во-вторых, что его признание или даже регламентация – совершенно бесполезное дело, оно вносит путаницу и приводит к смешению понятий «достоинство» и «автономия» [16. Р. 551–552]. Юридические акты закрепляют различные элементы положения личности, образуя правовой статус человека и гражданина. Место человеческого достоинства в системе юридических актов предполагает оценку как статуса достоинства, так и статуса правовых актов, которые его закрепляют; иерархичность источников права в формальном смысле требует ясного осознания юридического статуса и юридической силы норм, которые формулируют нормативные положения о достоинстве личности, способах его защиты, охраны и обеспечения со стороны государства. Вместе с тем останавливаются на формально-юридическом подходе, в том числе ограниченном отраслевым видением, для целей понимания юридического значения достоинства личности явно недостаточно. Можно отметить эвристическую ценность и мультидисциплинарность человеческого достоинства.

Существуют следующие подходы, влияющие на правовую концепцию личности и юридические формы закрепления человеческого достоинства (в международном праве) или достоинства личности (в конституционном и ином внутригосударственном праве): 1) философско-правовой, соединяющий аналитическую философию с аналитической юриспруденцией; 2) философско-этический, отстаивающий моральную и гуманистическую ценность человеческого достоинства; 3) экзистенциальный, охватывающий философскую и юридическую экзистенцию (пределность смысла существования и признания достоинства); 4) теологический, основанный на христианской этике и проникающий в биоэтику; 5) подход юридического полиморфизма, устанавливающий взаимосвязь, значимость и приоритеты правовых форм регулирования и закрепления достоинства личности. Различные подходы раскрывают грани (исторические, этические, экзистенциальные, правовые) и перспективные горизонты человеческого достоинства, однако не решают проблему определенности концепта, так как единого концепта – постоянного во времени и в пространстве – нет.

Замечание, расширяющее познавательные круги достоинства с позиций права, было высказано Джереми Уолдроном в работе «Достоинство, ранг и права»: «Мы не должны предполагать, что правовой анализ достоинства – это просто список текстов и прецедентов в национальном и международном праве, в которых появляется слово “достоинство”. Есть такая вещь, как философия права, есть такие вещи, как правовые принципы, и это будет юриспруденция достоинства, а не азбучный анализ (“hornbook analysis”)...» [17. Р. 15].

Нельзя отказывать достоинству в юридическом смысле, даже если правовой акт не определяет содержание данного термина (понятия). Не всегда легальное определение достоинства личности имеет развернутую в правовом акте формулу. Чаще всего такого легального определения нет в национальном законодательстве и в конституциях. Доктринальные определения достоинства могут опираться на разные традиции и иметь различные значения и коннотации, которые накладываются друг на друга и иногда конфликтуют. Юридические связи между достоинством и положением личности раскрываются через многие элементы конституционно-правового и иного отраслевого статуса человека и гражданина. Именно конституция и право в широком смысле (законодательство, судебные акты) обеспечивают личности в границах национальной (внутригосударственной) юрисдикции юридическое содержание и правовые (включая судебные) гарантии достоинства; порождают правовые отношения в сфере реализации, обеспечения достоинства во взаимосвязи с различными правами человека и гражданина.

Таким образом, правовая концепция личности взаимодействует с правовой концепцией человеческого достоинства, и формы их взаимодействия разнообразны.

1. Достоинство личности как правовая концепция выступает юридическим основанием для структуры и элементов правового положения человека и гражданина, а в случае закрепления категории «достоинство личности» в тексте конституции – в качестве конституционно-правовой основы статуса личности. Положения ч. 1 ст. 21 Конституции РФ могут интерпретироваться (доктринально и в практике конституционного правосудия) именно в духе конституционной (или шире – конституционно-правовой) основы положения человека и гражданина в РФ; как важнейший юридический фундамент построения общеправового статуса человека и гражданина и положения личности в различных отраслях права.

2. Достоинство личности не индифферентно к дееспособности лица. Правовая концепция личности оперирует категорией «дееспособность», которая раскрывает поведенческие и ментальные способности лица в правовой сфере; она концентрирует внимание юристов на способности физического лица своими действиями приобретать права, свободы, выполнять обязанности и нести ответственность. В этом случае дееспособность взаимосвязана с деликтоспособностью лица. Достоинством обладает личность и в случае ее полной дееспособности, и в случае ограниченной или утраченной дееспособности. Недееспособные лица обладают достоинством как элементом их правового положения и юридической основой для сохранения и реализации человеческих качеств, даже если самостоятельность реализации человеческих свойств, защиты интересов, их прав и свобод в значительной степени утрачивается. Достоинство дееспособного лица отличает человека от иных живых существ, отражает способность лица осуществлять выбор своего поведения и способность нести ответственность за совершаемые деяния.

3. Достоинство человека с точки зрения членства в политическом и конституционном сообществе не зависит от его гражданства; достоинством обладает человек, который может иметь различные отношения с государством: быть апатридом, гражданином, бипатридом или полипатридом, иностранцем на территории государства. Российская конституционная юриспруденция и конституционное правосудие толкуют положения ч. 1 ст. 21 Конституции с широких нормативных позиций: принадлежность достоинства личности означает и обязанность государства защищать и охранять достоинство различных субъектов конституционного права, где гражданство не играет ключевую роль в идентификации достоинства. В Постановлении Конституционного Суда РФ от 29.05.2018 № 21-П отмечено, что «лицам, не состоящим в гражданстве Российской Федерации, должна быть обеспечена на ее территории возможность реализации прав и свобод, гарантированных им Конституцией Российской Федерации, а также государственная, включая судебную, защита от дискриминации на основе уважения достоинства личности»³.

4. Достоинство личности апеллирует к идеи равноправия, производной от общих оснований принадлежности к человеческому роду. Соединяясь в области права, идея достоинства и идея равенства стимулируют генерирование нового парадигмального мышления в форме равного достоинства. Конституционное право и современный конституционализм развивают юридическую концепцию равного достоинства. По мнению исследователей, равное достоинство является концепцией с сильной доктринальной родословной; она не просто оглядывается назад на целенаправленную прошлую субординацию (подчиненность), но «скорее закладывает основу для продолжающегося конституционного диалога об основных правах и значении равенства» [18. Р. 17]. Равное достоинство как конституционализированный принцип дополняет принцип равноправия; он может служить основанием для балансирования и поиска оптимального соотношения достоинства личности и реализации прав и свобод, исполнения обязанностей человека и гражданина, а также ограничения его прав и свобод.

Констатируя наличие различных форм взаимодействия человеческого достоинства и правовой концепции личности, следует обратить внимание на то, что право способно интегрировать различные подходы к использованию человеческого достоинства. Однако этого недостаточно. Необходимо смотреть на право и достоинство как на основания современного правопорядка и публичного управления в различных сферах жизнедеятельности человека. По мнению Стивена Райли, «человеческое достоинство требует, чтобы базовый статус каждого человека составлял окончательную основу наших обязательств, независимо от устоявшейся практики наших правовых и политических институтов» [19. Р. XI]. Современные правовые системы пока далеки от этого требования, они могут воспринимать его только как методологическую основу развития и отдаленный идеал, достижение которого невозможно ожидать в ближайшей перспективе правового развития.

Конституционализм и человеческое достоинство: вопросы взаимоотношений

На первый взгляд, как показывает мировой конституционный процесс на протяжении последней четверти XVII – первой половины XX в., конституционализм и человеческое достоинство не сопрягались с общими правовыми принципами и конституционными положениями; хотя они не стояли на различных полюсах конституционного развития современных государств и наций, тем не менее существовало очень мало точек юридического соприкосновения между человеческим достоинством как неотъемлемым свойством человека, конституционными принципами организации государства и принципами взаимоотношений личности и государства. На протяжении более чем 200 лет при формировании принципов современного конституционализма были оправах (декларации о правах и свободах) стали постепенно признаваться неотъемлемой частью объектов конституционного регулирования и структурной частью системы современного конституционализма. Вместе с тем ни в поколениях прав человека, ни в системе конституционных прав и свобод довольно долго человеческое достоинство не занимало сколько-нибудь значимого, тем более ведущего или основополагающего места. До появления Устава ООН в 1945 г. и Всеобщей декларации прав человека в 1948 г. термин «человеческое достоинство» встречался только в конституционных актах пяти государств.

Заслуживают внимания примеры германского и ирландского подходов, которые стояли на различных полюсах конституционного значения достоинства. Так, Конституция Германской империи (Веймарская) 11 августа 1919 г. в ст. 151 отмечала, что «строй хозяйственной жизни должен соответствовать началам справедливости и цели обеспечения для всех достойного человека существования». В этом положении прослеживалась связь между устройством экономической жизни и принципом справедливости и целью обеспечения достойного человека существования для всех граждан. Достойное человека существование связывалось и с обеспечением свободы в экономической сфере. Таким образом, Веймарская конституция не вводила достоинство как атрибутивное свойство личности, регулируемое нормами конституции и конституционного права, на основе которого мог возникнуть статус достоинства как права и как принципа защиты. Второй пример – Конституция Ирландии от 29 декабря 1937 г., преамбула которой провозглашала среди целей и обеспечение достоинства «...с тем чтобы были обеспечены достоинства и свободы человека, достигнут подлинный социальный порядок, восстановлено единство нашей страны и достигнуто соглашение с другими народами».

Конституционная цель обеспечения достоинства наряду со свободой человека – более близкий вариант к выработанным после Второй мировой войны моделям конституционного закрепления достоинства личности в сравнительном конституционном праве. В 2012 г. уже 162 страны использовали термин «достоинство» в своих конституциях, что составляло 84%

суверенных государств, которые являлись членами ООН [20. Р. 461]. В начале XXI в. различные терминологические концепты человеческого достоинства являлись распространенным конституционным явлением, а сам термин «человеческое достоинство» приобрел конституционный статус и стал юридическим основанием для правового полиморфизма достоинства и множественности юридических форм закрепления и способов защиты в современных правовых системах на внутригосударственном, наднациональном и международном уровнях. Методологической основой современных концепций человеческого достоинства является признание сложного и полиморфического характера достоинства, с одной стороны, с другой – центральной роли «для современной архитектуры прав человека» [21. Р. 371], причем на национальном, наднациональном и международном уровнях развития правового регулирования прав человека.

Современный конституционализм включает набор принципов и правил, направленных на ограничение политического господства и государственного правления; на создание эффективных государственно-правовых институтов, содействующих демократическому участию; проведение в жизнь организационных и юридических средств защиты основных прав и свобод личности; обеспечение независимости правосудия и повышение эффективности конституционно-процессуальной защиты прав и свобод личности, объединений граждан – юридических лиц. Современный конституционализм функционирует в условиях интеграционных процессов и процесса глобализации, которые являются как источником диалога правовых культур, так и появления различных правовых форм конституционной защиты от подобных процессов; в частности, одну из функций защитной конституционной модернизации играет и концепция конституционной идентичности, конституционной самобытности, конституционной исключительности. Самостоятельная ценность конституционализма иногда оспаривается. По мнению британских исследователей, конституционализм обычно связывается исследователями публичного права с другими конституционными ценностями и принципами, такими как господство права или разделение властей. Заслуживает обсуждения тезис о том, что «конституционализм должен быть либо отличен от этих концепций, либо, если этого не произойдет, может быть безопасно исключен из публично-правового дискурса» [22. Р. 427].

Конституционализм в современных государствах включает конституционную регламентацию и формы судебной защиты (особенно в органах конституционного контроля и конституционной юстиции) основных прав, свобод и обязанностей человека и гражданина, в ряде случаев прав юридических лиц как объединений граждан. Длительное время конституционализм как концепция оставался «юридически безучастным» к человеческому достоинству, мог сосуществовать с институтом рабства (как в США в конце XVIII – первой половине XIX в.); при осмыслиннии этапов развития и поколений прав человека, отраженных в конституциях государств нового и новейшего времени, достоинство личности не занимало институ-

ционального положения в структуре действующих конституций и правового положения личности. Конституционная наука не инкорпорировала сам институт человеческого достоинства в концепции билля о правах (различные модели конституционного регулирования прав и свобод) на протяжении конституционного развития от первых конституционных актов XVII–XVIII вв. до первой половины XX в.

Современный сравнительный, отечественный, наднациональный конституционализм по праву рассматривает человеческое достоинство в качестве «юридического сердца» правового положения личности и как фундаментальную основу и главное право в системе не только конституционных, но и наднациональных, и международных прав и свобод человека и гражданина. Идея достоинства личности как «конституционного ядра» требует новых размышлений и оценки эффективности государственных и юридических средств защиты в отношении прав и свобод. Это «конституционное ядро», которое несет в себе достоинство личности, меняет многие представления о правовых формах закрепления и юридических средствах защиты, государственном механизме обеспечения различных прав и свобод; оно служит основой для нового концепта.

В статье, посвященной 25-летию Конституции РФ и 70-летию Всеобщей декларации прав человека, был предложен концепт «конституционализм человеческого достоинства» в качестве теоретико-методологического осмыслиения этого ключевого свойства человеческой природы в контексте современной конституционной и международной юриспруденции [23. С. 93–94]. Конституционализм и публичное право после Второй мировой войны приобрели гуманистическую и юридическую сердцевину благодаря человеческому достоинству; как отмечает Самуэль Мойн (Samuel Moyn), именно конституционализм, основанный на человеческом достоинстве (“concept of dignitarian constitutionalism”), «восстановил публичное право в наше время» [24. Р. 40]. Юридические формы человеческого достоинства, основанные на конституционном и шире – публичном праве, не только продвигают более глубокое понимание значимости прав человека и гражданина, правовых средств их защиты, показывая взаимосвязь и взаимозависимость достоинства и правового статуса личности, но и создают условия для вектора справедливости в правовой системе, ориентированной на высокие стандарты защиты прав и свобод личности в различных сферах правового регулирования.

По словам Джона Ролза, «справедливость – это первая добродетель общественных (публичных) институтов, как и истина – для систем мышления» [25. Р. 3]. «Будучи первыми добродетелями человеческой деятельности, – утверждает философ, – истина и справедливость бескомпромиссны» [25. Р. 4]. Существование правовых форм признания, обеспечения и защиты достоинства содействует продвижению социальной справедливости, хотя многое зависит от того, насколько далеко статусная концепция человеческого достоинства разводит различия индивидов в обладании правами и их гарантированием; насколько реаль-

ным становится обеспечение равного достоинства в обществах с иерархическими системами социальной стратификации.

В исследованиях природы и места достоинства личности в системе современных прав и свобод (как на международном, так и на национальном уровне) существует дилемма о предназначении человеческого достоинства. В рамках *первого направления* одни исследователи отмечают, что «человеческое достоинство является главной философской основой прав человека, как это выражено в Уставе Организации Объединенных Наций, Всеобщей декларации прав человека и многих других документах» [26. Р. 25].

Второе направление исследований представлено авторами, которые считают, что достоинство играет конституирующую роль в современных правовых системах, признающих права и свободы личности в качестве конституционно значимых ценностей. В этом смысле достоинство – человекоцентричный ориентир для права и правовой системы. Человеческое измерение права, «человекоцентричное» правопонимание, признание за достоинством роли высшей и универсальной общественной ценности (В.В. Невинский, В.М. Шифиров) позволят видеть и признавать метаюридические корни достоинства личности (Н.С. Бондарь, И.А. Кравец), развивать и совершенствовать правопорядок с центральным положением человека и его достоинства в правовой системе страны, в наднациональных правовых системах [27. С. 120].

Третье направление включает исследователей, рассматривающих достоинство в контексте анализа характера человеческих действий. Использование «человеческих действий» в качестве индикатора того, какие аспекты должна представлять хорошая правовая система, является яркой отправной точкой, как отмечает Винфрид Бруггер. По его мнению, это особенно верно в отношении сложных случаев в праве, которые, несмотря на то что они обычно оспариваются, приводят к принятию юридически обязательных решений. Они обременены «антропологическим крестом принятия решений» [28. Р. 1243]. Концепция человека глубоко укоренилась в процессе принятия решений, она отражает место человеческого достоинства и прав человека и связана с человеческим потенциалом отражать, выбирать и оправдывать то, что человек делает. Это потенциал для каждого человека. При обычных обстоятельствах и в результате социализации и инкультурации он будет присутствовать у каждого взрослого с различной степенью соответствия социальному и творческому подходу. Поэтому достоинство – атрибут личности, которая способна принимать самостоятельные решения, совершать выбор, неся «антропологический крест» и ответственность за свои решения. «Если мы понимаем место человеческого достоинства в четырех точках пересечения решений, – пишет Винфрид Бруггер, – мы можем обеспечить связь между достоинством как доминирующей социальной и правовой ценностью и основополагающими правовыми концепциями личности, индивидуальности, ответственности и атрибуции» [28. Р. 1250–1251]. Достоинство как атрибутив-

ное свойство личности предполагает как свободу действий, так и ответственность за принятые решения. Свобода действий не предполагает причинно-следственной неопределенности действий; скорее, это предполагает различные влияния на наше поведение изнутри (четыре точки зрения) и извне (социализация, взаимодействие, инкультурация). Что касается правопорядка, то он предполагает право каждого человека «вести жизнь», иметь некоторую свободу действий, гибкость или выбор в рамках своей «квадричности» чувств и перспектив.

Четвертое направление признает множественность функций человеческого достоинства в современной юриспруденции. Исследователи из юридического факультета Еврейского университета в Иерусалиме рассматривают три ведущие функции человеческого достоинства: 1) символически-декларативное использование; 2) в качестве руководящего принципа по осуществлению (реализации) прав; 3) как руководящий принцип в вопросах ограничения основных прав и свобод [20. Р. 461–464]. В то время как одни авторы считают концепты «человеческое достоинство» и «права человека» сиамскими близнецами [29. Р. 846], другие выступают за их разделение. Поэтому *пятое направление* полагает, что права человека и человеческое достоинство должны быть разделены как «сиамские близнецы» в связи с тем, что они являются «неудобными компаньонами» («uncomfortable bedfellows») по трем причинам: 1) существует парадокс обоснования: понятие человеческого достоинства не решает проблемы обоснования прав человека, а скорее усугубляет ее в светских обществах; 2) это кантианский тупик («Kantian cul-de-sac»), если права человека были основаны на концепции достоинства Канта, а не на теологическом основании, такие права теряют свою универсальную значимость; 3) возникает опасность «по ассоциации»: человеческое достоинство в настоящее время более спорный концепт, чем понятие прав человека, особенно учитывая нерешенное противоречие между желательным достоинством и неприкосновенным достоинством [30. Р. 323–324].

Шестое направление выдвигает на первый план достоинство как субъективное право. Судья и ученый А. Барака в своей книге «Судья в демократии» («The Judge in a Democracy») писал: «Самое главное из прав человека – это право на достоинство. Это источник, из которого вытекают все остальные права человека. Достоинство объединяет другие права человека в единое целое» [31. Р. 85]. В более поздней работе, посвященной человеческому достоинству как конституционной ценности и как конституционному праву, А. Барак отстаивает самостоятельную ценность и значение человеческого достоинства в конституционной юриспруденции и конституционной аргументации. Ученый показывает взаимосвязь и раздельное значение достоинства как конституционной ценности и как конституционное право: последнее является более узким конституционно-правовым явлением, чем конституционная ценность, которая имеет несколько ролей в современной конституционной юриспруденции и конституционном толковании. Он утверждает, что достоинство касается *трех ролей* в качестве консти-

туционной ценности: 1) достоинство служит нормативной основой для других конституционных прав; 2) достоинство служит толковательным принципом для других конституционных прав (это своеобразный руководящий принцип); 3) достоинство играет роль в анализе соразмерности при рассмотрении вопроса об ограничении тех прав, которые являются конституционными. В книге утверждается, что основа достоинства как конституционной ценности напрямую связана с достоинством человека в связи с тем, что основана на человечности [32. Р. 103–104].

Конституционализм человеческого достоинства в российской юриспруденции

Достоинство как понятие следует отличать от концепций достоинства. Конституционное правопонимание достоинства соединяется с различными способами использования термина «достоинство» в конституционной юриспруденции. Конституционное правопонимание достоинства личности в российской юриспруденции формируется на основе инкорпорирования философских, экзистенциальных, этических и биосоциальных аспектов в «юридическую ткань» концепта; известный гражданско-правовой смысл достоинства человека обогащается конституционно-правовым содержанием, которое основано, с одной стороны, на тесной связи достоинства с правовой концепцией личности, и с другой стороны, на социально-политической и конституционно-правовой коммуникации достоинства с демократическим и социальным гражданством, которое обеспечивает включенность категории «достоинство» в процесс реализации различных прав и свобод, исполнения обязанностей не только граждан страны, но и иных субъектов конституционного права.

В российской конституционной юриспруденции формируется доктрина конституционализма человеческого достоинства, которая стремится охватить различные правовые грани использования концепта «достоинство личности», закрепленного в положениях ч. 1 ст. 21 Конституции РФ. Что включает в себя доктрина «конституционализм человеческого достоинства» в условиях российской юриспруденции, которая учитывает международно-правовые регуляторы и практику отечественного конституционного правосудия?

1. *Принцип уважения человеческого достоинства.* В тексте Конституции РФ 1993 г. данный принцип непосредственно не формулируется, он выводится из конституционных норм и имеет статус конституционно-интерпретационного принципа как руководящего для норм отраслевого законодательства, практики их применения, в том числе в ходе оценки отраслевых норм на соответствие действующей Конституции РФ. Конституционализация принципа уважения человеческого достоинства основана на интерпретации ч. 1 ст. 21 Конституции РФ («Достоинство личности охраняется государством. Ничто не может быть основанием для его умаления»). Слова «ничто не может быть» указывают на признание высокого статуса достоинства, отсутствие какого-либо основания для

«умаления» достоинства предполагает имплицитное существование уважения человеческого достоинства. Именно из презумпции существования уважения человеческого достоинства вытекает конституционный запрет на появление каких-либо оснований для умаления достоинства. Российское законодательство может уточнять содержание и фиксацию принципа уважения человеческого достоинства в отраслевых правовых актах, опираясь на конституционно-интерпретационную основу данного принципа.

2. *Принцип конституционной охраны достоинства личности*, который юридически закреплен в первом предложении ч. 1 ст. 21 Конституции РФ. Охрану достоинства личности Конституция РФ возлагает на государство. Это публично-правовое обязательство Российской государства в отношении неопределенного круга субъектов – обладателей достоинством. Конституционная охрана достоинства увязывается Конституционным Судом РФ с утверждением приоритета личности и ее прав во всех сферах; суд рассматривает ее «как необходимую предпосылку и основу всех других неотчуждаемых прав и свобод человека, условие их признания и соблюдения»⁴. Эта неоднократно выраженная правовая позиция Конституционного Суда РФ указывает на взаимосвязь принципа конституционной охраны достоинства личности как обязательства Российской государства и форм гарантированной реализации «неотчуждаемых прав и свобод человека», которыми в контексте конституционной юриспруденции являются основные и генетически связанные с ними отраслевые права и свободы, а также обязанности человека и гражданина в Российской Федерации.

3. *Принцип конституционно-правовой, конституционно-процессуальной и российской отраслевой (процессуальной) защиты достоинства личности*. Данный принцип имеет конституционную основу, интерпретационные положения в правовых позициях Конституционного суда РФ; он выступает как конституционно-процессуальное средство защиты достоинства личности как в контексте ч. 1 ст. 21 Конституции РФ, так и ч. 4 ст. 125 Конституции РФ и ст. 96 ФКЗ о КС о праве граждан и их объединений на обращение с жалобой в Конституционный Суд РФ. Федеральному органу конституционного правосудия в России следует учитывать приоритет принципа конституционно-правовой и конституционно-процессуальной защиты достоинства личности как обладающего более высоким правовым статусом закрепления и более высоким конституционно-интерпретационным положением. Соотношение принципа конституционно-правовой и конституционно-процессуальной защиты достоинства личности с иными отраслевыми и процессуальными средствами защиты определяется в доктрине, в процессуальном законодательстве, в правовых позициях Конституционного Суда РФ. Представляется важным, чтобы Конституционный Суд РФ поддерживал авторитет и высокий статус принципа конституционно-правовой и конституционно-процессуальной защиты достоинства личности и не отказывал заявителям в возможности его использования простой ссылкой на наличие иных средств процессуальной (отраслевой)

защиты достоинства личности и взаимосвязанных с ним прав, свобод, законных интересов. Можно ли считать, что положения ст. 152 ГК РФ (в том числе содержащиеся в п. 1, 3 и 9 данной статьи), устанавливающие гражданско-правовые способы защиты чести, достоинства и деловой репутации, определяют порядок реализации конституционного права на защиту чести и доброго имени (ст. 23, ч. 1 Конституции РФ), а также направлены на осуществление конституционной обязанности государства охранять достоинство личности (ст. 21, ч. 1)⁵? Очевидно, что Конституционный Суд РФ не разграниril конституционный статус принципа охраны достоинства личности государством и гражданско-правовые способы защиты чести, достоинства и деловой репутации с позиций конституционно-правового и конституционно-процессуального решения. Принцип конституционной охраны достоинства личности связан с принципом конституционно-процессуальной защиты достоинства, хотя и требует самостоятельного обоснования. Отказывая в праве на использование принципа конституционно-процессуальной защиты достоинства личности, Конституционный Суд умаляет и принцип конституционной охраны достоинства личности, который не может играть только роль отсылочной нормы к иным процессуальным (отраслевым) способам защиты достоинства. Важно выявлять не только конституционный смысл отраслевого законодательства в процессе оценки конституционности оспоренных норм, но и создавать конституционное понятие и конституционное содержание таких принципов, как принцип конституционной охраны достоинства личности и принцип конституционно-правовой и конституционно-процессуальной защиты достоинства.

4. *Принцип равного достоинства как конституционализированный принцип основ правового статуса личности*, предусмотренных главой 2 Конституции РФ (ст. 64). Опираясь на правовые позиции Конституционного Суда РФ, судебную и доктринальную конституционализацию достоинства личности, возможно расширение юридического поля действия принципа равного достоинства. Данный принцип может играть роль «конституционного зонтика» для правового статуса личности в Российской Федерации, роль судебно-интерпретационного и руководящего начала для оценки конституционности как правовых актов отрасли конституционного законодательства, так и актов иных отраслей права, которыми затрагиваются вопросы достоинства во взаимосвязи с конституционными и иными отраслевыми правами, свободами, обязанностями. Конституционной сердцевиной принципа равного достоинства выступает равноправие и обладание достоинством каждым человеком.

5. *Субъективное конституционное право на достоинство*, которое может иметь статус конституционализированного основного права человека и гражданина в Российской Федерации, непосредственно не предусмотренного Конституцией РФ, но имплицитно присутствующего и выводимого из положений о том, что «достоинство личности охраняется государством». Данное конституционное право может защи-

щаться в процедуре конституционного судопроизводства. Конституционной опорой данного права служит презумпция о том, что государство охраняет не только само достоинство, но и право на него как субъективное право человека и гражданина.

Универсальность и конституционно-семантическое поле концепта «достоинство»

Достоинство означает ценность в каком-то «абсолютном», автономизированном и объективированном, как бы «особенном» смысле [33. Р. 251]. Атрибутивность достоинства объективируется нормами международного и внутригосударственного права. Конституционное право и право в области прав человека занимают центральное положение в современных демократических государствах, поэтому статус достоинства, отраженный в нормах конституций и системах современного конституционализма, претендует на значение ведущей конституционной ценности и конституционного ориентира для других отраслей права и для практики конституционного правосудия. Конституционное время для достоинства личности хотя и наступило, особенно со второй половины XX в., создает разнообразную нормативную и судебную практику регламентации и защиты достоинства, сохраняя определенный юридический скептицизм о ее всеобщем и сравнительном значении. Как отмечают исследователи в сравнительном конституционном праве, центральная роль человеческого достоинства в глобальной культуре права («global culture of law») отнюдь не очевидна [21. Р. 371–373]. Юридическое время признания достоинства личности несомненно мало по сравнению с историческим временем идеи человеческого достоинства (или достоинства). Человеческое достоинство как этическая и политическая идея имеет оченьенную историю. Как у юридической концепции у него была довольно медленная карьера. Достоинство появилось слишком поздно в системе современного конституционного права, скорее, включение его в Устав ООН и Всеобщую декларацию прав человека вызвало дальнейшее развитие и генерирующее влияние на доктрины и нормативные основы конституционализма, прав человека и общего конституционного права.

В научных работах российских исследователей постепенно сформировалось представление о том, что право на достоинство личности имеет конституционный статус. Появились диссертации, в которых рассматривается конституционное право на достоинство личности как естественное, субъективное право, имеющее универсальный характер и относимое к первому поколению прав человека, к группе личных (гражданских) прав и свобод [34. С. 6, 9]. В иных работах достоинство личности анализируется с более широких позиций как правовое явление в целом; предпринимаются попытки создать единую концепцию «правового бытия достоинства личности в условиях современного российского общества» [35. С. 4]. Возвышение достоинства личности в системах современного и европейского конституционализма вызвано стремлением поставить под защиту (судебную, конституци-

онно-процессуальную) права человека, которые в том или ином виде тяготеют к пониманию достоинства как основания или ядра прав человека. Конституционализм соперничает с иными системами правового порядка и государственного управления в вопросах эффективности и генетической способности поддерживать многообразие, устойчивость и продуктивность в согласовании разнообразных интересов, ценностей и ожиданий. Обращаясь к достоинству, конституционализм не может игнорировать факт географического распространения правового регулирования достоинства и наличие культурного и связанного с ним разнообразия. Конституционализм определяется как модель, основанная на гарантиях, которая доверяет консенсусу лишь в определенной степени, но в то же время требует, чтобы конституционные суды поддержали ценности, руководящие принципы и основные права. В частности, особое внимание уделяется объективным элементам, таким как человеческое достоинство, либерально-демократический порядок и политический плюрализм, среди прочего обуславливающим обоснованность правопорядка, хотя и подходом, учитывающим основополагающий дух конституционного государства [36. Р. 392].

Универсальность и адаптивность конституционных принципов делает их устойчивыми для потребностей развития и применения в правовых системах различных государств. Положения о достоинстве личности способны продлевать жизнь конституций, хотя в большей степени конституционное долголетие – это результат комбинации устойчивой динамики конституционных норм, их адаптивность к меняющимся общественным отношениям, открытая структура конституции к новациям и инновациям в праве, разнообразные политico-правовые формы влияния на конституционный текст, широкое публичное обсуждение и признание принимаемых поправок, публичный дискурс в системе обратной связи выявления недостатков / пробелов и продвижение в общественное сознание достоинств конституции. Является ли долголетие конституции «достаточным свидетельством конституционного успеха»? Только в определенной степени, безусловной связи между успехом и долголетием, очевидно, нет. По мнению исследователей, нельзя признавать удовлетворительным такой взгляд на вещи, когда долголетие является «достаточным свидетельством конституционного успеха» [37. Р. 61]. Человеческая (не божественная) «рукотворность» конституций, как пишет Марк Брэндон, влияют на их судьбу (конституции – это «сделанные» вещи) и создают неумолимый эффект преходящего и в конституционной форме общественного бытия. Претензии на вечность любого конституционного режима заслуживают публичного обсуждения с позиций как востребованных, так и невостребованных конституционных преобразований. По всей видимости, любой конституционный эксперимент, хотя и может отличаться своей длительностью (годами, десятилетиями или столетиями), обречен на конечную форму своего существования во времени: «...как конституция вытесняет предыдущую конституцию или порядок, она

также может быть вытеснена при определенных обстоятельствах» [37. Р. 61–62].

Конституционный лексикон осмысляет эвристическую ценность человеческого достоинства. В познании тех или иных понятий важной оказывается их эвристическая ценность. Опираясь на эвристический метод Бернарда Лонергана (Bernard J.F. Lonergan), профессор философии (по кафедре католической философии) Глен Хьюз (Glenn Hughes) отмечает, что, по сути, «эвристические концепции играют центральную роль в познании и жизни человека» [38. Р. 8]. Он относит концепт достоинства к таким эвристическим понятиям, «смысл-содержание которых может все более охватываться последовательными актами познания»; при этом полное и завершенное содержание такого понятия остается в определенной степени неизвестным. Дальнейшее познание и даже «значительное открытие» всегда остается возможным, потому что смысл концепции никогда не может быть полностью понят существующим человеком. Когнитивная лингвистика позволяет методологически рассматривать достоинство в рамках открытой интерпретации, соединяя эвристическую ценность понятия с его лексическим смысловым многообразием. Такие термины, как «достоинство человеческой личности», «человеческое достоинство», «достоинство человека», могут отличаться содержательными коннотациями как отражающими связь между смыслом (коннотатом) и формой языковой единицы (именем или группой имен), однако каждый из таких терминов, где ядром выступает «достоинство» (*«dignity»*, *«dignus»*), является *открытым для интерпретации*, так как содержит открытую и одновременно глубинную семантическую структуру. Связь между открытостью и глубиной выражается множественностью смыслов термина «достоинство», в котором соединяются исторические, философско-этические, экзистенциальные, правовые и культурные оттенки. В когнитивной семантике используются термины «семантическая сеть» и «семантическое поле» для характеристики многозначного слова и обозначения вербализованного выражения взаимосвязей концептов.

Термин «семантическое поле» был введен в научный оборот Г. Ипсеном (в 1924 г.) и используется широким кругом ученых, различающих лингвистический и экстралингвистический подходы, опирающиеся на лексическую систему языка. Семантические поля могут объединять и лексические единицы, и различные значения полисемантического слова. По мнению исследователей, семантическое поле является множеством, которым охватываются слова с их семантической структурой, и лексико-семантические варианты многозначных слов, выражающие определенное понятие [39. С. 96]. Метод поля позволяет понимать язык как «продукт» сферы сознания не только отдельного народа (этноса), но и человечества. Когда исследуются такие концепты, как «достоинство», «достоинство человеческой личности», «человеческое достоинство» в кросс-языковом и кросс-историческом значении, ядро семантического поля позволяет удерживать сущность и главное значение термина, а полю в целом раскрывать сходство и различия в юридической лексике разных языков. Как отмечает М.А. Бор-

чарова, метод поля позволяет «увидеть специфику „картины мира“ в лексике разных языков» [40. С. 66].

Язык Конституции РФ и правовых позиций Конституционного Суда РФ по вопросам достоинства личности, его охраны и защиты оказывает влияние на формирование юридико-семантического поля концепта «достоинство». Можно говорить о появлении специфического конституционно-семантического поля понятия «достоинство личности». По мнению представителей лингвокультурологических исследований и когнитивной лингвистики, семантическое поле анализируемого концепта представляет собой иерархическую структуру, которая на первичном уровне сводится к единому ядру [41. С. 100–102]. Ядерная лексема (которая представлена концептом «достоинство») взаимодействует с остальными репрезентантами концепта, описывающими различные смысловые оттенки достоинства. С позиций культурного многообразия существует проблема культурной универсальности человеческого достоинства. Как отмечает исследователь из Университета Гонконга, «неуловимая природа человеческого достоинства создает проблемы, когда его оценивают в разных культурах». Тем не менее *достоинство* – это как *индивидуальная*, так и *общечеловеческая ценность с культурной спецификой и различными языковыми и правовыми формами выражения*. Отмечая общую связь с концепцией либеральной демократии, исследователь раскрывает ошибочность взгляда о том, что «идея человеческого достоинства» отсутствует в азиатских обществах, многие из которых функционируют в рамках альтернативных политических систем. Важное место в современном мире занимает межкультурная коммуникация; в такой перспективе необходим отказ от «этноцентризма и изучения сближения взглядов различных систем убеждений». Исследуя примеры конфуцианства и ислама, он раскрывает представление о том, как «человеческое достоинство понимается и реализуется в различных азиатских контекстах» [7. Р. 1–2].

Достоинство личности и структура основ правового положения человека и гражданина: общеправовые и конституционные аспекты

Человеческое достоинство в российской (советской) юриспруденции имело важное нормативно-доктринальное значение применительно к некоторым областям правового регулирования. Советское государство допускало использование категории «достоинство личности» прежде всего в сфере гражданского и гражданско-процессуального регулирования, но также и в сфере уголовно-правового и уголовно-процессуального регулирования. Научная сфера конституционной юриспруденции не формулировала доктрину человеческого достоинства применительно к сфере обеспечения и защиты основных прав и свобод личности. В дискуссии о конституционном статусе личности на современном этапе развития российской юриспруденции участвует и достоинство личности. В общей теории правового положения личности как интегральной части общей теории права существует давняя дискуссия о структурных элементах

такого положения и их содержании; в такой же степени эта дискуссия охватывает и основы правового положения личности, конституционно-нормативную базу которого составляют положения главы 2 Конституции РФ («права и свободы человека и гражданина»). В современных дебатах о структуре основ правового положения личности существует несколько подходов, олицетворяющих различные доктринальные установки исследователей.

Первый подход отражает *традиционные* представления о структуре основ правового положения личности как системе взаимосвязанных элементов: гражданстве, конституционных принципах правового положения личности, основных правах, свободах и обязанностях человека и гражданина, механизме их защиты и обеспечения, юридических и иных гарантиях реализации.

Второй подход формирует представления о *новациях*, о *дискуссионных элементах* структуры основ правового положения личности, к таким элементам относят законные интересы, дееспособность, общую право-субъектность и другие, согласно авторским позициям советских и современных ученых в области общей и отраслевой юриспруденции. Значительный вклад в формирование научных (доктринальных) основ правового положения личности внесли советские и современные российские ученые как в области конституционного права, так и теории права, теории прав человека: С.А. Авакян [42, 43], Н.В. Витрук [44, 45], Л.Д. Воеводин [46], Н.М. Колосова [47], Е.А. Лукашева [48], Н.И. Матузов [49], В.А. Патюлин [50], О.И. Тиунов [51], В.Е. Чиркин [52] и др. После вступления в силу Конституции РФ 1993 г. можно говорить о начале формирования и постепенном появлении *комплексного (и сложного) конституционно-правового института достоинства личности*. Этот институт – *конституционно-правовая новация* в структуре основ правового статуса человека и гражданина в РФ.

Как конституционно-правовая категория достоинство личности обладает качеством *целостности* благодаря тому, что выступает в качестве *гуманистического основания единства прав, свобод и обязанностей человека и гражданина*. Принцип единства прав, свобод и обязанностей занимает важное место в структуре основ правового положения личности и в системе конституционных принципов правового положения личности. По мнению исследователей-конституционалистов, единство прав и обязанностей личности связано с достижением «*сбалансированного поведения личности*» в различных сферах ее жизнедеятельности, с соблюдением целостности общественных отношений и обеспечением формально-юридического равенства индивидов [53. С. 35]. Помимо этого, единство прав и обязанностей, соединяя меру возможного и должно поведения личности, символизирует о юридической форме выражения единства индивидуальных и общественных интересов. Права и обязанности, взятые в единстве, «представляют целостную систему» [54. С. 93]. Достоинство и гражданство занимают в структуре правового положения личности пока еще полностью несогласованное положение, если учитывать относительную

новизну категории «достоинство личности» в российской конституционной юриспруденции. Конфликтность существует в двух основных линиях взаимодействия. Первая линия – принцип равного достоинства, на первый взгляд, тесным образом связан с принципом равного гражданства; признание достоинства личности конституционной ценностью и закрепление принципа равного гражданства не приводит к юридическому оформлению и обеспечению равного достоинства; ограничивается и принцип равного гражданства, особенно в отношении лиц, обладающих гражданством другого государства (двойным гражданством). Вторая линия – в многонациональном государстве, каким является Россия, с конституционно-правовых позиций достоинство личности не имеет особенностей правового регулирования, вызванных культурной, религиозной или национальной спецификой. Фактор языка влияет на отношения гражданства. Иностранные граждане и лица без гражданства, постоянно проживающие на законном основании на территории РФ, в случае их признания *носителями русского языка* (в соответствии со ст. 33.1 Федерального закона о гражданстве) вправе обратиться с заявлениями о приеме в гражданство РФ в упрощенном порядке. Существует опасность преобладания в России *вектора развития гражданства в националистической перспективе*.

Как отмечает Роджерс Брубейкер, во многих национальных государствах, как в Европе, так и в других странах, борьба за гражданство в подавляющем большинстве случаев требовала включенности в политику, социального достоинства, права голоса и права зарабатывать на жизнь. Во многих или даже во всех европейских и североамериканских странах иммиграции можно найти националистический ответ на иммиграцию. Ученый указывает: «Столкнувшись с тем, что они воспринимают как девальвацию, десакрализацию, денационализацию и плюрализм гражданства, националисты защищают традиционную модель национального государства, подтверждая ценность и достоинство национального гражданства и подчеркивая идею о том, что членство в государстве предполагает национальное членство». Они требуют от иммигрантов либо натурализации, строго обусловленной ассимиляцией, либо отъезда [55. Р. 143]. Категория «достоинство», примененная к гражданству, возвышает его через уважение к нему. В националистической перспективе гражданство должно обладать достоинством и вызывать уважение. Гражданство должно обладать внутренней, а не просто инструментальной ценностью [55. Р. 147]. Достоинство личности способно «разблокировать» концепт «гражданство»: когда мы обсуждаем вопрос о его взаимоотношениях с достоинством человека, мы стремимся разблокировать гражданство из его концептов, которые сосредоточены на нем как на правовом (юридическом) и политическом статусе, выраженном в виде серии прав и обязанностей. Как уверяют исследователи, «мы стремимся к тому, чтобы гражданство воспринималось как практика, процессы и отношения» [56. Р. 2].

В такой же степени и достоинство личности как правовой институт комплексного характера следует

воспринимать через практику, процессы и отношения, связанные с реализацией и обеспечением не только самого достоинства, но и прав и свобод личности, равного достоинства и права на гражданство. Принимая во внимание, что гражданство ссылается на государственную (национальную) принадлежность и связанные с ней права, личность взыскивает к правам и достоинству людей независимо от государственного (национального) статуса [57. Р. 9]. Достоинство стремится выйти за пределы национальной юрисдикции и получить признание как универсальное правовое понятие.

В качестве выводов можно отметить эвристическую ценность человеческого достоинства для современного конституционализма, национального и международного правопорядка; достоинство личности чувствительно к социальной сфере и социальному обслуживанию. Пока в России провозглашено уважение достоинства личности при осуществлении функции по социальному обслуживанию населения, заслуживает внимания право на социальное благополучие; оно может быть связано с формированием стан-

дартов и воплощением универсальной социальной безопасности на территории России [58. С. 44]. Достоинство личности требует нового подхода к юридическому перечню основных прав и свобод; назрела необходимость конституционализировать право на социальное благополучие, в котором достойная жизнь будет иметь не только прожиточный минимум как обязательство государства и гарантию реализации достоинства в социальной сфере, но и облечься в совокупность юридических притязаний: содержать параметры осуществления права на социальное благополучие, правомочия индивидов, обязательства государства и полномочия его органов по обеспечению и повышению стандартов социального благополучия в Российской Федерации.

Таким образом, после вступления в силу Конституции РФ 1993 г. постепенно формируется комплексный (и сложный) конституционно-правовой институт достоинства личности. Этот институт – конституционно-правовая новация в структуре основ правового статуса человека и гражданина в РФ.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Это высказывание Ф. Фукуямы содержится в статье «Дорога для достоинства» (*«The drive for dignity»*), редакционном комментарии к «арабской весне», опубликованном в журнале *«Foreign Policy»* [1].

² В труде *«De Inventione»*, не переведенном на русский язык, Цицерон писал, что *«dignitas est alicuius honesta et cultu et honore verecundia digna auctoritas»* (достоинство есть почетный авторитет того, кто достоин поклонения, чести и почтения) [3].

³ По делу о проверке конституционности пунктов 1 и 3 статьи 8 Федерального закона «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина Социалистической Республики Вьетнам Нгуен Чонг Хая: Постановление Конституционного Суда РФ от 29.05.2018 № 21-П // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 31.05.2018).

⁴ По делу о проверке конституционности статьи 46 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина И.В. Серегиной: Постановление Конституционного Суда РФ от 14.11.2018 № 41-П // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 16.11.2018).

⁵ Об отказе принятия к рассмотрению жалобы гражданина Чабака Ивана Ивановича на нарушение его конституционных прав рядом положений Гражданского кодекса Российской Федерации, Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях и Положения о Федеральной миграционной службе: Определение Конституционного Суда РФ от 25.10.2018 № 2591-О // СПС Консультант Плюс. Документ опубликован не был.

ЛИТЕРАТУРА

1. Fukuyama F. The drive for dignity // Foreign Policy. 2012. 12 January. URL: <http://foreignpolicy.com/2012/01/12/the-drive-for-dignity/> (дата обращения: 12.12.2019).
2. Пико дела Мирандола Дж. Речь о достоинстве человека // История эстетики. Памятники мировой эстетической мысли : в 5 т. / отв. ред. М.Ф. Овсянников. М. : Изд-во Академии художеств СССР, 1962. Т. 1. С. 506–514.
3. Cicero M. Tullius. De Inventione / ed. by E. Stroebel. URL: <http://data.perseus.org/citations/urn:cts:latinLit:phi0474.phi036.perseus-lat1:2.166>. (дата обращения: 12.12.2019).
4. Lustig A. The Image of God and Human Dignity: A Complex Conversation // Christian Bioethics. 2017. Vol. 23, is. 3. P. 317–334. DOI: 10.1093/cb/cbx014
5. Schachter O. Human Dignity as a Normative Concept // American Journal of International Law. 1983. Vol. 77, is. 4. P. 848–854.
6. Hartogh G. den. ‘Is Human Dignity the Ground of Human Rights?’ // The Cambridge Handbook of Human Dignity: Interdisciplinary Perspectives / eds. by M. Düwell, J. Braarvig, R. Brownsword, D. Mieth. Cambridge : Cambridge University Press, 2014. P. 200–207.
7. Lee M.Y.K. Universal Human Dignity: Some Reflections in the Asian Context // Asian Journal of Comparative Law. 2008. Vol. 3, is. 1. Article 10. P. 1–33. DOI: 10.2202/1932-0205.1076
8. Бондарь Н.С. Конституционная категория достоинства личности в ценностном измерении: теория и судебная практика // Конституционное и муниципальное право. 2017. № 4. С. 19–31.
9. Кравец И.А. Достоинство личности в теории и практике судебного конституционализма // Журнал конституционного правосудия. 2019. № 1. С. 11–20.
10. Невинский В.В. Конституция Российской Федерации и достоинство человека (воспоминание о будущем) // Конституционное и муниципальное право. 2013. № 11. С. 48–54.
11. Barak A. Human Dignity: The Constitutional Value and the Constitutional Right // Understanding Human Dignity / ed. by Ch. McCrudden. Oxford : British Academy, 2013. P. 361–380.
12. Glensy R.D. The Right to Dignity // Columbia Human Rights Law Review. 2011. Vol. 43, № 1. P. 65–142.
13. Bendor A.L., Sachs M. The Constitutional Status of Human Dignity in Germany and Israel // Israel Law Review. 2011. Vol. 44. P. 25–61.
14. Daly E. Dignity Rights: Courts, Constitutions, and the Worth of the Human Person. Philadelphia : University of Pennsylvania Press, 2012. 248 p.
15. Bódig M. Dignity Rights: Courts, Constitutions, and the Worth of the Human Person by Erin Daly. Philadelphia : University of Pennsylvania Press, 2011 // Journal of Human Rights. 2016. Vol. 15, is. 1. P. 150–155.
16. O’Mahony C. There Is no Such Thing as a Right to Dignity // International Journal of Constitutional Law. 2012. Vol. 10, is. 2. P. 551–574. DOI: 10.1093/icon/mos010

17. Waldron J. Dignity, Rank, and Rights (Tanner Lectures at the University of California, Berkeley, 2009). New York : Oxford University Press, 2012. 176 p.
18. Tribe L.H. Equal Dignity: Speaking Its Name // Harvard Law Review Forum. 2015. Vol. 129. P. 16–32.
19. Riley S. Human Dignity and Law. London : Routledge, 2018. 216 p. URL: <https://doi.org/10.4324/9781315268163>
20. Shultziner D., Carmi G.E. Human Dignity in National Constitutions: Functions, Promises and Dangers // American Journal of Comparative Law. 2014. Vol. 62, is. 2. P. 461–490.
21. Mahlmann M. Human Dignity and Autonomy in Modern Constitutional Orders // The Oxford Handbook of Comparative Constitutional Law / eds. by M. Rosenfeld, A. Sajó. Oxford : Oxford University Press, 2012. P. 371–396. DOI: 10.1093/oxfordhb/9780199578610.013.0020
22. Murkens J.E.K. The Quest for Constitutionalism in UK Public Law Discourse // Oxford Journal of Legal Studies. 2009. Vol. 29, № 3. P. 427–455.
23. Кравец И.А. Конституция РФ, права человека и достоинство личности: диалог конституционной теории, практики конституционного правосудия и международных норм // Юридическая наука и практика. 2019. Т. 15, № 2. С. 93–104. DOI: 10.25205/2542-0410-2019-15-2-93-104
24. Moyn S. The Secret History of Constitutional Dignity // Yale Human Rights and Development Law Journal. 2014. Vol. 17, is. 1. P. 39–73.
25. Rawls J. A Theory of Justice: Revised Edition. Cambridge, Massachusetts : The Belknap Press of Harvard University Press, 1999. 538 p.
26. Nowak M. Foreword // Humiliation, Degradation, Dehumanization: Human Dignity Violated, Library of Ethics and Applied Philosophy 24 / eds. by P. Kaufmann et al. Springer, 2011. 265 p.
27. Кравец И.А. Достоинство личности: диалог теории, конституционных норм, международных регуляторов и социальной реальности // Журнал российского права. 2019. № 1. С. 112–128.
28. Brugger W. Dignity, Rights, and Legal Philosophy within the Anthropological Cross of Decision-Making // German Law Journal. 2008. Vol. 9, № 10. P. 1243–1267.
29. Goodhart M. Recent Works on Dignity and Human Rights: A Road Not Taken // Perspectives on Politics. 2014. Vol. 12, is. 4. P. 846–856. DOI: 10.1017/S1537592714002175
30. Schroeder D. Human Rights and Human Dignity: An Appeal to Separate the Conjoined Twins // Ethical Theory and Moral Practice. 2012. Vol. 15, № 3. P. 323–335. DOI: 10.1007/s10677-011-9326-3
31. Barak A. The Judge in a Democracy. Princeton, NJ : Princeton University Press, 2008. 368 p.
32. Barak A. Human Dignity: The Constitutional Value and the Constitutional Right. Cambridge University Press, 2015. xxxviii, 360 p.
33. Kolnai A. Dignity // Philosophy. 1976. Vol. 51, № 197. P. 251–271.
34. Марченко В.Я. Достоинство личности в конституционно-правовом измерении : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. 24 с.
35. Штанько И.Н. Достоинство личности как правовое явление : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2006. 26 с.
36. Santos J.A. Constitutionalism, Resistance and Militant Democracy // Ratio Juris. 2015. Vol. 28 (3). P. 392–407.
37. Brandon M.E. Constitutionalism and Constitutional Failure // The Good Society. 1999. Vol. 9, № 2. P. 61–67.
38. Hughes G. The Concept of Dignity in the Universal Declaration of Human Rights // The Journal of Religious Ethics. 2011. Vol. 39, № 1. P. 1–24.
39. Башарина А.К. Понятие «семантическое поле» // Вестник ЯГУ. 2007. Т. 4, № 1. С. 93–96.
40. Бочарова М.А. Семантическое поле как способ системного описания лексики // Вестник РУДН. Серия: Вопросы образования: языки и специальность. 2012. № 4. С. 63–67.
41. Павленко В.Г. Языковые средства вербализации лингвокультурного концепта «cognition» в английском языке // Язык и культура. 2016. № 4. С. 100–111. DOI: 10.17223/19996195/36/8
42. Авалян С.А. Конституционное право России : учебный курс : в 2 т. М. : Юрист, 2005. Т. 1. 719 с.
43. Авалян С.А. Конституционное право России. Учебный курс : учебное пособие : в 2 т. 5-е изд., перераб. и доп. М. : Норма: ИНФРА-М, 2017. Т. 1.
44. Витрук Н.В. Основы теории правового положения личности в социалистическом обществе / отв. ред. В.А. Патолин. М. : Наука, 1979. 229 с.
45. Витрук Н.В. Общая теория правового положения личности. М. : Норма, 2017. 448 с.
46. Воеводин Л.Д. Юридический статус личности в России. М. : Изд-во МГУ, 1997. 299 с.
47. Колосова Н.М. Конституционно-правовой статус человека и гражданина // Конституционное законодательство России / под ред. Ю.А. Тихомирова. М. : Городец, 1999. 382 с.
48. Права человека / отв. ред. Е.А. Лукашева. 2-е изд., перераб. М. : Норма, 2011. 560 с.
49. Матузов Н.И. Правовой статус личности: понятие, структура, виды // Теория государства и права : курс лекций / под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Юристъ, 2001. 776 с.
50. Патолин В.А. Государство и личность в СССР. Правовые аспекты взаимоотношений / отв. ред. Н.П. Фарберов. М. : Наука, 1974. 246 с.
51. Конституционные права и свободы человека и гражданина в Российской Федерации : учеб. для вузов / под ред. О.И. Тиунова. М. : НОРМА, 2005. 608 с.
52. Чиркин В.Е. Конституционная терминология. М. : Норма; ИНФРА-М, 2016. 272 с.
53. Невинский В.В. Юридическая конструкция правового положения человека и гражданина // Личность и государство на рубеже веков : сб. науч. ст. / под ред. В.В. Невинского. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2000. С. 17–38.
54. Быков О.П. Единство прав и обязанностей личности как условие ее гармоничного развития в обществе // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 328. С. 93–95.
55. Brubaker R. Citizenship and Nationhood in France and Germany. Harvard University Press, 1992. 281 p.
56. Clarke J., Coll K., Dagnino E. and Neveu C. Disputing citizenship. Bristol University Press, 2014. 224 p.
57. Bosniak L. Persons and citizens in constitutional thought // International Journal of Constitutional Law. 2010. Vol. 8, is. 1. P. 9–29. DOI: <https://doi.org/10.1093/icon/mop031>
58. Кравец И.А. Конституционализация достоинства личности и перспективы права на социальное благополучие // Государство и право. 2020. № 1. С. 41–53. DOI: 10.31857/S013207690008349-5

Статья представлена научной редакцией «Право» 7 мая 2020 г.

A “Worthy Man” (“Homo Dignus”) in Modern Constitutionalism and in the Legal Regulation of the Status of a Person (Domestic, Comparative and International Aspects)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 459, 242–255.

DOI: 10.17223/15617793/459/30

Igor A. Kravets, Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: kravigor@gmail.com

Keywords: homo dignus; human dignity; constitutionalism; right to dignity; imago Dei, legal concept of man, constitutional status of person, equal dignity.

The reported study was funded by the Russian Foundation for Basic Research, Project No. 18-011-00761 A.

The article considers *homo dignus* as a theoretical, constitutional, and legal concept; secular and theological approaches to understanding human dignity, differences between the Roman concept of *dignitas* and the theological concept “image of God” (“*imago Dei*”). The problem of constitutional-legal and wider legal regulation of human dignity in the domestic and international context is investigated. The many faces of the term “dignity” in modern scientific jurisprudence and approaches to understanding the dignity of personhood in constitutional jurisprudence in a comparative aspect are revealed. The article uses methods of discursive and comparative legal analysis, the method of constitutional design, specific historical and formal legal methods of analysis. The author notes the existence of five areas that affect the legal concept of man and legal forms of consolidation of human dignity: (1) a philosophical and legal approach that combines analytic philosophy with analytical jurisprudence; (2) a philosophical and ethical approach that upholds the moral and humanistic value of human dignity; (3) an existential approach encompassing philosophical and legal existence; (4) a theological approach based on Christian ethics; (5) the approach of legal polymorphism. This article substantiates the concept “constitutionalism of human dignity” from the standpoint of the Russian, comparative and international contexts. The author believes that the doctrine of constitutionalism of human dignity is being formed in Russia. The doctrine seeks to cover various legal aspects of using the concept “dignity of personhood”, as enshrined in the provisions of Part 1 of Article 21 of the Constitution of the Russian Federation. The elements of this doctrine are: (1) the principle of respect for human dignity, (2) the principle of constitutional safeguard of the dignity of personhood, (3) the principle of constitutional, constitutional procedural and Russian sectoral (procedural) protection of the dignity of personhood, (4) the principle of equal dignity as a constitutionalized principle of the foundations of the legal status of a person, (5) the subjective constitutional right to dignity. The article contains reflections on the universality and constitutional and semantic field of the concept “dignity”, on the heuristic value of human dignity for modern constitutionalism, national and international rule of law; about the place of dignity of personhood in the structure of the foundations of the legal status of man and citizen, general legal and constitutional aspects of identifying the institution of dignity of personhood; the problem of the ratio of equal dignity and citizenship. The article concludes that, after the entry into force of the Constitution of the Russian Federation (1993), a complex constitutional legal institution of the dignity of personhood is being gradually formed. This institution is a constitutional and legal innovation in the structure of the foundations of the legal status of man and citizen.

REFERENCES

1. Fukuyama, F. (2012) The drive for dignity. *Foreign Policy*. 12 January. [Online] Available from: <http://foreignpolicy.com/2012/01/12/the-drive-for-dignity/> (Accessed: 12.12.2019).
2. Pico della Mirandola, G. (1962) Rech' o dostoinstve cheloveka [Oration on the dignity of man]. Translated from Italian. In: Ovsyannikov, M.F. (ed.) *Istoriya estetiki. Pamyatniki mirovoy esteticheskoy mysli: v 5 t.* [History of aesthetics. Monuments of world aesthetic thought: in 5 volumes]. Vol. 1. Moscow: USSR Academy of Arts. pp. 506–514.
3. Tullius Cicero, M. (1915) *De Inventione*. [Online] Available from: <http://data.perseus.org/citations/urn:cts:latinLit:phi0474.phi036.perseus-lat1:2.166>. (Accessed: 12.12.2019).
4. Lustig, A. (2017) The Image of God and Human Dignity: A Complex Conversation. *Christian Bioethics*. 23 (3). pp. 317–334. DOI: 10.1093/cb/cbx014
5. Schachter, O. (1983) Human Dignity as a Normative Concept. *American Journal of International Law*. 77 (4). pp. 848–854.
6. den Hartogh, G. (2014) ‘Is Human Dignity the Ground of Human Rights?’ In: Düwell, M., Braarvig, J., Brownsword, R. & Mieth, D. (eds) *The Cambridge Handbook of Human Dignity: Interdisciplinary Perspectives*. Cambridge: Cambridge University Press. pp. 200–207.
7. Lee, M.Y.K. (2008) Universal Human Dignity: Some Reflections in the Asian Context. *Asian Journal of Comparative Law*. 3 (1). Article 10. pp. 1–33. DOI: 10.2202/1932-0205.1076
8. Bondar', N.S. (2017) Constitutional category of human dignity in value-based measurement: Theory and court practice. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo – Constitutional and Municipal Law*. 4. pp. 19–31. (In Russian).
9. Kravets, I.A. (2019) Human dignity in the theory and practice of judicial constitutionalism. *Zhurnal konstitutsionnogo pravosudiya – Journal of Constitutional Justice*. 1. pp. 11–20. (In Russian).
10. Nevinskiy, V.V. (2013) The constitution of the Russian Federation and dignity of a person (Recollection of the future). *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo – Constitutional and Municipal Law*. 11. pp. 48–54. (In Russian).
11. Barak, A. (2013) Human Dignity: The Constitutional Value and the Constitutional Right. In: McCrudden, Ch. (ed.) *Understanding Human Dignity*. Oxford: British Academy. pp. 361–380.
12. Glensy, R.D. (2011) The Right to Dignity. *Columbia Human Rights Law Review*. 43 (1). pp. 65–142.
13. Bendor, A.L. & Sachs, M. (2011) The Constitutional Status of Human Dignity in Germany and Israel. *Israel Law Review*. 44. pp. 25–61.
14. Daly, E. (2012) *Dignity Rights: Courts, Constitutions, and the Worth of the Human Person*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press.
15. Bódig, M. (2016) Dignity Rights: Courts, Constitutions, and the Worth of the Human Person by Erin Daly. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2011. *Journal of Human Rights*. 15 (1). pp. 150–155.
16. O'Mahony, C. (2012) There Is no Such Thing as a Right to Dignity. *International Journal of Constitutional Law*. 10 (2). pp. 551–574. DOI: 10.1093/icon/mos010
17. Waldron, J. (2012) *Dignity, Rank, and Rights* (Tanner Lectures at the University of California, Berkeley, 2009). New York: Oxford University Press.
18. Tribe, L.H. (2015) Equal Dignity: Speaking Its Name. *Harvard Law Review Forum*. 129. pp. 16–32.
19. Riley, S. (2018) *Human Dignity and Law*. London: Routledge. DOI: 10.4324/9781315268163
20. Shulziner, D. & Carmi, G.E. (2014) Human Dignity in National Constitutions: Functions, Promises and Dangers. *American Journal of Comparative Law*. 62 (2). pp. 461–490.
21. Mahlmann, M. (2012) Human Dignity and Autonomy in Modern Constitutional Orders. In: Rosenfeld, M. & Sajo, A. (eds) *The Oxford Handbook of Comparative Constitutional Law*. Oxford: Oxford University Press. pp. 371–396. DOI: 10.1093/oxfordhb/9780199578610.013.0020
22. Murkens, J.E.K. (2009) The Quest for Constitutionalism in UK Public Law Discourse. *Oxford Journal of Legal Studies*. 29 (3). pp. 427–455.
23. Kravets, I.A. (2019) The Constitution of the Russian Federation, Human Rights and Human Dignity: Dialogue of Constitutional Theory, Practice of Constitutional Justice and International Norms. *Yuridicheskaya nauka i praktika – Juridical Science and Practice*. 15 (2). pp. 93–104. (In Russian). DOI: 10.25205/2542-0410-2019-15-2-93-104
24. Moyn, S. (2014) The Secret History of Constitutional Dignity. *Yale Human Rights and Development Law Journal*. 17 (1). pp. 39–73.
25. Rawls, J. (1999) *A Theory of Justice*. Revised Edition. Cambridge, Massachusetts: The Belknap Press of Harvard University Press.
26. Nowak, M. (2011) Foreword. In: Kaufmann, P. et al. (eds) *Humiliation, Degradation, Dehumanization: Human Dignity Violated*. Library of Ethics and Applied Philosophy 24. Springer.
27. Kravets, I.A. (2019) Human dignity: Dialogue of theory, constitutional norms, international regulators and social reality. *Zhurnal rossiyskogo prava – Journal of Russian Law*. 1. pp. 112–128. (In Russian).

28. Brugger, W. (2008) Dignity, Rights, and Legal Philosophy within the Anthropological Cross of Decision-Making. *German Law Journal*. 9 (10). pp. 1243–1267.
29. Goodhart, M. (2014) Recent Works on Dignity and Human Rights: A Road Not Taken. *Perspectives on Politics*. 12 (4). pp. 846–856. DOI: 10.1017/S1537592714002175
30. Schroeder, D. (2012) Human Rights and Human Dignity: An Appeal to Separate the Conjoined Twins. *Ethical Theory and Moral Practice*. 15 (3). pp. 323–335. DOI: 10.1007/s10677-011-9326-3
31. Barak, A. (2008) *The Judge in a Democracy*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
32. Barak, A. (2015) *Human Dignity: The Constitutional Value and the Constitutional Right*. Cambridge University Press.
33. Kolnai, A. (1976) Dignity. *Philosophy*. 51 (197). pp. 251–271.
34. Marchenko, V.Ya. (2008) *Dostoinstvo lichnosti v konstitutsionno-pravovom izmerenii* [Human dignity in the constitutional and legal dimension]. Abstract of Law Cand. Diss. Moscow.
35. Shtan'ko, I.N. (2006) *Dostoinstvo lichnosti kak pravovoe yavlenie* [Human dignity as a legal phenomenon]. Abstract of Law Cand. Diss. Vladimir.
36. Santos, J.A. (2015) Constitutionalism, Resistance and Militant Democracy. *Ratio Juris*. 28 (3). pp. 392–407.
37. Brandon, M.E. (1999) Constitutionalism and Constitutional Failure. *The Good Society*. 9 (2). pp. 61–67.
38. Hughes, G. (2011) The Concept of Dignity in the Universal Declaration of Human Rights. *The Journal of Religious Ethics*. 39 (1). pp. 1–24.
39. Basharina, A.K. (2007) Semantic field. *Vestnik YaGU*. 4 (1). pp. 93–96. (In Russian).
40. Bocharova, M.A. (2012) Semantic field as a method of the system description of vocabulary. *Vestnik RUDN. Seriya: Voprosy obrazovaniya: yazyki i spetsial'nost'*. 4. pp. 63–67. (In Russian).
41. Pavlenko, V.G. (2016) Linguistic means of linguocultural concept “cognition” in English. *Yazyk i kul'tura – Language and Culture*. 4. pp. 100–111. (In Russian). DOI: 10.17223/19996195/36/8
42. Avak'yan, S.A. (2005) *Konstitutionnoe pravo Rossii: uchebnyi kurs: v 2 t.* [Constitutional law of Russia: Training course: In 2 volumes]. Vol. 1. Moscow: Yurist.
43. Avak'yan, S.A. (2017) *Konstitutionnoe pravo Rossii. Uchebnyi kurs: uchebnoe posobie: v 2 t.* [Constitutional law of Russia: Training course: In 2 volumes]. 5th ed. Vol. 1. Moscow: Norma; INFRA-M.
44. Vitruk, N.V. (1979) *Osnovy teorii pravovogo polozheniya lichnosti v sotsialisticheskem obshchestve* [Foundations of the theory of the legal status of an individual in a socialist society]. Moscow: Nauka.
45. Vitruk, N.V. (2017) *Obshchaya teoriya pravovogo polozheniya lichnosti* [General theory of the legal status of the individual]. Moscow: Norma.
46. Voevodin, L.D. (1997) *Yuridicheskiy status lichnosti v Rossii* [The legal status of a person in Russia]. Moscow: Moscow State University.
47. Kolosova, N.M. (1999) Konstitutsionno-pravovoy status cheloveka i grazhdanina [Constitutional and legal status of person and citizen]. In: Tikhomirov, Yu.A. (ed.) *Konstitutsionnoe zakonodatel'stvo Rossii* [Constitutional legislation of Russia]. Moscow: Gorodets.
48. Lukasheva, E.A. (ed.) (2011) *Prava cheloveka* [Human rights]. 2nd ed. Moscow: Norma.
49. Matuzov, N.I. (2001) Pravovoy status lichnosti: pomyatye, struktura, vidy [Legal status of a person: Concept, structure, types]. In: Matuzov, N.I. & Malko, A.V. (eds) *Teoriya gosudarstva i prava: kurs lektsiy* [Theory of state and law: A course of lectures]. 2nd ed. Moscow: Yurist".
50. Patyulin, V.A. (1974) *Gosudarstvo i lichnost' v SSSR. Pravovye aspekty vzaimootnosheniy* [State and person in the USSR. Legal aspects of relations]. Moscow: Nauka.
51. Tiunov, O.I. (ed.) (2005) *Konstitutionnye prava i svobody cheloveka i grazhdanina v Rossiyskoy Federatsii: ucheb. dlya vuzov* [Constitutional rights and freedoms of man and citizen in the Russian Federation: A textbook for universities]. Moscow: NORMA.
52. Chirkin, V.E. (2016) *Konstitutionnaya terminologiya* [Constitutional terminology]. Moscow: Norma; INFRA-M.
53. Nevinskiy, V.V. (2000) Yuridicheskaya konstruktsiya pravovogo polozheniya cheloveka i grazhdanina [Legal structure of the legal status of person and citizen]. In: Nevinskiy, V.V. (ed.) *Lichnost' i gosudarstvo na rubezhe vekov* [Person and state at the turn of the century]. Barnaul: Altai State University. pp. 17–38.
54. Bykov, O.P. (2009) The unity of the rights and obligations of a personality as a condition for its harmonic development in society. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 328. pp. 93–95. (In Russian).
55. Brubaker, R. (1992) *Citizenship and Nationhood in France and Germany*. Harvard University Press.
56. Clarke, J., Coll, K., Dagnino, E. & Neveu, C. (2014) *Disputing Citizenship*. Bristol University Press.
57. Bosniak, L. (2010) Persons and citizens in constitutional thought. *International Journal of Constitutional Law*. 8 (1). pp. 9–29. DOI: 10.1093/icon/mop031
58. Kravets, I.A. (2020) Constitutionalization of human dignity and prospects for the right to social well-being. *Gosudarstvo i pravo – State and Law*. 1. pp. 41–53. (In Russian). DOI: 10.31857/S013207690008349-5

Received: 07 May 2020

A.A. Рукавишникова

ОСНОВАНИЯ ИЗМЕНЕНИЯ И ОТМЕНЫ ИТОГОВЫХ СУДЕБНЫХ РЕШЕНИЙ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ В КАССАЦИОННЫХ СУДАХ ОБЩЕЙ ЮРИСДИКЦИИ

На основании изучения норм закона, разъяснений Пленума Верховного Суда РФ, правоприменительной практики и сущности современного производства в суде кассационной инстанции формулируется вывод, что основанием проверки в суде кассационной инстанции должна являться законность. Аргументировано, что обоснованность приговора не должна выступать самостоятельным основанием проверки приговора, но в определенных случаях может быть проверена как последствие нарушения закона.

Ключевые слова: производство в суде кассационной инстанции; основания изменения и отмены итоговых судебных решений; практика деятельности кассационных судов общей юрисдикции.

Правильное определение предмета, оснований, методов и пределов проверки для производства в суде апелляционной, кассационной и надзорной инстанций обеспечивает эффективное функционирование всей системы обжалования и проверки судебного решения, является гарантией обеспечения его законной силы.

Основания обжалования и проверки судебного решения служат одним из системообразующих признаков для формирования конкретного способа проверки и определения его места и предназначения в системе обжалования и проверки судебных решений в уголовном процессе.

Законодатель с точки зрения формулирования норм уголовно-процессуального закона провел водораздел между основаниями для обжалования и проверки судебного решения в суде апелляционной и кассационной инстанций, учитывая, что производство в суде кассационной инстанции предназначено для проверки судебного решения, уже вступившего в законную силу. В соответствии со ст. 389.9 УПК РФ суд апелляционной инстанции проверяет по апелляционным жалобам (представлениям) законность, обоснованность и справедливость приговора, законность и обоснованность иного решения суда первой инстанции. Основаниями отмены или изменения судебного решения в апелляционном порядке являются: несоответствие выводов суда, изложенных в приговоре, фактическим обстоятельствам уголовного дела, установленным судом первой инстанции; существенное нарушение уголовно-процессуального закона; неправильное применение уголовного закона; несправедливость приговора; выявление обстоятельств, указанных в ч. 1 и п. 1 ч. 1.2 ст. 237 УПК РФ (ст. 389.15 УПК РФ).

В свою очередь суд кассационной инстанции проверяет по кассационной жалобе (представлению) законность приговора, определения или постановления суда, вступившего в законную силу (ст. 401.1 УПК РФ). Основаниями отмены или изменения приговора, определения или постановления суда при рассмотрении уголовного дела в кассационном порядке являются существенные нарушения уголовного и (или) уголовно-процессуального закона, повлиявшие на исход дела, либо выявление данных, свидетельствующих о несоблюдении лицом условий и невыполнении им обязательств, предусмотренных досудебным соглашением о сотрудничестве (ч. 1 ст. 401.15 УПК РФ).

Таким образом, из предмета проверки судов кассационной инстанции исключены обоснованность и справедливость приговора.

Несмотря на то что нормы УПК РФ применительно к основаниям проверки судебных решений в суде кассационной инстанции оставались неизменными (с начала реформы системы обжалования и проверки судебных решений в 2010 г.), позиция Пленума Верховного Суда РФ применительно к определению такого круга оснований корректировалась.

Первоначально в соответствии с абз. 3 п. 10 редакции Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28 января 2014 г. (в редакции 03.03.2015 г.) для правоприменителей была определена позиция, согласно которой если кассационные жалобы (представление), наряду с другими, содержат доводы, не относящиеся в силу закона к предмету проверки суда кассационной инстанции, то в этой части суд (судья) оставляет их без проверки, на что указывает постановление (определение) [1].

Между тем правоприменительная практика того периода складывалась иначе, и при наличии в кассационных жалобах (представлениях) указания на необоснованность приговора суды кассационной инстанции в своей деятельности реализовывали два подхода: оставляли кассационные жалобы (представления) в этой части без рассмотрения, ссылаясь на ст. 401 УПК РФ; проверяли приговор на предмет обоснованности, ссылаясь на необходимость проверки правильности применения норм УПК РФ при собирании, проверке и оценке доказательств и недопустимость существования неправосудного приговора, обеспечение которого является задачей проверочных судебных инстанций [2. С. 85–86]. При этом судами кассационной инстанции исправлялись любые нарушения в применении уголовного закона, так как они все признавались повлиявшими на исход дела. Существенность и степень влияния на исход уголовного дела оценивались лишь применительно к нарушениям уголовно-процессуального закона.

Уже первоначально сформировавшаяся практика деятельности судов кассационной инстанции демонстрировала потребность в некоторых случаях при проверке наличия нарушения закона оценки правильности установления фактической стороны уголовного дела.

После начала функционирования кассационных судов общей юрисдикции Пленум Верховного Суда РФ отошел от такой жесткой позиции о недопустимости проверки обоснованности в судах кассационной инстанции. Пленум Верховного Суда РФ в п. 16 в постановлении от 25 июня 2019 г. № 19 предусмотрел, возможность проверки доводов жалобы (представления) о недопустимости доказательства, положенного в основу обвинительного приговора, постановленного в общем порядке судебного разбирательства, если решение этого вопроса повлияло на выводы суда относительно фактических обстоятельств дела. Кроме того, обратил внимание на то, что если кассационные жалобы (представления) содержат доводы, не относящиеся в силу закона к предмету судебного разбирательства в кассационном порядке, то в этой части суд (судья) *вправе* (выделено мною. – A.P.) оставить их без проверки, на что указывает в определении (постановлении) [3].

Учеными-процессуалистами данное Пленумом Верховного Суда РФ разъяснение в части возможности проверки судами кассационной инстанции обоснованности судебных решений оценивается как отход от жесткого деления предмета производства на вопросы факта и права, позволяющего избежать в деятельности кассационной инстанции излишнего формализма и искусственного ограничения круга возможных нарушений закона, подлежащих исправлению [4. С. 28].

Разъяснения, данные в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 25 июня 2019 г. № 19, в части понимания исправляемых судами кассационной инстанции нарушений уголовного и уголовно-процессуального закона в целом остались неизменными. В соответствии с Постановлением Пленума Верховного Суда РФ было лишь уточнено, что несправедливость приговора, по которому было назначено наказание, не соответствующее тяжести преступления, личности осужденного или по которому судом назначено несправедливое наказание вследствие его чрезмерной мягкости либо чрезмерной суровости, подлежат проверке судом кассационной инстанции в случае, если такое решение суда явилось следствием неправильного применения норм уголовного закона [3].

Анализ данных Пленумом Верховного Суда РФ разъяснений от 25 июня 2019 г. позволяет говорить о том, что суд кассационной инстанции ориентирован на устранение любых ошибок, которые встречаются в неправосудном судебном решении, улучшающих положение осужденного (оправданного), и такой подход призван обеспечить правосудность судебного решения за счет устранения любой судебной ошибки, что является гарантией обеспечения участникам уголовного процесса права на справедливое судебное разбирательство.

В то же время реализация такого подхода на практике не позволит разграничивать основания проверки в судах апелляционной и кассационной инстанций и приведет к их дублированию, в целом не позволит обеспечить исключительный характер производства в суде кассационной инстанции, предметом проверки

которого является решение, вступившее в законную силу. В соответствии с этим подходом право проверки судом кассационной инстанции доводов жалобы (представления), не входящих в предмет его проверки, отнесено к дискреционным полномочиям этого суда. Такая свобода усмотрения со стороны суда кассационной инстанции может иметь последствием нарушение принципа процессуального равенства участников уголовного процесса при реализации права на устранение судебной ошибки и создать ситуацию многообразия подходов на практике, так как каждый суд кассационной инстанции будет действовать по собственному усмотрению в отсутствие определенных критерииев. Кроме того, реализация такого подхода правоприменителем способна поставить вопрос об обеспечении равного с осужденным права потерпевшего на справедливое судебное разбирательство, в том числе когда интересы потерпевшего и прокурора не совпадают.

Все это в совокупности может создать угрозу обеспечения законной силы судебного решения и состояния правовой определенности.

Не все рассмотренные разъяснения Пленума Верховного Суда РФ от 25 июня 2019 г. в полной мере были восприняты правоприменительной практикой. Анализ деятельности вновь созданных кассационных судов общей юрисдикции¹ в целом подтверждает преемственность в устраниемых ими видах нарушений уголовного и уголовно-процессуального закона, допущенных судами первой и апелляционной инстанций, с выявляемыми и устранимыми ранее в судах кассационной инстанции (до создания кассационных судов общей юрисдикции) такими нарушениями.

Как показывает практика, кассационная инстанция устраниет любые нарушения, допущенные в применении уголовного закона судами первой и апелляционной инстанций. Так, к числу нарушений уголовного закона, исправляемых в судах кассационной инстанции при проверке итоговых решений, относятся: нарушения УК РФ при назначении наказания (нарушение требований УК РФ при зачете срока запрета совершать определенные действия, домашнего ареста, заключения под стражу в срок лишения свободы; неправильное назначение наказания по правилам ч. 5 ст. 69 УК РФ; неправильное назначение наказания при наличии смягчающих и отягчающих обстоятельств; неуказание о размере взыскания из заработка платы осужденного; двойной учет судимости при назначении наказания в нарушение требований ч. 2 ст. 63 УК РФ; неправильное назначение наказания при рецидиве преступлений, неправильное определение вида исправительного учреждения); неправильная квалификация деяния (как продолжаемое преступление вместо совокупности самостоятельных эпизодов) и т.д.

Более того, при устранении нарушений уголовного закона в пользу осужденного суды кассационной инстанции активно применяют правило о ревизии и устраниют ошибки в применении уголовного закона, даже если на них не было указаний в кассационной жалобе (представлении). Так, суд кассационной инстанции инициативно исправил срок зачета домашнего ареста в срок лишения свободы в связи с неприме-

нением ч. 1 ст. 10 УК РФ; проверил правильность решения вопроса о судебных издержках, возложенных на осужденного, и освободил в части; изменил формулировку обязанностей при ограничении свободы, назначенном по приговору суда; отменил решение в части взыскания процессуальных издержек на оплату услуг представителя и т.п. [5, 10].

Существующая на практике тенденция правопонимания судами нарушений уголовного закона, устраниемых в суде кассационной инстанции, с одной стороны, способна обеспечить исправление судами кассационной инстанции любого нарушения в применении норм УК РФ, так как оно всегда отражается на положении осужденного (как в части квалификации совершенного деяния, так в части наказания). Более того, такая практика судов кассационной инстанции свидетельствует об усилении публичного начала современного кассационного производства, что оправданно, так как предметом проверки выступает решение, вступившее в законную силу [6. С. 7–8]. Но с другой стороны, как уже было отмечено, такой подход может привести к нарушению процессуального равенства в реализации права на справедливое судебное разбирательство между осужденным и потерпевшим, также имеющим и отстаивающим собственный интерес в уголовном деле.

Анализ изученной практики показал, что нарушениями уголовно-процессуального закона судами кассационной инстанции признаются:

- нарушения права на защиту (судом апелляционной инстанции после повторного отказа от защитника назначение защитника было проведено без разъяснения ч. 3 ст. 50 УПК РФ; не было предоставлено назначенному защитнику время на подготовку к судебному заседанию);
- неизвещение или ненадлежащее извещение участников процесса о дате, времени и месте судебного заседания в суде первой и апелляционной инстанций (включая случаи отсутствия в материалах уголовного дела документов, подтверждающих факт извещения);
- нарушение порядка составления приговора (ссылка на доказательства, которые не исследовались в судебном заседании; указание на сохранение применения иных мер принуждения, хотя они не были применены в судебном разбирательстве; использование в приговоре в качестве доказательств показаний сотрудников, проводивших задержание, в части сведений, которые стали им известны из беседы с подозреваемым; замена судом потерпевшего в совещательной комнате при вынесении приговора; принятие решения о судебных издержках в совещательной комнате без обсуждения в судебном заседании и выяснения мнения подсудимого; наличие в новом приговоре, вынесенном после отмены приговора в апелляционном порядке, выводов о недопустимости доказательств, идентичных и повторяющих оценку, ранее данную в приговоре, который был отменен)².

Можно констатировать, что, следуя требованиям УПК РФ и разъяснениям Пленума Верховного Суда РФ от 25 июня 2019 г. № 19, судами кассационной инстанции не всякое нарушение уголовно-про-

цессуального закона признается основанием для отмены или изменения судебного решения, вступившего в законную силу. Выявленные в ходе анализа практики нарушения уголовно-процессуального закона свидетельствуют о существенном характере нарушений процессуальной формы, которые по своей сути и содержанию не могли не повлиять на исход уголовного дела.

При оценке нарушения уголовно-процессуальной формы суды кассационной инстанции исходят из того, что при вынесении итоговых судебных решений не должно быть допущено процессуальных нарушений, во-первых, ограничивающих права участников уголовного судопроизводства на справедливое судебное разбирательство на основе принципа состязательности и равноправия сторон; во-вторых, нарушающих установленную процедуру расследования уголовного дела; в-третьих, нарушающих права всех участников уголовного судопроизводства; в-четвертых, нарушающих положения гл. 36–39 УПК РФ, определяющих общие условия судебного разбирательства. В связи с этим в части исправления нарушений уголовно-процессуального закона полномочия апелляционных и кассационных судов разделены не только в соответствии с УПК РФ, но и в ходе правоприменительной деятельности.

Как правило, решения кассационных судов общей юрисдикции содержат мотивировку, исходя из которой обоснованность приговора не выступает отдельным основанием проверки судебных решений в суде кассационной инстанции.

Суды кассационной инстанции в своих решениях в соответствии с УПК РФ отмечают, что проверка обоснованности и правильности выводов суда о фактической стороне уголовного дела не входит в предмет проверки суда кассационной инстанции. Так, в кассационных определениях отмечается, что «кассационная инстанция не проверяет правильность установления фактических обстоятельств, ссылаясь на то, что, исходя из положений уголовно-процессуального закона, судебное решение не может быть обжаловано сторонами и пересмотрено в порядке, предусмотренном главой 47.1 УПК РФ, по такому основанию, как несоответствие выводов суда, изложенных в судебном решении, фактическим обстоятельствам уголовного дела, установленным судом первой инстанции. Предметом проверки в суде кассационной инстанции является лишь законность вступивших в законную силу приговора, определения или постановления суда; их обоснованность в суде кассационной инстанции проверке не подлежит. Таким образом, не могут быть рассмотрены и оценены доводы кассационной жалобы о несоответствии выводов суда фактическим обстоятельствам дела, неверной оценке показаний свидетелей. Несогласие защитника осужденной с оценкой доказательств не является основанием для отмены приговора, поскольку суд кассационной инстанции по закону не наделен правом входить в переоценку имеющихся доказательств, исследованных судом» [7]; или что «содержание кассационной жалобы осужденного, по существу, сводится к переоценке доказательств по делу, что недопустимо при пересмотре

судебных решений в порядке главы 47.1 УПК РФ, поскольку суд кассационной инстанции не исследует обстоятельства и не переоценивает какие-либо доказательства, в связи с чем исходит из признанных установленными судами первой и второй инстанций фактических обстоятельств дела, проверяя в процессе кассационного производства лишь правильность применения и толкования нижестоящими судебными инстанциями норм материального и процессуального права» [8].

Вместе с тем обоснованность, не являясь самостоятельным основанием, проверяется одновременно с проверкой законности как последствие ее нарушения, когда проверка указанных последствий неотделима от проверки такого кассационного основания, как законность, что позволяет оценить степень влияния нарушения закона в соответствии со ст. 389.15 УПК РФ на исход дела. В этом случае суды кассационной инстанции проводят переоценку ранее исследованных доказательств, изменяют и отменяют итоговые решения нижестоящих судов.

Анализ практики позволил выделить и систематизировать несколько типичных случаев, когда суды кассационной инстанции, проверяя законность, входят в обсуждение правильности установления фактической стороны уголовного дела.

Во-первых, при проверке допустимости оспариваемого доказательства; во-вторых, при проверке соблюдения требований УПК РФ к собиранию, проверке и оценке доказательств; в-третьих, при проверке соблюдения требований УПК РФ к приговору, который должен быть законным, обоснованным и справедливым, а также мотивированным.

Примером первого такого случая является одно из решений, где суд кассационной инстанции признал, что суд апелляционной инстанции произвольно не рассмотрел довод о недопустимости доказательства – результатов проверочной закупки, и не принял во внимание, что данное оперативно-розыскное мероприятие «проверочная закупка» было проведено после того, как органами следствия осужденная была установлена в качестве лица, причастного к незаконному обороту наркотических средств. Кроме того, судом апелляционной инстанции не в полной мере были проверены доводы жалоб относительно доказанности наличия предварительной договоренности осужденной на совершение преступлений группой лиц. Указание в апелляционном определении на установление данного обстоятельства судом первой инстанции сделано без приведения фактических и правовых мотивов выводов суда апелляционной инстанции [9].

Примером второго типичного случая, когда суд кассационной инстанции, проверяя правильность применения норм УПК РФ при исследовании доказательств, делает вывод об обоснованности судебного решения, является определение, в котором суд кассационной инстанции сделал вывод о том, что вина в совершении преступления установлена материалами дела и подтверждается собранными в ходе предварительного следствия и исследованными в судебном заседании доказательствами, которым судами при

вынесении оспариваемого приговора дана надлежащая оценка; приведенные в приговоре доказательства, детально согласующиеся между собой, последовательно подтверждают правильность вывода суда первой инстанции относительно фактических обстоятельств дела, свидетельствуя о виновности осужденного; какие-либо противоречия в доказательствах, требующие их истолкования в пользу осужденного, по делу отсутствуют; судом при вынесении оспариваемого приговора дана надлежащая оценка всей совокупности имеющихся по делу доказательств и сделан обоснованный вывод о виновности осужденного в совершении преступления при установленных и описанных обстоятельствах. При этом судом при исследовании и оценке доказательств не допущено каких-либо нарушений уголовно-процессуального закона, ставящих под сомнение правильность установления фактических обстоятельств, что, соответственно, указывает на отсутствие по делу судебной ошибки [10].

Суды кассационной инстанции проверяют правильность установления фактической стороны уголовного и как последствие такого нарушения закона, как несоблюдение требований к приговору (третий типичный случай). Так, в определении отмечено, что при вынесении приговора было допущено нарушение требований УПК РФ к приговору, который должен быть законным, обоснованным и справедливым. По смыслу УПК РФ в приговоре необходимо мотивировать выводы суда относительно квалификации преступления по той или иной статье уголовного закона, его части либо пункту. При этом мотивированная часть приговора должна содержать доказательства, на которых основаны выводы суда в отношении подсудимого. Однако в нарушение указанных требований закона мотивов в обоснование вывода о наличии предварительного сговора между осужденными на совершение разбоя с применением предмета, используемого в качестве оружия, в приговоре не приведено, как не приведено и доказательств, подтверждающих этот вывод. В связи с чем кассационная инстанция пришла к выводу, что допущенные судами нарушения УПК РФ являются существенными, повлиявшими на исход дела, искажающими суть правосудия и смысл судебного решения как акта правосудия, поскольку вывод о виновности осужденного подлежит доказыванию по уголовному делу, решения суда первой и апелляционной инстанции отменила и направила на новое рассмотрение в суд первой инстанции в ином составе суда [11].

В другом своем решении суд кассационной инстанции, проверяя соблюдение требования ч. 4 ст. 302 УПК РФ, проверил и обоснованность выводов суда, изложенных в судебных решениях. Судебная коллегия по уголовным делам указала, что обвинительный приговор не может быть основан на предположениях и постановляется лишь при условии, что в ходе судебного разбирательства виновность подсудимого в совершении преступления подтверждена совокупностью исследованных судом доказательств. Кассационная инстанция нашла убедительными доводы кассационных представления и жалобы о том, что выводы мирового судьи и суда

апелляционной инстанции о наличии у К. умысла на хищение денежных средств путем мошенничества основаны на предположениях и не подтверждены исследованными в судебном заседании доказательствами, в связи с чем, на основании п. 2 ч. 1 ст. 24 и п. 2 ч. 1 ст. 401.14 УПК РФ приговор мирового судьи и апелляционное постановление подлежат отмене, уголовное дело в отношении К. – прекращению за отсутствием в его действиях состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 159 УК РФ, с признанием за ним права на реабилитацию. Таким образом, суд кассационной инстанции по-новому оценил доказательства, имеющиеся в уголовном деле, дал оценку доказательствам, которые не оценили суд первой и апелляционной инстанций и по-новому установил фактические обстоятельства уголовного дела [12].

Как уже было отмечено, суды кассационной инстанции при проверке приговора активно используют правило о ревизии в пользу улучшения положения осужденного (оправданного) и в инициативном порядке делают вывод об отсутствии рассмотренных выше нарушений, установление которых требует проверки фактической стороны уголовного дела, даже если в кассационных жалобах оспаривается только исключительно законность принятого приговора (например, размер назначенного наказания). Так, в одном из решений суд кассационной инстанции, несмотря на то что осужденный обжаловал приговор только в части чрезмерной суровости назначенного наказания, отметил, что изучением представленных материалов не выявлено существенных нарушений уголовно-процессуального закона при исследовании и оценке доказательств, повлиявших на правильность установления судом фактических обстоятельств дела и доказанность вины осужденного в содеянном [13].

Таким образом, представленный выше анализ показал, что суды кассационной инстанции не используют дискреционные полномочия по проверке обоснованности в качестве самостоятельного основания, на что ориентировал Пленум Верховного Суда в разъяснениях от 25 июня 2019 г. В то же время обоснованность как последствие нарушения законности проверяется этими судами в большем количестве типичных случаев, чем указано в данных разъяснениях. С учетом назначения современного кассационного производства, основной задачей которого является проверка законности судебного решения, вступившего в законную силу, закрепление таких типичных случаев на уровне актов толкования и, соответственно, определение пределов допустимого вторжения суда кассационной инстанции в проверку фактической стороны уголовного дела способны обеспечить состояние правовой определенности как с позиции самого закона, так и с позиции правоприменительной практики.

Проведенный теоретико-практический анализ позволяет прийти к следующим выводам.

1. Каждый способ проверки судебных решений, входящий в систему обжалования и проверки, должен иметь собственное предназначение, в том числе за счет установления своих оснований проверки. Это обеспечивает эффективное функционирование такой

системы, в том числе за счет распределения задач и пределов проверки судебного решения.

2. Существующее производство в суде кассационной инстанции, в отличии от производства в суде апелляционной инстанции, предназначено для проверки судебных решений, вступивших в законную силу. Производство в суде кассационной инстанции помимо исправления судебной ошибки должно обеспечивать законную силу судебного решения. Гарантированная законная сила судебного решения является показателем эффективности судебной власти в государстве, показателем ее авторитета. В связи с этим основания проверки судебных решений в суде апелляционной и кассационной инстанций не могут быть идентичными. Предметом проверки в суде кассационной инстанции в соответствии с действующим УПК РФ должна являться законность судебного решения.

3. Ошибки в уголовном законе, исправляемые судами кассационной инстанции (несмотря на требования ч. 1 ст. 401.15 УПК РФ), являются во многом идентичными таким же ошибкам, устранием судами апелляционной инстанции. Такой правоприменительный подход способен, с одной стороны, обеспечить исправления судами кассационной инстанции любого нарушения в применении норм УК РФ, так как оно всегда отражается на положении осужденного; с другой стороны, нарушить системность построения проверочных судебных производств и привести к нарушению процессуального равенства в реализации права на справедливое судебное разбирательство.

4. При проверке судебных решений, вступивших в законную силу, в суде кассационной инстанции проверяются (что соответствует ч. 1 ст. 401.15 УПК РФ) только существенные нарушения уголовно-процессуального закона, повлиявшие на исход дела. При оценке существенности суды кассационной инстанции исходят из наличия нарушения норм принципов, общих условий судебного разбирательства, права на защиту и справедливое судебное разбирательство.

5. Обоснованность не является основанием проверки в суде кассационной инстанции. Неограниченная возможность проверки обоснованности не может быть предусмотрена в качестве задачи для кассационной инстанции, так как последняя не обладает для этого необходимыми процессуальными средствами. Проверка обоснованности должна быть допустима только как последствие нарушения законности. В такой ситуации последствия нарушения закона лежат за пределами собственно законности и влияют, выражаются в необоснованности судебного решения. Этот подход соответствует и назначению современного производства в суде кассационной инстанции, и требованиям ст. 389.15 УПК РФ, предписывающей оценивать степень влияния допущенного нарушения на исход дела.

6. Изученная практика позволяет обосновать возможность и необходимость такой проверки в следующих типичных случаях: во-первых, в процессе проверки недопустимости доказательств, во-вторых, в процессе соблюдения норм УПК РФ в ходе собирания, проверки и оценки доказательств; в-третьих, в процессе соблюдения требований УПК РФ к пригово-

ру. Внесение изменений в акты толкования и закрепление более четко перечня случаев, когда необходима и возможна проверка фактической стороны уголовного дела при проверке законности, с одной стороны, позволит четко ограничить пределы вторжения в сферу обоснованности решения, вступившего в законную силу, со стороны суда кассационной инстанции, с

другой стороны, аккумулирует все необходимые, в том числе вызванные объективной потребностью практики случаи, когда защита прав участников процесса возможна за счет устранения такой судебной ошибки, которая требует проверки ее влияния на исход дела за счет оценки правильности установления его фактической стороны.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Изучены, обобщены и систематизированы по заданным параметрам решения кассационных судов общей юрисдикции за 2020 г., отобранные методом случайной выборки из базы судебных решений КонсультантПлюс.

² Изучены, обобщены и систематизированы по заданным параметрам решения кассационных судов общей юрисдикции за 2020 г., отобранные методом случайной выборки из базы судебных решений КонсультантПлюс.

ЛИТЕРАТУРА

1. О применении норм главы 47.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде кассационной инстанции: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 января 2014 года № 2 // СПС КонсультантПлюс. 1992 (дата обращения: 20.03.2020).
2. Нехороших М.Ю. О расширении предмета проверочной деятельности в производстве в суде кассационной инстанции // Вестник Томского государственного университета. Право. 2017. № 26. С. 83–90.
3. О применении норм главы 47.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде кассационной инстанции: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25 июня 2019 года № 19 // СПС КонсультантПлюс. 1992 (дата обращения: 20.05.2020).
4. Бехало С.В., Давыдов В.А. Новые позиции Пленума ВС РФ по вопросам кассационного производства // Уголовный процесс. 2019. № 8. С. 24–29.
5. Определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 19 марта 2020 г. № 77-125/2020 // СПС КонсультантПлюс. 1992 (дата обращения: 20.05.2020).
6. Андреева О.И., Рукавишникова А.А. Реформированное производство в суде кассационной инстанции: соотношение частного и публичного начал // Законы России. 2020. № 3. С. 3–8.
7. Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 11.03.2020 № 77-213/2020 // СПС КонсультантПлюс. 1992 (дата обращения: 20.05.2020).
8. Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 04.03.2020 № 77-256/2020 // СПС КонсультантПлюс. 1992 (дата обращения: 20.05.2020).
9. Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 19.03.2020 г. № 77-231/2020 // СПС КонсультантПлюс. 1992 (дата обращения: 20.05.2020).
10. Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 11.03.2020 по делу № 77-258/2020 // СПС КонсультантПлюс. 1992 (дата обращения: 20.05.2020).
11. Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 18.03.2020 № 77-258/2020 // СПС КонсультантПлюс. 1992 (дата обращения: 20.05.2020).
12. Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 12.03.2020 № 77-263/2020 // СПС КонсультантПлюс. 1992 (дата обращения: 20.05.2020).
13. Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 03.03.2020 № 77-178/2020 // СПС КонсультантПлюс. 1992 (дата обращения: 20.05.2020).

Статья представлена научной редакцией «Право» 23 июня 2020 г.

Grounds for Changing and Cancelling Final Judgments on Criminal Cases in Cassation Courts of General Jurisdiction
Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 459, 256–262.

DOI: 10.17223/15617793/459/31

Anastasia A. Rukavishnikova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: satsana@yandex.ru

Keywords: criminal proceeding in cassation court; grounds for changing and cancelling final judgments; judicial practice of cassation courts.

The aim of this research is a detailed definition of grounds for cancelling and changing of judgments in cassation courts of general jurisdiction. This research is based on historical and comparative analysis, systematization of judicial practice, classification of identified cases. After theoretical and practical analysis, the author came to following conclusions. Firstly, every method of verification of judgments, which is a part of appeal and verification system, should have its own purpose, including the use of proper grounds for verification: it provides effective functioning of this system. Secondly, existing proceedings in cassation courts are intended to verify judgments, which came into effect. Therefore, grounds for verification of judgments in cassation courts and courts of appeal cannot be identical. According to the current Criminal Procedure Code of the Russian Federation, the subject of verification in cassation courts should be the validity of a judgment. Thirdly, despite the requirements of Part 1 of Article 401.15 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, errors in criminal law, which can be corrected by cassation courts, are generally identical to the errors removable by courts of appeal. On the one hand, this legal approach can provide correction of any violation of norms of the Criminal Code of the Russian Federation by cassation courts because it is always reflected on the status of the convicted person; on the other hand, it can lead to violation of procedural equality in realization of right to fair trial. Fourthly, according to Part 1 of Article 401.15 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, cassation courts verify only crucial violations of criminal procedure law, which have influenced the outcome of the case. In assessing its significance, cassation courts proceed from the existence of violation of norms, principles, general conditions of the trial, right to defence and fair trial. Fifthly, validity is not a ground for verification in cassation courts. When verification of legitimacy of a judgment by a cassation court is not possible without simul-

taneous verification of validity, this verification should be eligible. This approach is suitable for the purpose of existing proceedings in cassation courts and to the requirements of Article 389.15 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, which provides for the assessment of the influence of the admitted violation on the outcome of the case. Sixthly, the studied practice allowed proving the possibility and necessity of this verification in following specialized cases: (1) when verifying inadmissibility of evidence; (2) when observing norms of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation during the collecting, verification and evaluation of evidence; (3) when observing the requirements of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation to the sentence.

REFERENCES

1. Consultant Plus. (2014) *O primenenii norm glavy 47.1 Ugolovno-protsessual'nogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii, reguliruyushchikh proizvodstvo v sude kassatsionnoy instantsii: Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda RF ot 28 yanvarya 2014 goda № 2* [On the application of the norms of Chapter 47.1 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation governing proceedings in the court of cassation: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of January 28, 2014, No. 2]. Moscow: Consultant Plus.
2. Nekhoroshikh, M.Yu. (2017) About expansion of the subject of verification activities in proceedings in cassation courts. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law*. 26. pp. 83–90. (In Russian). DOI: 10.17223/22253513/26/9
3. Consultant Plus. (2019) *O primenenii norm glavy 47.1 Ugolovno-protsessual'nogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii, reguliruyushchikh proizvodstvo v sude kassatsionnoy instantsii: Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda RF ot 25 iyunya 2019 goda № 19* [On the application of the norms of Chapter 47.1 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation regulating proceedings in the court of cassation: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of June 25, 2019, No. 19]. Moscow: Consultant Plus.
4. Bekhalo, S.V. & Davydov, V.A. (2019) Novye pozitsii Plenuma VS RF po voprosam kassatsionnogo proizvodstva [New positions of the Plenum of the RF Supreme Court on cassation proceedings]. *Ugolovnyy protsess*. 8. pp. 24–29.
5. Consultant Plus. (2020a) *Opredelenie Tret'ego kassatsionnogo suda obshchey yurisdiktsii ot 19 March 2020 № 77-125/2020* [Determination of the Third General Jurisdiction Court of Cassation of March 19, 2020, No. 77-125/2020]. Moscow: Consultant Plus.
6. Andreeva, O.I. & Rukavishnikova, A.A. (2020) Reformirovannoe proizvodstvo v sude kassatsionnoy instantsii: sootnoshenie chastnogo i publichnogo nachala [Reformed proceedings in the court of cassation: The correlation of private and public principles]. *Zakony Rossii*. 3. pp. 3–8.
7. Consultant Plus. (2020b) *Opredelenie Pervogo kassatsionnogo suda obshchey yurisdiktsii ot 11.03.2020 № 77-213/2020* [Determination of the First General Jurisdiction Court of Cassation of March 11, 2020, No. 77-213/2020]. Moscow: Consultant Plus.
8. Consultant Plus. (2020c) *Opredelenie Vtorogo kassatsionnogo suda obshchey yurisdiktsii ot 04.03.2020 № 77-256/2020* [Determination of the Second General Jurisdiction Court of Cassation of March 04, 2020, No. 77-256/2020]. Moscow: Consultant Plus.
9. Consultant Plus. (2020d) *Opredelenie Vos'mogo kassatsionnogo suda obshchey yurisdiktsii ot 19.03.2020 g. № 77-231/2020* [Determination of the Eighth General Jurisdiction Court of Cassation of March 19, 2020, No. 77-231/2020]. Moscow: Consultant Plus.
10. Consultant Plus. (2020e) *Opredelenie Vos'mogo kassatsionnogo suda obshchey yurisdiktsii ot 11.03.2020 po delu № 77-258/2020* [Determination of the Eighth General Jurisdiction Court of Cassation of March 11, 2020, in case No. 77-258/2020]. Moscow: Consultant Plus.
11. Consultant Plus. (2020f) *Opredelenie Pervogo kassatsionnogo suda obshchey yurisdiktsii ot 18.03.2020 № 77-258/2020* [Determination of the First General Jurisdiction Court of Cassation of March 18, 2020, No. 77-258/2020]. Moscow: Consultant Plus.
12. Consultant Plus. (2020g) *Opredelenie Pervogo kassatsionnogo suda obshchey yurisdiktsii ot 12.03.2020 № 77-263/2020* [Determination of the First General Jurisdiction Court of Cassation of March 12, 2020, No. 77-263/2020]. Moscow: Consultant Plus.
13. Consultant Plus. (2020h) *Opredelenie Vtorogo kassatsionnogo suda obshchey yurisdiktsii ot 03.03.2020 № 77-178/2020* [Determination of the Second General Jurisdiction Court of Cassation of March 03, 2020, No. 77-178/2020]. Moscow: Consultant Plus.

Received: 23 June 2020

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АКСЮТИНА Зульфия Абдулловна – канд. пед. наук, доцент кафедры социальной педагогики и социальной работы Омского государственного педагогического университета. E-mail: aksutina_zulfia@mail.ru

АНТОНОВ Олег Юрьевич – д-р юрид. наук, декан факультета подготовки криминалистов Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. E-mail: antonov@udm.ru

БАЛАКЛЕЕЦ Наталья Александровна – канд. филос. наук, доцент кафедры философии Ульяновского государственного технического университета. E-mail: bnatalja@mail.ru

БЕЛОВ Вадим Алексеевич – канд. филол. наук, старший научный сотрудник кафедры германской филологии и межкультурной коммуникации Череповецкого государственного университета. E-mail: belov.vadim.a@gmail.com

БИЛЬЧЕНКО Евгения Витальевна – д-р культурологии, профессор кафедры культурологии и философской антропологии Национального педагогического университета им. М.П. Драгоманова; профессор кафедры культурологии информационных коммуникаций Национальной академии руководящих кадров культуры и искусств Украины; ведущий научный сотрудник Института культурологии Национальной академии искусств Украины (г. Киев, Украина). E-mail: yevzhik80@gmail.com

БОГДАНОВА Елена Леопольдовна – канд. пед. наук, доцент кафедры общей и педагогической психологии, старший научный сотрудник центра оценки развивающих программ и популяризации знаний о детском развитии Томского государственного университета; Научно-технологический университет «Сириус» (г. Сочи). E-mail: elena_tomsk.tsu@mail.ru

БОГДАНОВА Ольга Евгеньевна – канд. пед. наук, доцент кафедры общей и педагогической психологии, директор центра оценки развивающих программ и популяризации знаний о детском развитии Томского государственного университета; Научно-технологический университет «Сириус» (г. Сочи). E-mail: oy.bogdanova@mail.tsu.ru

БОЛТАНОВА Елена Сергеевна – д-р юрид. наук, зав. кафедрой гражданского права Томского государственного университета; профессор кафедры информационного права Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники. E-mail: bes2@sibmail.com

БОРИСОВ Сергей Александрович – младший научный сотрудник отдела славянского языкознания Института славяноведения Российской академии наук (г. Москва). E-mail: borisovsergius@gmail.com

БУРИМСКАЯ Диана Валентиновна – канд. пед. наук, доцент Школы иностранных языков Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (г. Москва). Email: dburimskaya@hse.ru

БЮРАЕВА Юлия Григорьевна – д-р социол. наук, ведущий научный сотрудник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук (г. Улан-Удэ). E-mail: julbur@yandex.ru

ГОЛОФАСТ Анастасия Витальевна – аспирант, младший научный сотрудник Института философии Российской академии наук (г. Москва). E-mail: golofast.anastasia@gmail.com

ДЕВЯКОВИЧ Анна Александровна – главный специалист отдела внешних коммуникаций ООО «Объединенные Системы Сбора Платы» (г. Москва). E-mail: annadeviakovich@gmail.com

ЗУРАБОВА Лана Руслановна – аспирант кафедры германистики и лингводидактики, ст. преподаватель кафедры английской филологии Московского городского педагогического университета. E-mail: ZurabovaLR@mgpu.ru

ИВАНОВ Андрей Геннадиевич – д-р филос. наук, зав. кафедрой философии Липецкого государственного технического университета; профессор кафедры государственной, муниципальной службы и менеджмента Липецкого филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. E-mail: agivanov2@yandex.ru

КАЗАРИНА Марина Игоревна – ассистент кафедры уголовного права, криминологии и уголовного процесса Байкальского государственного университета (г. Иркутск). E-mail: kazarinami@yandex.ru

КАЮМОВА Альбина Рамилевна – канд. филол. наук, доцент кафедры романо-германской филологии Казанского федерального университета. E-mail: alb1980@yandex.ru

КИРЬЯНОВ Виктор Парfenович – ст. преподаватель кафедры разведки и общевойсковой подготовки Военного учебного центра при Томском государственном университете, аспирант кафедры российской истории Томского государственного университета. E-mail: kirianov1970@gmail.com

КИСЕЛЕВ Сергей Юрьевич – канд. психол. наук, зав. лабораторией мозга и нейрокогнитивного развития, доцент кафедры клинической психологии и психофизиологии Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (г. Екатеринбург). E-mail: s.j.kiselev@urfu.ru

КОЗЛОВ Алексей Евгеньевич – канд. филол. наук, научный сотрудник лаборатории вербальных культур Сибири и Дальнего Востока Института филологии Сибирского отделения Российской академии наук (г. Новосибирск). E-mail: alexey-kozlof@rambler.ru

КОКАРЕВИЧ Мария Николаевна – д-р филос. наук, зав. кафедрой философии и истории Томского государственного архитектурно-строительного университета. E-mail: kokarevich@mail.ru

КОЛЕСНИКОВА Светлана Юрьевна – д-р культурологии, профессор кафедры иностранных языков Сибирского государственного медицинского университета (г. Томск). E-mail: Svetlana_kolesnikova_64@mail.ru

КОНДРАТЕНКО Константин Сергеевич – канд. филос. наук, доцент кафедры политического управления Санкт-Петербургского государственного университета. E-mail: kondratenkoks@inbox.ru

КОНОПЛЕВА Наталья Вячеславовна – канд. филол. наук, доцент кафедры теории и практики преподавания иностранных языков Казанского федерального университета. E-mail: natali.konopleva@mail.ru

КРАВЕЦ Игорь Александрович – д-р юрид. наук, зав. кафедрой теории и истории государства и права, конституционного права Новосибирского государственного университета. E-mail: kravigor@gmail.com

ОЗЕРОВА Ольга Алексеевна – канд. ист. наук, доцент кафедры всеобщей истории, социологии и политологии Омского государственного педагогического университета. E-mail: ozerovaolga@bk.ru

ПИЛИПЕНКО Глеб Петрович – канд. филол. наук, старший научный сотрудник отдела славянского языкознания Института славяноведения Российской академии наук (г. Москва). E-mail: glebphilipenko@mail.ru

ПАЩЕНКО Лена Григорьевна – канд. пед. наук, доцент кафедры теоретических основ физического воспитания Нижневартовского государственного университета. E-mail: lenanv2008@yandex.ru

ПИСКУНОВ Евгений Юрьевич – младший научный сотрудник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук (г. Улан-Удэ). E-mail: piskunovey@gmail.com

ПИСКУНОВ Михаил Олегович – канд. ист. наук, доцент кафедры отечественной истории Тюменского государственного университета. E-mail: mpiskunov@eu.spb.ru

ПОДШИБЯКИНА Татьяна Александровна – канд. полит. наук, доцент кафедры теоретической и прикладной политологии Южного федерального университета (г. Ростов-на-Дону). E-mail: tan5@bk.ru

РАСКОЛЕЦ Виктор Владимирович – канд. ист. наук, ассистент кафедры российской истории Томского государственного университета. E-mail: predator-101@mail.ru

РУКАВИШНИКОВА Анастасия Анатольевна – канд. юрид. наук, доцент кафедры уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности Томского государственного университета. E-mail: satsana@yandex.ru

СЕЛИВАНОВА Светлана Геннадьевна – аспирант кафедры философской антропологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. E-mail: s.selivanovamag@gmail.com

СОРОКИН Александр Николаевич – канд. ист. наук, зав. кафедрой отечественной истории Тюменского государственного университета. E-mail: soranhist@yandex.ru

ФАРИТОВ Вячеслав Тависович – д-р филос. наук, профессор кафедры философии Ульяновского государственного технического университета. E-mail: vfar@mail.ru

ФОЛИМОНОВ Сергей Станиславович – канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка и культуры речи Саратовской государственной юридической академии. E-mail: kruzo72on@yandex.ru

ШАРОВ Константин Сергеевич – канд. филос. наук, ст. преподаватель Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. E-mail: const.sharov@mail.ru

ШУЛЬЦ Эдуард Эдуардович – канд. ист. наук, доцент кафедры истории России средних веков и нового времени Московского государственного областного университета. E-mail: niap1@yandex.ru

ЯКУБ Алексей Валерьевич – д-р ист. наук, зав. кафедрой истории и теории международных отношений Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского. E-mail: avy59@mail.ru

ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Мультидисциплинарный научный журнал

2020. № 459. Октябрь

Председатель научно-редакционного совета Э.В. Галажинский
Главный редактор В.П. Зиновьев
Ответственный секретарь Н.А. Глущенко

Адрес издателя и редакции

634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, Томский государственный университет. Журнал «Вестник ТГУ».
E-mail: vestnik@mail.tsu.ru

Подписано к печати 30.10.2020 г. Формат 60×84 1/8. Бумага белая писчая.

Гарнитура Times New Roman. Цифровая печать. Печ. л. 33,2. Усл. печ. л. 30,9. Тираж 50 экз.
Заказ № ... Цена свободная.

Дата выхода в свет ... декабря 2020 г.

Редакторы: Н.А. Афанасьева, А.А. Цыганкова
Корректор – Е.Г. Шумская
Оригинал-макет А.И. Лелоюор
Дизайн обложки Л.Д. Кривцовой
Редактор-переводчик – В.В. Кашпур

Журнал отпечатан на полиграфическом оборудовании
Издательского Дома Томского государственного университета
634050, г. Томск, Ленина, 36
Телефон 8+(382-2)–52-98-49

Журнал «Вестник Томского государственного университета» является мультидисциплинарным периодическим изданием.
Учредитель – Томский государственный университет. «Вестник Томского государственного университета» выходит ежемесячно, его подписной индекс 46740 в объединённом каталоге «Пресса России».

Полнотекстовые версии вышедших номеров выкладываются на сайте журнала: <http://www.journals.tsu.ru/vestnik>. Ознакомиться с вышедшими номерами и требованиями к оформлению материалов можно на сайте журнала.

Все статьи, поступающие в редакцию журнала, подлежат обязательному рецензированию. Публикации в журнале (в том числе и авторов-аспирантов) осуществляются на некоммерческой основе.

Издательство: Издательский Дом Томского государственного университета.
Адрес: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36.
Телефоны: 8(382-2)–52-98-49; 8(382-2)–53-15-28; 8(382-2)–52-96-75
Сайт: <http://publish.tsu.ru>
E-mail: rio.tsu@mail.ru

Tomsk State University Journal is a multidisciplinary peer-reviewed research journal that welcomes submissions from across the world. The Founder of the Journal is Tomsk State University. Tomsk State University Journal is issued monthly, and can be subscribed to in the Russian Press Joint Catalogue (Subscription Index 46740).

Full-text versions of the issues are available on the website of the Journal: <http://www.journals.tsu.ru/vestnik>

The Journal does not charge paper submission, processing or publication fee from authors or authors' institutions.

The instruction for authors on paper submission is on the website of the Journal: <http://www.journals.tsu.ru/vestnik>

Publisher: Publishing House of Tomsk State University.
36 Lenin Avenue, Tomsk, Russia, 634050
Tel: 8(382-2)–52-98-49; 8(382-2)–53-15-28; 8(382-2)–52-96-75
Site: <http://publish.tsu.ru>
E-mail: rio.tsu@mail.ru